

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 11, выпуск 9, 2022

NAUCHNYI DIALOG

Volume 11, Issue 9, 2022

Научный диалог

Том 11, выпуск 9, 2022

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cnior@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание
География авторов выпуска	Баку (Азербайджан) Владикавказ Екатеринбург Елец Коломна Краснодар Красноярск Москва Нижневартовск Нижний Новгород Оренбург Петрозаводск Санкт-Петербург Саратов Сургут Тамбов Тюмень Чжухай (Китай) Якутск Эрзинжан (Турция)
Авторы, имеющие ученую степень	88 %

Дата выхода в свет 28.11.2022

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 11, Issue 9, 2022

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexa- tion	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Олыштын)
Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Рenate Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey Valerievich Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina Leonardovna Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana Vasilyevna Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan Ivanovich Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina Romualdovna Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri Dmitriyevich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Абреимова Г. Н., Климова М. В., Турко У. И.</i> Слова <i>свет</i> и <i>солнце</i> как основные репрезентанты концепта СВЕТ в творчестве М. М. Пришвина	9
<i>Биткеева А. Н., Иванова Н. И., Каплунова М. Я.</i> Якутский язык в современной системе образования Республики Саха (Якутия) : акторы, дебаты, новые вызовы	27
<i>Воронина Т. М.</i> Качества и «анти-качества» речи : репрезентация в идеографическом словаре	46
<i>Го Лицзюнь, Сюй Цзяци.</i> Геронтолингвистика в Китае : зарождение, развитие, перспективы	68
<i>Дубова М. А., Тамазян В. А.</i> Глаголы мысли как способ характеристики героя-интеллигента в малой прозе А. П. Чехова и А. И. Куприна	88
<i>Моргоева Л. Б.</i> Лексико-семантические и структурные трансформации библейского текста при переводе на осетинский язык	105
<i>Петрухина А. В.</i> Лингводидактическая адаптация учебных медицинских текстов для иностранных студентов	124

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Суслов И. В., Артамонов Д. С., Файзлиев А. Р.</i> Советские вожди в западном медиапространстве	143
<i>Щетинина А. В., Семёхина А. С.</i> Женская дружба : анализ медиадискурса для составления словарной дефиниции.....	163

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Кричевский Г. А.</i> Эпистолярный механизм и ненадёжный рассказчик в новелле В. В. Набокова «Как-то раз в Алеппо...»	179
<i>Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В.</i> «Консервативный» стих В. В. Набокова : специфика построения стиховой вертикали	196
<i>Нужная Т. В.</i> Идеино-художественное своеобразие французской детской литературы XIX века : Э. д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика»	212
<i>Фролова Н. С.</i> Суахилийская поэтическая традиция : основные этапы развития (на примере жанров тенди и машаири)	227

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абдрахманов К. А.</i> Чайная торговля в Российской империи в середине XIX века	253

<i>Барабанова К. С.</i> Зеленые пространства Омска в конце XIX — начале XX веков : проекты и инициативы по озеленению города	282
<i>Безгин В. Б., Якимов К. А.</i> «Приказчики революции» : еврейская молодежь провинции в событиях Гражданской войны (на примере Тамбовской губернии).....	301
<i>Игумнов Е. В.</i> Государственная поддержка деятельности Сибирского (Восточно-Сибирского) отдела Императорского Русского географического общества во второй половине XIX века.....	322
<i>Исабаева Н. А.</i> Семейно-родственные отношения у ванских кыргызов.....	339
<i>Карпинец А. Ю.</i> Киселёвский каменноугольный рудник Кузбасса в середине 1930-х годов (по материалам местной периодической печати).....	355
<i>Корженевский К. Б.</i> Российско-казахстанское пограничье : от административных границ Казахстана в рамках РСФСР до современных государственных рубежей	373
<i>Кунина И. А.</i> Сетевой аспект многосторонней дипломатии	392
<i>Старикова Н. В., Шуршикова А. В., Ночвина Б. А.</i> «Магические» практики в повседневной жизни нижегородских крестьян второй половины XVIII — первой половины XIX веков	410
<i>Степанова Л. Г.</i> Немецкие колонисты на Молочных водах Таврической губернии в первой трети XIX века	428
<i>Суслова Е. Д., Овчинникова Е. В.</i> Церковные приходы Корельского уезда в XVI — начале XVII веков	443
<i>Тишкина К. А.</i> Деятельность Томского горного кружка в Сибири в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.).....	472
<i>Хамзин И. Р., Ганиев Р. Т., Кочнев А. В.</i> Деятельность российских предпринимателей в сфере производства чая в долине реки Янцзы во второй половине XIX века	489
<i>Хронова И. А.</i> Крестьянство Юга России в 1920-х годах	508
АВТОРАМ.....	527
CONTENTS.....	533

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

.....

Айса Николаевна Биткеева, д-р филол. наук (Якутск)
Анастасия Владимировна Петрухина, канд. филол. наук (Тюмень)
Валентина Артуровна Тамазян, аспирант (Коломна)
Го Лицзюнь, канд. филол. наук (Чжухай, Китай)
Галина Николаевна Абреимова, канд. филол. наук (Елец)
Лариса Батразовна Моргоева, канд. филол. наук (Владикавказ)
Марина Анатольевна Дубова, д-р филол. наук (Коломна)
Марина Витальевна Климова, канд. филол. наук (Елец)
Мария Яковлевна Каплунова, канд. филол. наук (Якутск)
Нина Иннокентьевна Иванова, д-р филол. наук (Якутск)
Сюй Цзяци, студент (Чжухай, Китай)
Татьяна Михайловна Воронина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Ульяна Игоревна Турко, канд. филол. наук (Елец)

Абреимова Г. Н. Слова *свет* и *солнце* как основные репрезентанты концепта СВЕТ в творчестве М. М. Пришвина / Г. Н. Абреимова, М. В. Климова, У. И. Турко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 9—26. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-9-26.

Abreimova, G. N., Klimova, M. V., Turko, U. I. (2022). Words 'svet' [Light] and 'solntse' [Sun] as Main Representatives of Concept LIGHT in Work of M. M. Prishvin. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 9-26. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-9-26. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-9-26

**Слова свет и солнце
как основные
репрезентанты
концепта СВЕТ
в творчестве
М. М. Пришвина**

Абреимова Галина Николаевна

orcid.org/0000-0001-8356-2663
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой
abreimova.g.n@yandex.ru

Климова Марина Витальевна

orcid.org/0000-0003-0462-2184
кандидат филологических наук, доцент
klimova_marina@mail.ru

Турко Ульяна Игоревна

orcid.org/0000-0001-8604-0457
кандидат филологических наук, доцент
selishchevskaya@mail.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

**Words 'svet' [Light]
and 'solntse' [Sun]
as Main Representatives
of Concept LIGHT
in Work of M. M. Prishvin**

Galina N. Abreimova

orcid.org/0000-0001-8356-2663
PhD in Philology,
Head of the Department
abreimova.g.n@yandex.ru

Marina V. Klimova

orcid.org/0000-0003-0462-2184
PhD in Philology, Associate Professor
klimova_marina@mail.ru

Ulyana I. Turko

orcid.org/0000-0001-8604-0457
PhD in Philology, Associate Professor,
selishchevskaya@mail.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Абреимова Г. Н., Климова М. В., Турко У. И., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности содержательной структуры концепта СВЕТ в творчестве М. М. Пришвина. В качестве источника материала используются произведения и дневники писателя, охватывающие период с 1905 по 1954 годы. Осуществлен комплексный анализ языкового материала. Выявлены некоторые индивидуально-авторские интерпретации имплицитного смысла концепта СВЕТ. Работа выполнена с использованием программы AntCont, в которой был сформирован корпус из 83 документов, представляющих тексты писателя. Особое внимание уделяется семантическим компонентам анализируемого концепта, которые выявляются при помощи реконструкции его номинативного поля, включающего в себя разные лексико-семантические группы. Статистические показатели существительных, связанных с концептом СВЕТ, позволили выделить высокочастотные, среднечастотные и малочастотные единицы, составляющие ядро и периферию концепта. Представлено корпусное исследование лексических единиц, репрезентирующих ядро концепта СВЕТ, в сочетании с приемами компонентного, контекстного и дистрибутивного анализа. С помощью ближайшего окружения было выделено 7 основных признаков ядерных компонентов (*свет* и *солнце*), составляющих концепт СВЕТ в творчестве М. Пришвина: темпоральность, локация, интенсивность, цвет, духовность, температура, оценочность.

Ключевые слова:

художественный концепт; свет; солнце; содержание концепта; номинативное поле концепта; лексико-семантическая группа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the content structure of the concept LIGHT in the work of M. M. Prishvin is discussed in the article. The writer's works and diaries covering the period from 1905 to 1954 are used as a source of material. A comprehensive analysis of the linguistic material has been carried out and some individual author's interpretations of the implicit meaning of the concept LIGHT have been identified. The work was carried out within the framework of the AntCont program, in which a corpus of 83 documents representing the writer's texts was formed. Particular attention is paid to the semantic components of the analyzed concept, which are revealed through the reconstruction of its nominative field, including various lexico-semantic groups. The statistical indicators of nouns associated with the concept of LIGHT made it possible to single out high-frequency, mid-frequency and low-frequency units that make up the core and periphery of the concept. A corpus analysis of lexical units representing the core of the concept LIGHT was carried out in combination with the methods of component, contextual and distributional analysis. With the help of the immediate environment, 7 main features of the nuclear components ('svet' [light] and 'solntse' [sun]) that make up the concept of LIGHT in the work of M. Prishvin were identified: temporality, location, intensity, color, spirituality, temperature, appraisal.

Key words:

artistic concept; light; sun; the content of the concept; nominative field of the concept; lexico-semantic group.

Слова *свет* и *солнце* как основные репрезентанты концепта СВЕТ в творчестве М. М. Пришвина

© Абренмова Г. Н., Климова М. В., Турко У. И., 2022

1. Введение = Introduction

Когнитивная лингвистика за весь период своего существования достаточно широко описала различные ментальные явления и их вербальные проекции, в том числе понятие «концепт» как базовое для познавательной деятельности. В исследованиях языковедов рассматриваются концепты в философском, лингвистическом, культурологическом и других аспектах, предлагаются их различные классификации и методы анализа. Выделяют два основных подхода к изучению понятия «концепт»: когнитивный (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, З. Д. Попова, А. И. Стернин) и лингвокультурологический (Ю. С. Степанов, Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова). Представители когнитивной лингвистики интерпретируют концепт как «единицу оперативного сознания», в то время как в рамках лингвокультурологического направления исследователи рассматривают данный термин «как условную ментальную единицу, используемую в комплексном изучении языка, сознания и культуры» [Карасик, 2001, с. 77].

Проанализировав и обобщив различные толкования термина *концепт*, представленные в трудах таких лингвистов, как Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко, 2021; Text ..., 2015], Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1991], А. П. Бабушкин [Бабушкин, 1996], Н. Н. Болдырев [Болдырев, 2020], Е. А. Огнева [Огнева, 2013], З. Д. Попова, И. А. Стернин [Попова и др., 2007], Е. В. Сергеева [Сергеева, 2006], Ю. С. Степанов [Степанов, 2001], И. П. Черноусова [Черноусова, 2018], Л. Н. Чурилина, Д. С. Бужинская [Чурилина и др., 2019], мы вслед за Е. В. Сергеевой под концептом будем понимать «некое ментальное образование, присутствующее в языковом (коллективном или индивидуальном) сознании, прошедшее процесс означивания, осознаваемое языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля и вербализованное лексическими единицами данного языка» [Сергеева, 2006, с. 63].

В последние годы большой интерес исследователей вызывает художественный концепт, который, например, И. А. Тарасова, рассматривает как «единицу индивидуального сознания, авторской концептосферы, вербализованную в едином тексте творчества писателя» [Тарасова, 2003, с. 77]. Художественный концепт, по мнению Е. В. Сергеевой, может выражаться

языковыми единицами и обладать «неустойчивым соотношением ядерной и периферийных зон ассоциативно-семантического поля, причем не только в произведениях различных авторов, но и в творчестве одного писателя» [Сергеева, 2006, с. 64].

В данном исследовании мы различаем художественный концепт как общехудожественный и индивидуально-авторский: первый — ментальное образование, содержание и экспликанты которого в целом совпадают в различных художественных текстах, второй характеризуется информационной целостностью и особенностями вербализации содержания концепта, существующего в сознании большей части носителей языка. Языковые средства, репрезентирующие индивидуально-авторский концепт, помогают понять мировоззрение писателя и атмосферу той эпохи, в которой он жил и творил. В художественных текстах ярко воплощается языковая картина мира определенного исторического периода, поэтому принципиальным видится изучение концептуальной структуры текста.

Содержание художественного концепта, ориентированного на эстетическое восприятие, определяется использованием соответствующей лексики. Художественный концепт как элемент картины мира писателя находит воплощение в используемых автором символах, художественных образах, может проходить через всю структуру произведения или даже через все его творчество. Рассматривая структуру художественного концепта, мы будем придерживаться теории полевой структуры концепта З. Д. Поповой и И. А. Стернина, состав которой представлен ядром, ближайшим окружением и периферией [Попова и др., 2007].

Современные лингвистические работы предлагают разносторонние интерпретации концепта СВЕТ. Большинство исследований за последние несколько лет связано с изучением цвето- и светообозначений, функционирующих в текстах художественной литературы. Например, Т. А. Ермаковская и Н. Н. Сафонова с помощью семантико-стилистического метода рассматривают особенности текстообразующей функции архисем ‘цвет’ и ‘свет’ в творчестве Б. К. Зайцева [Ермаковская и др., 2019]. А. Б. Аракчаа анализирует лексику со значением света в романе В. Дудинцева «Белые одежды», показывая ее стилистические функции в тексте [Аракчаа, 2021]. Не менее популярным исследовательским направлением в лингвистике является изучение слов с семантическим инвариантом «свет» (в сочетаниях значений ‘свет’ и ‘темнота / тьма’, ‘свет’ и ‘мрак’). Так, Л. Д. Самохвалова и А. Г. Петрова предлагают трехуровневый анализ концептов СВЕТ и ТЬМА, в структуру которых включены понятийные, образно-перцептивные и ассоциативные зоны [Самохвалова и др., 2022]. Р. В. Вальваков выполняет комплексный анализ колоративов, включающих явления цвета, света и тьмы

в художественном тексте [Вальваков, 2022]. О. Е. Михайлова изучает цветовую лексику романа И. С. Шмелева «Пути небесные», в составе которой прослеживается семантический элемент 'свет' [Михайлова, 2022].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящее время существует небольшое количество работ, посвященных концептам в художественных произведениях М. М. Пришвина. Так, Е. В. Фролова рассматривает концепты ВОДА, ВОЗДУХ, ЗЕМЛЯ, ОГОНЬ, МОЛЧАНИЕ [Фролова, 2012; Фролова, 2018], Г. Н. Абреимова — КАМЕНЬ [Абреимова, 2021], П. А. Ибрагимова — ЛЮБОВЬ [Ибрагимова, 2011], Е. С. Котяева и О. А. Курьянова — ПРИРОДА [Котяева и др., 2013], Ю. А. Нельзина и Л. И. Донецких — ЦВЕТ [Нельзина, 2005; Донецких, 2019].

Данное исследование посвящено изучению концепта СВЕТ в творчестве М. М. Пришвина. Выбор концепта обусловлен прежде всего тем, что в русской языковой модели мира он имеет сложную организацию, является одним из ключевых понятий концептосферы и занимает ведущее место в языковой картине мира Пришвина, сочетая в себе как традиционную, так и авторскую семантику. Авторы исследуют два ядерных репрезентанта семантического пространства концепта СВЕТ: лексемы *свет* и *солнце*, изучение семантики которых поможет выявить основные аспекты содержательного наполнения соответствующего концепта.

Материалом для исследования послужили произведения и дневники М. Пришвина с 1905 по 1954 годы [ЭБП]. Из «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой [РСС, 2003] мы выделили 54 имени существительных с семантикой света, блеска, лучистой энергии, огня, сияния, мерцания, бликов, отсветов, источников освещения, которые впоследствии были введены в поисковой строке программы AntCont [Программа ...], чтобы наглядно представить количественное соотношение выделенных лексем в текстах, например: *солнц**, *свет**, *луч**, *звезд**, *зар** и т. д. С помощью данной программы нами были выделены 38 имен-репрезентантов концепта СВЕТ в 15 237 словоупотреблениях, которые встречались в произведениях и дневниках М. Пришвина.

Основным методом исследования является метод корпусного анализа текста, направленный на получение качественных и количественных статистических данных. Также применялись описательный метод, включающий приемы лингвистического наблюдения и систематизации языковых явлений в тексте; методы компонентного и контекстуального анализа, позволяющие определить ядро и ближайшее окружение имен-репрезентантов концепта СВЕТ.

В работе предпринята попытка исследования концепта СВЕТ как сложного ментального образования с перманентным структурированием в рамках художественной картины мира М. М. Пришвина. В связи с этим была установлена частотность таксономических характеристик и определены по ним общие типологические признаки исследуемого концепта, а также выявлены окказиональные средства его актуализации. Экспериментальное исследование значения лексемы СВЕТ предполагает выделение и описание всех семантических признаков, образующих его структуру в индивидуально-авторской интерпретации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Описание сформированного корпуса. Лексическая репрезентация концепта СВЕТ в текстах М. М. Пришвина

Концепт СВЕТ в русском языке имеет глубокое содержание. В этимологических словарях зафиксированы значения слова *свет*, включающие в себя такие семантические компоненты, как ‘блеск’, ‘белый’, ‘светить’, ‘цвет’, ‘мерцать’, ‘мир’ [ШЭСРЯ, 2004; ЭСРЯ, 1987], что впоследствии привело к появлению у слова нескольких лексико-семантических вариантов, которые представлены у этого полисеманта в толковых словарях.

Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля словарная дефиниция слова *свет* представлена 7 семантемами: ‘состоянье, противное тьме, темноте’; ‘освещение, что даёт свет или светит’; ‘просвет, простор для света’; ‘видение, зрение, свет очей’; ‘истина, или правое ученье, наука, просвещение’; ‘вселенная, мир’; ‘род людской, ... общество’ [ТСЖВЯ, 1994, с. 87—89]. Современные авторитетные толковые словари отражают наличие омонимии: *свет*¹ ‘лучистая энергия’; *свет*² ‘земля, мир, вселенная’ [ТСРЯ, 1994; БТС, 1998]. Анализ словарных статей показал, что в научном аспекте слово *свет* — это материя, позволяющая человеку видеть окружающую действительность. Другие значения относятся к метафизическому уровню и обладают положительной эмоционально-оценочной характеристикой, отражая представление о свете как о символе мира (Земли, Вселенной), символе науки, просвещения, истинного знания. Безусловно, отраженные в словарях представления о свете непосредственно влияют на репрезентацию данного концепта в индивидуально-авторской картине мира М. М. Пришвина. В данной статье анализируется концепт СВЕТ как некая материя, позволяющая человеку видеть окружающую действительность, а также как символ истинного знания, науки, просвещения.

Одной из главных задач данной работы является выделение основного корпуса лексического поля концепта СВЕТ в творчестве писателя. Под корпусом мы понимаем «примерную совокупность высказываний,

отобранных для анализа и представленных в виде письменного текста...» [СЛТ, 2004, с. 203]. В качестве источников исследования была сформирована картотека из 83 документов, которые представляют произведения и дневники М. М. Пришвина с 1905 по 1954 годы. С использованием программы AntCont мы проанализировали лексические и фразеологические единицы, репрезентирующие концепт СВЕТ. Основные операции были связаны с поиском и построением конкордансов, перечней всех употреблений лексемы *свет* в контекстах со ссылками на источник, что позволило выявить семантическое ядро концепта СВЕТ.

Как показал анализ материала, лексическая репрезентация концепта СВЕТ содержит слова разных частей речи, но почти 70 % приходится на имена существительные и прилагательные.

Статистический анализ имён существительных (всего 38 единиц в 15 237 словоупотреблениях) позволил выделить высокочастотные лексемы (более 3000 контекстов), составляющие ядро имен-репрезентантов концепта СВЕТ в творчестве М. Пришвина; среднечастотные (более 200) — ближайшее окружение ядра, или сильное поле концепта; и малочастотные единицы, которые наряду с единичными лексемами (их всего 2) составляют периферию концепта.

Таким образом, концепт СВЕТ в языковой картине мира писателя представлен следующими существительными (в скобках указывается количество словоупотреблений): *солнце* (4396), *свет* (3721), *луч* (963), *звезда* (924), *заря* (847), *огонь / огонек* (739), *луна* (441), *рассвет* (406), *костер* (363), *месяц* (322), *свеча* (308), *восход* (288), *лампа* (173), *пламя* (136), *лампада* (135), *искра* (133), *солнышко* (121), *молния* (107), *радуга* (106), *светило* (97), *просвет* (87), *лампочка* (87), *блеск* (78), *сияние* (72), *жар-птица* (35), *отблески* (31), *зарница* (20), *светляк* (18), *сверкание* (16), *проблеск* (13), *полусвет* (12), *светильник* (12), *факел* (11), *блестки* (9), *светлячок* (5), *мерцание* (3), *светоч* (1), *денница* (1). Наглядно структуру концепта СВЕТ можно увидеть в нижеприведенной диаграмме (рис. 1):

Две высокочастотные единицы составляют ядро концепта СВЕТ (*свет*, *солнце*), на их долю приходится почти 60 % от всех словоупотреблений субстантивных репрезентантов концепта СВЕТ. Десять среднечастотных лексем (*луч*, *звезда*, *заря*, *огонь*, *луна*, *рассвет*, *костер*, *месяц*, *свеча*, *восход*) составляют сильное поле концепта, на их долю приходится почти 37 % словоупотреблений. Малочастотные лексические единицы неравнозначны по своим концептообразующим функциям. Как показал статистический анализ, диапазон использования лексики данной группы в произведениях и дневниках М. Пришвина весьма широк (от 173 до 11). В нашем материале слова-репрезентанты с частотностью менее 10 употреблений,

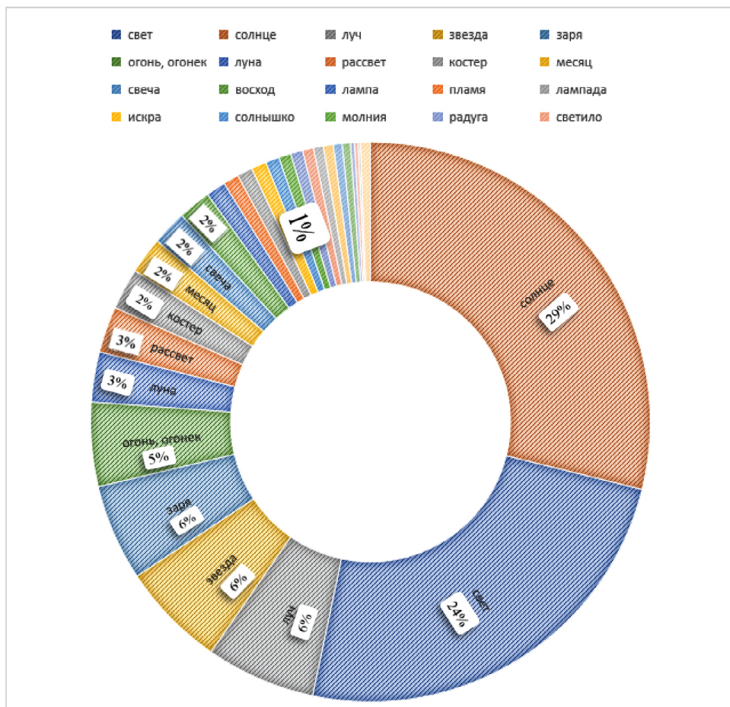

Рис. 1. Структура концепта СВЕТ

наряду с единичными лексемами, целесообразно отнести к слабой периферии. Таким образом, слабую периферию составляют 5 лексем, на долю которых приходится только 0,37 % от всех словоупотреблений субстантивных репрезентантов концепта СВЕТ.

Конечно, даже слабая и малочастотная периферия, составляющая более половины лексем, репрезентирующих концепт СВЕТ в творчестве М. Пришвина, подлежит комплексному синтагматическому и функциональному анализу для создания полной содержательной картины концепта. Однако мы рассмотрим синтагматику только ядерных субстантивных репрезентантов концепта СВЕТ, маркирующих трактовку света как «лучистой энергии», с употребительностью более 3000 раз — собственно лексемы *свет* (3721 словоупотребление) и лексемы *солнце* (4396 словоупотреблений).

Исходя из наших наблюдений, достаточно высокое место по частотности употреблений занимают лексемы *свет* и *солнце*, входящие в ряды ключевых слов лексико-семантического уровня языковой личности Пришвина.

3.2. Образно-сочетаемость ядерных лексем концепта СВЕТ в текстовом пространстве творчества М. М. Пришвина

Для того чтобы сформировать конкорданс сочетаемости слов *свет* и *солнце*, в поисковой строке программы AntCont был введен запрос, который выглядел следующим образом: *свет**, *солнц**. Так как важную роль в понимании семантики лексем *свет* и *солнце* играют их описательные характеристики, в ходе исследования мы рассматривали конструкции типа «прилагательное + *свет, солнце*», «существительное + *свет, солнце*», где искомое слово для наглядной визуализации полученных результатов было размещено в середине рабочего окна.

В ходе исследования мы выделили 122 прилагательных и 7 существительных, которые сочетаются в текстах писателя с номинациями *свет* и *солнце*. Результаты процентного соотношения обнаруженных сочетаний ядерных лексем показаны в диаграмме (рис. 2).

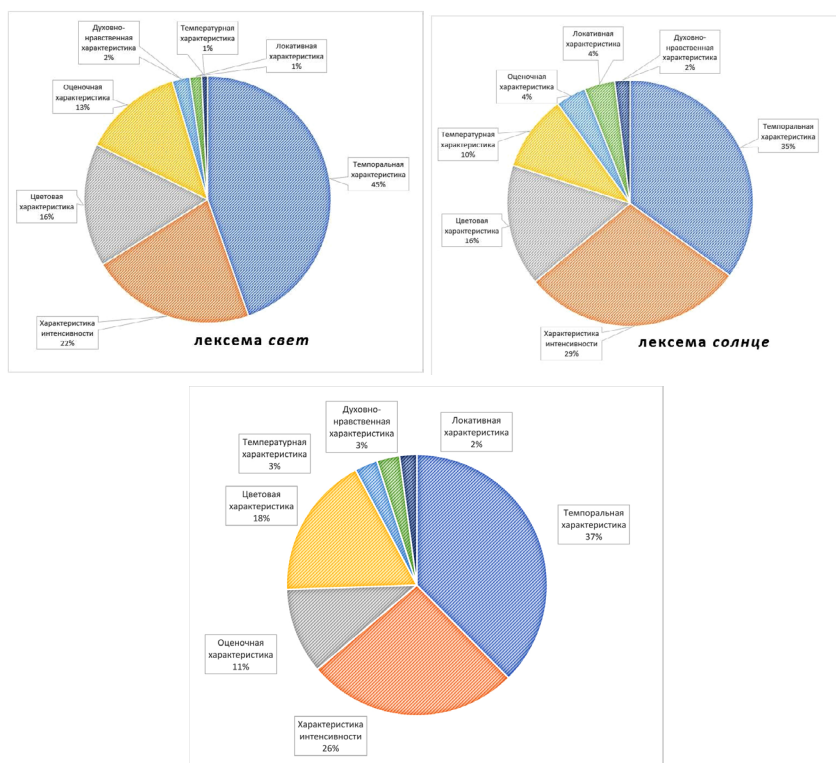

Рис. 2. Сочетаемость лексем *свет* и *солнце*

На диаграмме (рис. 3) представлены понятийные категории, выступающие референтами для репрезентантов концепта СВЕТ (*свет* и *солнце*), выявленные путем анализа семантики зависимого компонента. Они, на наш взгляд, конкретизируют структуру концепта СВЕТ в языковой картине мира М. Пришвина.

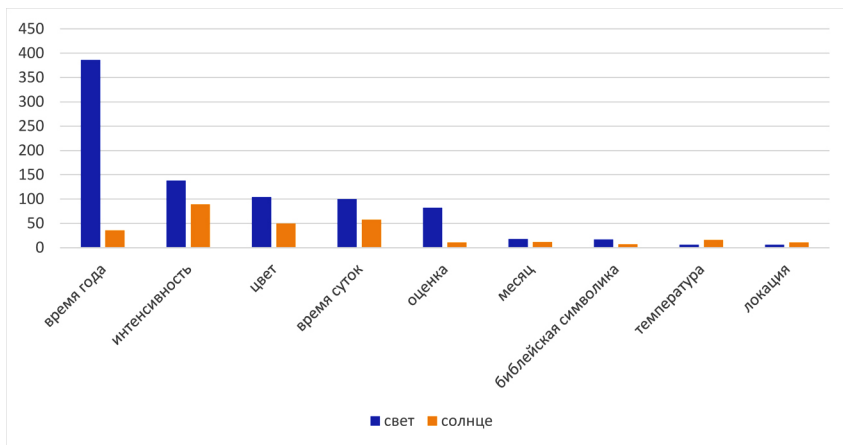

Рис. 3. Основные понятийные категории, выступающие референтами для репрезентантов (*свет* и *солнце*) концепта СВЕТ

Темпоральная характеристика в текстах писателя реализована в наибольшем количестве сочетаний с компонентами *свет* (58 % от общего числа основных признаков) и с лексемой *солнце* (36,5 %).

Атрибутивные конкретизаторы *весенний свет* и *предвесенний свет* характеризуют только один этап времени года — весну. Среди определений лексемы *свет* присутствуют относительные прилагательные, указывающие на месяцы весны: *февральский свет*, *мартовский свет*, *апрельский свет*, *майский свет*. Включение февраля в весенние месяцы не случайно. Писатель разработал собственный фенологический календарь, не совпадающий с астрономическим. Согласно этому календарю к *весне света* относятся январь, февраль, начало марта — месяцы, когда наблюдается увеличение долготы дня. М. Пришвин открыл новое время года — *весну света*. Данное словосочетание употребляется в произведениях и дневниках писателя 370 раз как индивидуально-авторская языковая единица, указывающая не только на продолжительность светового периода, но и на особое время года, когда в природе царствует ‘ослепительно-морозный свет’: «Минус 25°, но яркое *солнце*: весна света!» (Дневники, 1940, с. 43),

«...чувствую, и **мороз** (20°), и тишина, и вся прелесть весенней **зимы** (весны света)» (Дневники, 1942, с. 44), «**Морозно-солнечный** день весны света» (Дневники, 1947, с. 429), «холодная торжественная **алмазная** весна света» (Дневники, 1928, с. 58) [ЭБП].

Свет у Пришвина ассоциируется с шампанским ('игристое вино'), то есть с легким чувством опьянения, которое наступает ранним утром, при пробуждении, и дарит ему несказанную радость: «*Весеннее утреннее шампанское света будит меня прямо после восхода солнца, и опьяненный, с безумной радостью и выходящий из горя, я спешу все взять, все схватить...*» (Дневники, 1914, с. 45) [Там же].

Если лексема *солнце* имеет широкую сочетаемость с прилагательными, обозначающими времена года: *вешнее, весеннее, летнее, осеннее, полуденное и зимнее*, — то ее синтагматика с адъективами, относящимися к наименованиям месяцев, ограничивается только весенним периодом: *мартовское, апрельское, майское*.

В произведениях писателя для целого ряда атрибутивных лексем становится важной фигура Наблюдателя. Это происходит, когда занимаемая им позиция указывает на некую временную точку отсчета событий. Лексема *свет* сочетается с синонимичными адъективами *ранний* ('наступивший рано'), *первый* ('происходящий раньше всех других'), *первый утренний* и *заутренний* ('происходящий рано утром'). Репрезентантами концепта СВЕТ выступают не только лексемы, но и устойчивые выражения: *до света / свету, чуть свет / чем свет, ни свет ни заря*.

С лексемой же *солнце* сочетаются все прилагательные, обозначающие время суток: *дневное, полуденное, вечернее, полуденное и полуночное*.

2. Характеристика интенсивности света представляет собой 16 % сочетаний с лексемой *свет* и 30,6 % — с лексемой *солнце*. В индивидуально-авторской картине мира М. М. Пришвина подчеркивается эпитетами *солнечный* ('с ярким светом солнца'), *ослепительный, ослепляющий* ('с сиянием, слепящим глаза'), *яркий* ('ослепительный, сияющий'), *слабый, тусклый, бледный, мутный* ('ненасыщенный'), *богатое* ('насыщенное'), *маленький, великий, могучий, сильный, огромный, страшный, дикий* ('относящийся к мощности света'). Например: «**дикий свет** этих искр зловеющим пламенем осветил тьму» (Дневники, 1919, с. 227); «как же, переделываясь, должен болеть русский человек, чтобы вынести такой **великий и страшный свет!**» (Корабельная чаша, с. 254); «**такого богатого солнца на севере у нас никогда не бывает**» (Дневники, 1936, с. 291) [ЭБП].

3. Цветовая характеристика лексемы *свет* (12 %) в творчестве М. Пришвина представлена широкой палитрой, которая включает не только прилагательные, обозначающие собственно цвет, но и лексемы, передающие

цвет по сходству с веществами: *красный* (30), *зеленый* (25), *голубой* (21), *малиновый* (8), *розовый* (6), *желтый* (6), *алый* (4), *золотой* (3), *изумрудный* (2), *оранжевый* (2), *апатитовый* (1), *синий* (1), *черный* (1).

Перечисленные прилагательные, кроме лексемы *зеленый*, характеризуют субстантивные репрезентанты концепта СВЕТ — *звезда*, *заря*, *костер*, *искра*, *солнце*, *луна*, *светило*, *луч*, *лампа*: «*оранжевый свет зари*» (Дневники, 1935, с. 648), «*при красном свете костра*» (Черный Араб, с. 523), «*красный свет заходящего солнца*», «*искра голубого света*», «*малиновый свет зари*» (Берендеева чаша, с. 688), «*розовый свет звезды*» (Дневники, 1937, с. 410), «*луна розовым светом*» (Дневники, 1931, с. 411), «*при желтом свете керосиновой лампы*» (Печальный черт, или ночь перед Рождеством, с. 411), «*неведомое желтое светило*» (Цвет и крест, с. 312), «*алый свет зари алым пламенем отразился в глазах*» (Дневники, 1946, с. 265), «*не солнца золотой свет*» (Дневники, 1918, с. 44), «*на солнечном луче блеснул изумрудный свет*» (Дневники, 1942, с. 420), «*вспыхнул ярким серебряным светом*» (Дневники, 1942, с. 342), «*видел одну росинку-солнце, ... менявшую свет: синий, голубой, оранжевый*» (Дневники, 1935, с. 773) [Там же].

Цветовая гамма прилагательных, сочетающихся с лексемой *солнце* (30,6 %), не отличается богатством красок: *желтое*, *тусменно-желтое* ('тусклый, непрозрачный'), *малиновое*, *белое*, *золотое*, *красное*, *крово-красное*, *матовое*, *черное*.

4. Оценочная характеристика. В модели мира М. Пришвина *свет* (9,5 %) и *солнце* (3,7 %) имеют в подавляющем большинстве случаев положительную экспрессивно-оценочную коннотацию: *великий*, *божественный*, *чудесный*, *царственный*, *целомудренный*, *дивный*, *живительный* (свет), *радостное*, *обласканное*, *убаюканное*, *торжествующее*, *душевное* (солнце). Крайне редко наблюдается негативная коннотация: *страшный*, *обманчивый*, *ложный*, *тревожный*, *забитый*, *мертвый* (свет), *сумное* ('задумчивое, тоскливое'), *ложное* (солнце): «*этот мертвый свет луны в душе*» (Дневники, 1920, с. 125); «*с утра наволочь, после обеда несколько сумное солнце*» (Дневники, 1932, с. 108) [Там же].

5. Духовно-нравственная характеристика дает представление о вечных мотивах поиска истинного света, связанного с евангельской тематикой: *грядущий свет Духа святого*, *божественный*, *духовный*, *евангельский*, *истинный*, *незримый*, *земной*, *небесный*, *настоящий* (свет), *священное*, *праведное* (солнце). В текстах М. Пришвина обнаружена редкая сочетаемость таких прилагательных с лексемой *свет* (1,9 %) и с компонентом *солнце* (2,4 %).

6. Температурная характеристика лексем *свет* (0,7 %) и *солнце* (5,5 %) реализуется не только посредством антонимов: *теплый* — *холодный*, *про-*

хладное, холодное — горячее, но и синонимов — мягкий, смягченный (свет); жаркое, пламенное, пылающее, раскаленное (солнце).

7. Локативная характеристика представляет собой наименьшее количество сочетаний с анализируемыми существительными. Специфика лексем *свет* (0,7 %) и *солнце* (3,7 %) в зависимости от локализации реализуется посредством их согласования с прилагательными, обозначающими местоположение и территориальную принадлежность: *северный, полярный* ('относящийся к северу'), *домашний* ('относящийся к дому'), *южное, степное, итальянское, египетское.*

4. Заключение = Conclusions

Итак, в ходе контекстуального анализа было выявлено, что в художественной картине мира М. Пришвина понятийными референтами концепта СВЕТ являются «температура», «оценка», «цвет», «время», «место», «интенсивность», «разум». Оценочный слой концепта СВЕТ представлен следующими когнитивными признаками: «жизнь», «радость», «торжество», «царственность», «целомудренность», «божественность». Доминантой концепта является авторское ментально-вербальное образование *весна света*. В целом все это указывает на то, что творчество Пришвина пронизано образами света, выражающими миропонимание, мироощущение писателя. Это не только весенний солнечный свет, но и свет, идущий из недр души, которая переполнена радостью и излучает любовь ко всему находящемуся на земле. Образ света первичен в творческом сознании М. М. Пришвина. Это свет правды, свет животворящего солнца, святость детства, ростки «небывалого» в душе человека и, конечно, свет, что приносит на землю Спаситель. Наиболее частотными являются употребления словосочетаний *весна света, первый свет, утренний свет, весенний свет, яркий свет, яркое солнце, горячее солнце, полуденное солнце, красное солнце, красный свет*. Выражаемые в языке значения складываются в своего рода философию, в единую систему взглядов, которые выражают отношение автора к миру (к природе, людям, к самому себе). Свет у М. Пришвина олицетворяет стремление к лучшему, указывает на путь к добру, к правде; солнечный свет символизирует нравственное становление человека, его духовное развитие.

Концепт-символ СВЕТ у Пришвина, которого называли «певцом света», становится частью названия таких произведений, как «Весна света», «Город света», «Кладовая солнца».

Таким образом, в целом подобные пилотажные эксперименты с использованием современных информационно-коммуникационных технологий дают возможность исследовать концепты как через семантику объективирующих их языковых единиц, так и через дистрибутивные их свой-

ства, позволяя выявить новые дифференциальные когнитивные признаки определяемого объекта.

Перспективой исследования является не только комплексный анализ концепта СВЕТ (ядра и периферии), представленного в дневниках и художественных произведениях Пришвина, но и описание концептосферы автора в целом.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — *Большой толковый словарь русского языка* [Электронный ресурс] / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — Режим доступа : <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 10.10.2022).
2. *Программа* составления конкордансов по некоторому корпусу текстов : версия AntConc3.5.9 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.laurenceanthony.net/software.html> (дата обращения 20.04.2022).
3. РСС — *Русский семантический словарь*. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. ; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 2003. — 713 с. — ISBN 5-88744-008-2.
4. СЛТ — *Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов* / О. С. Ахманова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 571 с. — ISBN 5-354-00600-7.
5. ТСЖВЯ — *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка* : Т. 1—4 / В. И. Даль. — Москва : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. — Т. 4 : С—V. — 864 с. — ISBN 5-01-004158-8.
6. ТСРЯ — *Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка* : 80000 слов и фразеологических выражений. Российская АН. ; Российский фонд культуры / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 2-е изд., испр. и доп. — Москва : АЗЪ, 1994. — 928 с. — ISBN 978-5-9900358-6-7.
7. ШЭСРЯ — *Школьный этимологический словарь русского языка* : происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. — 7-е изд., стер. — Москва : Дрофа, 2004 (Тул. тип.). — 398 с. — ISBN 5-7107-8679-9.
8. ЭБП — *Электронная библиотека* М. М. Пришвина [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.elsu.ru/prishvin.html> (дата обращения 20.04.2022).
9. ЭСРЯ — *Этимологический словарь русского языка* : в 4 т. / Макс Фасмер ; пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. — Изд. 2-е, стер. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. 3 : (Муза—Сят). — 830 с.

Литература

1. *Абреимова Г. Н. Художественная функциональность концепта «камень» в произведениях и дневниках М. М. Пришвина* / Г. Н. Абреимова // ФИЛОЛОГОС. — 2021. — № 2 (49). — С. 5—10. — DOI: 10.24888/2079-2638-2021-49-2-5-10.
2. *Алефиренко Н. Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания* / Н. Ф. Алефиренко // Гуманитарные исследования. — 2021. — № 4 (80). — С. 10—18. — DOI: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-010-018.
3. *Аракчаа А. Б. Лексика со значением света в романе В. Дудинцева «Белые одежды»* / А. Б. Аракчаа // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. — 2021. — № 1 (72). — С. 44—50. — DOI: 10.24411/2221-0458-2021-72-44-50.

4. Арутюнова Н. Д. Истина : фон и коннотации / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1991. — С. 21—30.
5. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексическо-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1996. — 104 с.
6. Болдырев Н. Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 2. — С. 5—25. — DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-5-25.
7. Вальваков Р. В. Функционирование колоративов в повести Ч. Т. Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря» / Р. В. Вальваков // Известия Кыргызской академии образования. — 2022. — № 1 (56). — С. 49—55.
8. Донецких Л. И. Концепт цвета как ключевое слово в творчестве М. Пришвина / Л. И. Донецких // Вестник Удмуртского университета. Серия : История и филология. — 2019. — Т. 29. — Выпуск 2. — С. 274—279.
9. Ермаковская Т. А. Особенности текстообразующего функционирования колоративной лексики в творчестве Б. К. Зайцева [Электронный ресурс] / Т. А. Ермаковская, Н. Н. Сафонова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2019. — № 2. — Т. 10. — Режим доступа : <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK219.pdf> (дата обращения 10.10.2022).
10. Ибрагимова П. А. Концептосфера авторской картины мира : на материале дневников М. М. Пришвина и В. Д. Пришвиной «Мы с тобой : дневник любви» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / П. А. Ибрагимова. — Махачкала, 2011. — 24 с.
11. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. — С. 75—80.
12. Котяева Е. С. Концепт «природа» в русской лингвокультуре (на материале произведений К. Г. Паустовского и М. М. Пришвина) / Е. С. Котяева, О. А. Курьянова // Русская речь в инациональном окружении. — 2013. — № 7. — С. 36—42.
13. Михайлова О. Е. Колоративная лексика в романе И. С. Шмелева «Пути небесные» / О. Е. Михайлова // Верхневолжский филологический вестник. — 2022. — № 1 (28). — С. 80—86. — DOI: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-80-86.
14. Нельзина Ю. А. Функционирование цветового концепта в мифологическом дискурсе (на материале произведений М. Пришвина) / Ю. А. Нельзина // Вестник Удмуртского университета. Серия : История и филология. — 2005. — № 2. — С. 35—40.
15. Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. дополн. / Е. А. Огнева. — Москва : Эдитус, 2013. — 282 с. — ISBN 978-5-906162-82-3.
16. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток—Запад, 2007. — 314 с. — ISBN 978-5-17-045103-6.
17. Самохвалова Л. Д. Трехуровневая модель анализа концепта (на материале концептов «свет» и «тьма» в русской лингвокультуре) / Л. Д. Самохвалова, А. Г. Петрова // Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. — С. 143—149.

18. *Сергеева Е. В.* Концепт-универсалия и художественный концепт : проблема классификации / Е. В. Сергеева // Сибирский филологический журнал. — 2006. — № 1 (2). — С. 63—69.
19. *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Акад. проект, 2001. — 989 с. — ISBN 5-8291-0007-X.
20. *Тарасова И. А.* Идиостиль Георгия Иванова : когнитивный аспект / И. А. Тарасова. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 2003. — 280 с. — ISBN 5-292-03084-8.
21. *Фролова Е. В.* Концепты первостихий (вода, воздух, земля, огонь) в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь» автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Фролова. — Орел, 2012. — 24 с.
22. *Фролова Е. В.* Реализация концепта «молчание» М. Метерлинка в дневниках М. Пришвина (1918—1919) / Е. В. Фролова // Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (СИБСТРИН). — 2018. — Т. 21. — № 4 (70). — С. 148—156.
23. *Черноусова И. П.* Концепт РОДИНА в поэтической картине мира П. Н. Шубина / И. П. Черноусова // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 179—194. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-179-194.
24. *Чурилина Л. Н.* Художественный концепт РОССИЯ как вариант национального концепта / Л. Н. Чурилина, Д. С. Бужинская // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 114—126. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-114-126.
25. *Text and discourse : between Scylla and Charybdis of cognitive Linguopoetics* / N. F. Alefirenko, I. I. Chumak-Zhun, E. G. Ozerova, K. K. Stebunova // Journal of Language and Literature. — 2015. — Vol. 6. — № 2. — Pp. 157—160. — DOI: 10.7813/jll.2015/6-2/31.

Material resources

- BTS — *Big so many repeaters of the word of the Russian language* S. A. Kuznetsova. (1998). St. Petersburg: Norint. Available at: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 10.10.2022). (In Russ.).
- EBP — *Fluctronic library* M. M. Prishvina [Electronic resource]. Available at: <http://www.elsu.ru/Apostille.circulation> (date 20.04.2022). (In Russ.).
- ESRYA — *Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 3: (Muse)*. (1986—1987). Moscow: Progress. 830 p. (In Russ.).
- RSS — *Russian semantic word. So many words, systematized words and meaning. In-T Rus. Yaz.* (2003). Moscow: Alphabet. 713 p. ISBN 5-88744-008-2. (In Russ.).
- SHESRYA — *School etymological dictionary of the Russian language: the origin of words. 7th Ed. Sterr.* (2004). Moscow: Bustard. 398 p. ISBN 5-7107-8679-9. (In Russ.).
- SLT — Akhmanova, O. S. (2004). *Verbal linguistic terms*. Moscow: Editorial URSS. 571 p. ISBN 5-354-00600-7. (In Russ.).
- The concordance program is based on the noncoromic Corpus text: version Urga 3.5.9.* [Electronic resource]. Available at: <http://www.laurenceanthony.net/software.html> (date of circulation 20.04.2022). (In Russ.).
- TSRYA — Ozhegov, S. (1994). *So much repeatable word of Russian language: 80,000 words and phraseological words in aposematic. Rossiyskaya Anne.; Rossiyskiy Foundation Kultur.* Moscow: AZA. 928 p. ISBN 978-5-9900358-6-7. (In Russ.).
- TSZHVYA — Dal, V. (1994). *So many repeater words live velikorusko yazahmatka: Volumes 1—4.* Moscow: Progress, Universal. 864 p. ISBN 5-01-004158-8. (In Russ.).

References

- Abreimova, G. N. (2021). Artistic functionality of the concept “stone” in the works and diaries of M. M. Prishvin. *FILOLOGOS*, 2 (49): 5—10. DOI: 10.24888/2079-2638-2021-49-2-5-10. (In Russ.).
- Alefirenko, N. F. (2021). Linguistic images as units of ethno-cultural consciousness. *Humanitarian Studies*, 4 (80): 10—18. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-010-018. (In Russ.).
- Alefirenko, N. F., Chumak-Zhun, I. I., Ozerova, E. G., Stebunova, K. K. (2015). Text and discourse: between Scylla and Charybdis of cognitive Linguopoetics. *Journal of Language and Literature*, 6 (2): 157—160. DOI: 10.7813/jll.2015/6-2/31.
- Arakchaa, A. B. (2021). Vocabulary with the meaning of light in V. Dudintsev’s novel “White clothes”. *Bulletin of Tuva State University. Social sciences and humanities*, 1 (72): 44—50. DOI: 10.24411/2221-0458-2021-72-44-50. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1991). Truth: background and connotations. In: *Logical analysis of language: Cultural concepts*. Moscow: Nauka. 21—30. (In Russ.).
- Babushkin, A. P. (1996). *Types of concepts in lexical and phraseological semantics of language*. Voronezh: Voronezh University Press. 104 p. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2020). Cognitive approach in linguistics and related fields of knowledge. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 5—25. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-5-25. (In Russ.).
- Chernousova, I. P. (2018). Concept of HOMELAND in P. N. Shubin’s Poetic Picture of the World. *Nauchnyi dialog*, 12: 179—194. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-12-179-194>. (In Russ.).
- Churilina, L. N., Buzhinskaya, D. S. (2019). RUSSIA Art Concept as National Concept Variant. *Nauchnyi dialog*, 4: 114—126. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-114-126. (In Russ.).
- Donetskikh, L. I. (2019). The concept of color as a key word in the work of M. Prishvin. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*, 29 (2): 274—279. (In Russ.).
- Ermakovskaya, T. A., Safonova, N. N. (2019). Features of the text-forming functioning of the colorative vocabulary in the works of B. K. Zaitsev. In: *The world of science. Sociology, philology, cultural studies*, 2 (10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK219.pdf> (accessed 10.10.2022). (In Russ.).
- Frolova, E. V. (2012). *Concepts of the first elements (water, air, earth, fire) in M. M. Prishvin’s novel “Kashcheeva chain”*. Author’s abstract of PhD Diss. Eagle. 24 p. (In Russ.).
- Frolova, E. V. (2018). Realization of the concept of “silence” by M. Maeterlinck in the diaries of M. Prishvin (1918—1919). In: *Proceedings of the Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (SIBSTRIN)*, 21 / 4 (70): 148—156. (In Russ.).
- Ibragimova, P. A. (2011). *Conceptosphere of the author’s picture of the world: based on the diaries of M. M. Prishvin and V. D. Prishvina “We are with you: diary of love”*. Author’s abstract of PhD Diss. Makhachkala. 24 p. (In Russ.).
- Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2001). Linguocultural concept as a unit of research. In: *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh: Voronezh State University. 75—80. (In Russ.).
- Kotyaeva, E. S., Kuryanova, O. A. (2013). The concept of “nature” in Russian linguoculture (based on the works of K. G. Paustovsky and M. M. Prishvin). *Russian speech in a foreign environment*, 7: 36—42. (In Russ.).

- Mikhailova, O. E. (2022). Colorative vocabulary in the novel by I. S. Shmelev “The Ways of Heaven”. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 1 (28): 80—86. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-80-86. (In Russ.).
- Nelzina, Yu. A. (2005). Functioning of the color concept in mythological discourse (based on the works of M. Prishvin). *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*, 2: 35—40. (In Russ.).
- Ogneva, E. A. (2013). *Cognitive modeling of the conceptual sphere of a literary text. 2nd ed. Supplement*. Moscow: Editus. 282 p. ISBN 978-5-906162-82-3. (In Russ.).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Cognitive linguistics*. Moscow: AST: East-West. 314 p. ISBN 978-5-17-045103-6. (In Russ.).
- Samokhvalova, L. D., Petrova, A. G. (2022). A three-level model of concept analysis (based on the concepts “light” and “darkness” in Russian linguoculture). In: *Problems of teaching philological disciplines in higher school*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. 143—149. (In Russ.).
- Sergeeva, E. V. (2006). Concept-universal and artistic concept: the problem of classification. *Siberian Philological Journal*, 1 (2): 63—69. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2001). *Constants: dictionary of Russian culture*. Moscow: Akad. Project. 989 p. ISBN 5-8291-0007-X. (In Russ.).
- Tarasova, I. A. (2003). *Idiostyle of Georgy Ivanov: cognitive aspect*. Saratov: Saratov University Publishing House. 280 p. ISBN 5-292-03084-8. (In Russ.).
- Valvakov, R. V. (2022). Functioning of coloratives in the story of Ch. T. Aitmatov “Piebald dog running by the edge of the sea”. *News of the Kyrgyz Academy of Education*, 1 (56): 49—55. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.07.2022,
одобрена после рецензирования 03.11.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

Биткеева А. Н. Якутский язык в современной системе образования Республики Саха (Якутия): акторы, дебаты, новые вызовы / А. Н. Биткеева, Н. И. Иванова, М. Я. Каплунова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 27—45. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-27-45.

Bitkeeva, A. N., Ivanova, N. I., Kaplunova, M. Ya. (2022). Yakut Language in Modern Education System of Republic of Sakha (Yakutia): Actors, Debates, New Challenges. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 27-45. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-27-45. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-27-45

Якутский язык в современной системе образования Республики Саха (Якутия): акторы, дебаты, новые вызовы

Биткеева Айса Николаевна
orcid.org/0000-0003-3765-2144
доктор филологических наук
aisa_bitkeeva@yahoo.com

Иванова Нина Иннокентьевна
orcid.org/0000-0003-3064-0175
доктор филологических наук
haar-haar@mail.ru

Каплунова Мария Яковлевна
orcid.org/0000-0002-1481-0624
кандидат филологических наук
maria.kaplunova@iling-ran.ru

Северо-Восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках работы
по проекту «Языковое и культурное
многообразие и устойчивое развитие
Арктики и Субарктики РФ»,
проект № 075-15-2021-616

Yakut Language in Modern Education System of Republic of Sakha (Yakutia): Actors, Debates, New Challenges

Aisa N. Bitkeeva
orcid.org/0000-0003-3765-2144
Doctor of Philology
aisa_bitkeeva@yahoo.com

Nina I. Ivanova
orcid.org/0000-0003-3064-0175
Doctor of Philology
haar-haar@mail.ru

Maria Ya. Kaplunova
orcid.org/0000-0002-1481-0624
PhD in Philology
maria.kaplunova@iling-ran.ru

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared as part of the work
on the project “Linguistic and cultural diversity
and sustainable development of the Arctic
and Subarctic regions of the Russian Federation”,
grant agreement number № 075-15-2021-616

© Биткеева А. Н., Иванова Н. И., Каплунова М. Я., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы функционирования якутского языка — родного языка большинства жителей Арктической зоны Республики Саха (Якутия) — в сфере образования. Авторы исходят из того, что, будучи одной из ключевых сфер (наряду с такими регламентируемыми сферами общения, как сфера официального делопроизводства, средств массовой информации, науки и др.), необходимых для сохранения и устойчивого развития языка, сфера образования способна отразить текущую языковую ситуацию в регионе, выявить риски и угрозы для существования того или иного языка, что особенно актуально в преддверии международного десятилетия языков коренных народов (2022—2032), провозглашенного Генеральной Ассамблеей ООН. Представлены результаты сопоставительного анализа положения якутского языка де-юре и де-факто на основе анализа соответствующих законодательных актов и результатов опросов среди жителей Якутии в 2021 году. Сделан вывод о том, что проведенный анализ позволяет судить об отрицательной динамике, проявляющейся в умеренном, но непрерывном снижении языковой компетенции среди носителей языков народов РФ, который на настоящем этапе заметен лишь экспертам и филологам, но представляет определенную угрозу существования языка в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова:

функциональное развитие языка; якутский язык; сфера образования; языковая политика; языковое законодательство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issues of the Yakut language functioning — the native language of the majority of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia) inhabitants — in the field of education are considered. The authors proceed from the fact that, being one of the key areas (along with such regulated areas of communication as the sphere of official office work, the media, science, etc.) necessary for the preservation and sustainable development of the language, the education sector is able to reflect the current language situation in the region, identify risks and threats to the existence of a particular language. The relevance of the study is due to the fact that we are on the eve of the International Decade of Indigenous Languages (2022—2032), proclaimed by the UN General Assembly. The results of a comparative analysis of the status of the Yakut language de jure and de facto based on the analysis of relevant legislative acts and the results of surveys among residents of Yakutia in 2021 are presented. It is concluded that the analysis carried out makes it possible to judge the negative dynamics, which manifests itself in a moderate but continuous decrease in linguistic competence among native speakers of the languages of the peoples of the Russian Federation. It is noted that this situation at the present stage is noticeable only to experts and philologists, but it poses a certain threat to the existence of the language in the long term.

Key words:

functional development of the language; Yakut language; the sphere of education; language policy; language legislation.

Якутский язык в современной системе образования Республики Саха (Якутия): акторы, дебаты, новые вызовы

© Биткеева А. Н., Иванова Н. И., Каплунова М. Я., 2022

1. Введение = Introduction

Проблематика статьи предполагает обсуждение актуальных языковых проблем коренных народов Арктической зоны РФ на примере Республики Саха (Якутия), комплексное изучение развития языков и среды их обитания как одного из ключевых индикаторов устойчивого развития Арктической зоны России. Изменения в окружающей среде, промышленное освоение региона, внедрение информационно-коммуникационных технологий, миграции, урбанизация также влияют на языки и культуры коренных народов Арктики и субарктического региона, на динамику языковых контактов, а также языкового сдвига. В связи с этим представляется необходимым выявление связи между жизнеспособностью языка и благополучием народа.

Уровень функционального развития языка является одним из ключевых параметров, определяющих степень его витальности [Кондрашкина, 2018, с. 22; Михальченко, 1992]. Функционирование в регламентируемых сферах общения при этом оказывает более серьезное влияние на язык в долгосрочной перспективе, поскольку официальный статус языка и его беспрепятственное использование в сфере дело- и судопроизводства, СМИ и образования способствуют повышению его престижа в глазах населения и обеспечивают его функционирование в остальных коммуникативных сферах.

Якутский язык (язык саха) наряду с русским языком является государственным языком Республики Саха (Якутия), его статус закреплен в Конституции Республики Саха [Конституция 1992] и в законе «О языках Республики Саха (Якутия)» [Закон 1992]. Согласно результатам переписи населения РФ за 2010 год, якутским языком владеет 450 140 жителей страны [Перепись 2010], при этом отмечается отрицательная динамика по сравнению с переписью 2002 года, согласно которой число владеющих якутским языком составляло 456 288 человек [Перепись 2002].

В настоящее время в г. Якутске сохраняется доминирование русского языка в государственно-административном управлении, а также в ведении делопроизводства. Однако при обращении в официальные органы, органы власти, в сфере публичного и непубличного официального общения стало чаще наблюдаться двуязычие, в устной коммуникации отмечается расширение использования якутского языка. В моноязычных якутоязычных

районах Республики Саха (Якутии) практикуется ведение дело- и судопроизводства на якутском языке.

1.1. Статус якутского языка в системе образования: de jure и de facto

Поскольку сфера образования является регламентируемой сферой общения, возможности функционирования языков в ней определяются прежде всего на законодательном уровне. В связи с этим необходимо рассмотреть официальный статус языков на общегосударственном и региональном уровнях.

1.2. Языки в системе образования Российской Федерации

Современная языковая политика Российской Федерации основана на положениях Конституции РФ, закона «О государственном языке Российской Федерации», а также закона «О языках народов Российской Федерации», реализуемых посредством законов и локальных актов о языках в республиках РФ. Согласно закону «О языках народов Российской Федерации», языки РФ делятся на три основные группы: государственный язык Российской Федерации (русский); государственный язык республик в составе Российской Федерации; языки компактно проживающего населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами [Закон 1991]. В результате каждый регион реализует свою языковую политику, исходя из особенностей языковой ситуации, национального состава, типа расселения народов, их культурных традиций и т. д. Республиканские законы о языках и республиканские законодательные правовые акты переняли в общих чертах структурную и содержательную часть статей Закона о языках РФ. В них законодательно закреплено дву- и многоязычие.

Наряду со сферой семейно-бытового общения образование является одной из основных сфер, обеспечивающих стабильность использования языка: «Именно там создаются условия для дальнейшего функционирования языка в разных сферах общения» [Горячева, 2018, с. 179]. Функционирование языков Российской Федерации в сфере образования регламентируется законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года, согласно которому выбор языка обучения и воспитания осуществляется «в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» [Закон 2012].

В последние годы произошел ряд изменений в законодательстве в сфере образования. Одно из них — активно обсуждаемое в течение нескольких лет нововведение в языковом законодательстве страны, вызвавшее дискуссии в среде российской общественности — принятие поправок к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» и введение

нормы добровольности изучения родных языков. Согласно последней редакции закона, возможность получения образования на родном языке (из числа народов РФ, включая русский язык), изучения русского языка как государственного и государственных языков республик РФ предоставляется на добровольной основе «по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования, имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего и основного общего образования» [Там же].

По мнению исследователей, эта проблема нарастала в течение нескольких лет. В 2007 году был отменен национально-региональный компонент образования, устанавливаемый республикой, общее образование осуществляется в соответствии с ФГОС, а вопросы изучения государственных языков республик в соответствии с последней редакцией Федерального закона «Об образовании» 2012 года переходят из ведения законодательных органов республик в ведение школ. В обязательную часть по ФГОС вторые государственные языки не входят, в его филологической части содержатся только русский, иностранный и родной, но они могут присутствовать в вариативной части для каждой отдельной школы, если такое решение принимают совместно участники образовательных отношений: учащиеся, родители (законные представители школьника) и школа.

Значимость этнокультурного образования как необходимого элемента региональной политики полиэтнического государства неоднократно подчеркивалась в различных исследованиях предыдущих лет [Арутюнова, 2018; Биткеева, 2006; Герасимова, 2014; Габдулгафарова, 2006]. Между тем комплекс мер языковой политики, повлекших ограничение языкового и этнокультурного образования, стал причиной интенсификации процессов языковой ассимиляции, в связи с чем в субъектах РФ стало возникать общественное напряжение. Данные языкового многообразия по состоянию на 2015/16 учебный год в РФ были следующие: в 90,5 % школ обучение осуществляется только на русском языке, в 4,4 % школ обучение смешанное — на русском и других языках, в 5,1 % школ дети обучаются на национальных языках [Иванова, 2017]. С введением же принципа добровольности отмечается тенденция выбора учебного предмета «русский язык как родной» нерусскими школьниками, что приводит к утрате этноязыковым образованием (традиционно направленным на освоение подрастающим поколением родного языка, культуры, традиций и обычаев своего народа наряду с освоением ценностей общероссийской культуры) «этноидентитарной функции» [Боргояков, 2021, с. 126; Боргояков и др., 2018, с. 73]. В результате в 2018 году в ряде республик РФ наблюдался «критический

уровень социальной напряженности по вопросу добровольного изучения языка» [Биткеева, 2019].

1.3. Якутский язык в системе образования Республики Саха (Якутия)

Законодательная база Республики Саха (Якутия) в отношении языков основана на Конституции республики от 4 апреля 1992 года и Законе «О языках Республики Саха (Якутия)» от 16 октября 1992 года. Согласно Конституции Республики Саха (Якутия), «государственными языками Республики Саха (Якутия) являются язык саха и русский язык. Языки коренных малочисленных народов Севера являются официальными в местах компактного проживания этих народов», что не противоречит положениям Конституции РФ и закона «О языках народов Российской Федерации» [Конституция 1992].

В отношении функционирования якутского языка в системе образования Республики Саха (Якутия) в законодательной базе отмечается, что он наряду с русским, эвенкийским, эвенским, юкагирским, долганским и чукотским языками является языком воспитания в дошкольных образовательных организациях и обучения в общеобразовательных организациях, а также в классах и группах, при этом «в русскоязычных общеобразовательных организациях, классах и группах, в местах смешанного или компактного проживания якутского населения язык саха изучается как предмет, а в других местах — исходя из потребностей населения» [Закон 1992]. Допускается также выбор экзамена по родному языку и литературе для прохождения государственной итоговой аттестации. На уровне профессиональных образовательных организаций, образовательных организаций высшего образования и организаций дополнительного профессионального образования допускается преподавание и изучение якутского как одного из государственных языков [Там же]. В национальных общеобразовательных организациях моноэтнических улусов (чаще якутоязычных) русский язык изучается как предмет.

Рассмотрим, как меняется парадигма образования после принятия нового закона «Об образовании в Российской Федерации» [Там же] и в результате поэтапного внедрения федеральных государственных образовательных стандартов [Закон 2007]. Упомянутая выше формулировка Закона «О языках Республики Саха (Якутия)» «исходя из потребностей населения» четко определяет порядок, который, однако, не соблюдается руководством некоторых русскоязычных общеобразовательных школ г. Якутска. В частности, при записи школьников в 1 класс игнорируется изъявление воли на реализацию права выбора языка, в результате чего в этих учреждениях якутский язык как предмет не преподается. Зачисле-

ние школьника в образовательную организацию по месту официальной прописки в случае отсутствия языка саха в качестве предмета приводит к конфликтной ситуации. Вместе с тем исследования ученых, проводившиеся еще до внесения поправок в закон об образовании среди родителей школьников, обучающихся в якутских школах, выявляли «в основном позитивное отношение родителей к этнокультурной направленности образования в школах республики» Саха (Якутия) [Игнатьева, 2010, с. 145].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Вопросы функционирования якутского языка в современной системе образования Республики Саха (Якутия) неоднократно затрагивались в трудах ученых [Андросова, 2018; Аргунова, 2003; Арутюнова, 2019; Габышева и др., 2016; Никифорова и др., 2015; Саввинов и др., 2013а, 2013б; Таркова, 2014]. В рамках данного исследования авторы статьи обращают внимание на тот факт, что языковая политика формируется политиками, лингвистами и языковыми активистами. В этом смысле интересен дискурс в рамках коммуникации этих трех заинтересованных в языковом вопросе групп людей (представителей руководящего звена, лингвистического экспертного сообщества и языковых активистов) с учетом мнения других носителей якутского языка. В апреле 2021 года в Якутске в рамках мегагранта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации (грант Правительства России № №075-15-2021-616)» проводился опрос информантов, основная цель которого состояла в том, чтобы выяснить, как представители трех указанных групп акторов оценивают языковую ситуацию и основные языковые проблемы в Якутии. Особый интерес при этом представляли не просто субъективные оценки отдельных информантов, а установки языковой общности, отражающие укоренившиеся в языковом самосознании стереотипы. Данный анализ дает возможность сравнить процессы и особенности формирования национальной самоидентификации народов и выявить основные причины, влияющие на смену языковой традиции народа. Учет результатов этого исследования также важен при урегулировании межэтнических отношений в регионе, прогнозировании развития языков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Сопоставительный анализ динамики свободного владения этническим языком молодежью-саха от 16 до 25 лет, проживавшей на момент исследования в г. Якутске, по данным опросов 2007, 2014, 2021 годов выявил ее нелинейный характер: 84,8 %; 77,2 %; 79,6 % соответственно. В то же время зафиксирован рост пассивных навыков: уровень «говорю, но не читаю

и не пишу» в указанные годы опросов равен следующим значениям: 1,3 %; 4,2 %, 4,6 %. При этом косвенные вопросы об уровне владения языком, выявляющие наличие затруднений из-за несовершенного владения языком с градацией ответов «никогда», «редко», «часто», «всегда», «затрудняюсь ответить» и с установлением параметра ситуаций данных затруднений на якутском и русском языках, позволили сделать вывод о том, что 79,6 % молодежи, заявившей о свободном владении этническим языком, на самом деле владеет разговорной формой якутского языка.

Негативное воздействие (в частности, это касается детей и молодежи) внешних факторов лингвистического и нелингвистического характера (кибернетизация, интернетизация, гаджетизация, массовый поток русизмов, англицизмов, индивидуализация сознания молодежи) на витальность малых языков усиливается с каждым годом, что стало очевидным не только для социолингвистов. Сегодня этническая общность саха серьезно обеспокоена проблемами языкового воспроизводства: 73,4 % респондентов-саха в г. Якутске и приблизительно 80 % в улусах республики обеспокоены трансформацией речевого поведения детей, снижением культуры якутской речи: «Переход 6,8 % детей-саха на русский язык в моноэтничном якутском селе, то есть воспитывающихся в якутоязычных семьях, в якутоязычной сельской речевой среде, отражает стремительное разрушение межпоколенческой передачи языка факторами нелингвистического характера, зачастую влиянием новых информационных технологий» [Иванова и др., 2021, с. 82].

Анализ нарратива различных групп якутского сообщества — представителей руководящих должностей, лингвистического экспертного сообщества, языковых активистов и др. — выявил обеспокоенность по поводу современной ситуации вокруг изучения якутского языка.

3.1. Мнение представителей руководящего звена

Муж., 50, высш., руководитель медицинского учреждения, г. Якутск (представитель руководящего звена):

— *Первая проблема любых многоязычных обществ, на мой взгляд, — непонимание важности языкового комфорта для всех со стороны носителей доминирующего языка. Применительно к России, например, носители русского языка должны были бы относиться к желанию носителей миноритарных языков пользоваться своими языками по крайней мере терпимо, не бояться мнимых негативных проявлений в случае достижения реально-го равновесия. Ведь именно при этом условии рядом с ними будут жить довольные жизнью и стремящиеся сохранить статус-кво соседи. Но настороженность, страх усиления негативных межэтнических тенденций и равнодушное отношение большинства не позволяют обществу решить языковые проблемы. Превалирует ошибочное упрощенное отно-*

шение к языковому вопросу: нет языка — нет и проблемы. Но лингвоцид, как явный, так и имплицитный, не приводит к межэтническому миру. Накапливающиеся проблемы губительно сказываются и на отдельных людях (стрессы, вредные привычки), и на обществе в целом (рост напряжения). Поэтому нужна разъяснительная работа через месседжи, транслируемые СМИ и искусством, а также посредством уличной социальной рекламы. Возможно, через воспитание в детских учреждениях. Тогда, если будет готово общество, власти легче будет проводить государственную и муниципальную языковую политику, удовлетворяющую цели мирного и взаимообогащающего сосуществования народов. Нужны усилия гражданского общества.

Жен., высш., 45, директор подразделения вуза, г. Якутск (представитель руководящего звена):

— В нашем регионе молодёжь с каждым годом стала все меньше говорить на своём родном языке. Наше поколение говорит на смешанном языке.

3.2. Мнение представителей лингвистического экспертного общества

Жен., 54, высш., филолог, научный сотрудник, г. Якутск (эксперт):

— В регионе нарастает проблема воспроизводства языка: 1) нынешняя молодёжь и саха среднего возраста, выросшие в годы относительно благоприятных для якутского языка условиях, каким характеризовался постперестроечный период и приблизительно до недавнего времени (2017 год), не видит языковых проблем, не ценит такие традиционные ценности, как передача этнического языка потомкам; 2) их время социализации совпало с мощным развитием ИКТ, которые сместили речевой репертуар на русский, затем и на английский языки; 3) современные бабушки, дедушки, в основном, полужазычные; 4) браки якутов с коренными малочисленными народами Севера также не способствуют сохранению этнического языка; 5) недостаточное количество школ, детсадовских групп исключает выбор. Выбора попросту нет: всего одна школа на город Якутск с действительно якутским языком обучения. Властями, директорами школ игнорируется проблема нехватки якутских групп, классов, поскольку это проще. В некоторых русских школах даже предмет «культура народов Республики Саха (Якутия)» не преподаётся, хотя должен преподаваться. Эти часы заменяют дополнительным занятием для отстающих.

Жен., 35, филолог, г. Якутск (эксперт):

— Дети до 12-летнего возраста больше общаются на русском языке, в лучшем случае на смешанном русско-якутском. В г. Якутске дети, полностью владеющие языком саха, единичны.

3.3. Мнение языковых активистов

Муж., 44, высш. гуманитар., г. Якутск (языковой активист):

— Языковые проблемы у народа саха налицо, можете посетить любую школу, даже те, которые считаются якутскими. Увидите, услышите, что дети в основном только по-русски говорят. В детских садах то же самое. В улусных центрах та же проблема, не такая большая как в Якутске, но есть. Есть она даже в улусах, где саха является национальным большинством. Очень часто в Якутске можно видеть картину, когда родители разговаривают на якутском, а дети, их сопровождающие, — на русском. Такая нерадостная картина началась с момента, когда убрали гарантию обучения на якутском языке из закона о языке. Что касается языков других народов: эвенов, эвенков, юкагиров и чукчей, проживающих в Якутии, то тут дело обстоит ещё хуже, чем у нас, якутов. Я, например, был в Усть-Майском улусе и узнал, что там, где издавна живут эвенки, в школах не учат их родные языки.

Муж., 27, предприниматель, г. Якутск (языковой активист):

— В Республике Саха, в частности в г. Якутске, широко распространено псевдообучение на якутском языке. В детских садах в группах с якутским языком воспитания одновременно с сахаязычными детьми зачисляются дети, плохо владеющие или абсолютно не владеющие языком саха. Воспитатели идут на поводу у русскоязычных детей и зачастую воспитательные действия проходят на русском языке, показываются мультики с русской озвучкой. Тем самым внутри группы создается преимущественно русскоязычная среда.

3.4. Мнение других носителей якутского языка

Жен., 37, высш., логист, предприниматель, г. Якутск:

— Основная проблема — смешивание двух языков в разговорной речи. Построение предложений со смешиванием выражений якутского русского языков.

Муж., 35, инженер, г. Якутск:

— Замечаю, что происходит смешивание якутского и русского языков большинством моих знакомых, включая меня, в простом общении. Главное, мы все настолько привыкли к смешиванию языков, что порой даже не замечаем этого. Есть ощущение, что уровень знания якутского языка снижается.

Жен., 39, врач, промышленный поселок:

— В нашем регионе два официальных языка: русский и якутский. На работе, учебе в основном преобладает русский язык. Например, человек приходит в банк или на прием к врачу — везде общение происходит на русском языке. Если человек в этих сферах будет говорить на родном

якутском языке — его в 80 % ситуаций не поймут, следовательно, он не достигнет своей цели. А человеку, приехавшему из деревни, трудно выразиться на русском.

Таким образом, анализ нарратива различных групп якутского сообщества Республика Саха (Якутия) выявил, что в условиях меняющейся социально-политической, лингвистической структуры сообщества сегодня наблюдается нарушение этнической, языковой, социальной идентичности членов языковых коллективов.

Как было отмечено выше, законодательно принятая добровольность в отношении изучения родных языков в России вызвала дебаты и прения среди различных слоев населения. В республиках РФ отмечалась вызванная данным вопросом социальная напряженность, имели место митинги, протесты в пользу обязательного изучения родных языков. Так, в Республике Саха (Якутия) в рамках проведенного среди разных социальных групп якутов опроса в апреле-мае 2021 года выяснялось их мнение о новой законодательной директиве, степени социальной напряженности в отношении языкового вопроса, наличии поддержки со стороны населения введения добровольного изучения языков в школе, удовлетворенность действиями власти в этом вопросе, мнение относительно уменьшения количества часов родного языка в школе и т. д.

Выявление мнения жителей региона представляется весьма значимым, поскольку спрогнозировать социальное напряжение — значит, найти меру влияния отдельных закономерностей и причин развития проблемы. Прогнозирование способно в несколько раз сократить время на выработку решения, повысить его результативность, избежать потенциальной проблемы или хотя бы ослабить ее.

Далее приведем мнения представителей якутского сообщества по вопросу изучения родного языка в школе.

Муж., 50, высш., руководитель медицинского учреждения, г. Якутск (представитель руководящего звена):

— Средняя школа — это основной институт воспроизводства носителей продвинутого, богатого языка. Без школы язык в обществе быстро становится маргинальным, употребляемым в узких сферах, не развивается вместе с обществом, а значит, становится архаичным и несовременным. Поэтому очень важно, чтобы были начальные и средние школы, где бы язык изучался не только как предмет, но и использовался для изучения неязыковых дисциплин, таких как математика, биология и физкультура. Так дети привыкают мыслить на родном языке, применять его во всех аспектах человеческой деятельности. Помимо этого важно, чтобы внеклассные мероприятия — общешкольные вечера, линейки, собрания и про-

чее — тоже проводились на родном языке. Это важно для того, чтобы дети привыкали общаться на языке со сверстниками, а не только с учителями или родителями. Иногда приводится аргумент, что обучающиеся на родном языке могут не освоить общегосударственный язык на достаточном уровне. Но, во-первых, мировой и российский (советский) опыт показывает, что выпускники национальных школ поступают / поступали в вузы наравне с остальными выпускниками. Во-вторых, при существенном неизбежном превалировании общегосударственного языка в общественной сфере (СМИ, искусство) и при двуязычии окружения, любой ребенок без усилий его усваивает.

Жен., высш., медиц., 45, директор подразделения вуза, г. Якутск (представитель руководящего звена):

— Мое мнение положительное. Я считаю, что государственные (русский и якутский) языки должны быть в школах республики, при этом изучение родного языка для детей саха и изучение якутской культуры для детей всех национальностей республики должны быть обязательными, изучение якутского языка для детей других национальностей должно быть по желанию родителей.

Жен., 54, высш., филолог, научный сотрудник, г. Якутск (эксперт):

— Государственный статус якутского языка предполагает его обязательное присутствие в сфере образования либо в качестве предмета изучения в русских классах и школах, либо в качестве языка обучения в якутских классах и школах. И для этого надо создавать условия, а не ставить родителей в ситуацию отсутствия выбора: русский язык и только русский, хотите якутский язык — идите в другую школу, которой нет. Идет планомерная государственная политика сокращения малых языков под лозунгом мнимой «добровольной ассимиляции».

Жен., 35, высш., сотрудник департамента, г. Якутск (эксперт):

— Обучение на родном языке в школе — это его неотъемлемое право. Если бы от каждого ребенка требовалось обязательное знание родного (этнического) языка, не вставала бы опасность утраты языков малых народов. Поэтому каждый ребенок саха должен владеть родным этническим языком, должен открыто и беспрепятственно использовать его во всех сферах, возможность использования родного языка на родной земле во всех сферах и ситуациях должна быть его свободным выбором.

Муж., 27, предприниматель, г. Якутск (языковой активист):

— После введения закона о добровольном изучении государственных языков республик в школах Якутска стали появляться псевдоякутские классы в смысле того, что директора этих школ начали называть якутскими классами с изучением якутского языка как родного, но с русским язы-

ком обучения. Тем самым директора таких школ вводят в заблуждение родителей. Поэтому должна быть прозрачность в намерениях администраций школ.

Муж., 44, высш. гуманитар., г. Якутск (языковой активист):

В системе образования должна быть гарантия обучения языков в системе общего среднего, среднего специального и высшего образования коренных нерусских народов, а также использования нерусских языков коренных народов страны в делопроизводстве во всех учреждениях, в том числе и в первую очередь в системе государственной власти. Закон о языке в республике является лакмусовой бумажкой, а не законом. Нужно, чтобы закон этот работал, а не служил украшением письменного стола. Превосходство в обучении одного языка в стране является грубым нарушением конституции и принципов федерализма.

Жен., 39, выс., медиц., врач, промышленный поселок (носитель языка):

— Я лично за то, чтобы мои дети знали свой родной якутский язык. Только дома разговариваем по-якутски, а в остальном — в школе, детсаду, с друзьями — мои дети общаются только на русском языке. В нашей школе не преподают якутский язык. Хочу, чтобы было обязательным изучение родного языка во всех школах Якутии, а то такими темпами совсем потеряем свой язык.

Жен., 37, высш., логистик, предприниматель, г. Якутск (носитель языка):

— В каждой школе и дошкольном учреждении групп и классов с изучением национальных языков должно быть больше. Количество должно исходить из национального состава населения, с учётом внутренней миграции из сельской местности в городские поселения.

Муж., 35, инженер, г. Якутск (носитель языка):

— Я не уверен, что все родители хотят учить своих детей якутскому языку, поэтому считаю, что изучение якутского языка должно быть добровольным для всех детей.

Анализ тенденций развития языковой политики в современной России, мнений ее основных акторов и дебатов вокруг языкового вопроса выявил, что в целом этническая общность осознает реальную угрозу витальности этнического языка. Будущее его в республике сейчас напрямую зависит от выбора родительского сообщества, будь то выбор в пользу родного этнического языка, функционального языка большинства или передачи билингвальной, бикультурной ценности своим детям.

4. Заключение = Conclusions

«Укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия Рос-

сийской Федерации» провозглашено в качестве одной из стратегических целей государственной национальной политики Российской Федерации [Указ 2018]. Таким образом, для успешной реализации национальной политики необходимо уделять особое внимание языковым проблемам и потенциальным конфликтам, с ними связанным.

Сегодня наблюдается умеренное, но непрерывное снижение владения родным языком среди носителей языков народов РФ.

В целом этнический язык для современных школьников представляет качественно новый вариант родного языка, что прогнозирует дальнейшее, возможно, резкое снижение компетенции у подрастающего поколения. Динамичность событий в эпоху ИКТ в языковой сфере уникальна: распространение разговорных навыков и снижение навыков чтения на якутском языке значительно повлияли на языковые предпочтения в сфере СМИ и предопределили участь печатных видов этнических СМИ. Предпосылки к трансформации обозначились и в семейном общении: за 9 лет объем общения на родном языке снизился на 10 % [Иванова, 2019]. При этом в наиболее сложной социокультурной ситуации в данный период оказались сельские жители, население моноэтнических гомогенных сред. Реальная языковая ситуация, характеризующаяся якутским моноязычием, не совпадает с трансформированными языковыми установками в современном обществе, насаждаемыми ИКТ. Преодоление подобного дисбаланса видится в «гармонизации всех составляющих процесса обучения языкам» с учетом социокультурных потребностей представителей различных этносов, проживающих на территории РФ в целом, и представителей саха, в частности [Боргояков, 2021, с. 124]. Внимание к данным проблемам представляется особенно актуальным в условиях международного десятилетия языков коренных народов (2022—2032 годы), провозглашенного Генеральной Ассамблеей ООН.

Таким образом, в условиях массовой урбанизации, цифровой глобализации существует объективная необходимость в принятии ряда реальных мер в сфере образовательной политики, направленных на сохранение якутского языка как в городском, так и сельском пространствах с применением имеющихся на данный период этнокультурных ресурсов.

Наращивание ресурсов этнической идентичности, генерирующей и языковую идентичность этнической общности, мы видим, прежде всего, в установлении мер государственной поддержки: в усилении этнокультурных основ в образовательной системе, начиная с дошкольных учреждений; в обеспечении научно-методического сопровождения образовательного процесса; в масштабировании просветительской работы в области языковых прав личности и народа; в этноязыковой политике семейного уровня;

в инициировании обсуждения и принятия решения вопроса об ограничении доступа детей в киберпространство.

Потенциал продуктивного вида билингвизма, совмещающего родной (этнический) и второй языки, формируется лишь при максимальном функционировании и использовании обоих языков, поэтому необходимо создавать условия для сбалансированной двуязычной ситуации. При этом необходима стратегия расширения языкового сообщества саха за счет включения в него носителей языка, не полностью владеющих им, и новых говорящих.

Источники

1. Конституция 1992 — *Конституция* (основной закон) Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 1992 года (с изменениями на 26 мая 2021 года).
2. Закон 1991 — «*О языках народов Российской Федерации*» : Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1.
3. Закон 1992 — «*О языках в Республике Саха (Якутия)*» : Закон Республики Саха (Якутия) от 16 октября 1992 года N 1170-XII (с изменениями на 28 апреля 2022 года).
4. Закон 2007 — «*О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта*» : Федеральный закон от 01.12.2007 № 309-ФЗ.
5. Закон 2012 — «*Об образовании в Российской Федерации*» : Федеральный закон (с изменениями на 11 июня 2022 года).
6. Перепись 2002 — *Всероссийская перепись населения РФ 2002*.
7. Перепись 2010 — *Всероссийская перепись населения РФ 2010*.
8. Указ 2018 — *Указ Президента Российской Федерации о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года* (В редакции от 06.12.2018 № 703).

Литература

1. Андросова Ю. В. Психологическое просвещение родителей детей, обучающихся в условиях билингвального образовательного процесса / Ю. В. Андросова // Психология образования в поликультурном пространстве. — 2018. — № 2 (42). — С. 109—112. — DOI: 10.24888/2073-8439-2018-42-2-105-112.
2. Аргунова Т. В. Лингвистическая образовательная политика / Т. В. Аргунова // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия) : Актуальные проблемы / науч. ред. П. А. Слепцов ; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. — Новосибирск : Наука, 2003. — 223 с. — ISBN 5-02-029896-4.
3. Арутюнова Е. М. Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) / Е. М. Арутюнова // Социологические исследования. — 2018. — № 4. — С. 25—35. — DOI: 10.7868/S0132162518040037.
4. Арутюнова Е. М. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании / Е. М. Арутюнова // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. — 2019. — № 1. — С. 50—61. — DOI: 10.19181/inab.2019.1.4.

5. Биткеева А. Н. Калмыцкий язык в современном мире (социолингвистический аспект) / А. Н. Биткеева. — Москва : Наука, 2006. — 364 с.
6. Биткеева А. Н. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации : социолингвистический аспект / А. Н. Биткеева, М. Вингендер, В. Ю. Михальченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2019. — Т. 18. — № 3. — С. 6—23. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>.
7. Боргояков С. А. Модернизация этноязыкового образования как средства формирования этнокультурной идентичности / С. А. Боргояков // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса, VIII международной научной конференции «Народы и культуры саяно-алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и году хакасского эпоса в Республике Хакасия. — Абакан : Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2021. — С. 123—128.
8. Боргояков С. А. Этнокультурное образование как фактор укрепления межнационального согласия в российском обществе / С. А. Боргояков, Р. С. Бозиев // Педагогика. — 2018. — № 2. — С. 3—14.
9. Габдулгафарова Э. М. Этнокультурное образование этнических меньшинств как составляющая часть региональной этнополитики / Э. М. Габдулгафарова // Казанский филологический вестник. — 2006. — № 4 (20). — С. 23—44.
10. Габышева Ф. В. Развитие языковой личности в полилингвальной образовательной среде / Ф. В. Габышева, С. С. Семенова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : матер. V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4—8 октября 2016 г.). — Санкт-Петербург : РОПРЯЛ, 2016. — Выпуск 5. — С. 1151-1157.
11. Герасимова О. Е. Этнокультурное образование в России как фактор этносоциализации молодежи / О. Е. Герасимова // Russian Journal of Education and Psychology. — 2014. — № 12 (44). — DOI: 10.12731/2218-7405-2014-12-10.
12. Горячева М. А. Современная образовательная политика в отношении языков народов России как важная часть этнонациональной политики страны / М. А. Горячева // Материалы Всероссийской научной конференции «Нациестроительство : состояние, проблемы, перспективы» (30 ноября 2018 года). — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2018. — С. 178—185. — ISBN 978-5-7281-2285-2.
13. Иванова Н. И. Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске : цифры и факты : монография / Н. И. Иванова ; отв. ред. П. А. Слепцов. — Москва : Языки народов мира, 2017. — 260 с. — ISBN 978-5-902198-33-8.
14. Иванова Н. И. Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования : истоки начинающегося кризиса / Н. И. Иванова, В. Н. Никитина, А. Г. Филиппова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 65—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-65-84.
15. Иванова Н. И. Функциональный статус якутского языка в Республике Саха (Якутия) / Н. И. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 12. — С. 182—187. — DOI: 10.30853/linnauki.2019.12.37.
16. Игнатъева В. Б. Кто поддержит модель современной школы / В. Б. Игнатъева // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. — Москва : ИЭА РАН, 2010. — Выпуск 1. — С. 137—166.
17. Кондрашкина Е. А. Влияние психологического фактора на витальность языка / Е. А. Кондрашкина // Вопросы психолингвистики. — 2018. — № 37. — С. 22—35. — DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35.

18. Михальченко В. Ю. Проблема витальности языков малочисленных народов России / В. Ю. Михальченко // Языковая ситуация в Российской Федерации : 1992. — Москва : Российская Академия Наук, Отделение литературы и языка, Научный совет «Язык и общество», Институт языкознания, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, 1992. — С. 39—44.

19. Никифорова Е. П. Языковая образовательная политика в Республике Саха (Якутия) / Е. П. Никифорова, Л. П. Борисова // Современные исследования социальных проблем. — 2015. — № 9 (53). — С. 543—552.

20. Саввинов В. М. Анализ опыта образовательных практик, направленных на сохранение и воспроизводство культуры и языка коренных народов Республики Саха (Якутия) в 1950—2010 годах / В. М. Саввинов, П. П. Иванов // Образование. Наука. Инновации : Южное измерение. — 2013а. — № 5 (31). — С. 65—72.

21. Саввинов В. М. Анализ проблем и критических ситуаций в системе образования с точки зрения задач сохранения культуры и языков коренных народов Республики Саха (Якутия) / А. И. Саввинов // Наука и образование. — 2013б. — № 4. — С. 100—105.

22. Таркова А. П. Обучение родному (эвенскому) языку в школах малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / А. П. Таркова // Язык и культура (Новосибирск). — 2014. — № 15. — С. 75—78.

Material resources

Constitution (Basic Law) of the Republic of Sakha (Yakutia) of April 4, 1992 (as amended on May 26, 2021). (In Russ.).

Decree of the President of the Russian Federation on the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (As amended on 06.12.2018 № 703). (In Russ.).

“On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of changing the concept and structure of the state educational standard: Federal Law № 309-FZ of 01.12.2007. (In Russ.).

“On Education in the Russian Federation”: Federal Law (as amended on June 11, 2022). (In Russ.).

“On Languages of the Peoples of the Russian Federation”: The Law of the Russian Federation dated 25.10.1991 № 1807-1. (In Russ.).

“On Languages in the Republic of Sakha (Yakutia)”: The Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated October 16, 1992 № 1170-XII (as amended on April 28, 2022). (In Russ.).

Russian Population Census of the Russian Federation (2002). (In Russ.).

Russian Population Census of the Russian Federation (2010). (In Russ.).

References

Androsova, Yu. V. (2018). Psychological education of parents of children studying in a bilingual educational process. *Psychology of education in a multicultural space*, 2 (42): 109—112. DOI: 10.24888/2073-8439-2018-42-2-105-112. (In Russ.).

Argunova, T. V. (2003). Linguistic educational policy. In: *Modern language processes in the Republic of Sakha (Yakutia): Actual problems*. Novosibirsk: Nauka. 223 p. ISBN 5-02-029896-4. (In Russ.).

Arutyunova, E. M. (2019). The linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of linguistic contradictions in school education. *Information and Ana-*

- lytical *Bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*, 1: 50—61. DOI: 10.19181/inab.2019.1.4. (In Russ.).
- Arutyunova, E. M. (2018). Ethnolanguage problems and prospects in the educational sphere of the Russian republics (on the example of Bashkortostan). *Sociological research*, 4: 25—35. DOI: 10.7868/S0132162518040037. (In Russ.).
- Bitkeeva, A. N. (2006). *Kalmyk language in the modern world (sociolinguistic aspect)*. Moscow: Nauka. 364 p. (In Russ.).
- Bitkeeva, A. N., Wingender, M., Mikhailchenko, V. Y. (2019). Forecasting and linguistic diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 18 (3): 6—23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>. (In Russ.).
- Borgoyakov, S. A. (2021). Modernization of ethno-linguistic education as a means of forming ethno-cultural identity. In: *Materials of the International Symposium of the Khakass epic, the VIII International scientific Conference “Peoples and Cultures of the Sayano-Altai and adjacent territories” dedicated to the 300th anniversary of the opening of monuments of the Yenisei script and the year of the Khakass epic in the Republic of Khakassia*. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History. 123—128. (In Russ.).
- Borgoyakov, S. A., Bosiev, R. S. (2018). Ethnocultural education as a factor of strengthening interethnic harmony in Russian society. *Pedagogy*, 2: 3—14. (In Russ.).
- Gabdulgafarova, E. M. (2006). Ethnocultural education of ethnic minorities as a component of regional ethnopolitics. *Kazan Federalist*, 4 (20): 23—44. (In Russ.).
- Gabysheva, F. V., Semenova, S. S. (2016). Development of a linguistic personality in a multilingual educational environment. In: *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia: mater. VROPYAL Congress (Kazan, October 4—8, 2016)*, 5. St. Petersburg: ROPRYAL. 1151—1157. (In Russ.).
- Gerasimova, O. E. (2014). Ethnocultural education in Russia as a factor of ethnosocialization of youth. *Russian Journal of Education and Psychology*, 12 (44). DOI: 10.12731/2218-7405-2014-12-10. (In Russ.).
- Goryacheva, M. A. (2018). Modern educational policy in relation to the languages of the peoples of Russia as an important part of the ethnonational policy of the country. In: *Materials of the All-Russian Scientific Conference “Nation-building: state, problems, prospects” (November 30, 2018)*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 178—185. ISBN 978-5-7281-2285-2. (In Russ.).
- Ivanova, N. I. (2017). *Sociolinguistic aspects of the functioning of the Yakut language in Yakutsk: figures and facts: monograph*. Moscow: Languages of the Peoples of the World. 260 p. ISBN 978-5-902198-33-8. (In Russ.).
- Ivanova, N. I. (2019). The functional status of the Yakut language in the Republic of Sakha (Yakutia). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12: 182—187. DOI: 10.30853/filnauki.2019.12.37. (In Russ.).
- Ivanova, N. I., Nikitina, V. N., Filippova, A. G. (2019). Sociolinguistic Conditionality of Yakut Language Functioning in Field of School Education: Origins of Incipient Crisis. *Nauchnyi dialog*, 10: 65—84. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-65-84>. (In Russ.).
- Ignatieva, V. B. (2010). Who will support the model of a modern school. In: *Ethno-cultural education. Methods of social orientation of the Russian school, 1*. Moscow: IEA RAS. 137—166. (In Russ.).

- Kondrashkina, E. A. (2018). The influence of the psychological factor on the vitality of language. *Questions of psycholinguistics*, 37: 22—35. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35. (In Russ.).
- Mikhalchenko, V. Yu. (1992). The problem of the vitality of the languages of the small peoples of Russia. In: *The language situation in the Russian Federation: 1992*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Department of Literature and Language, Scientific Council “Language and Society”, Institute of Linguistics, Research Center for National-Linguistic Relations. 39—44. (In Russ.).
- Nikiforova, E. P., Borisova, L. P. (2015). Language educational policy in the Republic of Sakha (Yakutia). *Modern studies of social problems*, 9 (53): 543—552. (In Russ.).
- Savvinov, V. M. (2013). Analysis of problems and critical situations in the education system from the point of view of the tasks of preserving the culture and languages of the indigenous peoples of the Republic of Sakha (Yakutia). *Science and Education*, 4: 100—105. (In Russ.).
- Savvinov, V. M., Ivanov, P. P. (2013). Analysis of the experience of educational practices aimed at preserving and reproducing the culture and language of the indigenous peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) in 1950—2010. *Education. The science. Innovation: The Southern Dimension*, 5 (31): 65—72. (In Russ.).
- Tarkova, A. P. (2014). Teaching native (Even) Language in schools of small peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia). *Language and culture (Novosibirsk)*, 15: 75—78. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.07.2022,
одобрена после рецензирования 06.09.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

Воронина Т. М. Качества и «анти-качества» речи : репрезентация в идеографическом словаре / Т. М. Воронина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 46—67. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-46-67.

Voronina, T. M. (2022). Qualities and “Anti-Qualities” of Speech: Representation in Ideographic Dictionary. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 46-67. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-46-67. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-46-67

Качества и «анти-качества» речи: репрезентация в идеографическом словаре

Воронина Татьяна Михайловна

orcid.org/0000-0001-6834-9856
кандидат филологических наук,
доцент кафедры фундаментальной
и прикладной лингвистики
и текстоведения
tmv313@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00352,
<https://rscf.ru/project/22-18-00352/>

Qualities and “Anti-Qualities” of Speech: Representation in Ideographic Dictionary

Tatyana M. Voronina

orcid.org/0000-0001-6834-9856
PhD in Philology, associate professor,
Department of Fundamental and Applied
Linguistics and Text Science
tmv313@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00352,
<https://rscf.ru/project/22-18-00352/>

© Воронина Т. М., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучение речи с коммуникативной точки зрения, а именно ее коммуникативно значимых качеств, реализации функций общения и воздействия, важно прежде всего в культурно-речевом аспекте. Специалистами разработаны критерии хорошей речи и требования к ней (информативность, правильность, точность, логичность, уместность, чистота, доходчивость, богатство, этичность, экспрессивность). Цель данного исследования — проанализировать специфику представлений о качествах речи в наивном языковом сознании. Материал исследования — данные, полученные в процессе работы над проектом «Универсальный словарь-тезаурус русского языка», разрабатываемым в настоящее время специалистами Уральского семантической школы под руководством проф. Л. Г. Бабенко. Используются также материалы других толковых и идеографических словарей. Среди выявленных лексем со значением характеристик речи прежде всего рассмотрены те, которые связаны синонимическими отношениями, то есть отвечают за детализацию, конкретизацию этих характеристик. Кроме того, языковыми средствами маркируется как соблюдение, так и несоблюдение требований к хорошей речи, то есть как ее качества, так и «анти-качества», что говорит о важности этих противопоставленных характеристик; поэтому внимание уделяется также антонимическим парам и группам слов.

Ключевые слова:

качества речи; лексика со значением характеристик речи; синонимия; антонимия; идеографический словарь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study of speech from a communicative point of view, namely its communicatively significant qualities, the implementation of the functions of communication and influence, is important primarily in the cultural and speech aspect. Specialists have developed criteria for good speech and requirements for it (informativeness, correctness, accuracy, consistency, relevance, purity, intelligibility, richness, ethics, expressiveness). The purpose of this study is to analyze the specifics of ideas about the qualities of speech in a naive linguistic consciousness. The material of the study is the data obtained in the process of working on the project “Universal Thesaurus of the Russian Language”, which is currently being developed by specialists from the Ural Semantic School under the guidance of prof. L. G. Babenko. Materials from other explanatory and ideographic dictionaries are also used. Among the identified lexemes with the meaning of speech characteristics, first of all, those that are connected by synonymous relations, i.e. are responsible for detailing, concretizing these characteristics. In addition, both compliance and non-compliance with the requirements for good speech, i.e., both its qualities and “anti-qualities”, are marked by linguistic means, which indicates the importance of these opposing characteristics; therefore, attention is also paid to antonymic pairs and groups of words.

Key words:

speech quality; vocabulary with the meaning of speech characteristics; synonymy; antonymy; ideographic dictionary.

Качества и «анти-качества» речи: репрезентация в идеографическом словаре

© Воронина Т. М., 2022

1. Введение = Introduction

Речевая деятельность и средства ее отображения в языке — давний объект теоретических и прикладных исследований в лингвистике. Вопросы семантики, прагматики, классификации лексики, репрезентирующей речь в различных языках, в том числе в русском, рассмотрены в сопоставительном, историческом, лингвокультурологическом, когнитивном, дискурсивном, лингводидактическом аспектах — см., например, статьи, монографические и диссертационные исследования по данной тематике [Антонова, 2003; Виноградова, 2013; Гарибова, 2021; Егорова, 2003; Крылова, 1996; Логический анализ ..., 1994; Потапова, 2008; Старикова, 2017; Шарипова, 2013; Шатуновский, 2016; Язык ..., 2000; Caballero et al., Parshutina et al., 2018; Xia et al., 2019 и мн. др.]. При этом, как отмечают исследователи, «в науке уже сложилась традиция многоаспектного рассмотрения речевого процесса и выделения в нем трех аспектов: акустического (звукового), информационного и коммуникативного» [Антонова, 2003, с. 148].

Изучение речи с коммуникативной точки зрения, а именно ее коммуникативно значимых качеств, реализации функций общения и воздействия, важно прежде всего для теории и практики культуры речи. Выработаны критерии хорошей речи и требования к ней — в трудах таких известных специалистов, как Б. Н. Головин [Головин, 1980], О. Б. Сиротинина [Хорошая речь ..., 2001] и мн. др. В соответствии с определением, данным в словаре «Эффективное речевое общение», коммуникативные качества речи — это «такие свойства речи, которые, взятые в совокупности, обеспечивают наибольшую эффективность общения применительно к конкретной коммуникативной ситуации» [Сковородников, 2014, с. 227]. Среди основных качеств хорошей речи, как указывает А. П. Сковородников, обычно выделяют следующие: «информативность речи (содержательность и наличие новизны), правильность (соответствие нормам литературного языка), точность (соответствие выражаемому понятию и обозначаемому предмету речи), логичность (соблюдение законов и правил формальной логики), уместность (соответствие коммуникативной ситуации, избранному стилю и жанру), чистота (незасоренность речи диалектными, жаргонными, просторечными словами, стилистически не оправданными иноязычными словами и выражениями, грубыми словами

и высказываниями), доходчивость (ясность, доступность, незатруднительность для понимания), богатство (полнота владения средствами языка на всех его уровнях), этичность (соблюдение норм морали и вежливости, прежде всего — речевого этикета), прагматически оправданная экспрессивность (повышенная степень воздействия речи) [Сквородников, 2014, с. 227].

Анализ языкового материала показывает, что эти требования, обоснованные учеными, находят отражение и в наивном языковом сознании. Так, Ю. В. Егорова совершенно справедливо пишет: «Непосредственно высказанные требования, предъявляемые к оратору, мы находим в пособиях по риторике. Однако представления носителей языка о человеке говорящем не даются нам в рекомендациях, в отличие от “идеальной нормы”, описанной в этих пособиях. Только проанализировав возможности характеристики человека говорящего в естественном языке, мы можем судить о том, насколько значимо для русскоязычного социума, говорит ли человек правду, шутит ли он, злословит или хвалит, хвастается или приbedняется, последовательна ли, интересна ли его речь» [Егорова, 2003, с. 5]. Отметим, что в ее исследовании материалом являются «имена существительные и прилагательные в тех их значениях, которые характеризуют человека в зависимости от его речевой деятельности и способны занимать предикативную позицию в предложениях» [Там же, с. 8]; в качестве еще одного примера исследования именной лексики со значением характеристик человека по его речи, но уже на диалектном материале, приведем представленное в статье [Старикова, 2017]. Преимущественно же подобные исследования сосредоточены на анализе глаголов речевой деятельности. Обозначим далее специфику подхода и материал, используемые в нашей работе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Идеографические словари являются одним из важнейших источников информации о языковой картине мира: «Тезаурус задает соответствие между единицами мышления — понятиями, концептами — и семантическими единицами языка — значениями слов — и тем самым показывает, как конкретный язык членит информацию о действительном мире» [Кобозева, 2000, с. 126]. При этом значимым оказывается не только сам факт именования языковыми единицами тех или иных фрагментов действительности, но и то, что В. И. Карасиком сформулировано как «понятие номинативной плотности, то есть детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик, 2002, с. 94]. Поэтому среди множества лексем со значением характеристик речи нас будут прежде всего интересовать те, которые связаны синонимическими отношениями, а значит, отвечают за

детализацию, конкретизацию этих характеристик. Кроме того, языковыми средствами маркируется как соблюдение, так и несоблюдение требований к хорошей речи, то есть как ее качества, так и «анти-качества», что говорит о важности этих противопоставленных характеристик. Поэтому рассмотрим антонимические пары и группы, которые, в свою очередь, связаны с отражением более общих, но четко осознаваемых противопоставлений. Об этом в аспекте значимости комплексного рассмотрения синонимов и антонимов пишет Л. Г. Бабенко: «Единство противоположностей — важнейшая бытийная категория, которая имеет лингвистическое воплощение на разных языковых уровнях, в том числе на лексическом — в единстве синонимов и антонимов, связанных с репрезентацией тождества предметов, процессов, качеств и т. п., которым свойственны внутренняя противоречивость или внешняя противоположность» [Бабенко, 2021а, с. 14]. Еще один важный аспект нашего исследования состоит в том, что в качестве материала привлекаются единицы разных частей речи, так как, в соответствии с концепцией «Универсального словаря-тезауруса русского языка», разработанной Л. Г. Бабенко, на материале поличастеречных классов слов можно выявлять в том числе модификационные особенности вербализации того или иного смысла.

Таким образом, материал исследования — данные, полученные в процессе работы над проектом «Универсальный словарь-тезаурус русского языка», который разрабатывается в настоящее время специалистами Уральской семантической школы под руководством проф. Л. Г. Бабенко. Используются также материалы толковых и идеографических словарей, прежде всего тех, которые подготовлены указанным коллективом исследователей [БТССРР], [БТИССАК]. Об особенностях различных типов словарей Уральской семантической школы и представленных в них типах лексических множеств подробно см. в [Бабенко, 2020].

В качестве методов исследования применялись метод компонентного анализа лексического значения, метод идеографической классификации, методики анализа синонимического ряда и синонимико-антонимического комплекса, разработанные Л. Г. Бабенко.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Синонимические ряды и антонимические оппозиции как средства репрезентации качеств и «анти-качеств» речи

Нами было проанализировано около 3400 лексем (ЛСВ) различной частеречной принадлежности, относящихся к денотативно-идеографической сфере «Речь». Общую структуру данной сферы в соответствии с денотативно-идеографической классификацией, разработанной Л. Г. Бабенко, см. в [Бабенко, 2021б, с. 43].

Из общего количества ЛСВ около 1000 обозначают качества речи и группируются в синонимические ряды и антонимические оппозиции. Следует отметить, что прежде всего материал анализа составили единицы групп «Характеристики речи человека» и «Характеристика человека по особенностям речи», но не исключительно они: во-первых, не рассматривались номинации характеристик речи, которые не связаны прямо с коммуникативными качествами (напр., оппозиции *кричать* — *шептать*, *высокий* — *низкий* (о стиле), *иносказательный* — *буквальный*, *устный* — *письменный*, *вслух* — *про себя* характеризуют речь, но не обозначают коммуникативно значимых качеств); во-вторых, привлекались лексемы других групп, если речевое действие или его содержание сопряжено с какой-либо характеристикой (например, лексемы, входящие в оппозиции *правда* — *ложь*, *договаривать* — *не договаривать* и т. п., относятся к группе «Речевое сообщение», при этом характеризуют речь по признаку информативности).

Оппозитивными отношениями оказываются связанными как отдельные лексемы, так и целые синонимические ряды. В результате анализа выявлено 53 антонимических оппозиции, членами которых могут быть как отдельные слова, так и целые синонимические ряды, и дополнительно еще 33 синонимических ряда слов, называющих характеристики речи. Они сгруппированы в 16 противопоставлений (далее в статье они обозначены (1), (2), ... (16) со сквозной нумерацией при последовательном рассмотрении коммуникативных качеств речи) в соответствии с приведенными выше коммуникативными качествами, представленными в словаре «Эффективное речевое общение» [Сковородников, 2014, с. 227].

1. Информативность. Данное качество и противоположное «анти-качество» репрезентируются несколькими синонимико-антонимическими комплексами и синонимическими рядами.

(1) Профилируется собственно наличие / отсутствие значимой информации:

— признак высказывания, текста (*содержательный*, *информативный* ↔ *бессодержательный*, *беспредметный*, *малоинформативный*, *малосодержательный*, *неинформативный*, *пустой*),

— качество высказывания, текста (*содержательность*, *информативность* ↔ *бессодержательность*, *беспредметность*, *малоинформативность*, *малосодержательность*, *неинформативность*, *пустота*),

— признак речевого действия (*содержательно*, *информативно* ↔ *бессодержательно*, *беспредметно*, *малоинформативно*, *малосодержательно*, *неинформативно*).

В данном случае противопоставление имеет комплементарный характер, хотя формально (если следовать внутренней форме слов) могло бы

показаться, что мы имеем дело со шкалированным признаком: отсутствие содержания — недостаточность содержания — наличие содержания. Однако, как и во многих других подобных случаях, прилагательные *содержательный, информативный*, находящиеся на позитивном «полюсе» шкалы, называют не просто наличие содержания, а наличие глубокого содержания, сдвигаются в сторону обозначения высокой степени проявления признака, ср. *информативный* ‘несущий информацию; насыщенный информацией’ [БТС, с. 397]; *содержательный* ‘1. имеющий *богатое* содержание (3 зн.), с *большим* внутренним смыслом, значением’ [БТС, с. 1229]; тогда как прилагательные *малоинформативный, малосодержательный* сдвигаются в сторону обозначения крайне малой степени проявления признака; таким образом, основанием антонимического противопоставления являются компоненты наличие / отсутствие информации и интенсивность: содержание богатое / содержание отсутствует.

Как видим, отсутствует номинация признака наличия информативности (без компонента интенсивности), так как содержательная речь осознается как соответствующая норме. Точно так же отсутствуют глаголы со значением ‘говорить содержательно’, тогда как «анти-качество» репрезентируется довольно большим числом лексем, которые составляют глагольные синонимические ряды, называющие речь, характеризующую незначимым содержанием:

— речевое действие с акцентированием бессодержательности речи (*болтать¹, городить, нести, плести, молотить, молоть, пороть* (здесь и далее опущены пометы к словам, чтобы избежать нагромождения сокращений в тексте) ‘говорить что-либо бессмысленное, несообразное, не заслуживающее внимания, не соответствующее действительности или не то, что следует’),

— речевое действие с акцентированием бессодержательности и длительности речи (*болтать², пустословить, празднословить, суесловить, балаболить, балабонить, пустозвонить, трепать, трепаться* ‘говорить пустяки, вздор, вести бессодержательные и бесполезные разговоры в течение длительного времени’),

— речевое действие с акцентированием бессодержательности и громкости и темпа речи (*болтать³, лепетать, тараторить, частить, стрекотать, трещать, тарыхтеть, цокотать, щебетать, тарантить, трындеть* ‘говорить много, быстро, без пауз, в течение длительного времени, обычно о чем-либо незначительном, несерьезном или вообще без определенной темы’).

Ряды с доминантами *болтать², болтать³* имеют дериваты со значением субъекта, охарактеризованного по речи, и характеристики самой речи:

— *пустослов, болтолог, крикун, треполог, празднослов, суеслов, балабол, балаболка, балабон, болтун, болтушка, пустозвон, пустолайка, пу-*

стомеля, пустоплет, пустобрех, трепач ‘тот, кто пустословит’, *пустословка, крикунья, балаболка, болтунья, болтушка, пустолайка, пустомеля, трепачка* ‘та, кто пустословит’,

— *пустословие, пустозвонство, болтология, трепология, празднословие, словеса, словоблудие, словоизвержение, суесловие, языкоблудие, болтовня, слова, трепня, трепотня, треп* ‘бессодержательные и бесполезные речи, разговоры’;

— *болтун, лепетун, балабол и балаболка, балалайка, болтушка, говорун, сорока, стрекотун, тараторка и таратора, трескун, трещотка, таранта* ‘тот, кто много и быстро, часто бессодержательно говорит’, *болтунья, лепетунья, балаболка, балалайка, болтушка, говорунья, сорока, стрекотунья, стрекотуха, тараторка и таратора, трескунья, трещотка, цокотуха, щебетунья, таранта, трандычиха* ‘та, кто много и быстро, часто бессодержательно говорит’,

— *болтовня, лепет, лепетание, стреко́т, стреко́тание, стреко́тня, треско́тня, трещание, таракание, цокотание, щебет, щебетание* ‘быстрая, часто бессодержательная речь’.

(2) Профилируется достаточность / недостаточность переданной информации; этот смысл реализуется в следующих оппозициях:

— качество высказывания, текста (*полнота ↔ неполнота, недосказанность, недоговоренность, эллипсис*),

— речевое действие, сообщение полной или неполной информации (*договаривать / договорить, досказывать / досказать ↔ недоговаривать / недоговорить, недосказывать / недосказать, умалчивать / умолчать; выпускать / выпустить, пропускать / пропустить, упускать / упустить ↔ восполнять / восполнить*).

Для названия пропущенной части высказывания, текста существуют специальные номинации, связанные с неполнотой как «анти-качеством»: *недомолвка, недоговоренность, недосказанность, умолчание, недоговорка* ‘часть информации, которую говорящий не включает в сообщение или сообщает с помощью неясных намеков, а также самое такое неполное сообщение’, *пропуск, пробел, лакуна* ‘отсутствие какой-либо части, детали, каких-либо фактов, сведений при изложении, повествовании, чтении, переписывании и т. д.’.

(3) Профилируется соответствие / несоответствие сообщаемой информации действительности; этот смысл реализуется в следующих оппозициях:

— признак высказывания (*правдивый, истинный ↔ ложный, лживый*),
— качество высказывания (*правдивость, истинность ↔ ложность, лживость*),

— само высказывание с характеристикой содержания по соответствию действительности (*правда, истина ↔ ложь, измышления, неправда, об-*

ман, дезинформация, блеф, вранье, лганье, липа, брехаловка, брехня, брех, враки, деза, дезуха, свист, треп), по достоверности, реальности сообщаемого (*быль ↔ вымысел, миф, небылица, фикция, басня, выдумка, рассказы, сказка, фантазия, небывальщина*),

— признак человека (*правдивый, искренний, честный, прямой ↔ лживый, неискренний, нечестный*),

— качество человека (*правдивость, искренность, честность, прямо-та ↔ лживость, неискренность, нечестность*),

— характеристика человека (*правдолюб, правдолюбец, правдоруб, честяга ↔ лгун, обманщик, лгунишка, лжец, Мюнхаузен, враль, вральман, врун, врунишка, вруша, врушка, сочинитель, брехло, брехун, заливала и заливало, свистун, трепач, трепло, гонщик*). Относительно данных существительных следует отметить различия в количестве и частотности слов, называющих качество и «анти-качество». С одной стороны, говорить правду осознается как норма, а язык фиксирует отклонение от нормы, отсюда большое количество наименований лжецов. С другой стороны, видимо, в языке отражается представление о том, что абсолютно всегда говорить правду невозможно, это тоже некое отклонение от нормы. Поэтому наименования человека, который всегда говорит правду, стилистически окрашены и часто употребляются в ироническом контексте, от них непродуктивно образуются существительные со значением женскости (ср., например, *правдолюбка* в НКРЯ — 7 примеров в основном корпусе, 2 в газетном), тогда как подобные наименования «анти-качества» образуются гораздо более свободно (*лгунья, обманщица, лгунишка, врунья, врунишка, вруша, врушка, сочинительница, брехунья, гонщица*).

Однословные наименования речевого действия ‘говорить правду’ в русском языке отсутствуют, при этом «анти-качество» репрезентируется объемным глагольным синонимическим рядом (*лгать / солгать, обманывать / обмануть, дезинформировать, блефовать, врать / соврать и наврать, завираться / заврататься, плести / наплести, подвирать / подоврать, привирать / приврать, присочинять / присочинить, сочинять / сочинить, темнить, травить, фантазировать, брехать / сбрехать, заливать, свистеть, трепать / натрепать, трепаться, гнать / нагнать, лепить, петь / напеть, прогонять / прогнать*).

(4) Профилируется содержательность в сочетании с формой текста, а именно достаточностью / недостаточностью / избыточностью длины текста для передачи сообщения:

— признак высказывания (*немногословный, краткий, компактный, конспективный, короткий, лаконический, лаконичный, однословный, односложный, сжатый, скупой, сухой, схематический, схематичный, тезисный,*

телеграфный, лапидарный, куций ↔ многословный, длинный, долгий, пространственный, растянутый). Следует отметить, что в составе ряда с доминантой *немногословный* не все прилагательные выражают положительную оценку краткого высказывания: *краткий, компактный, лаконичный, лапидарный vs односложный, телеграфный, куций*, то есть немногословие может интерпретироваться словами противопоставленного синонимического ряда и как соответствующее содержанию, и как недостаточное для выражения содержания,

— качество высказывания (*немногословность, краткость, компактность, конспективность, лаконизм, лаконичность, однословность, односложность, сжатость, скупость, сухость, схематизм, схематичность, тезисность, лапидарность ↔ многословность, многословие, пространность, растянутость*),

— признак речевого действия (*немногословно, кратко, вкратце, компактно, конспективно, коротко, лаконически, лаконично, однословно, односложно, сжато, скуп, сокращенно, сухо, схематически, схематично, тезисно, телеграфно, лапидарно, куце ↔ многословно, длинно, пространно, растянуто*),

— признак человека (*немногословный ↔ многословный*),

— качество человека (*немногословность ↔ многословность*).

Здесь же следует упомянуть и рассмотренный выше ряд с доминантой *разглагольствовать*, так как данные глаголы имеют комплексную семантику и в том числе характеризуют речевое действие с точки зрения его чрезмерной длительности. Таким образом, при характеристике достаточности / недостаточности / избыточности длины текста для передачи сообщения явным «анти-качеством» выступает многословие, а оценка краткого высказывания как достаточного или недостаточного может быть обязательным компонентом семантики слова либо зависеть от контекста.

Возможно и несколько другое противопоставление, по степени насыщенности текста деталями, где положительно маркированным качеством речи выступает подробность, то есть способность текста передавать всю необходимую информацию, включая не только главное, основное, но и отдельные частности, уточняющие детали:

— признак высказывания (*краткий, компактный, конспективный, короткий, лаконический, лаконичный, немногословный, однословный, односложный, сжатый, скупой, сокращенный, сухой, схематический, схематичный, тезисный, лапидарный, куций ↔ подробный, детальный, доскопальный, обстоятельный, развернутый*),

— качество высказывания, изложения (*краткость, компактность, конспективность, лаконизм, лаконичность, немногословность, однословность, односложность, сжатость, скупость, сухость, схематизм, схе-*

матичность, тезисность, лапидарность ↔ подробность, детальность, доскональность, обстоятельность, развернутость),

— признак речевого действия (*кратко, вкратце, компактно, конспективно, коротко, лаконически, лаконично, немногословно, однословно, односложно, сжато, скупо, сокращенно, сухо, схематически, схематично, тезисно, лапидарно, куце ↔ подробно, детально, досконально, обстоятельно, развернуто*).

(5) Профилируется новизна, оригинальность сообщаемой информации, с акцентом на «анти-качестве», ср. оппозицию *оригинальный ↔ неоригинальный, банальный, избитый, клишированный, общеизвестный, трафаретный, шаблонный, штампованный*. Кроме того, существует синонимический ряд для характеристики фраз, выражений, обладающих данным «анти-качеством»: *штамп, клише, трафарет, формула, трюизм*.

Итак, репрезентация информативности речи характеризуется номинативной плотностью и профилированием как собственно этого качества, так и других связанных с ним признаков: полнота, соответствие действительности, количественные характеристики высказывания. Преобладающим количеством лексем репрезентируется «анти-качество» — неинформативность, бессодержательность, неполнота, несоответствие объема текста передаваемому содержанию, несоответствие информации действительности, отсутствие новизны.

II. Правильность. Данное качество и противоположное «анти-качество» репрезентируются следующими синонимико-антонимическими комплексами и синонимическими рядами.

(6) Профилируется правильность произношения, четкость дикции:

— признак высказывания (*внятный, отчетливый, чеканный, четкий, членораздельный, явственный, ясный ↔ невнятный, косноязычный, неотчетливый, неразборчивый, нечеткий, нечленораздельный, неявственный, неясный*). Еще одно противопоставление специализирует произношение и построение высказывания на неродном языке: *правильный, чистый ↔ ломаный*, хотя оно не четко антонимическое, так как прилагательное *правильный* шире по семантике, *чистый* скорее характеризует произношение, а *ломаный* — не только произношение, но и грамматику, построение высказывания. Прилагательное *чистый* в контексте может также противопоставляться прилагательным *гнусавый, картавый, шепелявый*, но это тоже не собственно антонимия; а противопоставление *чистый ↔ нечистый* демотативно связано не только с речью, но и со звучанием вообще.

— качество высказывания (*внятность, отчетливость, чеканность, четкость, членораздельность, явственность, ясность ↔ невнятность,*

косноязычие, неотчетливость, неразборчивость, нечеткость, нечленораздельность, неясственность, неясность),

— признак речевого действия (*внятно, отчетливо, чеканно, четко, членораздельно, явственно, ясно* ↔ *невнятно, косноязычно, неотчетливо, неразборчиво, нечетко, нечленораздельно, неясственно, неясно*).

Относительно номинации самого речевого действия следует сказать, что четкой глагольной оппозиции не выделяется. Есть глаголы, называющие намеренно, нарочито раздельное, внятное, четкое произношение — *проговаривать, чеканить, скандировать*, с которыми глаголы типа *мямлить, бубнить, бурчать, бормотать* не составляют антонимическую оппозицию, так как отличаются дополнительными компонентами значений — не просто невнятно, но еще и медленно, неуверенно, выражая недовольство и т. п.

(7) Профилируется правильность (преимущественно имеется в виду грамматическая и стилистическая) внешнего оформления текста:

— признак высказывания (*ровный, гладкий* ↔ *неровный, негладкий, шероховатый*),

— качество высказывания (*ровность, гладкость* ↔ *неровность, шероховатость*),

— признак речевого действия, изложения (*ровно, гладко* ↔ *неровно, негладко, шероховато*).

Итак, при репрезентации правильности речи важным оказывается не столько соответствие нормам произношения и построения текста, сколько оценка текста адресатом с точки зрения удобства восприятия. Количество репрезентантов качества и «анти-качества» приблизительно равное.

III. Точность.

(8) Данное качество и противоположное «анти-качество» репрезентируются одним синонимико-антонимическим комплексом, профилирующим такое выражение мысли говорящим, которое позволяет / не позволяет понять высказывание сразу в одном определенном смысле:

— признак высказывания (*однозначный, ясный, недвусмысленный, прозрачный* ↔ *неоднозначный, неясный, двусмысленный, туманный*),

— качество высказывания (*однозначность, ясность, недвусмысленность, прозрачность* ↔ *неоднозначность, неясность, двусмысленность, туманность*),

— признак речевого действия (*однозначно, ясно, недвусмысленно, перен. прозрачно* ↔ *неоднозначно, неясно, двусмысленно, туманно*).

Как видим, при репрезентации точности речи оказывается важным способ оформления мысли говорящим, при этом акцентирована точка зрения адресата. Количество репрезентантов качества и «анти-качества» приблизительно равное.

IV. Логичность.

(9) Данное качество и противоположное «анти-качество» репрезентируются одним синонимико-антонимическим комплексом:

— признак высказывания (*логичный, последовательный, связный, складный, стройный* ↔ *нелогичный, непоследовательный, несвязный, нескладный, нестройный, противоречивый, путаный, сбивчивый, алогический, алогичный*),

— качество высказывания (*логичность, последовательность, связность, складность, стройность* ↔ *нелогичность, непоследовательность, противоречивость, путаность, сбивчивость, алогизм, алогичность*),

— признак речевого действия (*логично, последовательно, связно, складно, стройно* ↔ *нелогично, непоследовательно, противоречиво, путано, сбивчиво, алогично*).

А. П. Сковородников формулирует требование логичности как «соблюдение законов и правил формальной логики» [Сковородников, 2014, с. 227]; в общезыковом же сознании, как показывает анализ семантики и внутренней формы слов данных рядов, логичность — это прежде всего правильный, разумный ход изложения, последовательность мыслей и их связь между собой, а также правильное соотношение между частями высказывания. Несколько подробнее в языке представлено «анти-качество».

V. Уместность. Сущность данного качества речи обозначена А. П. Сковородниковым как «соответствие коммуникативной ситуации, избранному стилю и жанру» [Сковородников, 2014, с. 227]. В общезыковом словаре противопоставление уместности / неуместности связано не только с речью, но и с другими действиями.

(10) Применительно к речи используется лишь одно противопоставление, характеризующее соответствие ситуации общения и теме: *кстати, впазд ↔ некстати, невпазд*. При этом существует синонимический ряд глаголов, репрезентирующих «анти-качество», то есть называющих произнесение чего-либо неуместного, неожиданного, неправдоподобного: *ска-зунуть, брякать / брякнуть, б'ухать / б'ухнуть, выдавать / выдать, за-гибать / загнунуть, отпускать / отпустить, сморозить, хватить, ляпать / ляпнуть*. Антонимических связей у данного ряда нет; можно упомянуть лишь глагол *ввертывать / вернуть*, называющий произнесение небольшой реплики в удачный момент своей или чьей-либо речи.

VI. Чистота. Из нескольких составляющих данного качества речи, которые перечисляет А. П. Сковородников, — «незасоренность речи диалектными, жаргонными, просторечными словами, стилистически не оправданными иноязычными словами и выражениями, грубыми словами и высказываниями» [Сковородников, 2014, с. 227] — в языке репрезенти-

руется отсутствие /наличие грубых слов и выражений, причем безусловно маркированным членом оппозиции выступает «анти-качество».

(11) Это проявляется в наличии двух синонимико-антонимических комплексов, различающихся оценкой степени допустимости в речи тех или иных грубых слов и выражений — ср. *приличный ↔ неприличный, цензурный ↔ нецензурный*:

— признак речи (*приличный, пристойный, благопристойный ↔ неприличный, бесстыдный, вульгарный, грубый, грязный, крепкий, непристойный, площадной, пошлый, сальный, скабресный, циничный, неблагопристойный, гривуазный, неподобный, цинический, забористый, заборный, кабацкий, казарменный, непотребный, отборный, подзаборный, похабный, соленый, ядерный, окопный, солдафонский, срамной; цензурный ↔ нецензурный, ненормативный, обценный, табуированный, матерный, матерщинный, непечатный*),

— качество речи, слов (*приличность, пристойность, благопристойность ↔ неприличность, бесстыдность, вульгарность, грубость, крепость, непристойность, пошлость, сальность, скабресность, циничность, неблагопристойность, гривуазность, забористость, отборность, похабность, ядерность*),

— признак речевого действия (*прилично, пристойно, благопристойно ↔ неприлично, бесстыдно, вульгарно, грубо, грязно, крепко, непристойно, пошло, сально, скабресно, цинично, непотребно, забористо, отборно; цензурно ↔ нецензурно, матерно, непечатно, по-матерному*).

Кроме того, «анти-качество» дополнительно репрезентируют синонимические ряды, называющие:

— характеристику речи, высказывания (*неприличность, бесстыдство, вульгарщина, грубость, непристойность, пошлость, сальность, скабресность, неблагопристойность, непотребство, похабщина, похабень, похабство*),

— речевое действие (*сквернословить, выражаться / выразиться, материться / выматериться и сматериться, матерщинничать, матюгаться / матюгнуться и матюкаться / матюкнуться*),

— характеристику человека (*сквернослов, матерщинник; сквернословка, матерщинница*).

Итак, при обозначении признака чистоты речи, а именно отсутствия / наличия грубых слов и выражений, преобладают лексемы, называющие «анти-качество», и в количественном отношении, и по разнообразию лексико-грамматической интерпретации.

VII. Доходчивость.

(12) Данное качество репрезентируется следующим синонимико-антонимическим комплексом:

— признак речи (*ясный, понятный, вразумительный, толковый, внятный, четкий, членораздельный* ↔ *неясный, непонятный, невразумительный, бестолковый, невнятный, нечеткий, нечленораздельный*),

— качество речи (*ясность, понятность, вразумительность, толковость, внятность, четкость, членораздельность* ↔ *неясность, непонятность, невразумительность, бестолковость, невнятность, нечеткость, нечленораздельность*),

— признак речевого действия — изложения, объяснения (*ясно, понятно, вразумительно, толково, толком, внятно, четко, членораздельно* ↔ *неясно, непонятно, невразумительно, бестолково, невнятно, нечетко, нечленораздельно*).

Семантика данных оппозиций интерпретационная, доходчивость в них представлена как обусловленная хорошим / плохим изложением, но нет конкретизации того, что именно в речи позволяет / не позволяет адресату понять ее сразу, без дополнительных разъяснений.

Отметим также синонимические ряды, репрезентирующие «анти-качество» уже с конкретизацией причины того, почему речь трудна для восприятия — она характеризуется сложностью в построении фраз, длиннотами, изобилует необычными, излишне украшенными оборотами:

— признак речи (*витиеватый, вычурный, кудрявый, цветистый, кудреватый, цветастый*),

— качество речи (*витиеватость, вычурность, кудрявость, цветистость, кудреватость, цветастость*),

— признак речевого действия (*витиевато, вычурно, кудряво, цветисто, кудреватое, цветастое*).

Четких оппозиций в этом случае не образуется: хотя в словарях прилагательное *витиеватый* толкуется как ‘лишенный простоты’ [БТС, с. 133], но семантика прилагательного *простой* более обобщенная, нет денотативной связи именно с речью.

Итак, доходчивость интерпретируется с точки зрения адресата — может ли он понять смысл высказывания сразу, а причина этого (форма высказывания) может быть конкретизирована или нет. Преобладают лексемы, называющие «анти-качество».

VIII. Богатство.

(13) При репрезентации данного качества в языке акцентируется именно его наличие, то есть способность, умение человека говорить красиво, выразительно, убедительно, используя разнообразные средства языка, риторические приемы воздействия и т. д.; см. следующий синонимико-антонимический комплекс, где «анти-качество» представлено минимально в каждой оппозиции:

- признак человека (*красноречивый, сладкоречивый, сладкогласный, велеречивый, речистый* ↔ *косноязычный*),
- признак высказывания, речи, изложения (*красноречивый, сладкоречивый, сладкогласный, велеречивый* ↔ *косноязычный*),
- признак речевого действия (*красноречиво, велеречиво, красно* ↔ *косноязычно*),
- качество человека (*красноречие, велеречивость, красноречивость, речистость, сладкоречивость, сладкоречие, витийство, краснословие* ↔ *косноязычие, косноязычность*).

Существуют также специальные номинации для характеристики человека, обладающего данным качеством (*оратор, вития, трибун, Демосфен, златоуст, Цицерон*), и для обозначения речевого действия (*ораторствовать, витийствовать*), однако эти ряды не имеют антонимических противопоставлений.

Следует отметить, что в словарях связь богатства речи и информативности специально не отмечается, а указывается на внешнее оформление речи и способность воздействовать на слушателей, ср.: *красноречие* ‘способность, умение говорить красиво, убедительно; ораторский талант’ [БТС, с. 466]. Однако богатство имеет связь с содержательностью, поскольку внешне выразительная, но бессодержательная речь получает отрицательную (или по крайней мере ироническую) оценку и для ее номинации используются ряды с доминантами *разглазольствовать, краснобайство* и под., о которых пойдет речь ниже в связи с рассмотрением экспрессивности речи.

(14) Можно упомянуть еще одно противопоставление, связанное с обозначением богатства интонационного: *выразительный* ↔ *невыразительный, монотонный*. Хотя словари не отмечают у прилагательных *выразительный* и *невыразительный* специальных значений или оттенков, соотносительных с характеристиками речи, предстает, что они все же есть, поскольку поддерживаются наличием наречного противопоставления *выразительно, с выражением* ↔ *невыразительно, монотонно, без выражения* для обозначения признака речевого действия.

Итак, при обозначении богатства речи в русском языке акцентируется и представляется разнообразными средствами именно наличие этого качества, тогда как «анти-качество» репрезентируется минимально. Важной оказывается связь богатства и содержательности речи.

IX. Этичность. Соблюдение правил этики общения — безусловно важное качество, которое является объектом внимания исследователей не только в собственно культурно-речевом аспекте, но и в более широком лингвистическом контексте — см., например, [Вежливость ..., 2018]. Представления о вежливости находят отражение в языке и фиксируются в словарях. При этом вежливость — это качество не только речи, но и поведения человека

в целом. Интересно, что словари в первую очередь фиксируют поведенческий аспект, опираясь на сочетаемость типа *вежливый человек*, причем вежливость и невежливость часто определяются через друг друга: *вежливый* ‘чуждый грубости, предупредительный, услужливый’ [БТС, с. 115], *грубый* ‘6. не соблюдающий этики человеческих или профессиональных отношений; невежливый, неделикатный, неучтивый’ [БТС, с. 230]. Однако если по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ] сравнить данные о сочетаемости, например, леммы *вежливый* с существительными со значением речи и с существительными со значением поведения (в контекстах на расстоянии от -2 до 2), то видим следующее:

вежливый + речь 851 вхождение, *вежливый* + поведение 67 вхождений (в основном корпусе).

Можно заключить, что вежливость все же прежде всего осознается в связи с речевым поведением и речевой этикой.

(15) Поэтому рассмотрим в качестве средства репрезентации такого качества, как этичность, синонимико-антонимический комплекс вежливость / невежливость:

— признак речи (*вежливый, корректный, любезный, учтивый* ↔ *невежливый, грубый, дерзкий, некорректный, нелюбезный, неучтивый, хамский*),

— качество речи (*вежливость, корректность, любезность, учтивость* ↔ *невежливость, грубость, дерзость, некорректность, нелюбезность, неучтивость*),

— признак речевого действия (*вежливо, корректно, любезно, учтиво* ↔ *невежливо, грубо, дерзко, некорректно, нелюбезно, неучтиво, хамски, по-хамски*).

Кроме того, «анти-качество» репрезентируется синонимическими рядами со значением самого речевого действия (*грубить, дерзить, хамить*), характеристики речи (*грубость, дерзость*) и характеристики человека (*грубиян, хам, хамло; грубиянка, хамка*).

Итак, для обозначения этичности речи в аспекте вежливости в языке имеются средства номинации и качества, и «анти-качества», с количественным перевесом в пользу последнего, в том числе за счет специальных обозначений резко невежливого речевого действия и его субъекта.

Здесь же нужно снова упомянуть рассмотренные выше синонимико-антонимические комплексы, характеризующие речь по наличию в ней сниженных, грубых, непристойных слов и выражений (*приличный* ↔ *неприличный, цензурный* ↔ *нецензурный*), поскольку отношение к употреблению подобных слов и выражений, в отличие от диалектных или жаргонных единиц, связано с требованиями не только литературных лексических норм, но и, безусловно, норм этических.

Х. Экспрессивность. Данное качество А. П. Сковородниковым пояснено как «повышенная степень воздействия». В русском языке, как кажется, нет специальных средств для обозначения только экспрессивности и именно как характеристики речи: прилагательное *выразительный*, как уже отмечалось, имеет более широкое значение.

(16) Можно назвать синонимические ряды, включающие единицы комплексной семантики, которыми номинируется экспрессивность как качество, — *красноречивый* и деривационно связанные с ним, рассмотренные выше в связи с богатством речи. Действительно, красноречивый — это и красивый, и выразительный, и убедительный. С другой стороны, чрезмерная экспрессивность речи в русском языке воспринимается как «анти-качество», ср. синонимические ряды, называющие:

— речевое действие с акцентированием длительности речи в сочетании с эмоциональностью и усложненной формой, при этом бессодержательностью (*разглагольствовать, краснобайствовать, ораторствовать, фразерствовать, витийствовать, демагогствовать, петь, разливаться, распинаться, распространяться, рассусоливать, разглагольствование, демагогия, рассусоливание, краснобайство, фразерство, риторство*),

— характеристику человека по такой речи (*демагог, вития, златоуст, краснобай, оратор, фразер, говорун; фразерка, говорунья*),

— признак речи (*напыщенный, высокопарный, громкий, пышный, выспренный, выспренный, риторический, риторичный, ходульный, велеречивый, фразистый, надутый, трескучий*),

— качество речи (*напыщенность, высокопарность, громкость, пышность, выспренность, риторичность, ходульность, фразистость, надутость, трескучесть*),

— признак речевого действия (*напыщенно, высокопарно, громко, пышно, выспренно, выспренно, риторически, риторично, ходульно, фразисто, надут, трескуче*).

И если при характеристике богатства речи *красноречию* противопоставляется *косноязычие*, то при характеристике экспрессивности можно говорить о другом противопоставлении: *ораторствовать* и *разглагольствовать, оратор* и *краснобай, красноречие* и *краснобайство* не являются антонимами в строгом смысле, но противопоставлены именно по наличию / отсутствию значимого содержания речи, степени экспрессивности и оценке ее уместности.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, анализ синонимических и антонимических отношений слов различных лексико-семантических групп в денотативно-идеографи-

ческой сфере «Речь» на основе материалов идеографических словарей русского языка показывает, какие коммуникативные качества и «анти-качества» речи являются значимыми в картине мира говорящих, а также конкретизирует параметры речевой ситуации: признак речи (*логичный, банальный, вежливый, ...*), качество речи (*внятность, ясность, недосказанность, ...*), характеристика речи (*краснобайство, болтовня, ...*), само речевое действие (*ораторствовать, сказануть, ...*), признак речевого действия (*витиевато, невпопад, ...*), признак субъекта речи (*вежливый, красноречивый, ...*), качество субъекта речи (*немногословность, вежливость, ...*), его характеристика (*болтун, лжец, оратор, ...*), — которые характеризуются наибольшей степенью номинативной плотности при обозначении того или иного качества или «анти-качества».

Источники и принятые сокращения

1. БТИССАК — *Большой* толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов : [материалы словаря] / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2021. — 414 с.
2. БТС — *Большой* толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с.
3. БТССРР — *Большой* толковый словарь синонимов русской речи / Л. Г. Бабенко, Н. А. Дьячкова, Ю. В. Казарин [и др.] ; под общей редакцией Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-Пресс Книга, 2008. — 753 с.
4. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 21.06.2022).

Литература

1. Антонова С. М. Глаголы говорения — динамическая модель языковой картины мира : опыт когнитивной интерпретации : Монография / С. М. Антонова. — Гродно : ГрГУ, 2003. — 519 с. — ISBN 985-417-517-0.
2. Бабенко Л. Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря / Л. Г. Бабенко // *Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов* : [материалы словаря] / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2021а. — С. 14—35. — ISBN 978-5-6044025-4-2.
3. Бабенко Л. Г. Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики / Л. Г. Бабенко // *Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов* : [материалы словаря] / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2021б. — С. 36—53. — ISBN 978-5-462-00893-1.
4. Бабенко Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // *Научный диалог*. — 2020. — № 9. — С. 9—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.
5. *Вежливость* и антивежливость в языке и коммуникации : материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ, 23—24 октября 2018 г. / Институт лингвистики ; [составитель и ответственный редактор И. А. Шаронов]. — Москва : РССПЭН, 2018. — 318 с. — ISBN 978-5-8243-2291-0.

6. *Виноградова М. В.* Лингвокультурологический подход к обучению иностранных студентов-филологов глаголам речи, характеризуемой по звучанию и произнесению : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / М. В. Виноградова. — Санкт-Петербург, 2013. — 26 с.
7. *Гарибова М. А.* Глаголы речи в русском и таджикском языках : сходства и различия : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.22, 10.02.20 / М. А. Гарибова. — Душанбе, 2021. — 26 с.
8. *Головин Б. Н.* Основы культуры речи : учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов / Б. Н. Головин. — Москва : Высшая школа, 1980. — 335 с.
9. *Егорова Ю. В.* Возможности характеристики человека говорящего с помощью русских неглагольных слов : автореферат диссертации ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Ю. В. Егорова. — Москва, 2003. — 24 с.
10. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-7333-0143-0.
11. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с. — ISBN 5-8360-0165-0.
12. *Крылова И. А.* Семантико-стилистическая характеристика ЛСГ глаголов речи : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. А. Крылова. — Москва, 1996. — 162 с.
13. *Логический анализ языка. Язык речевых действий* / РАН, Ин-т языкознания. — Москва : Наука, 1994. — 188 с. — ISBN 5-02-011227-5.
14. *Потапова О. Ю.* Лингвокогнитивное моделирование лексико-фразеологического поля «Речевая деятельность» (на материале современного немецкого языка) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / О. Ю. Потапова. — Москва, 2008. — 21 с.
15. *Сковородников А. П.* Коммуникативные качества речи / А. П. Сковородников // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. — С. 227—228. — ISBN 978-5-7638-3042-2.
16. *Старикова Г. Н.* Номо Loquens в зеркале имен народной культуры (на материале русского и русинского языков) / Г. Н. Старикова // Русин. — 2017. — № 2. — С. 140—157. — DOI: 10.17223/18572685/48/10.
17. *Хорошая речь* / Под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 2001. — 316 с. — ISBN 5-292-02620-4.
18. *Шарипова В. А.* Объективация в языке функционально-когнитивной сферы «Речевая деятельность» (на материале русского и английского языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / В. А. Шарипова. — Казань, 2013. — 22 с.
19. *Шатуновский И. Б.* Речевые действия и действия мысли в русском языке / И. Б. Шатуновский. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2016. — 477 с. — ISBN 978-5-9908330-1-2.
20. *Язык о языке : сборник статей* / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — 624 с. — ISBN 5-7859-0036-X.
21. *Caballero R.* Verbs in speech framing expressions : Comparing English and Spanish / R. Caballero, C. Paradis // Journal of Linguistics. — 2018. — № 54 (1). — Pp. 45—84. — DOI: 10.1017/S0022226717000068.

22. Parshutina G. A. Strategic implementation of verbs of communication in English business discourse / G. A. Parshutina, K. V. Popova // Training, Language and Culture. — 2018. — № 2 (3). — Pp. 86—96. — DOI: 10.29366/2018tlc.2.3.6.

23. Xia L. Colligational Patterns in China English : The Case of the Verbs of Communication / L. Xia, Y. Xia, Q. Li // Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics). — 2019. — Vol. 11856 LNAI. — Pp. 3—14. — DOI: 10.1007/978-3-030-32381-3_1.

Material resources

A large explanatory dictionary of the Russian language. (2000). St. Petersburg: Norint. 1536 p. (In Russ.).

A large explanatory dictionary of synonyms of Russian speech. (2008). Moscow: AST-Press Book. 753 p. (In Russ.).

A large explanatory ideographic dictionary of synonymic-antonymic complexes: [dictionary materials]. (2021). Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scientist. 414 p. (In Russ.).

The National Corpus of the Russian language. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 21.06.2022). (In Russ.).

References

Antonova, S. M. (2003). *Speaking verbs — a dynamic model of the linguistic picture of the world: the experience of cognitive interpretation: Monograph.* Grodno: GrSU. 519 p. ISBN 985-417-517-0. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2020). Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations. *Nauchnyi dialog*, 9: 9—47. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-9-47> (In Russ.).

Babenko, L. G. (2021a). The concept, structure and basic lexicographic parameters of the dictionary. In: *Big explanatory ideographic dictionary of synonymic-antonymic complexes: [dictionary materials].* Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scientist. 14—35. ISBN 978-5-6044025-4-2. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2021b). Synopsis (code) of ideographic classification of Russian vocabulary. In: *Large explanatory ideographic dictionary of synonymic-antonymic complexes: [dictionary materials].* Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scientist. 36—53. ISBN 978-5-462-00893-1. (In Russ.).

Caballero, R., Paradis, C. (2018). Verbs in speech framing expressions: Comparing English and Spanish. *Journal of Linguistics*, 54 (1): 45—84. DOI: 10.1017/S0022226717000068.

Egorova, Yu. V. (2003). *Possibilities of the characteristics of a person speaking with the help of Russian non-verbal words.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Garibova, M. A. (2021). *Verbs of speech in Russian and Tajik languages: similarities and differences.* Author's abstract of PhD Diss. Dushanbe. 26 p. (In Russ.).

Golovin, B. N. (1980). *Fundamentals of speech culture: a textbook for students of philological specialties of universities.* Moscow: Higher School. 335 p. (In Russ.).

Good speech. (2001). Saratov: Saratov University Press. 316 p. ISBN 5-292-02620-4. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse.* Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-7333-0143-0. (In Russ.).

Kobozeva, I. M. (2000). *Linguistic semantics.* Moscow: Editorial URSS. 352 p. ISBN 5-8360-0165-0. (In Russ.).

- Krylova, I. A. (1996). *Semantic and stylistic characteristics of LSG verbs of speech*. PhD Diss. Moscow. 162 p. (In Russ.).
- Language about language: collection of articles*. (2000). Moscow: Languages of Russian Culture. 624 p. ISBN 5-7859-0036-X. (In Russ.).
- Logical analysis of the language. Language of speech actions / RAS, Institute of Linguistics*. (1994). Moscow: Nauka. 188 p. ISBN 5-02-011227-5. (In Russ.).
- Parshutina, G. A., Popova, K. V (2018). Strategic implementation of verbs of communication in English business discourse. *Training, Language and Culture*, 2 (3): 86—96. DOI: 10.29366/2018tlc.2.3.6.
- Politeness and anti-politeness in language and communication: Proceedings of an International scientific conference held at the Institute of Linguistics of the Russian State University, October 23—24, 2018 / Institute of Linguistics*. (2018). Moscow: RSPEN. 318 p. ISBN 978-5-8243-2291-0. (In Russ.).
- Potapova, O. Y. (2008). *Linguocognitive modeling of the lexical and phraseological field "Speech activity" (based on the material of the modern German language)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 21 p. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P. (2014). Communicative qualities of speech. In: *Effective speech communication (basic competencies): dictionary-reference*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 227—228. ISBN 978-5-7638-3042-2. (In Russ.).
- Sharipova, V. A. (2013). *Objectification in the language of the functional-cognitive sphere "Speech activity" (based on the material of the Russian and English languages)*. Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 22 p. (In Russ.).
- Shatunovsky, I. B. (2016). *Speech actions and actions of thought in the Russian language*. Moscow: Publishing House YASK. 477 p. ISBN 978-5-9908330-1-2. (In Russ.).
- Starikova, G. N. (2017). Homo Loquens in the mirror of the names of folk culture (based on the material of the Russian and Rusyn languages). *Rusin*, 2: 140—157. DOI: 10.17223/18572685/48/10. (In Russ.).
- Vinogradova, M. V. (2013). *Linguoculturological approach to teaching foreign philological students verbs of speech characterized by sound and pronunciation*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 26 p. (In Russ.).
- Xia, L., Xia, Y., Li, Q. (2019). Colligational Patterns in China English : The Case of the Verbs of Communication. *Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)*, 11856 LNAI: 3—14. DOI: 10.1007/978-3-030-32381-3_1.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022,
одобрена после рецензирования 31.10.2022,
подготовлена к публикации 15.11.2022.

Го Лицзюнь. Геронтолингвистика в Китае : зарождение, развитие, перспективы / Го Лицзюнь, Сюй Цзяци // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 68—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-68-87.

Guo Lijun, Xu Jiaqi. (2022). Gerontolinguistics in China: Origin, Development, Prospects. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 68-87. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-68-87. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-68-87

Геронтолингвистика в Китае: зарождение, развитие, перспективы

Го Лицзюнь

orcid.org/0000-0002-9711-4180

доктор филологических наук, доцент,
факультет русского языка

Институт международных исследований
guolj5@mail.sysu.edu.cn

Сюй Цзяци

orcid.org/0000-0003-2072-7074

студент факультета русского языка,

Институт международных
исследований,
xujq56@mail2.sysu.edu.cn

Университет имени Сунь Ятсена
(Чжухай, Китай)

Gerontolinguistics in China: Origin, Development, Prospects

Guo Lijun

orcid.org/0000-0002-9711-4180

Doctor of Philology, Associate Professor
Department of Russian Language

School of International Studies
guolj5@mail.sysu.edu.cn

Xu Jiaqi

orcid.org/0000-0003-2072-7074

Student, Department of Russian Language

School of International Studies
xujq56@mail2.sysu.edu.cn

Sun Yat-Sen University
(Zhuhai, China)

© Го Лицзюнь, Сюй Цзяци, 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос становления геронтолингвистики в Китае как относительно новой для страны научной дисциплины. Актуальность исследования обусловлена высокими темпами роста пожилого китайского населения. Статья посвящена обзору геронтолингвистических трудов в Китае, выбранных на основе анализа журнальных статей, монографических исследований, диссертаций, размещенных в китайских библиотеках. Отмечается, что геронтолингвистика в Китае начала свое становление только в XXI веке, тогда как в западной науке речь людей пожилого возраста стала изучаться во второй половине XX века. Утверждается, что китайская геронтолингвистика опирается на традиции западной науки с учетом китайских реалий. Дается обзор трудов китайских ученых по геронтолингвистике начиная с 2003 года и до настоящего времени. Показано, что в этот период особенно активно осуществляются мультимодальные исследования языка и речи различных геронтных групп, в том числе людей, страдающих болезнью Альцгеймера. Описываются задачи, которые решают геронтологические исследования, среди них профилактика и лечение болезни Альцгеймера, повышение качества жизни пожилых людей, выявление их предпочтений в социокультурной сфере, например, рекламе. Для решения указанных задач активно используются возможности искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

геронтолингвистика; старение населения; геронтная группа; Китай; мультимодальные исследования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the formation of gerontolinguistics in China as a relatively new scientific branch for the country is considered. The relevance of the study is due to the high growth rate of the elderly Chinese population. The authors of the article offer an overview of gerontolinguistic works in China, selected on the basis of an analysis of journal articles, monographic studies, dissertations placed in Chinese libraries. It is noted that gerontolinguistics in China began its formation only in the 21st century, while in Western science the problems of working with the elderly began to be intensively studied in the second half of the 20th century. It is argued that Chinese gerontolinguistics is based on the traditions of Western science, taking into account Chinese realities. An overview of the works of Chinese scientists on gerontolinguistics is given, from 2003 to the present. It is shown that during this period, multimodal studies of the language and speech of various geront groups, including people suffering from Alzheimer's disease, are especially actively carried out. The tasks that gerontological research solves are described, including the prevention and treatment of Alzheimer's disease, improving the quality of life of older people, and identifying their preferences in the socio-cultural sphere, for example, advertising. To solve these problems, the possibilities of artificial intelligence are actively used.

Key words:

gerontolinguistics; population aging; geront group; China; multimodal research.

Геронтолингвистика в Китае: рождение, развитие, перспективы

© Го Лицзюнь., Сюй Цзяци, 2022

1. Введение = Introduction

Исследования современного китайского общества прогнозируют высокие темпы роста населения в возрасте 60 лет и старше, так называемое «старение населения». Согласно последним данным переписи 2020 года, китайцы в указанном возрасте составили 18,7 % от общей численности населения страны, что на 5,44 % выше, чем в 2010 году [Бюллетень ...]. В связи со сложившейся ситуацией Китай активизирует институциональные инновации в области политической поддержки и финансовой помощи, чтобы пожилые люди могли участвовать в жизни общества и страны. При этом исследования по вопросам старения населения имеют безусловную актуальность в связи с необходимостью решения различных проблем людей пожилого возраста в разных культурах, в том числе в социуме, имеющем китайскую специфику.

Внимание к языку пожилых людей, особенностям их коммуникации имеет недавнюю историю в китайской лингвистике по сравнению с развитием этого направления в западной науке, которое начало свое активное становление во второй половине XX века, когда Х. П. Лютьен (H. P. Lütjen) в исследовании «Linguistics of ageing, linguistic gerontology — Why?» (1978) / «Лингвистика старения, лингвистическая геронтология — Почему?» (здесь и далее перевод авторов. — Г. Л., С. Ц.) ввел термин *геронтолингвистика* (*gerontolinguistics*), или *лингвистическая геронтология* (*linguistic gerontology*), обозначающий языковедческую дисциплину, изучающую речевое взаимодействие людей пожилого возраста и представителей иных возрастных групп [Лютьен, 1978, р. 331]. Вопросы становления и развития западной геронтолингвистики в зеркале китайских исследований мы рассматривали в недавно опубликованной статье [Го Лицзюнь и др., 2022].

В китайской науке изучение геронтолингвистики находится в стадии становления. В 2020 году Гу Юэго и Хуан Лихэ была издана книга «Геронтолингвистика и мультимодальные исследования», в одной из глав которой авторы сосредотачивают внимание на опубликованных в Китае научных работах, связанных с данной областью [Гу Юэго и др., 2020]. Гу Юэго и Хуан Лихэ стали учеными, положившими начало научному направлению «геронтолингвистика» в Китае. В 2017 году они основали Исследовательский

центр по изучению языка пожилых людей и основ ухода за ними [Исследовательский центр...]. Кроме того, в ходе исследований Гу Юэго и Хуан Лихэ разработали первый в Китае мультимодальный языковой корпус, отражающий особенности речи пожилых людей (пока закрыт для пользователей).

Хотя исследования речи пожилых людей велись и ранее (так, в 90-х годах XX века ученые начали заниматься изучением речи людей, страдающих болезнью Альцгеймера, в 2003 году начался сбор материалов в пекинских группах пожилых людей для корпуса лингвистических данных, о чем мы еще скажем далее), но они осуществлялись разрозненно и фрагментарно, при этом основывались на западных исследованиях. Впервые термин *геронтолингвистика* был введен в работу, адресованную широкому китайскому научному сообществу, в 2019 году, когда на сайте Китайской газеты социальных наук была размещена статья Хуан Лихэ из Университета Тунцзи «Стимулирование развития научных исследований в области геронтолингвистики путем всестороннего применения искусственного интеллекта», в которой автор отметил, что в зарубежных странах исследования в области геронтолингвистики уже получили стремительное развитие и имеют тенденцию стать отдельным исследовательским направлением в лингвистике, а также дал определение геронтолингвистики как раздела науки, специализирующегося на изучении проблем нарушения речи, закономерностей и механизмов общения между пожилыми людьми [Хуан Лихэ, 2019a]. Ученый призвал научное сообщество признать геронтолингвистику новым направлением лингвистики в Китае, а также системно изучать специфику коммуникации людей пожилого возраста, в том числе проблемы языковых нарушений, которые у них возникают.

Руководитель «Исследовательского центра по изучению языка пожилых людей и основ ухода за ними при Университете Тунцзи» Го Юэго, будучи ведущим рубрики «Общество пожилых людей и геронтолингвистика» в 5-м выпуске периодического издания «Исследования лингвистических стратегий» [Гу Юэго, 2019], высказал мнение о том, что геронтолингвистические исследования проводятся с целью получения информации, предназначенной для клинического применения, и с точки методологии абсолютно идентичны исследованиям в области доказательной медицины. Конечной задачей геронтолингвистики как научной области, направленной на изучение языковых явлений в коммуникации пожилых людей, стало предоставление помощи с целью поддержания их физического и психического здоровья. Геронтолингвистика, имеющая междисциплинарный характер, охватывает как собственно анализ языка, так и когнитивные исследования и данные, полученные нейробиологией. В методологию геронтолингвистических исследований входят описание и трактовка осо-

бенностей языка пожилых людей на разных ярусах его системы, изучение фонетических, словообразовательных, лексических, грамматических особенностей речи. Кроме того, исследователями рассматриваются риторические и стилистические характеристики коммуникации людей преклонного возраста, а также речевые нарушения второй или третьей степеней. К прикладным задачам геронтолингвистики относятся обучение иностранным языкам пожилых людей, коммуникация с ними, в том числе с целью успешного ухода, а также оказание хосписной помощи и облегчение негативных психологических состояний (утешение) [Гу Юэго, 2019, с. 10].

В настоящее время можно говорить о том, что геронтолингвистика получила признание в китайской науке как направление, определен ее предмет, формируется методология. Китайские лингвисты проводят исследования в русле западных традиций изучения речи пожилых людей, признавая, что столь важный для Китая вопрос, касающийся коммуникации пожилых людей, долгое время оставался вне фокуса внимания китайских ученых. Сегодня последние активно осуществляют мультимодальные исследования речевого поведения в геронтных группах и анализ речи лиц, страдающих болезнью Альцгеймера, уже получены определенные результаты [Шэнь Цзясюань, 1992a, b; Ван Дэчунь, 1995; Ян Имин и др., 2002; Gu et al., 2013a, b; У Голян и др., 2014; Хуан Лихэ, 2015; Хуан Лихэ и др., 2019; Лю Цзяньпэн, 2019a; 2019b, Лю Хунъянь, 2020; Го Ядун, 2020].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данная статья посвящена обзору геронтолингвистических трудов в Китае, выбранных на основе анализа журнальных статей, монографических исследований, диссертаций, размещенных в китайских библиотеках, в том числе в онлайн-доступе. Материалом для исследования послужили более 25 основных работ, посвященных исследованию языка и речи пожилых людей, свидетельствующих о зарождении геронтолингвистики как направления в китайской науке и о перспективах ее развития в связи с особой актуальностью для китайского общества.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Как отмечалось выше, анализом речи пожилых людей достаточно активно занимаются зарубежные исследователи, в то время как в Китае пока немного научных работ данной проблематики. За несколько лет до начала формирования геронтолингвистики в Китае как официального направления Чжао Цзюньхай, используя системно-функциональную лингвистику в качестве теоретической базы и предлагаемые данной теорией методики анализа, провел многоаспектное исследование речи владеющих англий-

ским языком здоровых пожилых людей и людей, страдающих болезнью Альцгеймера в легкой степени [Чжао Цзюньхай, 2012, 2017].

На сегодняшний день результаты анализа речи пожилых людей, проведенного с опорой на теорию критического дискурс-анализа в системно-функциональной лингвистике, представлены лишь в небольшом количестве статей и диссертаций. Так, одно из исследований было опубликовано Лю Вэньюем и Ли Кэ в журнале «Иностранные языки и преподавание иностранных языков» под названием «Изучение различий в способах построения личности у лиц пожилого возраста в прессе и блогах» [Лю Вэньюй и др., 2017]. В данной работе на основе теории критического дискурс-анализа, осуществленного с помощью программного комплекса для качественного анализа данных Nvivo, проанализированы различия в дискурсивных практиках, моделирующих социальный образ пожилых людей, в ведущих китайских печатных изданиях и блогах. Исследования показывают, что, во-первых, с точки зрения предмета дискуссии, в прессе и блогах применяются разные дискурсивные стратегии и повествовательные рамки для построения личности «пожилого человека». Так, в прессе главным образом используются повествовательные конструкции и позитивные оценочные суждения, например: *积极参与 / принимают активное участие, 奉献 / вносит вклад, 服务 / несут службу, 宝刀未老 / старый конь борозды не испортит* и др., в то время как в блогах для создания образа пожилого человека в основном те же повествовательные конструкции, но с негативно-оценочным смыслом, например: *为老不尊 / старик, не заслуживающий уважения, 以怨报德 / платить злом за добро* и др. Во-вторых, по сравнению с прессой образ пожилого человека в блогах представлен гораздо более разнообразно благодаря используемым лексическим средствам. В-третьих, отмечаются два самых существенных социальных фактора, влияющих на процесс создания стереотипного образа людей пожилого возраста: неравенство между людьми пожилого и молодого возрастов и отрицательное шаблонное представление, распространяемое различными медиа [Там же, с. 71].

3.2. Мультимодальные исследования речевого поведения пожилых людей в Китае

В 2019 году Хуан Лихэ в журнале «Современная риторика» опубликовал статью «Речевое поведение и эмоциональные факторы с точки зрения мультимодальной прагматики: совмещенное применение в геронтолингвистике», в которой, применяя методы мультимодальных лингвистических исследований и опираясь на такое ключевое понятие в прагматике, как «речевое поведение», провел анализ влияния эмоций говорящего на содержание речи, в частности на формулировку выводов, на стиль его

общения, а также охарактеризовал особенности устойчивости и распределения внимания у испытуемых в разных коммуникативных ситуациях [Хуан Лихэ, 20196]. Кроме того, в статье были проанализированы особенности невербального поведения, проявления эмоциональности в общении и других характеристик коммуникации пожилых людей с диагнозом деменции. В результате Хуан Лихэ предложил новые подходы для изучения прагматической коммуникации в геронтолингвистике. Ученый включил в исследования по геронтолингвистике изучение эмоций пациента. С учетом архивных материалов о «Пожилых людях и языке» мультимодального корпуса речевых экспромтов на китайском языке (SCCSD) в рамках теории мультимодальной прагматики проведены наблюдения за речевым поведением 89-летнего пациента, страдающего болезнью Альцгеймера средней степени выраженности. В ходе исследования было выявлено, что частота применения больными афазией жестового языка в процессах естественного общения выше, чем у представителей контрольной группы, особенно при выражении эмоциональных состояний. Индивиды с нарушениями в звуковой семиотической системе и симптомами затрудненного общения нередко прибегают к использованию в речи стихотворных форм и других подобных приемов для восполнения речевых недостатков и реализации прагматической функции речи, а в невербальной составляющей речевого поведения они задействуют мимику, взгляд, жесты и т. д. [Там же].

Исследования в области геронтолингвистики осуществляются и в социокультурном аспекте — анализируется образ китайского пожилого человека. В 3-м выпуске журнала «Иностранные языки и иностранная литература» Хуан Лихэ и Чжу Ци опубликована статья «Построение и анализ мультимодальной модели образной символики у пожилых людей в Китае» (2020), в которой в ракурсе мультимодального дискурса-анализа обсуждаются проблемы трансформации образа пожилого человека и механизмов реализации подобных изменений в современном обществе, самовосприятия людей пожилого возраста, развития у них речевой компетенции и проч. Так, исследователи осуществляют многомерный анализ истории развития образа старости и осознания процесса старения людей в Китае на примере театральных миниатюр гала-концертов Весеннего фестиваля, транслировавшихся на Китайском центральном телевидении (China Central Television / CCTV) за последние 30 лет. В театральных миниатюрах гала-концертов было представлено более десяти типовых образов людей преклонного возраста, которые хотя и создавались артистами, принадлежащими к разным возрастным категориям, но явно просматривалось стремление к омоложению внешнего облика пожилого человека за счет одежды, макияжа, что в целом может свидетельствовать об улучшении качества жизни старших поколений китайцев,

об их ментальном здоровье, а также о позитивном психологическом восприятии себя представителями геронтных групп.

В журнале «Современная риторика» в 2021 году Хуан Лихэ, Мао Синьюэ и Чжан Чи опубликовали статью «Анализ риторических стратегий в рекламе товаров для пожилых людей на основе теории структур мультимодальной риторики: создание имиджа и психологические требования к нему», в которой авторы опираются на теорию риторических структур (TPC). В TPC, выдвинутой учеными Мэнн и Томпсон, подчеркиваются внутренние отношения между функциональными частями дискурса и учитываются модели связи между сегментами на его поверхностном уровне, но гораздо большее внимание в теории уделяется тому вопросу, каким образом такие структурные отношения помогают автору текста, с одной стороны, достигать творческой цели, а с другой — обеспечивать коммуникативный эффект [Mann et al., 1987]. Дж. Бейтмен (John A. Bateman) высказал мнение о том, что, поскольку при дискурсивном анализе в терминах TPC базовые единицы выбираются в зависимости от целей анализа, любая единица, обладающая независимой функциональной целостностью (*independent functional integrity*), может быть выбрана в качестве минимальной единицы и не обусловливается никакими языковыми моделями. Так, для развертывания мультимодального дискурса применяется вовсе не линейная логика, минимальной стилистической единицей может быть именно словосочетание, являющееся еще меньшей единицей, нежели предложение, а также лексема. Минимальной единицей текстовой информации изобразительной модальности является элементарная группа с общим смысловым потенциалом, например, изображение продукции, лица бренда и т. д. Минимальная единица текстовой информации мультипликационного дискурса — изображение с самостоятельным смыслом, сегментированное или конвертированное с помощью специальных программ. Сюда относятся, к примеру, видеоизображения, формируемые разными программами [Bateman, 2008].

Исследователи осуществили мультимодальный анализ 15-ти наиболее показательных рекламных текстов товаров, предназначенных для пожилых людей на китайском рынке. Были выявлены закономерности создания поликодового рекламного текста, ориентированного на пожилого человека как адресата. Так, Хуан Лихэ, Мао Синьюэ и Чжан Чи установили, что в рекламном дискурсе тип и объем текста, а также связь между разными его компонентами играют определенную роль в процессе восприятия индивидом (особенно пожилым индивидом с возрастным нарушением сенсорных систем) модальной информации и принятия им решений в отношении данной информации. Люди пожилого и старческого возраста гораздо больше внимания уделяют содержанию текстовых блоков, по-

ложительному описанию и наглядной информации, поэтому при построении реклам товаров широкого потребления для поддержания здоровья пожилых людей со статическими изображениями и текстами обычно используют упрощенные реляционные структуры с относительно стабильным количеством мультимодальных компонентов. Рассмотрим несколько примеров. В наглядной плоской рекламе мобильных телефонов «Philips» для людей старшего поколения изображение телефона занимает половину рекламного пространства, другая часть представлена вербализованной информацией о преимуществах продукта (大音量, 大字体, 低辐射, 长待机 / Громкий динамик, большие буквы, низкий уровень излучения, долгий срок службы; 国际品牌、值得信赖 / Мировой бренд, достойный доверия). Реклама сухого молока 伊利 / «Эри» для людей среднего и пожилого возраста также характеризуется сочетанием изображений крупных размеров и рекламных слоганов в рамках стратегии эмоционального воздействия на целевую аудиторию: 营养丰富 / Богат питательными веществами, 高钙配方 / Высокое содержание кальция и 益生菌 / Стимулирует рост полезных бактерий (изображения и слоганы оформлены как размещенные внутри крупных капель воды, что усиливает визуальный эффект). Такого рода рекламным текстам свойственно применение мощных инструментов визуализации, а также использование разнообразных риторических структур для подчеркивания свойств продукции и сокращения интервалов времени между этапами обнаружения зрителем товара и осознания им потребности в данном товаре.

Таким образом, исследователи выявили риторическую модель, реализуемую в китайском рекламном тексте, целевой аудиторией которого являются люди преклонного возраста: «порождение эмоций — углубление понимания — покупка товара — создание имиджа». В структуре рекламного дискурса, направленного на продвижение предметов повседневного потребления для ухода за здоровьем людей пожилого возраста, внимание акцентируется на наглядных средствах преподнесения продукции, правдивости описания жизненных ситуаций, перечислении и описании, положительной оценке, желаемых результатах, идентификации образа, мотивации, перефразировании и других типовых реляционных структурах. Создатели рекламы пытаются путем консультаций и контекстуализации приблизиться к пониманию психологии пожилых людей, создают позитивный образ людей преклонного возраста, подчеркивают их позитивную коммуникативную роль в связи поколений, предоставляют им возможность самовыражаться и испытывать чувство общественного признания с тем, чтобы в последующем убедить их сделать покупки и тем самым достигнуть целей рекламной риторики. В то же время способы построе-

ния образов и психологические потребности пожилых людей напрямую влияют как на их самосознание, так и на то, как их в целом воспринимает общество, что в итоге сказывается на качестве жизни людей в преклонном возрасте. Попытки показать в рекламе товаров для поддержания здоровья пожилых людей такие потребности, с одной стороны, отражают жажду пожилых людей жить здоровой жизнью и их зависимость от родственных отношений, а с другой стороны, подчеркивают то, как, стремясь к материальным и духовным ценностям, пожилые люди проявляют субъективную удовлетворенность собой, независимость характера и желание оказать положительное влияние на моральные качества других людей. Рекламная риторика призвана породить в пожилых людях чувства, с тем чтобы углубить понимание ими свойств тех или иных товаров и побудить их как потенциальных потребителей к совершению покупок. Кроме того, такая реклама товаров для людей старшего поколения образует некое поле, в котором создается имидж представителей геронтных групп, отражается уникальность этого периода жизни и, наконец, под влиянием китайской традиционной культуры появляется симпатия к бренду и отклик потребителей на товары.

Одной из прикладных задач геронтологических исследований в Китае является построение мультимодальных языковых корпусов. Так, в настоящее время осуществляется создание первого в Китае мультимодального корпуса речи пожилых людей (Multimodal Corpus of Gerontic Discourse, MCGD), которым занимается группа лингвистов во главе с Гу Юэго, Хуан Лихэ и Лю Хуньянь из Университета Хунцзи. Исследователи еще с 2003 года, как отмечалось выше, начали сбор языковых материалов в пекинских геронтных группах (в то время данные материалы представляли собой специфический фонд, включенный в мультимодальный корпус речевых экспромтов на китайском языке — SCCSD). В 2013 году при поддержке Гонконгского политехнического университета начался процесс построения отдельного корпуса данных по материалам речи пожилых людей, а в 2018 году корпус получил официальное название MCGD, и его формирование продолжил Хуан Лихэ в Шанхае, постоянно дополняя фонд контекстов новыми образцами. Данный ресурс включает в себя главным образом образцы речи людей, проходящих обычный этап старения, и пожилых людей, имеющих когнитивные нарушения. В настоящее время данный корпус все еще находится в процессе разработки и наполнения и пока не обнародован.

3.3. Исследования речи людей с болезнью Альцгеймера в Китае

Особая область исследований представлена в китайской лингвистике работами, в фокусе внимания которых находятся пожилые люди, страдающие болезнью Альцгеймера [У Голян и др., 2014; Хуан Лихэ, 2015; Гу Юэго, 2018; Хуан Лихэ и др., 2019 и др.].

Болезнь Альцгеймера (Alzheimer's disease, далее также — AD) является часто встречающимся дегенеративным заболеванием центральной нервной системы, которое характеризуется нарушениями речи и коммуникативными расстройствами различной степени у больных на разных стадиях заболевания [Cummings 2009; Davis et al., 2018 a, b]. Проблемы использования языка больными AD уже стали актуальным направлением для совместных исследований нейролингвистов, специалистов по клинической лингвистике, когнитивистов и др. Такие работы характеризуются многообразием теоретических подходов, исследовательских маршрутов, очевидным междисциплинарным характером и проч. Китайские лингвисты начали уделять внимание речи больных AD примерно в 90-х годах XX столетия, однако до сих пор ознакомление с данной областью происходит в основном через обзор и внедрение результатов зарубежных исследований. Ученые [Шэнь Цзясюань, 1992a, b; Ван Дэчунь, 1995; Ян Имин и др., 2002], следуя по стопам зарубежных коллег, занимаются внедрением в Китае достижений в области нейролингвистики и речевых афазий, призывают китайских ученых уделять должное внимание языковым проблемам больных AD, лиц с высокофункциональным аутизмом, больных шизофренией и др. [Го Ядун, 2020, с. 36].

В Китае речевыми нарушениями пациентов, страдающих болезнью Альцгеймера, занимаются главным образом такие ученые, как Чжао Цзюньхай, Лю Цзяньпэн, Хуан Лихэ, Лю Хунъянь, Го Ядун и Пань Юэ. По данным ведущего в Китае периодического издания CNKI на 01.09.2022 года, в базе данных насчитывается всего 15 статей, посвященных исследованиям речи пациентов с данным заболеванием, в том числе 7 обзорных и 8 научно-исследовательских статей, авторами которых являются Чжао Цзюньхай (2 статьи), Лю Хунъянь (2 статьи) и Хуан Лихэ (1 статья), Лю Цзяньпэн (2 статьи), У Фань (1 статья). Чжао Цзюньхай — первый в Китае ученый, выдвинувший мнение о необходимости проводить системные исследования речевых нарушений пожилых людей с таким диагнозом. Чжао Цзюньхай и Ян Бинцзюнем [Чжао Цзюньхай и др., 2012] составлен краткий обзор концепций, разрабатываемых в клинической лингвистике, выдвинуты принципы системно-функциональной лингвистической аргументации при анализе клинического дискурса и охарактеризованы направления системно-функциональных лингвистических исследований клинического дискурса: «В клинико-языковом контексте системно-функциональная лингвистика способствует проведению многоярусных и многомерных системных исследований дискурса людей с речевыми нарушениями, причем такие исследования охватывают все уровни языка от звуков до текстов. На базе системно-функциональной лингвистики создаются аналитические рамки

для изучения клинического дискурса, проводится всесторонняя оценка речевых проявлений лиц с такими расстройствами, кроме того, системно-функциональная лингвистика эффективно помогает в диагностике и лечении речевых нарушений» [Там же, с. 100].

Чжао Цзюньхай, опираясь на теоретические рамки средств связности речи в английском языке по системе Halliday и теорию системно-функциональной лингвистики, разбил языковой материал на три категории: «категорию дискурсивного моделирования», «категорию связности» и «категорию речевой патологии» — и провел предварительный анализ особенностей нарративного дискурса людей с легкими формами болезни Альцгеймера [Чжао Цзюньхай, 2012]. В качестве материала для сравнительных наблюдений и корпусного дискурсивного анализа категорий переходности и связности речи здоровых пожилых людей и пожилых людей с речевыми расстройствами автором было собрано 60 образцов нарративного дискурса китайцев пожилого возраста, в том числе 30 образцов речи страдающих заболеванием Альцгеймера и 30 образцов речи здоровых людей. Исследования показали, что здоровые люди превосходят людей с болезнью Альцгеймера по ряду субкатегориальных признаков «дискурсивного моделирования», «связности» и «речевой патологии», что ожидаемо, однако в субкатегориях «лаконичности» и «локальной связности» между представителями двух групп не обнаружено статистически значимых различий. Отсюда можно сделать следующий вывод: у пациентов с легкими формами болезни Альцгеймера фиксируются нарушения речевой функции; они в значительной степени связаны с состоянием больных, и речевое поведение таких людей может послужить важным основанием для оценки и диагностики данного заболевания.

Хуан Лихэ также исследует проблемы прагматических нарушений в дискурсе пожилых людей, страдающих болезнью Альцгеймера. Так, в своей работе [Хуан Лихэ, 2022] он представил 238 показателей дискурсивно-прагматических нарушений в речи людей с болезнью Альцгеймера, собранных им в ходе обработки 53 статей, указал предварительно измеренный удельный вес каждого показателя в зависимости от частоты его появления, рассортировал и сгруппировал схожие по определению показатели в 23 категории, а также построил систему индикаторов речевых нарушений на дискурсивно-прагматическом уровне, которая позволит провести системные исследования категорий переходности, связности и лаконичности речи.

В 2020 году Лю Хуньянь были проведены практические исследования языковых барьеров у пациентов AD, а именно: 1) практические исследования языковых барьеров у пациентов в таких аспектах, как «фонемы, трудности с поиском слов, синтаксис и сегментация речи»; 2) практические

исследования когнитивных и нейробиологических механизмов, ведущих к речевым нарушениям у пациентов, при проведении которых применяются «технологии регистрации движений глаз, электроэнцефалографии и визуализации головного мозга» [Лю Хунъянь 2020, с. 72]. Лю Хунъянь считает, что в проводимых в настоящее время практических исследованиях не уделено достаточно внимания «сложностям в применении языка» и «внутренним нейромеханизмам в коммуникации и когнитивных отношениях», в будущем предстоит провести системные углубленные исследования естественного языка больных с точки зрения прагматики речевого общения, результаты которых позволят больным эффективнее преодолевать языковые барьеры и восстанавливать здоровые речевые функции [Там же].

Китай является страной с наибольшим количеством людей, страдающих болезнью Альцгеймера [Ren, 2022], и, хотя исследования языковых барьеров у больных AD начали проводиться в Китае сравнительно поздно, китайские лингвисты уже достигли определенных успехов. Первые лингвистические исследования речевых нарушений у пациентов AD были проведены Лю Хунъянь [Лю Хунъянь, 2005, 2014]. Она описала особенности речевых экспромтов здоровых пожилых людей и людей с AD на базе материалов естественного языка, собранных в пекинских домах престарелых и в семьях, провела сравнительный анализ способностей двух вышеуказанных групп людей решать вопросы межличностных отношений с точки зрения социальной прагматики и в определенном ракурсе пояснила причины возникновения у людей с AD языковых барьеров. Исследования ученой превзошли предыдущие теории, согласно которым речь больных AD относили к категориям речи «с патологическими нарушениями» или «с дефектами», она учла одновременно и нормальные, и ненормальные проявления в речи больных, а также всесторонне и объективно показала способности людей с AD использовать язык. Лю Хунъянь своими силами создала «языковой корпус на базе речевых экспромтов нормальных пожилых людей и людей со старческим слабоумием в Китае», с помощью программ CodingStar и Elan провела искусственную маркировку переведенных в тексты материалов и проанализировала результаты данных работ [Лю Хунъянь, 2014]. Исследования показали, что в естественном дискурсе у людей, страдающих старческим слабоумием в легкой и средней степенях, и у людей с тяжелыми формами старческого слабоумия проявляются все 5 видов нарушений подбора слов, причем частота возникновения трудностей с подбором слов у людей с тяжелыми формами старческого слабоумия гораздо выше по сравнению с теми, кто страдает данной болезнью в легкой или средней степени. В естественной речи нормальных пожилых людей также существует небольшое количество растянутых, описательных

фраз или семантически коррелятивной, расплывчатой, бессодержательной лексики, но в их речи не наблюдаются явления, когда они используют неправильные или окказиональные слова [Там же, с. 51].

С другой стороны, на лексико-грамматическом уровне Лю Цзяньпэн и другими исследователями [Лю Цзяньпэн и др., 2017; Лю Цзяньпэн, 2019] были изучены дискурсивные характеристики речи пациентов, страдающих болезнью Альцгеймера, в аспекте употребления ими частей речи. В работе 2017 года Лю Цзяньпэн отобрал из корпуса патологической речи TalkBank 120 занесенных в базу данных в 2011 году образцов дискурса людей с легкими формами болезни Альцгеймера и разбил их на две равные части: 60 речевых образцов пациентов с болезнью Альцгеймера (исследуемой группы) и 60 образцов записей речи здоровых людей тех же возрастов (контрольной группы). Классификация и сравнительный анализ текстов показал, что пациенты с болезнью Альцгеймера и пожилые люди, не страдающие данной болезнью, проявляют себя по-разному при употреблении в речи знаменательных и служебных слов. В ходе исследований было выяснено, что местоимения, наречия, предлоги образа действия и прочая контекстно-зависимая лексика появляются в речи людей с болезнью Альцгеймера со сравнительно высокой частотой, в то время как предлоги, обозначающие состояния, и артикли используются ими достаточно редко, что свидетельствует о том, что речь людей, страдающих болезнью Альцгеймера, отличается сравнительно низкой степенью официальности и яркой выраженностью разговорного стиля [Лю Цзяньпэн и др., 2017].

4. Заключение = Conclusions

Геронтолингвистические исследования, проводимые в целях разработки методов решения проблем пожилых людей в Китае, обладают актуальностью. В Китае геронтолингвистика находится лишь в начале пути и результаты исследований в данной области пока недостаточно системные. Так, еще не уделено достаточное внимание некоторым передовым задачам, активно решаемым иностранными геронтолингвистами. Речь идет, в первую очередь, об исследованиях о защитных функций билингвизма и его влиянии на когнитивные функции стареющих людей. Так, Белосток и Эллен [Bialystok et al., 2016] и другими иностранными учеными уже опубликован ряд научных работ, в которых доказаны защитные свойства билингвизма при снижении когнитивных функций у пожилых людей. Например, установлено, что врожденные билингвальные способности человека не только влияют на коммуникацию, но и воздействуют на структуру и функции мозга и способствуют повышению нейропластичности человека [Rossi et al., 2016], на что в Китае пока еще не обращают достаточного внимания.

Во-вторых, речь идет об исследованиях влияния на языковые способности людей пожилого возраста таких факторов, как образование и иммиграция. С постепенным ростом населения преклонного возраста в Китае повышается миграционная подвижность населения в городах и деревнях, увеличивается количество китайских пожилых мигрантов и расширяются масштабы миграции. Эти аспекты являются крайне актуальными и подлежат всестороннему исследованию в будущем.

В настоящее время признается, что китайским лингвистам необходимо создать собственную систему геронтолингвистических исследований. В мире уже разработано множество исследовательских подходов к решению геронтолингвистических проблем, и теперь, помимо внимания к речи с позиций физиологии, важно изучать социальные, психологические и эмоциональные проблемы, с которыми сталкиваются люди пожилого возраста. Крайне актуальными становятся исследования в области миграционной лингвистики, изучающей язык пожилых мигрантов, и исследования в области коммуникации, направленные на оказание пожилым людям помощи в преодолении чувства одиночества. Китайская геронтолингвистика должна иметь свою систему исследований, базирующуюся на общественно-культурных традициях Китая, чтобы эффективно решать задачи в условиях старения населения.

Литература

1. *Бюллетень* развития старения в Китае на 2020 год [Электронный ресурс] // Отдел гериатрического здравоохранения. — Режим доступа : <http://www.nhc.gov.cn/ljks/pqt/202110/c794a6b1a2084964a7ef45f69bef5423.shtml>.
2. Ван Дэчунь. Перспективы развития нейролингвистики / Ван Дэчунь // Иностранные языки (Научный журнал Шанхайского университета иностранных языков). — 1995. — № 2. — С. 1—7. (王德春. 神经语言学展望. 外国语 (上海外国语大学学报). — 1995. — № 2. — 1—7页).
3. Го Лицзюнь. Становление геронтолингвистики : взгляд из Китая / Го Лицзюнь, Сюй Цзяцзи // Russian Linguistic Bulletin. — 2022. — Выпуск 2 (30). — Июнь. — С. 1—7. — DOI: 10.18454/RULB.2022.30.29.
4. Го Ядун. Исследования речи людей с болезнью Альцгеймера : от когнитивных искажений до прагматической коммуникации / Го Ядун // Научный журнал Чжэцзянского университета иностранных языков. — 2020. — № 5. — С. 24—29. (郭亚东. 阿尔茨海默病患者言语研究 : 从认知障碍到人际语用 [J]. 浙江外国语学院学报. — 2020. — № 5. — 24—29页).
5. Гу Юэго. Геронтолингвистика и мультимодальные исследования / Гу Юэго, Хуан Лихэ. — Шанхай : Изд-во Университета Тунцзи, 2020. — 357 с. (老年语言学与多模态研究. 同济大学出版社, 2020. — 357页).
6. Гу Юэго. Зарождение геронтолингвистики / Гу Юэго // Китайский сборник рефератов по социальным наукам. — 2020. — № 2. — С. 12—33. (顾曰国. 老年语言学发端 [J]. 中国社会科学文摘. — 2020. — № 2. — 12—33页).

7. Гу Юэго. Общество пожилых людей и геронтолингвистика (слова ведущего) / Го Юэго // Исследования лингвистических стратегий. — 2019. — № 4 (05). — С. 10—11. (顾曰国. 老龄社会与老年语言学(代主持人语)[J]. 语言战略研究. — 2019. — № 4 (05). — 10—11页).

8. Исследовательский центр по изучению языка пожилых людей и основ ухода за ними при Университете Тунцзи : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Access mode : <https://ageing.tongji.edu.cn/info/1006/1265.htm>. (该处资料来源于同济大学老龄语言与看护研究中心官网, 网. — 访问模式: <https://ageing.tongji.edu.cn/info/1006/1265.htm>).

9. Лю Вэньюй. Изучение различий в способах построения личности у лиц пожилого возраста в прессе и блогах / Лю Вэньюй, Ли Кэ // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. — 2017. — № 6. — С. 71—80. (刘文字, 李珂. 报刊和微博中老年人身份建构差异研究. 外语与外语教学. — 2017. — № 6. — 71—80页).

10. Лю Хунъянь. Корпусный подход к изучению нарушений подбора слов у людей со старческим слабоумием / Лю Хунъянь // Журнал Академии иностранных языков Народно-освободительной армии. — 2014. — № 1. — С. 42—52. (刘红艳. 基于语料库的老年性痴呆患者找词困难研究. 解放军外国语学院学报. — 2014. — № 1. — 42—52页).

11. Лю Хунъянь. Сравнительные исследования речевых экспромтов здоровых пожилых людей и людей со старческим слабоумием / Лю Хунъянь. — Пекин : Пекинский университет иностранных языков, 2005 (刘红艳. 老年性痴呆患者与正常老年人现场即席话语能力比较研究. 北京 : 北京外国语大学, 2005).

12. Лю Цзяньпэн. Утрата способности владеть несубстантивными средствами, проявляемая в речи больных Альцгеймера / Лю Цзяньпэн // Современная лингвистика. — 2019. — № 4. — С. 602—617. (刘建鹏. 阿尔茨海默症患者话语的非名词性资源蚀失. 当代语言学. — 2019. — № 4. — 602—617页).

13. Лю Цзяньпэн. Изучение речи людей с болезнью Альцгеймера на глубинном уровне на основе анализа языкового корпуса / Лю Цзяньпэн, Чжао Цзюньхай, Ду Хуэйфан // Журнал Академии иностранных языков Народно-освободительной армии. — 2017. — № 3. — С. 36—44 (刘建鹏. 基于语料挖掘的阿尔茨海默症患者话语深层正式度研究. 解放军外国语学院学报. — 2017. — № 3. — 36—44页).

14. У Голян. Обзор исследований затруднений в языковом общении у людей с клиническими признаками слабоумия (деменции) / У Голян, Сюй Сюньфэн, Гу Юэго, Чжан Юнвэй // Современная риторика. — 2014. — № 4. — С. 452—465. (吴国良, 徐训丰, 顾曰国, 张伟伟. 痴呆症(智退症)临床语言使用障碍研究概述[J]. 当代语言学. — 2014. — № 4. — 452—465页).

15. У Фань. Применение методов обработки естественного языка с помощью искусственного интеллекта / У Фань, Ли Шуюэ, Чжао Цин // Научный журнал Чунцинского медицинского университета. — 2021. — № 11. — С. 1306—1309. (吴凡, 李松涛, 吕书悦, 赵晴. 人工智能自然语言处理在阿尔茨海默病中的应用. 重庆医科大学学报. — 2021. — № 11. — 1306—1309页).

16. Хуан Лихэ. Анализ риторических стратегем в рекламе товаров для пожилых людей на основе теории структур мультимодальной риторики : создание имиджа и психологические требования к нему / Хуан Лихэ, Мао Синьюэ, Чжан Чи // Современная риторика. — 2021. — № 5. — С. 67—78. (黄立鹤, 毛欣越, 张弛. 基于多模态修辞结构理论的老年产品广告修辞策略分析: 形象构建与心理诉求[J]. 当代修辞学. — 2021. — № 5. — 67—78页).

17. *Хуан Лихэ*. Лингвистические корпуса 4.0 : Создание и применение мультимодальных лингвистических корпусов [J] / *Хуан Лихэ* // Журнал Академии иностранных языков Народно-освободительной армии. — 2015a. — № 3. — С. 1—7. (黄立鹤. 语料库 4.0 : 多模态语料库建设及其应用[J]. 解放军外国语学院学报. — 2015a. — № 3. — 1—7页).

18. *Хуан Лихэ*. Построение и анализ мультимодальной модели образной символики у пожилых людей в Китае» / *Хуан Лихэ*, *Чжу Ци* // Иностранные языки и иностранная литература. — 2020. — № 3. — С. 260—277. (黄立鹤, 朱琦. 我国老年形象符号的多模态构建及解析. 外国语言文学. — 2020. — № 3. — 260—277页).

19. *Хуан Лихэ*. Прагматический ракурс геронтолингвистических исследований : точки зрения, методы и темы дискуссии / *Хуан Лихэ*, *Чжу Ци* // Научный журнал Восточно-китайского педагогического университета (раздел «Философия и общественные науки»). — 2019. — № 6. — С. 129—137. (黄立鹤, 朱琦. 老年语言学研究的语用维度: 视角、方法与议题. 华东师范大学学报(哲学社会科学版). — 2019a. — № 6. — 129—137页).

20. *Хуан Лихэ*. Стимулирование развития научных исследований в области геронтолингвистики путем всестороннего применения искусственного интеллекта // Китайская газета социальных наук [Электронный ресурс]. — 2019a. — Режим доступа : http://ex.cssn.cn/zx/bwyc/201903/t20190305_4842804.shtml (дата обращения 10.04.2022) (黄立鹤. 充分利用人工智能推进老年语言学研究 [电子资源]. 中国社会科学报, 2019a. — 访问模式 : http://ex.cssn.cn/zx/bwyc/201903/t20190305_4842804.shtml (申请日期 10.04.2022)).

21. *Хуан Лихэ*. Речевое поведение и эмоциональные факторы с точки зрения мультимодальной прагматики : совмещенное применение в геронтолингвистике / *Хуан Лихэ* // Современная риторика. — 2019b. — № 6. — С. 42—52. (黄立鹤. 多模态语用学视域下的言语行为与情感因素: 兼论在老年语言学中的应用. 当代修辞学. — 2019b. — № 6. — 42—52页).

22. *Чжао Цзюньхай*. Системно-функциональный подход в лингвистических исследованиях дискурса людей с болезнью Альцгеймера / *Чжао Цзюньхай*. — Сиань : Синаньский университет, 2012. — 174 с. (赵俊海. 阿尔茨海默症患者话语的系统功能语言学研究. — 西安: 西南大学, 2012. — 174页).

23. *Чжао Цзюньхай*. Теоретические основы и маршруты анализа клинического дискурса в аспекте системно-функциональной лингвистики / *Чжао Цзюньхай*, *Ян Бинцзюнь* // Иностранные языки в Китае. — 2012. — № 6. — С. 96—101. (赵俊海, 杨炳钧. 临床话语分析的系统功能语言学理据及途径. 中国外语. — 2012. — № 6. — 96—101页).

24. *Шэнь Цзясяюнь*. Нейролингвистика : обзор связи между речью и работой мозга у людей с афазией / *Шэнь Цзясяюнь* // Современная лингвистика. — 1992a. — № 3. — Т. 1. — С. 10—12. (沈家煊, 译. 神经语言学: 对失语症中语言与脑关系的综观(上). 当代语言学. — 1992a. — № 3. — Т. 1. — 10—12页).

25. *Шэнь Цзясяюнь*. Нейролингвистика : обзор связи между речью и работой мозга у людей с афазией / *Шэнь Цзясяюнь* // Современная лингвистика. — 1992b. — № 4. — Т. 2. — С. 4—13. (沈家煊, 译. 神经语言学: 对失语症中语言与脑关系的综观(下). 当代语言学. — 1992b. — № 4. — Т. 2. — 4—13页).

26. *Шэнь Цзясяюнь*. Нейролингвистика : обзор связи между речью и работой мозга у людей с афазией / *Шэнь Цзясяюнь* // Современная лингвистика. — 1992a. — № 3. — Т. 1. — С. 10—12. (沈家煊, 译. 神经语言学: 对失语症中语言与脑关系的综观(上). 当代语言学. — 1992a. — № 3. — Т. 1. — 10—12页).

27. *Шэнь Цзясяюнь*. Нейролингвистика : обзор связи между речью и работой мозга у людей с афазией / *Шэнь Цзясяюнь* // Современная лингвистика. — 1992 b. — № 4. —

T. 2. — С. 4—13. (沈家煊, 译. 神经语言学: 对失语症中语言与脑关系的综观 (下). 当代语言学. — 1992 b. — № 4. — Т. 2. — 4—13页).

28. Ян Имин. Ознакомление с работой «Введение в нейролингвистику и афазиологию» / Ян Имин, Шэнь Синьань // Обучение и исследования иностранных языков. — 2002. — № 6. — С. 476—477. (杨亦鸣, 沈兴安. 介绍《神经语言学 and 语言失语症学导论》. 外语教学与研究. — 2002. — № 6. — 476—477页).

29. Bateman J. A. Multimodality and genre: a Foundation for the systematic analysis of multimodal documents / J. A. Bateman. — New York: Palgrave Macmillan, 2008. — 331 p.

30. Bialystok E. Aging in two languages : Implications for public health / E. Bialystok, J. Abutalebi, T. H. Bak // Ageing research reviews. — 2016. — № 27. — С. 56—60. — DOI: 10.1016/j.arr.2016.03.003.

31. Cummings L. Clinical Pragmatics / L. Cummings // The Routledge Pragmatics Encyclopedia. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — Pp. 40—43.

32. Davis B. H. UH as a pragmatic marker in dementia discourse[J] / B. H. Davis, M. Maclagan // Journal of Pragmatics. — 2018b. — № 156. — Pp. 83—99.

33. Lütjen H. P. Linguistics of ageing, linguistic Gerontology — Why? / H. P. Lütjen // Aktuelle Gerontologie. — 1978. — Vol. 8. — № 6. — Pp. 331—336.

34. Ren R. The China Alzheimer Report 2022 / J. Qi , S. Lin et al. // General Psychiatry. — 2022. — 35:e100751. — Pp. 1—19. — DOI: 10.1136/gpsych-2022-100751.

35. Rossi E. How aging and bilingualism influence language processing : Theoretical and neural models / E. Rossi, M. Diaz // Linguistic approaches to bilingualism. — 2016. — Vol. 6. — № 1—2. — С. 9—42. — DOI: 10.1075/lab.14029.ros.

References

- Bateman, J. A. (2008). *Multimodality and genre: a Foundation for the systematic analysis of multimodal documents*. New York: Palgrave Macmillan. 331 p.
- Bialystok, E., Abutalebi, J., Bak, T. H. Aging in two languages: Implications for public health. *Ageing research reviews*, 27: 56—60. DOI: 10.1016/j.arr.2016.03.003.
- Bulletin of the development of aging in China for 2020. In: *Department of Geriatric Healthcare*. Available at: <http://www.nhc.gov.cn/ljks/pqt/202110/c794a6b1a2084964a7ef45f-69bef5423.shtml>. (In Chin.).
- Cummings, L. (2010). Clinical Pragmatic. In: *The Routledge Pragmatics Encyclopedia*. Cambridge: Cambridge University Press. 40—43.
- Davis, B. H., M. Maclagan. (2018b.). UH as a pragmatic marker in dementia discourse. *Journal of Pragmatics*, 156: 83—99.
- Go Yaping. (2020). Speech studies of people with Alzheimer's disease: from cognitive distortions to pragmatic communication. *Scientific Journal of Zhejiang University of Foreign Languages*, 5: 24—29. (In Chin.).
- Go Yuego. (2019). Society of the elderly and gerontolinguistics (the words of the presenter). *Studies of linguistic strategies*, 4 (05): 10—11. (In Chin.).
- Gu Yuego. (2020). The origin of Gerontolinguistics. *Chinese collection of essays on social sciences*, 2: 12—33. (In Chin.).
- Guo Lijun, Xu Jiaqi. (2022). The Formation of gerontolinguistics: a View from China. *Russian Linguistic Bulletin*, 2 (30). June: 1—7. DOI: 10.18454/RULB.2022.30.29. (In Chin.).
- Huang Lihe, Mao Xinyue, Zhang Chi. (2021). Analysis of rhetorical strategies in advertising products for the elderly based on the theory of multimodal rhetoric structures: creat-

- ing an image and psychological requirements for it. *Modern Rhetoric*, 5: 67—78. (In Chin.).
- Huang Lihe. (2015a). Linguistic Corps 4.0: Creation and application of Multimodal Linguistic Corps [J]. *Journal of the Academy of Foreign Languages of the People's Liberation Army*, 3: 1—7. (In Chin.).
- Huang Lihe, Zhu Qi. (2020). Construction and analysis of a multimodal model of figurative symbolism among the elderly in China. *Foreign languages and foreign literature*, 3: 260—277. (In Chin.).
- Huang Lihe, Zhu Qi. (2019). Pragmatic perspective of gerontolinguistic research: points of view, methods and discussion topics. *Scientific Journal of East China Pedagogical University (section "Philosophy and Social Sciences")*, 6: 129—137. (In Chin.).
- Huang Lihe. (2019). Stimulating the development of scientific research in the field of gerontolinguistics through the comprehensive application of artificial intelligence. *Chinese Newspaper of Social Sciences*. Available at: http://ex.cssn.cn/zx/bwyc/201903/t20190305_4842804.shtml (accessed 10.04.2022). (In Chin.).
- Juan Like. (2019b). Linguistic behavior and emotional factors from the point of view of multimodal pragmatics: combined application in gerontolinguistics [J]. *Modern Rhetoric*, 6: 42—52. (In Chin.).
- Liu Wenyu, Li Ke. (2017). The study of differences in the ways of personality building in the elderly in the press and blogs. *Foreign languages and teaching of foreign languages*, 6: 71—80. (In Chin.).
- Liu Hongyan. (2014). Corpus approach to the study of word selection disorders in people with senile dementia. *Journal of the Academy of Foreign Languages of the People's Liberation Army*, 1: 42—52. (In Chin.).
- Liu Hongyan. (2005). *Comparative studies of speech impromptu of healthy elderly people and people with senile dementia*. Beijing: Beijing University of Foreign Languages. (In Chin.).
- Liu Jianpeng. (2019). Loss of the ability to possess non-substantive means, manifested in the speech of Alzheimer's patients. *Modern Linguistics*, 4: 602—617. (In Chin.).
- Liu Jianfeng, Zhao Junhai, Du Huifang. (2017). Studying the speech of people with Alzheimer's disease at a deep level based on the analysis of the language corpus. *Journal of the Academy of Foreign Languages of the People's Liberation Army*, 3: 36—44. (In Chin.).
- Lütjen, H. P. (1978). Linguistics of ageing, linguistic Gerontology — Why? *Aktuelle Gerontologie*, 8 (6): 331—336.
- Ren, R., Qi, J., Lin, S. et al. (2022). The China Alzheimer Report 2022. *General Psychiatry*, 35:e100751: 1—19. DOI: 10.1136/gpsych-2022-100751.
- Research center for the study of the language of the elderly and the basics of caring for them at Tongji University, website*. <https://ageing.tongji.edu.cn/info/1006/1265.htm>. (In Chin.).
- Rossi, E., Diaz, M. (2016). How aging and bilingualism influence language processing: Theoretical and neural models. *Linguistic approaches to bilingualism*, 6 (1—2): 9—42. DOI: 10.1075/lab.14029.ros.
- Shen Jiaxuan. (1992a). Neuro-linguistics: a review of the relationship between speech and brain function in people with aphasia. *Modern Linguistics*, 3 (1): 10—12. (In Chin.).
- Shen Jiaxuan. (1992b). Neuro-linguistics: a review of the relationship between speech and brain function in people with aphasia. *Modern Linguistics*, 4 (2): 4—13. (In Chin.).

- Shen Jiaxuan. (1992a.). Neuro-linguistics: a review of the relationship between speech and brain function in people with aphasia. *Modern Linguistics*, 3 (1): 10—12. (In Chin.).
- Shen Jiaxuan. (1992b). Neuro-linguistics: a review of the relationship between speech and brain function in people with aphasia. *Modern Linguistics*, 4 (2): 4—13. (In Chin.).
- Wang Dechun. (1995). Prospects for the development of neuro-linguistics. *Foreign Languages (Scientific Journal of Shanghai University of Foreign Languages)*, 2: 1—7. (In Chin.).
- Wu Fan, Li Shuye, Zhao Qing. (2021). Application of natural language processing methods using artificial intelligence. *Scientific Journal of Chongqing Medical University*, 11: 1306—1309. (In Chin.).
- Wu Guoliang, Xu Xiunfeng, Gu Yuego, Zhang Yunwei. (2014). Review of studies of difficulties in language communication in people with clinical signs of dementia (dementia). *Modern rhetoric*, 4: 452—465. (In Chin.).
- Yan Yimin, Shen Xin'an. (2002). Acquaintance with the work of "Introduction to neurolinguistics and aphasiology". *Teaching and research of foreign languages*, 6: 476—477. (In Chin.).
- Zhao Junhai. (2012). *Systemic-functional approach to linguistic studies of discourse of people with Alzheimer's*. Sinen: Sinensky University. 174. (In Chin.).
- Zhao Junhai, Yang Bingjun. (2012). Theoretical foundations and routes of analysis of clinical discourse in the aspect of system-functional linguistics. *Foreign languages in China*, 6: 96—101. (In Chin.).

Статья поступила в редакцию 21.07.2022,
одобрена после рецензирования 21.09.2022,
подготовлена к публикации 20.11.2022.

Дубова М. А. Глаголы мысли как способ характеристики героя-интеллекта в малой прозе А. П. Чехова и А. И. Куприна / М. А. Дубова, В. А. Тамазян // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 88—104. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-88-104.

Dubova, M. A., Tamazyan, V. A. (2022). Verbs of Thought as a Way of Characterizing Hero-Intellectual in Short Prose of A. P. Chekhov and A. I. Kuprin. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 88-104. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-88-104. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-88-104

**Глаголы мысли как
способ характеристики
героя-интеллекта
в малой прозе
А. П. Чехова и
А. И. Куприна**

Дубова Марина Анатольевна
orcid.org/0000-0001-6906-1002
доктор филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и литературы
dubovama@rambler.ru

Тамазян Валентина Артуровна
orcid.org/0000-0003-3028-7906
аспирант,
кафедра русского языка и литературы
tamazyan.valentina@yandex.ru

Государственный
социально-гуманитарный университет
(Коломна, Россия)

**Verbs of Thought
as a Way of Characterizing
Hero-Intellectual
in Short Prose
of A. P. Chekhov
and A. I. Kuprin**

Marina A. Dubova
orcid.org/0000-0001-6906-1002
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and Literature
dubovama@rambler.ru

Valentina A. Tamazyan
orcid.org/0000-0003-3028-7906
Postgraduate Student,
Department of Russian Language
and Literature
tamazyan.valentina@yandex.ru

State University of Humanities
and Social Studies
(Kolomna, Russia)

© Дубова М. А., Тамазян В. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются глаголы мысли и их роль в характеристике языковой личности героя-интеллекта на материале повестей А. П. Чехова «Моя жизнь» и А. И. Куприна «Молох». Отмечается, что данное исследование позволит провести сопоставительный анализ персонажей с целью выявления типического и индивидуального в их представлениях о мире, в системе их взглядов на мир, в направленности их мыслительного процесса. Актуальность работы определяется обращением к проблеме описания языковой личности в художественном тексте. Новизна исследования состоит в изучении вариаций репрезентации модельной личности героя-интеллекта в русской прозе конца XIX века. В статье используются методы семантического и лингвостилистического анализа, сравнения и описания языковых единиц. В выводах обосновано, что при наличии отличительных черт в мыслительной деятельности героев, а также в принципах построения их речевых стратегий присутствуют общие, типологические свойства, что обусловлено их принадлежностью к одному социальному слою и культурно-исторической эпохе. Авторы считают, что данных героев можно отнести к модельной языковой личности русского интеллигента рубежа XIX—XX веков.

Ключевые слова:

мыслительная деятельность; языковая личность; интеллигент; концепт; лексическая репрезентация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The verbs of thought and their role in the characterization of the linguistic personality of the hero-intellectual based on the stories of A. P. Chekhov “My Life” and A. I. Kuprin “Moloch” is examined in the article. It is noted that this study will allow a comparative analysis of the characters in order to identify the typical and individual in their ideas about the world, in the system of their views on the world, in the direction of their thought process. The relevance of the work is determined by addressing the problem of describing a linguistic personality in a literary text. The novelty of the article lies in the study of variations in the representation of the model personality of the hero-intellectual in late 19th century Russian prose. The article uses methods of semantic and linguo-stylistic analysis, comparison and description of language units. The conclusions substantiate that in the presence of distinctive features in the mental activity of the characters, as well as in the principles of constructing their speech strategies, there are common, typological properties, which is due to their belonging to the same social stratum and cultural and historical era. The authors believe that these characters can be attributed to the model language personality of a Russian intellectual at the turn of the 19th—20th centuries.

Key words:

mental activity; linguistic personality; intellectual; concept; lexical representation.

Глаголы мысли как способ характеристики героя-интеллигента в малой прозе

А. П. Чехова и А. И. Куприна

© Дубова М. А., Тамазян В. А., 2022

1. Введение = Introduction

Антропоцентрическая парадигма современного лингвистического знания актуализирует идею о том, что «...каждый носитель языка является обладателем некой внутренней системы, которая позволяет ему строить и воспринимать тексты на данном языке» [Чурилина, 2017, с. 3]. Иначе говоря, «абстрактная “языковая система” обретает статус своеобразного фона, тогда как объектом изучения становится естественная система — словарь и грамматика, “присвоенные” носителям языка, а также сами носители языка — языковые личности» [Там же]. Обозначенный подход к языку объясняет, почему в «рамках антропоцентрического языкознания методологическим ориентиром выступает ... теория языковой личности» [Ворожбитова, 2005, с. 14]. Наш научно-исследовательский интерес связан с проблемой репрезентации в художественном тексте языковой личности, которую мы «воспринимаем как факт» [Караулов, 2019, с. 68], как реально существующую личность, обладающую «ценностями, идеалами, устремлениями» [Там же, с. 69], что и составляет объект исследования. Предметом изучения выступают глаголы мыслительной деятельности.

Актуальность статьи обусловлена обращением к языковой личности персонажа художественного произведения, которая привлекает пристальное внимание лингвистов, что находит отражение в разнообразии подходов к её изучению [Богин, 1984; Болдырев, 2015; Воркачев, 2001; Ворожбитова, 2005; Карасик, 2002; Караулов, 2019; Клобукова, 1997; Кубрякова, 1996; Стернин, 2007 и др.].

В центре нашего внимания находятся главные герои повестей А. П. Чехова «Моя жизнь» и А. И. Куприна «Молох» — Мисаил Полознев и Андрей Бобров, которые принадлежат к типу интеллигентов. Они репрезентируют модельную языковую личность, под которой понимаются «типичные представители определенной этносоциальной группы, узнаваемые по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик, 2022, с. 10—11], что и будет доказано в ходе сопоставительного анализа.

Глаголы мысли, семантика которых позволяет фиксировать и сохранять знания о мире, являются важным компонентом в характеристике языковой личности персонажа. Мыслительный процесс определяет мировоззрение и мировосприятие человека как фрагменты его языковой картины мира. Внимание к этой теме обусловлено интересом к «человеческому разуму, мышлению и тем ментальным процессам и состояниям, которые с ними связаны» [Маслова, 2018, с. 6]. Именно «следствием когнитивной деятельности человека является создание мыслеобразов, иллюстрирующих то, что индивид думает о мире» [Дубова и др., 2021, с. 193].

Цель статьи состоит в последовательном выявлении и анализе глаголов мысли с позиций их роли в характеристике главных героев повестей А. П. Чехова и А. И. Куприна, что позволит провести сопоставительный анализ персонажей с целью выявления типического и индивидуального в их представлениях о мире, в системе их взглядов на мир, в направленности их мыслительного процесса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение языковой личности в художественном тексте посвящен ряд работ современных исследователей [Волков, 2019; Караулов, 2019; Клюканов, 1990; Чурилина, 2017 и др.], акцентирующих внимание на различных аспектах её описания и структурирования.

Лингвистический анализ языковой личности героя «позволяет раскрыть комплекс её характеристик (отношение к действительности, к людям, эмоциональный и оценочный статус, интересы), составляющих её прагматикон и определяющих тезаурус как набор ключевых слов, приобретающих категориальное значение в тексте» [Дубова и др., 2020, с. 430]. Важная роль в характеристике языковой личности принадлежит мыслительной деятельности, которая репрезентируется лексико-семантическими средствами — преимущественно глаголами интеллектуальной деятельности и глагольными выражениями, послужившими языковым материалом для исследования.

Глагольные лексемы, выявленные методом сплошной выборки на основе анализа персонажной субъектной речевой сферы и неперсонажной (оценка персонажа другими), были исследованы с учетом их синтагматических связей, что позволило сделать выводы об индивидуальных и типологических чертах мыслительного процесса главных героев повестей «Моя жизнь» и «Молох», вписанных в одну культурно-историческую эпоху конца XIX века. Кроме того, они принадлежат к одному социальному слою, что дает возможность считать их вариациями модельной личности героя-интеллигента в русской прозе порубежья. На основе методов семантического и лингвостилистического анализа, сравнения и описания язы-

ковых единиц были исследованы глаголы мысли, характеризующие персонажей повестей А. П. Чехова и А. И. Куприна в формате сопоставления, позволяющем выявить индивидуальные и типологические черты языковой личности героя-интеллекта в малой прозе конца XIX века.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Глаголы мысли и их роль в характеристике Мисаила Полознева

В повести А. П. Чехова «Моя жизнь» (1896), принадлежащей к позднему периоду творчества писателя, повествование ведется от 1-го лица, что позволяет говорить о герое как «движущей силе» [Чудаков, 1971, с. 93] «повествовательной структуры произведения» [Тамазян, 2022, с. 43]. Подобная структура повествования определяет обращение преимущественно к персонажной субъектной речевой сфере и реже — неперсонажной.

Мыслящим субъектом в повести выступает Мисаил Полознев, двадцатипятилетний дворянин, сын архитектора, «имеющий знатных, благородных предков» [Чехов, 2019, с. 131], тогда как сам он не получил никакого «общественного положения». Герой обладает весьма общими представлениями о людях и о себе самом, что напрямую определяет его размышления — поиски смысла жизни. Разделяя идеи толстовства о том, что сильные не должны угнетать слабых и обязаны добывать себе кусок хлеба сами, не поработав ближнего, Мисаил пытается применить их к своей жизни, отдавая предпочтение физическому труду.

Глаголы мысли занимают важное место в характеристике героя-интеллекта, раскрывая его суждения, систему взглядов на мир, определяя отношения с окружающими людьми.

Первую группу глаголов со значением интеллектуальной деятельности составляют языковая единица *думать* (19) и производные от нее *вдуматься* (2), *обдумать* (1), *задуматься* (2), *подумать* (4), объединенные интегральной семой ‘направлять мысли на кого-то / что-то’ [Ожегов, 1999, с. 182]: ... *моя деятельность в сфере учебной и служебной не требовала ни напряжения ума, ни таланта..., а такой умственный труд я ставлю ниже физического ... и не думаю, что он ... мог служить оправданием праздной, беззаботной жизни...* [Чехов, 2019, с. 354]; *И как я хотел проникнуться сознанием свободы..., чтобы не думать о том, что делается в городе, не думать о своих нуждах* [Там же, с. 369]; *Вот я стою один в поле ..., а сам думаю: «Хорошо бы теперь поесть хлеба с маслом!»* [Там же, с. 369]; *Я уже не думал о том, как мне добыть себе пропитание, как жить...* [Там же, с. 419] и под. Основу мыслительного процесса Мисаила составляют размышления о жизни (что актуализирует уже заглавие произведения), которые репрезентируются в формате внутренней и внешней

(диалоги с отцом, с сестрой и т. д.) речи персонажа, оформляясь в философскую дихотомию «умственный — физический труд», последовательно реализующуюся в ряде частных корреляций. Философские размышления Мисаил приземляет к своим жизненным обстоятельствам, фокусируясь на трудовой деятельности, которая во многом его не удовлетворяет, что становится причиной кардинального изменения социальной роли героя (он становится рабочим, что влечет за собой не только изменения привычного образа жизни, но и окружения со всеми вытекающими из этой ситуации последствиями). Мисаилу приходится выживать в новых жизненных обстоятельствах, думая о хлебе насущном: *лучшие мысли мешались с мыслями о каше, котлетах, жареной рыбе* [Там же, с. 363]. Объектами мыслей М. Полознева выступают также взаимоотношения с отцом, сестрой, доктором Благово. Особенно много герой говорит о Марии Викторовне Должиковой, на фоне любви к которой его мысли о работе, пропитании, ежедневных заботах мельчают и теряют свою значимость.

Вторую группу глаголов составляют лексемы *понимать / не понимать* (17), *сознать* (5), *сообразить* (2), *угадать* (1), *заклЮчить* (1) с общим лексическим значением ‘уяснить смысл, значение чего-нибудь’ [Ожегов, 1999, с. 561]: ... *люди, с которыми я жил в этом городе, были мне скучны..., я не любил и не понимал их* [Там же, с. 365]; *Я не понимал, для чего и чем живут эти шестьдесят пять тысяч людей* [Там же, с. 365]; ... *отлично понимал, почему такое множество людей работает только для куска хлеба и может говорить только о харчах* [Там же, с. 370] и т. д. Мисаил понимает, что жизнь, которую ведет большинство людей его круга, в том числе отец, и к которой принуждают его, неправильна, скучна и бессмысленна. Ему не ясно, как этого не видят окружающие, презирующие его за сделанный им выбор в пользу физического труда. Погрузившись в рабочую среду, Мисаил приходит к пониманию тех, кто работает за кусок хлеба, так как сам испытывает постоянное чувство голода. Героя тревожат отношения его сестры и доктора Благово, которых он не одобряет, хотя ему хорошо известно желание Клеопатры, всегда мечтавшей о любви, быть счастливой. Став подрядчиком, герой постигает смысл поисков работы, которая бы приносила прибыль. В то же время с отъездом Маши, осознавая, что он, к сожалению, стал лишь небольшим эпизодом в её яркой и насыщенной жизни, герой приходит к выводу, что без этой девушки жизнь теряет смысл.

Глаголы *знать / не знать* (36), *узнать* (1) имеют лексическое значение ‘обладать какими-то познаниями / иметь представление о чем-либо / ком-либо’ [Ожегов, 1999, с. 364]: *Наклонность к умственным наслаждениям ... у меня была развита до страсти, но была ли способность к умственному труду — не знаю* [Там же, с. 354]; *Мне уже казалось странным,*

что раньше я **не знал**, например, что весь мир состоит из шестидесяти простых тел, **не знал**, что такое олифа, что такое краски, и как-то мог обходиться без этих знаний [Там же, с. 403] и т. д. В основе мыслительного дискурса Мисаила лежит незнание, для чего он живет, которое подталкивает его к постоянному самоанализу. Синтагматические связи глаголов этой группы показывают, что Мисаил действительно не знает умственного труда в том высоком смысле слова, которое герой в него вкладывает, что связано со спецификой воспитания Полознева, уровнем образования, его окружением и т. д. В процессе своего становления герой пытается найти людей, у которых он мог бы набраться жизненного опыта.

Автор подчеркивает недостаток знаний Мисаила об окружающих его людях и вещах, что реализуется в чувстве неуверенности (употребление глаголов с отрицательной частицей *не*), склонности к сомнениям в правильности своего выбора. Так, из-за отсутствия знаний в области ведения сельского хозяйства жизнь Мисаила с женой в Дубечне омрачается постоянными ссорами с крестьянами, что в итоге разрушает взаимоотношения супругов и приводит к расставанию. Герой испытывает искреннее сожаление по этому поводу. М. Полознев ощущает острую потребность в знаниях в целом и в обогащении своего жизненного опыта, что осознается им самим и находит отражение во внутренней речи героя в формате его размышлений. Жизненный путь Мисаила, таким образом, можно рассматривать как движение к расширению объема практических знаний на основе приобретаемого опыта.

Герой часто использует глаголы памяти с общим лексическим значением 'сохранять, удерживать в памяти, не забывать' [Ожегов, 1999, с. 182]: *помнить* (9), *вспомнить* (10), *припомнить* (2), *припоминать* (2), *напоминать* (1), *забывать* (1) и т. д. Они встречаются преимущественно во второй половине повести, где Мисаил предстает человеком, который, анализируя своё прошлое, формирует собственную жизненную философию: *И почему-то все эти выстроенные отцом дома ... напоминали мне его цилиндр, его затылок, сухой и упрямый* [Там же, с. 356]; *... я помню, как он, бывало, из-за ничтожного заказа бегал дня по три* [Там же, с. 381]; *... со слезами на глазах, почему-то вспоминала нашу мать, наше детство, я обнял её и поцеловал* [Там же, с. 440] и т. д.

Как мы видим, воспоминания Мисаила преимущественно связаны с близкими ему людьми (сестрой, отцом, доктором Благово, Марией Викторовной, Редькой и т. д.), то есть имеют антропологическую направленность, что, в свою очередь, вербализуется глаголами со значением социального и межличностного взаимодействия (*ласкают, забавляются, обнял, поцеловал* и т. д.). В начале произведения М. Полознев предстает че-

ловеком общительным, что продиктовано настойчивым стремлением героя найти взаимопонимание с другими людьми, объяснить им свою позицию, вследствие чего глаголы речи преобладают над глаголами мысли в характеристике персонажа. По мере развития сюжета герой «замыкается», его речевая активность снижается, что реализуется в нарастающем преобладании внутренней речи над внешней. Мисаил все больше размышляет о своей настоящей жизни, о прошлом. Теперь уже сквозь призму воспоминаний он пытается понять отношение к нему других людей, осмыслить их мировосприятие, что, в свою очередь, свидетельствует о приобретении героем жизненного опыта, а на уровне языковой личности знаменует тенденцию перехода от экстравертного типа к интровертному.

Особая роль в вербализации мыслительного процесса Мисаила принадлежит глаголу *казаться* (26), его деривату *показаться* (4), а также лексемам *чудиться* (1) и *представляться* (3), о чем свидетельствует высокая частотность их употребления: ... *мне казалось, что если я живу не в настоящей комнате ..., то слова отца, что я сижу у него на шее, звучат как будто уже не так обидно* [Там же, с. 357]; *Когда я возвращался с работы домой, то все эти (рабочие), которые сидели у ворот на лавочках ... пускали мне вслед разные замечания, и это ... волновало меня и казалось просто чудовищным* [Там же, с. 383]; *Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик ... в нём есть то нужное и важное, ... он верит, что главное на земле — правда* [Там же, с. 439] и т. д. Как мы видим, анализируя поведение, слова и поступки близких ему людей, герой таким образом приобретает жизненный опыт и вырабатывает собственную систему морально-нравственных установок и ценностей.

Проведенный анализ глаголов мысли, соотносительных с самохарактеристиками Мисаила Полознева или описанием его автором, позволил сделать следующие выводы:

— герою свойственно преимущественно негативное восприятие действительности, причины которого лежат в общей атмосфере эпохи конца XIX века, что приводит его к идеям толстовства, выбору «черного» труда, уходу от своего социального круга;

— Мисаил обладает тонким чувством прекрасного, умеет сострадать, не приемлет грубость и несправедливость. Он склонен к мечтаниям (например, о духовной профессии), полон надежд на изменение своей жизни, которые, к сожалению, разбиваются о суровую реальность;

— М. Полознев открыт новым впечатлениям и любви, он стремится к общению и поиску близких ему по духу людей, что в целом и определяет особенности его коммуникативно-речевых стратегий, где внешняя речь преобладает над внутренней. Герой стремится к взаимопониманию

в общении с сестрой, Марией Викторовной, доброжелателен в разговорах с доктором Благово, демонстрируя инициативный тип общения, тогда как диалоги с отцом, инженером Должиковым, Иваном Чепраковым окрашены иной тональностью, что связано с непониманием, даже конфронтацией позиций коммуникантов;

— в ходе развития сюжета мы наблюдаем трансформацию языковой личности Мисаила от экстравертного к интровертному типу, что сопровождается нарастанием преобладания внутренней речи над внешней и появлением таких характеристик личности, как замкнутость, нелюдимость, отсутствие стремления к коммуникации.

3.2. Глаголы мыслительной деятельности как элемент характеристики языковой личности Андрея Ильича Боброва

Повесть А. И. Куприна «Молох», написанная в том же 1896 году, посвящена сходной теме — судьбе человека в условиях капиталистического мироустройства. Инженер Андрей Ильич Бобров, несущий бремя службы на заводе, так же, как и Мисаил Полознев, находится в состоянии внутреннего конфликта: *Но всего большее действовал на него тот внутренний душевный разлад, который он примечал в себе с недавнего времени* [Куприн, 2020, с. 257]. В заглавие А. И. Куприным вынесено имя финикийского божества Молоха — идола, требующего жертвоприношений, олицетворяющего в произведении господство буржуазной цивилизации, противостояние которой изначально обречено на провал. Так и само повествование в книге последовательно раскрывает трагическую предрешенность бунта инженера Боброва против социальной действительности.

Андрей Ильич, как и М. Полознев, представляет тот же тип героя-интеллекта, остро переживающего проблему социального неравенства, общественной несправедливости, что является его типологической чертой и находит отражение в его мыслительной деятельности. Однако при этом между героями есть весомая разница, и состоит она в уровне их образования и жизненном опыте. В этом смысле А. И. Бобров предстает более интеллектуально развитым и опытным человеком, хотя еще более уязвимым, одиноким и несчастным.

Структура авторского повествования в «Молохе», ведущегося от 3-го лица, принципиально иная, что позволяет говорить о явном преобладании внутренней речи героя над внешней и дает основание предположить, что А. И. Бобров представляет языковую личность интровертного типа.

Образ Андрея Ильича раскрывается в авторских характеристиках: *Как многие нервные люди, он чувствовал себя очень нехорошо по утрам* [Там же, с. 257]; *Его нежная, почти женственная натура жестоко страдала от грубых прикосновений действительности* [Там же, с. 258]; ... он, как

многие *впечатлительные люди*, находил новые мысли только среди разговора [Там же, с. 275—276], в оценке другими персонажами: *производит впечатление замкнутого человека* [Там же, с. 260] (Свежевский); *Да ведь он — сумасшедший* [Там же, с. 278] (доктор Гольдберг); *Маниак, совершенный маниак* [Там же, с. 278] (доктор Гольдберг) и т. д. Таким образом, перед читателем предстает неоднозначная личность героя: внешне не очень привлекательного, физически слабого человека, но интеллектуально развитого, одухотворенного, остроумного, порой до сарказма, нервного и импульсивного, при этом с нежной и впечатлительной душой. Он мало кого пускает в свой внутренний мир, избегает общества, поэтому его не понимает большинство окружающих (*нахал и дурак*, как говорит мадам Зиненко), однако высоко ценят умные люди (бельгийский инженер Андреа, доктор Гольдберг).

Мироощущение героя пессимистично и негативно: у него плохое физическое самочувствие, он страдает частыми головными болями, бессонницей, испытывает отвращение к службе и ненависть к заводу, его не понимают окружающие, мечты Андрея Ильича разбиваются о грубую действительность, и все это в итоге приводит инженера Боброва к нервному срыву. Негативное восприятие действительности героем репрезентируется лексемами разной частеречной принадлежности: именами прилагательными (*внутренний душевный разлад*, *тайные страдания*, *блеск лихорадочных болезненных глаз*), именами существительными (*отвращение*, *почти ужас*, *отчаяние*, *кошмары*), наречиями (*уныло спрашивает*, *бешено поднимая*), словами категории состояния (*как мне тяжело*, *невыносимо больно*). Несмотря на преимущественно негативную тональность мироощущения персонажа, в нем задана и некая положительная доминанта, основу которой составляют склонность Боброва к широким поэтическим картинам, мечта о нежной девической любви, которая теплится в глубине его души. Текстопроизводство героя характеризуется привлечением значительного количества глагольной лексики со значением мыслительной деятельности, подтверждением чему в первую очередь служат его внутренние монологи и диалоги с доктором Гольдбергом и Ниной.

Первую группу глаголов, репрезентирующих мыслительный процесс Боброва, составляет лексема интеллектуальной деятельности *думать* (13) и производные от неё *подумать* (11), *вздумать* (1), *задуматься* (1), а также лексема *представлять* (5) с общим словарным значением глагола 'думать': «Сейчас что-нибудь неприятное скажет» — *подумал* Бобров (о Свежевском) [Там же, с. 260]; *Тогда бы его не остановило бы даже сознание, ... что он и она думают и говорят на разных языках* (о Нине Зиненко) [Там же, с. 266]; — *Зачем же, — растроганно думал он, — утомляю я себя бесплодными мечтами о каком-то неведомом ... счастье...* [Там же,

с. 270]; — *Вот он — Молох, требующий теплой человеческой крови подумайте же ... — двадцать лет ... человеческой жизни в сутки* (разговор с доктором Гольдбергом) [Там же, с. 278—279]; *И на кого, как не на одну только Богородицу, надеяться эти большим детям (рабочим завода), с мужественными и простыми сердцами ... так, или почти так думал Бобров* [Там же, с. 286] и т. д. Диапазон мыслей Боброва не отличается широтой и разнообразием. По сути, все его мысли сосредоточены вокруг одного: как тяжело и гадко жить. О смысле существования размышляет и чеховский герой, однако при всем неприятии образа жизни людей его круга, Мисаил не приходит к таким однозначно негативным оценкам жизни. Кроме того, мысли А. И. Боброва направлены на Нину Зиненко, в которую он влюблен, а также на судьбы рабочих, чьи страдания инженер наблюдает каждый день. Особое внимание обращает на себя тот факт, что в репрезентации мыслительного процесса героя участвует множество тропов и фигур (*наивный, свежий, детский ум, бесплодные мечты, мужественные и простые сердца, привычный подвиг терпения и отваги* и т. д.), что передает образность его мышления, склонность к игре воображения, желание домыслить то, чего нет на самом деле, тем самым выдавая желаемое за действительное. Бобров нередко видит людей лучше, чем они есть на самом деле, что и составляет основу его внутреннего конфликта между восприятием реальной жизни и созданной воображением. Именно в этом контексте следует оценивать отождествление инженером Бобровым завода с Молохом, что также свидетельствует о мифологизированном мышлении персонажа. Перечисленные особенности образа мыслей Андрея Ильича индивидуализируют его языковую личность, придавая ей самобытные черты.

Бобров, как и М. Полознев, характеризуется глаголами *понимать* (3), *догадаться* (1), *заблуждаться* (1): *И я понял, что вы, если бы захотели, то могли бы сделать меня самым счастливым человеком в мире* [Там же, с. 280]; *Или, может быть, ей просто не хочется танцевать с таким мешком, как я? — догадался он* [Там же, с. 303] и др. Однако их количество незначительно, в отличие от числа глаголов, характеризующих чеховского персонажа, что опять же объясняется широтой знаний инженера Боброва и его образованностью. Как правило, они характеризуют текстопроизводство Андрея Ильича в той его части, которое посвящено размышлениям о Нине, отношении которой к нему Бобров никак не может понять.

Семантема ‘иметь сведения о чем-нибудь’ [Ожегов, 1999, с. 364] репрезентируется глаголами *знать* (14), *не знать* (5): *Теперь, подъезжая к Шепетовке, он уже заранее знал, что и как там будут говорить в том или другом случае, даже представлял себе выражение лиц* [Там же, с. 266]; *Он знал, что когда с их террасы увидят его верхом на лошади, то сначала*

между барышнями, всегда находящимися в ожидании «приятных кавалеров», подымется длинный спор о том, кто это едет [Там же, с. 266]; *Вы должны знать, что каждый мастер несколько раз в день избегает смертельной опасности ...* (в диалоге с доктором Гольдбергом) [Там же, с. 276] и т. д. При этом в описании мыслительной деятельности персонажа преобладает лексема *знать*, вербализующая высокий уровень интеллектуального развития и широкий кругозор инженера Боброва, тогда как в характеристике мыслительного процесса Мисаила Полознева превалирует эта лексема с отрицательной частицей *не*, что позволяет увидеть недостаточность знаний героя и объяснить его настойчивое стремление их пополнить и расширить.

Отметим, что лексема *знать* используется А. И. Бобровым преимущественно в диалогах с доктором Гольдбергом и Ниной: *Я знаю, если кто-нибудь упомянет в разговоре про луну, вы сейчас же вставите: «Как эта глупая луна»...* [Там же, с. 269]; *Если я расскажу ... какой-нибудь выходящий из ряда обыкновенных случаев, я наперед знаю, что вы заметите: «Свежо предание, а верится с трудом»* [Там же, с. 269]. Бобров влюблен, поэтому и оправдывает милое щебетание Нины, весьма поверхностной, не способной к глубокой внутренней рефлексии, тогда как с доктором Гольдбергом герой может рассуждать о важных для него вопросах, что свидетельствует об интеллектуальном равенстве между ними.

Андрей Ильич проницателен, понимает людей, читает «выражения их лиц», может наверняка предположить, как поведет себя собеседник, что скажет. Анализ роли А. И. Боброва в общении с другими персонажами показывает, что его можно охарактеризовать как языковую личность со сформированными коммуникативными компетенциями, так как в процессе взаимодействия у него не возникает психологических барьеров, он владеет нормами этикета, умело ведет спор и т. д., что находит отражение в его внешней речи, однако круг его общения ограничен только теми людьми, с которыми он считает нужным поддерживать отношения. Это не близкие люди, а те, кто ему интересен.

Семантема «помнить, вспомнить» репрезентируется глаголом *помнить* (3), его дериватами *вспомнить* (7), *припомнить* (1), *напоминать* (1), а также *представлять* (1), *представить* (2). Оппозицию им составляют глаголы *забыться* (1), *забыть* (1), *не помнить* (1) с общей семей «перестать помнить, утратить воспоминание о ком-то / чём-то» [Ожегов, 1999, с. 198]: *Он представлял себе её стройную фигурку, улыбку её томных ... глаз и запах её тела* [Там же, с. 266] (большинство воспоминаний А. И. Боброва связано с Ниной и оценкой её поведения, что характерно для человека влюбленного); *О, я отлично помню, какой страшный перечень детей двадцатого века, неврастеников, сумасшедших ... самоубийц кидали вы в глаза*

этим самым благодетелям (ученым, инженерам и т. д.) *рода человеческого* [Там же, с. 274] (в диалоге с доктором Гольдбергом); *Вы помните из библии, что какие-то там ассирияне или моавитяне приносили богам человеческие жертвы ...* [Там же, с. 275] и т. д. Употребление глаголов памяти в диалогах с доктором Гольдбергом свидетельствует об интенсивности их коммуникации, имеющей преимущественно интеллектуальный характер.

Важная роль в характеристике размышлений героя в «Молохе», как и в повести «Моя жизнь», принадлежит глаголам *казаться* (18), *показаться* (3), *чудиться* (1), *почудиться* (3) и *представляться* (1): *Что-то стихийное, могучее и в то же время что-то детское и трогательное **почудилось** Боброву в этой общей молитве серой огромной массы* [Там же, с. 286]; *Что-то удручающее, нечеловеческое **чудилось** Боброву в бесконечной работе кочегаров* [Там же, с. 290]; *Все лица стали **казаться** ему пошлыми, жалкими, почти комичными* [Там же, с. 303]; *На мгновение ему **показалось**, что это едет вовсе не Квашинин, а какое-то окровавленное, уродливое и грозное божество* [Там же, с. 311] и т. д.

Отметим, что лексема *казаться* преимущественно встречается в конце повести, вербализуя душевный срыв героя, к которому А. И. Бобров последовательно шел по мере развития сюжета. Пребывая в состоянии болезненного бреда, помутнения сознания, он переживает совмещение двух пространственных плоскостей: реального и кажущегося, созданного больным воображением героя мира, образ которого репрезентируется соответствующей глагольной лексикой.

Проведенный анализ позволяет нам сформулировать ряд выводов о специфике мироощущения и речи А. И. Боброва как условной языковой личности персонажа художественного текста:

— мировосприятие героя, человека чуткого, ранимого, умного, носит негативный характер, приобретая по мере развития сюжета формат бреда и галлюцинаций, причины которых определяются внутренним душевным разладом и конфронтацией с миром;

— нежелание существовать в рамках капиталистического общества, не способного к состраданию и справедливости, не понимающего ценности человеческой жизни, неприятие его законов и морали приводят Боброва к психологическому срыву;

— на вербальном и невербальном уровнях общения герой демонстрирует нежелание вступать в коммуникацию (*отозвался нехотя, замолчал, спросил небрежно, отворачиваясь, повернувшись спиной* и т. д.). Круг общения Боброва ограничен только теми людьми, которых он считает возможным впустить в свое личное пространство, то есть коммуникация с его участием характеризуется как закрытая, принудительная, преимуще-

ственно конфликтная, особенно по ходу развития сюжета и усугубления состояния персонажа, что обусловлено мещанской средой, в которой живет герой, враждебной ему по своей сути, пропастью между обывателями и интеллектуалом, неприятием его окружающими, считающими Андрея Ильича человеком гордым и заносчивым;

— если оценивать избираемые персонажем коммуникативно-речевые стратегии, то инженер Бобров — языковая личность интровертного типа, о чем свидетельствует доминирование внутренней речи (интериоризованная речь, несобственно-прямая речь и т. д.). Интровертность героя обусловлена его высоким интеллектуальным уровнем, склонностью к наблюдениям и анализу, стремлением к высоким идеалам, наличием высоких моральных установок, что и делает его изгоем среди коллег;

— сложившееся под влиянием капиталистического общества, где отсутствуют справедливость, социальное равенство, честность и добро, мировосприятие А. И. Боброва формирует в нем стойкое ощущение одиночества, осознание себя непонятым, брошенным на произвол судьбы, жертвой капитализма и прогресса.

4. Заключение = Conclusions

Анализ глаголов мыслительной деятельности в характеристике главных героев повестей А. П. Чехова «Моя жизнь» и А. И. Куприна «Молох» — А. И. Боброва и М. Полознева — позволяет сделать следующие выводы:

— языковая личность Мисаила Полознева относится к экстравертному типу с тенденцией к переходу в интровертную, что репрезентируется на уровне мыслительного дискурса героя и его коммуникативно-речевых особенностей;

— языковую личность Мисаила характеризует недостаточность знаний, жизненного опыта, следствием чего становятся сложности в построении коммуникации, которые находят отражение как во внутренней, так и во внешней речи героя;

— языковая личность А. И. Боброва относится к интровертному типу, о чем свидетельствует направленность его мыслительного процесса, саморефлексия, средством репрезентации которой является преимущественно внутренняя речь героя;

— с позиций коммуникативных навыков языковую личность А. И. Боброва характеризует высокий уровень интеллектуального развития, владение приемами аргументации, что находит отражение в его коммуникативно-речевых стратегиях.

Проведенный анализ позволяет считать М. Полознева и А. И. Боброва вариациями модельной личности русского интеллигента рубежа XIX—

XX веков, обладающей следующими типологическими чертами: вписанностью в конкретный социокультурный и культурно-исторический контекст эпохи конца XIX века, негативным восприятием мира и окружающей действительности; наличием высоких морально-нравственных качеств и установок; присутствием черт «лишнего человека»; богатой внутренней рефлексией. При этом каждый из героев обладает совокупностью индивидуальных черт.

Источники

1. *Куприн А. И.* Полное собрание романов и повестей в одном томе / А. И. Куприн. — Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2020. — 1212 с. — ISBN 978-5-9922-0406-3.
2. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. 4 изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 1999. — 944 с.
3. *Чехов А. П.* Степь ; Скучная история ; Три года ; Моя жизнь ; Повести / А. П. Чудаков. — Москва : Время, 2019. — 420 с. — ISBN 978-5-00112-198-5.

Литература

1. *Богин Г. И.* Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Г. И. Богин. — Ленинград, 1984. — 31 с.
2. *Болдырев Н. Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 1 (42). — С. 5—12.
3. *Волков А. А.* Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматистика текста : курс лекций / В. В. Волков. — Москва : Флинта, 2019. — 148 с. — ISBN 978-5-9765-2016-5.
4. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 61—72.
5. *Ворожбитова А. А.* Теория текста : антропоцентрическое направление : учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. / А. А. Ворожбитова. — Москва : Высшая школа, 2005. — 367 с. — ISBN 5-06-004942-6.
6. *Дубова М. А.* Языковая личность героя в рассказе В. Я. Брюсова «В башне» / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 5 (84). — С. 429—431. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-01020.
7. *Дубова М. А.* Средства репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Научный диалог. — 2021. — № 10 (октябрь). — С. 191—213. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-191-212.
8. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
9. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2019. — 264 с. — ISBN 978-5-397-06618-1.
10. *Клобукова Л. П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики / Л. П. Клобукова // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. — Москва : Филология, 1997. — Выпуск 1. — С. 70—72.

11. Клюканов И. Э. Языковая личность и интегральные смысловые образования / И. Э. Клюканов // *Язык, дискурс и личность*. — Тверь : Тверской государственный университет, 1990. — С. 69—73.
12. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — Москва : Филол. фак. МГУ, 1996. — 245 с. — ISBN 5-89042-018-1.
13. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие. 9-е изд. / В. А. Маслова. — Москва : Флинта, 2018. — 296 с. — ISBN 978-5-89349-748-9.
14. Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / И. А. Стернин, З. Д. Попова. — Москва : АСТ — Восток-Запад, 2007. — 314 с. — ISBN 978-5-17-045103-6.
15. Тамазян В. А. Глаголы памяти в мыслительном дискурсе М. Полознева / В. А. Тамазян // *Слово. Словесность. Словесник : Сборник статей 8 Всероссийской с международным участием научно-практической конференции*. — Рязань : Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2022. — С. 43—46. — ISBN 978-5-907568-18-1.
16. Чудаков А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. — Москва : Наука, 1971. — 290 с.
17. Чурилина Л. Н. Языковая личность в художественном тексте : монография. 7 изд., стер. / Л. Н. Чурилина. — Москва : Флинта, 2017. — 239 с. — ISBN 978-5-89349-999-9.

Material resources

- Chekhov, A. P. (2019). *Steppe; Boring story; Three years; My life; Novellas*. Moscow: Vremya. 420 p. ISBN 978-5-00112-198-5. (In Russ.).
- Kuprin, A. I. (2020). *The complete collection of novels and novellas in one volume*. Moscow: ALFA-BOOK. 1212 p. ISBN 978-5-9922-0406-3. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Y. (1999). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4 ed., supplement*. Moscow: Azbukovnik. 944 p. (In Russ.).

References

- Bogin, G. I. (1984). *The model of the linguistic personality in its relation to the varieties of texts*. Author's abstract of Doct. Diss. Leningrad. 31 p. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2015). Anthropocentric essence of language in its functions, units and categories. *Questions of cognitive linguistics, 1 (42)*: 5—12. (In Russ.).
- Chudakov, A. P. (1971). *Chekhov's Poetics*. Moscow: Nauka. 290 p. (In Russ.).
- Churilina, L. N. (2017). *Linguistic personality in a literary text: monograph*. Moscow: Flint. 239 p. ISBN 978-5-89349-999-9. (In Russ.).
- Dubova, M. A., Larina, N. A. (2020). The linguistic personality of the hero in V. Ya. Bryusov's story "In the Tower". *The world of science, culture, education, 5 (84)*: 429—431. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-01020. (In Russ.).
- Dubova, M. A., Larina, N. A. (2021). Means of Lexical Representation of Spatial Continuum in Early Stories of I. A. Bunin. *Nauchnyi dialog, 10*: 191—212. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-191-212> (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2019). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LIBROCOM. 264 p. ISBN 978-5-397-06618-1. (In Russ.).
- Klobukova, L. P. (1997). The phenomenon of linguistic personality in the light of linguistics. In: *Language, consciousness, communication: collection of articles, 1*. Moscow: Philology. 70—72. (In Russ.).

- Klyukanov, I. E. (1990). Linguistic personality and integral semantic formations. In: *Language, discourse and personality*. Tver: Tver State University. 69—73. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1996). *A concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: Philol. fac. MSU. 245 p. ISBN 5-89042-018-1. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2018). *Introduction to cognitive Linguistics: a textbook. 9th ed.* Moscow: Flinta. 296 p. ISBN 978-5-89349-748-9. (In Russ.).
- Sternin, I. A., Popova, Z. D. (2007). *Cognitive Linguistics*. Moscow: AST — East-West. 314 p. ISBN 978-5-17-045103-6. (In Russ.).
- Tamazyan, V. A. (2022). Verbs of memory in the mental discourse of M Poloznev. In: *Word. Literature. Slovesnik: Collection of articles of the 8th All-Russian Scientific and Practical conference with international participation*. Ryazan: Individual Entrepreneur Konyakhin Alexander Viktorovich. 43—46. ISBN 978-5-907568-18-1. (In Russ.).
- Volkov, A. A. (2019). *Fundamentals of philology. Anthropocentrism, linguistic personality and pragmatilistics of the text: a course of lectures*. Moscow: Flinta. 148 p. ISBN 978-5-9765-2016-5. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2001). Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological sciences, 1*: 61—72. (In Russ.).
- Vorozhbitova, A. A. (2005). *Text theory: anthropocentric direction: textbook*. Moscow: Higher School. 367 p. ISBN 5-06-004942-6. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.10.2022,
одобрена после рецензирования 05.11.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

Моргоева Л. Б. Лексико-семантические и структурные трансформации библейского текста при переводе на осетинский язык / Л. Б. Моргоева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 0—00. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-00-00.

Morgoeva, L. B. (2022). Lexico-Semantic and Structural Transformations of Biblical Text when Translated into Ossetian Language. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 00-00. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-00-00. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-00-00

**Лексико-семантические
и структурные
трансформации
библейского
текста при переводе
на осетинский язык**

Моргоева Лариса Батразовна
orcid.org/0000-0003-3725-754X
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела
осетинского языкознания,
Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований
Lalik_m@mail.ru

Владикавказский научный центр
Российской академии наук и
Правительства Республики Северная
Осетия-Алания
(Владикавказ, Россия)

**Lexico-Semantic
and Structural
Transformations of Biblical
Text when Translated
Into Ossetian Language**

Larisa B. Morgoeva
orcid.org/0000-0003-3725-754X
PhD in Philology, Senior Researcher,
Department of Ossetian Linguistics,
V. I. Abaev North-Ossetian Institute
for Humanitarian and Social Studies
Lalik_m@mail.ru

Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
and the Government
of the Republic North Ossetia-Alania
(Vladikavkaz, Russia)

© Моргоева Л. Б., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу вариантов перевода Библии на осетинский язык с учетом специфики построения сакрально ориентированных текстов. Рассмотрены вопросы интерпретации реалий, составных наименований, структурно оформленных целостных единиц в переложении на язык, имеющий отличную от других языков понятийную структуру и собственную системную организацию. Отмечается, что это имеет большое значение как для выявления особенностей перевода библейских текстов, составления словаря религиозных терминов и обозначений, так и для изучения всего потенциала языка при репрезентации различного рода сложных реалий с несвойственной осетинскому языку национально-культурной спецификой, чем и обусловлена актуальность данной работы. Материалом послужили Синодальный перевод Библии и версии его перевода на осетинский язык, сопоставление которых позволило выделить ряд особенностей, наибольшим постоянством из которых отличается транслитерация / транскрипция составных наименований и ономастических терминов. Показано, что традиционные способы перевода не всегда в должной мере отображают смысл исходного текста, равно как и прием переосмысления может исказить его до неузнаваемости, поэтому необходимо четкое понимание вариантов лексической сочетаемости единиц переводного языка и границ их семантического диапазона.

Ключевые слова:

осетинский язык; Библия; перевод; семантика; прагматика; лексическая сочетаемость; синтаксические конструкции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of options for translating the Bible into the Ossetian language, taking into account the specifics of constructing sacred texts. The issues of interpretation of realities, compound names, structurally formed integral units in translation into a language that has a conceptual structure different from other languages and its own systemic organization are considered. It is noted that this is of great importance both for studying the actual translation of biblical texts, compiling a dictionary of religious terms and naming units, and for studying the full potential of linguistic possibilities in representing various kinds of complex realities with national and cultural specifics unusual for the Ossetian language, which determines the relevance of this work. The material was the Synodal translation of the Bible and versions of its translation into the ssetian language, the comparison of which made it possible to identify a number of features, the most consistent of which is the transliteration/transcription of compound names and onomastic terms. It is shown that traditional methods of translation do not always adequately reflect the meaning of the source text, as well as the method of rethinking can distort it beyond recognition, so a clear understanding of the lexical compatibility options of the target language units and the boundaries of their semantic range is necessary.

Key words:

Ossetian language; Bible; translation; semantics; pragmatics; lexical compatibility; syntactic constructions.

Лексико-семантические и структурные трансформации библейского текста при переводе на осетинский язык

© Моргоева Л. Б., 2022

1. Введение = Introduction

Подлежащий переводу текст всегда требует понимания специфики жанра, к которому он относится, наличия знаний о структурных и языковых особенностях подобных текстов и, наконец, учета общих представлений о времени создания оригинального текста и культурно-исторической атмосфере его бытования. При всем многообразии требований к переводу и переводчику, осуществляющему его, при наличии различных способов, критериев, подходов с учетом всех обнаруживаемых особенностей, «для всех видов этой деятельности общими являются два положения: 1) цель перевода — как можно ближе познакомить читателя (слушателя), не знающего ИЯ (иностранного языка. — Л. М.), с данным текстом (или содержанием устной речи); 2) перевести — значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров, 2002, с. 15]. Следуя этим двум положениям возможно достижение успешного результата при переводе практически любого текста.

Самостоятельным объектом исследования является перевод канонических текстов, и главным образом текста Библии или отдельных его частей. «Еще до появления книгопечатания Библия была переведена более чем на тридцать языков. К концу XVI века Библия существует практически на всех языках Европы. Миссионерская деятельность среди народов Азии, Африки и Америки приводит к появлению все новых и новых переводов, даже на языки племен малочисленных и отдаленных» [Переводы ... 2017, с. 30—31]. Факт раннего распространения христианства на Кавказе не вызывает сомнения среди ученых, по утверждениям которых аланы, как крупнейший этнос на Северном Кавказе, под влиянием Византии уже к X веку приняли христианство. При отсутствии в то время христианских канонических текстов на осетинском языке уже существовали храмы и даже Аланская церковь, о чем свидетельствуют различного рода упоминания в текстах, языковые факты и археологические находки. «Появление первого осетинского перевода закономерно связано с двумя историческими процессами — формированием системы национального образования (пусть и в скромных масштабах) и созданием осетинского алфавита на базе кириллицы в гражданском изводе» [Асратян, 2020, с. 23].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Известно, что краткий катехизис 1798 года, перевод которого осуществлялся с использованием церковнославянской графики, не получил широкого распространения. При активном участии епископа Моздокского и Маджарского Тая Токаева, владевшего осетинским языком, в Московской Синодальной типографии печатается первая осетинская печатная книга «Начальное учение человеком хотящим учиться книг Божественного Писания» [Начальное учение ..., 1798]. Являясь первым печатным памятником, эта книга может считаться также и первым опытом демонстрации возможностей осетинского языка, поскольку «в ней отражены фонетические, лексико-фразеологические и грамматические средства народно-разговорной речи того времени» [Козырева, 1974, с. 11].

Дальнейшая работа по переводу богослужебных текстов была продолжена, и деятельность эта связана была главным образом с миссионерством — делом распространения христианства в Осетии. Проводилась специальная подготовка священно- и церковнослужителей для осетинских приходов. Эта деятельность теснейшим образом была связана с развитием осетинской письменности. На хуцури (грузинская церковная графика) были написаны букварь и несколько книг, которыми пользовались в Тифлисской духовной семинарии [Асратян, 2020, с. 23]. С учетом непонимания большинства слов, написанных на малознакомом для осетин северной части наречии, отсутствия практической пользы в обучении грузинскому алфавиту получено было разрешение на перевод того же катехизиса на основе алфавита, разработанного уже на тот момент А. М. Шёгреном [Гостиева, 2014, с. 98—99]. За перевод богослужебных книг, «краткой священной истории с кратким катехизисом», псалтиря, а позднее и за перевод Четвероевангелия взялся Г. Мжедлов, который на протяжении многих лет (1837—1861) с завидным усердием изучал осетинский язык, пытался составить и подготовить к изданию осетинскую грамматику, учебники для духовной семинарии, устранил многочисленные замечания А. М. Шёгрена и многократно дорабатывал переведенные им на осетинский язык церковные тексты. Наконец, после одобрения и получения положительной рецензии А. М. Шёгрена Святое Евангелие в переводе Г. Мжедлова на осетинский язык издается в 1861 году тифлисской типографией. Однако по настоятельной рекомендации членов владикавказского Комитета по переводам священно-церковных книг и учебников на осетинский язык и при активном участии переводчиков в лице священников А. Колиева, М. Сухиева, А. Аладжикова, диакона Г. Караева и учителя С. Жускаева изданный перевод Святого Евангелия подвергается архимандритом Иосифом (Чипиговским) очередной правке и в 1864 году издается в Тифлисе [Гостиева,

2014, с. 111]. В 1902 году Святое Евангелие на осетинском языке переиздается во Владикавказе в новой редакции, но в основе его остается перевод Г. Мжедлова.

Д. К. Асратян утверждает, что именно этот текст потом не раз воспроизводился, в том числе как Святое Евангелие (на осетинском языке), изданное в Лондоне-Берлине Британским и иностранным Библейским обществом в 1923 году, и как Новый Завет (на осетинском языке), изданный в Стокгольме Институтом перевода Библии в 1993 году. Однако он ставит под сомнение то, что на протяжении всего времени до появления в 2004 году перевода Нового Завета, подготовленного Институтом перевода Библии, в церковном приходском пользовании был текст Евангелия на основе перевода Г. Мжедлова [Асратян, 2020, с. 27]. Обстоятельное изучение вопросов, связанных с деятельностью первых переводчиков церковно-богослужебных книг, и установление фундаментальности и значимости их вклада в развитие осетинской письменности, грамматики, формирование осетинского литературного языка и религиозной терминологии, очевидно, продолжится. Между тем целью нашего краткого обзора было установление происхождения текста перевода Святого Евангелия на осетинском языке, изданного в 1923 году и отпечатанного с текста, выпущенного в 1902 году с разрешения Преосвященнейшего Владимира, Епископа Владикавказского и Моздокского. Именно этот текст привлек наше внимание для проведения лингвистического анализа в сравнении с современным вариантом перевода Святого Евангелия на осетинский язык при сопоставлении их с Синодальным переводом Библии.

Текст, написанный более полутора веков назад, остается вполне удобовоспринимаемым и пригодным для понимания Слова Божия. Расхождения с современными вариантами написания тех или иных слов в большей степени связаны с отсутствием на то время устоявшихся правил грамматики, морфологии и синтаксиса. Повлиял и тот факт, что «священники из грузин, служившие в осетинских приходах, до последних дней жизни не усваивали правильного осетинского произношения» [Алборов, 1979, с. 22].

Осознавая существенный временной разрыв между переводами, а также отличия современного состояния осетинского языка от его исторического аналога, мы все же считаем необходимым и крайне важным рассмотреть варианты переложения на осетинский язык сакральных текстов Библии, в том числе слов и словосочетаний, которые могут претендовать на статус терминов и обозначений религиозных фактов и понятий. Для лингвистического анализа, в том числе в сопоставительном аспекте, взяты аналогичные тексты Синодального перевода на русский язык (Четвероевангелие, впервые опубликованное в 1819 году), его перевод на осетинский язык

(впервые опубликованный в 1902 году) и осетинский вариант Института перевода Библии (1993, 2004 годы). Для сверки вариантов использовался сайт *Библия онлайн* [Библия], на котором тексты представлены в полном соответствии с печатными изданиями сравниваемых вариантов. В качестве исходного текста рассматривается русский перевод (далее — РП) [Библия, 1990] (РП — выделен курсивом), на который опирались сам Г. Мжедлов и редакционная комиссия дореволюционного перевода (далее — ДП) на осетинский язык [Сыгъдаг ..., 1923] (ДП — представлен с сохранением оригинальной графики), он сопоставляется с современным (далее — СП) исправленным переводом на осетинский язык [Ног Фæдзæхст, 1993; 2004].

Специфика рассматриваемых текстов заключается в том, что их оригинальность в известной степени условна, поскольку все они представляют собой обработанный текст Библии. Важно понимать, что «речь идет не об оригиналах библейских книг, так сказать, “авторизованных” их создателями, а о многократно копировавшихся рукописях, причем цепочка такого рода «копий с копий» <... > может быть достаточно большой» [Хухуни, 2019, с. 492], поэтому перевод Библии становится весьма «трудной задачей для переводчика, особенно при переводе на языки, не имеющие длительной литературной традиции» [Chatzitheodorou, 2001].

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Лексико-грамматические особенности дореволюционного варианта перевода Евангелия

В варианте ДП наблюдается стремление к дословному переложению текста Евангелия с русского на осетинский, что можно считать подстрочником. Очевидно явное стремление не отступать от исходного текста, что имеет как минусы, так, несомненно, свои плюсы. «Буквальный перевод стремится к максимальной дословности. По возможности переводчики передают каждое слово», взятое из исходного текста, в то время как «другой подход можно охарактеризовать как семантический» [Новикова и др., 2013, с. 289].

Отличительной особенностью ДП является форма представления сложных глаголов, когда именная часть практически всегда встречается в слитном написании с вспомогательным глаголом *кæнын*: *фæфæсмонкæнут* — *æрфæсмон кæнут* ‘покайтесь’ (Мф. 4:17); *æмбурдкæнут* — *æмбырд кæнут* ‘собирайте’ (Мф. 6:20); *баиуудзæн* — *баууыдзæн* ‘прилепится’ (Мф. 19:5); *фæтæриуæдкодта* — *фæтæригъæд кодта* ‘умилосердился’ (Мф. 20:34); *Æмæ Уј ссвһдæгкæндзæн* *Јæ мус, æмæ æрæмбурдкæндзæн* *Јæ мæнæу хордон* — *Æмæ ссыгъдæг кæндзæн* *йæ мус. Мæнæу бафснайдзæн Йæ хордоны* ... «и Он очистит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу...» (Мф. 3:12) и др.

Такое оформление можно было бы объяснить правилами грамматики того времени, где сложные глаголы осетинского языка фиксируются и называются «слитными именами времени» [Шёгрен, 1844, с. 182], однако в ДП встречаются и варианты их раздельного написания, особенно в глаголах с вспомогательным *уæвын* и его грамматическими формами. Сравним: *дис кодтой* — *дисы бафтыдысты* ‘дивился (народ)’ (Мф.12:23); *фæзвлун удзунæ* — *тæрхонгонд уыдызунæ* ‘осудишься’ (Мф.12:37) и др.

Помимо этого, отмечается ряд несоответствий и расхождений, связанных: 1) с использованием местоимения *йæ* в ДП вместо *йæ* в СП (Мф.10:39) в сравн. с (Мф.10:36), *ин* в ДП вместо *йын* в СП (Мф.14:9); 2) с различными вариантами слитного, дефисного и раздельного написания союзных слов и сочетаний: *из-за этого* — *ÿjтvххæj* — *уый тыххæй* (Мф. 16:2), *потому что* — *уымæн-æмæ* (Мф. 27; 6), *но за (ради) себя* — *дæхи тvххæj* — *дæхи тыххæй* (Мф. 17:27); 3) с использованием в ДП диалектных или просторечных форм: *приблизилось* — *æрхæстæд+сi* — *æрхæстæг* (Мф. 4:17); *смутился* — *сÿнгæд+сi* — *суынгæг ис* (Мф. 10: 22); *рассуждали между собой* — *гÿдvкодтой сæхÿдтæг сæхи мiдæг* — *кæрæдзийæн дзырдтой* (Мф. 21:25); *еще сильнее кричали* — *iдтæгдæр гæркодтой* — *тынгдæр хъæр кодтой* (Мф. 27:23) и др.

Подобные случаи объясняются принципами интуитивного написания, которыми, вероятнее всего, руководствовался Г. Мжедлов, а позднее и члены редакционной комиссии ДП. Однако заметим, что если вопросы правописания и расхождение в выборе грамматических форм напрямую зависят от правил, действующих на момент осуществления перевода, то смысловое соответствие и выбор лексических единиц, адекватно передающих семантику слова, использованного в исходном тексте, — процесс несколько иного порядка, связанный с возможностями языка перевода. При этом точность передачи смысла может быть полной, частичной или опосредованной.

Точная передача характеризуется калькированным переводом понятийных лексем с исходного языка (далее — ИЯ) на переводной язык (далее — ПЯ) при помощи возможностей последнего. Абсолютное калькирование может быть: а) грамматическим, для которого характерно использование эквивалента посредством прямого перевода слова или частей сложного слова и употребление его в той же грамматической форме, что и в ИЯ: *плачущие* — *кæуджытæ* (Мф. 5:4); *миротворцы* — *фидауынгæнджытæ* (Мф. 5: 9); *лицемеры* — *цæстмæхъус* (Мф. 6:2); *книжники* — *чiнvд+сvдæснvтæ* — *динамонджытæ* (Мф. 2:4); *древним* — *фvтцагонтæн* — *рагон адæмæн* (Мф. 5:21); *древние (люди)* — *фvдæлтæ* — *рагон адæм* (Мф. 5:33); б) семантическим, при котором наблюдается стремление найти полный эк-

вивалент в ПЯ через определение обозначаемого объекта в ИЯ: *стеяз* — *цаеуэнтэ* (Мф. 3:3); *пустыня* — *аэдэарэагбэастэ, аэдэарэагран* (Мр. 1:13); *тридцать сребренников* — *дэс-ама-ссэдз аэвзіст* — *дэс ама ссэдз аэвзіст ахцайы* (Мф. 27:3); *заповеди* — *амондзінаэдтај* — *фаэдзахстытаен* (Мф. 5:19); *волхвы* — *дэснутэ* — *стъалыдэснутэ* (Мф. 2:1); с *вожде-лением* — *мондагај* — *мондаджы цаствэј* (Мф. 5:28); *князя народов* — *адаму аэдэардта* — *аэдэартта* (Мр. 10:42) и др.

В некотором смысле такой подход полностью оправдан для текстов религиозной направленности, поскольку обеспечивает сохранность стилистической атмосферы, характерной для данного типа текстов. Нет никаких сомнений, что вариант ДП демонстрирует более полное соответствие с РП и является базовым при создании СП на осетинский язык. Так, перевод слова *книжники* в СП заменяется на контекстный синоним, но эта же структура используется для передачи слова *волхвы*. Опираясь на комментарии Баркли [Библия], предположим, что в ДП отражено первоначальное значение ‘маг’, а в варианте СП подчеркнута связь отдельных мудрецов с астрономией.

Говоря о тождественном переводе, следует понимать, что абсолютного тождества между исходным и переводным текстами не может быть, поскольку всегда обнаруживаются структурно-семантические, прагматические и лингвокультурологические различия между ЯИ и ЯП. Именно поэтому необходимо признать «относительность реально достижимой эквивалентности перевода» [Илюшкина, 2015, с. 30].

Вместе с тем полными эквивалентами мы можем считать лексические переводы ярко выраженных православных реалий, которые в обоих вариантах осетинского перевода идентичны: *Престол Божий* — *Хуцауъ бадаен* — *Хуыцауы бадаен* (Мф. 5:35); *Ангел Господень* — *Хуцауъ заед* — *Хуыцауы заед* (Мф. 22:30); *Сыновья Божьи* — *Хуцауъ фыртта* — *Хуыцауы хъабулта* (Мф. 5:9); *Царство Небесное* — *Уæларвон патцахад* — *Уæларвон Паддзахад* (Мф. 22:2). Отметим, что имена собственные передаются большей частью при помощи транслитерации, что соответствует признанному сегодня положению: «незнакомые имена из другого языка лучше брать в их оригинальной форме» [Липовский, 2010, с. 11]. В отдельных случаях наблюдаются незначительные грамматические различия в сравниваемых переводных вариантах, что никоим образом не мешает распознаванию исходного наименования: *Иуда Искариот* — *Искариотаг Јуда* — *Јудæ Искариот* (Мф. 26:14); *Мария Магдалина* — *Магдалінаг Маріа* — *магдалейаг Мариа* (Мф. 27:56); *Подножие ног Его* — *Јæ кæхтв æнцајæн у* — *Јæ кæхты æнцой у* (Мф. 5:35) и др.

Транскрипция и транслитерация чаще всего применяются к именам собственным (антропонимам и топонимам), которые анализируются

в числе первых при рассмотрении данной проблематики [Bailey, 2007]. И в этом ряду необходимо остановиться на переводе именовании отдельных персоналий, среди которых *Иоанн Креститель* — *Joann donæjarĥaŭæg* — *Арġауаг Иоанн* (Мф. 3:1). В ДП подчеркивается его особенность ‘креститель водой’, тогда как в СП она опускается — ‘креститель’. В двуязычных словарях осетинского языка мы не находим данную дефиницию, но исходная глагольная форма *арġауын* как религиозный термин представлена для обозначения лексемы со значением ‘служба’ [БРОС, 2011, с. 542], а в более раннем лексикографическом источнике толкуется так: ‘совершать обряд богослужения (венчания, крещения, и т. п.)’ [ОРС, 2004, с. 45]. Таким образом, на наш взгляд, вариант ДП является более удачным (*Иоанн Креститель* — *Joann donæjarĥaŭæg*).

В связи с этим не менее интересно переложение на осетинский язык сочетания *Голгофа, что значит «лобное место»* — *Голгофа, ома Нвхв бвнат* — *Голгофае (ома, Сæргæхцы бынат)* (Мф. 27:33). В варианте ДП *лобное место* переводится буквально, но в СП оно заменено на неудачный, на наш взгляд, вариант, соответствующий сочетанию *черепное место*. Если принять во внимание, что переводимое понятие не свойственно культуре осетинского народа, то замена буквального перевода на вариант СП ничем не оправдана, в то время как существует понятие *фынджы ных* «торец стола» (там располагается старший ведущий традиционного молитвенного застолья). Или *ныхыл фыст* «написанное на лбу», *ныхыдзуар* — «счастье, предначертанное судьбой» (букв. ‘крест лба’). Коннотативные смыслы устойчивых сочетаний с компонентом *ных* ‘лоб’ в осетинском языке более близки переводимому сочетанию *лобное место*. Именно поэтому вариант ДП *Ныхы бынат* адекватен и предпочтителен.

С проблемой перевода лексических единиц, «обладающих национальной-культурной спецификой и вследствие этого, как правило, не имеющих однозначных межъязыковых эквивалентов» [Хухуни, 2018, с. 258], связано переосмысление и адекватная передача содержания слов, не свойственных осетинскому языку, посредством единиц, имеющих собственную сакральную семантическую нагрузку. Этот процесс осложняется необходимостью отразить семантику одного и того же слова в разных грамматических формах и морфологических производных. Рассмотрим для наглядности два случая перевода с использованием *куывд* / *кувын* ‘молитва / молиться, поклоняться’: *Молитесь за обижающих вас и гонящих вас* — *кувут уæ твхæнд+свтн æмæ уæ сурд+свтн твххæј* — *кувут* уе ‘фхæрджыты тыххæј’ (Мф. 5:44) и *Если ты принесешь дар твой к жертвеннику...* — *Ду кұ æрхæсæј да нвсајнаг кувæндонмæ...* — *ды да нывондимæ нывондхæссæнмæ* *куы æрцауай* (Мф. 5:23).

В первом случае перевод ‘молитесь’ в обоих переводных вариантах обнаруживает полное семантическое тождество. Во втором случае *куваендон* (производное от *кувын*) ‘святилище, моленное место’ используется для обозначения жертвенника в ДП, а в СП для его обозначения вводится лексическое образование *нывондхаэссан* ‘букв. место, куда приносят жертву’. Использованные слова *кувын*, *куваендон*, *нысайнаг*, *нывонд* являются яркими культурными маркерами концептуального значения, отражающими национальную специфику картины мира и традиционные верования осетинского народа. Будучи использованными для перевода церковных текстов, они, вне всякого сомнения, облегчают восприятие содержания всего контекста, поскольку обладают собственным сакральным значением, которое сдвигает семантическую проекцию в сторону национальной ритуальности и вместе с тем дехристианизирует переводной текст. В этом отношении наиболее удачным для передачи содержания слова *жертвенник* является вариант, зафиксированный в СП, поскольку он в меньшей степени нагружен национально-культурным компонентом и способствует адекватному отображению церковной стилистики. Напротив, *храм* в варианте ДП передан как *аргъуан* и является более адекватным и устоявшимся в осетинском языке переводом, нежели уже известное нам *куваендон*, использованное в СП (Мр. 11:11).

Заслуживают внимания переводы слов *милостыня* и *милостивый* посредством таких номинаций, как *хаерзиуаг* ‘добро, благо, одолжение’ [ОРС, 2004, с. 478], *растганджытæ* ‘праведные, делающие правильно’, *хорзæхганджытæ* ‘благодарствующие, милостивые’ [Там же, с. 486], *хатырганджытæ* ‘прощающие’: *Милостивые* — *хорзæхгæнд+свтæ* — *хатыргæнджытæ* (Мф. 5:7) и *Не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас* — *уæ хаерзиуаг магъуртæн адæмæ раз ма дæдтут* — *уæхи хизут, растгæнджытæ кæй стут, уый адæмы цæстмæ æвдисынæй* (Мф. 6:1). Здесь в обоих вариантах перевода наблюдается некоторое несоответствие собственной семантики лексических единиц, избранных для передачи значения слов, употребленных в исходном тексте. Между тем в современных лексикографических источниках русское слово *милостыня* представлено осетинским *магуыргураггаг* [БРОС, 2011, с. 301], которое нагружено некоторой отрицательной коннотацией, а значит, не соответствует общему фону содержания в исходном тексте. И тут уместно вспомнить утверждение А. С. Десницкого: «Эквивалентность не подразумевает не только полного, но и даже максимально достижимого тождества. Иногда переводчик вынужден намеренно отказаться от максимально близкого варианта перевода, чтобы лучше донести до читателя мысль оригинала» [Десницкий, 2015, с. 25].

Некоторым единицам перевода не всегда можно найти адекватное соответствие в языке перевода. К таким единицам относятся сложные понятия культурного характера, образные выражения и составные наименования. В нашем случае таковыми являются русский как ИЯ и осетинский как ПЯ. По мнению Юджина Найды, развивавшего теорию о методах перевода Библии на другие языки с культурой, не похожей на библейскую, главным приемом в процессе перевода является трансформация, в результате которой происходит многоуровневая перестройка структуры всего текста с учетом потребностей переводного языка [Nida, 1964, с. 159].

3.2. Специфика перевода лексических единиц и словосочетаний

Интересен и перевод атрибутивных словосочетаний в библейских текстах на осетинский язык. В русском варианте сочетания с полным согласованием в роде, числе и падеже главного и зависимого слова при переводе могут менять тип синтаксической связи, поскольку предпочтение отдается содержанию переводимого предложения, даже подчас в ущерб сохранению конструкции: *Волки хищные* — *лабургае бирæһтæ* — *тугдзых бирæгътæ* (Мф. 7:21); *Иссохшая рука* — *цæнкъл кух* — *хуыскъ къух* (Мр. 3:28); *Верный и благоразумный раб* — *æуæнкд+свн æмае хорзондд+свн цаһар* — *иуæрдион æмае зондджын цагъар* (Мф. 24:45) и под. Здесь в обоих вариантах перевода отмечается стремление переводчиков сохранить не только смысловую адекватность, но и синтаксическое оформление исходного текста. Однако в ДП функции прилагательного выполняет именная форма глагола «со значением признака предмета по действию» [Багаев, 1964, с. 353]. Что касается семантического соответствия выбранного для перевода слова, то во всех указанных примерах варианты современного перевода в каждом отдельном случае более точно передают содержание исходного текста.

Обратим внимание на словосочетания с синтаксической связью «управление», где зависимым словом выступает существительное в падежной форме. Среди них мы выделили сочетания: а) с главным словом, выраженным прилагательным или причастием (*Чистые сердцем* — *зæрдæјæ свһдæд+свтæ* — *сыгъдæгзæрдæтæ* (Мф. 5:8); *изгнанные за правду* — *æцæгадв туххæј сырд* — *растдзинады тыххæј æфхæрд æййафджытæ* (Мф. 5:10 (8-11); *имеющие богатство* — *қæздвгад кæмае ис* — *бонджынтæ* (Мр. 10:23) и др. б) с главным словом, выраженным глаголом: *обнес оградою* — *је алфамблај галұан скодта* — *йæ алыварс ын сарæзта æмбонд* (Мр. 12:1); *страдала кровотечением* — *тугнїзæј рвнчвн уыд* — *туг цæуынæй не 'нцад* (Мр. 5:25) и др.; в) с главным словом, выраженным существительным: *Венец из терна* — *свндзвтæј худ* — *сындзын кадыхуд* (Мф. 27:29); *сборщики податей* (мытари) — *қалонїсд+свтæ* — *хъалонисджытæ* (Мф. 5:46) и др.

Ни один вариант перевода не оказался способным сохранить тип синтаксической связи без искажения смысла исходного РП. Закономерности при переводе указанных типов конструкций прослеживаются весьма слабо. Однако отметим, что авторы ДП, очевидно, стремились к установлению полного структурного и семантического соответствия перевода с исходным текстом. Относительно перевода каждого слова в отдельности можно сказать, что найденный эквивалент на осетинском языке оказывается приемлемым, но в синтаксической связи с соседним словом общий смысл сочетания искажен, и высказывание оказывается весьма искусственным, чуждым живому осетинскому языку. Анализируя работы Найда и Тейбера (1969), посвященные переводу библейских текстов, А. С. Десницкий обратил внимание на ряд важных принципов, основывающихся на гениальности каждого языка в отдельности, а значит, «характерных особенностях на всех уровнях любого языка, которые отличают его от всех других, даже близкородственных», поэтому «недостаточно калькировать конструкции языка оригинала» [Десницкий, 2015, с. 52]. Именно этим и объясняется невозможность достижения абсолютной идентичности, к которой стремились авторы первоначального перевода библейских текстов на осетинский язык.

Исходя из наших наблюдений, отметим некоторую тенденцию к образованию сложных словоформ в осетинском при переводе таких сочетаний, как *чистые сердцем* — *сыгъдаггъардæтæ* ‘чистосердечные’ или *имеющие богатство* — *бонджынтæ* ‘богатый, состоятельный’ [ОПС, 2004, с. 190] и *сборщики податей* — самостоятельная композитная словоформа *хъалонисджытæ* с тем же значением, но не зафиксированная в современных лексикографических источниках. Такую возможность образовывать сложные композитные словоформы дает сама структура осетинского языка, для которого свойственно их появление через средство образного мышления и восприятия объективной действительности.

Что же касается сохранения структурной идентичности, более успешными оказываются синтаксические конструкции с сочинительной связью и параллелизмы. И здесь главным приемом является субстантивация, при которой прилагательные выполняют номинативную функцию: *злые и добрые* — *налæттæ æмæ хæрзтæ* — *хæрзтæ æмæ æвæрæттæ* (Мф. 5:45); *праведные и неправедные* — *рæсттæ æмæ злæгтæ* — *рæсттæ æмæ таригъæдджынтæ* (Мф. 5:45) и др. Проблема перевода подобных конструкций лежит исключительно в семантической плоскости. Так, противопоставление посредством введения антонимической пары, которое представлено в исходном РП, в осетинском переводе не выдерживаются, что в определенной степени искажает смысл. Скажем, осетинское *налæт*

‘дерзкий, наглый’ [ОРС, 2004, с. 305] не соответствует русскому *злой* и не является антонимом *хорз* ‘добро, хороший’ [Там же, с. 486], и наоборот, *раст* ‘прямой’ и *зылын* ‘кривой’ [Там же, с. 237, 349] образуют антонимическую пару, но не совсем точно отражают смысл сочетания *праведные и неправедные*. Сомнения вызывают эти пары и в СП.

3.3. Перевод устойчивых конструкций и императивных выражений

Не менее интересны переводы синтаксических параллелей, где мы можем наблюдать ту же проблему с соблюдением семантического соответствия при сохранении структуры конструкции. Скажем, для перевода выражения *ибо много званных, а мало избранных* (Мф. 22:14) в ДП предлагается *сидтытæ* ‘воззвания, обращения, призывы’ и *æвзарстæ* ‘выборы, отбор’ [Там же, с. 74, 376], а в СП *сидтытæ* заменено на *хуындтытæ* ‘приглашенные, званные’ [Там же, с. 490]. При таком внимании к данной конструкции странно, что без изменения остался перевод слова *избранные*, тогда как логичнее было бы с точки зрения грамматики заменить на *æвзаргæтæ* ‘избранные’ [Там же, с. 377], что имело бы более точное смысловое соответствие, представленное как *хуындтытæ бирæ сты, æвзаргæтæ та — чысыл*.

Наше внимание привлекла еще одна синтаксическая конструкция, уже давно ставшая известным фразеологизмом — *око за око и зуб за зуб* (Мф. 5; 38). Ни один из рассматриваемых нами переводов не выдерживает критики, поскольку в ДП мы имеем *цæст цæстмæ æмæ дæндаг дæндагмæ* ‘глаз к глазу и зуб к зубу’, а в СП предлагается достаточно развернутое *Цæст къахагæн йæ цæст къахинаг у æмæ дæндаг сæттæгæн йæ дæндаг сæттинаг у* ‘выкалывающему глаз надлежит выколоть глаз и выбивающему (ломающему) зуб следует (надлежит) выбить зуб’. В обоих случаях нарушена система правильной организации языковых средств ПЯ при передаче содержания ИЯ, что в первом случае связано с формальными отличиями грамматики осетинского языка от грамматики русского, во втором — с игнорированием семантико-стилистических особенностей обоих языков. И это становится ярчайшим примером того, как «смешение явлений языка и явлений стиля (как явлений речи) неизбежно приводит на практике к формальному истолкованию и воспроизведению языковых особенностей как таковых (насколько это возможно) вне связи с их смысловой и стилистической функцией, то есть к наивному буквализму» [Федоров, 2002, с. 29].

Попытки устранить неточности ДП на осетинский язык породили новые искажения в СП. И если на заре переводческой практики искажения были связаны с трудностями нахождения грамматических и семантических соответствий, то в современной трактовке нарушается общий стили-

стический фон переводимого текста. Так, фразеологизм библейского происхождения *око за око и зуб за зуб* благодаря развернутому переложению на осетинский язык утратил свою афористичность и стилистическую оригинальность и приобрел искаженный смысловой посыл. Вполне возможно, что мы наблюдаем тот факт, когда переводчик «не всегда ставит перед собой цель достичь адекватности оригинала. <...> Для этого он сознательно упрощает или добавляет, сокращает или изменяет передаваемую источником информацию» [Дзапарова, 2014, с. 55]. Такой тип перевода может изменить концепцию подлинника, и текст утрачивает сакральные признаки канонического текста. Сложность и многоплановость библейских текстов напрямую связаны, как нам представляется, в том числе и с многочисленными метафорами и переносными смыслами, которые иногда пытаются заменить на «откровенные толковательные пересказы» [Prickett, 1986, с. 12—13], наиболее удобные для современного понимания.

Известно, что значение слов может быть не только референциальным, но и коннотативным, поэтому без принятия во внимание плана выражения и плана содержания слова не может быть достигнут адекватный перевод. Насколько же необходима была такая «распаковка» смысла фразы *око за око и зуб за зуб* и возможен ли другой перевод? Первый вариант, определенный нами как неправильный, следовало лишь отредактировать без семантических переложений с сохранением синтаксической конструкции и стилистических особенностей: *цæсты ныхмæ — цæст æмæ дæндаджы ныхмæ — дæндаг*, где послелог *ныхмæ* ‘против, взамен’ полностью передает смысл исходного выражения.

Для перевода выражения *не судите, да не судимы будете* — *Фвдкој ма кæнут, æмæ ма чвндæуа ўæ фвдкој* — *Иннæтæн тæрхон ма кæнут, æмæ тæрхонгонд нæ уыдзыстут* (Мф. 7:1) в ДП понятие «судить» репрезентируется лексемой *фвдгой* ‘сплетня, клевета’ [ОРС, 2004, с. 465] и ‘злословие’ [БРОС, 2011, с. 223], тем самым сужается философский смысл библейского понятия. В варианте СП подобран более удачный эквивалент *тæрхон* (*кæнын*) ‘осуждение (осуждать)’ [Там же, с. 581], благодаря которому смысловые границы всего высказывания раскрываются и в полной мере отражают семантику исходного текста. Лишним, пожалуй, является только слово *иннæтæн* ‘другим (над другими)’, поскольку отсутствует функционально-коммуникативная необходимость в нем из-за того, что его нет и в исходном тексте. Перевод не потерял бы своей значимости с вариантом *тæрхон ма кæнут, æмæ тæрхонгонд нæ уыдзыстут*, но полностью соответствовал бы семантике и структуре исходного текста.

Рассмотрим еще пару императивных высказываний, перевод которых, на наш взгляд, несколько сомнителен в обоих вариантах. Так, в выражении

не противься злему — да гугдарæд+св нухмæ ма лæу — да бафхæрджы нухмæ ма рау (Мф. 5:39) нас интересует перевод понятия «зло». В обоих вариантах оно передается посредством формы множественного числа *хъыгдарæг* ‘причиняющий неприятность, беспокойство’ [ОРС, 2004, с. 506], ‘вредный’ [БРОС, 2011, с. 91] и *бафхæрæг* ‘оскорбивший, обидевший, упрекнувший’ [ОРС, 2004, с. 178], ‘обидчик’ [БРОС, 2011, с. 355]. Здесь видим, что зло как философская и нравственно-этическая категория в переводах на осетинский представлено не как абстрактное понятие, а как некое конкретное злодеяние, совершаемое человеком. Совершенно очевидно, что при такой трактовке в корне меняется и семантическая интерпретация всего императива. В этом случае следовало по меньшей мере сохранить признаки абстрактности этого понятия и рассмотреть варианты *фыдæх* ‘немилость, гнев, ненависть, вражда’, *фыдбылыз* ‘несчастье, беда, зло’, *фыдох* ‘несчастье, бедствие, печаль’, *фыдракæнд* ‘злодеяние’ [ОРС, 2004, с. 29—330], *æвзаердзинад* ‘зло’, *фыд* ‘зло’ [БРОС, 2011, с. 223]. Дело в том, что собственно слово *зло* переводится на осетинский как *фыд*, который в свою очередь является полным омонимом слов *отец*, *мясо*, *жернов* и наречия *очень*, *сильно*, *крайне*. Кроме того, *фыд* активно участвует в образовании сложных слов с коннотативным компонентом зла [Моргоева, 2020].

В выражении *не искушай Господа Бога твоего — ма ках да Хъцау Хуцау* — *ма къах да Хъцау Хуцауы* (Мф. 4:7) сомнение вызывает перевод слова *искушай*. Использованный вариант *къахын* в своем прямом значении весьма отдаленно семантически связан с переводимым словом и в разных сочетаниях передает смыслы ‘копать’, ‘выведывать’, ‘допытываться’ [БРОС, 2011, с. 153, 183, 256]; в переносном значении используется в сочетаниях *загъд (хыл) къахын* ‘затевать ссору (драку)’ или *заердæ скъахын* ‘сердце изрыть (нанести жестокую обиду)’. Очевидно, что в представленных семантических вариантах отсутствуют искомые коннотации, полноценно передающие значение слова *искушать* применительно к Богу (как в данном контексте), а значит, требуется его глубинный анализ для поиска адекватного перевода.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный сопоставительный анализ переводов библейских текстов на осетинский язык позволяет прийти к выводу о необходимости применения комплексного подхода к репрезентации различного рода реалий на ПЯ. Важно при этом осознавать, что топонимы и антропонимы, составные наименования и термины, относящиеся непосредственно к религиозной сфере, должны оставаться неизменными и по мере возможности уз-

наваемыми, поскольку являются ключевыми и выполняют каноническую функцию. В этом отношении дореволюционный перевод Евангелий на осетинский язык отличается строгим следованием принципам буквально-го перевода и попыткой сохранить строй синтаксических конструкций или их частей. Отмечаются также заслуживающие внимания лексикографов лексические новообразования и удачные словоформы.

Современный вариант перевода этого же текста нацелен на более свободное переложение содержания переводимого текста, где основное внимание уделяется лексической сочетаемости, соблюдению грамматических норм и принципов осетинского языка. Однако стремление к адаптации при поиске эквивалентов на ПЯ может привести к излишнему переосмыслению исходного контекста и нарушить его смысловую организацию в переводе. Особенно негативно это сказывается на устоявшихся в языке и легко узнаваемых выражениях и императивных установках религиозного характера, которые при переводе могут утратить свою афористичность и структурно-семантическую оригинальность, что повлечет за собой десакрализацию библейского текста. Для передачи духовной атмосферы текста и сохранения особого слога канонических текстов при переложении на другой язык необходим комплексный подход и применение комбинированных способов перевода.

Источники и принятые сокращения

1. Библия онлайн [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://online-bibliya.ru> (дата обращения 13.07.2022).
2. БРОС — *Большой русско-осетинский словарь* : около 60000 слов и выражений / Л. Б. Гацалова, Л. К. Парсиева. — Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2011. — 687 с. — ISBN 978-5-905691-19-5.
3. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета (канонические). С иллюстрациями Гюстава Доре. — Ленинград, 1990. — Том II. — 618 с.
4. *Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного Писания*. — Москва : Синодальная типография, 1798.
5. *Новый завет на осетинском языке* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://online-bibliya.ru/book/osetinskii-iron-vzag-32/ot-matfeya-1427/1> (дата обращения 13.07.2022).
6. *Новый завет (Синодальный перевод)* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://online-bibliya.ru/book/sinodalnyi-1/ot-matfeya-40/1> (дата обращения 16.07.2022).
7. ОРС — *Осетинско-русский словарь* / Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Т. А. Гуриев, Н. Х. Кулаев, О. Н. Туаева. — Владикавказ : «Алания», 2004. — 540 с.
8. *Сыгъдаг* Евангелие. Святое Евангелие на осетинском языке. — Лондон-Берлин : Британское и иностранное Библейское общество, 1923. — 290 с.
9. *Ног Фæдзæхст*. — Стокгольм : Институт перевода Библии, 1993.
10. *Нæ Хицау Йесо Чырыстыйы Ног Фæдзæхст*. — Москва : Институт перевода Библии, 2004. — 504 с. — ISBN 91-89122-84-4.

Литература

1. *Алборов Б. А.* Некоторые вопросы осетинской филологии : статьи и исследования об осетинском языке и фольклоре / Б. А. Алборов. — Орджоникидзе : Ир, 1979. — 311 с.
2. *Асратян Д. К.* Псалтирь 1848 года — первый опыт перевода Библии на осетинский язык / Д. К. Асратян // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. — 2020. — № 4. — С. 21—30. — DOI: 10.29025/1994-7720-2020-4-21-30.
3. *Багаев Н. К.* Современный осетинский язык / Н. К. Багаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1964. — Том 1. — 487 с.
4. *Гостиева Л. К.* Православие в Осетии : очерки о православном духовенстве второй половины XIX — начала XX в. / Л. К. Гостиева. — Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. — 557 с. — ISBN 978-5-91480-205-6.
5. *Десницкий А. С.* Современный библейский перевод : теория и методология / А. С. Десницкий. — Москва : Издательство ПСТГУ, 2015. — 432 с. — ISBN 978-5-7429-0972-9.
6. *Дзапарова Е. Б.* Художественный перевод в осетинской литературе : проблема адекватности переводных текстов / Е. Б. Дзапарова. — Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. — 312 с. — ISBN 978-5-91480-219-3.
7. *Илюшкина М. Ю.* Теория перевода : основные понятия и проблемы / М. Ю. Илюшкина. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. — 84 с. — ISBN 978-5-9765-2634-1.
8. *Козырева Т. З.* Язык первой осетинской печатной книги / Т. З. Козырева. — Орджоникидзе : Ир, 1974. — 102 с.
9. *Липовский И. П.* Библейский Израиль — история двух народов / И. П. Липовский. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2010. — 576 с. — ISBN 978-5-93762-066-8.
10. *Моргоева Л. Б.* К вопросу о статусе препозиционных компонентов слова в аспекте контекстной семантики / Л. Б. Моргоева, И. Н. Цаллагова // Kavkaz-Forum. — 2020. — № 4 (11). — С. 32—47. — DOI: 10.46698/r6093-4115-9689-w.
11. *Новикова Н. Л.* Проблемы лингвокультурологической интерпретации библейского текста в переводе / Н. Л. Новикова, А. В. Лебедев // Регионология. — 2013. — № 4 (85). — С. 286—296.
12. *Переводы Библии : история и современность // Современная библеистика и предание Церкви : Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви, Москва, 26—28 ноября 2013 года / Под общей редакцией митрополита Волоколамского Илариона. — Москва : Познание ; Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2017. — С. 27—44. — ISBN 978-5-9908680-4-5.*
13. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы) : Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. Пособие / А. В. Федоров. — Москва : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. — 416 с. — ISBN 5-94545-014-6.
14. *Хухуни Г. Т.* Бытовые реалии в сакральном тексте : проблемы межъязыковой передачи / Г. Т. Хухуни // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2018. — Выпуск 14 (809). — С. 257—267.
15. *Хухуни Г. Т.* Интерпретация реалий при переводе сакрального текста : языковой и экстралингвистический аспекты / Г. Т. Хухуни, И. И. Валуйцева, А. А. Осипова // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. — 2019. — Т. 23. — № 2. — С. 487—508.

16. Шёгрен А. Осетинская грамматика с кратким словарем осетино-русский и русско-осетинским [Электронный ресурс] / А. Шегрен. — Санкт-Петербург, 1844. — Режим доступа : <https://www.ironau.ru/sjoegren.html> (дата обращения 21.06.2022).

17. Bailey N. A. Proper Names in the Bible : Translation Issues [Electronic resource] / N. A. Bailey. — Word&Did. — December 2007. — Access mode : <https://www.researchgate.net/publication/324574446> (accessed 25.06.2022).

18. Chatzitheodorou I. Problems of Bible Translation [Electronic resource] / I. Chatzitheodorou. — Translation Journal. — October 2001. — Vol. 5. — № 4. — Access mode : <https://www.translationjournal.net/journal/18bible.htm> (accessed 30.06.2022).

19. Nida E. Toward a Science of Translating / E. Nida. — Leiden : Brill, 1964. — 329 p.

20. Prickett S. Words and the Word : Language, Poetics and Biblical Interpretation / S. Prickett. — Cambridge : Cambridge University Press, 1986. — 320 p.

Material resources

Bible online. Available at: <https://online-bibliya.ru> (accessed 13.07.2022). (In Russ.).

Bible. The books of Holy Scripture of the Old and New Testaments (canonical). With illustrations by Gustave Dore, II. (1990). Leningrad. 618 p. (In Russ.).

Initial teaching by a person who wants to take into account the books of Divine Scripture. (1978). Moscow: Synodal Printing House. (In Russ.).

Large Russian-Ossetian dictionary: about 60,000 words and expressions. (2011). Vladikavkaz: IPO SOIGSI. 687 p. ISBN 978-5-905691-19-5. (In Russ.).

New Testament in the Ossetian language. Available at: <https://online-bibliya.ru/book/osetinskii-iron-vzag-32/ot-matfeya-1427/1> (accessed 13.07.2022). (In Russ.).

New Testament (Synodal translation). Available at: <https://online-bibliya.ru/book/sinodalnyi-1/ot-matfeya-40/1> (accessed 16.07.2022). (In Russ.).

Nog Fædzæhst. (1993). Stockholm: Institute of Bible Translation. (In Russ.).

Næ Hitsau Yeso Chyrystyj Nog Fædzæhst. (2004). Moscow: Institute of Bible Translation. 504 p. ISBN 91-89122-84-4. (In Osset.).

Ossetian-Russian dictionary. (2004). Vladikavkaz: "Alania". 540 p. (In Russ.).

Play the Gospel. The Holy Gospel in the Ossetian language. (1923). London-Berlin: British and Foreign Bible Society. 290 p. (In Russ.).

References

Alborov, B. A. (1979). *Some questions of Ossetian philology: articles and research on the Ossetian language and folklore*. Ordzhonikidze: Ir. 311 p. (In Russ.).

Asratyan, D. K. (2020). Psalter of 1848 — the first experience of translating the Bible into the Ossetian language. *Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University*, 4: 21—30. DOI: 10.29025/1994-7720-2020-4-21-30. (In Russ.).

Bagaev, N. K. (1964). *Modern Ossetian language, 1*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 487 p. (In Russ.).

Bailey, N. A. (2007). Proper Names in the Bible: Translation Issues. *Word&Did*. December. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/324574446> (accessed 25.06.2022).

Bible Translations: History and Modernity. (2017). *Modern Biblical Studies and the Tradition of the Church: Materials of the VII International Theological Conference of the Russian Orthodox Church, Moscow, November 26—28, 2013*. Moscow: Cognition; General Church Postgraduate and Doctoral studies named after sv. Cyril and Methodius. 27—44. ISBN 978-5-9908680-4-5. (In Russ.).

- Chatzitheodorou, I. (2001). Problems of Bible Translation. *Translation Journal*, 5 (4). Available at: <https://www.translationjournal.net/journal/18bible.htm> (accessed 30.06.2022).
- Desnitsky, A. S. (2015). *Modern Biblical Translation: theory and methodology*. Moscow: Publishing House of PSTSU. 432 p. ISBN 978-5-7429-0972-9. (In Russ.).
- Dzaparova, E. B. (2014). *Literary translation in Ossetian literature: the problem of adequacy of translated texts*. Vladikavkaz: CPI SOIGSI VNC RAS and RSO-A. 312 p. ISBN 978-5-91480-219-3. (In Russ.).
- Fedorov, A. V. (2002). *Fundamentals of the general theory of translation (Linguistic problems): For institutes and faculties of foreign languages. languages. Studies. Manual*. Moscow: PHILOLOGY THREE. 416 p. ISBN 5-94545-014-6. (In Russ.).
- Gostieva, L. K. (2014). *Orthodoxy in Ossetia: essays on the Orthodox clergy of the second half of the XIX — early XX century*. Vladikavkaz: CPI SOIGSI VNC RAS and RSO-A. 557 p. ISBN 978-5-91480-205-6. (In Russ.).
- Ilyushkina, M. Y. (2015). *Theory of translation: basic concepts and problems*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 84 p. ISBN 978-5-9765-2634-1. (In Russ.).
- Khukhuni, G. T. (2018). Everyday realities in the sacred text: problems of interlanguage transmission. *Herald of the MGLU. Humanities*, 14 (809): 257—267. (In Russ.).
- Khukhuni, G. T., Valuitseva, I. I., Osipova, A. A. (2019). Interpretation of realities in the translation of sacred text: linguistic and extralinguistic aspects. *Bulletin of the RUDN. Series: Linguistics*, 23 (2): 487—508. (In Russ.).
- Kozyreva, T. Z. (1974). *The language of the first Ossetian printed book*. Ordzhonikidze: Ir. 102 p. (In Russ.).
- Lipovsky, I. P. (2010). *Biblical Israel — the history of two peoples*. St. Petersburg: Humanitarian Academy. 576 c. ISBN 978-5-93762-066-8. (In Russ.).
- Morgoeva, L. B., Tsallagova, I. N. (2020). On the question of the status of prepositional components of a word in the aspect of contextual semantics. *Kavkaz-Forum*, 4 (11): 32—47. DOI: 10.46698/r6093-4115-9689- w. (In Russ.).
- Nida, E. (1964). *Toward a Science of Translating*. Leiden: Brill. 329 p.
- Novikova, N. L., Lebedev, A. V. (2013). Problems of linguoculturological interpretation of the Biblical text in translation studies. *Regionology*, 4 (85): 286—296. (In Russ.).
- Prickett, S. (1986). *Words and the Word: Language, Poetics and Biblical Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.
- Shegren, A. (1844). *Ossetian grammar with a short dictionary of Ossetian-Russian and Russian-Ossetian*. St. Petersburg. Available at: <https://www.ironau.ru/sjoeqren.html> (accessed 21.06.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.09.2022,
одобрена после рецензирования 03.11.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Петрухина А. В. Лингводидактическая адаптация учебных медицинских текстов для иностранных студентов / А. В. Петрухина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 124—141. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-124-141.

Petrukhina, A. V. (2022). Linguistic and Didactic Adaptation of Educational Medical Texts for Foreign Students. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 124-141. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-124-141. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-124-141

**Лингводидактическая
адаптация учебных
медицинских текстов
для иностранных студентов**

Петрухина Анастасия Владимировна
orcid.org/0000-0002-2886-6688
кандидат филологических наук,
кафедра филологических дисциплин
kosivets@mail.ru

Тюменский государственный
медицинский университет
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
(Тюмень, Россия)

**Linguistic and Didactic
Adaptation of Educational
Medical Texts
for Foreign Students**

Anastasia V. Petrukina
orcid.org/0000-0002-2886-6688
PhD in Philology,
Department of Philological Studies
kosivets@mail.ru

Tyumen State Medical University
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Tyumen, Russia)

© Петрухина А. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются принципы отбора учебных текстов медицинского профиля для практических занятий по русскому языку как иностранному. Описываются способы их лингводидактической адаптации для иностранных студентов, владеющих русским языком в объёме базового и первого сертификационного уровней. Новизна исследования заключается в применении методики корпусной лингвистики и метода моделирования при разработке учебного материала к занятию. Автор представляет примеры адаптации учебного текста по дисциплине «Анатомия» с целью подготовки учащихся к дальнейшему изучению предмета и успешной коммуникации в данной предметной области. Определено, что для иностранных студентов с уровнем владения русским языком в объёме базового уровня необходимо применять нелингвистическую и лингвистическую адаптацию текста, в то время как для обучающихся с уровнем владения языком B1 следует проводить нелингвистическую адаптацию текста, направленную на сохранение смысла исходного текста учебника. Установлено, что латинский вариант терминов затрудняет восприятие русскоязычного текста и, следовательно, обуславливает необходимость создания терминологического словаря по предмету с параллельным переводом на русский и английский языки.

Ключевые слова:

лингводидактическая адаптация; учебный текст; учебно-научный подстиль; русский язык как иностранный; язык специальности.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The principles of selecting educational texts of a medical profile for practical classes in Russian as a foreign language are considered. The ways of their linguodidactic adaptation for foreign students who speak Russian in the volume of the basic and first certification levels are described. The novelty of the research lies in the application of the methodology of corpus linguistics and the modeling method in the preparation of educational material for the lesson. The author presents examples of adaptation of the educational text in the discipline "Anatomy" in order to prepare students for further study of the subject and successful communication in this subject area. It has been determined that for foreign students with a basic level of Russian language proficiency, it is necessary to apply non-linguistic and linguistic adaptation of the text, while for students with a B1 language proficiency level, non-linguistic text adaptation should be carried out, aimed at preserving the meaning of the original text of the textbook. It has been established that the Latin version of the terms makes it difficult to perceive the Russian-language text and, therefore, necessitates the creation of a terminological dictionary on the subject with parallel translation into Russian and English.

Key words:

linguodidactic adaptation; educational text; educational and scientific substyle; Russian as a foreign language; specialty language.

Лингводидактическая адаптация учебных медицинских текстов для иностранных студентов

© Петрухина А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Учебно-научный подстиль, как и научный стиль в целом, характеризуется специфическими чертами в области лексики и грамматики, которые затрудняют восприятие и понимание соответствующих текстов не только иностранными, но и русскими студентами. Современные учебные пособия по языку специальности, адресованные иностранным студентам-медикам [Бурнос, 2012; Дьякова, 2015; Будько, 2019; Гладышева, 2019], содержат тексты профессиональной направленности (уровень B2-C1), которые прежде всего обладают высокой информативностью, передают специальные профессиональные знания посредством отбора лексических и грамматических единиц, характерных для научного стиля речи. Однако подобные тексты вводятся в учебный процесс уже на базовом (A2) и первом сертификационном (B1) уровнях, что обуславливает необходимость адаптации учебного текста.

Проблема адаптации профессионально ориентированного текста при обучении языку специальности становилась предметом рассмотрения в работах Н. Ю. Антоновой, В. В. Бесценной, Н. А. Востряковой, С. Л. Смысловой и др. [Антонова, 2021; Бесценная, 2020; Вострякова, 2015; Смылова, 2019]. «Образовательная программа по русскому языку как иностранному», разработанная коллективом авторов в 2001 году, требует, чтобы инофонам для чтения на базовом этапе обучения предлагались «специально составленные или адаптированные тексты, построенные на основе лексико-грамматического материала, соответствующего данному уровню» [Образовательная программа ..., 2001, с. 39]. Уже на первом сертификационном уровне объектом изучения в аудитории должны стать «аутентичные или с минимальной степенью адаптации сюжетные тексты, построенные с учётом лексико-грамматического материала, соответствующего данному уровню» [Там же, с. 63].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данной статьи — представить и обосновать лингводидактическую адаптацию учебного текста медицинского профиля для иностранных студентов, владеющих русским языком в объеме базового и первого сертификационного уровней, для последующего их использования на занятиях

по РКИ, рассматриваемых в неразрывной связи с подготовкой студентов по специальным дисциплинам.

В словаре методических терминов и понятий адаптация текста представлена как «упрощение, приспособление, облегчение или усложнение текста в соответствии с уровнем языковой компетенции учащихся» [Азимов, 2009, с. 10]. Адаптация текста — «лексически и грамматически упрощенная интерпретация текста на иностранном языке» [Первухина, 2011, с. 130]. Вслед за профессором С. В. Первухиной под *адаптированным текстом* мы понимаем «вторичный текст, измененный в содержательном и / или формальном отношении, построенный с учетом фоновых знаний и запросов потенциальных читателей, которые не могут понять текст-источник» [Первухина, 2015, с. 59]. При отборе учебных текстов для иностранных учащихся преподавателю РКИ необходимо учитывать: а) «субъективные» / личностные параметры: уровень языковой компетенции учащихся, наличие фоновых знаний иностранцев, словарный запас, опыт чтения по специальности на родном для учащегося языке, индивидуально-психологические особенности читателей-инофонов; б) особенности текста: его информативность и связность (см., в частности: [Коротышев, 2014, с. 80]).

В научной литературе обсуждаются разные варианты адаптации текстов: лингвистическая, нелингвистическая, лингводидактическая, прагматическая и др. Исследователь адаптированного художественного текста А. В. Брыгина разделяет виды адаптации на нелингвистические и лингвистические: нелингвистические адаптации (цитация, исключение и перестановка) связаны с изменением структуры художественного произведения, а лингвистические принципы (замена, редукция, добавление, инверсия) затрагивают сферу языка [Брыгина, 2005, с. 2]. Подобной классификации придерживается и С. В. Первухина, которая под лингвистической адаптацией понимает «упрощение текста через лексические замены или грамматические трансформации. Нелингвистическая адаптация связана с изменением объема текста, сокращением тематических линий, упрощением содержания» [Первухина, 2011, с. 131]. Данные способы адаптации можно применить к учебным текстам, основная функция которых — познавательная, при этом в двух аспектах: а) преподаватель русского языка как иностранного мотивирует инофонов к изучению русского языка посредством выбора текста медицинского профиля и последующей его адаптации в соответствии с языковой компетенцией иноязычного читателя (слушателя) и таким образом б) формирует у студентов способность понимать и анализировать получаемую профессионально значимую информацию.

Лингводидактическая адаптация состоит в адаптации текста в обучающих целях. А. В. Коротышев отмечает, что «целью лингводидактической

адаптации текста художественного произведения является его трансформация в соответствии с новыми, учебными, условиями функционирования, которые характеризуются целым набором факторов, связанных с личностью читателя-инофона — прежде всего, с уровнем сформированности его языковой компетенции, кругом интересов, читательским опытом, опытом изучения других иностранных языков и др.» [Коротышев, 2017, с. 3—4]. Однако эти принципы возможно применить и к учебным текстам. В результате лингводидактической адаптации получаем *учебный текст*, который представляет собой вторичный текст, упрощенный в лексическом и грамматическом плане в соответствии с уровнем владения языком иностранными учащимися; текст, созданный с целью понимания и восприятия его более широким кругом читателей, в отличие от собственно научного текста, адресованного узкому кругу специалистов.

Прагматическая адаптация переводного художественного текста рассматривается как «внесение поправок на социальные, культурные, психологические и иные различия между адресатами оригинального текста и текста перевода» [Лобанов, 2010, с. 99]. Представляется, что названные аспекты могут быть значимы и при адаптации учебного текста по специальности.

В работе использованы следующие методы исследования:

- *описательный метод*, направленный на характеристику отдельных языковых единиц в текстах профессиональной направленности;
- *метод моделирования* при создании учебного текста на основе лексической и грамматической трансформации аутентичного текста;
- *методику корпусной лингвистики*, которая позволяет с помощью текстометра определять уровень сложности текстов, получать статистическую и главную, содержащую набор ключевых слов, информацию о тексте, см.: [Лапошина, 2020; Лебедева, 2020];
- *лингвистический эксперимент*, используемый для выявления лексических единиц и грамматических конструкций, вызывающих трудности в процессе прочтения и понимания учебно-научного текста.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сопоставительная характеристика аутентичных текстов

В настоящее время в Тюменском государственном медицинском университете (ТюмГМУ) иностранные студенты, обучающиеся на английском языке по специальности «Лечебное дело», изучают русский язык на трёх курсах, начиная с элементарного уровня и заканчивая первым сертификационным уровнем владения русским языком. На первом курсе у инофонов в рамках элементарного (A1) и базового (A2) уровней развивают основные

языковые и речевые умения и навыки, реализующиеся в бытовой, социально-культурной и учебной сферах. Целенаправленное формирование необходимых профессиональных компетенций начинается на втором курсе посредством включения в учебный процесс специальных текстов, содержащихся в уже имеющихся пособиях по русскому языку для иностранных студентов-медиков [Дьякова, 2015; Куриленко, 2018; Раннева, 2019 и др.]. Тексты, представленные в данных пособиях, составлены искусственно, на основе изученных грамматических моделей: например, при составлении текста «Функции органов дыхания» используются конструкции «чем называется что», «что — это что», «что выполняет что», «что состоит из чего», например:

Системой органов называется блок организма, который выполняет определённую функцию.

Дыхательная система выполняет функцию дыхания, функцию обмена кислорода и углекислого газа между организмом и атмосферой.

Дыхательная система состоит из носовой полости, ротовой полости, глотки, гортани, трахеи, бронхов и лёгких.

Носовая и ротовая полости — это вход в дыхательную систему. Носовая и ротовая полости выполняют защитную функцию: защищают организм от микроорганизмов [Куриленко, 2018, с. 44].

Однако ряд учебных пособий содержат тексты, составленные на основе аутентичных текстов из учебников, методических пособий, энциклопедий по отдельным разделам медицины (анатомии, гистологии, биологии и т. д.). В частности, разработаны учебно-методические пособия, содержащие адаптированные для иностранных студентов 1-го курса тексты по дисциплине «Анатомия» [Будько, 2019; Гладышева, 2019; Бурнос, 2018]. В таблице 1 приведём фрагменты текстов по теме «Кости» из данных учебных пособий, выделив термины курсивом, и сопоставим тексты с точки зрения соответствия их базовому и первому сертификационному уровню владения.

Обязательным условием лингводидактической адаптации учебно-научного текста является сохранение терминов, ключевых слов, или опорных текстовых единиц, употребляемых в грамматических структурах, характерных для базового (A2) и первого сертификационного уровней (B1). Анализ лексического наполнения сопоставляемых учебных фрагментов с помощью текстометра (<https://textometr.ru/>), разработанного в Институте русского языка им. А. Пушкина, показывает, что (1) учебный фрагмент относится к концу второго сертификационного уровня (B2), а (2) и (3) — к четвёртому сертификационному уровню, уровню носителя языка (C2). Исключив термины и терминологические словосочетания, выделен-

Таблица 1

Фрагменты текстов по теме «Кости»

(1) Гладышева М. К., Людчик Н. Н. Читаем тексты по анатомии	(2) М. Е. Будько, П. В. Сушкевич. Знакомимся с анатомией	(3) Е. Ю. Бурнос. Учебные материалы по русскому языку для студентов-иностранцев медицинского института
Каждая <i>кость</i> является самостоятельным <i>органом</i>. Она состоит из <i>костной ткани</i> и снаружи покрыта <i>надкостницей</i>. Внутри <i>кости</i> находится <i>костный мозг</i>. <i>Кости</i> имеют разнообразную форму и величину, занимают определённое положение в <i>теле</i>. Для удобства изучения все <i>кости скелета</i> разделяют на группы. В основу классификации <i>костей</i> положены три признака: форма <i>костей</i>, их функция и развитие. По форме различают <i>трубчатые</i> (длинные и короткие), <i>губчатые</i>, <i>плоские</i>, <i>смешанные</i> и <i>воздухоносные кости</i> [Гладышева и др., 2014, с. 41].	В состав <i>мозгового черепа</i> входят две <i>парные кости</i> (<i>теменная и височная</i>) и четыре <i>непарные кости</i> (<i>лобная, затылочная, клиновидная и решётчатая</i>). <i>Теменная кость</i> участвует в образовании <i>свода черепа</i> и имеет вид <i>четырёхугольной пластинки</i>. Она имеет наружную и внутреннюю поверхности. Наружная поверхность <i>теменной кости</i> выпуклая. На ней имеются <i>теменной бугор</i>, верхняя и нижняя <i>височные линии</i>. Внутренняя поверхность <i>теменной кости</i> вогнута и направлена в сторону <i>мозга</i>. На ней видны <i>борозды</i> верхнего <i>сagitтального</i> и <i>сигмовидного синусов</i>, а также <i>борозда средней менингеальной артерии</i> [Будько и др., 2019, с. 16].	<i>Кость</i> представляет собой <i>орган</i>, внешнее и внутреннее строение которого изменяется и обновляется на протяжении всей жизни человека. Каждая <i>кость</i> имеет строение, которое соответствует тем условиям, в которых она находится. <i>Кость</i> состоит из <i>компактного вещества</i>, расположенного по периферии, и <i>костного</i>, которое представляет собой массу <i>костных перекладин</i>, и находится в середине <i>кости</i>. Толщина <i>компактного слоя</i> в <i>губчатых костях</i> небольшая. Основная масса <i>костей</i> такой формы представлена <i>губчатым веществом</i> [Бурнос, 2012, с. 6—7].

ные курсивом, мы проверили тексты ещё раз через текстометр и получили следующую информацию: (1) и (2) фрагменты относятся к концу второго сертификационного уровня (B2), (3) фрагмент — к четвёртому сертификационному уровню, уровню носителя языка (C2). Приведённые данные позволяют сделать вывод, что с точки зрения лексического состава рассматриваемые учебные материалы не могут быть адресованы студентам 1 курса с базовым и первым сертификационными уровнями.

Предикативные структуры, используемые в представленных учебных текстах, связаны между собой при помощи личных местоимений (*она*,

на ней во (2) фрагменте) и лексического повтора (*кость* в (1) фрагменте). В учебных пособиях (1) и (2) предложения простые, построенные по моделям уровня А2 и В1, осложненные однородными членами, а в (3) пособиях три предложения из пяти — сложноподчиненные с придаточными определительными. Следовательно, первые два текста по грамматическим критериям соответствуют базовому и первому сертификационным уровням владения языком и могут быть предложены иностранным студентам на занятиях, а третий текст соответствует только первому сертификационному уровню владения языком.

Таким образом, трудности при прочтении учебных медицинских текстов обусловлены прежде всего наличием в них специальных терминов и словосочетаний, поэтому авторы учебных пособий, в частности В. Б. Куриленко, предлагают в конце каждой темы переводной словарь (с русского языка на английский, который является языком-посредником, позволяющим адекватно интерпретировать прочитанный текст). По мнению исследователей Н. Ю. Антоновой и О. С. Выстроповой, для понимания научного медицинского текста иностранными студентами первого курса преподавателю необходимо адаптировать языковые средства на уровне лексики [Антонова, 2021, с. 2170], а также составлять предтекстовые задания, которые направлены на усвоение медицинской терминологии.

3.2. Сопоставление аутентичного и адаптированного текстов

В качестве источника текстовых материалов нами был использован учебник «Анатомия человека» под редакцией М. Р. Сапина, адресованный русским студентам медицинских вузов, аспирантам и врачам [Анатомия ..., 1997]. Специфика учебных текстов по анатомии состоит в употреблении большого количества русских и латинских терминов, к которым даются иллюстрации в виде рисунков (ср.: в учебнике по биохимии представлены химические формулы). Приведём фрагмент оригинального текста (ОТ) и выделим в нем лексику в соответствии с лексическим минимумом базового (А2), I и II сертификационных уровней (В1, В2) и медико-биологического профиля (м.-б.) [Там же, с. 50].

Представленный в первом столбце фрагмент оригинального текста текстометр относит к концу второго сертификационного уровня (В2), что подтверждает лексическое распределение по уровням языка: из 25 слов оригинального текста семь слов относятся к уровням А1—А2 (*вперед, его, часть, которая, при помощи, двух, ножек*), четыре слова — к уровням В1—В2 (*состоять, обратить, являться, опорный*), восемь лексем включены в список медико-биологического профиля (*позвонок, тело, дуга, располагаться, соединяться, образуя, позвоночный, отверстие*).

Таблица 2

Сопоставление оригинального и адаптированного текстов
(уровни A2, B1)

Оригинальный текст	Адаптированный текст
Позвонок (м.-б.), <i>vertebra</i> , состоит (B1) из тела (м.-б.), <i>corpus vertebrae</i> , и дуги (м.-б.), <i>arcus vertebrae</i> .	Уровень A2 Позвонок состоит из тела и дуги (<i>иллюстрация</i>). Уровень B1 Позвонок состоит из тела и дуги.
Тело позвонка (м.-б.) обращено (B1) вперед (A2) и является (B1) его (A2) опорной (B2) частью (A2).	Уровень A2 Тело — главная часть позвонка — находится впереди. Уровень B1 Тело позвонка обращено вперед и является его основной частью.
Кзади от тела (м.-б.) располагается (м.-б.) дуга (м.-б.), которая (A2) соединяется (м.-б.) с телом (м.-б.) при помощи (A2) двух (A1) ножек (нога A2), <i>pedunculi [pediculi] arcus vertebrae</i> , образуя (м.-б.) позвоночное (м.-б.) отверстие (м.-б.), <i>foramen vertebrale</i> .	Уровень A2 Кзади от тела находится дуга, которая соединяется с телом при помощи двух ножек. Уровень B1 Кзади от тела располагается дуга, которая соединяется с телом при помощи двух ножек, образуя позвоночное отверстие.

Мы предложили данный фрагмент оригинального текста иностранным студентам (из Индии, Египта), владеющим русским языком в объеме базового (семь человек) и первого сертификационного уровней (пять человек), с целью определения наиболее трудных для понимания текста слов и последующей его адаптации (в скобках указано количество студентов, для которых эти слова оказались сложными): *опорной* (5), *располагается* (5), *дуги* (4), *обращено* (4), *отверстие* (4), *позвонок* (3), *образуя* (3), *является* (2), *соединяется* (2), *позвоночное* (2), *кзади* (2), *тело* (1).

Результаты количественного анализа свидетельствуют, что большинству студентов знакома общенаучная и межстилевая лексика (*тело, состоять, соединиться, часть, являться*). Студентам, владеющим русским языком в объеме базового уровня, неизвестны термины *дуга, тело, позвонок, позвоночное отверстие*, нейтральная лексика *впереди, располагается, обращено*, поэтому для данного контингента студентов требуется как лингвистическая, так и нелингвистическая адаптация текста. Лингвистическая адаптация текста состоит в замене слов, не вошедших в лексические минимумы базового и первого сертификационного уровней, синонимами:

опорной (B2) — *основной* (B1) — *главный* (A2), *обращено* (B1) — *находится* (A1), *располагается* (м.-б.) — *находится* (A1). Нелингвистическая адаптация слов состоит в исключении лексики, не вошедшей в лексические минимумы (*кзади*), и в добавлении рисунка, изображающего позвонок. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова наречие *кзади* употребляется в значении «в направлении назад (противоп.: кпереди)» [БТСРЯ, 2000, с. 426].

Студентам, владеющим русским языком на уровне B1, оказались неизвестными слова *дуга*, *отверстие*, *опорный*, что обуславливает необходимость создания дискурсивных условий для формирования понятийного аппарата.

В анализируемом фрагменте латинские термины оформлены в виде конструкций, поясняющих русские термины. Вероятно, при адаптации текста по анатомии следует исключить из него латинскую терминологию, так как она затрудняет первичное восприятие информации. Однако в целях адекватного понимания учебного текста рекомендуем составить затекстовый терминологический словарь с переводом русских слов на латинский и английский языки, который может сыграть важную роль в процессе освоения дисциплины «Анатомия».

Как видим из примеров первого столбца таблицы 2, простые предложения построены по грамматическим моделям «что состоит из чего», «что является чем», «что располагается где», соответствующим первому сертификационному уровню. Третье предложение представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным определительным (*который*), включающим в себя деепричастный оборот. Поскольку с понятием деепричастия и формами его образования студенты знакомятся только на первом сертификационном уровне, форму деепричастия несовершенного вида *образуя*, обозначающего одновременность действий, заменяем личной формой глагола (*дуга располагается и образует*).

Анализ грамматических структур в учебнике «Анатомия человека» показывает:

— наличие синтаксических конструкций, характерных для базового и первого сертификационного уровней владения языком (см. [Куриленко, 2018; Раннева, 2019]), представляющих семантические отношения включения, тождества, номинации, классификации и т. д. между двумя предметами речи: «что — это / изучает / имеет / содержит / показывает / представляет собой что», «что состоит из чего», «что делится на что», «что называется чем» (*Лимфа — бесцветная, слегка мутноватая жидкость; Носовая часть лобной кости имеет форму подковы*);

— активное использование простых предложений с причастными и деепричастными оборотами, однородными членами предложения: *Малое*

крыло имеет верхнюю поверхность, обращенную в полость черепа, и нижнюю, участвующую в образовании верхней стенки глазницы; Нижний край носовой вырезки выступает кпереди, образуя переднюю носовую ость. Знания о причастии и деепричастии, способах их образования входят в требования по русскому языку как иностранному (первый уровень);

— наличие пояснительных слов и конструкций (как правило, в скобках, что затрудняет чтение): *В области наружного зародышевого листка видна нервная трубка, а глубже — спинная струна, т. е. появляются осевые органы зародыша человека; Сзади первичная кишка закрыта клоакальной (заднепроходной) перепонкой (мембраной), отделяющей заднюю часть кишки от впячивания эктодермы — клоакальной (заднепроходной) бухты (ямки).* Кроме того, некоторые специальные термины в тексте входят в медико-биологический профиль (*мембрана, нервная трубка, спинной*); в лексическом минимуме отсутствуют слова *клоакальной, заднепроходной, перепонка, струна, впячивание, эктодерма*. Часть из них составляет интернациональную лексику (*cloacal, ectoderm*), поэтому может быть понятна без перевода; остальные слова переводим, используя англо-русский и русско-английский медицинский словарь А. Ю. Болотиной и Е. О. Якушевой (*трубка — tube, перепонка — membrane, дуга — arch, дуга позвонка — vertebral arch, отверстие — hiatus, ostium, позвоночное отверстие — vertebral foramen, тело позвонка — vertebral body*) [Болотина, 2006];

— употребление сложносочиненных и сложноподчиненных предложений с придаточными определительными, изъяснительными, то есть тех конструкций СП, которые входят в государственный стандарт базового уровня [Образовательная программа ..., 2001] и поэтому не требуют адаптации: *В наружной и внутренней частях соединительнотканной модели будущей кости образуется компактное костное вещество, а между плотными костными пластинками расположены балки губчатого вещества; Osteобласты продуцируют межклеточное вещество, в котором в дальнейшем откладываются соли кальция.*

3.3. Приёмы лингвистической и нелингвистической адаптации текста

В анализируемом учебнике представлен основной тип речи — описание (органов, частей тела), которое сопровождается объяснением в виде иллюстраций. Приведём фрагмент из учебника [Анатомия ..., 1997, с. 66], распределив слова в соответствии с лексическими минимумами и представив приёмы адаптации текста.

При адаптации текста до уровня А2 необходимо:

— учитывать словообразовательные особенности: в лексических минимумах есть слова *нос, лоб, глаз*, но отсутствуют соответствующие одно-

Таблица 3

Лингводидактическая адаптация учебного текста

Оригинальный текст	Адаптированный текст	Комментарий
Носовая (нос — А2, м.-б.) часть (А2), pars nasalis, лобной (лоб — А2) кости (м.-б.) имеет (А2) форму (м.-б.) подковы (С1). Располагаясь (м.-б.) между (В1) глазничными (глаз — м.-б.) частями (м.-б.), она (А1) ограничивает (В2) спереди (С1) и с боков (В2) решетчатую вырезку.	Уровень А2 Носовая часть лобной кости имеет форму <i>подковы</i>, которая ограничивает решетчатую вырезку (<i>иллюстрация</i>). Уровень В1 Носовая часть лобной кости имеет форму <i>подковы</i> (<i>иллюстрация</i>). Она находится между глазничными частями и ограничивает (от <i>граница</i>) со всех сторон решетчатую вырезку (<i>иллюстрация</i>). Лобная кость	Уровень А2 Термины <i>подкова</i>, <i>решетчатая вырезка</i> поясняются в виде иллюстрации. Исключение деепричастного оборота и наречий <i>спереди</i> и <i>с боков</i> во втором предложении. Уровень В1 Термины <i>подкова</i>, <i>решетчатая вырезка</i> поясняются в виде иллюстрации. Замена деепричастия <i>располагаясь</i> личной формой глагола <i>находится</i>. Пояснение глагола <i>ограничивает</i> с помощью однокоренного слова <i>граница</i> (В1). Замена <i>спереди</i> и <i>с боков</i> на сочетание <i>со всех сторон</i>.
1. Передний (м.-б.) отдел (м.-б.) носовой (А2, м.-б.) части (А2) зазубренный, соединяется (м.-б.) с носовыми (А2, м.-б.) костями (м.-б.) и лобными (А2) отростками (м.-б.) верхних (А2) челюстей (С1).	Уровень А2 Передний отдел носовой части зазубренный. Уровень В1 Передний отдел носовой части зазубренный, соединяется с носовыми костями и лобными отростками	Уровень А2 Семантизация термина через перевод <i>зазубренный</i> — jagged. Исключение трудного для понимания отрезка. Уровень В1 Семантизация термина через перевод <i>зазубренный</i> — jagged, <i>челюсть</i> — jaw.

Продолжение табл. 3

Оригинальный текст	Адаптированный текст	Комментарий
	верхних челюстей (иллюстрация).	
2. По срединной линии (B2, м.-б.) от этого отдела (м.-б.) книзу отходит (A2) гребешок, который (A2) заканчивается (A2) острой носовой (A2, м.-б.) костью (м.-б.), <i>spina nasalis</i> , участвующей (участвовать — A2) в образовании (образовать — м.-б.) перегородки (C1) носа (A2).	Уровень A2 От этого отдела книзу отходит <i>гребешок</i> (иллюстрация), который заканчивается <i>носовой костью</i> (иллюстрация). Уровень B1 По срединной линии от этого отдела книзу отходит <i>гребешок</i> , который заканчивается <i>острой носовой костью</i> , участвующей в образовании перегородки (иллюстрация) носа.	Уровень A2 Исключение слов, не входящих в лексические минимумы: <i>по срединной линии, острой</i> . Семантизация слов через перевод: <i>книзу</i> — <i>downwards</i> , <i>гребешок</i> — <i>scallop</i> . Исключение причастного оборота. Уровень B1 Семантизация терминов через перевод: <i>гребешок</i> — <i>scallop</i> , <i>острой</i> — <i>acute</i> , <i>срединной</i> — <i>median</i> .
3. Справа (A2) и слева (A2) от гребешка находится (A1) апертюра лобной (лоб — A2) пазухи, <i>apertura sinus frontalis</i> , ведущие (вести — A2) в правую (A2) и левую (A2) половины (A2) лобной (лоб — A2) пазухи.	Уровень A2 Справа и слева от гребешка находится апертюра лобной пазухи, которая ведет в правую и левую половины лобной пазухи. Уровень B1 Справа и слева от гребешка находится апертюра лобной пазухи, ведущая в правую и левую половины лобной пазухи.	Уровень A2 Замена причастного оборота придаточным со словом <i>который</i> . Семантизация терминов через перевод: <i>апертюра</i> — <i>aperture</i> , <i>пазуха</i> — <i>sinus</i> . Уровень B1 Семантизация терминов через перевод: <i>апертюра</i> — <i>aperture</i> , <i>пазуха</i> — <i>sinus</i> .
4. Лобная (A2) пазуха, <i>sinus frontalis</i> , у взрослых (B1) имеет (A2) различную (м.-б.) величину (м.-б.), содержит (B1) воздух (A2) и разделена (разделить — B1) перегородкой.	Уровень A2 Лобная пазуха у взрослых имеет разный размер, включает воздух.	Уровень A2 Замена словосочетания <i>различная величина</i> на <i>разный размер</i> (A2); <i>содержит</i> на <i>включает</i> (A2). Исключение краткого причастия с зависимым словом.

Окончание табл. 3

Оригинальный текст	Адаптированный текст	Комментарий
	Уровень В1 Лобная пазуха у взрослых имеет различную величину, содержит воздух и разделена перегородкой.	Уровень В1 Семантизация словосочетания через перевод: <i>различная величина — different size, перегородка — septum.</i>

коренные слова *носовой, лобный, глазничный*, образованные с помощью суффиксов -ов-, -н-, -ниц-+-н- (*глаз — глазница — глазничный*);

— исключить из текста слова, относящиеся к первому или второму сертификационным уровням (наречия *спереди, с боков*), и конструкции, осложняющие простое предложение (выраженные деепричастными и причастными оборотами);

— заменить причастный оборот придаточным предложением с союзным словом *который*; отдельные слова (словосочетания) первого сертификационного уровня, медико-биологического профиля — на слова и словосочетания уровня А2;

— семантизировать термины, терминологические словосочетания через иллюстрации и перевод на английский язык (*решетчатая вырезка, зазубренный, срединной, книзу, гребешок, острой, апертура, (лобная) пазуха, перегородка*).

Адаптация текста до уровня В1 предполагает синонимическую замену слов и семантизацию терминов через перевод.

После адаптации текста в соответствии с уровнем владения языком иностранными студентами преподаватель РКИ предлагает систему предтекстовых, притекстовых и послетекстовых лексико-грамматических заданий, направленных на отработку новой медицинской терминологии, грамматических явлений и понимание специального текста.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, представленные в учебных пособиях для будущих медиков текстовые дидактические материалы можно разделить на две группы: с одной стороны, это специально составленные тексты, построенные по определенным грамматическим моделям, с другой стороны, адаптированные тексты оригинальных учебников по медицинским специальностям. Анализ текстов в учебных пособиях для иностранных студентов 1-го курса по дисциплине «Анатомия» показал, что они предназначены для обучающихся, владеющих русским языком в объеме второго сертифика-

ционного (B2) или третьего сертификационного (C1) уровней — уровней, которые ориентированы на профессиональную деятельность иностранных учащихся, следовательно, эти тексты не могут быть использованы на начальном этапе обучения, когда у инофона уровень владения языком является базовым или приближенным к первому сертификационному уровню.

Проведённая нами лингводидактическая адаптация учебного текста для студентов с базовым уровнем владения языком состоит в использовании приёмов нелингвистической и лингвистической адаптации текста. Нелингвистическая адаптация заключается в исключении неинформативных с точки зрения контента изучаемой темы фрагментов (добавочной информации в скобках, вводных слов), в сокращении объёма текста. Лингвистическая адаптация включает синонимические замены общеупотребительных слов, кроме терминов, трансформацию сложных конструкций в простые неосложнённые предложения. Латинский вариант терминов, представленный в тексте в виде пояснительных конструкций, необходимо вынести в глоссарий с параллельным переводом на русский и английский языки, чтобы студенты, проходящие обучение на языке-посреднике (английском), могли адекватно воспринимать учебную информацию.

Экспериментальные данные, полученные в ходе исследования понимания учебного текста иностранными студентами с уровнем B1, позволяют сделать вывод, что инофонам известна терминологическая лексика, частично представленная интернационализмами, и незнакомы слова, относящиеся к более высокому уровню владения языком (B2, C1). Поэтому для данной категории обучающихся следует проводить нелингвистическую адаптацию учебного текста, направленную на сохранение смысла исходного текста учебника.

Источники и принятые сокращения

1. *Анатомия человека* : в двух томах / под ред. М. Р. Сапина. — Москва : Медицина, 1997. — Т. 1. — 544 с. — ISBN 5-225-04444-1.
2. *Болотина А. Ю.* Англо-русский и русско-английский медицинский словарь. Ок. 24 000 терминов / А. Ю. Болотина, Е. О. Якушева. — Москва : РУССО, 2006. — 544 с. — ISBN 5-88721-305-1.
3. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
4. *Будько М. Е.* Знакомимся с анатомией : учебно-методическое пособие / М. Е. Будько, П. В. Сушкевич. — Минск : БГМУ, 2019. — 52 с. — ISBN 978-985-21-0276-6.
5. *Бурнос Е. Ю.* Учебные материалы по русскому языку для студентов-иностранцев медицинского института / Е. Ю. Бурнос. — Сумы : Сумский государственный университет, 2012. — 30 с.
6. *Гладышева М. К.* Читаем тексты по анатомии : учебно-методическое пособие / М. К. Гладышева, Н. Н. Людчик. — Минск : БГМУ, 2014. — 87 с. — ISBN 978-985-528-957-0.

7. *Куриленко В. Б.* Русский язык для будущих врачей. Medical Russian : учебник (I сертификационный уровень владения РКИ в учебной и социально-профессиональной макросферах) / В. Б. Куриленко, О. М. Щербакова, М. А. Макарова. — Москва : Флинта : Наука, 2018. — 136 с. — ISBN 978-5-9765-2816-1.

Литература

1. *Азимов Э. Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. — Москва : Издательство ИКАР, 2009. — 448 с. — ISBN 978-5-7974-0207-7.

2. *Антонова Н. Ю.* Проблема понимания специального медицинского текста на русском языке иностранными реципиентами / Н. Ю. Антонова, О. С. Выстროпова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — Выпуск 7. — С. 2166—2171. — DOI: 10.30853/phil210325.

3. *Бесценная В. В.* Адаптация профессионально ориентированных текстов делового стиля в военном вузе : проблемы и пути решения / В. В. Бесценная, Е. В. Федяева, Р. Л. Воробьев // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2020. — № 2 (27). — С. 120—123.

4. *Брыгина А. В.* Лингвистические принципы адаптирования художественного текста : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Брыгина. — Москва, 2005. — 20 с.

5. *Вострякова Н. А.* Адаптированный научный текст и его лингводидактический потенциал в обучении поисковому чтению иностранных студентов подготовительного факультета / Н. А. Вострякова // Вестник Тульского государственного университета : Современные образовательные технологии. — 2015. — Выпуск 14. — С. 59—62.

6. *Дьякова В. Н.* Подготовка к клинической практике. Пособие по развитию речи для иностранных студентов-медиков / В. Н. Дьякова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. — 309 с. — ISBN 978-5-86547-791-4.

7. *Дьякова В. Н.* Диалог врача с больным. Пособие по развитию речи для иностранных студентов-медиков / В. Н. Дьякова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. — 229 с. — ISBN 978-5-86547-759-4.

8. *Коротышев А. В.* «Матрица адаптации» как комплекс приемов для отбора и адаптации художественного текста в аспекте РКИ / А. В. Коротышев // Мир русского слова. — 2014. — № 1. — С. 79—85.

9. *Коротышев А. В.* Технология отбора и лингводидактической адаптации художественных текстов в целях обучения русскому языку как иностранному : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / А. В. Коротышев. — Москва, 2017. — 27 с.

10. *Лапошина А. Н.* Корпус текстов учебников РКИ как инструмент анализа учебных материалов / А. Н. Лапошина // Русский язык за рубежом. — 2020. — № 6. — С. 22—28. — DOI: 10.37632/PI.2020.283.6.003.

11. *Лебедева М. Ю.* Дано мне тело — что мне делать с ним? Применение корпусных технологий в лингводидактике РКИ / М. Ю. Лебедева // Русский язык за рубежом. — 2020. — № 6. — С. 4—13. — DOI: 10.37632/PI.2020.283.6.001.

12. *Лобанов С. В.* Прагматическая адаптация художественного текста : опыт функционально-стилистического анализа / С. В. Лобанов // Иностранные языки в высшей школе. — 2010. — № 4. — С. 99—106.

13. *Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень.* — Москва : [б. и.], 2001. — 134 с.

14. *Первухина С. В.* Адаптированный художественный текст : способы повышения понятности / С. В. Первухина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 25 (240). Филология. Искусствоведение. — Выпуск 58. — С. 130—134.

15. *Первухина С. В.* Адаптированный текст : развитие понятия / С. В. Первухина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Филологические науки. — 2015. — № 1. — С. 59—63.

16. *Раннева Н. А.* Язык будущей специальности. Медико-биологический профиль : Учебное пособие для иностранных учащихся подготовительных факультетов вузов / Н. А. Раннева, Л. П. Донскова ; под ред. С. В. Шлыка, Г. Ш. Гафиятуллиной. — Москва : Русский язык. Курсы, 2019. — 296 с. — ISBN 978-5-88337-721-0.

17. *Смыслова С. Л.* Освоение подязыка медицины как средство профессионально ориентированного обучения русскому языку в медицинском колледже / С. Л. Смыслова, Т. В. Виношкина, Т. В. Долгих // Казанский педагогический журнал. — 2019. — № 1. — С. 1—6.

Material resources

A large explanatory dictionary of the Russian language. (2000). St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015. (In Russ.).

Bolotina, A. Yu., Yakusheva, E. O. (2006). *English-Russian and Russian-English medical dictionary. About 24,000 terms.* Moscow: RUSSO. 544 p. ISBN 5-88721-305-1. (In Russ.).

Budko, M. E., Sushkevich, P. V. (2019). *Getting acquainted with anatomy: an educational and methodical manual.* Minsk: BSMU. 52 p. ISBN 978-985-21-0276-6. (In Russ.).

Burnos, E. Y. (2012). *Educational materials on the Russian language for foreign students of the Medical Institute.* Sumy: Sumy State University. 30 p. (In Russ.).

Gladysheva, M. K., Ludchik, N. N. (2014). *Reading texts on anatomy: an educational and methodical manual.* Minsk: BSMU. 87 p. ISBN 978-985-528-957-0. (In Russ.).

Kurylenko, V. B., Shcherbakova, O. M., Makarova, M. A. (2018). *Russian for future doctors. Medical Russian: Textbook (I certification level of RCT proficiency in educational and socio-professional macro spheres).* Moscow: Flint: Nauka. 136 p. ISBN 978-5-9765-2816-1. (In Russ.).

Sapin, M. R. (ed.). (1997). *Human anatomy: In two volumes, 1.* Moscow: Medicine. 544 p. ISBN 5-225-04444-1. (In Russ.).

References

Antonova, N. Y., Vystropova, O. S. (2021). The problem of understanding a special medical text in Russian by foreign recipients. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 14 (7): 2166—2171. DOI: 10.30853/phil210325. (In Russ.).

Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2009). *New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching).* Moscow: IKAR Publishing House. 448 p. ISBN 978-5-7974-0207-7. (In Russ.).

Brygina, A. V. (2005). *Linguistic principles of adaptation of a literary text.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).

Dyakova, V. N. (2015). *Dialogue of a doctor with a patient. Manual on speech development for foreign medical students.* St. Petersburg: Zlatoust. 229 p. ISBN 978-5-86547-759-4. (In Russ.).

- Dyakova, V. N. (2015). *Preparation for clinical practice. Manual on speech development for foreign medical students*. St. Petersburg: Zlatoust. 309 p. ISBN 978-5-86547-791-4. (In Russ.).
- Educational program in Russian as a foreign language. Elementary level. Basic level. The first certification level.* (2001). Moscow: [b. i.]. 134 p. (In Russ.).
- Korotyshev, A. V. (2014). "Adaptation matrix" as a set of techniques for the selection and adaptation of a literary text in the aspect of RCT. *The world of the Russian word*, 1: 79—85. (In Russ.).
- Korotyshev, A. V. (2017). *Technology of selection and linguodidactic adaptation of literary texts for the purpose of teaching Russian as a foreign language*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 27 p. (In Russ.).
- Laposhina, A. N. (2020). Corpus of texts of Russian Language textbooks as a tool for the analysis of educational materials. *Russian language abroad*, 6: 22—28. DOI: 10.37632/PI.2020.283.6.003. (In Russ.).
- Lebedeva, M. Yu. (2020). Given me a body — what should I do with it? Application of corpus technologies in linguodidactics of the RCT. *Russian language abroad*, 6: 4—13. DOI: 10.37632/PI.2020.283.6.001. (In Russ.).
- Lobanov, S. V. (2010). Pragmatic adaptation of a literary text: the experience of functional and stylistic analysis. *Foreign languages in higher school*, 4: 99—106. (In Russ.).
- Pervukhina, S. V. (2011). Adapted literary text: ways to increase clarity. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 25 (240) / 58. *Philology. Art history*. 130—134. (In Russ.).
- Pervukhina, S. V. Adapted text: the development of the concept. *Scientific Notes of Petrozavodsk State University. Philological sciences*, 1: 59—63. (In Russ.).
- Priceless, V. V., Fedyayeva, E. V., Vorobyev, R. L. (2020). Adaptation of professionally oriented texts of business style in a military university: problems and solutions. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies*, 2 (27): 120—123. (In Russ.).
- Ranneva, N. A., Donskova, L. P. (2019). *The language of the future specialty. Medico-biological profile: A textbook for foreign students of preparatory faculties of universities*. Moscow: Russian language. Courses. 296 p. ISBN 978-5-88337-721-0. (In Russ.).
- Smyslova, S. L., Vinoshkina, T. V., Dolgikh, T. V. (2019). Mastering the sublanguage of medicine as a means of professionally oriented teaching of the Russian language in a medical college. *Kazan Pedagogical Journal*, 1: 1—6. (In Russ.).
- Vostryakova, N. A. (2015). Adapted scientific text and its linguodidactic potential in teaching search reading to foreign students of the preparatory faculty. *Bulletin of Tula State University: Modern educational Technologies*, 14: 59—62. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 31.10.2022,
одобрена после рецензирования 14.11.2022,
подготовлена к публикации 26.11.2022.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Алексей Раисович Файзлиев, канд. эконом. наук (Саратов)

Анастасия Сергеевна Семёхина, лаборант-исследователь (Екатеринбург)

Анна Викторовна Щетинина, канд. филол. наук (Екатеринбург)

Денис Сергеевич Артамонов, канд. истор. наук (Саратов)

Иван Владимирович Суслов, канд. социол. наук (Саратов)

Суслов И. В. Советские вожди в западном медиапространстве / И. В. Суслов, Д. С. Артамонов, А. Р. Файзлиев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 143—162. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-143-162.

Suslov, I. V., Artamonov, D. S., Faizliev, A. R. (2022). Soviet Leaders in Western Media Space. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 143-162. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-143-162. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-143-162

Советские вожди в западном медиапространстве

Суслов Иван Владимирович^{1,2}
orcid.org/0000-0003-0991-6368
кандидат социологических наук
suslov85@inbox.ru

Артамонов Денис Сергеевич¹
orcid.org/0000-0001-8689-1948
кандидат исторических наук
artamonovds@mail.ru

Файзлиев Алексей Рансович¹
orcid.org/0000-0001-6442-4361
кандидат экономических наук
faizlievar@sgu.ru

¹Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов, Россия)

²Саратовская государственная
юридическая академия
(Саратов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 22-18-00153

Soviet Leaders in Western Media Space

Ivan V. Suslov^{1,2}
orcid.org/0000-0003-0991-6368
PhD in Sociology
suslov85@inbox.ru

Denis S. Artamonov¹
orcid.org/0000-0001-8689-1948
PhD in History
artamonovds@mail.ru

Alexey R. Faizliev¹
orcid.org/0000-0001-6442-4361
PhD in Economics
faizlievar@sgu.ru

¹Saratov State University
(Saratov, Russia)

²Saratov State Law Academy
(Saratov, Russia)

Acknowledgments:

The study was financially supported
by the Russian Science Foundation,
project № 22-18-00153

© Суслов И. В., Артамонов Д. С., Файзлиев А. Р., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты анализа образа СССР в западных social media. Новизна исследования заключается в использовании Глобальной базы данных событий, языков и тональности (Global Database of Events, Language, and Tone) при анализе образа советских вождей в евро-атлантической прессе. Выполнен обзор сообщений, в которых упоминаются имена руководителей СССР с 1 января 2017 года по настоящее время в западной прессе. Доказано, что общая эмоциональная тональность повествования о советских вождах в западных медиа является крайне негативной. Отмечается, что французские и германские журналисты по сравнению с англосаксонскими чаще пишут о советской истории в позитивном контексте. Подчеркивается, что различия коррелируют с качеством отношений, сложившихся между западными странами и Россией, а также перспективами их улучшения. Показано, что журналисты, обсуждая советских вождей, поднимают экзистенциальные вопросы, важные для евро-атлантического массового сознания. Актуальность исследования обусловлена тем, что рост медийного интереса к историям сближения СССР и Запада, а также эмоционально-позитивная трансформация образов советских лидеров в СМИ рассматривается в качестве условия и индикатора улучшения отношений России и Запада.

Ключевые слова:

образ СССР; историческая память; медиа; советские вожди.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the analysis of the USSR image in Western social media are presented. The novelty of the study lies in the use of the Global Database of Events, Language, and Tone in the analysis of the image of Soviet leaders in the Euro-Atlantic press. A review of messages that mention the names of the leaders of the USSR from January 1, 2017 to the present in the Western press has been completed. It is proved that the overall emotional tone of the narrative about the Soviet leaders in Western media is extremely negative. It is noted that French and German journalists, in comparison with Anglo-Saxon ones, more often write about Soviet history in a positive context. It is emphasized that the differences correlate with the quality of relations between Western countries and Russia, as well as the prospects for their improvement. It is shown that journalists, discussing the Soviet leaders, raise existential questions that are important for the Euro-Atlantic mass consciousness. The relevance of the study is due to the fact that the growth of media interest in the stories of rapprochement between the USSR and the West, as well as the emotionally positive transformation of the images of Soviet leaders in the media is considered as a condition and indicator of improving relations between Russia and the West.

Key words:

the image of the USSR; historical memory; media; Soviet leaders.

Советские вожди в западном медиапространстве

© Суслов И. В., Артамонов Д. С., Файзлиев А. Р., 2022

1. Введение = Introduction

Политика памяти (или историческая политика) входит в обширное поле *memory studies* и по праву считается востребованным направлением гуманитарного познания. Исследователи, анализируя СМИ, речи политиков, учебники истории, географию и семиотику памятников деятелям прошлого способны определить доминирующие в государстве исторические дискурсы. Однако в отечественной гуманитаристике практически полностью отсутствуют исследования современных зарубежных представлений о российской истории как важнейшем элементе образа России на мировой арене.

Современный образ России (и, в частности, ее прошлого) в мире может быть охарактеризован как противоречивый. Восприятие России в общественном сознании западных стран влияет на стратегические внешнеполитические решения иностранных государств. Настоящее исследование посвящено анализу персонифицированного в вождях образа СССР, представленного в зарубежных (в первую очередь англо-, франко-, германоязычных) *social media* — важных мнемонических акторов [Bernhard, 2014].

Цифровизация общественных процессов обосновывает актуальность исследования исторических образов и киберпамяти в медиапространстве [Тихонова, 2021]. Интерес к исторической тематике в медиа увеличивается с каждым годом [Kinnebrock, 2015, p. 38], хотя работ по исследованию исторического образа СССР в современных западных СМИ недостаточно.

Историки в этом направлении работают более продуктивно: исследуется образ СССР в американской печати в 1920-е [Беляева, 2020] и времена Второй мировой войны [Буранок, 2016, с. 191—197], анализируется внешняя политика Горбачева в отражении французской [Ветер, 2014] и англоязычной прессы [Пашковская, 2019, с. 45—49].

В статье И. С. Душаковой, посвященной трактовкам Дня Победы в современных молдавских СМИ, показано, что разговор о Великой Отечественной войне в румыноязычной газете является поводом обсудить (в критическом ключе) формы отношений с Россией и русскими [Душакова, 2019, с. 140]. Таким образом, журналистская тенденция использовать прошлое для разговора о настоящем сохраняется и в XXI веке.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Анализ содержания зарубежных СМИ в XX веке позволяет историкам сделать вывод о радикальном плюрализме подходов к формированию имиджа СССР. Например, в 1921—1922 годах американские журналисты предлагали читателям демонический, жертвенный и нейтральный образы Советской России. В 1939 году образ СССР постепенно эволюционировал от «красной угрозы» к потенциальному союзнику [Буранок, 2019, с. 276]. В годы Второй Мировой войны в англоязычной прессе доминировал положительный образ СССР [Суржик, 2019, с. 123], который, правда, ко времени капитуляции Германии и началу Холодной войны заметно потускнел. Однако с приходом Горбачева ситуация кардинально изменилась.

Историками делается вывод об инструментальном значении советского имиджа в американской внутренней политике. Например, журналистские статьи про ужасы советского голода 1921—1922 годов укрепляли веру американцев в превосходство западно-капиталистического образа жизни, а очерки про героизм и подвиги советских воинов одновременно позитивно сказывались на укреплении общепатриотических чувств американцев. Более того, Я. А. Левин и К. В. Беляева делают вывод о постепенном превращении СССР в конституирующего Другого для американского общества [Левин, 2020, с. 59].

Исследование современного зарубежного образа СССР предполагает обращение к конструкционистской парадигме, а следовательно, интерес представляют особенности трансляции представлений о советском прошлом в СМИ.

Анализ настроений (или мнений) об СССР в евро-атлантической прессе для данной статьи осуществлялся при помощи Глобальной базы данных событий, языков и тональности (Global Database of Events, Language, and Tone — GDELT) [Global ...]. Общая архитектура системы анализа настроений выглядит следующим образом. Документы в этом корпусе преобразуются в текст и предварительно обрабатываются с использованием различных лингвистических инструментов, таких как выделение корней, токенизация, тегирование частей речи, извлечение сущностей и извлечение отношений.

GDELT отслеживает средства массовой информации почти из каждого уголка мира в печатном, вещательном и веб-форматах, более чем на 100 языках. GDELT собирает все онлайн-новости, кодируя каждую новостную статью по теме, настроению и тональности, местоположению и объекту (организации и лицу). В день в среднем обрабатывается около 450 тысяч публикаций в ведущих мировых СМИ. GDELT собрал и закодировал более 31 000 категорий, создав более 350 миллионов количественных переменных и эмоций. Таким образом, платформа GDELT Translingual пред-

ставляет собой крупнейшее в мире развертывание машинного перевода потоковых новостей в реальном времени.

При анализе настроений GDELT использует многокомпонентную теорию эмоций К. Шерера, которая отражает настроения, межличностные позиции и отношение к определенной теме [Scherer, 2010]. Сопоставление двух разных слов, связанных с эмоциями, из двух разных наборов синонимов выполняется с помощью справочника или словаря настроений. На сегодняшний день самым известным словарем настроений является «General Inquirer» Гарвардского университета [Stone et al., 1966], содержащий более десяти тысяч слов, размеченных вручную в соответствии с множеством синтаксических и семантических категорий, включая тональность. Меры глобального анализа контента (Global Content Analysis Measures, GCAM)¹ анализируют каждую новостную статью, отслеживаемую GDELT, с помощью набора ведущих инструментов контент-анализа для захвата более 2230 скрытых параметров.

После определения слов с положительной и отрицательной семантикой в документе GDELT вычисляет общую тональность текста, определяя в нем позитивные и негативные настроения. Тональность — это оценка, полученная в результате определения баланса между словами с разными коннотациями, разделенными по сумме слов в тексте.

Таким образом, использование математических методов позволяет определить количество упоминаний советских символов в англоязычной и не только прессе за последние шесть лет, а также выявить эмоциональную окраску советских символов в анализируемых текстах.

В качестве важнейших знаковых фигур советской эпохи были определены ее лидеры — Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев. Персонафикация прошлого — это популярный прием исторических нарративов, который позволяет сопоставить образы правителей СССР друг с другом и выяснить их значение для западного читателя в сравнительной перспективе. Кроме того, с именем правителя связывают также и эпоху его правления, его методы, что позволяет узнать уровень интереса к различным периодам истории СССР и моделям внешней политики.

Математические методы анализа данных позволяют составить график частоты упоминания имени правителя СССР с 1 января 2017 года по 1 июля 2022 года и зафиксировать пики и грабены интереса к персоне со стороны иностранной прессы, а значит, получить представления о темпоральной динамике образа СССР за рубежом. Кроме того, были определены мировые события, актуализирующие обращение иностранной прессы к советским лидерам.

1 Introducing the Global Content Analysis Measures (GCAM) — The GDELT Project. — Access mode: <https://blog.gdeltproject.org/introducing-the-global-content-analysis-measures-gcam/>.

Количественные эмпирические данные дополнены качественным анализом избранных публикаций, ведущих мировых информационных изданий. Обращение к современным зарубежным СМИ как к эмпирической базе для изучения политики памяти было апробировано А. В. Гриневым в статье про влияние идеологии политкорректности на исторический дискурс западных СМИ [Гринев, 2022, с. 44—56].

Качественный анализ образа советских лидеров в информационном пространстве предполагает поиск и характеристику медиафреймов, которые, как отмечал Т. Гитлин, являются устойчивыми формами познания, а также интерпретации и представления той или иной информации, или, другими словами, организации дискурса [Gitlin, 1980]. У. Гамсон и А. Модильяни предлагают называть фреймы в медиадискурсе *интерпретативными пакетами* [Gamson, 1989, p. 19]. Широкое понимание фрейма предполагает вычленение центральной идеи или сюжета, вокруг которого строится повествование. Таким образом, анализ медиафреймов, как уточняют А. Шойфеле и Ш. Айенгар, позволяет определить линейку вариаций разговора о том или ином явлении или персоне в публичном дискурсе [Scheufele, 2000, p. 307].

Анализ содержания статей, где упоминаются лидеры СССР, позволил авторам исследования ответить на следующие вопросы: В каких амплуа предстанут советские правители в западном общественном сознании? Зачем иностранные журналисты вспоминают в своих публикациях о деятельности советских лидеров? На какие волнующие евро-атлантическое массовое сознание вопросы о современной России (и не только) может дать ответ обращение к страницам советской истории?

Практическое значение данного исследования заключается в обогащении представлений об имидже СССР / России, определении дополнительных перспективных стратегий улучшения имиджа России за рубежом и работы с собственным прошлым в контексте повышения уровня саморефлексии российского общества. Напротив, упоминание советского лидера в негативном эмоциональном контексте ухудшает образ современной России в массовом сознании западной публики. Следовательно, важным итогом настоящей статьи станет формирование предположений о перспективах эмоционально-позитивной трансформации образов советских правителей в зарубежной прессе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ В. И. Ленина в западных СМИ

С 1 января 2017 года по 1 июля 2022 имя Ленина было упомянуто в 85 762 публикациях ведущих англоязычных, 8352 немецкоязычных и

5358 франкоязычных СМИ. Пик упоминаний в англоязычной и немецкоязычной прессе приходится на апрель, что, очевидно, связано с днем рождения вождя мировой революции. Французы чаще вспоминали Ленина в октябре — годовщину Ноябрьской революции в России. При этом образ Ленина в позитивном эмоциональном контексте во франкоязычной прессе представлен в два раза чаще (в 13 % публикациях) по сравнению с англоязычной (7 %).

Рис. 1. Периоды активного упоминания Ленина в англоязычных социальных медиа

Пики упоминаний Ленина в англоязычной прессе за последние три года приходится на июнь 2020 года, февраль 2021 и март 2022 годов (рис. 1).

Полноценный информационный повод вспомнить про Ленина связан с весьма специфичной для человеческой истории практикой пребывания в Мавзолее [Roth, 2020]. Иностранные журналисты задаются непростыми вопросами. Почему Мавзолею исторического деятеля, который на данный момент не вызывает сильных эмоций и интереса у большинства россиян и в том числе не аффилирован с действующей властью [Mandraud, 2017], в настоящее время отведено одно из центральных мест Красной площади — символическом центре государства? Почему памятники Ленину находятся на центральных площадях российских городов? Тем более что в медийном дискурсе, в частности в речах президента В. В. Путина, наиболее заметны отрицательные характеристики деятельности Ленина.

В связи с эскалацией американской борьбы с памятниками летом 2020 года в западных медиа повысился интерес к исторической полити-

ке российских властей, отказавшихся от выстраивания единого нарратива о прошлом через критику Октябрьской революции в целом и деятельности В. В. Ленина, в частности. Таким образом, один из пиков упоминаний Ленина (в июне 2020) в западной прессе пришелся на апогей американской борьбы с памятниками историческим деятелям, не вписавшимся в актуальную BLM-повестку (от *Black Lives Matter*) — борьбу против расовой дискриминации.

В феврале 2021 года интерес к Ленину (до 956 упоминаний) был связан с возвращением А. Навального в Россию. События вокруг ареста оппозиционного политика дали повод западным журналистам сравнить его с Лениным и провести несколько любопытных исторических параллелей [Shenk, 2021].

С февраля 2022 года вновь возник интерес к Ленину в западных медиа, что проявилось в 1276 упоминаниях в марте 2022 года. В частности, анти-российские экономические санкции повысили внимание к опыту Ленина по отказу от долгов царской России [Tan, 2022]. Можно предположить, что в скором времени следует ждать появления публикаций, посвященных 101-летию конференции в Генуе и рапалльским соглашениям.

Таким образом, в рамках западного медиапространства В. И. Ленин интересен как историческая фигура, например, в контексте обсуждения неудавшихся политических акций Д. Трампа и А. Навального, а также в фокусе внимания журналистов находится памятник российскому лидеру. Обзор медиафреймов, составляющих контекст для упоминаний Ленина в западной прессе, показывает, что о лидере мировой социалистической революции вспоминают как о «значимом Другом». Обращение к деятельности Ленина позволяло обсудить и действия Трампа в начале 2021 года, и перспективы китайского экономического чуда, сочетающего социалистический и капиталистический пути развития, напоминающего неонэп.

Опыт сохранения памятников Ленину в России, подчеркивающий плюрализм исторической памяти россиян, важен для западных журналистов и читателей как альтернатива «культуре отмены». Очевидно, что критика таких исторических деятелей прошлого, как, например, Джордж Вашингтон, за недостаточные усилия в деле отмены рабства широко представлена в западном медиапространстве. В связи с этим сохранение памятников Ленину после распада СССР вызывает на Западе одновременно удивление, критику и саморефлексию.

3.2. Образ И. В. Сталина в западных СМИ

С 1 января 2017 по 1 июля 2022 года имя Сталина было упомянуто в 140 271 публикации ведущих англоязычных, 12 071 немецкоязычных и 8453 франкоязычных СМИ. Пик упоминаний в англоязычной и франкоязычной прессе приходится на март, что, очевидно, связано с датой смер-

ти советского руководителя. В немецкоязычной прессе про Сталина чаще вспоминают в мае — в годовщину Победы над Германией.

Пики упоминаний Сталина в англоязычной прессе за последние пять лет приходятся на май (месяц победы над Германией), а также на ноябрь 2017, январь 2018, март 2018, июль 2020, сентябрь 2020, декабрь 2021, март 2022 годов (рис. 2).

Рис. 2. Периоды активного упоминания Сталина в англоязычных социальных медиа

В 2017 и 2018 годах западными журналистами обсуждался образ Сталина в массовом сознании рядовых россиян и политической элиты. В ноябре 2017 года англоязычные журналисты вспоминали про открытие президентом Путиным памятника жертвам политических репрессий (до 2605 упоминаний). В январе 2018 года интерес к Сталину (до 4816 упоминаний) был связан с выходом фильма «Смерть Сталина», у которого Министерство культуры России отозвало прокатное удостоверение. В марте 2018 года в зарубежной прессе активно обсуждался высокий рейтинг Сталина в российском обществе.

Иностранцев журналистов удивляет сохранение популярности фигуры вождя в России [Littell, 2019]. Размышления об этом являются поводом обсудить современное и историческое политическое сознание россиян. В западной прессе предполагается наличие связи между отношением к Сталину у современных россиян и недостатком знаний о периоде сталинского правления. Делается вывод, что современная десталинизация бу-

дет успешнее, если об ужасах сталинского правления станет известно как можно большему количеству россиян [Weir, 2018].

В западном медиапространстве присутствуют сложные размышления о влиянии культурной травмы [Eugeman, 2017] сталинского периода на состояние мировоззрения современных граждан России. С одной стороны, утверждается, что сталинские репрессии запугали не только их современников, но и несколько последующих поколений, утративших способность критично воспринимать реальность и размышлять о будущем [Mijnssen, 2017]. С другой стороны, популяризация примеров героизма советских людей в сталинскую эпоху, как пишут западные журналисты, укрепляет патриотический дух современных россиян. Парадоксально, что биографы Сталина интересуют иностранных журналистов в качестве специалистов по современной России. Таким образом, для евро-атлантической журналистики весьма актуальными являются размышления об успешности (ре/де)сталинизации современной России, насыщенные многочисленными историческими аллюзиями и рассуждениями о влиянии прошлого на современность.

В июле 2020 года частые упоминания Сталина были связаны с 75-летием создания ООН. Однако следует отметить, что образ Сталина как одного из лидеров «Большой тройки», спасшего мир от нацизма, не востребован в современной западной прессе [Preston, 2020]. Не был он востребован и ранее. Например, С. О. Буранок, проанализировав американскую прессу за май 1945 года, приходит к выводу, что разгром Германии в СМИ ассоциировался исключительно с именами Трумена, Черчилля, Эйзенхауэра [Буранок, 2016, с. 196].

В современных западных публикациях о встречах Рузвельта, Сталина и Черчилля заостряется внимание на противоречиях «неожиданного» союза [Worrall, 2019] либо на специфически-кликабельных темах организации работы туалетов в крымских дворцах. Кроме того, 75-летие Крымской конференции в феврале 2020 года вызвало ряд публикаций о проблемах и противоречиях ялтинской системы, на долгие годы расколовшей Европу и ставшей причиной многих актуальных и сегодня международных проблем.

В сентябре 2020 года ошибки сталинской национальной политики часто вспоминали в западном медиапространстве в связи с началом армяно-азербайджанского конфликта. Специальная военная операция на Украине также подогрела интерес к Сталину до 4414 упоминаний в марте 2022 года.

Таким образом, западный медиафрейм разговора о Сталине ожидает, что предполагает описание репрессий и критику внешней политики СССР в 1930—1940-е годы (с непременно проведенными историческими параллелями). В евро-атлантической прессе также активно обсуждается и влияние Сталина на менталитет современных россиян. Сталинская политика (в первую очередь, массовые репрессии) определяется как культурная

травма, не изжитая (да и не признанная) российским обществом, которая, с одной стороны, является источником страха и лояльности властям, а с другой стороны, одновременно подпитывает патриотический дух.

Западных журналистов и читателей интересует не только отношение к Сталину рядовых россиян, но и политической элиты. При этом плюралистическая политика памяти (в том числе и по отношению к Сталину) в России вызывает в западном мире удивление. Сталин продолжает оставаться значимым Другим в западном медиапространстве, а его имя используется для проведения параллелей в рассуждениях о Трампе или российско-китайском сближении.

3. 3. Образ Н. С. Хрущева в западных СМИ

С 1 января 2017 по 1 июля 2022 года имя Хрущева было упомянуто в 19 535 публикациях ведущих англоязычных, 1602 немецкоязычных и 1067 франкоязычных СМИ. В немецкоязычной прессе про Хрущева чаще вспоминают в октябре, в связи с Карибским кризисом 1962 года, отставкой Хрущева в 1964 году и «ботиночным» скандалом в ООН в 1960.

Интерес к Хрущеву держится на уровне внимания к персоне Б. Н. Ельцина и в два раза превосходит интерес к Л. И. Брежневу. При этом образ Хрущева в позитивном эмоциональном контексте во франкоязычной прессе представлен в два раза чаще (12 %) по сравнению с англоязычными СМИ (6 %). Пики упоминаний Хрущева в англоязычной прессе за последние пять лет приходятся на весну 2017, март 2018, июнь 2021, февраль-март 2022 (рис. 3).

Рис. 3. Периоды активного упоминания Хрущева в англоязычных социальных медиа

Весной 2017 года англоязычные журналисты активно обсуждали реновацию в Москве и снос жилищного фонда, построенного при Хрущеве (до 838 упоминаний) [Luhn, 2017]. В марте 2018 года интерес к Хрущеву (до 579 упоминаний) был связан с 65-летием смерти Сталина и последующей десталинизацией, ключевая роль в которой отводится Хрущеву.

Западные журналисты вспоминают про Хрущева в контексте актуальных мировых событий, в первую очередь в периоды обострений отношений между Россией и НАТО. Рост напряжения между державами, входящими в ядерный клуб, усиливает внимание к историческому опыту разрешения кризисов, ставящих под угрозу безопасность человечества.

В июне 2021 года мировая пресса обсуждала предстоящую встречу В. В. Путина и Дж. Байдена. От современных лидеров России и США ожидали разрядки, сопоставимой с той, которой добились Н. С. Хрущев и Джон Кеннеди, что позволяет рассматривать медиарассказ об успешном преодолении Карибского кризиса как стратегию снижения уровня тревожности массового сознания в первую очередь стран коллективного Запада.

В марте 2022 года в англоязычных материалах медиа было зафиксировано 819 упоминаний Хрущева. Во-первых, образ Хрущева неразрывно связан с Крымом, и западным журналистам, описывающим российско-украинские отношения, сложно не упомянуть об этом «подарке» советского лидера [Rousset, 2018]. Во-вторых, углубляющийся кризис в отношениях между Западом и Россией усиливает актуальность воспоминаний о договоренностях, достигнутых американским и советским лидерами в октябре 1962 года.

Таким образом, доминирующий медиафрейм разговора о Хрущеве в западных СМИ связан с анализом его эксцентричной и непредсказуемой внешней политики. Однако медийные сообщения об успешном разрешении ядерного кризиса 1962 года, по всей видимости, обладают терапевтическим воздействием на массовое сознание западного обывателя.

3.4. Образ Л. И. Брежнева в западных СМИ

С 1 января 2017 по 1 июля 2022 года имя Брежнева было упомянуто в 7814 публикациях ведущих англоязычных, 868 немецкоязычных и 682 франкоязычных СМИ. Интерес к Брежневу в два с половиной раза уступает интересу к Хрущеву и является крайне низким среди анализируемой линейки советских вождей. При этом образ Брежнева в позитивном эмоциональном контексте в немецкоязычной прессе представлен в 39 % публикациях, что опять же является рекордом, но уже положительным.

Рис. 4. Периоды активного упоминания Брежнева в англоязычных социальных медиа

Интерес к Брежневу стал повышаться с осени 2021 года в связи с нарастанием геополитической напряженности между Россией и Западом. Пик упоминаний имени Брежнева (290) в англоязычной прессе приходится на март 2022 года (рис. 4). Брежнев важен в современной ситуации как советский лидер, выдвинувший концепцию ограниченного суверенитета и незамедлительно воплотивший ее на территории Чехословакии. Таким образом, основной медиафрейм разговора в СМИ о Брежневе связан с активной и недружественной (с точки зрения Запада) внешней политикой СССР.

Однако популярность Брежнева (по сравнению с другими советскими вождями) в западном медиапространстве остается на низком уровне, что, возможно, связано с нежеланием журналистов напоминать евро-атлантическому читателю о тех временах, когда геополитическое влияние СССР в мире достигало своего пика. В то же время слабо представлены в западном медиапространстве и неслучайные сравнения внутреннего состояния современной России с эпохой застоя.

3.5. Образ М. С. Горбачев в западных СМИ

С 1 января 2017 по 1 июля 2022 года имя М. С. Горбачева было упомянуто в 59 254 публикациях ведущих англоязычных, 7263 немецкоязычных и 3529 франкоязычных СМИ. Интерес к Горбачеву сопоставим с уровнем интереса к Ленину и существенно выше показателей привлекательности фигур Хрущева и Брежнева для западных журналистов. При этом образ Горбачева в позитивном эмоциональном контексте в немецкоязычной

прессе представлен в 29 % публикациях, что является в сравнительной перспективе весьма высоким показателем.

Пики упоминаний Горбачева в англоязычной прессе за последние пять лет приходятся на июль 2018, октябрь 2018, ноябрь 2019 (отмечался 30-летний юбилей падения Берлинской стены), январь 2021, декабрь 2021 (отмечался 30-летний юбилей распада СССР), март 2022 (рис. 5).

Рис. 5. Периоды активного упоминания Горбачева в англоязычных социальных медиа.

Уровень интереса к М. С. Горбачеву в западной прессе сопоставим с вниманием к И. В. Сталину. При этом Горбачев — это единственный из советских вождей, кого нельзя назвать фигурой из прошлого. Актуальные идеи, высказанные экс-президентом СССР уже в XXI веке в интервью и книгах, активно обсуждаются в зарубежных СМИ [Parfitt, 2021]. Особенно интенсивно в западной прессе обсуждается поддержка Горбачевым современной российской политики.

Медиаобраз Горбачева противоречив. С одной стороны, советский лидер, критикуя НАТО, капитализм, оправдывая внешнеполитическую стратегию России [Steil, 2018], в западной прессе предстает в негативном ключе. С другой стороны, Горбачева как инициатора ядерного разоружения ставят в пример современным главам государства [Neuvel, 2021]. Рассказы в позитивном ключе о встречах Рейгана и Горбачева появлялись на страницах западной прессы в преддверии таких знаковых событий, как первая встреча Путина и Трампа в июне 2017 года, а также Путина и Байдена в июне 2021 года.

Особенные надежды на разрядку отношений между Россией и США западными журналистами высказывались в июле 2018 года в преддверии очередной встречи Путина и Трампа, что способствовало увеличению интереса к Горбачеву (до 3575 упоминаний), в свое время нашедшему общий язык с Рейганом. В октябре 2018 года Трамп решает выйти из соглашения о сокращении ракет средней и малой дистанции, заключенного в 1987 году по инициативе Горбачева, что приводит к взрывному росту интереса к советскому лидеру (до 4816 упоминаний) в западных медиа [Lucas, 2019].

В марте 2022 года фиксируется, как видно на диаграмме, 1176 упоминаний Горбачева. Актуальность советского лидера в западном медиапространстве связана с достижением устной договоренности о нерасширении НАТО на Восток в ходе советско-американских переговоров в 1990 году по объединению Германии.

Включение в состав НАТО ряда восточно-европейских стран привело к жесткой негативной реакции со стороны России и поставило Запад в невыгодную с этической точки зрения позицию. В евро-атлантической прессе активно обсуждается ход переговоров по поводу объединения Германии, а Горбачев представляется в качестве лидера, который неправильно понял предложения своих западных партнеров [Savranskaya, 2018]. При этом сам Горбачев неоднократно заявлял, что был обманут.

В ряде западных статей отмечается, что истоки недоверчивой современной российской внешней политики кроются в восприятии расширения НАТО на восток как циничного обмана и пренебрежения ранее данным словом [Wiegrefe, 2022]. Обсуждение в западной прессе последствий подобного недоразумения кажется рациональным.

Таким образом, современные медиафреймы разговора о Горбачеве, как и о Хрущеве, включают в себя в первую очередь обсуждение внешнеполитических стратегий нормализации отношений между странами первого и второго мира («новое мышление»), что может быть связано с надеждой западных журналистов и читателей на мирное разрешение кризисных противоречий между Россией и коллективным Западом.

4. Заключение = Conclusions

Эмоциональная тональность западных статей, в которых речь идет о советской истории, оказалась крайне негативной. Однако во французских медиа образ Ленина и Хрущева, а в немецких — Брежнев и Горбачев представлен более позитивно по сравнению с их репрезентацией в англосаксонских СМИ. Эмоциональные различия в репрезентации советских лидеров связаны с качеством отношений европейских стран и России, а также перспективами их улучшения. Востребованность имен лидеров

СССР в западном медийном дискурсе определяется удобством проведения исторических параллелей с современными событиями.

Западные медиафреймы, сконцентрированные на создании образов советских лидеров как персонифицированных образов Советского Союза, парадоксальны по своему характеру. Например, интерес к памятникам Ленину (и шире — к практикам его коммеморации) в западном медиадискурсе оказывается сопоставим с интересом к его социалистической деятельности мирового значения. В центре внимания западных медиа оказывается влияние Сталина на российскую ментальность, а не Брежнева или Горбачева, в эпоху правления которых были социализированы современные политические элиты и значительная часть рядовых граждан.

Образы Хрущева и Горбачева в западных медиа крайне противоречивы. Хрущев поставил мир на грань ядерной войны и одновременно спас человечество от атомного апокалипсиса. Горбачев сблизил СССР и Запад, но в XXI веке оказался неудобным критиком капитализма и расширения НАТО на Восток. Кажется, что Брежнев незаслуженно обойден вниманием в западном медиапространстве, хотя его внутренняя и внешняя политика удобна для проведения исторических параллелей и важна для понимания современной России.

Разговор о советских вождях (с учетом специфических особенностей западного дискурса) позволяет затронуть важнейшие экзистенциальные вопросы евро-атлантического массового сознания. Правильна ли культура отмены по отношению к политикам прошлого? Почему россияне не принимают западные демократические стандарты? Как избежать ядерной войны и нормализовать отношения с Россией. Таким образом, обсуждение советских лидеров в западной прессе предполагает не только достижение просветительских целей, но и терапевтических.

Нормализация современных международных отношений должна привести к росту медийного интереса к историческим событиям, способствующим сближению СССР и Запада, а также эмоционально-позитивной трансформации образов советских лидеров в СМИ. Ленин, например, может быть востребован как инициатор Рапальского соглашения с Германией в 1922 году, Сталин — как один из лидеров антигитлеровской коалиции, Хрущев и Брежнев — как инициаторы политики разрядки, а Горбачев — как теоретик и практик конвергенции капиталистической и социалистической систем.

Источники и принятые сокращения

1. *Bacevich A. When Washington Assured Russia NATO Would Not Expand* / A. Bacevich // *The American Conservative* : [newspaper]. — 2017. — 20 Dec.
2. *Global Database of Events, Language and Tone (GDELT)* [Electronic resourcer] // Registry of Open Data on AWS. — Access mode : <https://registry.opendata.aws/gdel/>.

3. *Heuvel v. K.* Here's what leaders facing global crises can learn from Mikhail Gorbachev / K. v. Heuvel // The Washington Post : [newspaper]. — 2021. — 23 Feb.
4. *Littell R.* «Koba» : les derniers jours de Staline sous la plume de / R. Littell // L'Opinion : [journal]. — 2019. — 03 Juil.
5. *Lucas E.* Nuclear nightmares of the Eighties are back / E. Lucas // The Times : [newspaper]. — 2019. — 4 Feb.
6. *Luhn A.* Moscow's big move : is this the biggest urban demolition project ever? / A. Luhn // The Guardian : [newspaper]. — 2017. — 31 Mar.
7. *Mandraud I.* L'impossible inhumation de Lénine / I. Mandraud // Le Monde : [journal]. — 2017. — 25 Avr.
8. *Mijnssen I.* Russland fürchtet nichts so sehr wie das Chaos / I. Mijnssen // Neue Zürcher Zeitung : [zeitung]. — 2017. — 30 Okt.
9. *Parfitt T.* Mikhail Gorbachev condemns US 'arrogance and empire building' for Russia-Ukraine crisis / T. Parfitt // The Times : [newspaper]. — 2021. — 24 Dec.
10. *Preston D.* We're Still Living in Stalin's World / D. Preston // The New York Times : [newspaper]. — 2020. — 4 Feb.
11. *Roth A.* Lenin's tomb reopens as Russia rushes to return from lockdown / A. Roth // The Guardian : [newspaper]. — 2020. — 1 Jul.
12. *Rousset M.* Ukraine si russe! / M. Rousset // Boulevard Voltaire : [journal]. — 2018. — 18 Aoû.
13. *Savranskaya S.* NATO Expansion : What Gorbachev Heard / S. Savranskaya, T. Blanton // National Security Archive [newspaper]. — 2018. — 12 Dec.
14. *Schenk B.* Nawalnys Heimkehr — eine Operation des deutschen Geheimdienstes à la «Lenin 1917»? / B. Schenk // Neue Zürcher Zeitung : [zeitung]. — 2021. — 28 Jan.
15. *Steil B.* Regarder une carte de l'Europe suffit à comprendre la politique russe vis-à-vis de l'Ouest / B. Steil // Slate.fr : [journal]. — 2018. — 28 Mar.
16. *Tan H.* Russia has defaulted on its foreign debt for the first time in more than a century, reports say / H. Tan // Business Insider : [newspaper]. — 2022. — 27 Jun.
17. *Weir F.* In Russia, a grass-roots bid to expose Stalin's 'Great Terror' / F. Weir // The Christian Science Monitor : [newspaper]. — 2018. — 12 Feb.
18. *Wiegrefe K.* Neuer Aktenfund von 1991 stützt russischen Vorwurf / K. Wiegrefe // Der Spiegel : [zeitung]. — 2022. — 18 Feb.
19. *Worrall S.* Churchill, Stalin, Roosevelt : how three unlikely allies won World War II / S. Worrall // The National Geographic : [newspaper]. — 2019. — 12 Jan.

Литература

1. *Беляева К. В.* Образы Советской России в публикациях прессы США в 1921—1922 гг. [Электронный ресурс] / К. В. Беляева, С. О. Буранок // Studia Humanitatis. Международный электронный научный журнал. — 2020. — № 1. — Режим доступа : <https://st-hum.ru/content/belyaeva-kv-buranok-so-obrazy-sovetskoy-rossii-v-publikacijah-pressy-ssha-v-1921-1922-gg> (дата обращения 21.06.2022).
2. *Буранок С. О.* Опасный союзник : образ Советского Союза в прессе США (май 1945 г.) / С. О. Буранок // Новая и Новейшая история. — 2016. — № 4. — С. 191—197.
3. *Буранок С. О.* Советско-германский договор о ненападении (1939) и «красная угроза» в оценке прессы США / С. О. Буранок, Я. А. Левин // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 275—289. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-275-289.

4. *Ветер О. В.* Внешняя политика М. С. Горбачева в оценках французской прессы (1985—1991 гг.) / О. В. Ветер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. — 2014. — № 1. — С. 127—133.
3. *Душакова И. С.* Модели описания Великой Отечественной войны в прессе Республики Молдова / И. С. Душакова // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. — 2019. — № 1. — С. 139—150. — DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-139-150.
4. *Гринев А. В.* История и историческая память как жертвы политкорректности (по материалам интернет-портала ИНОСМИ) / А. В. Гринев // Клио. — 2022. — № 4. — С. 44—56. — DOI: 10.51676/2070-9773-2022-04-44.
5. *Левин Я. А.* Советская Россия как жертва : формирование образов в периодической печати США / Я. А. Левин, К. В. Беляева // Вестник гуманитарного образования. — 2020. — № 2. — С. 56—60. — DOI: 10.25730/VSU.2070.20.020.
6. *Пашковская Т. Г.* «Горби — человек, изменивший мир» : эволюция образа М. С. Горбачева в англоязычной прессе (1985—1991 гг.) / Т. Г. Пашковская, Е. В. Шестиалтынова, Е. В. Токарев // Манускрипт. — 2019. — № 9. — С. 45—49. — DOI: 10.30853/manuscript.2019.9.9.
7. *Суржик Д. В.* Блокада Ленинграда в оценках прессы США / Д. В. Суржик, С. О. Буранок, Я. А. Левин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2019. — № 1. — С. 123—129. — DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.1.10
8. *Тихонова С. В.* Историческая память в социальных медиа / С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. — 264 с. — ISBN 978-5-00165-357-8.
9. *Eyerman R.* Cultural Trauma, Collective Memory and the Vietnam War / R. Eyerman, T. Madigan, M. Ring // *Politička misao : časopis za politologiju*. — 2017. — Vol. 54. — № 1—2. — Pp. 11—31. — DOI: 10.1007/978-3-030-13507-2-7.
10. *Bernhard M.* Twenty Years after Communism : The Politics of Memory and Commemoration / M. Bernhard, J. Kubik. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — 384 p. — ISBN 978-0199375141.
11. *Gamson W. A.* Media discourse and public opinion on nuclear power : A constructionist approach / W. A. Gamson, A. Modigliani // *American Journal of Sociology*. — 1989. — Vol. 95. — № 1. — Pp. 1—37.
12. *Gitlin T.* The whole world is watching : Mass media in the making and unmaking of the new left / T. Gitlin. — Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press, 1980. — 327 p. — ISBN 0-520-23932-6.
13. *Kinnebrock S.* Why Napoleon is exciting time after time : Media logics and history / S. Kinnebrock // *Commercialised history : Popular history magazines in Europe* / Ed. by S. Popp, J. Schumann, M. Hannig. — Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien : Peter Lang, 2015. — Pp. 37—73. — ISBN 978-3631657799.
14. *Scherer K. R.* On the rationality of emotions: or, when are emotions rational? / K. R. Scherer // *Social Science Information*. — 2010. — № 3—4. — Pp. 330—350. — DOI: 10.1177/0539018411411018.
15. *Scheufele D. A.* Agenda-setting, priming, and framing revisited : Another look at cognitive effects of political communication / D. A. Scheufele // *Mass Communication & Society*. — 2000. — Vol. 3. — Pp. 297—316.
16. *Stone P. J.* The General Inquirer : A Computer Approach to Content Analysis / P. J. Stone, D. C. Dunphy, M. S. Smith, D. M. Ogilvie. — Cambridge, MA : MIT Press, 1966. — 651 p. — ISBN 978-0262690119

Material resources

- Bacevich, A. (2017). When Washington Assured Russia NATO Would Not Expand. *The American Conservative: [newspaper]*. 20 Dec.
- Global Database of Events, Language and Tone (GDEL). In: *Registry of Open Data on AWS*. — Available at: <https://registry.opendata.aws/gdel/>.
- Heuvel, v. K. (2021). Here's what leaders facing global crises can learn from Mikhail Gorbachev. *The Washington Post: [newspaper]*. 23 Feb.
- Littell, R. (2019). «Koba»: les derniers jours de Staline sous la plume de. *L'Opinion: [journal]*. 03 Jul.
- Lucas, E. (2019). Nuclear nightmares of the Eighties are back. *The Times: [newspaper]*. 4 Feb.
- Luhn, A. (2017). Moscow's big move: is this the biggest urban demolition project ever? *The Guardian: [newspaper]*. 31 Mar.
- Mandraud, I. (2017). L'impossible inhumation de Lénine. *Le Monde: [journal]*. 25 Avr. (In Franc.).
- Mijnssen, I. (2017). Russland fürchtet nichts so sehr wie das Chaos. *Neue Zürcher Zeitung: [zeitung]*. 30 Okt. (In Germ.).
- Parfitt, T. (2021). Mikhail Gorbachev condemns US 'arrogance and empire building' for Russia-Ukraine crisis. *The Times: [newspaper]*. 24 Dec.
- Preston, D. (2020). We're Still Living in Stalin's World. *The New York Times: [newspaper]*. 4 Feb.
- Roth, A. (2020). Lenin's tomb reopens as Russia rushes to return from lockdown. *The Guardian: [newspaper]*. 1 Jul.
- Rousset, M. (2018). Ukraine si russe! *Boulevard Voltaire: [journal]*. 18 Aoû. (In Germ.).
- Savranskaya, S., Blanton, T. B. (2018). NATO Expansion: What Gorbachev Heard. *National Security Archive [newspaper]*. 12 Dec.
- Schenk, B. (2021). Nawalnys Heimkehr — eine Operation des deutschen Geheimdienstes à la «Lenin 1917»? *Neue Zürcher Zeitung: [zeitung]*. 28 Jan. (In Germ.).
- Steil, B. (2018). Regarder une carte de l'Europe suffit à comprendre la politique russe vis-à-vis de l'Ouest. *Slate.fr: [journal]*. 28 Mar. (In Franc.).
- Tan, H. (2022). Russia has defaulted on its foreign debt for the first time in more than a century, reports say. *Business Insider: [newspaper]*. 27 Jun.
- Weir, F. (2018). In Russia, a grass-roots bid to expose Stalin's 'Great Terror'. *The Christian Science Monitor: [newspaper]*. 12 Feb.
- Wiegrefe, K. (2022). Neuer Aktenfund von 1991 stützt russischen Vorwurf. *Der Spiegel: [zeitung]*. 18 Feb. (In Germ.).
- Worrall, S. (2019). Churchill, Stalin, Roosevelt: how three unlikely allies won World War II. *The National Geographic: [newspaper]*. 12 Jan.

References

- Belyaeva, K. V., Buranok, S. O. (2020). Images of Soviet Russia in US press publications in 1921—1922. *Studia Humanitatis. International Electronic Scientific Journal*, 1. Available at: <https://st-hum.ru/content/belyaeva-kv-buranok-so-obrazy-sovetskoy-rossii-v-publikaciyah-pressy-ssha-v-1921-1922-gg> (accessed 21.06.2022). (In Russ.).
- Bernhard, M., Kubik, J. (2014). *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press. 384 p. ISBN 978-0199375141.
- Buranok, S. O. (2016). A Dangerous Ally: the image of the Soviet Union in the US press (May 1945). *New and Recent History*, 4: 191—197. (In Russ.).
- Buranok, S. O., Levin, Ya. A. (2019). Soviet-German Non-Aggression Pact (1939) and "Red Menace" in USA Press Assessments. *Nauchnyi dialog*, 6: 275—289. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-275-289. (In Russ.). (In Russ.).

- Dushakova, I. S. (2019). Models of the description of the Great Patriotic War in the press of the Republic of Moldova. *Bulletin of the Russian State University. Political Science series. History. International relations, 1*: 139—150. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-139-150. (In Russ.).
- Eyerman, R., Madigan, T., Ring, M. (2017). Cultural Trauma, Collective Memory and the Vietnam War. *Politička misao: časopis za politologiju, 54* (1—2): 11—31. DOI: 10.1007/978-3-030-13507-2-7.
- Gamson, W. A., Modigliani, A. (1989). Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach. *American Journal of Sociology, 95* (1): 1—37.
- Gitlin, T. (1980). *The whole world is watching: Mass media in the making and unmaking of the new left*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press. 327 p. ISBN 0-520-23932-6.
- Grinev, A. V. (2022). History and historical memory as victims of political correctness (based on the materials of the INOSMI Internet portal). *Clio, 4*: 44—56. DOI: 10.51676/2070-9773-2022-04-44. (In Russ.).
- Kinnebrock, S. (2015). Why Napoleon is exciting time after time: Media logics and history. *Commercialised history: Popular history magazines in Europe*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang. 37—73. ISBN 978-3631657799.
- Levin, Ya. A., Belyaeva, K. V. (2020). Soviet Russia as a victim: the formation of images in the periodical press of the USA. *Bulletin of Humanitarian Education, 2*: 56—60. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.020. (In Russ.).
- Pashkovskaya, T. G., Shestialynova, E. V., Tokarev, E. V. (2019). “Gorbi — the man who changed the world”: the evolution of the image of M. S. Gorbachev in the English—language press (1985—1991). *Manuscript, 9*: 45—49. DOI: 10.30853/manuscript.2019.9.9. (In Russ.).
- Scherer, K. R. (2010). On the rationality of emotions: or, when are emotions rational? *Social Science Information, 3—4*: 330—350. DOI: 10.1177/0539018411411018.
- Scheufele, D. A. (2000). Agenda-setting, priming, and framing revisited: Another look at cognitive effects of political communication. *Mass Communication & Society, 3*: 297—316.
- Stone P. J., Dunphry, D. C., Smith, M. S., Ogilvie, D. M. (1966). *The General Inquirer : A Computer Approach to Content Analysis*. Cambridge, MA: MIT Press. 651 p. ISBN 978-0262690119
- Surzhik, D. V., Buranok, S. O., Levin, Ya. A. (2019). The Siege of Leningrad in the assessments of the US press. *Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relations, 1*: 123—129. DOI: 10.15688/jvol-su4.2019.1.10. (In Russ.).
- Tikhonova, S. V., Artamonov, D. S. (2021). *Historical memory in social media*. Saint Petersburg: Aleteya. 264 p. ISBN 978-5-00165-357-8. (In Russ.).
- Veter, O. V. (2014). Gorbachev’s foreign policy in the assessments of the French press (1985—1991). *Bulletin of the People’s Friendship University of Russia. The History of Russia series, 1*: 127—133. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.11.2022,
одобрена после рецензирования 20.11.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

Щетинина А. В. Женская дружба : анализ медиадискурса для составления словарной дефиниции / А. В. Щетинина, А. С. Семёхина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 163—177. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-163-177.

Shchetinina, A. V., Semekhina, A. S. (2022). Female Friendship: Analysis of Phrase in Media Discourse and Drawing up a Definition. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 163-177. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-163-177. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-163-177

Женская дружба: анализ медиадискурса для составления словарной дефиниции

Щетинина Анна Викторовна

orcid.org/0000-0002-9085-8697

кандидат филологических наук, доцент,

кафедра языков

массовых коммуникаций

anna-73.schetinina@yandex.ru

Семёхина Анастасия Сергеевна

orcid.org/0000-0002-0700-0164

лаборант-исследователь,

кафедра языков массовых

коммуникаций

79114440023sa@gmail.com

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено

за счет средств гранта

Российского научного фонда,

проект № 20-68-46003

Семантика единения и вражды

в русской лексике и фразеологии:

системно-языковые данные и дискурс

Female Friendship: Analysis of Phrase in Media Discourse and Drawing up a Definition

Anna V. Shchetinina

orcid.org/0000-0002-9085-8697

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Mass

Communication Languages

anna-73.schetinina@yandex.ru

Anastasia S. Semekhina

orcid.org/0000-0002-0700-0164

Research Laboratory Assistant,

Communication Languages

79114440023sa@gmail.com

Ural Federal University

named after the first President

of Russia B. N. Yeltsin

(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation,

project No. 20-68-46003

“The Semantics of Unity and Animosity

in Russian Lexis and Phraseology:

Language System and Discourse”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу выражения *женская дружба* на фоне словосочетания *мужская дружба*, особенностей их функционирования в средствах массовой информации и сетевом дискурсе. Отмечается, что выражение активно используется: система Яндекс выдает несколько миллионов ответов на запрос «женская дружба». Авторы считают, что словосочетание демонстрирует устойчивый характер, поскольку отличается воспроизводимостью, экспрессивностью, имеет дополнительные к основному денотативному значению оценочные коннотации. Подчеркивается, что мужская дружба в общественном сознании традиционно считается ценностью, именно так и можно описать данный феномен в толковом словаре. Осуществлено портретирование выражения *женская дружба*, что позволило составить дефиницию, которую можно включить в толковый словарь. Выявлено, что выражение *женская дружба* амбивалентно, причем имеет оценочную семантику как позитивную, так и негативную. Установлено, что в одном из значений *женская дружба* — это ‘близкие отношения между женщинами, характеризующиеся душевностью, психологической гармоничностью, основанные на общности интересов’; в другом — ‘ложная близость между женщинами, характеризующаяся ненадежностью, поверхностностью, гендерно обусловленной конкурентностью’.

Ключевые слова:

ценность; устойчивое выражение; лексикография; женская дружба; мужская дружба.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the phrase *female friendship* against the background of the phrase *male friendship*, the features of their functioning in artistic, journalistic and network discourses. It is noted that the expression is actively used: the Yandex system issues several million responses to the query “female friendship”. The authors believe that the phrase demonstrates a stable character, since it is reproducible, expressive, has evaluative connotations that are additional to the main denotative meaning. It is emphasized that male friendship is traditionally considered a value and this is how this phenomenon can be described in an explanatory dictionary. The combination *female friendship* was portrayed, which made it possible to draw up a definition that can be included in the dictionary. It was revealed that the phrase *female friendship* is ambivalent, and has evaluative semantics, both positive and negative. It has been established that in one of the meanings, female friendship is associated with close relationships between women, psychological harmony, based on common interests; on the other hand, with false intimacy between women, such relationships, which are characterized by competitiveness, including in relations with men, unreliability, superficiality.

Key words:

value; stable combination; lexicography; female friendship; male friendship.

Женская дружба: анализ медиадискурса для составления словарной дефиниции

© Щетинина А. В., Семёхина А. С., 2022

1. Введение = Introduction

Феномен дружбы всегда находился в фокусе внимания писателей, поэтов, журналистов, ученых, а также рядовых носителей русского языка. Осмысление этого феномена актуализировано в русских пословицах и поговорках, где концепты ДРУГ и ДРУЖБА «создают мощную аксиологическую энергетику и генерируют большие вариантные и синонимические ряды» [Леонтьева и др., 2022, с. 165] (*Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Друг познается в беде; Дружба и братство дороже богатства* и др.), в художественных произведениях (на сайте livelib.ru представлена подборка *101 книга о дружбе*, которая, безусловно, не исчерпывается этой цифрой). В научных исследованиях тема дружбы также привлекает внимание и изучается в различных аспектах: анализируются модели концептуальной метафоризации концепта ДРУЖБА [Ару, 2021], рассматривается его лексикографический [Леонтьева и др., 2022] и лингвометодический потенциал [Бежина, 2010], воплощение в литературных произведениях [Барина, 2018], особенности осмысления в разных языках [Епифанова, 2022].

Одной из проблем, привлекающих внимание исследователей разных научных направлений, является вопрос о гендерной дифференциации представлений о мужской и женской дружбе. Исследователи рассматривают особенности дружбы представителей разных полов в социальной плоскости [Евсеева, 2021], с точки зрения психологии [Медведева и др., 2021; Орлова и др., 2022], анализируются особенности гендерных стереотипов в отношении дружбы в интернет-контенте [Казакова, 2021], репрезентация дружеских отношений в иностранных языках [Дягилева, 2013; Яремчук, 2022], особенности мужской и женской дружбы как феномена коммуникации [Егорова, 2019; Шубина, 2004] и др. Ученые обращаются к вопросам определения сущности мужской и женской дружбы, выявляют ее характеристики методами разных наук. Кроме того, данный вопрос интересует не только ученых, но и специалистов, поскольку это отношения, которым в жизни человека отводится важная роль, при этом в обществе сформировались противоположные взгляды на дружбу, различаемую на основе гендерного критерия, сложились определенные стереотипы в отношении мужской и женской дружбы. Так, Ж. А. Дягилева отмечает, что

«мужская дружба является примером и идеалом для женской дружбы. Тем не менее, исследования свидетельствуют о большей открытости и преданности женщин» [Дягилева, 2013]. Отметим, что, несмотря на такую популярность, выражения *женская дружба* (поисковая система «Яндекс» на запрос «женская дружба» выдает 5 млн результатов) и *мужская дружба* (4 млн) не встретились нам в лексикографических источниках даже в качестве примеров. В то же время «существует *День женской дружбы* (третье воскресенье августа)» (День 9 июня в истории // Парламентская газета, 2021) [НКРЯ], что свидетельствует в пользу сформировавшейся устойчивости словосочетания *женская дружба*. При этом отметим, что праздник, посвященный мужской дружбе, не заявляется официально, он репрезентируется как «День дружбана», появился в испаноязычных социальных сетях, однако «*год от года набирает всё большую популярность. Он давно перешагнул рубеж испаноговорящих стран и с удовольствием отмечается в разных культурах*» (*День дружбана 2022* // calend.online, 2022) [АА].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель нашей работы — определить семантический объем выражения *женская дружба* на основе анализа современных публикаций. Материалом для исследования послужили тексты СМИ, блогов и пабликов в социальных сетях, из которых извлекались варианты типовой сочетаемости, конструкций однородных членов, развернутых контекстов, в которых актуализировалась семантика словосочетания *женская дружба*. С использованием методов компонентного и дефиниционного видов анализа было осуществлено лексическое портретирование и составлено словарное определение для толкового словаря. При этом идиома рассматривается в контексте семантики лексики *дружба* и выражения *мужская дружба*, поскольку их сопоставление «подсвечивает» особенности семантики идиомы *женская дружба*.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лексема *дружба* и выражения *мужская* и *женская дружба* в контексте ценностных характеристик

Поскольку ключевым в словосочетании является существительное *дружба*, рассмотрим сначала его семантический объем. В «Словаре русского языка» лексема *дружба* имеет одно значение ‘отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.’ [СлРЯ, т. 1, с. 449]. Дифференциальные семы: ‘взаимная привязанность’, ‘духовная близость’, ‘общность интересов’ — маркируют отношения между людьми, основанные на высокой морали, крепких глу-

боких нравственных связях, получающие одобрение (позитивную оценку). С точки зрения модели словосочетания, в соответствии с которой построена номинация, *женская дружба* — это ‘отношения между женщинами, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.’. Однако лексикографическое описание, как известно, не отражает полный семантический объем номинации. Кроме того, различия во взглядах на *женскую дружбу*, в ее оценках свидетельствуют о том, что объем значения гораздо шире, чем он представлен в приведенной выше дефиниции. Его возможно описать, осуществив анализ речевого употребления лексемы или выражения.

Дополнительные характеристики можно выявить на основе анализа лексической сочетаемости слова или выражения, их контекстного окружения, например, вхождения в ряды однородных членов. Для определения семантического объема номинации *женская дружба* мы обратились к материалам официальных СМИ, блогов и публикаций в социальных сетях. Лексическая сочетаемость выражения представлена в проанализированном материале словосочетаниями с прилагательными: *длительная женская дружба*, *нежная женская дружба*, *настоящая женская дружба*, *пылкая женская дружба*, *крепкая женская дружба*, *светлая женская дружба*, *благородная женская дружба*, *истинная женская дружба*, *тесная женская дружба*, *искренняя*, *душевная женская дружба* и др. Отметим, что оценочные характеристики сплошь позитивного характера подтверждают принадлежность данного феномена к сфере морально-нравственных ценностей, как и ключевого понятия «дружба». В то же время встречаются несколько иные оценочные маркеры: *миф о женской дружбе*, *верю / не верю в женскую дружбу*, *ставить под сомнение женскую дружбу* и др. Очевидна неоднозначность восприятия исследуемого феномена носителями языка.

Анализ рядов однородных членов, которые включают в себя это словосочетание, мог бы показать, в ряду каких феноменов социальной действительности рассматривается *женская дружба*. Так, например, ключевое слово *дружба* используется в ряду номинаций, отражающих российские базовые ценности: *семья*, *Родина* (*В Минпросвещения вместе с экспертами разработали для них примерную программу воспитательной работы, стержнем которой стали базовые ценности: Родина, семья, дружба, взаимопомощь, спорт и здоровье, любовь к природе, стремление к знаниям, труд и личность* (Подростков предлагают объединить в новую пионерию // Парламентская газета, 2021) [НКРЯ]); *доверительные, хорошие отношения* (*В то же время политик указал, что 2020-й был связан и с надеждами на преодоление невзгод, с гордостью за тех, кто проявил лучшие человеческие и про-*

фессиональные качества, а также с осознанием того, как много значат настоящие отношения между людьми, **дружба** и доверие (Путин назвал Россию одной большой семьей // Известия, 2020 [Там же]); сплоченность, доброта (*И сейчас для нас на первый план вышли семья, **дружба**, взаимовыручка, милосердие, сплочённость* (Послание Владимира Путина Федеральному Собранию. Полный текст // Парламентская газета, 2021) [Там же]); любовь к ближнему (*Он все дальше отходил от социальности, все ближе подходил к «общечеловечности» — любовь, **дружба**, женщина, дети* (Но у нас с собой было // Ведомости, 2020) [Там же]) и др. Таким образом, можно утверждать, что дружба принадлежит к числу социокультурных ценностей, значимых для современного российского общества, что отражается в русской языковой картине мира. Реже, чем лексема **дружба**, включается в перечислительный ряд номинаций этически важных понятий выражение **мужская дружба**: *Такие понятия, как честь, благородство, **мужская дружба**?* (А. Волков. Стремление к несбыточному и есть задача художника // Известия, 2012) [Там же]; *И все же Альберто не считает историю своей советской жизни грустной, есть в ней и настоящая **мужская дружба**, и большая любовь* (Афанасьев Иустин. Альберто, заложник любви // Труд-7, 2003) [Там же]; *А впереди — женские интриги и капризы, **мужская дружба** и взаимопомощь, поездки и встречи по делам* (Астрологический прогноз // Аргументы и факты, 2000 [Там же]) и др. Безусловно, восприятие мужской дружбы не однозначно, оценивается по-разному, тем не менее с ней исторически соотносится некий ореол крепких, надежных отношений, которые тоже рассматриваются как социокультурная ценность: **Мужская дружба** чаще бывает крепче не потому, что мужчины лучшие, а женщины хуже. Такие требования выдвигали этапы эволюции: мужчинам требовалось ходить на охоту, воевать с неприятелем. Стало быть, требовалось каким-то способом разрешать неизбежно возникающие конфликты (И. Корчагина. Темпераментные женщины любят одеться поярче // Труд-7, 2000) [Там же].

Однако, судя по материалу, трудно сказать о феномене женской дружбы как о значимом этическом явлении. Материал не показывает употребления словосочетания **женская дружба** в ряду других ценностей. Встречается перечисление номинаций, связанных с особенностями женской жизни: **Женская дружба, женские страхи, женские желания**: *Ольга (Елена Сафонова) отказывалась от «выездного» жениха на «мерседесе», выбирая любимого человека, — ну зачем тут продолжение?* (10 дорог назад // «Русский репортер», 2008); *Я верю, что конкуренция и **женская дружба** совместимы* (Беседовала Екатерина Бушуева. «Конкуренция

в спорте и женская дружба совместимы» // lenta.ru, 2015); *Все остальное в этой пьесе — обычная поэзия городских буден: кризисы среднего возраста, измены и нелюбови, отцы и дети (вернее, дочки-матери), поиски мужа (симпатичная блондинка, любительница природы и стихов, желает познакомиться), вечера «для тех, кому за тридцать», женская дружба и прочие тривиальности* (Кита выпустили из аквариума // Коммерсант, 2002) [Там же] и др. Таким образом, в речевом употреблении выражение *женская дружба*, называющее соответствующие отношения, используется неоднозначно: с одной стороны, в объем значения можно включить семы ‘взаимная привязанность’, ‘духовная близость’, ‘общность интересов’, что подтверждается оценочными репрезентантами: *нежная женская дружба, настоящая женская дружба, пылкая женская дружба, крепкая женская дружба* и др.; с другой — номинация используется не в контексте парадигмы ценностей, как лексема *дружба* или идиома *мужская дружба*, а в отношении повседневной жизни женщины.

3.2. Семантические характеристики выражения *женская дружба*

С использованием процедуры контекстного анализа нами выявлены семантические характеристики выражения *женская дружба*. Они позволяют дополнить портретирование данной языковой единицы и составить дефиницию, которая могла бы быть включена в толковый словарь.

Анализ контента официальных СМИ, блогов, информации в социальных сетях и фрагментов художественных произведений позволил объективировать современные представления о женской дружбе. В первую очередь это выражение относится к общеизвестным, оно обсуждается: *Бессмысленно рассуждать на темы, о которых все и всё знают. Женская дружба относится именно к таким ...* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений», 2010) [НКРЯ], поэтому женская дружба — объект описания в художественных произведениях: *Идеальный женский роман советских времен, первая «Зимняя вишня» не требовала сиквела. Женская дружба, женские страхи, женские желания...* (10 дорог назад // Русский репортер, 2008) и предмет восхваления: — *А как же воспетая настоящая женская дружба?..* (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс, 1998) [НКРЯ], который вызывает у женщин сентиментальные чувства: — *Песню какой-то мужик написал, а миллионы баб от умиления плачут. Ах, женская дружба! Ах, подарена судьбой!* (Извини — подвинься // Истории из жизни, 2004) [НКРЯ]. Можно заметить, что в художественных произведениях женская дружба репрезентируется как сложное явление, пылкое, страстное, оно основано на взаимопомощи и канонически «сильнее смерти»: *С любовью все ясно, а дружеские, вернее, подруге-*

ские отношения — они *тоньше и сложнее*. То, что происходит между близкими подругами — это, конечно, *страсть*. Просто другой и, возможно, даже более *возвышенный ее вид*. И если в старых романах *пылкая женская дружба* рассматривалась как предвестник другой пылкости, а хорошие подруги вообще-то должны были *помогать друг другу* обрести мужа (диккенсовская Эстер Саммерсон сама направляет свою любимую Аду в объятия Ричарда), то теперь отдельность, особость девочкинских отношений разбирается с особой пристальностью. Получается иногда средне, как в романе Фэнни Флэгг «Жареные зеленые помидоры» и снятом по нему фильме. А иногда — сногшибательно. Как в «Тельме и Луизе» Ридли Скотта — кинокартине, ставшей *каноническим изображением женской дружбы, которая сильнее смерти* (Они и рады // Коммерсант, 2008) [НКРЯ]. Таким образом, творческое воплощение феномена женской дружбы репрезентировано образами, семантика которых вполне соответствует семантике лексемы *дружба*, актуализированной в словарном определении как явление морально-нравственной сферы.

В то же время в повседневной речевой практике выражение *женская дружба* репрезентировано менее романтично, вплоть до наделения его отрицательными коннотациями. Так, в существенном количестве контекстов подчеркивается невозможность, иллюзорность или редкость таких отношений: *Я очень сомневаюсь по поводу того, существует ли женская дружба* (Актриса Екатерина Гусева. Да не жена я Саши Белого! // Аргументы и факты, 2007); ... *вещь такая же иллюзорная, как женская дружба* (Кому и кобыла невеста // Коммерсант, 2001); *Женская дружба существует, конечно, но по-настоящему, без зависти, очень редко бывает* (Ирина Аллегрова: «Мудрая женщина знает, как удержать мужчину» // Аргументы и факты, 2005) [НКРЯ]; *Бывает ли женская дружба? извечный вопрос. В моей жизни были подруги, но каждый случай заканчивался неудачей, либо просто незаметно переставали общаться. то что я восхищалась некоторыми из них, которые были красивее и успешнее меня (искренне) в последствии заявляли что я им завидую. вообще не клеилось. сейчас боюсь доверять, уже долго без подруги) да и не знаю где их берут»* (Бывает ли женская дружба? // 48 ответов на форуме Woman.ru) [AA]. Существенной характеристикой является их недолговечность: *В реальности эта четверка давно бы уже перессорилась и распалась. По статистике, женская дружба четным количеством может существовать не больше двух лет. Тройки распадутся еще быстрее* («Секс в большом городе» 3. В стиле «психо» // Аргументы и факты, 2003) [НКРЯ].

Причины недолговечности отношений между женщинами видятся в разных обстоятельствах. Во-первых, подчеркивается большая конкурент-

ность в женских сообществах: *Конкуренция среди женщин — это главный довод в пользу того, что женской дружбы не бывает* (М. Герман. Женской дружбы не бывает? Существует ли дружба между женщинами // Фактор Роста) [AA], хотя интересно отметить, что спортсменки утверждают обратное: *Можно ли оставаться друзьями за пределами катка? Я верю, что конкуренция и женская дружба совместимы. Хотя это тяжело принять бывает* (Беседовала Екатерина Бушуева. «Многие думают, что в хоккее женщина должна быть беззубой» // lenta.ru, 2016) [НКРЯ]. Конкурентность в отношениях между женщинами часто связывается с зависимостью слабого пола от отношений с мужчинами: *Понятно и другое — женской дружбы не бывает, первый же мужчина разбивает ее напрочь* (Лидия Иванова. Искренне ваша грешница, 2000) [НКРЯ]; *«Женская дружба — до первого мужика» Говорят, две воркующие белые голубки способны выклевать друг другу глазки, едва на горизонте появится симпатичный самец. Увести парня из-под носа у подруги — это святое, и даже если она познакомилась с ним раньше, все равно можно отбить* (Женская дружба: стереотипы и реальность // beautyhack.ru, 2019) [AA]. При этом с конкуренцией внутри женских сообществ тесно связана возникающая зависть в ее неконструктивных проявлениях. Она может быть спровоцирована всем, что ставит одну женщину в более выгодное положение, чем другую: *Причем женская зависть стала явлением легендарным. Мужчины, например, над ней искренне потешаются, рассказывая басни про то, как пара итальянских сапог способна вусмерть перессорить ранее дружный женский коллектив. Говорят даже, что именно из-за зависти невозможна женская дружба. Итак, что же не дает нам ровно дышать друг к другу? Внешность. Каждой девочке в детстве мама говорит, что ее доченька, безусловно, самая красивая на свете. Некоторые поверили в это настолько, что появление в поле зрения более эффектной подруги начинает вызывать волну негодования* (Света Кузина, (blog.kp.ru). Чему завидуют женщины // Комсомольская правда, 2010) [AA]. *Решила обсудить тему Подруг. Что они значат в нашей жизни, важны ли, нужны ли....? И вообще, как вы относитесь к женской дружбе? ... Особенно острую зависть может провоцировать благополучие подруги: Редко кто из моих подруг радуется моему счастью — чем лучше я живу, тем меньше их в моем окружении... (Женская дружба // 29 ответов на форуме Woman.ru) [AA].*

Во-вторых, существует мнение, что женская дружба замешана не только на конкуренции друг с другом, но и на вражде с мужчинами: *Для женской дружбы нужен объект вражды* (Ведомости, 2014); *Отличительная черта женской дружбы — оппозиция миру мужчин. В духе: против кого дружить*

будем? Наступает момент, когда одна из представительниц прекрасного пола, хлопнув кулаком по столу шефа (естественно, когда его нет), произносит сакраментальную фразу: «Все парни — сволочи!» (Женская солидарность или мужская дружба? // Аргументы и факты, 2003) [НКРЯ]. Последняя цитата может быть дополнена примерами из контента феминистских сообществ, в которых среди всего разнообразия тем активно выделяется тема насилия, в частности сексуального, где лейтмотивом проходит идея «У преступности мужское лицо» (СТРАШНАЯ // vk.com/nekrasiva) [AA].

В то же время при обсуждении темы женской дружбы часто подчеркивается ее особенный характер, который трудно понять мужчинам: **Женская дружба** — это явление, выходящее за грани логики. Поэтому его так сложно понять мужчинам в силу их характера, эмоциональной стабильности, определенной гормональной составляющей (Женская дружба: смысл, цитаты, почему говорят, что не бывает // w.today, 2019) [AA]. Возможно, поэтому они относятся к ней с иронией: Автор тоже ни в коем случае не отрицает существование **женской дружбы**, как не отрицает автор, к примеру, бога и творимые им чудеса. Потому что «чудеса не противоречат природе, а лишь известной нам природе», как сказал когда-то очень давно Блаженный Августин. Автор верит в **женскую дружбу**, как верит он в бога и чудеса, хотя таковых в известной ему природе не наблюдал (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений», 2010) [НКРЯ].

Таким образом, портретирование лексемы позволяет увидеть разные лики явления, называемого **женской дружбой**. Как языковая единица выражение не зафиксировано словарями, хотя, согласно анализу контекстов, имеет относительно устойчивый характер, отличается воспроизводимостью и экспрессивностью в большом количестве контекстов. Так, поисковые запросы в системе Интернет выдают не просто статьи, в которых одновременно присутствуют лексемы **дружба** и **женский**, а материал, в котором коллокация **женская дружба** маркирует ключевое понятие текста, ср. заголовки: **Настоящая женская дружба существует?; Почему мы по-прежнему верим, что женской дружбы не существует; Женской дружбы не бывает: главные мифы о женской дружбе; Женская дружба — миф или реальность?; Женская дружба: точки над i; Существует ли женская дружба и не опасна ли она для отношений; 9 запретов в женской дружбе** и др. Устойчивый характер показывает также выражение **мужская дружба** в контенте соответствующей тематика: **Бро. 5 правил мужской дружбы; 10 правил мужской дружбы; Мужская дружба и чем она отличается от женской; «Дюма был чертовски точен»: правила настоящей мужской дружбы; О настоящей мужской дружбе, которая не подводит; Невыносимая закадычность бытия: кодексы мужской дружбы в разных эпохах.**

При этом, если возможность женской дружбы — вопрос дискутируемый, существование мужской дружбы редко подвергается сомнению, и то, как правило, в аспекте сравнения с женской: *Почему дружба между мужчинами отличается от дружбы между женщинами? И почему мужская дружба гораздо крепче женской?*

На наш взгляд, для выражений *мужская дружба* и *женская дружба* можно составить словарные дефиниции. Они будут отличаться количеством значений, поскольку первое выражение передает вполне определенный цельный образ с набором характеристик, отражающих социокультурные ценности, а взгляд на второе амбивалентен.

Мужская дружба

Глубокие, крепкие духовные и социальные связи между мужчинами, характеризующиеся самоотверженностью, преданностью, взаимопомощью, принадлежащие к числу признанных социокультурных ценностей.

▶ — Да я порву за него! — заплетающимся голосом прокричал он и... разорвал на друге штаны, показывая кровоточащие раны. В карету «скорой» он унес пострадавшего на руках. Вот она, настоящая *мужская дружба*!.. (И. Неймина. Водитель снял на видео, как давит пьяного пешехода // Комсомольская правда, 2012).

▶ — Мы действительно дружили с Лёней с самого детства, но это не значит, что мы жили на глазах друг у друга и делились каждой повседневной мелочью. Это женщины так дружат. *Мужская дружба* все-таки несколько иначе выглядит. Например, я уже говорил вам, что со своими подругами Лёня меня редко знакомил. (А. Маринина. Последний рассвет, 2013).

▶ В *мужской дружбе* мало sentimentalности, продолжает Артем Косоруков, но она зависит от общности взглядов на такие значимые вопросы, как политика, экономика или религия. *Мужская дружба* наиболее искренняя, она мало подвержена эмоциональным или психологическим потрясениям, так как изначально воспринимается как базовая ценность, вокруг или рядом с которой выстраивается все остальное в жизни мужчины («Дюма был чертовски точен»: правила настоящей мужской дружбы // МИР24, 2022)

Типовая сочетаемость: *крепкая / многолетняя / настоящая / нормальная / прочная / суровая / нежная, но без соплей мужская дружба; проявляется мужская дружба, мужская дружба крепче женской.*

Эквиваленты: *братство, дружество, побратимство, товарищество.*

Женская дружба

1. Близкие отношения между женщинами, характеризующиеся душевностью, психологической гармоничностью, основанные на общности интересов.

▶ — Что вы вкладываете в понятие «*женская дружба*»? — Я благодарна судьбе за то, что попала в очень дружный коллектив, где никогда не было жен-

ского соперничества, «дедовщины». Настя и Аня, очень открытые по натуре девушки, мы моментально подружились. Мы дружим не только потому, что вместе работаем, и в повседневной жизни мы поддерживаем теплые отношения: ходим в рестораны, на дискотеки, ездим отдыхать (Группа «Лицей»: «Хочется задать жару с первых аккордов» // Аргументы и факты, 2005).

► В холодном Париже, уехав с любимым, Кэрри пустит слезу, увидев в окне четырех молоденьких подружек, болтающих за столиком в кафе. Те обсуждают состоявшихся и несостоявшихся бой-френдов, свои сексуальные провалы и победы. Настоящая **женская дружба!** Мужчины-то преходящи, а подруги вечны. Ведь главное, чтобы были подруги, а кого обсуждать — найдется (Афиша кинотеатров Минска с 27 июня по 3 июля // Комсомольская правда, 2008).

► **Женской дружбы** не существует ... вы абсолютно правы, особенно если подруга разведенка с прицепом (рсп) а вы нет, то она всеми правдами и не правдами будет вас склонять к разводу, чтобы вы стали такль же сраной рсп как и она. Если у вас с мужем нет кредитов и ипотек и при этом 100 метровая квартира, то ваши подруги будут брызжать слюной и говорить какая вы конченая, нахлебница... (комментарий на форуме Woman.ru, 2020).

Типовая сочетаемость: *длительная / нежная / настоящая / пылкая / крепкая / светлая, благородная / истинная / тесная / искренняя / душевная женская дружба; день женской дружбы, феномен женской дружбы, изображение женской дружбы, сериал / фильм о женской дружбе; верить женской дружбе, избегать женской дружбы; черта женской дружбы.*

ЭКВИВАЛЕНТЫ: НЕТ.

2. Ложная близость между женщинами, характеризующаяся ненадежностью, поверхностностью, гендерно обусловленной конкурентностью.

► — Я уже столько раз обжигалась с этой **женской дружбой**, что с некоторых пор уже не говорю, что у меня много подруг. Приятельниц — да, но подруг только две. Одна из них Вера Сотникова, известная актриса, одна из ведущих «Клуба бывших жен». Правда, недавно мы поругались (Садчиков Михаил. Мужчины никогда не мстила...) // Труд-7, 2007).

► Стелла верила. Легкая, смешливая, по-детски капризная, она привыкла к ласковой снисходительности подруг, мужчин и пациентов больницы. Но в назначенный день никто из гостей не явился — вот она, **женская дружба!** И Стелла увидела себя со стороны: одинокая тетка, до пенсии всего пять лет, а она уже никому не нужна (Письма с того света // Труд-7, 2009).

Типовая сочетаемость: *женской дружбы не бывает / не существует, не верить в женскую дружбу, обжигаться с женской дружбой.*

ЭКВИВАЛЕНТЫ: НЕТ.

4. Заключение = Conclusions

Резюмируя некоторые наблюдения над речевым употреблением выражения *женская дружба* на фоне контента, посвященного мужской дружбе,

и имеющихся лексикографических описаний *дружбы* отметим, что *женская дружба* в современных медийных текстах — явление амбивалентное: с одной стороны, она репрезентируется как глубокое, сильное чувство близости, что коррелирует со значением лексемы *дружба*, с другой стороны, авторы текстов, как мужчины, так и женщины, часто выражают довольно скептическое отношение к данному феномену. Это позволяет рассматривать выражение как многозначное слово с оценочной семантикой, у которого первый лексико-семантический вариант связан с лексемой *дружба* как обозначением близких отношений между женщинами, а второй обладает отрицательными коннотациями. При этом в отличие от значения словосочетания *мужская дружба*, которое встраивается в парадигму номинаций русских социокультурных ценностей, выражение *женская дружба*, скорее, не имеет маркировки «ценностная категория».

Об устойчивом характере обоих выражений свидетельствует, на наш взгляд, использование словосочетаний как цельных, воспроизводимых, экспрессивных. Это подтверждается тем, что поисковые системы, реагируя на запросы, выдают ссылки на тексты, в которых функционируют именно эти коллокации (притом часто в качестве ключевых номинаций, выступающих предметом обсуждения), а не на публикации, в которых слова *женский, мужской, дружба* присутствуют вне комбинаций друг с другом.

Источники

1. АА — *Архив* авторов.
2. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 21.05.2022).
3. СлРЯ — *Дружба* // Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1. — С. 449.

Литература

1. Ару А. Семантические преобразования лексемы *дружба* в моделях концептуальной метафоризации / А. Ару // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2021. — № 55. — С. 9—22. — DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-9-22.
2. Барина О. М. Репрезентация концепта “Дружба” в эпистолярной И. С. Тургенева (1850—1858 гг.) / О. М. Барина // Спасский вестник. — 2018. — № 26—2. — С. 34—43.
3. Бежина А. С. Лингвометодический потенциал концепта “дружба” / А. С. Бежина // В мире научных открытий. — 2010. — № 3—4 (9). — С. 19—22.
4. Дягилева Ж. А. Гендерный аспект лингвокультурологического исследования концепта “Freundschaft / Дружба” / Ж. А. Дягилева // Перевод как научный и культурный трансфер : Тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции в Орловском государственном институте искусств и культуры, Орёл, 27—28 февраля 2013 года / ответственный редактор А. Г. Пастухов. — Орёл : Орловский государственный институт искусств и культуры, 2013. — С. 38—40.

5. Евсеева Я. В. Дружба и гендер / Я. В. Евсеева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология : Реферативный журнал. — 2021. — № 4. — С. 59—67. — DOI: 10.31249/rsoc/2021.04.04.

6. Егорова В. И. Гендерные особенности концепта “дружба” (на материале русского и английского языков) / В. И. Егорова // Обучение иностранному языку : современность и перспективы : сборник научных статей региональной научно-методической конференции, посвященной 55-летию Юго-Западного государственного университета и кафедры иностранных языков, Курск, 04—05 октября 2019 года / Юго-Западный государственный университет. — Курск : Юго-Западный государственный университет, 2019. — С. 121—126.

7. Епифанова В. В. Комбинаторный потенциал лексемы дружба в русском и немецком языках : сопоставительный анализ / В. В. Епифанова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2022. — № 2 (165). — С. 212—220. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-2-165-176.

8. Казакова А. Ю. Гендерные репрезентации друзей (по материалам Яндекс. Дзен) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология : реферативный журнал. — 2021. — № 4. — С. 39—58. — DOI: 10.31249/rsoc/2021.04.03.

9. Леонтьева Т. В. Концепты дружба и друг в лексикографической парадигме (проект паремиологического словаря) / Т. В. Леонтьева, В. М. Мокиенко // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2022. — Т. 24. — № 2 (90). — С. 165—176. — DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-2-165-176.

10. Медведева А. С. Психологические особенности женской дружбы / А. С. Медведева, Ю. Е. Водяха // Проблемы психологического благополучия : Материалы международной заочной научной конференции, Екатеринбург, 19 марта 2021 года. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2021. — С. 297—304.

11. Орлова Ю. Е. Структура и содержание женской дружбы / Ю. Е. Орлова, А. Ю. Чернов // IN SITU. — 2022. — № 4. — С. 29—33.

12. Шубина Е. В. Мужская дружба : женс. путеводитель по лабиринту логики / Е. В. Шубина. — Санкт-Петербург : ВЕСЬ, 2004. — 114 с. — ISBN 5-9573-0286-4. — EDN QWIEFT.

13. Яремчук Е. А. Языковая реализация концепта “дружба” в пословицах русского, испанского и английского языков / Е. А. Яремчук // In Situ. — 2022. — № 1. — С. 35—38.

Material resources

Archive of authors. (In Russ.).

Druzhba. (1999). *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. Research, 1. 4th ed., deleted.* Moscow: Russian language; Polygraph Resources. P. 449. (In Russ.).

The National Corpus of the Russian language. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 21.05.2022). (In Russ.).

References

Aru, A. (2021). Semantic transformations of the friendship lexeme in models of conceptual metaphorization. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov*, 55: 9—22. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-9-22. (In Russ.).

Barinova, O. M. (2018). Representation of the concept “Friendship” in the epistolary of I. S. Turgenev (1850—1858). *Spassky Vestnik*, 26—2: 34—43. (In Russ.).

- Bezhdina, A. S. (2010). Linguometodic potential of the concept “friendship”. *In the world of scientific discoveries*, 3—4 (9): 19—22. (In Russ.).
- Diaghileva, Zh. A. (2013). Gender aspect of linguoculturological research of the concept “Freundschaft / Friendship”. In: *Translation as a scientific and cultural transfer: Abstracts of reports and reports of the International Scientific and Practical Conference at the Orel State Institute of Arts and Culture, Orel, February 27—28, 2013*. Orel: Orel State Institute of Arts and Culture. 38—40. (In Russ.).
- Egorova, V. I. (2019). Gender implications of the concept of “friendship” (based on the material of Russian and English languages). In: *Teaching a foreign language: modernity and prospects: collection of scientific articles of the regional scientific and methodological conference dedicated to the 55th anniversary of the Southwestern State University and the Department of Foreign Languages, Kursk, October 04—05 2019 / Southwest State University*. Kursk: Southwest State University. 121—126. (In Russ.).
- Epifanova, V. V. (2022). Combinatorial potential of the friendship lexeme in Russian and German: comparative analysis. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2 (165): 212—220. (In Russ.).
- Evseeva, Ya. V. (2021). Friendship and gender. Social and humanitarian sciences. *Domestic and foreign literature. Series 11, Sociology: Abstract Journal*, 4: 59—67. DOI: 10.31249/rsoc/2021.04.04. (In Russ.).
- Kazakova, A. Yu. (2021). Gender representations of friends (based on the materials of Yandex. Zen). *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 11, Sociology: Abstract Journal*, 4: 39—58. DOI: 10.31249/rsoc/2021.04.03. (In Russ.).
- Leontieva, T. V., Mokienko, V. M. (2022). Concepts of friendship and friend in the lexicographic paradigm (paremiological dictionary project). *Bulletin of Kemerovo State University*, 24 / 2 (90): 165—176. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-2-165-176. (In Russ.).
- Medvedeva, A. S., Vodiha, Ye. E. (2021). Psychological features of female friendship. In: *Problems of psychological well-being: Materials of the international correspondence scientific conference, Yekaterinburg, March 19, 2021*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 297—304. (In Russ.).
- Orlova, Yu. E., Chernov, A. Yu. (2022). Structure and content of female friendship. *In Situ*, 4: 29—33. (In Russ.).
- Shubina, E. V. (2004). *Men's friendship: women a guide to the labyrinth of logic*. Saint Petersburg: ALL. 114 p. ISBN 5-9573-0286-4. (In Russ.).
- Yaremchuk, E. A. (2022). Linguistic realization of the concept of “friendship” in proverbs of Russian, Spanish and English languages. *In Situ*, 1: 35—38. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.08.2022,
одобрена после рецензирования 21.10.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА **LITERARY STUDIES. FOLKLORE**

.....

Григорий Александрович Кричевский, профессор (Москва)
Елена Викторовна Хворостянова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Сергеевна Лалетина, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Татьяна Владимировна Нужная, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Наталья Сергеевна Фролова, канд. филол. наук (Москва)

Кричевский Г. А. Эпистолярный механизм и ненадёжный рассказчик в новелле В. В. Набокова «Как-то раз в Алеппо...» / Г. А. Кричевский // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 179—195. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-179-195.

Krichevsky, G. A. (2022). Epistolary Mechanism and Unreliable Narrator in Novel by V. V. Nabokov “Once in Aleppo...”. *Nauchnyi dialog*, 11 (9): 179-195. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-179-195. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-179-195

**Эпистолярный механизм
и ненадёжный рассказчик
в новелле В. В. Набокова
«Как-то раз в Алеппо...»**

**Григорий Александрович
Кричевский**

orcid.org/0000-0001-7808-2200
WoS ResearcherID S-2931-2018
профессор,
Школа коммуникаций
gkrichevsky@hse.ru

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

**Epistolary Mechanism
and Unreliable Narrator
in Novel by V. V. Nabokov
“Once in Aleppo...”**

Grigory A. Krichevsky

orcid.org/0000-0001-7808-2200
WoS ResearcherID S-2931-2018
Professor
School of Communications,
gkrichevsky@hse.ru

Higher School of Economics
(Moscow, Russia)

© Кричевский Г. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются случаи обращения В. В. Набокова к эпистолярному механизму. Выясняется, что эпистолярный жанр, как и метанарративная рефлексия, у В. В. Набокова создают двойственный контекст вокруг повествователя, который смешивается с персонажем. Оценивается, в частности, перспектива интерпретации эпистолярного текста с учетом концепции ненадежного рассказчика на примере новеллы В. В. Набокова 1943 года. Делается допущение, что участник литературной переписки может быть отнесен к категории ненадежного рассказчика, особенно в том случае, если его повествование колеблется между неадекватной оценкой действительности и иллюзией. Отмечается, что воображаемые события — период Второй Мировой и момент бегства из Франции от гитлеровского вермахта, — являющиеся свидетельством безумия, говорят о стрессе, который переживает придуманный В. В. Набоковым рассказчик. Подчеркнуто, что демонстративная нарративная сложность делает более насыщенным и многообразным эстетический опыт при чтении и без того структурно непростого постмодернистского текста. Указывается, что эпистолярные примеры из корпуса прозы В. В. Набокова помещены в общий контекст развития жанра литературных писем первой половины XX века.

Ключевые слова:

эпистолярная форма; ненадежный рассказчик; В. В. Набоков; темпоральная поливалентность; двусмысленность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The cases of V. V. Nabokov's appeal to the epistolary mechanism are considered. It turns out that the epistolary genre, as well as V. V. Nabokov's metanarrative reflection create a dual context around the narrator, who mixes with the character. In particular, the prospect of interpreting the epistolary text is assessed, taking into account the concept of an unreliable narrator on the example of V. V. Nabokov's 1943 short story. It is suggested that a participant in literary correspondence can be classified as an unreliable narrator, especially if his narration fluctuates between an inadequate assessment of reality and illusion. It is noted that imaginary events, which are evidence of madness, speak of the stress that the narrator invented by V. V. Nabokov is experiencing during the Second World War and the moment of flight from France from the Nazi Wehrmacht. It is emphasized that the demonstrative narrative complexity makes the aesthetic experience richer and more diverse when reading an already structurally complex postmodern text. It is pointed out that the epistolary examples from the corpus of V. V. Nabokov's prose are placed in the general context of the development of the literary letters genre in the first half of the 20th century.

Key words:

epistolary form; unreliable narrator; V. V. Nabokov; temporal polyvalence; ambiguity.

Эпистолярный механизм и ненадёжный рассказчик в новелле В. В. Набокова «Как-то раз в Алеппо...»

© Кричевский Г. А., 2022

“...как родине, будь вымыслу верна”

В. Набоков

1. Введение = Introduction

В своих рассказах В. В. Набоков довольно редко обращался к эпистолярной форме. Академическая дискуссия принимает во внимание, в частности, два рассказа, написанные по-русски: «Письмо в Россию» (1925) из сборника «Возвращение Чорба» и «Адмиралтейская игла» (1933), входящий в сборник «Весна в Фиалте». В обоих случаях эпистолярный механизм интересует исследователей как второстепенная нарративная стратегия. В случае с «Письмом в Россию» фокус смещен на выбор В. В. Набоковым мотивов партикулярного восприятия в ущерб универсальным принципам. Как писал П. В. Кузнецов о В. В. Набокове и его персонажах, «мир для него бесконечно таинствен, изначально необъясним, он может быть только увиден... Когда эмиграция мучительно переживала гибель России, спорила, пытаясь понять и объяснить, как и почему это произошло, один из его персонажей-двойников, гуляющий по Берлину (рассказ “Письмо в Россию”), мог ошеломить своего безымянного адресата таким признанием: “Слушай, я совершенно счастлив. Счастье мое — вызов...”» [Кузнецов, 1992, с. 243].

Анализ новеллы «Адмиралтейская игла», в свою очередь, также оставляет проблематику эпистолярного жанра на обочине и производится преимущественно в гендерной оптике. В рассказе неизвестный русский автор-эмигрант пишет рецензию на роман, который прочел с возмущением. Формально роман написан мужчиной, неким Сергеем Солнцевым, но protagonista обращается к женщине. Так, М. Д. Шрайер, разбирающий рассказ «Адмиралтейская игла», откровенно и прямо ставит вопрос, «в самом ли деле Набоков был читателем — и писателем — женоненавистником» [Shrayer, 2000, с. 532]. При этом М. Д. Шрайер предостерегает против прямолинейных толкований взглядов В. В. Набокова на женскую литературу и выдвигает гипотезу о том, что писатель враждебно относился лишь к влиянию А. А. Ахматовой, в особенности ее последователей и подражателей. Но главное, если вообще допускать существование набоковской литературной мизогинии, по мнению М. Д. Шрайера, заключается в том, что

В. В. Набоков как писатель с отвращением воспринимал «повествование от женского лица в прозе» [Ibid., с. 534].

Тем не менее мы находим работы, в которых эпистолярный канон в корпусе текстов В. В. Набокова рассматривается как одна из приоритетных форм многослойной и, безусловно, диалогической набоковской прозы. А. М. Гордиенко среди прочего подчеркивает, что у В. В. Набокова «эпистолярный жанр формирует дополнительный пласт иллюзии коммуникации с читателем» [Гордиенко, 2009]. Иными словами, обращение к форме литературных писем у В. В. Набокова усиливает диалогический характер повествования, ведь «именно диалогическая концепция творчества позволяет снять противоречие между открытостью для чужого душевного опыта и демонстративной индивидуалистичностью» [Липовецкий, 1997, с. 644]. Причем наибольшую степень индивидуальности и человеческой силы герой, а возможно, и рассказчик в набоковских повествованиях обретают, как заметил в своей известной работе В. В. Ерофеев, «в момент слабости и сомнения в себе» [Ерофеев, 1988, с. 125—160]. И все же исследователи сходятся на том, что «двойственность повествовательного статуса главного героя — одновременно персонаж <...> и повествователь» [Леденев, 2005, с. 13] — в набоковских текстах отражается регулярным образом без привлечения эпистолярного механизма. В такой нарративной стратегии, как литературные письма, нет нужды, поскольку эпистолярный канон существует у В. В. Набокова в тени поэтики метапрозы. Отметим, что доминирующий мотив метапрозы В. В. Набокова — это идея «двух миров», на которую указывает, в частности, Д. Бартон Джонсон [Johnson, 1985, с. 155], или, согласно М. Липовецкому, речь идет об амбивалентном «мире пошлой псевдожизни и мире живого творчества» [Липовецкий, 1997, с. 640]. Иначе говоря, В. В. Набоков передает статус «двух миров» с помощью метапрозаического нарратива, который влиятельные исследователи набоковской прозы А. В. Леденев и М. Липовецкий весьма продуктивно изучали на примере романа «Дар».

Стоит подчеркнуть, что рассказчик в метапрозе, подчас надевающий маску своих персонажей, почти всегда амбивалентен, как и рассказчик в эпистолярной прозе: «...то перед нами демиург, приручивший темп судьбы своего героя, то один из персонажей жизнеописания» [Там же, с. 649]. Таким образом, метароманная рефлексия В. В. Набокова, как, впрочем, и случаи обращения к эпистолярному механизму, создают контекст двойственности, а подобная двойственность адресована читателю с помощью преднамеренно усложненной нарративной техники.

В связи с этим вопросы, ответы на которые нас будут интересовать прежде всего, формулируются следующим образом: (i) как именно вза-

имодействует механизм переписки с иными нарративными техниками В. В. Набокова; (ii) какова специфика отклонений от эпистолярного канона у В. В. Набокова.

В поисках ответов мы предлагаем обратиться к еще одной эпистолярной новелле В. В. Набокова, написанной по-английски и лишь затем переведенной на русский язык.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Небольшой рассказ В. В. Набокова «Как-то раз в Алеппо...», всего 11 страниц, впервые опубликованный в 1943 году по-английски в журнале «Atlantic Monthly», — одно из преднамеренно запутанных произведений, располагающихся на границах позднего модернизма и постмодернизма. Мы считаем, что именно этот набоковский текст отражает серьезные изменения, которые переживал эпистолярный жанр в первой половине XX века. Оговоримся, что рассматриваем рассказ Набокова в общей жанровой последовательности, куда включаем, в частности, роман В. Б. Шкловского «ZOO, или Письма не о любви» (1923), «Флорентийские ночи» (1933) М. И. Цветаевой, а также короткие фрагменты Д. И. Хармса, имитирующие литературную переписку (1933). Трансформация жанрового канона эпистолярной прозы реализована В. Б. Шкловским, М. И. Цветаевой и отчасти Д. И. Хармсом за счет, во-первых, предсказуемого превращения литературного быта в литературный факт — бытовая, как правило, любовная переписка с реальными адресатами погружена в сложный фикциональный текст. Во-вторых, тематика взаимоотношений влюбленных необходимым образом дополняется философскими рассуждениями и, что считаем крайне важным, метанарративом. В-третьих, эпистолярная проза использована В. Б. Шкловским, М. И. Цветаевой и Д. И. Хармсом преимущественно для того, чтобы представить читателю мысли о роли поэта, если шире, художника в обществе и высказаться по поводу особенностей творческого, в частности, писательского труда. Оговоримся, что в случае Д. И. Хармса эпистолярный механизм служит, помимо всего прочего, суррогатом для рассуждений о принципах коммуникации и диалога в обстановке абсурда.

Между тем В. В. Набоков, как представляется, произвел не менее глубокое жанровое изменение в литературных письмах. Так, согласно Ж.-Ф. Жаккару, В. В. Набоков представил «лучший пример совершенного равновесия между некоторой вновь обретенной “нарративностью” и открыто выраженной осознанной метанарративностью. С этой точки зрения можно сказать, что Набоков проложил путь постмодернизму, а точнее, тому направлению в постмодерне, которое возведет узаконенный “обман” в число своих основных принципов, присоединившись к мнению героя

“Отчаяния”: “всякое произведение искусства — обман”) [Жаккар, 2011, с. 18—19]. Помимо категории обмана, более или менее ожидаемой в литературном произведении, Ж.-Ф. Жаккар делает акцент и на другом признаке, характерном для эстетики В. В. Набокова, который существенно повлиял на эпистолярный жанр: «рассказать в произведении о том, как оно создается» [Там же, с. 59]. Набоковская новелла «Как-то раз в Алеппо...», в общем-то, и представляет собой идеальный метанарратив, замаскированный под нарратив эпистолярный.

Между тем с точки зрения восприятия нами эпистолярной прозы в качестве эталонного метанарративного и автореференциального текста мы бы хотели здесь предложить модель интерпретации рассказа В. В. Набокова, принимая во внимание, в частности, подходы и исследования В. Бута, В. Риггана, Т. Мерфи, Ц. Тодорова и Дж. Г. Альтман. Во-первых, речь могла бы идти о концепции ненадежного рассказчика, автором которой стал в 1961 году В. Бут [Booth, 1983, p. 552]. Развивая идеи В. Бута, В. Ригган предложил собственную оригинальную классификацию ненадежного рассказчика: (i) пикаро — рассказчик, который всегда преувеличивает масштаб событий, хвастается своими подвигами, предстает как своеобразный герой авантюрного романа; (ii) безумец — его рассказ как механизм психологической защиты насыщен паранойей, отчуждением; (iii) клоун — рассказчик не воспринимает повествование всерьез, ведет стернианскую игру с читателем; (iv) лжец — рассказчик, рационально скрывающий неприглядные детали [Riggan, 1982, с. 206]. Пикаро, безумец, клоун и лжец — маркированные элементы бинарных оппозиций, тогда как нейтральными или надежными рассказчиками могут быть признаны среди прочего антипод авантюрного героя, рациональный, серьезный и честный персонаж. На статус нейтральности или немаркированности в бинарных оппозициях как на основополагающий фактор для интерпретации надежности рассказчика обратил внимание Т. Мерфи, приводя в пример Ника Каррауэя из «Великого Гетсби» [Murphey, 2012].

В качестве еще одной концепции, кажущейся релевантной, выдвигается теория эпистолярной прозы Дж. Г. Альтман, которая утверждает, что «полярные несоответствия и неполнота создают значение в эпистолярном жанре» [Altman, 1982, p. 252]. Так, нам, очевидно, важны в эпистолярном жанре: 1) непрерывность / дискретность, 2) целостность / фрагментарность, 3) завершенность / незавершенность, 4) ты / я, 5) там / здесь, 6) тогда / сейчас, 7) отправитель / получатель, 8) доверие / недоверие, 9) сокращение дистанции / удаленность, 10) приватная природа переписки / поиск аудитории для выражения эмоций в письме — вот основные десять пар, важные и существенные для описания эпистолярного рассказа, которые мы извлека-

ем из концепции Дж. Г. Альтман [Ibid, 1982, p. 185—190]. Каждый первый элемент указанной пары нейтрален, каждый второй элемент в этих парах маркирован. Таким образом, бинарные оппозиции, а также сам принцип маркированности одного из элементов пары могут быть использованы для исследования одновременно и литературных писем, и феномена рассказчика, изначально лишённого надёжности. Вместе с тем бинарные оппозиции и маркированность возможно применить и для оценки метанарратива. Иначе говоря, принципы бинарности и маркированности одного из элементов пары инструментально подходят, судя по всему, для идентификации не только двойственности в метанарративных рефлексиях В. В. Набокова, его противопоставлении мира живого творчества неживому быту, о чем писали уже упомянутые Д. Бартон Джонсон и М. Липовецкий. Более того, бинарность и маркированность позволяют точнее различать и фиксировать отступления от эпистолярного канона в том случае, если автор литературных писем доказательно оказывается ненадёжным рассказчиком и одновременно говорит в своих письмах о том, как создается текст.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Интертекстуальность и эпистолярный метанарратив

На первый взгляд, «Как-то раз в Алеппо...» — стандартное письмо с обычными реквизитами в виде обращения, датировки и подписи, на которое тем не менее получатель не дает ответ. Переписка задумана В. В. Набоковым как принципиально незавершенная. Письмо представляет собой цепь противоречащих друг другу версий и сомнений относительно реального или вымышленного существования молодой жены рассказчика.

Вместе с тем в центре внимания оказывается и процесс создания литературы — «у меня есть сюжет для вас» [Набоков, 2004, с. 206—217] — говорит безымянный протагонист в начале письма, адресованного некоему В., которого и просит записать отчет о расставании с женой, впрочем, возможно, мнимом расставании.

Тема интертекстуальности, или, как ее называет Б. Куинн, «тема литературной традиции» [Quinn, 2002, p. 79—89], важна для понимания структуры набоковского рассказа. Само название отсылает к финалу трагедии У. Шекспира:

...как-то раз

В Алеппо турок бил венецианца

И поносил сенат [Шекспир, 2018, с. 304].

В. В. Набоков доверял У. Шекспиру, который, как ему казалось, точнее многих объяснял темные стороны человеческого сознания и мотивы самых страшных поступков, о чем напоминает В. Штрандберг [Strandberg, 2000,

р. 189—202]. В нашем случае намек на У. Шекспира и, видимо, имплицитное подражание ему помогают понять, убил ли рассказчик свою жену и, возможно, покончил с собой, а потом, пытаясь найти оправдание своему поступку (если все-таки остался жить, конечно), придумал историю о том, что его жена убежала с молодым любовником. Либо все это является плодом его фантазии, эффектом безумия, вызванного переживаниями из-за событий Второй Мировой. Мотив безумия в литературном письме и является, хоть не единственным, но, пожалуй, важным основанием для применения концепции ненадежного рассказчика.

Цитаты из «Отелло» появляются еще дважды: в отрывке, демонстрирующем чувство ревности, которое испытывает рассказчик по отношению к жене после того, как она сообщила ему о случайной связи на стороне:

*Назначьте день и совершите казнь
за всеор, перчатками и маской* [Шекспир, 2018, с. 116].

Далее трагедия У. Шекспира переплетается в набоковской репрезентации с наиболее известными фактами биографии А. С. Пушкина, когда В. В. Набоков намекает на дуэль и называет Дантеса «белокурым Кассио» [Набоков, 2004, с. 208], тогда как главный русский поэт характеризуется как «смуглый Пушкин» [Там же].

Вместе с тем не менее важным в набоковском рассказе представляется намек протагониста на сходство с чеховской Анной Сергеевной фон Дидерич: «И гулкие души русских глаголов ссужают смыслом бурные жесты деревьев или какую-нибудь брошенную газету, скользкую, и застывающую, и шаркающую снова, бесплодно хлопоча, бескрыло подскакивая вдоль бесконечной, выметенной ветром набережной. Впрочем, именно теперь я не поэт. Я обращаюсь к вам, как та плаксивая дама у Чехова, снедаемая желанием быть описанной» [Набоков, 2004, с. 206].

Определение «именно теперь я не поэт» равнозначно отказу от авторства — В. В. Набоков как будто заявляет: «я не автор, а персонаж», а «желание быть описанным» — это желание стать участником нарратива, героем рассказа, который подписан все же реальным автором В. В. Набоковым. Если автор письма — одновременно и персонаж, и рассказчик, то авторство принадлежит тому самому человеку, который обозначен в тексте заглавной буквой *В.*, и которому письмо отправлено, и кому одновременно адресована просьба напечатать историю, то есть просьба стать владельцем сюжета. В таком случае, *В.* — это и есть В. В. Набоков, потому что он написал этот текст. Иными словами, В. В. Набоков, вероятнее всего, отправил письмо самому себе, но тогда речь идет не о жанре переписки, а о дневнике, который фиксирует переживания человека, потерявшего таинственным образом молодую жену. Читатель, судя по всему, наблюдает,

как В. В. Набоков-автор истории направляет текст В. В. Набокову-получателю письма и будущему автору опубликованного рассказа. Проще говоря, читатель легально подглядывает за тем, как создается текст. Перед нами, скорее всего, метанарратив, в котором повествование, как будто мерцая, перемещается от нарратора к персонажу, хотя полностью не принадлежит ни одному из них.

3.2. Между безумием и иллюзорностью

Подчеркнем, что легальное наблюдение за диалогом и жизнью других и есть суть эпистолярной прозы. Настаиваем на том, что рассказ В. В. Набокова представляет собой эпистолярную форму, в которую заключено повествование от имени рассказчика, чья надежность в ходе повествования преднамеренно ставится под сомнение. Сочетание двух нарративных стратегий — эпистолярный механизм и ненадежный рассказчик — вполне может быть мотивировано фабулой: расставание с женой во время исхода из Франции в 1940 году, или ее загадочное исчезновение, или безумные сомнения по поводу самого факта ее существования в реальном мире.

Тема бегства от вермахта, гибели французов от рук гитлеровской армии во время Второй Мировой, как и травмирующая, автобиографическая тема эмиграции в США или описание французских полицейских бюрократов — элементы реализма в набоковском рассказе. При этом В. В. Набоков совмещает трагические и иронические интонации в своем описании. Впрочем, действие его — в той же реалистичной манере — локализовано географически: между городами юга Франции — от По, через Монпелье и Марсель, до Ниццы.

Для набоковского рассказчика бегство от гитлеровского вермахта, очевидно, является причиной не только сомнений в существовании жены, но и депрессии, причем настолько глубокой, что, возможно, «автор письма покончил с собой еще до того, как его адресат, сумел создать рассказ, который мы читаем» [Barabtarlo, 1995, с. 106—107]. С другой стороны, если у В. В. Набокова речь и идет о чьей-то гибели, то, скорее, автор письма убивает свою жену, причем «убивает метафорически, то есть в собственных мыслях» [Strandberg, 2000, с. 189—202]. Помимо упомянутого выше мотива безумия, возникает проблема иллюзорного мира, в котором живет автор письма, мира, судя по всему, похожего на мир Гумберта из «Лолиты» или Чарльза Кинбота из «Бледного огня». Вероятно, сложный рассказ В. В. Набокова еще о том, что его автор несчастен в браке, поэтому «в качестве психологической компенсации пытается отрицать существование жены» [Johnson, 2001]. Тему жизни автора в вымышленном, иллюзорном пространстве поддерживает тезис «о многоголосии и многообразии рассказчиков в голове одного набоковского протагониста» [Maddox, 1983,

с. 6—7]. Причиной этого многоголосого нарратива в рамках одной нарративной инстанции могут быть провалы в памяти, когнитивные ошибки, искаженное восприятие, что, в конечном итоге, и наделяет рассказчика признаками ненадежности. Можно увидеть в «неспособности автора письма поддерживать последовательное повествование результат внутреннего конфликта, психологических нарушений» [Ibid.].

3.3. Эффект ненадежного рассказчика внутри эпистолярности

Мотив психологических нарушений, внутренний психологический конфликт формируют двусмысленность повествования, зафиксированную ранее исследователями романов В. В. Набокова. Вместе с тем, как считал Ц. Тодоров, «...для создания необходимой двусмысленности <...> используется безумие» [Тодоров, 1999, с. 144]. Мы бы добавили к этому еще и иллюзорность. В «Теории фантастической литературы» Ц. Тодоров определяет двусмысленность через колебания между неверно понятой реальностью и вымыслом, то есть событиями, воспринятыми искаженно, и теми событиями, которые в реальном мире невозможны.

Между тем оценка двусмысленности в повествовании В. В. Набокова радикализуется от иллюзорности до уровня безумия всякий раз, когда рассказчик вспоминает о своей жене: «И хоть я могу предъявить документальные доказательства моего брака, я ныне положительно уверен, что жена моя никогда не существовала. Ее имя может быть вам известным из какого-то иного источника, но все равно: это имя иллюзии. Я потому и способен говорить о ней с такой отрешенностью, как если б я был персонажем рассказа» [Набоков, 2004, с. 207].

В то же время мы думаем, что набоковской рассказчик двусмысленный и противоречивый не от того, что безумный, а, скорее, потому, что пытается ухватиться за реальность, понять, что же в действительности произошло: убита его жена или нет, ушла ли она от него или ее не было вовсе. Параллельно рассказчик пытается найти оправдание двусмысленности и непоследовательности своих суждений. Но в результате, по выражению В. Штрэндберга, «история, направленная на самооправдание, <...> заканчивается спазмом саморазоблачения» [Strandberg, 2000, с. 200].

Конечно же, нас больше всего интересует, почему В. В. Набоков объединил две нарративные стратегии (эпистолярную и ненадежного рассказчика — ведь безумец кажется распространенной разновидностью ненадежного рассказчика), вложил одну в другую как детали единого конструктора, подчеркнув тем самым действенность модели «текст в тексте» и усилив «я-повествование / Ich-Erzählung». А главное — какой эффект возникает для читателя при комбинации двух упомянутых нарративных стратегий?

Безусловно, подчеркнутая нарративная запутанность делает более насыщенным и многообразным эстетический опыт при чтении и без того структурно непростого постмодернистского текста. В. В. Набоков предложил особую игру, особое эстетическое переживание читателю. Уникальность писательского предложения В. В. Набокова в том, чтобы предоставить читателю выбор и самому решить, какая именно реальность открывается перед его глазами. В. В. Набоков превращает читателя в соавтора, для чего нарративное пространство максимально усложнено, замаскировано под частное письмо и адаптировано под читательское «расследование». Настоящее обращение к читателю зашифровано, на наш взгляд, в характеристике одного из полицейских Ниццы: «ленивый сыщик <...>, мой друг Хольмс» (сохранена орфография оригинала. — Г. К.) [Набоков, 2004, с. 211]. Читатель В. В. Набокова и есть «ленивый Холмс», которому предстоит определить в процессе повторяющегося и многократного чтения, имели ли место все эти события. Получается, что только читатель сможет установить для себя, расстался ли рассказчик с женой, уехала ли она жить с новым избранником в Прованс, или, как в шекспировском сюжете, рассказчик задушил свою жену от ревности и затем свел счеты с жизнью. Власть над повествованием (в особенности это касается деталей завершения сюжета) переходит от автора новеллы к читателю. Читательский контроль, который преднамеренно создает В. В. Набоков, полностью меняет оценку описанных событий. В любом случае в конце жена рассказчика исчезает точно так же, как дематериализуется Нина из другой набоковской новеллы «Весна в Фиалте». Единственное, что кажется надежным после чтения набоковской эпистолярной новеллы, так это то, что ее протагонист отплывает в Америку без жены.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, мы в состоянии дать ответы на вопросы, которые были поставлены в начале. Во-первых, сочетание эпистолярной формы и концепции ненадежного рассказчика как дополнительной нарративной техники переносит бремя интерпретации на читателя, делая его значительно более свободным в оценке выдуманных персонажей. Во-вторых, В. В. Набоков в своем рассказе трансформирует эпистолярный канон, помещая повествователя в контекст тотальных сомнений, делая рассказчика и персонажей ненадежными по умолчанию — теперь чтение всякого эпистолярного произведения сопровождается скепсисом, а классический статус литературных писем как «человеческого документа» [Гинзбург, 1976, с. 448] существенно снижен. Любопытно также, как здесь идея утраты, по природе своей модернистская, плавно замещается постмодернистской игрой вокруг ненадежности автора нарратива.

Отклонения от эпистолярного канона, которые обнаруживаются в рассказе В. В. Набокова, могут быть вписаны в общий контекст жанрового развития литературных писем. Как представляется, В. Б. Шкловский трансформировал эпистолярную прозу, превратив ее в дискуссию о литературе и сопроводив многочисленными философскими рассуждениями и заметками на актуальные темы. В свою очередь, М. И. Цветаева во «Флорентийских ночах» продемонстрировала, что адресат в литературном письме избыточен в тех случаях, когда эпистолярным нарративом управляет поэт. Вместе с тем Д. И. Хармс показал, что эпистолярный диалог, как, впрочем, любая коммуникация, несостоятелен в мире абсурда, в который погружён участник переписки. В таком случае можно говорить о том, что В. В. Набоков доказал следующее: отправитель письма почти всегда является крайне ненадежным рассказчиком, в том числе в силу психологической неустойчивости — ведь именно о переживаниях рассказывает литературная переписка. Хотя именно подобные психологические состояния, текучие, нестабильные, многообразные и непредсказуемые, являются основой интереса в эпистолярном жанре периода позднего модернизма и постмодернизма.

Помимо этого, необходимо напомнить, оставаясь в рамках специальных концепций, описывающих и объясняющих феномен эпистолярного жанра, что повествование, созданное автором литературного письма, не может вызывать абсолютного доверия еще и потому, что время в эпистолярной прозе, согласно, скажем, теории Дж. Г. Альтман, поливалентно: действие эпистолярного жанра происходит сначала в реальности или, добавим, в воображении протагониста, затем это действие описывает отправитель, автор литературного письма, потом в третий раз это действие происходит в восприятии получателя, адресата переписки, а в четвертый — трансформируется с точки зрения читателя. Дж. Г. Альтман различает «момент совершения действия, момент записи события в письме, момент, когда письмо было отправлено, получено, прочитано или перечитано» [Altman, 1982, p. 118]. Вопрос лишь в том, происходит ли одно и то же событие несколько раз подряд, линейно, с небольшими отклонениями и вариациями, либо речь идет о разных событиях, течение времени которых может быть нелинейно. Тут вновь, как кажется, по замыслу В. В. Набокова, если вернуться к рассказу «Как-то раз в Алеппо...», решение отдается на откуп читательскому воображению. Что произошло раньше: исчезновение жены набоковского рассказчика или описание этого исчезновения? Какое событие имеет больший вес, литературное или реальное? Ответ на эти вопросы, очевидный, но лишь на первый взгляд, всегда будет индивидуален, он находится в постоянной зависимости от эстетического опыта конкретного читателя.

Но к чему эта сложная нарративная техника, помимо создания особого эстетического опыта у читателя? Если говорить о «Как-то раз в Алеппо...», мы допускаем, что повествовательная сложность отражает непреодолимое желание рассказчика детально описать свое внутреннее состояние и представить его на суд читателя — ведь литературные, фикциональные письма, как мы отмечали, не обходятся без классической для эпистолярного жанра исповедальности. Вместе с тем исповедальность не только открывает читателю внутренний мир рассказчика. Смысл ее, в конечном счете, состоит еще и в том, чтобы «постоянно подвергать сомнению свою уверенность, чтобы убедиться в соответствии реальности фактам» [Эспозито, 2022, с. 83]. Важно подчеркнуть, что такая уверенность, как пишет К. Эспозито, «... не может быть просто придумана или запрограммирована нами: она требует, чтобы кто-то, кому мы можем доверять, был свидетелем этому» [Там же]. Другими словами, исповедальность, в частности, постмодернистского эпистолярного текста, может быть уподоблена опыту свидетельствования, в котором нуждается рассказчик. Создателю и отправителю литературного письма требуется адресат как свидетель его, отправителя, собственного существования, даже если письмо никогда не будет ни получено, ни отправлено.

В этом плане — стоило бы особо уточнить этот момент — рассказчик из «Как-то раз в Алеппо...» очень похож на многих других персонажей В. В. Набокова. Как точно подметил в своем обобщении В. Штрэндберг, «в конце концов, главные герои Набокова призваны представлять универсальную человеческую проблему, которую подчеркивает формулировка Уильяма Джеймса, — потребность быть понятым. В обычной жизни это невозможно» [Strandberg, 2000, p. 201].

«Потребность быть понятым» — это словосочетание, которое, как кажется, объединяет и В. Б. Шкловского, и М. И. Цветаеву, и Д. И. Хармса, и В. В. Набокова в их попытках реформировать канон эпистолярного жанра в XX веке. Кроме того, именно это стремление быть понятым другим, призвать его в свидетели своей жизни, то есть получить подтверждение от другого в реальности самого себя, позволяет рассматривать эпистолярные тексты позднего модернизма и постмодернизма как продолжение русской психологической прозы, то есть в рамках традиции, берущей начало от А. С. Пушкина.

Источники

1. *Набоков В. В.* Адмиралтейская игла / В. В. Набоков // Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. О. Сконечной, А. Долинина, Г. Утгофа, А. Яновского, Ю. Левинга, М. Маликовой, Р. Тименчика. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. — Т. 3. — С. 620—628. — ISBN 5-89091-051-5.

2. *Набоков В. В.* Весна в Фиальте / В. В. Набоков // Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. — Санкт-Петербург : “Симпозиум”, 2002. — Т. 4. — С. 562—581. — ISBN 5-89091-051-5.

3. *Набоков В. В.* Дар / В. В. Набоков // Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2002. — Т. 4. — С. 188—544. — ISBN 5-89091-051-5.

4. *Набоков В. В.* «Как-то раз в Алеппо...» / В. В. Набоков // Американский период. Собрание сочинений в 5 томах / Пер. с англ. / Сост. С. Ильина, А. Кононова. Комментарии А. Люксембурга, С. Ильина. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. — Т. 3. — С. 206—217. — ISBN 5-89091-051-5.

5. *Набоков В. В.* Письмо в Россию / В. В. Набоков // Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. М. Маликовой. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. — Т. 1. — С. 159—162. — ISBN 5-89091-051-5.

Литература

1. *Аверин Б. В.* Гений тотального воспоминания. О прозе Набокова / Б. В. Аверин // Владимир Набоков. К 100-летию со дня рождения. — Санкт-Петербург : Звезда, 1999. — № 4. — С. 158—163.

2. *Бло Ж.* Набоков / Ж. Бло ; пер. с фр. В. и Е. Мельниковых. — Санкт-Петербург : Набоковский фонд, Русско-балтийский информационный центр «Блиц», 2000. — 240 с. — ISBN 5-86789-122-4.

3. *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград : Художественная литература, 1976. — 448 с.

4. *Гордиенко А. М.* Особенности эпистолярных рассказов В. В. Набокова [Электронный ресурс] / А. М. Гордиенко // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов—2009». Секций «Филология». Подсекция «Русская литература XX — XXI веков». — Режим доступа : https://conf.mph.ru/archive/Lomonosov_2009/xxcentury/gordienko.pdf (дата обращения 11.08. 2022).

5. *Долинин А. А.* Истинная жизнь писателя Сирина : Работы о Набокове / А. А. Долинин. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 400 с. — ISBN 5-7331-0283-7.

6. *Ерофеев В. В.* Русский метароман В. Набокова, или В поисках потерянного рая / В. В. Ерофеев // Вопросы литературы. — 1988. — № 10. — С. 125—160.

7. *Жаккар Ж.-Ф.* Литература напоказ : от модернизма к классикам / Ж.-Ф. Жаккар // Литература как таковая. От Набокова к Пушкину : Избранные работы о русской словесности. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — С. 11—36. — ISBN 978-5-86793-925-0.

8. *Жаккар Ж.-Ф.* Буквы на снегу, или встреча двух означаемых в глухом лесу (“Отчаяние” В. Набокова) / Ж.-Ф. Жаккар // Литература как таковая. От Набокова к Пушкину : Избранные работы о русской словесности. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — С. 58—88.

9. *Кузнецов П. В.* Утопия одиночества. Владимир Набоков и метафизика / П. В. Кузнецов // Новый мир. — 1992. — № 10. — С. 243—250.

10. *Леденев А. В.* Поэтика и стилистика В. В. Набокова в контексте художественных исканий конца XIX — первой половины XX века : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / А. В. Леденев. — Москва, 2005. — 42 с.

11. *Липовецкий М.* Эпилог русского модернизма. Художественная философия творчества в «Даре» Набокова / М. Липовецкий // В. В. Набоков : Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. — Санкт-Петербург : Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. — С. 638—661.

12. *Словарь терминов французского структурализма* // Структурализм : «За» и «Против». Сб. статей / Пер. с англ., франц., нем., чешского, польского и болгарского языков. Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. — Москва : Прогресс, 1975. — С. 452.

13. *Тодоров Ц.* Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров ; пер. с франц. Б. Нарумова. — Москва : Дом интеллектуальной книги, 1999. — 144 с. — ISBN 5-7333-0435-9.

14. *Шекспир У.* Отелло / У. Шекспир // Отелло. Макбет. Трагедии. Уильям Шекспир / Пер. с англ. Бориса Пастернака, Владимира Гандельсмана, сопроводит. статьи Александра Блока, Владимира Гандельсмана. — Москва : Время, 2018. — 304 с. — ISBN 978-5-00112-024-7.

15. *Эспозито К.* Современный нигилизм. Хроника / К. Эспозито ; пер. с итал. Я. А. Богдановой. — Москва : РИПОЛ классик, 2022. — 240 с. — ISBN 978-5-386-14847-8.

16. *Altman J. G.* Epistolarity. Approaches to a Form / J. G. Altman. — Columbus, Ohio : Ohio State University Press, 1982. — 252 p.

17. *Barabtarlo G.* “English Short Stories,” in The Garland Companion to Vladimir Nabokov / G. Barabtarlo. — New York : Garland, 1995. — Pp. 106—107.

18. *Barton Johnson D.* Worlds in Regression : Some Novels of Vladimir Nabokov / D. Barton Johnson. — Ann Arbor : Ardis, 1985. — 233 p.

19. *Booth W. C.* The Rhetoric of Fiction. Second Edition / W. C. Booth. — Chicago and London : The University of Chicago Press, 1983. — 552 p.

20. *Johnson R.* Nabokov tutorials, 50 studies of The Collected Stories [Electronic resource] / R. Johnson. — 2001. — Access mode : <http://www.mantex.co.uk/ou/a319/nab-000.htm> (accessed 21.05.2022).

21. *Maddox L.* Nabokov’s Novels in English / L. Maddox. — Amsterdam : University of Georgia Press, 1983. — Pp. 6—7.

22. *Murphey T.* Defining the reliable narrator : The marked status of first-person fiction / T. Murphey // Journal of Literary Semantics. — 2012. — January. — № 41. — DOI: 10.1515/jls-2012-0004.

23. *Riggan W.* Pícaros, Madmen, Naïfs, and Clowns : The Unreliable First-person Narrator / W. Riggan. — Oklahoma : Univ. of Oklahoma Press : Norman, 1982. — 206 p. — ISBN 978-0806117140.

24. *Schuman S.* Nabokov’s Shakespeare / S. Schuman. — New York : Bloomsbury, 2014. — 204 p. — ISBN 9781628924268.

25. *Strandberg V.* Nabokov and “The Prism of Art”. Torpid Smoke : The Stories of Vladimir Nabokov / Ed. Kellman, Steven G. and Malin, Irving (ed.) / V. Strandberg. — Amsterdam, Netherlands : Rodopi, 2000. — Pp. 189—202.

26. *Quinn B.* “Virtual Reality in Nabokov’s” “That in Aleppo Once...”. / B. Quinn // Kyushu University Institutional Repository. Language and Cultural Research. — 2002. — № 15. — February. — Pp. 79—89. — DOI: 10.15017/5430.

Material resources

Nabokov, V. V. (2002). Dar. In: *Russian period. Collected works in 5 volumes, 4*. St. Petersburg: Symposium. 188—544. ISBN 5-89091-051-5. (In Russ.).

- Nabokov, V. V. (2002). Spring in Fiatl. In: *Russian period. Collected works in 5 volumes, 4. St. Petersburg: Symposium*. 562—581. ISBN 5-89091-051-5. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2004). Letter to Russia. In: *Russian period. Collected works in 5 volumes, 1. St. Petersburg: Symposium*. 159—162. ISBN 5-89091-051-5. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2004). “Once in Aleppo ...”. In: *American period. Collected works in 5 volumes, 3. St. Petersburg: Symposium*. 206—217. ISBN 5-89091-051-5. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2006). Admiralteiskaya igla. In: *Russian period. Collected works in 5 volumes, 3. St. Petersburg: Symposium*. 620—628. ISBN 5-89091-051-5. (In Russ.).

References

- Altman, J. G. (1982). Epistolarity. In: *Approaches to a Form*. Columbus, Ohio: Ohio State University Press. 252 p.
- Averin, B. V. (1999). The genius of total recollection. About Nabokov’s prose. In: *Vladimir Nabokov. To the 100th anniversary of his birth, 4. St. Petersburg: Zvezda*. 158—163. (In Russ.).
- Barabtarlo, G. (1995). “English Short Stories,” in *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York: Garland. 106—107.
- Barton Johnson, D. (1985). *Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov*. Ann Arbor: Ardis. 233 p.
- Blo, Zh. (2000). *Nabokov*. St. Petersburg: Nabokov Foundation, Russian-Baltic Information Center “Blitz”. 240 p. ISBN 5-86789-122-4. (In Russ.).
- Booth, W. C. (1983). *The Rhetoric of Fiction. Second Edition*. Chicago and London: The University of Chicago Press. 552 p.
- Dictionary of terms of French structuralism. (1975). In: *Structuralism: “For” and “Against”. Collection of articles*. Moscow: “Progress”. P. 452. (In Russ.).
- Dolinin, A. A. (2004). *The True Life of the writer Sirin: Works on Nabokov*. Saint Petersburg: Academic Project. 400 p. ISBN 5-7331-0283-7. (In Russ.).
- Esposito, K. (2022). Modern nihilism. In: *Chronicle*. Moscow: RIPOLL Classic. 240 p. ISBN 978-5-386-14847-8. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. (1976). *About psychological prose*. Leningrad: “Fiction”. 448 p. (In Russ.).
- Gordienko, A. M. Features of V. V. Nabokov’s epistolary stories. In: *Materials of the XVI International Conference of students, postgraduates and young scientists “Lomonosov—2009”. Sections “Philology”. Subsection “Russian literature of the XX — XXI centuries”*. Available at: https://confer.mephi.ru/archive/Lomonosov_2009/xxcentury/gordienko.pdf (accessed 11.08.2022). (In Russ.).
- Johnson, R. (2001). *Nabokov tutorials, 50 studies of The Collected Stories*. Available at: <http://www.mantex.co.uk/ou/a319/nab-000.htm> (accessed 21.05.2022).
- Kuznetsov, P. V. (1992). Utopia of loneliness. Vladimir Nabokov and metaphysics. *Novy Mir*, 10: 243—250. (In Russ.).
- Ledenev, A. V. (2005). *V. V. Nabokov’s poetics and stylistics in the context of artistic searches of the late XIX — first half of the XX century*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 42 p. (In Russ.).
- Lipovetsky, M. (1997). Epilogue of Russian modernism. The artistic philosophy of creativity in the “Gift»»»» Nabokova. In: *V. V. Nabokov: Pro et contra. The personality and creativity of Vladimir Nabokov in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology*. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute. 638—661. (In Russ.).

- Maddox, L. (1983). *Nabokov's Novels in English*. Amsterdam: University of Georgia Press. 6—7.
- Murphey, T. (2012). Defining the reliable narrator: The marked status of first-person fiction. *Journal of Literary Semantics*. January, 41. DOI: 10.1515/jls-2012-0004.
- Quinn, B. (2002). “Virtual Reality in Nabokov’s” “That in Aleppo Once...”. Kyushu University Institutional Repository. *Language and Cultural Research*. February, 15: 79—89. DOI: 10.15017/5430.
- Riggan, W. (1982). *Pícaros, Madmen, Naïfs, and Clowns: The Unreliable First-person Narrator*. Oklahoma: Univ. of Oklahoma Press: Norman. 206 p. ISBN 978-0806117140.
- Schuman, S. (2014). *Nabokov's Shakespeare*. New York: Bloomsbury. 204 p. ISBN 9781628924268.
- Shakespeare, W. (2018). Othello. In: *Othello. Macbeth. Tragedies. William Shakespeare*. Moscow: Vremya. 304 p. ISBN 978-5-00112-024-7. (In Russ.).
- Strandberg, V. (2000). *Nabokov and “The Prism of Art”*. *Torpid Smoke: The Stories of Vladimir Nabokov*. Amsterdam, Netherlands: Rodopi. 189—202.
- Todorov, Ts. (1999). *Introduction to Fantastic Literature*. Moscow: House of Intellectual Books. 144 p. ISBN 5-7333-0435-9. (In Russ.).
- Yerofeyev, V. V. (1988). Russian metaroman V. Nabokov, or In search of a lost paradise. *Questions of literature*, 10: 125—160. (In Russ.).
- Zhakkar, Zh.-F. Literature for show: from modernism to the classics. In: *Literature as such. From Nabokov to Pushkin: Selected Works on Russian Literature*. Moscow: New Literary Review. 11—36. ISBN 978-5-86793-925-0. (In Russ.).
- Zhakkar, J.-F. (2011). Letters in the snow, or the meeting of two signified in the deep forest (“Despair” V. Nabokov). In: *Literature as such. From Nabokov to Pushkin: Selected Works on Russian Literature*. Moscow: New Literary Review. 58—88. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.10.2022,
одобрена после рецензирования 02.11.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

Лалетина О. С. «Консервативный» стих В. В. Набокова : специфика построения стиховой вертикали / О. С. Лалетина, Е. В. Хворостьянова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 196—211. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-196-211.

Laletina, O. S., Khvorostjanova, E. V. (2022). "Conservative" Verse by V. V. Nabokov: Specifics of Constructing Verse Vertical. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 196-211. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-196-211. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-196-211

**«Консервативный» стих
В. В. Набокова:
специфика построения
стиховой вертикали**

Лалетина Ольга Сергеевна
orcid.org/0000-0001-7482-4502
кандидат филологических наук,
кафедра истории русской литературы
olalet@mail.ru

Хворостьянова Елена Викторовна
orcid.org/0000-0001-8277-5085
доктор филологических наук,
профессор
кафедра истории русской литературы
ekhvorost@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского
государственного университета
проект № 92565342

**“Conservative” Verse
by V. V. Nabokov:
Specifics of Constructing
Verse Vertical**

Olga S. Laletina
orcid.org/0000-0001-7482-4502
PhD in Philology,
Department of History of Russian
Literature
olalet@mail.ru

Elena V. Khvorostjanova
orcid.org/0000-0001-8277-5085
Doctor of Philology, Professor,
Department of History of Russian
Literature
ekhvorost@mail.ru

Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out
with the financial support
of St. Petersburg State University
project № 92565342

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема экспериментаторства В. В. Набокова-стихотворца. Новизна и актуальность исследования обусловлены тем, что творчество поэта, взятое в максимально полном на сегодняшний день объеме (578 произведений, 18 470 строк), выступает материалом не традиционного поуровневого стиховедческого описания, а корреляционного анализа, учитывающего параметры формирования стиховой вертикали (стихотворный размер, строфическое строение, клаузула, рифма). Предложенный метод позволил пересмотреть утвердившееся представление о консервативности Набокова-стихотворца и выявить специфические для него стратегии построения стиховой вертикали. Доказано, что Набокова нельзя назвать поэтом, возрождавшим метрические предпочтения пушкинского времени: пропорции двусложников, разнообразие неклассических размеров свидетельствуют о его близости авторам первой половины XX века. Установлено, что специфика экспериментов Набокова определяется использованием принципов организации вертикали стиха, состоящих в нарушении ритмической инерции за счет разнообразных перебоев ритма — смены стихотворного размера, порядка чередования клаузул, рифм. Выявление этих принципов позволило сформулировать гипотезу об общности построения стихотворного нарратива Набокова с прозаическим нарративом, в котором нарушение установленной конвенции, по общему мнению литературоведов, является одной из главных черт.

Ключевые слова:

В. В. Набоков; русский стих XX века; квантитативные методы стиховедения; метрический репертуар; строфика; каталектика; рифма.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the problem of experimenting by V. V. Nabokov the poet. The novelty and relevance of the study are due to the fact that the poet's work, taken in the most complete volume to date (578 works, 18470 lines), is not the material of a traditional level-by-level poetic description, but a correlation analysis that takes into account the parameters of the formation of the verse vertical (poetic meter, strophic structure, clause, rhyme). The proposed method made it possible to reconsider the established idea of the conservatism of Nabokov the poet and to identify specific strategies for constructing a poetic vertical. It is proved that Nabokov cannot be called a poet who revived the metrical preferences of Pushkin's time: the proportions of two-syllables, the variety of non-classical meters testify to his closeness to the authors of the first half of the 20th century. It has been established that the specificity of Nabokov's experiments is determined by the use of the principles of organization of the verse vertical, which consists in the violation of rhythmic inertia due to various interruptions in rhythm — a change in poetic meter, the order of alternation of clauses, rhymes. The identification of these principles made it possible to formulate a hypothesis about the commonality of the construction of Nabokov's poetic narrative with the prose narrative, in which the violation of the established convention, according to the general opinion of literary critics, is one of the main features.

Key words:

V. V. Nabokov; Russian verse of the XX century; quantitative methods of versification; metrical repertoire; strophic; catalectics; rhyme.

«Консервативный» стих В. В. Набокова: специфика построения стиховой вертикали

© Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В., 2022

1. Введение = Introduction

Еще при жизни Набоков-прозаик обрел репутацию «художника формы», «писательского приема», автора, в творчестве которого «формальная сторона <...> отличается исключительным разнообразием, сложностью, блеском и новизной» [Ходасевич, 1997, с. 247]. Не будет преувеличением сказать, что интерес к поэтике прозы Набокова не только остается устойчивым, но даже возрастает, в то время как за Набоковым-поэтом сохраняется неизменная репутация «литературного консерватора» [Смит, 2002, с. 101]. Полемизируя с распространенным мнением о «вторичности и малопродуктивности» поэтического наследия автора, О. И. Федотов утверждает, что «поэзия и проза в творчестве Набокова <...> скорее — сообщающиеся сосуды, в которых свободно перемещается общая словесно-речевая субстанция» [Федотов, 2010, с. 99]. В то же время органическую связь поэзии и прозы Федотов усматривает преимущественно в наличии так называемых сводных форм («Бледное пламя», «Адмиралтейская игла» и др.), автотематических текстов («Размеры», «Неправильные ямбы», цикл «Три шахматных сонета» и др.), а также в многочисленных рассуждениях автора о стихосложении в статьях, дневниках, автобиографии, переписке, комментариях к «Евгению Онегину», наконец, в стихотворениях и развернутых высказываниях героя романа «Дар» Годунова-Чердынцева [Федотов, 2010].

Характерно, что если «ключи» к поэтике прозы Набокова критики, а затем и исследователи начали искать еще при жизни автора, то сам факт «немногочисленности работ о его стихах» [Маликова, 2002, с. 5], преимущественное внимание специалистов к топике стиха, но не его просодической структуре создали иллюзию парадоксального сочетания в одном лице революционера, первооткрывателя Набокова-прозаика и традиционалиста, консерватора Набокова-поэта. Отчасти укрепили эту иллюзию и стиховедческие работы [Смит, 2002; Федотов, 2010], где, на первый взгляд, вполне убедительно, с использованием современных квантитативных методов исследования продемонстрировано абсолютное преобладание в метрическом репертуаре автора классических стихотворных размеров и, в первую очередь, 4-стопного ямба, засилье которого характеризует Золотой век русской поэзии, в отличие от века Серебряного, когда, по словам М. Л. Гаспарова, «среди ямбов продол-

жается наступление 5-стопника», в лирике он становится «таким же универсальным размером, как 4-ст. ямб» [Гаспаров, 2000, с. 216].

Усомниться в консерватизме системы стиха Набокова, его едва ли не стилизаторской установке на традиции первой половины XIX века заставляет несколько обстоятельств. Среди них — многочисленные откровенные мистификации (Вас. Шишков и др.), автокомментарии, носящие явно мистификаторский характер, так называемые «признания» Набокова в письмах, статьях и интервью, увлечение в начале творческого пути ритмической теорией А. Белого, наконец, тот факт, что, подобно своему старшему современнику И. А. Бунину, эмигранту, столь же безнадежно тоскующему по оставленной России, Набоков долгое время считал себя именно поэтом, пока не обрел настоящую славу прозаика. Любопытно, что А. Битов усматривает именно в отношении к поэзии Бунина скрытую набоковскую оценку собственной поэзии: «“Набоковисты”, как правило, полагают стихи его слабее прозы. Это слишком просто — важно понять, зачем и почему, будучи столь неоспоримым мастером в прозе, он не переставал их писать, пусть и более слабые. Предпочтя стихи Бунина его прозе, не защищал ли Набоков свои собственные стихи от своей собственной прозы?» [Битов, 2007, с. 321].

Несмотря на то, что до настоящего времени далеко не все стихотворное наследие Набокова доступно для исследования, учет всех текстов, опубликованных после смерти автора, на треть превышающих материалы, с которыми работали Дж. Смит и О. И. Федотов (см: [Лалетина, 2022а, с. 302—303]), позволяет пересмотреть сложившуюся концепцию, выявить специфические для Набокова стратегии построения стиховой вертикали.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящей статье представлены результаты фронтального описания метрики Набокова (578 произведений, 18 470 строк) с учетом параметров, формирующих стиховую вертикаль (стихотворный размер, строфическое строение, клаузула, рифма). Поставленная задача требует — на наш взгляд — использования не традиционного для стиховедения «поуровневого» анализа метрики, строфики, рифмы, каталектики, а анализа корреляционного, поскольку в стихотворном тексте установка на эквивалентность стиховых отрезков может быть реализована разными способами. Так, в одних случаях сопоставимость и соизмеримость стиховых рядов формируется на основе стихотворного размера (равностопного или равноиктного), в других — благодаря использованию рифмы (например, в раёшном стихе), в третьих — благодаря правильному чередованию разного рода окончаний (в белом стихе) и т. д. Ритмическая инерция, как известно, является одним из главных регуляторов восприятия. По словам В. Е. Холшевникова, при чте-

нии стиха «наш слух очень быстро схватывает ритм. Мы подсознательно ожидаем повторения уже узнанного ритмического движения: за четырех-стопным ямбом — четырехстопного же; если два стиха неравны — повторения такой же пары; созвучия *А — б — А* вызывают ожидание замыкания звукоряда — рифмы *б*; вслед за первым перекрестным четверостишием мы ожидаем следующего такого же — и так далее. <...> Каждый повтор создает эффект удовлетворенного ожидания (курсив автора), существенного для восприятия эстетической структуры стиха» [Холшевников, 1991, с. 211].

Статистическое описание метрики, строфики, рифмы, каталектики Набокова позволяет усмотреть некоторое сходство в логике построения прозаического и стихотворного нарратива.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Метрический репертуар Набокова

Метрический репертуар поэта составляют 47 самостоятельных размеров (27 классических и 20 неклассических). Существенным здесь представляется не только метрическое богатство, сопоставимое лишь с разнообразием форм стиха Серебряного века, но никак ни пушкинской эпохи, когда метрический репертуар поэтов включал менее трех десятков размеров: 11 — у К. Н. Батюшкова [Матяш, 1979б, с. 111—112], 12 — у А. Х. Востокова [Лотман, 1979а, с. 137—138], 16 — у Е. А. Баратынского [Шахвердов, 1979, с. 318—319], 27 — у В. А. Жуковского [Матяш, 1979а, с. 92—94], по 29 — у А. С. Пушкина [Лотман, 1979б, с. 232—236] и А. А. Дельвига [Сенчина, 1979, с. 271—274]. Сам факт соотношения долей использованных поэтом классических и неклассических размеров ставит под вопрос «консервативность» метрики; кроме того, разнообразие неклассических размеров — от гекзаметра, элегического дистиха, логоздов до разноиктного и вольного дольников и даже вольного акцентного стиха — отчетливо маркирует метрический репертуар Набокова как явление XX века.

Как уже отмечалось, одним из аргументов утверждения, что поэт оставался «верен традициям классического стиха XIX века» [Федотов, 2010, с. 112], является преобладание классических размеров, а также ярко выраженное предпочтение 4-стопного ямба 5-стопному. Для верификации этого тезиса обратимся к статистике наиболее популярных размеров Набокова. Ввиду громоздкости таблицы мы сочли возможным несколько сократить ее, включив для сравнения данные М. Л. Гаспарова по двум периодам развития русского стиха [Гаспаров, 2000, с. 316] (абсолютные цифры для удобства сравнения переведены в проценты; сокращения названий стиховых форм здесь и далее в статье делаются в соответствии с принципами, изложенными в инструкции к составлению метрико-строфических справочников по произведениям русских поэтов XVIII—XX веков [Тверьянович, 2008]) (табл. 1):

Таблица 1

Метрический репертуар русской поэзии конца XIX — XX веков

Метры и размеры	Произведения (%)		
	1890—1935 годы	1936—1957 годы	Набоков
4-стопный хорей	8,2	7,3	2,60
5-стопный хорей	6,1	10,3	2,77
Прочие хорей	7,0	5,4	2,07
Всего хореев	21,3	23,0	7,44
4-стопный ямб	19,4	15,4	26,12
5-стопный ямб	10,1	16,9	16,78
6-стопный ямб	3,8	0,6	12,80
Разностопный ямб	3,8	4,6	8,30
Прочие ямбы	7,4	5,2	1,39
Всего ямбов	44,5	42,7	65,40
Всего 2-сложников	65,8	65,7	72,84
Всего дактилей	3,1	2,0	2,94
4-стопный амфибрахий	1,9	2,6	2,08
Разностопный амфибрахий	1,1	2,1	1,90
Прочие амфибрахии	2,5	5,3	2,07
Всего амфибрахий	5,5	10,0	6,06
3-стопный анапест	3,1	4,5	3,81
Разностопный анапест	1,1	1,0	1,90
Прочие анапесты	2,1	4,3	1,21
Всего анапестов	6,3	9,8	6,92
Всего 3-сложников	14,8	21,7	15,92
Всего классических	80,7	87,3	88,75
Всего 2- и 3-сложников с переменной анакрузой	0,7	0,8	1,55
Гекзаметр	0,3		0,87
Элегический дистих и логоэды	0,5	0,6	2,25
Всего дольников	12,0	10,3	2,77
Всего тактовиков	1,7	0,3	0,35
Всего акцентного стиха	3,6	0,3	0,35
Всего неклассических	19,3	12,3	8,13
Прочие (микрополиметрия)			0,17
Всего монометрических композиций	100	100	97,06
Всего полиметрических композиций			1,04
Всего сводных форм			1,90
ВСЕГО	100	100	100

Как видим, доля классических размеров у Набокова, действительно, высока, хотя приближается к «норме» 1936—1957 годов, но вот доля ямбических произведений более чем в полтора раза выше среднестатистической по двум периодам. Между тем нам уже приходилось отмечать, что для поэзии первой трети XX века среднестатистические данные, скорее, нивелируют мощный разброс в долях как ямбов, так и всех классических размеров у разных поэтов [Лалетина, 2022б, с. 27—28], снимая вопрос об условной «норме» эпохи, когда столь же высокую долю классических размеров мы находим у А. А. Блока (88,2 %) [Руднев, 1972, с. 261—266], О. Э. Мандельштама (88,2 %) [Захарова, 2014, с. 62], Б. К. Лившица (98,1 %) [Тверьянович, 2008, с. 363—364]; выше набоковской долю ямбов видим у К. К. Вагинова (78,1 %) [Монахова, 2008, с. 434]. Характерно, что ни одного из перечисленных поэтов исследователи не относили к «традиционалистам», ориентированным на систему стиха пушкинской поры.

В статистике по произведениям самым употребительным у Набокова размером, действительно, является 4-стопный ямб, составляющий более четверти всего метрического репертуара (26,12 %); 5-стопник уступает ему почти на 10 % (16,78 %). Однако объемы текстов, написанных тремя ямбическими размерами — 4-стопником, 5-стопником и 6-стопником — резко отличаются. В лирике средний объем 4-стопноямбического текста составляет 28,3 стиха, 5-стопноямбического — 38,4 стиха, 6-стопноямбического — 20,3 стиха. Тем самым, если рассматривать соотношение «сравняющихся» в эту эпоху 4-стопного и 5-стопного ямба, они почти уравновешены, соответственно — 22,51 % и 19,53 %. Подсчеты по всем стихотворным текстам Набокова (включая драмы) демонстрируют еще более разительную картину: общий стиховой объем всех текстов, написанных 5-стопным ямбом, почти на 10 % превышает стиховой объем 4-стопноямбических текстов (34,42 % против 25,40 %). Иными словами, утверждение Дж. Смита о том, что «если считать не по стихотворениям, а по строкам, то доля Я4 у Набокова будет еще выше из-за длинной “Университетской поэмы”» [Смит, 2002, с. 103], решительно опровергается статистикой. Объем «Университетской поэмы» (882 стиха) мог бы дать предполагаемый исследователем результат лишь в том случае, если бы средний стиховой объем 4-стопноямбических и 5-стопноямбических текстов не отличался столь разительно.

Специфической особенностью, характеризующей метрический репертуар Набокова, является резкое выдвижение еще двух ямбических размеров: 6-стопного и разностопного ямбов, на которые приходится 1/5 всех произведений (21,10 %), в то время как эти размеры в первой половине XX века в общей сложности не превышают 7,6 % для 1890—1935 годов,

5,2 % для 1936—1957 годов. Высокая частотность двусложников по существу «компенсирует» низкую долю хореов и меньшую долю неклассических размеров, чем в целом по эпохе.

Таблица 1 демонстрирует еще одну важную особенность метрического репертуара Набокова: низкий процент хореических текстов, составляющих лишь треть той доли, которая приходится на хореи в эту эпоху. Однако и здесь обнаруживается тенденция, характерная именно для начала XX века, а не для пушкинской поры. Описывая основные тенденции эволюции метрического репертуара «времени Блока и Маяковского», М. Л. Гаспаров отмечает: «Среди хореов тоже продолжается наступление лирического 5-стопника: <...> он все ближе настигает ведущий хореический размер, 4-стопник, их соотношение меняется от 1 : 3,5 к 1 : 1,8» [Гаспаров, 2000, с. 216]. У Набокова мы наблюдаем не просто «приближение» 5-стопника к 4-стопнику, но и опережение последнего как по количеству произведений (2,77 % против 2,60 %), так и по числу стихов, соответственно — 1,73% и 1,21 %. Как и в ямбах, объем 5-стопного хореического текста превышает объем текста, написанного 4-стопным хореом.

Что касается неклассических размеров, то среди них поэт делает достаточно необычный выбор: дольниками, ставшими в это время вполне равноправными с классическими размерами, Набоков пренебрегает (их доля крайне невысока), и, напротив, более свободные тактовик и акцентный стих приближаются у него к «норме» 1936—1957 годов.

Обобщая сказанное, можно заключить, что предпочтения в выборе размеров нельзя назвать обычными на фоне поэтической «нормы» первой половины XX века, однако достаточная доля неклассического стиха, преобладание 5-стопников над 4-стопниками в двусложниках не позволяют атрибутировать этот метрический репертуар как принадлежащий другой поэтической эпохе.

Статистика метров и размеров сама по себе не дает возможность выявить конструктивные особенности стиха Набокова, поэтому обратимся к корреляционному анализу нескольких параметров, формирующих стиховую вертикаль.

3.2. Ритмическая инерция и ее нарушения: переходные метрические формы, нетождественная строфика и другие перебои ритма

Стих Набокова выглядит консервативным лишь на первый взгляд, поскольку на фоне «широчайшего обновления и перестройки всей системы поэтических средств» [Гаспаров, 2000, с. 214] экспериментаторские стратегии автора не совпадают с наиболее выраженными тенденциями эпохи, такими как активное освоение неклассических размеров, распространение сверхдлинных и сверхкоротких размеров, возрастание популярности воль-

ных размеров, расцвет макро- и освоение микрополиметрии, популяризация верлибра и прочее [Там же, с. 214—267].

Систематизируя виды ритмических перебоев в стихе, В. Е. Холшевников отмечал, что «нарушение ритмической инерции любого повторяющегося элемента создает <...> эффект обманутого ожидания (курсив автора)» [Холшевников, 1991, с. 211]. Среди наиболее выразительных форм ритмического перебора он называет изменение порядка рифм, изменение длины стиха, изменение количества стихов в строфе [Холшевников, 1991, с. 212], «неожиданное исчезновение рифмы» [Там же, с. 215], переносы и внутристиховые паузы, изменение ритмических вариаций.

Если ритмические и синтаксические перебои становятся средством выразительности в отдельных набоковских стихотворениях (например, пропуски метрических ударений в раннем стихотворении «Большая Медведица»), то смена метра, порядка чередования рифм и клаузул в совокупности становятся теми способами «расшатывания» стиховой вертикали, которые отчетливо характеризуют поэтический идиостиль Набокова.

Наиболее распространенным видом перебора является нарушение ритмического ожидания на уровне системы рифмовки. Особенно очевидны эти перебои на примере нетождественных строф, составляющих 11,85 % всего репертуара произведений и звеньев (о разнообразии нетождественной строфики Набокова см.: [Лалетина, 2022a]). Так, уже в раннем стихотворении «Прогулка с J.-J. Rousseau» (1917) первые две строфы формируют отчетливую ритмическую инерцию чередования тождественных четверостиший охватной рифмовки с аналогичным чередованием клаузул (aBBa), а заключительная строфа резко нарушает эту инерцию сменой клаузул (AbbA):

*Сад Le Nôtre'a. В лазурных прудах —
отраженья дельфинов и статуй:
он идет по аллее стрельчатой
с маргариткой и книгой в руках;*

*и, мечтая о новом «Emile»,
он любит стройностью сада.
Средь притворств витьеватых — отрада —
этот строгий, размерный стиль.*

*У фонтана — прямые партеры.
Чуть насмешливо смотрит Rousseau,
как жеманно играют в серсеаи
две маркизы и два кавалера [Набоков, 2002, с. 230].*

Еще более показательны примеры стихотворений сквозной рифмовки, где с каждой строфой происходит смена первоначально заданной структуры. В частности, в относительно коротком стихотворении «И в Божий рай пришедшие с земли...» (15 строк) трижды происходит нарушение установленной конвенции, благодаря чему формируется эффект обманутого ожидания (aa BcBcDeDe DfB fB):

*И в Божий рай пришедшие с земли
устали, в тихом доме прилегли...*

*Летают на качелях серафимы
под яблонями белыми. Скрипят
веревки золотые, Серафимы
кричат взволнованно...*

*А в доме спят, —
В большом, совсем обыкновенном доме,
где Бог живет, где солнечная лень
лежит на всем; и пахнет в этом доме,
как, знаешь ли, на даче — в первый день.*

*Потом проснутся; в радостной истоме
посмотрят друг на друга; в сад пройдут —
давным-давно знакомый и любимый...*

*О, как воздушно яблони цветут!..
О, как кричат, качаясь, серафимы! [Набоков, 2002, с. 264—265].*

Нарушение ритмической инерции характерно и для белого стиха. Нужно отметить, что в русской поэзии последовательно проявляет себя закон ритмической компенсации, состоящий в том, что ослабление одного ритмического уровня, как правило, сопровождается укреплением другого. Так, сложные строфы обычно тяготеют к использованию простых, наиболее привычных размеров, и напротив, расшатанный чисто тонический стих чаще всего использует наиболее привычную для русского стиха перекрестную рифмовку с чередованием женских и мужских окончаний (AbAb). Как известно, классический стих XIX века разные виды двусложников (хорей, ямб) и трехсложников (дактиль, амфибрахий, анапест) не смешивает; появление 2-сложников и 3-сложников с переменной анакрузой — характерная черта начала XX века. Очевидно, что такая новая форма, ослабляющая на-

чало стиха, требует либо укрепления рифмой, либо — при использовании белого стиха — отчетливо заданного чередования окончаний, поддерживающих стиховую вертикаль. Вопреки этому в набоковском стихотворении «Овцы» (перевод из Шимуса о'Салливэна), написанном 3-сложником с переменной анакрузой, чередование окончаний не только не упорядочено, но наряду с женскими и мужскими дважды встречаются дактилические окончания:

*Тихо проходит
в сумерках серых
по мокрой дороге
стадо овец.
Пробираются тихо
они в полумраке
по мокрой дороге,
что вьется чрез город.
Тихо проходят,
блистая, белея,
и вот уж скрываются
в сумерках серых.
Так прошлые дни
всплывают на миг,
блистают на миг
и снова бледнеют;
те белые дни,
когда мы с тобой
в час вечерней брели
там, где овцы паслись;
когда мы с тобою
шли поступью медленной
в сумерках серых,
где овцы паслись...
Белеют они
и чрез миг исчезают
в горестной дымке
заплаканных лет:
блистают на миг
и, туманясь, уходят
в серую тень
разлучающих лет [Там же, с. 367].*

«Неожиданное исчезновение рифмы», отмеченное Холшевниковым как сильный ритмический перебой, также является довольно частым явлением в лирике Набокова, причем холостой стих, не получающий созвучной пары, появляется как в строфическом (например: «Весна» («Взволнован мир весенним дуновеньем...»), «Был крупный дождь. Лазурь и шире, и живей...»), так и в вольнорифмованном стихе («О правителях», «Ночь» («Уж догорел лучистый край...»), «Пегас» («Взмахнул Пегас могучей гривой...») и др.).

Но самым показательным, на наш взгляд, является нарушение ритмической инерции на уровне стихотворного размера, которое позволяет квалифицировать размер как переходную метрическую форму (ПМФ). Вкрапления инометрических стихов в текстах Набокова на редкость разнообразны. Например, в стихотворении «Озеро» («Взгляни на озеро: ни солнце, ни звезда...») в контексте 6-стопного ямба появляются два стиха 3-стопного ямба (ПМФ от 6-стопного ямба к вольному ямбу 3—6); или в стихотворении «Расстрел» («Небритый, смеющийся, бледный...») в контексте трехстопного 3-сложника с переменной анакрузой появляется один дольникостих (ПМФ от 3-сл.п.а.3 к Дк3). В общем корпусе монометрических композиций у Набокова 9,3 % приходится на ПМФ (подробнее об этом см.: [Лалетина, 20226]). В одном ряду с переходными метрическими формами оказываются полиметрические композиции, микрополиметрия, а также сводные формы, поскольку в последних происходит смена дискурсов (с прозаического на стихотворный и наоборот), что также является не чем иным, как нарушением установленной конвенции.

По нашим подсчетам, тексты, нарушающие ритмическую инерцию, составляют 41,3 % всех стихотворных произведений Набокова. Тем самым соотношение текстов, соблюдающих и нарушающих заданную конвенцию (на уровне метра, размера, клаузулы, рифмы, строфы), дает пропорцию 1,5 : 1.

4. Заключение = Conclusions

Едва ли не главной из отличительных черт поэтики прозы Набокова еще Ю. И. Айхенвальд назвал отсутствие «связок» в повествовании, логических переходов между сюжетными положениями текста, мотивировки в самой динамике повествования, обилие лакун между соположенными фрагментами: «...сказанное перемежается здесь прекрасной недосказанностью. Будто пропущены в словесной цепи отдельные звенья <...> Незаметно меняются декорации, одна сцена переходит в другую, сняты мостики между ними <...> наплывает одна картина, и ей непринужденно уступает место другая, и вдруг появляется герой там, где его не ждали, и не появля-

ется там, где его ждали...» [Айхенвальд, 2000, с. 37]. Неожиданные повороты сюжета, отмеченные позднее исследователями смешения «я» автора, «я» героя и «я» повествователя, также нарушающие сформированную конвенцию, необычная для прозаической наррации игра созвучиями («...Картина ли кисти крутого колориста», «...От него пахло мужиком, табаком, чесноком»), повествование о «невозможном» «как о <...> житейских мелочах» [Бицилли, 1997, с. 251—252] — все эти особенности прозы Набокова, по существу, аналогичны нарушениям ритмической инерции в стихе.

Чисто формальный квантитативный анализ структуры стиха Набокова, учитывающий соотношение нескольких стиховых параметров, позволяет выдвинуть вполне аргументированную гипотезу о том, что прозаическая и стиховая наррация автора основаны на общих принципах «разрыва» *формальных* связей между тезисами, смены заданной конвенции, реализующих эффект обманутого ожидания, хотя и разными способами в развертывании прозаической и стиховой наррации.

Источники

1. Набоков В. В. Стихотворения / В. В. Набоков. — Санкт-Петербург : Новая библиотека поэта, 2002. — 674 с. — ISBN 5-7331-0160-1.
2. Набоков В. В. Стихотворения / В. В. Набоков. — Анн Арбор : Ардис, 1979. — 338 с. — ISBN 0-88233-292-9.

Литература

1. Айхенвальд Ю. Рец. : «Король, дама, валет». Берлин : Слово, 1928 / Ю. Айхенвальд // Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве Владимира Набокова : Критические отзывы, эссе, пародии. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — С. 36—42. — ISBN 5-86793-089-0.
2. Битов А. Ясность бессмертия / А. Битов // Пятое измерение : На границе времени и пространства. — Изд. 2-е, доп. — Владивосток : Рубеж, 2007. — С. 303—323. — ISBN 978-5-85538-022-4.
3. Бицилли П. Рец. : В. Сирин. «Приглашение на казнь». — Его же. «Соглядатай». Париж, 1938 / П. Бицилли // В. В. Набоков : pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — С. 251—254. — ISBN 5-88812-058-8.
4. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. Л. Гаспаров. — Москва : Фортуна Лимитед, 2000. — 352 с. — ISBN 5-85695-020-8.
5. Захарова В. М. Система стиха русского акмеизма : выпускная квалификационная работа ... магистра филологии / В. М. Захарова. — Санкт-Петербург, 2014. — 83 с.
6. Лалетина О. С. Нетождественная строфика В. В. Набокова в контексте русского стиха XIX—XX веков / О. С. Лалетина, Е. В. Хворостьянова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 300—317. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-300-317.
7. Лалетина О. С. Переходные метрические формы В. В. Набокова в контексте русского стиха XX века / О. С. Лалетина, Е. В. Хворостьянова // Мировые научные исследования : пути совершенствования, разработки и практические внедрения : Материалы

XVI Международной научно-практической конференции (31 января 2022 г.) : В 2 ч. — Ростов-на-Дону : Издательство Южного университета ИУБиП, 2022. — Ч. 2. — С. 27—31. — ISBN 978-5-6047577-6-5.

8. *Лотман М. Ю.* Метрика и строфика А. Х. Востокова / М. Ю. Лотман // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов / отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1979. — С. 115—144.

9. *Лотман М. Ю.* Метрика и строфика А. С. Пушкина / М. Ю. Лотман, С. А. Шахвердов // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов / отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1979. — С. 145—257.

10. *Маликова М.* Забытый поэт / М. Маликова // Набоков В. В. Стихотворения. — Санкт-Петербург : Новая библиотека поэта, 2002. — С. 5—52. — ISBN 5-7331-0160-1.

11. *Матяш С. А.* Метрика и строфика В. А. Жуковского / С. А. Матяш // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов / отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1979. — С. 14—96.

12. *Матяш С. А.* Метрика и строфика К. Н. Батюшкова / С. А. Матяш // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов / отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1979. — С. 97—114.

13. *Монахова Г. Р.* Метрика и строфика К. К. Вагинова / Г. Р. Монахова // Петербургская стихотворная культура : Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов : сборник статей / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 431—466. — ISBN 978-59818-7288-4.

14. *Руднев П. А.* Метрический репертуар А. Блока / П. А. Руднев // Блоковский сборник II : Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока / отв. ред. З. Г. Минц. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1972. — С. 218—267.

15. *Сенчина Л. Т.* Метрика и строфика А. А. Дельвига / Л. Т. Сенчина // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов / отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1979. — С. 258—277.

16. *Смит Дж.* Русский стих Набокова / Дж. Смит // Взгляд извне : Статьи о русской поэзии и поэтике. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — С. 95—115. — ISBN 5-94457-031-8.

17. *Тверьянович К. Ю.* Инструкция к составлению метрико-строфических справочников по произведениям русских поэтов XVIII—XX вв. / К. Ю. Тверьянович, Е. В. Хворостьянова // Петербургская стихотворная культура : Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов : сборник статей / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 11—63. — ISBN 978-59818-7288-4.

18. *Тверьянович К. Ю.* Метрика и строфика Б. К. Лившица / К. Ю. Тверьянович // Петербургская стихотворная культура : Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов : сборник статей / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 361—430. — ISBN 978-59818-7288-4.

19. *Федотов О. И.* Между Моцартом и Сальери (о поэтическом даре Набокова) / О. И. Федотов. — Москва : ФЛИНТА, 2015. — 398 с. — ISBN 978-5-9765-1990-9.

20. *Федотов О. И.* Поэзия Владимира Набокова-Сирина / О. И. Федотов. — Ставрополь : [б. и.], 2010. — 271 с.

21. *Ходасевич Вл.* О Сирине / Вл. Ходасевич // В. В. Набоков : pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — С. 244—250. — ISBN 5-88812-058-8.

22. Холшевников В. Е. Перебои ритма как средство выразительности / В. Е. Холшевников // Стихovedение и поэзия. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1991. — С. 209—224. — ISBN 5-288-00470-6.

23. Шахвердов С. А. Метрика и строфика Е. А. Баратынского / С. А. Шахвердов // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов / отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1979. — С. 278—328.

Material resources

Nabokov, V. V. (1979). *Poems*. Ann Arbor: Ardis. 338 p. ISBN 0-88233-292-9. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (2002). *Poems*. Saint Petersburg: The Poet's New Library. 674 p. ISBN 5-7331-0160-1. (In Russ.).

References

Bicilli, P. (1997). Rec.: V. Sirin. "Invitation to execution." His own. "The spy." Paris, 1938. In: *V. V. Nabokov: pro et contra*. St. Petersburg: RHGI. 251—254. ISBN 5-88812-058-8. (In Russ.).

Bitov, A. (2007). Clarity of immortality. In: *The fifth dimension: On the border of time and space. 2nd edition, supplement*. Vladivostok: Rubezh. 303—323. ISBN 978-5-85538-022-4. (In Russ.).

Eichenwald, Yu. (2000). Rec.: "King, queen, jack". Berlin: Slovo, 1928. In: *Classic without retouching: The literary world about the work of Vladimir Nabokov: Critical reviews, essays, parodies*. Moscow: New Literary Review. 36—42. ISBN 5-86793-089-0. (In Russ.).

Fedotov, O. I. (2010). *The poetry of Vladimir Nabokov-Sirina*. Stavropol: [b. i.]. 271 p. (In Russ.).

Fedotov, O. I. (2015). *Between Mozart and Salieri (about Nabokov's poetic gift)*. Moscow: FLINT. 398 p. ISBN 978-5-9765-1990-9. (In Russ.).

Gasparov, M. L. (2000). *An essay on the history of Russian verse. Metric. Rhythmics. Rhyme. Strofica*. Moscow: Fortuna Limited. 352 p. ISBN 5-85695-020-8. (In Russ.).

Khodasevich, Vl. (1997). About Sirina. In: *V. V. Nabokov: pro et contra*. St. Petersburg: RHGI. 244—250. ISBN 5-88812-058-8. (In Russ.).

Kholshchevnikov, V. E. (1991). Rhythm interruptions as a means of expressiveness. In: *Poetry and Poetry*. Leningrad: Leningrad University Press. 209—224. ISBN 5-288-00470-6. (In Russ.).

Laletina, O. S., Hvorostyanova, E. V. (2022). Transitional metrical forms of V. V. Nabokov in the context of Russian verse of the twentieth century. In: *World scientific research: ways of improvement, development and practical implementation: Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference (January 31, 2022): At 2 o'clock, 2*. Rostov-on-Don: Southern University Press, IUBiP. 27—31. ISBN 978-5-6047577-6-5. (In Russ.).

Laletina, O. S., Khvorostyanova, E. V. (2022). Non-Identical Stanza of V. V. Nabokov in Context of Russian Verse of 19th—20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11 (4): 300—317. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-300-317>. (In Russ.).

Lotman, M. Yu. (1979). Metrica and strofika A. H. Vostokova. In: *Russian versification of the XIX century. Materials on the metrics and stanzas of Russian poets*. Moscow: Nauka. 115—144. (In Russ.).

Lotman, M. Yu., Shakhverdov, S. A. (1979). Metrica and strofika A. S. Pushkin. In: *Russian versification of the XIX century. Materials on the metrics and stanzas of Russian poets*. Moscow: Nauka. 145—257. (In Russ.).

- Malikova, M. (2002). The Forgotten poet. In: *Nabokov V. V. Poems*. Saint Petersburg: The Poet's New Library. 5—52. ISBN 5-7331-0160-1. (In Russ.).
- Matyash, S. A. (1979). Metrica and stanzas of V. A. Zhukovsky. In: *Russian versification of the XIX century. Materials on the metrics and stanzas of Russian poets*. Moscow: Nauka. 14—96. (In Russ.).
- Matyash, S. A. (1979). Metrica and strofika K. N. Batyushkova. In: *Russian versification of the XIX century. Materials on the metrics and stanzas of Russian poets*. Moscow: Nauka. 97—114. (In Russ.).
- Monakhova, G. R. (2008). Metrica and strofika K. K. Vaginov. In: *St. Petersburg poetic culture: Materials on metrics, stanzas and rhythmic of St. Petersburg poets: collection of articles*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 431—466. ISBN 978-59818-7288-4. (In Russ.).
- Rudnev, P. A. (1972). Metrical repertoire of A. Blok. In: *Blok's Collection II: Proceedings of the Second Scientific Conference devoted to the study of the life and work of A. A. Blok*. Tartu: Tartu State University. 218—267. (In Russ.).
- Senchina, L. T. (1979). Metrica and strofika A. A. Delvig. In: *Russian versification of the XIX century. Materials on the metrics and stanzas of Russian poets*. Moscow: Nauka. 258—277. (In Russ.).
- Shakhverdov, S. A. (1979). Metrica and strofika E. A. Baratynsky. In: *Russian versification of the XIX century. Materials on the metrics and stanzas of Russian poets*. Moscow: Nauka. 278—328. (In Russ.).
- Smith, J. (2002). Nabokov's Russian Verse. In: *An outside view: Articles about Russian poetry and poetics*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 95—115. ISBN 5-94457-031-8. (In Russ.).
- Tveryanovich, K. Yu. (2008). Metrica and strofika B. K. Livshitsa. In: *St. Petersburg poetic culture: Materials on metrics, stanzas and rhythmic of St. Petersburg poets: collection of articles*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 361—430. ISBN 978-59818-7288-4. (In Russ.).
- Tveryanovich, K. Yu., Hvorostyanovam, E. V. (2008). Instructions for compiling metrical and strophic reference books on the works of Russian poets of the XVIII—XX centuries. In: *St. Petersburg poetic culture: Materials on metrics, stanzas and rhythmic of St. Petersburg poets: collection of articles*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 11—63. ISBN 978-59818-7288-4. (In Russ.).
- Zakharova, V. M. (2014). *The system of verse of Russian Acmeism: final qualifying work ... Master of Philology*. St. Petersburg. 83 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.10.2022,
одобрена после рецензирования 31.10.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

Нужная Т. В. Идеино-художественное своеобразие французской детской литературы XIX века : Э. д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика» / Т. В. Нужная // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 212—226. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-212-226.

Nuzhnaya, T. V. (2022). Ideological and Artistic Originality of French Children's Literature of 19th Century: E. d'Hervilly "Adventures of a Prehistoric Boy". *Nauchnyi dialog*, 11(9): 212-226. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-212-226. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-212-226

**Идеино-художественное
своеобразие французской
детской литературы
XIX века: Э. д'Эрвильи
«Приключения
доисторического мальчика»**

Нужная Татьяна Владимировна
orcid.org/0000-0002-5662-1311
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков
ta_nu@mail.ru

Российский государственный
гидрометеорологический университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Ideological and Artistic
Originality of French
Children's Literature
of 19th Century: E. d'Hervilly
“Adventures
of a Prehistoric Boy”**

Tatyana V. Nuzhnaya
orcid.org/0000-0002-5662-1311
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
ta_nu@mail.ru

Russian State
Hydrometeorological University
(St. Petersburg, Russia)

© Нужная Т. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается тема становления детской литературы в XIX веке во Франции. Актуальность исследования обусловлена постоянным интересом как исследователей, так и широкого круга читателей к детской литературе как источнику отражения социокультурных особенностей того или иного общества. Анализируется повесть малоизвестного французского писателя-романтика Эрнеста д'Эрвилли «Приключения доисторического мальчика», ранее не становившаяся объектом специального изучения. Раскрываются ярко выраженное идейное своеобразие повести, ее композиционные и художественные особенности. Подчеркивается необычность обращения французского писателя к эпохе позднего палеолита. Автор статьи полагает, что главный персонаж является одним из первых образов первобытного романтического героя. Утверждается, что благодаря повести Эрнеста д'Эрвилли в литературе XIX века появляется тема доисторического прошлого человека, интерес к первобытному обществу и психологии возмужания подростка в определенный период истории. Показано, что на композиционном уровне с учетом авантюрного регистра автор привлекает внимание к малоизвестным страницам истории человечества и благодаря различным средствам словесной выразительности создает реалистическую картину жизни, природы и быта кроманьонцев.

Ключевые слова:

детская французская литература; Эрнест д'Эрвилли; доисторическая эпоха; идейно-художественное своеобразие.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the theme of the formation of children's literature in the 19th century in France. The relevance of the study is due to the constant interest of both researchers and a wide range of readers in children's literature as a source of reflection of the socio-cultural characteristics of a particular society. The story of the little-known French romantic writer Ernest d'Hervilli "The Adventures of a Prehistoric Boy", which has not previously become the object of a special analysis, is examined. The author of the article reveals a pronounced ideological originality of the story, its compositional and artistic features. The unusualness of the reference of the French writer to the late Paleolithic era is emphasized. The author of the article believes that the main character is one of the first examples of a primitive romantic hero. It is argued that thanks to the story of Ernest d'Hervilli in the literature of the 19th century, the theme of the prehistoric past of human, interest in primitive society and the psychology of the maturation of a teenager in a certain period of history appears. It is shown that at the compositional level, taking into account the adventurous register, the author draws attention to the little-known pages of the history of mankind and, thanks to various means of verbal expression, creates a realistic picture of the life, nature and life of the Cro-Magnons.

Key words:

Children's French literature; Ernest d'Hervilli; prehistoric era; ideological and artistic originality.

Идейно-художественное своеобразие французской детской литературы XIX века: Э. д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика»

© Нужная Т. В., 2022

1. Введение = Introduction

Детская литература как отдельное направление появляется гораздо позже других видов литературы, но также активно отражает состояние современного ей общества и реалии окружающей действительности. История развития, содержание и форма литературы для детей — это вопросы, не теряющие своей актуальности для литературоведения, поэтому к исследованию феномена детской литературы обращались многие ученые: И. Н. Арзамасцева [Арзамасцева, 2005], И. Г. Минералова [Минералова, 2002], Т. В. Краснова [Краснова, 1993], Т. Н. Леонова [Леонова, 1982], С. М. Лойтер [Лойтер, 1999] и др. Так, Л. И. Скуратовская исследует поэтику английской детской литературы [Скуратовская, 1989]; М. П. Чередникова посвящает свою работу современной русской детской мифологии [Чередникова, 1995], а В. А. Рогачев изучает проблемы становления и развития русской и советской детской поэзии 20-х годов [Рогачев, 1990]. Несмотря на значительное количество исследований по отечественной и иностранной детской литературе, творчество французского писателя Э. д'Эрвильи (1839—1911) не становилось объектом специального анализа, работ по вопросам идейно-художественного своеобразия романа «Приключения доисторического мальчика» (1887) найти не удалось, что определяет новизну представленного исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для работы в теоретической части послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам детской литературы, а также источники, выявляющие особенности изучения эволюции человека на разных исторических этапах, материалы Государственного дарвиновского музея, описывающие историю развития науки палеонтологии, находки останков древнего поселения в гроте Кро-Маньон и человека эпохи верхнего палеолита. В практической части объектом исследования становится произведение малоизвестного французского писателя XIX века Э. д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика».

Цель работы состоит в выявлении идейно-художественного своеобразия французской детской литературы XIX века на примере указанного ро-

мана Э. д'Эрвилли, не привлекавшего внимания литературоведов. Анализ тематики, сюжетно-композиционных и психологических особенностей романа позволит глубже понять феномен становления и развития детской зарубежной литературы. В работе используются культурно-исторический, описательный и аналитический методы исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. История формирования детской литературы

В европейской литературе Средних веков и Эпохи Возрождения детской литературы не существовало, но многие образы из произведений для взрослых, написанных в эти периоды, вошли в литературу для детей или оказали на нее влияние впоследствии. Сегодня они известны в различных переложениях, адаптированных для детей. Например, «Томас Мэлори (1417—1471) собрал легенды об английских рыцарях, их благородном короле и изложил в книге “Смерть Артура” (издана в 1485). Легенды из этой книги сегодня пополняют круг детского и подросткового чтения», — отмечает И. Н. Арзамасцева [Арзамасцева, 2005, с. 313]. Не менее популярны у детей и образы Дон Кихота, Тристана и Изольды из одноименного рыцарского романа, храброго рыцаря Роланда из французского героического эпоса. Чрезвычайно популярны сегодня переложения античных приключений Одиссея и мультфильмы с персонажами древнегреческих героев и богов. На основе древних мифов построена почти вся современная литература для подростков — фэнтези. О великане Гаргантюа сложено немало стихов, поговорок и присказок.

В XVII веке появляется детская педагогика, что стало значимой вехой в истории литературы для детей: «Идеи гуманистической педагогики развивал в своих сочинениях великий чешский мыслитель Ян Амос Коменский (1592—1670). Он совершил настоящую революцию в педагогике, освободив ребенка от страха перед учением и учителем и связав обучение с непосредственными впечатлениями детей» [Там же, с. 315]. В 1719 году публикуется роман Д. Дефо «Робинзон Крузо», выдержавший бесконечное количество переизданий и переложений. Французский просветитель Ж.-Ж. Руссо определил этот роман как прекрасное пособие по воспитанию, а главного персонажа романа — как лучшего героя для подражания. С удовольствием дети читают и романы Джонатана Свифта о приключениях Гулливера, наибольшей популярностью пользуются первые части книги благодаря пересказу Т. Г. Габбе для младших школьников.

Феномен детской литературы зародился в Европе в XVIII веке, в период роста среднего класса — буржуазии. Рационализм XVII века подвергается критике, изменяются литературные предпочтения, происходит поворот к из-

учению национальных традиций (о национальных аспектах литературы см. подробнее [Нужная, 2016; Нужная, 2017]). В произведениях именно простой народ олицетворял способность к сильным, подлинным, настоящим чувствам с учетом национальной, народной специфики. В 1744 году Джон Ньюбери опубликовал первую развлекательную книгу для детей «Маленькая хорошенькая карманная книжечка» («A Little Pretty Pocket-Book», 1744) с рифмами, иллюстрациями, играми и яркой обложкой. Подобные издания преподносили в качестве подарка, они стали предтечей игрушечных книг, ставших популярными в XIX веке. Ньюбери считал необходимым распространение детских книг и был их издателем. Он публиковал как свои произведения, так и книги других авторов [Минералова, 2002].

Большое влияние на развитие литературы для детей оказал и французский просветитель Ж.-Ж. Руссо. В романе «Эмиль, или о воспитании» он описал свою методику развития и обучения детей. Многие европейские писатели того времени последовали идеям Руссо: например, Томас Дэй, написавший «Истории Сэндфорда и Мертона» (1783—1789) в четырех томах, или Мария и Ричард Лоуэлл Эджуорт, опубликовавшие книгу «Практическое образование: история Гарри и Люси» (1780). В немецкой литературе в 1774 году стали очень популярными детская книга Иоганна Бернхарда Базедова «Первоначальное обучение» («Elementarwerk», 1774) и переложение истории Робинзона Крузо Иоахима Генриха Кампе.

Датский писатель Г. Х. Андерсен, последовавший примеру братьев Гримм, собрал народные сказки, обработал их и издал. В других странах ученые и писатели были не меньше увлечены народными сюжетами: норвежские учёные Петер Кристен Асбьёрнсен и Йорген Му опубликовали «Норвежские народные сказки», что послужило становлению литературного норвежского языка. В Швейцарии Йоханн Давид Висс в 1812 году издал роман «Швейцарский Робинзон» в подражание Д. Дефо. Эта книга имела огромный успех и стала популярна во Франции в переводе Изабель де Монтелё. Когда в 1816 году в литературе появляется сказка Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король», то в детской литературе надолго «воцаряется» мир выдумки, фантазии, волшебства и двоемирия, так любимого немецкими романтиками.

В XVIII веке детская литература появляется и во Франции в виде небольших брошюр по воспитанию и первых учебников по образованию. В это время детство начинает восприниматься как самостоятельная возрастная категория, требующая особого к себе отношения, а следовательно, и просвещения. Конечно, в первую очередь образование коснулось детей из высших сословий, но с ростом влияния буржуазии распространилось и среди этого социального слоя. Французский историк Филипп Арьес, один

из самых крупных специалистов по истории повседневной жизни, в своей книге «Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке» («L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime», 1960) утверждает, что современное представление о детстве появилось сравнительно недавно. В прошлом дети не рассматривались отдельно от взрослых. В доказательство этой гипотезы он приводит следующий довод: до XVIII века не существовало специализированной литературы для детей, кроме учебных и дидактических текстов клириков вроде Эльфрика Грамматика.

XIX век впервые отошёл от дидактизма предыдущих эпох. Появляются увлекательные, ориентированные на детское воображение произведения. Широкое распространение книгопечатания и грамотности среди разных слоёв населения привело к спросу на детскую литературу. Уже в первой половине XIX века появляются различные детские энциклопедии и нравоучительные сентиментальные повести, но именно писатели романтики, «воскресившие» эпоху Средневековья и Возрождения, вводят в детскую литературу эпические сказания разных народов в противовес развлекательной беллетристике. Литература романтизма сильно расширяет и обновляет тематику детского чтения, вытесняя салонно-аристократические сказки. Выход в 1865 году «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла возвестил об изменении подходов к созданию книг для детей и о появлении фантазийного жанра в детской литературе. Золотой век детской литературы начался в Европе с этого момента и длился до 1900 года. В центре повествования оказывался ребенок — либо в волшебном мире, либо в суровой повседневной реальности. Французские авторы изображали как реалистические сцены жизни ребенка, так и сказочный детский мир.

В 1704 году появился первый французский перевод арабских сказок «1001 ночь» Галлана, и по европейской литературе прокатилась волна увлечений «восточными» сказками: «1001 день», «1001 час», сказки китайские, монгольские, перуанские и т. д. «1001 ночь» Галлана была популярна у французских детей вплоть до начала XX века. Это подтверждается, например, размышлениями Марселя в эпопее М. Пруста «В поисках утраченного времени» о схожести восточных сказок с лабиринтами подсознания, о сложности воссоздания картин давно прошедших дней детства. М. Пруст ссылается как на древнегреческую мифологию, так и на переводы арабских сказок Галлана. С. Г. Горбовская отмечает переключку перипетий, через которые проходят персонажи сказок, со сложным процессом психоанализа и восстановления утраченных воспоминаний, который описывает М. Пруст, а также подробно исследует З. Фрейд в своих многочисленных работах [Горбовская, 2002].

Чуть позже появляется интерес к новым, не описанным раньше темам в детской литературе: морским приключениям, странствиям по лесам и

прияем диких стран (особенно популяризировались после выхода в свет повести Шатобриана «Атала») [Нужная, 2016]. Еще позже в литературе для детей актуализируются темы социальных контрастов и «большого города», с появлением общеобразовательных школ — тематика «школьных», учебных, реалистичных повестей. С развитием научно-технического прогресса и распространением натурализма рождается жанр научно-популярной фантастики для детей.

3.2. Творческий путь Э. д'Эрвильи

Французские романтики вслед за В. Скоттом исследуют исторические сюжеты, описывая прошлое своего народа. Но одним из необычных явлений в литературе романтизма становится обращение малоизвестного в России французского писателя Эрнеста д'Эрвильи к периоду доисторического развития человека, эпохе каменного века.

Мари Эрнест д'Эрвильи (Ernest d'Hervilly) (1839—1911) — французский поэт, драматург, журналист, потомок старинного знатного рода графа д'Эрвильи. Когда мальчик родился, его семья лишилась богатства, и юноше пришлось обеспечивать себя самому. Он окончил лицей и работал инженером в Северной железнодорожной компании, где принимал участие в переустройстве дорог и мостов Парижа. Но свое истинное призвание он нашел в литературном творчестве и журналистике. Эрнест сдружился с поэтами Парнаса и Виктором Гюго. Его портрет запечатлен на знаменитой картине Анри Фантен-Латура «Угол стола» (1872), где среди картин и цветов вокруг стола сидят и стоят самые знаменитые французские поэты: П. Верлен, А. Рембо, Ж. Экар и Э. Блемон.

Сначала д'Эрвильи добился признания в драматургии. Его короткие, острые и смешные водевили имели большой успех у парижской публики. Позже он стал сотрудничать с изданиями, стоящими в республиканской оппозиции власти Второй империи, поэтому был вынужден скрываться под псевдонимом. Публиковался д'Эрвильи и в газете «Фигаро». В 1868 году он опубликовал свой первый сборник стихов «La Lanterne en vers de couleurs» («Фонарь в цветных стихах»). По стилю его творчество примыкало к поэтам Парнаса. Немаловажную роль в этом сыграла дружба с великим В. Гюго, в доме которого Эрнест часто бывал. Тексты стихов д'Эрвильи были опубликованы во втором (1871) и третьем (1876) томах сборника «Современный Парнас». В газете *Le Rappel* на протяжении десяти лет выходили очерки и статьи д'Эрвильи, а под псевдонимом «Прохожий» он вел колонку о жизни парижского общества того времени. С годами он стал писать все больше романов, рассказов и сказок, предназначенных для детей и подростков. Свою самую известную повесть, о которой идет речь в данной статье, д'Эрвильи посвятил своей десятилетней дочери Жоржетте.

Благодаря работе репортера д'Эрвильи одним из первых узнал о находках останков древнего человека в пещере Кро-Маньон на юго-западе Франции. Этот факт его очень заинтересовал, и молодой журналист отправился на место раскопок. Позднее он детально изучил находки в Естественном музее в Париже, этот опыт изысканий и лег в основу идеи написания книги о приключениях мальчика эпохи палеолита.

Книга «Приключения доисторического мальчика» (*Aventures d'un petit garçon préhistorique en France*, 1888) — единственное переведенное на русский язык произведение писателя. Оно имело такой успех в России, что еще при жизни автора, в конце XIX века, выдержало семь переизданий благодаря переводу Августы Владимировны Мезьер — переводчицы и библиографа. В начале XX века в России эту повесть сразу задумывалось издать как книгу с реалистическими и поучительными иллюстрациями, для создания которых специально были приглашены знатоки доисторического мира и этнографии, художники Государственного Дарвиновского музея М. Д. Езучевский и В. А. Ватагин. Эти художники были иллюстраторами многих детских книг в России. А М. Д. Езучевский в 1919 году даже состоял в комиссии по изучению и созданию детской книги [Васильева, 2020]. Со второй половины XX века в СССР книгу многократно переиздавали с комментариями и предисловиями ученых-антропологов и иллюстрациями известных художников.

3.3. Древний мир в детской литературе: Э. д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика»

Повесть «Приключения доисторического мальчика» раскрывает тематику, ранее не появлявшуюся в художественном тексте, — жизнь человека в доисторическую эпоху, при этом автор представляет детский взгляд на реальность того времени. Воссоздан образ ребенка эпохи палеолита и процесс его взросления; автор описывает детали быта и природные пейзажи древнего мира. Удивительно само обращение автора к эпохе позднего палеолита, мало исследованной на тот момент. Творческое воображение писателей часто подстегивалось газетными или журнальными публикациями (так написали свои романы Д. Дефо, Стендаль и др.). Однако только неудержимая фантазия подлинного писателя способна «оживить» картины природы и деятельности человека столь раннего — доисторического — периода.

На страницах повести «Приключения доисторического мальчика» автор описывает пещерных жителей меловых холмов, еще не научившихся добывать огонь самостоятельно, но бережно хранивших его в очаге. Главный герой рассказа — девятилетний мальчик Крек, за приключениями и взрослением которого читатель наблюдает на протяжении повествования. Благодаря авторскому описанию можно воссоздать внешний образ кроманьонца, выпол-

не знакомый сейчас современному человеку по учебникам истории: *Широкое лицо Крека было покрыто красным загаром, надо лбом торчали жидкие рыжие волосы, жирные, спутанные, засыпанные пеплом и всяким сором. Он был не слишком красив, этот жалкий первобытный ребенок. Но в его глазах светился ум; его движения были ловки и быстры* [Эрвили, 2016, с. 11].

Современникам писателя были особенно интересны описания особенностей быта и обычаев доисторических людей. Те факты, которые знакомы сейчас любому школьнику, в XIX веке не были широко известны: необходимость поддержания огня в пещере, беспрекословное подчинение старейшине племени, правила поведения на охоте, умение различать шорохи и звуки дикой природы, правила сбора съедобных корней и ягод, секреты обтесывания камня для производства топоров и крючков и др. Мальчишкам из повести д'Эрвили интересно узнать подробности обработки камня, попробовать сделать в нем отверстие для изготовления настоящего оружия: *На топор они насыпают мелкий песок, поливают его водой, затем сильно надавливают на него костяной палочкой и начинают ее вращать. Все время они подсыпают песок и подливают воду. Сначала получается маленькая впадина, постепенно она становится все глубже и глубже и, наконец, превращается в дыру* [Там же, с. 98].

Композиция повести отличается оригинальностью. Сюжет построен вокруг приключений главного героя, изгнанного из племени из-за «потери» огня, поддерживать который его оставили взрослые, ушедшие на охоту. Потеря огня грозила в те времена гибелью от холода, голода и нападения диких животных всему племени, поэтому безжалостно каралась. Выжить вне племени тоже было практически невозможно. Крек был обречен, но его ум, сильный дух и стойкий, закаленный характер, помогли ему сохранить жизнь и повзрослеть. Кроме того, герою помогли его друзья и один из старейшин племени, который не оставил мальчика, помня, что тот в свое время защищал своего деда. Спустя несколько лет Крек узнал, что племя простило его, и был очень обрадован этим, — так писатель обращает внимание на то, что человек нуждается в сообществе себе подобных, живет не только ради себя, но и ради других, стремится быть принятым общиной. Трудно представить, какими были психологические движения души первобытного человека, но автор книги счастливым концом подчеркивает торжество справедливости и благородство духа древнего мужчины. Крек — один из первых образцов романтического героя, сочетающий в себе все его характерные признаки и одновременно остающийся первобытным человеком, выживающим в тяжелых условиях среди дикой природы, враждебной человеку.

Несомненным художественным своеобразием отличаются описания жилища первобытных людей, природы, древних животных и орудий труда:

Недалеко от мальчика, на скате холма, чуть повыше того места, где река омывала холм, зияла, точно громадная разинутая пасть, широкая черная дыра, которая вела в глубокую пещеру. Здесь девять лет тому назад родился мальчик. Здесь же издавна ютились и предки его предков [Там же, с. 8]. Так описывает автор меловые пещеры грота Кро-Маньон, где были найдены первые останки доисторических людей.

Современного читателя потрясают детали быта доисторического человека. Почти две страницы занимает красочное описание пещеры, где жило племя Крека. Пейзаж дополняется авторскими комментариями, поясняющими детали: *На наше счастье, мы можем проникнуть туда только мысленно. Иначе мы, наверное, задохнулись бы от ужасающего зловония и спертости воздуха, царивших в этом мрачном убежище первобытных людей* [Там же, с. 29]. Вызывает восхищение сцена описания двух грозных животных после сражения — мамонта и носорога. Благодаря мастерству писателя читатель может «услышать» их предсмертный рев: *Зверь стоял, с трудом опираясь передними ногами на края трещины; изогнутые клыки были подняты кверху, а из хобота, торчавшего словно мачта, бил к небу непрерывный кровавый фонтан. Все тело зверя было залито кровью, струившейся из пронзенного брюха. Он рычал и ревел в предсмертных судорогах* [Там же, с. 22].

Сейчас мы уже знаем, что кроманьонцы обладали членораздельной речью, и автор повести дает в ней полноценные диалоги (иначе и невозможно было бы создать текст с художественной точки зрения). Однако для сохранения первобытного колорита д'Эрвильи делает ремарки: *Старик ушел в пещеру, откуда внезапно раздались странные гортанные возгласы, похожие скорее на крики встревоженных молодых животных, чем на человеческие голоса* [Там же, с. 10].

Очень реалистично описываются взаимоотношения первобытных людей, где все взаимодействие основано на необходимости выживания племени: в походе за пропитанием мальчики были очень голодны, им хотелось сорвать и съесть дикие плоды или ягоды, но *«есть в одиночку строго воспрещалось. Дети привыкли, что только в пещере, после осмотра старшими, добыча делилась между всеми»* [Там же, с. 15]. Все подчинялось словам старейшины, которого уважали в любом племени, не только как носителя знания и мудрости, но и как человека, способного спасти членов общества от верной смерти при отравлении, ранах и в других опасных для жизни ситуациях. Старейшинам отдавали лучший кусок, а они взамен с пониманием берегли молодую поросль: *...старик тихонько оттолкнул протянутую руку мальчика и сказал: — Это вам! Если нет жареного мяса, я буду жевать корни. Я привык к этому; так делали мои отцы. По-*

смотрите на мои зубы — вы увидите, что мне часто приходилось есть сырое мясо и разные плоды и корни [Там же, с. 17]. Старейший племени всегда остается гордым, уверенным, спокойным среди диких, подвижных забияк-мальчишек, пугливых малышей и слабых женщин.

Как тонкий психолог, д'Эрвильи описывает процесс взросления и возмужания своего героя. Например, в долгих скитаниях (после изгнания из племени Крека за ним ушли два его друга и Старейший) мальчикам приходилось поневоле браться за оружие, поскольку им надо было защищать и себя, и немощного Старейшину: *Мирные путешественники сразу превратились в воинов и в строгом боевом порядке двинулись к пещере* [Там же, с. 81]. Стойкость духа и мужество главного героя может служить настоящим примером для подростков любого времени: *Природа была для него чудесной школой, а строгими учителями — нужда и лишения и иногда долготелый опыт Старейшего* [Там же, с. 76]. Благодаря помощи Старейшего и двух друзей Крек выжил, вырос и стал вождем. Акцентируя внимание на эмоциональном состоянии героя, автор заставляет читателя, а это в первую очередь ребенок, сопереживать и сравнивать свои чувства с чувствами персонажей, что приводит к необходимому поучительному и / или просветительскому эффекту. Таково, например, напоминание об обычаях традиционного общества, о необходимости уважения к старшим: *...иногда Креку казалось, что старик ошибается, но это не могло поколебать уважения мальчика к престарелому наставнику* [Там же, с. 77].

Значимыми находками автора повести становится описание встречи пещерных обитателей с озерными жителями, их стремление к пониманию чужого, принятие его в свой круг. И в этом эпизоде проявляется мудрость Старейшего, способного предвидеть разные варианты развития событий: *Нам понадобится оружие, если придется сражаться, и подарки, если мы вступим с ними в переговоры* [Там же, с. 89]. Возможно, д'Эрвильи заимствует идею обмена подарками между племенами у французского писателя Шатобриана, впервые посетившего Америку и описавшего обычаи индейцев в повести «Атала». Детская аудитория, на которую рассчитан текст, может составить представление о первобытнообщинном строе, зачатках «дипломатии», о незнакомых современному человеку трудностях доисторического периода существования человечества и одновременно о тех человеческих отношениях, которые находятся вне времени и пространства.

Художественное воссоздание жизни и быта первобытных общин не может обойтись без внимания к материальной культуре того времени и к тому, как устанавливаются отношения между общинами: при встрече разных племен, обладающих отличными знаниями и технологиями, взаимное удивление, опасения и любопытство естественны. Пещерные жители, никогда не

видевшие «большой воды» озер и разливов рек и только-только научившиеся сплавляться на бревне, были поражены видом настоящих, выдолбленных из цельных стволов дерева лодок озерных жителей: *Эти люди знают больше меня, но вид у них миролюбивый, — сказал Старейшина глядя с восхищением на незнакомцев и их лодки* [Там же, с. 92]. Удивляют пещерных жителей и просторные, светлые дома на сваях, помосты из древесных стволов, крыши хижин из тростника, обмазанного глиной. Справедливы и точны авторские замечания о психологии подростков: *Дружба между молодежью заключается скоро, и спустя несколько часов братья и озерные мальчики так подружились, словно они с детства знали друг друга* [Там же, с. 97]. Немалую долю романтизма повести придает описание грусти, тоски главного героя по родной семье: матери и сестрам. Поэтому особенно яркой, запоминающейся становится их неожиданная встреча в финале произведения.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, благодаря повести Эрнеста д'Эрвилли в литературе XIX века появляется тема доисторического прошлого человека, интерес к первобытному обществу и психологии возмужания подростка. На композиционном уровне с учетом авантюрного регистра автор привлекает внимание к малоизвестным страницам истории человечества: тяжелым условиям жизни древнего человека, описаниям дикого природного пространства и животного мира (битва между мамонтом и шерстистым носорогом), первым примерам социализации героев (помощь старику из враждебной общины), установлению контактов между разными племенами (встреча пещерных и озерных жителей) и особенностям организации жизни внутри племени (добывание пищи мужчинами, сохранение огня мальчиками). Кроме того, д'Эрвилли рассказывает о взрослении подростков, которые благодаря совершенным ошибкам, их осознанию и стремлению исправить, становятся воинами и защитниками, а также на примере главного героя автор показывает становление лидера, способного стать вождем племени. Эти темы и способы их подачи, несмотря на обращение писателя к древности, не теряют своей актуальности и в настоящее время. Таким образом, благодаря различным средствам словесной и композиционной выразительности д'Эрвилли впервые в истории детской литературы создает картину жизни кроманьонцев, основываясь на сведениях, найденных учеными-палеонтологами в XIX веке, что придает произведению реалистичный характер.

Литература

1. Арзамасцева И. Н. Детская литература : Учебник для студ. высш. пед. учеб. Заведений / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательский центр «Академия», 2005. — 576 с. — ISBN 5-7695-2234-8.

2. *Васильева А. В.* Иллюстрации к русскому переводу романа Эрнеста д'Эрвилли «Приключения доисторического мальчика» (1929) в контексте произведений о людях каменного века из фондов Государственного Дарвиновского музея / А. В. Васильева // Научный электронный журнал АРТИКУЛЬТ. — 2020. — № 40 (4-2020). — С. 104—112.
3. *Горбовская С. Г.* Проблема синтеза искусств в романе Марселя Пруста “В поисках утраченного времени” в контексте психоаналитического метода : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / С. Г. Горбовская. — Санкт-Петербург, 2002. — 259 с.
4. *Детская литература на рубеже веков : Интерпретация и преподавание.* — Санкт-Петербург, 2001. — 197 с.
5. *Живова З. С.* Вопросы детской литературы и детского чтения : Библиографический указатель книг и статей по истории, теории и критике / З. С. Живова, Е. В. Медведева. — Москва : Детская литература, 1977. — 317 с.
6. *Зарубежная детская литература : Учебное пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. Заведений* / Н. В. Будур, Э. И. Иванова, С. А. Николаева, Т. А. Чеснокова. — Москва : Издательский центр «Академия», 1998. — 304 с. — ISBN 5-7695-0123-5.
7. *Козлова М. С.* Особенности изучения эволюции человека на разных исторических этапах / М. С. Козлова // Историко-биологические исследования. — 2019. — Том 11. — № 1. — С. 60—76. — DOI: 10.24411/2076-8176-2019-11986.
8. *Краснова Т. В.* В ладу со сказкой : Традиция фольклорной сказки в творчестве русских писателей XX в. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / Т. Краснова. — Иркутск, 1993. — 209 с.
9. *Ламберт Д.* Доисторический человек : Кембриджский путеводитель / Д. Ламберт. — Ленинград : Недра, 1991. — 256 с. — ISBN 5-247-01726-9.
10. *Леонова Т. Н.* Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке / Т. Н. Леонова. — Томск : Издательство Томского университета, 1982. — 197 с.
11. *Лойтер С. М.* Феномен детской субкультуры / С. М. Лойтер. — Петрозаводск : Издательство КГПУ, 1999. — 42, [1] с. — ISBN 5-900225-16-X.
12. *Минералова И. Г.* Детская литература : Учеб. Пособие / И. Г. Минералова. — Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2002. — 176 с. — ISBN 5-691-00697-5.
13. *Нужная Т. В.* Антитеза северных и южных народов в творчестве Жермены де Сталь / Т. В. Нужная // Фридрих Гельдерлин и идея Европы. Материалы IV Международной конференции по компаративным исследованиям национальных языков и культур. — Санкт-Петербург : Платоновское философское сообщество, 2017. — С. 247—253. — ISBN 978-5-9909527-6-8.
14. *Нужная Т. В.* Поиски национальной самобытности : Ж. де Сталь о французах / Т. В. Нужная // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Статьи и материалы Восьмой Международной научно-практической конференции. ФГБОУ ВО Российский государственный гидрометеорологический университет. — Санкт-Петербург : Российский государственный гидрометеорологический университет, 2016. — С. 159—163.
15. *Нужная Т. В.* Мифологизация пейзажных элементов и их функции в повести Ф.-Р. де Шатобриана «Атала» / Т. В. Нужная // Научный диалог. — 2016. — № 1 (49). — С. 149—158.
16. *Официальный сайт Государственного дарвиновского музея* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.darwinmuseum.ru/projects/constant-exp/proishozhdenie-cheloveka> (дата обращения 21.09.2022).

17. Скуратовская Л. И. Поэтика английской детской литературы / Л. И. Скуратовская. — Днепропетровск : ДГУ, 1989. — 52 с.
18. Рогачев В. А. Проблемы становления и развития русской советской детской поэзии 20-х годов / В. А. Рогачев. — Свердловск : Издательство уральского университета, 1990. — 132 с. — ISBN 5-7525-0142-3.
19. Чередникова М. П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.09 / М. П. Чередникова. — Ульяновск, 1995. — 43 с.
20. Эрвильи д' Э. Приключения доисторического мальчика / Э. д'Эрвильи. — Москва : Махаон, 2016. — 127 с. — ISBN 978-5-389-08766-8.

References

- Arzamastseva, I. N., Nikolaeva, S. A. (2005). *Children's literature: Textbook for students. higher. ped. studies. Institutions. 3rd ed., reprint. and add.* Moscow: Publishing Center "Academy". 576 p. ISBN 5-7695-2234-8. (In Russ.).
- Cherednikova, M. P. (1995). *Modern Russian children's mythology in the context of the facts of traditional culture and child psychology.* Author's abstract of Doct. Diss. Ulyanovsk. 43 p. (In Russ.).
- Children's literature at the turn of the century: Interpretation and teaching.* (2001). St. Petersburg. 197 p. (In Russ.).
- Ervilly, D'E. (2016). *Adventures of a prehistoric boy.* Moscow: Makhaon. 127 p. ISBN 978-5-389-08766-8. (In Russ.).
- Foreign children's literature: A textbook for students. higher. and Wednesday, sang. studies. Institutions.* (1998). Moscow: Publishing Center "Academy". 304 p. ISBN 5-7695-0123-5. (In Russ.).
- Gorbovskaia, S. G. (2002). *The problem of synthesis of arts in Marcel Proust's novel "In search of lost Time" in the context of the psychoanalytic method.* PhD Diss. St. Petersburg. 259 p. (In Russ.).
- Kozlova, M. S. (2019). Features of the study of human evolution at different historical stages. *Historical and biological research, 11 (1):* 60—76. DOI: 10.24411/2076-8176-2019-11986. (In Russ.).
- Krasnova, T. (1993). *In harmony with the fairy tale: The tradition of folklore fairy tales in the works of Russian writers of the XX century.* PhD Diss. Irkutsk. 209 p. (In Russ.).
- Lambert, D. (1991). *Prehistoric Man: The Cambridge Guidebook.* Leningrad: Nedra. 256 p. ISBN 5-247-01726-9. (In Russ.).
- Leonova, T. N. (1982). *Russian literary fairy tale of the XIX century in its relation to the folk tale.* Tomsk: Tomsk University Press. 197 p. (In Russ.).
- Loiter, S. M. (1999). *The phenomenon of children's subculture.* Petrozavodsk: KSPU Publishing House. 42, [1] p. ISBN 5-900225-16-X. (In Russ.).
- Mineralova, I. G. (2002). *Children's literature: Textbook. Manual.* Moscow: VLADOS Humanitarian Publishing Center. 176 p. ISBN 5-691-00697-5. (In Russ.).
- Nuzhnaya, T. V. (2016). Mythologization of landscape elements and their functions in the story of F.-R. de Chateaubriand "Atala". *Scientific dialogue, 1 (49):* 149—158. (In Russ.).
- Nuzhnaya, T. V. (2016). The search for national identity: J. de Stael about the French. In: *Topical issues of philology and methods of teaching foreign languages. Articles and materials of the Eighth International Scientific and Practical Conference. Russian*

- State Hydrometeorological University*. St. Petersburg: Russian State Hydrometeorological University. 159—163. (In Russ.).
- Nuzhnaya, T. V. (2017). The antithesis of northern and southern peoples in the work of Germaine de Stael. In: *Friedrich Gelderlin and the idea of Europe. Proceedings of the IV International Conference on Comparative Studies of National Languages and Cultures*. St. Petersburg: Platonik Philosophical Community. 247—253. ISBN 978-5-9909527-6-8. (In Russ.).
- Official website of the State Darwin Museum*. Available at: <http://www.darwinmuseum.ru/projects/constant-exp/proishozhdenie-cheloveka> (accessed 21.09.2022). (In Russ.).
- Rogachev, V. A. (1990). *Problems of formation and development of Russian Soviet children's poetry of the 20s*. Sverdlovsk: Ural University Press. 132 p. ISBN 5-7525-0142-3. (In Russ.).
- Skuratovskaya, L. I. (1989). *Poetics of English children's literature*. Dnepropetrovsk: DSU. 52 p. (In Russ.).
- Vasilyeva, A. V. (2020). Illustrations for the Russian translation of Ernest D'ervilly's novel "The Adventures of a Prehistoric Boy" (1929) in the context of works about people of the Stone Age from the funds of the State Darwin Museum. *Scientific electronic magazine ARTICULT*, 40 (4-2020): 104—112. (In Russ.).
- Zhivova, Z. S., Medvedeva, E. V. (1977). *Questions of children's literature and children's reading: A bibliographic index of books and articles on history, theory and criticism*. Moscow: Children's Literature. 317 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.07.2022,
одобрена после рецензирования 26.09.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

Фролова Н. С. Суахилийская поэтическая традиция : основные этапы развития (на примере жанров тенди и машаири) / Н. С. Фролова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 227—251. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-227-251.

Frolova, N. S. (2022). Swahili Poetic Tradition: Main Stages of Development (on Example of Tendi and Mashairi Genres). *Nauchnyi dialog*, 11(9): 227-251. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-227-251. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-227-251

Суахилийская поэтическая традиция: основные этапы развития (на примере жанров тенди и машаири)

Фролова Наталья Сергеевна

orcid.org/0000-0003-3155-413X

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
samaki@mail.ru

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Swahili Poetic Tradition: Main Stages of Development (on Example of Tendi and Mashairi Genres)

Natalya S. Frolova

orcid.org/0000-0003-3155-413X

PhD in Philology,
Senior Researcher,
samaki@mail.ru

A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian
Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Фролова Н. С., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются этапы развития основных традиционных суахилийских поэтических жанров тенди и машаири, начиная с периода их формирования и заканчивая современным состоянием. На примере наиболее значимых произведений классики и современности анализируются формально-стилевые признаки исследуемых жанров, ставится вопрос о их преемственности и новаторских приемах в контексте внелитературных факторов. Делается вывод о развитии жанров в рамках смены типов художественного сознания, которая проявляется по мере становления и развития восточноафриканского общества — от осознания собственной национальной идентичности к все большему включению в общемировую литературный процесс. Последний на сегодняшний момент этап разрушения традиции, отказа от традиционной формы выразился в феномене трансформации формы старосуахилийского стиха, что демонстрируется в статье на примере наиболее ярких представителей так называемой модернистской поэзии на суахили. Делается также вывод о роли автора, фигура которого по-разному проявляется на каждом из этапов развития суахилийской поэзии: от спорного авторства на этапе становления литературы до ярко выраженных черт, характеризующих специфическую, уникальную авторскую манеру на поздних этапах развития исследуемой поэзии.

Ключевые слова:

традиционная суахилийская литература; поэзия; традиция; канон; тенди; машаири.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The stages of development of the main traditional Swahili poetic genres of tendi and mashairi, starting from the period of their formation and ending with the current state are discussed in the article. On the example of the most significant works of classics and modernity, the formal and stylistic features of the studied genres are analyzed, the question is raised about their continuity and innovative techniques in the context of non-literary factors. The conclusion is made about the development of genres within the framework of a change in the types of artistic consciousness, which manifests itself as the East African society establishes and develops — from awareness of one's own national identity to an ever-greater inclusion in the global literary process. The last stage of the destruction of tradition, the rejection of the traditional form for today, was expressed in the phenomenon of the transformation of the form of the Old Swahili verse, which is demonstrated in the article on the example of the most prominent representatives of the so-called modernist poetry in Swahili. It is concluded in the article on the role of the author, whose figure manifests itself in different ways at each of the stages of development of Swahili poetry: from controversial authorship at the stage of formation of literature to pronounced features that characterize the specific unique authorial style at the later stages of the development of the studied poetry.

Key words:

traditional Swahili literature; poetry; tradition; canon; tendy; mashairi.

УДК 821.432.875.2+82-1

Суахильская поэтическая традиция: основные этапы развития (на примере жанров тенди и машаири)

© Фролова Н. С., 2022

1. Введение = Introduction

Практически все исследователи традиционной поэзии на суахили выделяют два основных жанра: поэмы *тенди*¹ (*tendi*, ед.ч. *utendi*, утенди) и стихи-*машаири* (*mashairi*, ед.ч. *shairi*, *шаири*).

Тенди имеют характерное построение: строфа *убети* (*ubeti*, мн.ч. *beti*, *бету*) состоит из четырех строк *мистари* (*mistari*, ед.ч. *mstari*, *мстари*), каждая из которых содержит восемь слогов *мизани* (*mizani*), причем последние слоги трех первых строк одинаковы, образуют рифму *вина* (*vina*) типа *aaab*, последний слог четвертой строки *кикомо* (*kikomo*) отличается от них, вдобавок кикомо каждой строфы *убети* должен быть одним и тем же:

Ni ye-ye a-lo-dhu-lu-ki
Du-ni-a ku-i-mi-li-ki
A-me-u-mba kwa ma-la-ki
Vi-u-mbe vi-me-e-ne-ya

Yeye ni Mwenye uwe-zo
Kwa kila uweleke-zo
Kwake sifanyi ube-zo
Pa namnyenyeke-ya

(М. Хатиб «Утензи об освобождении Занзибара») [Khatib, 1975].

Так выглядит утенди, записанная латинской графикой. Арабской графикой (до XIX века) тенди записывались иначе: строка включала четыре восьмисложных отрезка *випанде* (*vipande*, ед.ч. *kipande*) с цезурой после первого, второго и третьего отрезков:

Bismillahi nabutadi / kwa inala Muhammadi / naandike auladi nyuma watakaao kuua, цит. по [Жуков, 1997, с. 23].

Бытование тенди имело, как правило, форму письменного текста. Целые библиотеки таких текстов хранились при дворах правителей суахильских полисов и в домах состоятельных горожан. Имело место также и

1 Диалектный вариант — тензи (ед. число утензи, utenzi)

устное бытование — многие *тенди* исполняли народные бродячие певцы-маленга, но в сокращенном виде, так как величина тенди варьировалась от 300 до 1000 и более строф.

В стихах *машаири* шестнадцатисложная строка *мстари* состоит из двух восьмисложных отрезков *випанде* с цезурой после первого. Восьмые слоги в трех *випанде* рифмуются между собой так же, как и шестнадцатые. Четыре строки *мистари* образуют строфу *убети*. Для *машаири*, как и для *тенди*, характерно урезание словоформ с целью приспособить их к размеру стиха (например, *usinambie* вместо *usiniambie* и т. п.). Последний, шестнадцатый, слог четвертой строки *кикомо* — новый, при этом он может перекликаться с восьмыми слогами отрезков *випанде*, тем самым рождая причудливый графический узор:

Na-ju-a wa-vu-mi-li-**vu** / we-nye sa-bu-ri m-swa-**no**,
We-nye cha-gu-a wa-gi-**vu**, / wa-kwe-pa-o m-go-nga-**no**,
We-pe-si wa u-si-ki-**vu** / wa-je-nzi wa ta-nga-ma-**no**
Ja-po ni wa-vu-mi-li-**vu**, / ke-e ba-do hu-la mbo-**vu** [Mochiwa, 1988, p. 69].

Машаири возникают в XVII—XVIII веках как поэзия среднего класса суахилийских городов. В отличие от *тенди*, создававшихся, как правило, профессиональными (нередко — придворными) поэтами, *машаири* мог складывать любой в достаточной степени образованный горожанин, обычно принадлежавший к среднему сословию, так называемым *waungwana*.

На протяжении столетий с момента возникновения оба жанра развивались и трансформировались, и возможность проследить их эволюцию выявляет закономерности развития восточноафриканского общества и фиксирует смену типов художественного сознания в литературе на суахили.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной работы стало выявление закономерностей литературного процесса, проходившего в суахилиязычном регионе Восточной Африки, представленном современными Кенией и Танзанией, с периода возникновения до наших дней, отражающих формирование национальной литературы на языке суахили. В работе описываются стадийные трансформации этого процесса, выявляются черты, наиболее характерные для каждого этапа формирования, приводятся наиболее значимые для литературы различных этапов имена и произведения.

Методика исследования включает в себя анализ ранних суахилиязычных произведений, цитируемых в работе А. А. Жукова «Суахили. Язык и литература», источников второй половины XIX, XX и начала XXI веков.

В названном фундаментальном труде Жуков предпринимает попытку сравнительного анализа нескольких наиболее выдающихся классических произведений старосуахилийской литературы, в частности, делается вывод о переходе к национальной проблематике. Автор настоящей работы, с одной стороны, перенимает данный исследовательский прием и принимает наработки А. А. Жукова за точку отсчета, а с другой — распространяет его далее, на суахилиязычную литературу Нового и Новейшего времени, сравнивая периоды ее формирования под воздействием социально-политических перемен и прочих сугубо внелитературных и литературных факторов. Так, в работе делается вывод об обусловленности возникновения модернистской поэзии, в том числе стремлением поэтов отказаться от сковывающих свободу самовыражения законов стихосложения и их желанием включаться в современный общемировой литературный процесс, требующий новых литературных форм. Возникновение же на рубеже XX—XXI веков трансформационной формы, в которой наличествуют формальные признаки как традиционной, так и модернистской поэзии, представляется обусловленным «усталостью» от модернизма и желанием вернуться к корням, с одной стороны, и жадой лингвистического эксперимента, с другой. Привлечение к исследованию обширного в историко-культурном отношении материала позволило также сделать выводы о значении, роли и характере автора по мере развития традиционных жанров суахилийской поэзии. Например, специфика этико-дидактической поэмы Мваны Купоны, представленной в форме наставлений дочери, сделанных в духе синкретической модели следования догмам ислама, с одной стороны, и традиционной африканской морали, с другой, обусловлена гендерными особенностями автора и ее принадлежностью к восточноафриканской знати. Тяготение к эксперименту в трансформационной поэзии Новейшего времени обусловлено профессиональной принадлежностью авторов (многие из них являются литературоведами и лингвистами), в то время как ангажированная поэзия времен завоевания независимости создавалась поэтами-политиками и общественными деятелями.

Новизна данного исследования заключается в том, что впервые на обширном материале, охватывающем фактически весь период существования суахилийской поэзии — от ее становления в XVII—XVIII веках до наших дней — предпринимается попытка рассмотреть развитие внутри строгого поэтического канона основных жанров традиционной суахилийской поэзии как смену типов художественного сознания в литературе на национальном языке на фоне формирования национального самосознания и в контексте специфической для каждого этапа развития фигуры автора. Каждый этап характеризуется допущением авторами определенной степе-

ни вольности в подходе к канонической версификации, что в целом свидетельствует о «подвижности» традиционной суахилийской литературы внутри канона, нежели о ее статичности, определяет ее способность адаптироваться к историческим реалиям и социально-политическим новациям без ущерба для высокого статуса «каноничности», а скорее в его подтверждение. Ранее мы частично затрагивали эту тему в главах 3 и 4 диссертации «Развитие современной поэзии Восточной Африки на языках суахили и английском (70—90-е годы XX века)» [Фролова, 2004]. В отличие от настоящей статьи, в диссертации, во-первых, рассмотрен исключительно современный этап развития суахилийской поэзии, во-вторых, дается обзорная картина развития поэзии в указанный период с целью продемонстрировать движение авторов от локальной обособленности ко все большей включенности в мировой литературный процесс. В данной статье делается принципиально новый вывод — о движении авторов от подчеркнутой национальной отстраненности в своих стихах к росту и усилению национального самосознания по мере развития восточноафриканского общества.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Утенди: от зарубежных сюжетов к национальному своеобразию

Авторы первых тенди опирались на инонациональные (арабские, персидские) сюжеты. «Читатель, впервые сталкивающийся со старой (классической) литературой суахили, задается вопросами: почему в этих произведениях так немного говорится об Африке и так много — об Аравии, Сирии, Византии? Почему вместо ожидаемой нами изощренной фантазии и яркой “африканской” окраски мы находим в них тяжеловесную дидактику, длинные богословские и эсхатологические рассуждения, воинственный религиозный пафос?..», — отмечал известный советский суахилист Ю. К. Щеглов [Щеглов, 1974, с. 6]. В ранних тенди почти ничто не напоминало об Африке. Их действие происходило в Аравии и касалось пророка, его подвигов, подвигов борцов за мусульманскую веру и т. п. Таковыми, например, были старейшие поэмы «Утенди о Хусейн ибн Али» (*Utenzi wa Husein bin Ali*) неизвестного автора, рассказывающие о внуке пророка Мухаммеда, «Утенди о Катирифу» (*Utenzi wa Katirifu*). Известны также гимнографическая тенди «Ал-Хамзийя» (*al-Hamziyah*) поэта Айдаруса, восхваляющее мудрость пророка, этико-дидактические тенди о следовании догмам ислама («Ал-Инкишафи» Сеида Абдаллаха бин Насира, «Утенди об Иове», *Utenzi wa Ayubu*, построенное на коранической притче) и т. п. Мы намеренно не указываем здесь даже приблизительное время создания этих поэм по причине существующих расхождений в их датировке. К примеру, утенди «ал-Хамзийя», признанная рядом исследователей самой ста-

рой из сохранившихся поэм, датируется, как пишет А. А. Жуков, разными источниками по-своему — 1651/52, 1792/93 и 1841/42 годы [Жуков, 1997, с. 60—61]. В своей недавней монографии, посвященной в том числе разбору утенди «Хаудаджи», немецкая исследовательница Кларисса Вирке пишет: «... тенди записывались в манускриптах, и существуют данные о том, что они датируются по меньшей мере 18-м веком» [Vierke, 2011, xiii].

Сформировавшись приблизительно к XVIII веку, тенди продолжили свое существование в последующие столетия, сохранив традиционную форму. Однако арабская основа сюжета исчезает, постепенно сменившись рассказами, связанными, например, с недавней историей африканского континента: «Утензи о захвате немцами Мримы» поэта Хемеда Аль Бухри (*Utenzi wa vita vya wadachi kutamalaki Mrima, 1307 A.H.* ок. 1895), «Утенди о восстании маджи-маджи» Абдуллы Карима бин Джамалидини (*Utendi wa maji-maji*, ок. 1910 год) и др. Поэты стремятся поведать о своей родной стране, и, хотя просодия практически не меняется, изображаемый фон преобразуется кардинально: переложения арабо-мусульманских произведений сменяются картинами подлинной восточноафриканской истории. Стилистически же тенди на восточноафриканскую тематику остаются близки классическим образцам: эпитеты, приемы и целые мотивы перенимаются авторами последующих поколений. Сравним, к примеру, описание сильного и храброго Сулеймана, сына мусульманского полководца, в посвященном событиям VII века «Утенди об Ираклии»:

<i>katika siyo unasi</i>	среди них
<i>Pana mwanangwa mutesi</i>	есть благородный воин
<i>kivumishi cha farasi</i>	копыта коня его
<i>unga mwamba wakulia</i>	гремят словно огромные камни

<i>mudara ye wa kuinga</i>	ладно сидит в седле
<i>mutayi kweta upanga...</i>	меч его так и сверкает... ¹
	Цит. по [Жуков, 1997, с. 87].

и портрет суахилийского героя-воина Бушири бин Салима аль-Харти (ок. 1850—89) в «Утенди о захвате немцами Мримы», написанной по следам недавней истории колонизации Германией Восточной Африки:

<i>mna mtu akigamba</i>	нашелся один
<i>ushujaa kama simba</i>	храбрый как лев
<i>na kuzidi namiria</i>	сильней леопарда
...	...

1 Сохранена пунктуация перевода А. А. Жукова.

*ni shujaa maarufu
rohoye ahina khofu
mjaipokuwa alufu
hakhofu kuwangilia*

бесстрашием известный
душа его не ведает страха
пусть хоть тысяча вас
не побоится к вам выйти
[Там же, с. 185].

Подобное унаследование литературных «формул» характерно для традиционной суахилийской литературы с небольшими, но явно обращающими на себя внимание вариациями по мере ее «продвижения вперед». Так, храбрый и сильный герой является достойным соперником в утенди с заимствованным сюжетом и коварным захватчиком в произведении на местную тематику. В первой утенди сподвижникам Аллаха удалось одолеть неверных с огромным преимуществом — здесь дано описание масштабной кровавой битвы со многими тысячами погибших варуму (римляне, неверные), отправившихся в ад:

*ili mishindo ya panga
miwili ikitindanga
wasina kicho na shanga
sahaba zake rasua...*

только звон мечей
тела разящих
не ведали ни страха, ни сомнения
сподвижники пророка...

*na idadi ya warumu
zikwi zitano fahamu
nyumbani ya jahannamu
wakaenda kutimikia*

а число убитых варумов
пять тысяч, понимаешь,
в ад попали
без промедления
[Там же, с. 83].

Во втором правоверные суахилийцы, жители Мримы, были разбиты нечестивыми варварами *вашензи* в не менее кровавом сражении и сами вынуждены были бежать:

*risasi tukilemezwa
wengine watufukuza
na nchi kuiingiza
kama mawingu ya mvua*

под градом пуль
они гнали нас
из родной земли
словно ветер грозовые тучи

*mizinga ikashtadi
kutitima kama radi
na kupigwa tukazidi
hapo tulipokimbia*

пушки все сильнее
грохотали как гром
без счета разили
нас бегущих
[Там же, с. 187].

Несмотря на знакомую просодию, выразившуюся в восьмисложных отрезках *винанде*, рифме *вина* типа *аааб*, повторяющемся последнем слоге *кикомо*, нельзя не заметить глубоко личностного отношения к рассказанной истории автора «Утенди о захвате немцами Мримы» Хемеда Абдаллы ал-Бухри, непосредственного очевидца описываемых событий¹. Замена полулегендарных героев далеких неведомых стран локальными и современными, несомненно, оживляла произведение, упоминание местных наименований (*Pangani, Bagamoyo, Tanga, Mombasa*), сугубо африканских образов (*simba*-лев, *зарамо*²) придавало поэме больше реалистичности, историчности, не могло не заставить читателя испытывать сопереживание: поэма аль-Бухри по сути являет собой один из первых образцов гражданской поэзии, проникнутой пафосом национально-освободительной борьбы. Возрождение национального самосознания, на фоне которого начали выделяться подлинные национальные герои (Мквава, Бушири), нашло отражение во многих произведениях того времени, посвященных вооруженной борьбе с германскими колонизаторами. Наивысшей точкой борьбы стало легендарное восстание маджи-маджи (1905—1906 годы), события которого легли в основу ряда восточноафриканских художественных произведений.

Героическому восстанию деревенских жителей, жестоко подавленному колониальными войсками, посвящено немало работ, поэтому, не останавливаясь подробно на самой истории, обратим особое внимание на абсолютно африканский образ, который невозможно было не романтизировать и в прозе, и в поэзии: жители внутренних районов Германской Восточной Африки, доведенные до отчаяния произволом чужеземцев, поверили местному знахарю, рассказавшему о возможности превращать пули европейцев в воду. И если в 1910 году автор «Утенди о восстании маджи-маджи» Абдулла Карим бин Джамалидини осуждает восставших, практически высмеивая невежество и глупость поверивших в волшебные силы *маджи*-воды, то спустя несколько десятков лет в творчестве суахилийских поэтов нового поколения знахарь-проповедник Кинджекетиле Нгвале наряду с Бушири бин Салимом — героем «Утензи о захвате немцами Мримы» — или Мквавой, вождем народа хехе, восставшего против германской администрации в 1890-е годы, описываются как подлинные национальные герои:

- 1 Захват произошел в 1891 году, что следует из полного названия поэмы, написанной примерно в 1895 году.
- 2 Этнос, проживающий в Восточной Африке.

*Ninaanza na Bushiri, liyeongoza
maasi,
Mkwawa wetu mahiri, Mhehe
mwenye makasi,
Kinjeketili tumkiri, na maji yake
halisi...* [Kezilahabi, 1974, с. 51—52].

Начну с Бушири¹, что стал во главе
повстанцев,
С храброго Мкваты², правителя
смелых хехе,
Кинджекетиле³ с его живою водою⁴

Следующий, третий, этап в развитии суахилийской поэзии начинается в 40—50-е годы XX века. Две основные тенденции этого периода связаны с 1) попытками поэтов приспособить традиционные поэтические жанры *тенди* и *машаури* к современной действительности и 2) практически полным отказом от религиозной составляющей. Тематикой их произведений становятся актуальные для Африки и всего мира политические события, например, Вторая мировая война («Утенди о борьбе за свободу» Шаабана Роберта, 1942). Эту тенденцию подхватывают и развивают многие поэты 1960—70-х годов, пришедшие в суахилийскую литературу незадолго до получения странами Восточной Африки независимости. Такие поэты, как Матиас Мньямпала, Акилимали Сноу-Уайт и др., продолжатели традиций старосуахилийской поэзии, писали в жанрах *тенди* и *машаури*. Они неукоснительно сохраняли жесткую традиционную форму, менялись только темы стихов: «Утенди о Революционной партии» Эваристо Махимби (*Utendi wa CCM*, 1967); «Утенди о революции на Занзибаре» Мухаммеда Хатиба (*Utenzi wa ukombozi wa Zanzibar*, 1975); «Утенди о Республике Танзания» Рамазани Мваруки (*Utendi wa Jamhuri ya Tanzania*, 1976) и т. п. Авторы этих поэм не только соблюдают законы традиционного стихосложения, но и пользуются для характеристики своих героев (например, политических деятелей) хорошо известной и опробованной в старосуахилийской литературе метафорикой.

Напротив, религиозный мотив, мотив борьбы правоверных с *вашензи* и *варуму* утратил актуальность. Особенно это стало заметно в произведениях времен внедрения в независимой Танзании политики африканского социализма *уджамаа* в 1960—1970-е годы. Трудно не согласиться с М. Д. Грозовым, который в своей монографии «Современная литература на языке суахили» пишет: «... апология какой-либо религии противоречи-

- 1 Бушири бин Салим эль-Харти — лидер повстанцев, возглавивший антиколониальные выступления 1888—1990 годов.
- 2 Мквата Муквавиньика — правитель народа хехе во второй половине XIX века — прославился физической силой и воинственностью, также возглавил борьбу с германской колонизацией.
- 3 Кинджекетиле Нгвале — знахарь-проповедник во времена восстания маджи-маджи (1905—1907).
- 4 Если не указано иначе, здесь и далее перевод автора статьи. — Н. Ф.

ла политике *уджамаа*, ориентированной, при отсутствии видимого анти-клерикализма, на сознательное затушевывание религиозных различий ... в русле поклонения единому абстрактному высшему началу — Мунгу» [Громов, 2004, с. 136]. Добавим лишь, что религия в этих произведениях подменялась идеологией, что в целом характерно для социалистической и коммунистической литературы. При этом нельзя не отметить не только формальное, но и стилистическое сходство этих произведений с суахилийской классикой, в которых, как пишет далее Громов, «место полуполюгендарных персонажей исламской истории ... занимают политические деятели, место полумифических битв за веру — реальные эпизоды недавнего прошлого» [Там же]. Действительно, набор изобразительно-выразительных средств, описывающих новых героев, эпитетов и ряд мотивов (например, зачин и концовка, выполненные в традиционном ключе) во многом совпадают с теми, что подарила нам классическая суахилийская литература.

Можно сказать, что если авторами описанных выше первого и второго этапов развития суахилийской поэзии были представители восточноафриканской купеческой знати, то поэтами второго поколения стали прежде всего политические активисты, борцы за независимость восточноафриканских регионов от гнета колониализма или сочувствующие национально-освободительному движению, захлестнувшему всю Восточную Африку.

3.2. Этико-дидактическая суахилийская поэзия: преемственность и новаторство (на примере утенди Мваны Купоны)

Помимо батально-эпических тенди, в классической суахилийской литературе процветало и дидактико-просветительское направление, выразившееся в постулатах о том, что надлежит делать последователям ислама. Поэтов нового поколения неизбежно волновали перемены в жизни и мировоззрении африканцев: широкую известность получил цикл написанных в 50—60-е годы XX века нравоучительных машаири поэта-традиционалиста Амри Абеди (1924—1964). Именно Калута Амри Абеди первым из суахилийских авторов описал законы суахилийского стихосложения в одноименном произведении [Abedi, 1954], которое также содержит диван машаири его собственного сочинения. Шаабан Роберт и Абеди принадлежат к тому крылу суахилийской литературы, которое можно назвать дидактико-просветительским: сравнительно небольшой формат машаири, в котором творил Абеди, прекрасно подходил для небольших нравоучительных высказываний. Известны как полностью, так и частично нравоучительные тенди.

Наиболее ранними произведениями философски-религиозного, наставительного содержания были все те же арабские переложения, только уже не батально-героических, а нравоучительных текстов, среди которых выделяются упомянутые выше «Хамзия» Айдаруса и поэма «Аль-Инкишафи»,

трактующие догматы ислама, образ жизни правоверных с целью научить читателя определенным правилам поведения и сохранить это знание для будущих поколений, см. например [Жуков, 1997, с. 101—103]. Одним из самых ярких подлинно авторских примеров классической литературы подобного толка более позднего периода стала знаменитая поэма Мваны Купоны (*Utendi wa Mwana Kipona*), написанная в середине XIX века представительницей суахилийской знати, женой известного зажиточного политического деятеля из Сиу (современной Кении) в назидание своей дочери: о том, как «уважать чтимых и знатных людей», «сторониться глупых и неотесанных», быть веселой и жизнерадостной, а в замужестве опрятной и покладистой. Поэма выдержана в форме классической утенди. Вот как выглядят третья и четвертая строфы *бету* традиционного зачина:

*Ndoo mbee ujilisi
na wino na qaratasi
moyoni nina hadithi
nimependa kukwambia.*

Взяв перо и тетрадь
рядом с матерью сядь
и потрудись записать
Мои заветные мысли.

*Kwisakwe kutakarabu
Bismillahi kutubu
umtae na habibu
na sahabaze pamoya [Utendi ...].*

Восславим прежде всего
Бога с Пророком его
Ибо нет ничего
Прежде славы Господней¹.

В этом необычайно популярном и сегодня произведении интересным образом переплетены нормы традиционной общественной морали и морали мусульманской.

*Wala sinene indiani
sifunue shiraani
mato angalia
tini na uso utie haya [Ibid.].*

Знай: сплетни и оговор
В гостях заводить позор
Держи опущенным взор
И будешь выглядеть скромной.

В исследовании 2013 года «Тематический анализ утенди Мваны Купоны: суахили-исламская перспектива» восточноафриканские ученые Тимамми Райя и Амри Салех сравнивают содержание поэмы с сурами Корана, убедительно доказывая неразрывную связь суахилийской традиции и догматов мусульманской веры, среди которых немалое место занимают правила поведения женщины в обществе, в том числе присутствия мужа [Timammi Rayya et al., 2013, pp. 9—10].

В 12-й строфе *убету* (всего в поэме 102 *убету*) героиня напоминает о необходимости читать священные тексты:

1 Здесь и далее в этой части статьи перевод А. Эппеля. Пунктуация переводчика сохранена.

*La kwanda kamata dini
faradhi usiikhini
na suna ikimkini
ni wajibu kuitia... [Utendi ...].*

Во-первых, в вере тверда
Будь, моя дочка, всегда,
Не забывай никогда
Сунну, фарадх и ваджибу ...

К концу поэмы рассказчица традиционно призывает Господа не оставить ее дитя, завершается утенди классической концовкой, характерной для ранних образцов старосуахилийской литературы. Поэтесса начинает наставления с восхваления Аллаха и приветствий Пророку. В русле религиозного взгляда на бренность человеческого бытия написана шестая убети поэмы:

*Mwanadamu si kitu
na ulimwengu si wetu
walau hakuna mtu
ambao atasalia [Ibid.].*

Адамовы дети — прах.
Мир не в наших руках
И не бывало в веках,
Человека, живущего вечно.

Сравним с фрагментом из более ранней этико-дидактической *тенди* «Аль-Инкишафи»:

*huu ulimwengu uitakao
emale ni lipi upendeyao?
hauna dawamu hudumu nao
ukimilikishwa wautendaye? [Ibid.].*

Этот мир, что ты так любишь
Что привлекает в нем тебя?
Не вечен он, и ты не вечен в нем
Что бы ты сделал с ним, будь он тебе
подвластен?

Типична для традиционной суахилийской поэмы и концовка утенди Мваны Купоны:

*Na sababu ya kutunga
si shairi si malenga
nina kijana muinga
napenda kumuusia.*

Есть причина, что слагаю сие
Не поэт ведь я, не маленга,
Есть дитя у меня неразумное
Ее хочу научить.

Сравним с одной из последних строф «Утензи об Ираклии»:

*si shairi si malenga
siyui sana kutunga
illa fumo wa yunga
mwenye nti kunambia.*

я не поэт не маленга
искусством слагать не владею
это правитель Пате
страны далекой поведал
[Жуков, 1997, с. 74]

Поэма Мваны Купоны убедительно демонстрирует преемственность суахилийской жанровой поэтики. При этом следование традиции отнюдь не означает закоснелость жанра утенди, некую, возможно, кажущуюся статичность образов, мотивов и формул. Напротив, даже если отбросить ген-

дерную принадлежность автора, очевидно, что уже тот факт, что в отличие от ранних примеров этико-дидактических поэм, нравственно-этические установки которых вращались исключительно вокруг догм ислама, наставления Мваны Купоны выдержаны в духе синкретизма мусульманских догм и правил поведения в традиционном восточноафриканском обществе. То, что Мвана Купона и ее дочь — представительницы восточноафриканского общества, не вызывает у читателя никаких сомнений. Именно эта подчеркнута национальная черта еще ярче проявится в поэмах *тенди* политико-социальной направленности, о чем было сказано выше. Неизменно важной для понимания специфики произведения представляется и фигура автора — поэтессы, представительницы суахилийской знати и супруги суахилийского шейха.

3.3. Современность и пути трансформации традиционного суахилийского стиха в XX веке

В 70-е годы XX века на суахилийской поэтической арене появляется группа молодых авторов, почувствовавших необходимость писать по-новому, причем не только в области формы. С их творчеством связано начало четвертого этапа в истории суахилийской поэзии, который продолжается по сей день.

Важно отметить, что после оглушительного успеха адаптации традиционных жанров к современной действительности в 1950—70-е годы жанр *тенди* — крупной формы канонической версификации с его характерными формальными признаками — практически исчезает из репертуара суахилийских поэтов-традиционалистов, в то время как жанр *машаири* продолжает жить и по сей день, в связи с чем на суахилийской поэтической арене Нового и Новейшего времени сосуществуют следующие каноническим правилам версификации традиционалисты, отвергающие классические нормы стихосложения модернисты, а также представители так называемой гибридной поэзии, использующие традиционные и модернистские принципы просодии.

В русле первого направления творят такие, например, авторы, как танзаниец Закария Мочива и кенийский поэт Абдилатиф Абдалла. Они пишут в традиционном жанре *машаири*, неукоснительно следуя формально-стилистическим признакам.

Стихи Закарии Мочивы (род. в 1955 году) — яркий пример традиционалистского направления в современной суахилийской поэзии. Поэт не только следует суахилийскому поэтическому канону на формальном уровне, но и сохраняет в своих стихах характерную для старосуахилийской поэзии этико-дидактическую тенденцию, которая, впрочем, у Мочивы часто соседствует с размышлением, сомнением. В сборнике 1988 года с философским названием «Терпеливый ест гнилое» (*Mvumilivu hula mbovu*) поэт

обыгрывает известную суахилийскую пословицу «Терпеливый ест спелое» (*Mvumilivu hula mbivu*).

В заглавном стихотворении, которое так и называется «Терпеливый» (*Mvumilivu*), Мочива по-своему объясняет последствия человеческого терпения: скорее, терпеливому достанется уже гнилое, нежели спелое и сочное:

*Najua wavumilivu wenye saburi
mswano,
Wenye chagua wagivu, wakwepao
mgongano,
Wepesi wa usikivu wajenzi wa
tangamano
Japo ni wavumilivu, kee bado hula
mbovu* [Mochiwa, 1988, p. 66].

Знавал я таких терпеливых, дружок,
Что думают выбрать послаще кусок.
И хоть терпеливы они, я не спорю,
Есть все-таки будут, скорее, гнилое.

Использование пословиц и поговорок в названии стихотворения — характерная черта традиционной поэзии. Кроме того, поэт совершенно очевидно развивает тему бренности бытия, часто фигурировавшую в произведениях и поэтов-классиков старосуахилийской литературы (например, в утенди «Ал-Инкишафи» Сеида Абдаллаха бин Насира), и современников Мочивы, сторонников возрождения традиционной поэзии, например, стихотворение Мочивы перекликается со стихотворением 1974 года Акили-мали Сноу-Уайта «Каждый, кто в горе» (*Kila apatae tabu*), в котором автор, бывший для Мочивы старшим товарищем по перу, напротив, осуждает тех, кто не имеет терпения.

Риторика Мочивы выдержана в духе назидательности, характерной для старосуахилийской поэзии. Но вместе с тем эта суровая дидактика соседствует с иронией, она глубоко философична, при знакомстве с творчеством Мочивы невозможно не провести параллели со многими высокими образцами восточной словесности, прежде всего знакомыми каждому отечественному читателю рубаи Омара Хайама или газелями Алишера Навои. Иногда же эта ирония переходит в своего рода бунт, а философский склад ума поэта приводит его к довольно этически неоднозначным высказываниям, как, например, в случае со стихотворением «Я тебя убиваю» (*Nakuua*), в котором будущая мать обращается к своему еще не родившемуся, явно нежеланному, ребенку:

*Tanitia majutoni, kulaumiwa
Uji utautamani, nguo na dawa
Nami si mtu ni duni, sina upawa
Hubaki sikutamani*
[Mochiwa, 1988, p. 25].

Кто позволит тебе здесь остаться?
Обвиненья твои не годятся.
Хочешь есть ты и одеваться?
Так какая у нищих еда!

Стоит отметить, что это стихотворение является ответом на произведение 1971 года, принадлежащее перу приверженца традиционной суахилийской поэзии кенийца Абдилати́фа Абдаллы «Не убивай меня!» (*Usiniue!*). В старосуахилийской поэзии бытовала особая форма поэтического диалога *majibiano*, окончательно оформившаяся и получившая широкое распространение в конце XIX века. Суть ее состоит в том, что автор стихотворения в поэтической форме отвечает на стихотворение другого поэта. Подобное литературное общение носило систематический характер, сохранили его в своих произведениях и поэты-традиционалисты XX века. Стихотворение Абдилати́фа Абдаллы, на которое Мочива пишет своего рода ответ, написано от лица еще не родившегося ребенка, который обращается с мольбами к своей матери, чтобы та не делала аборт. Таким образом, спустя десять лет Мочива отвечает Абдалле, как будто бы давая слово матери и выставляя против увещаний более старшего коллеги довод весьма прагматичного свойства — невозможность бедной женщины содержать ребенка.

В стихотворении Мочивы «Мое сердце неспокойно» (*Hauridhi moyo wangu*) все те же минорные нотки: лирический герой разочарован человеческим обществом, где люди называют себя друзьями, но когда же дело доходит до дележа чего-либо, между ними завязывается борьба, они становятся недругами. Подобные «плачи» по поводу несовершенства человеческого мира встречаем у поэтов-традиционалистов старшего поколения — Акилмали, Абеди. Однако нельзя не отметить важную разницу. И Абеди, и Акилмали «виновников» несовершенства видели в разрушителях традиции (например, в стихотворении Акилмали Сноу-Уайта «Нет ему благословения» (*Habariki duniani*) поэт обвиняет во всех бедах этого мира некоего «нечестивого сердцем» — *mtu haini wa moyo*). В произведениях классиков суахилийской литературы роль таких нечестивых играли немусульмане, неверные *варумы* и *ваиензи*, а также *вазунгу* (белые, европейцы) и *ваджерумани* (немцы).

Что касается формы, то, как видим, поэт полностью сохраняет форму шаири. Минимальный отход от канона (например, несоблюдение повторяющегося кикомо) характерен для творчества старших коллег Мочивы — Амри Абеди, Матиаса Мньямпалы, Акилмали Сноу-Уайта. Мочива сохраняет и другие особенности традиционной поэзии: щедрое использование арабизмов, а также практику сокращений, усечения словоформ: *sambwi* вместо *siambiwi*, *yani* вместо *ya nini*.

В стихах Мочивы сохраняется и еще одна характерная черта классических *машаири*: злободневность, стремление откликаться на самые серьезные проблемы современности. Его поэзия — сугубо прагматическая, призывающая взглянуть на отдельные явления жизни с практической точки зрения, даже если такой взгляд не сулит утешения. Определенная

склонность поэта к философской рефлексии также вполне созвучна тематике классических суахилийских стихов (стремление же подавать ее в эгегической манере объясняется особенностями творческого почерка автора).

Упомянутый Абдилатиф Абдалла в своем сборнике «Сдавленный голос» (*Sauti ya dhiki*, 1973), написанном в тюрьме, где поэт сидел по обвинению в антиправительственной деятельности, продолжает линию поэтов-традиционалистов, развивающих идеологическое направление. Но в лице Абдаллы мы имеем не трибуна борьбы за независимость, воспевающего национально-освободительное движение и его вождей, а бунтаря, выступившего против власти независимой Кении. Машаири Абдаллы политико-философского содержания имеют мало общего с гимнографическими поэмами *тенди* 1940—50-х и 1960—70-х годов. В стихах Абдаллы отчаяние оказавшегося в неволе свободолюбивого интеллигента, которое сменяется верой в собственные силы, размышления философского характера и трогательность любовных посланий перемежаются с исполненными гнева стихами политической направленности. Абдилатиф Абдалла не скрывает свои симпатии к мастеру машаири XVIII века Муяке бин Хаджи аль-Гассани, чьи строки он ставит эпиграфом к сборнику и которому, несомненно, пытается в хорошем смысле подражать в формальном и стилистическом планах. Поэт беспрекословно следует суахилийскому канону стихосложения. Его машаири совершенны в формально-стилистическом отношении и одновременно созвучны действительности. В его философской лирике присутствуют характерные для суахилийской классики нотки фатализма, тема бренности бытия и конечного избавления от страданий. Так, в стихотворении «Утешь сердце» (*Tuza moyo*) поэт призывает уповать на великую силу человеческого терпения, помогающего преозмочь страдания:

<i>Akhi tuliza mtima, uwate</i>	Утешься, приятель, не стоит
<i>kusoneneke</i>	терзаться
<i>Hakuna lisilokoma, siku 'kufika 'tatoka</i>	Ничто не вечно на свете,
<i>Kusubiri ni lazima...</i> [Abdalla, 1973, p. 6].	Даже вставшее солнце закатится
	Нужно терпеть...

Аналогичные интонации встречаем в стихотворении с характерным названием «Терпи, сердце» (*Moyo iwa na subira*). «Хорошая вещь терпенье», — пишет поэт, считая страдания необходимым жизненным испытанием, проверкой на прочность.

Для творчества Абдилатифа Абдаллы характерны и сугубо политические стихи с протестным пафосом, например, обращение революционного характера к друзьям с кенийского побережья «Пробуждение» (*Zindukani*).

В стихотворении «Африка, наша мать» (*Mamaetu Afrika*) поэт описывает недавнюю историю родного континента как историю негативного влияния иноземцев (*waja*, букв. пришельцы) на Африку, ее культуру и народы.

Творчество Абдаллы и Мочивы, а особенно их более старших коллег, поэтов 40—60-х годов XX века, — яркий пример адаптации поэтического канона, который выражается прежде всего в приспособлении нарратива жанра *машаири* к современной действительности. При этом сохраняется форма стиха, единственным признаком отхода от старосуахилийской поэзии становится, пожалуй, использование латиницы, переход на которую происходил в 1920—60-х годах.

Тема сохранения суахилийской поэтической традиции на рубеже 70—80-х годов XX века особенно любопытна на фоне заявившей о себе в полный голос модернистской суахилийской поэзии, адепты которой — молодая танзанийская интеллигенция. Отвергая канонические нормы суахилийского стихосложения, они заявили о новой форме его существования. Тематика данной статьи не предполагает описания этого уникального явления современной литературы на суахили (об этом подробнее см., например, [Фролова, 2021]). Для нас сейчас интересной представляется так называемая *переходная форма суахилийской поэзии*, сохраняющая признаки канона, но подвергшаяся соответствующей трансформации. В этом отношении особенно примечательным представляется творчество танзанийцев Теобальда Мвунги и Саида Ахмеда Мохамеда. В частности, Мвунги, подтверждая тезис об адаптации классической поэзии к нуждам современности, пишет машаири о «холодной войне», обращаясь к общемировым проблемам современности. На этом примере хорошо просматривается одна из ключевых черт, характеризующих в целом тенденцию развития суахилиязычной поэзии от локальной обособленности ко все большему включению в мировой процесс:

*Sasa yalivyo maisha? Sawa
mkuki moyoni
Duni nzima yatisha, bara na
baharini
Tamaa yatukatisha, dunia i
mashakani
Vita kuu vyanukia, tishio la
binadamu.*

Что происходит на свете? Словно нож
в сердце втыкают.
Стонет планета от страха, на суше и над
океаном.
Нет больше в мире надежды — злоба ее
поглотила.
Новой войною запахло — новой угрозой
для мира.

*Mashindano ya silaha,
yamekuwa ni mchezo
Wakubwa waona raha, kwa
silaha waundazo,*

Гонка вооружений — вот развлечение
сильных,
Руки они потирают — новая бомба
готова.

*Mabomu yaso na siha, ndiyo
yawapa uwezo,
Urusi na Marikani, dunia
mwaipa adha* [Mvungi, 1985,
p. 1—2].

Бомбы сегодня в почете — только они
дают силу,
Америка и Советы мир весь сковали
страхом.

Выделенные слоги наглядно демонстрируют несоблюдение принципа повторяющегося слога *кикомо*, в том числе его «кочующей» разновидности, о которой мы писали выше. Тем не менее автор, безусловно, следует шестнадцатисложному размеру *мизани*, рифма *вина* также сохраняется.

Стихотворение Мвунги «Поэзия земли» (*Shairi la udongoni*) сохраняет все признаки жанра *утенди*: автор использует не только восьмисложный размер строфы, но и рифму *вина* и отличный от нее слог *кикомо* (который, однако, не повторяется в данном стихотворении, как, впрочем, это часто бывает в поэзии традиционалистов XX века):

8 слогов

*'Me-ni-tu-nu-ku sha-i-ri,
Mi-mi na-o-na fa-ha-ri,
Sha-i-ri ta-mu na shwa-ri,
O-fi-si-ni 'ka-li-ku-ta...*

*Shairi hili mwana-na,
Linanikamata sa-na,
Lasema mambo ya ja-na,
Kwa sifa na shangili-o.*

Примечательно, что Мвунги использует форму обоих традиционных жанров, что не было характерно для классической суахилийской поэзии.

Яркий пример трансформации суахилийского поэтического канона демонстрирует известный занзибарский писатель и литературовед Саид Ахмед Мохамед (род. 1947). В отличие от Мвунги, который в целом просто копирует традиционную форму, Мохамед прибегает к ее «препарированию».

Так, в сборнике «Полнота жизни» (*Kina cha maisha*) в стихотворении «Этот цвет!!» (*Rangi hii!!*) Мохамед трансформирует традиционный стих *шаири*, сохраняя восьмислоговый отрезок *винпанде* с цезурой и одинаковыми последними слогами в первой и третьей строках, вторая же и четвертая строки — трехсложные повторы, не имеющие, кажется, ничего общего с классической формой старосуахилийской поэзии; более того, не сохраняется четырехстрочная строфа *убети*. Кроме того, налицо явный эксперимент с графикой стиха: разрыв строки, дважды повторяющийся рефрен,

равномерно переходящий из одной строфы в другую, обыгрывание слов *ni* (да) и *si* (нет):

Hata iwe nywele zao katu hawajichunuwi
si mno

Pia yawe macho yao katu hawajiponfuwi
si mno

Mno ni rangi ya mwili

Ah, sasa n' metambua tatizo sio la rangi
ni mno

Tatizo ya hayo kuwa yalopita miaka
mingi ni mno

Mno si rangi ya mwili [Mohamed, 1984,
p. 35—36].

Даже если волосы как сажа
не важно

Если в глазах темнота
не беда

Дело в цвете тела...

Я понял дело не в цвете
вот что важно

Эта проблема с нами навеки
вот в чем беда

Дело не в цвете тела

Внимательный читатель может заметить, что Мохамед занимается здесь трансформацией традиционного *шаири*: строфа условно состоит из пяти строк, пятая, а затем десятая строки почти дословно повторяются, формант «*li*» выполняет в стихотворении роль кикомо. Эту особенность формального приема Мохамеда можно увидеть и в других его произведениях.

В стихотворении «Где граница?» (*U wapi mpaka?*) также чувствуется отдаленное напоминание о традиции. Стихотворение, на первый взгляд, по форме сугубо современное, не имеющее ничего общего с нормами традиционной поэзии: ни восьмислоговых випанде, ни сохранения порядка рифмующихся последних слогов в строках в нем нет, строки не совпадают друг с другом по количеству слогов, одна строка может быть короче другой наполовину. Однако это лишь внешний, поверхностный, уровень прочтения. Вглядевшись в стихотворение повнимательней, нетрудно обнаружить отдельные элементы канона, так как само стихотворение напоминает некую «отрезанную» от шаири часть, так что рефрен «где граница?» становится похожим на второй отрезок *кипанде* строки (первый как будто нарочно утрачен, не случайно рефрен начинается со строчной буквы), который повторялся в смежных строфах классического шаири — отсюда необычность структуры строфы, состоящей из двух строк с нетрадиционным размером:

Ba-i-na ya ku-o-na na ku-to-o-
na u wapi mpaka?

Ba-i-na la ma-a-na la li-so ma-
a-na u wapi mpaka? [Ibid., p. 34].

Между видеть и не видеть
где граница?

Между чепухой и смыслом
где граница?

Другой яркий пример такой сознательной трансформации традиционного стиха — стихотворение «Вырастишь там, где прополешь» (*Pavumapo palilie*). В нем также, желая подчеркнуть слово, заставить звучать его более выразительно, автор ставит его отдельной строкой. Но подобную «визуальную» Мохамед производит над традиционным стихом *шаури*, строфу *убети* которого он неожиданно разрывает выведенным отдельной строкой и потому сильно акцентированным словом «Знай» (*Jua*):

<i>U-chi-pu-ka-po m-me-a / 'ka-na-wi-ri ma-ri-da-di</i>	Когда дерево цветет
16 слогов	и зеленеет,
<i>U-ti-li wa po-m-bo-le-a / na ma-ji ya ma-ka-su-di</i>	Когда пьет корнями
16 слогов	воду и растет,
<i>U-ja-po-ku-nyo-ng'o-nye-a / u-si-pa-te ku-ji-ru-di</i>	Не пугайся, если
16 слогов	скоро ослабеет.
<i>Ju-a,</i>	Знай,
<i>Pa-vu-ma-po pa-li-li-e / si ka-zi ku-da-mi-ri-ka!</i>	Здесь жизни новое
16 слогов	зерно!
	[Ibid., p. 6]

Названную специфическую черту поэзии Мохамеда, которую также можно обозначить как *эксперимент с традиционной поэзией*, повсеместно встречаем в сборнике «Взгляд изнутри» (*Jicho la ndani*). Любопытно следующее стихотворение сборника:

<i>Sendi,</i>	<i>sirudi sendi</i>	<i>nimekita kwa hamasa</i>
<i>Tendi,</i>	<i>baidi tendi</i>	<i>kwa mbali ninazipasa</i>
<i>Fundi,</i>	<i>shahidi fundi</i>	<i>naviwiza vyao visa!</i>
		[Mohamed, 2002, p. 116].

Здесь поэт словно упражняется в демонстрации различных вариаций традиционной рифмы или же сам хочет преподать урок традиционного стихосложения. Это стихотворение-конструктор. Основу составляет своеобразный столбец, точнее, три столбца, образующие одну из многочисленных разновидностей традиционной формы суахилийского стихосложения *укавафи* (*ukawafi*). Однако здесь Мохамед к традиционному стиху *укавафи* добавляет еще один столбец, каждая строка которого представляет собой классический восьмисложный отрезок *кипанде*, словом, автор «препарирует» традиционное стихотворение и, навсегда усвоив законы его построения, изобретает нечто новое.

Творчество Мвунги и Мохамеда — отнюдь не единичные примеры «заигрывания» с традицией. Такой академический, исследовательский подход к собственно творчеству во многом объясняется тем, что суахи-

лийские поэты (что в целом характерно для африканской писательской интеллигенции) — это зачастую литературоведы и лингвисты, исследователи фольклора, преподаватели языка и литературы. Их интерес к формальному аспекту творчества представляется закономерным в контексте профессионального исследовательского взгляда на литературное произведение.

Интерес к традиционной поэзии подкрепляется увлеченностью исследователей, которые предпочитают изыскивать и изучать старинные памятники суахилийской литературы, свидетельством чего являются монографии нового поколения исследователей современной литературы на языке суахили, см., например [Kanadaror et al., 2017].

4. Заключение = Conclusion

История суахилийской литературы — это история, с одной стороны, развития традиционной поэзии, а с другой — многостадийной трансформации и адаптации канона: от переложений заимствованных сюжетов к адаптации заимствованной формы, к своей истории в период осознания авторами собственной национальной идентичности. Каждый из этих этапов характеризуется определенным набором черт, а именно:

- адаптацией заимствованных сюжетов и форм на стадии зарождения суахилийской поэтической традиции;
- внедрением сугубо восточноафриканской «повестки» в сюжеты поэм в XIX веке на фоне укрепления национального самосознания;
- заменой религиозной составляющей на идеологическую в первой половине XX века, что обусловлено усилением национально-освободительного движения в Восточной Африке;
- формированием во второй половине XX века внеидеологического характера сюжетов, обусловленным все большим включением восточноафриканских авторов в общемировой литературный процесс;
- всплеском интереса к канонической суахилийской поэтике на лингвистическом уровне на этапе трансформации суахилийского традиционного стиха, на фоне стремительно развивающейся модернистской поэзии, начиная с середины 1970-х годов.

Важно отметить, что пункты 1, 2 и 3 характеризуют именно старейший, так называемый высокий жанр суахилийской литературы *утенди*, который, пройдя три основных стадии формирования и развития, практически уходит с поэтической арены, начиная со второй половины XX века. Более поздний в стадийном отношении жанр городской литературы *машаири* с момента формирования и вплоть до наших дней практически не меняется в формальном и содержательном планах, по сей день сохраняя основные черты: это по большей части философская лирика. Хотя попытка

вырваться за рамки восточноафриканского социума, а также ощущение необходимости писать, что называется, «на злобу дня», несомненно, сказываются на содержании *машири* нового и новейшего времени: современная действительность находит отражение в этих стихах.

Важнейшими в развитии суахилийской, в том числе традиционной, поэзии стали возникновение модернистской поэзии на языке суахили и связанный с ней феномен трансформации традиционного стиха, знаменующий своего рода разложение поэтической традиции и выразившийся в мощнейшем лингвистическом эксперименте с эвфоникой и графикой традиционного стиха. Этап трансформации, демонстрирующий всплеск интереса к канонической суахилийской поэтике на лингвистическом уровне, представляется во многом обусловленным «усталостью» от длительного модернистского эксперимента в суахилийской литературе, начавшегося в середине 1970-х годов.

Не менее важным представляется тот факт, что каждый из этих значимых в историко-культурном отношении этапов становления и развития суахилийской поэтической традиции формируется за счет уникальной фигуры автора, особенно ярко впервые заявившей о себе на этапе адаптации формально-стилистической составляющей к сугубо суахилийской действительности. Со временем фигура суахилийского автора начинает проявляться все четче, и если в случае с поэтами первого поколения авторство вызывало вопросы, а фигура автора могла затеняться переводчиком или пересказчиком (как, например, в случае с известнейшей утенди «Сказание о Лионго Фумо» или упомянутым «Утенди о Хусейн ибн Али» неизвестного автора) — более важным представляется сказанное, то позднее, на втором и последующих этапах развития суахилийской поэзии, автор с его специфической манерой письма выходят на передний план.

Источники

1. *Abdalla A. Sauti ya dhiki* / A. Abdalla. — Nairobi : Oxford University Press, 1973. — 121 p.
2. *Kezilahabi E. Kichomi* / E. Kezilahabi. — Nairobi : Heinemann, 1974. — 72 p.
3. *Mvungi T. Chungu tamu* / T. Mvungi. — Dar es Salaam : Tanzania Publishing House, 1985. — 59 p.
4. *Mochiwa Z. Mvumilivu hula mbovu* / Z. Mochiwa. — Dar es Salaam : Dar-es-Salaam University Press, 1988. — 74 p.
5. *Mohamed S. A. Kina cha Maisha* / S. A. Mohamed. — Nairobi : Longman Kenya Ltd., 1984. — 64 p.
6. *Mohamed S. A. Jicho la ndani* / S. A. Mohamed. — Nairobi : Longhorn Publishers, 2002. — 176 p.
7. *Khatib M. Utenzi wa ukombozi wa Zanzibar* / M. Khatib. — Dar es Salaam : Oxford University Press, 1975. — 69 p.

8. *Mahimbi E. Utendi wa CCM* / E. Mahimbi. — Dar es Salaam : Tanzania Publishing House, 1967. — 63 p.
9. *Mwaruka R. Utendi wa Jamhuri ya Tanzania* / R. Mwaruka. — Dar es Salaam : East African Literary Bureau, 1976. — 64 p.
10. *Utendi wa Mwana Kupona* [Electronic resource] / Alice Werner. — The Utendi of Mwana Kupona. — Access mode : <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.32044042149120&view=1up&seq=1&skin=2021> (accessed 21.07.2022).

Литература

1. *Громов М. Д. Современная литература на языке суахили* / М. Д. Громов. — Москва : Наука, 2004. — 318 с. — ISBN 5-9208-0201-4.
2. *Жуков А. А. Суахили : язык и литература* / А. А. Жуков. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. — 348 с. — ISBN 5-288-01642-9.
3. *Фролова Н. С. Поэзия Восточной Африки* / Н. С. Фролова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2021. — 208 с. — ISBN 978-5-9208-0629-1.
4. *Фролова Н. С. Развитие современной поэзии Восточной Африки на языках суахили и английском (70-90-е гг. XX в.) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03* / Н.С. Фролова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2004. — 38 с.
5. *Щеглов Ю. К. Литература на языке суахили* / Ю. К. Щеглов // Современные литературы Африки. Восточная и Южная Африка. — Москва : Наука, 1974. — С. 6—39.
6. *Abedi A. Sheria za kutunga mashairi na diwani ya Amri* / A. Abedi. — Nairobi : East African Literature Bureau, 1954. — 130 p.
7. *Kandagor M. Lugha na fasihi katika karne ya ishirini na moja : kwa heshima ya marehemu Profesa Naoma Luchera Shitemi* / M. Kandagor, N. O. Ogechi, C. Vierke. — Eldoret : Moi University Press, 2017. — 418 p.
8. *Snow-White Akilimali*. Usanifu wa ushairi / Akilimali Snow-White. — Kampala : East African Literature Bureau, 1976. — 163 p.
9. *Timammi R. A Thematic Analysis of Utendi wa Mwana Kupona : A Swahili/Islamic Perspective* [Electronic resource] / R. Timami, A. Swaleh // Journal of Education and Practice. — 2013. — Vol 4, № 28. — Pp. 8—15.
10. *Topan F. Modern Swahili poetry* / F. Topan // Bulletin of SOAS. — 1974. — Vol. 37. — Pp. 175—187.
11. *Vierke K. On the Poetics of the Utendi : A Critical Edition of the Nineteenth-Century Swahili Poem “Utendi wa Haudaji” together with a Stylistic Analysis* / K. Vierke. — Zürich : Lit Verlag, 2011. — 728 p. — ISBN 978-3-643-80089-3.

Material resources

- Abdalla, A. (1973). *Sauti ya dhiki*. Nairobi: Oxford University Press. 121 p. (In Swax.).
- Kezilahabi, E. (1974). *Kichomi*. Nairobi: Heinemann. 72 p. (In Swax.).
- Khatib, M. (1975). *Utenzi wa ukombozi wa Zanzibar*. Dar es Salaam: Oxford University Press. 69 p. (In Swax.).
- Mahimbi, E. (1967). *Utendi wa CCM*. Dar es Salaam: Tanzania Publishing House. 63 p. (In Swax.).
- Mochiwa, Z. (1988). *Myumilivu hula mbovu*. Dar es Salaam: Dar-es-Salaam University Press. 74 p. (In Swax.).
- Mohamed, S. A. (1984). *Kina cha Maisha*. Nairobi: Longman Kenya Ltd. 64 p. (In Swax.).
- Mohamed, S. A. (2002). *Jicho la ndani*. Nairobi: Longhorn Publishers. 176 p. (In Swax.).

- Mvungi, T. (1985). *Chungu tamu*. Dar es Salaam: Tanzania Publishing House. 59 p. (In Swax.).
- Mwaruka, R. (1976). *Utendi wa Jamhuri ya Tanzania*. Dar es Salaam: East African Literary Bureau. 64 p. (In Swax.).
- Utendi wa Mwana Kupona. *The Utendi of Mwana Kupona*. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.32044042149120&view=1up&seq=1&skin=2021> (accessed 21.07.2022). (In Swax.).

References

- Abedi, A. (1954). *Sheria za kutunga mashairi na diwani ya Amri*. Nairobi: East African Literature Bureau. 130 p. (In Swax.).
- Frolova, N. S. (2004). *The development of modern poetry of East Africa in Swahili and English (70-90-ies of the twentieth century)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow: IMLI RAS. 38 p. (In Russ.).
- Frolova, N. S. (2021). *Poetry of East Africa*. Moscow: IMLI RAS. 208 p. ISBN 978-5-9208-0629-1. (In Russ.).
- Gromov, M. D. (2004). *Modern literature in Swahili*. Moscow: Nauka. 318 p. ISBN 5-9208-0201-4. (In Russ.).
- Kandagor, M., Ogechi, N. O., Vierke, C. (2017). *Lugha na fasihi katika karne ya ishirini na moja : kwa heshima ya marehemu Profesa Naoma Luchera Shitemi*. Eldoret: Moi University Press. 418 p. (In Swax.).
- Shcheglov, Yu. K. (1974). Literature in Swahili. In: *Modern literatures of Africa. Eastern and Southern Africa*. Moscow: Nauka. 6—39. (In Russ.).
- Snow-White, Akilimali. (1976). *Usanifu wa ushairi*. Kampala: East African Literature Bureau. 163 p. (In Swax.).
- Timammi, R., Swaleh, A. A Thematic Analysis of Utendi wa Mwana Kupona: A Swahili/Islamic Perspective. *Journal of Education and Practice*, 4 (28): 8—15.
- Topan, F. (1974). Modern Swahili poetry. *Bulletin of SOAS*, 37: 175—187.
- Vierke, K. (2011). *On the Poetics of the Utendi: A Critical Edition of the Nineteenth-Century Swahili Poem "Utendi wa Haudaji" together with a Stylistic Analysis*. Zürich: Lit Verlag. 728 p. ISBN 978-3-643-80089-3.
- Zhukov, A. A. (1997). *Swahili: language and literature*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 348 p. ISBN 5-288-01642-9. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.09.2022,
одобрена после рецензирования 01.11.2022,
подготовлена к публикации 24.11.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY

Анна Владимировна Шуршикова, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Белла Анатольевна Ночвина, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Владимир Борисович Безгин, д-р истор. наук (Тамбов)
Евгений Владимирович Игумнов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Константин Алексеевич Абдрахманов, канд. истор. наук (Оренбург)
Ксения Алексеевна Тишкина, канд. истор. наук (Красноярск)
Ксения Сергеевна Барабанова, канд. истор. наук (Сургут)
Кузьма Александрович Якимов, канд. истор. наук (Тамбов)
Лилия Геннадьевна Степанова, канд. истор. наук (Краснодар)
Назгул Акылбековна Исабаева, канд. истор. наук (Эрзинжан, Турция)
Нина Владимировна Старикова, канд. истор. наук (Нижний Новгород)

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Абдрахманов К. А. Чайная торговля в Российской империи в середине XIX века / К. А. Абдрахманов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 253—281. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-253-281.

Abdrakhmanov, K. A. (2022). Tea Trade in Russian Empire in Middle of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 00-00. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-00-00. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE

ERIH PLUS

ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-00-00

Чайная торговля в Российской империи в середине XIX века

Абдрахманов Константин Алексеевич
orcid.org/0000-0001-9469-7694
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России
kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Оренбургский государственный
педагогический университет
(Оренбург, Россия)

Tea Trade in Russian Empire in Middle of 19th Century

Konstantin A. Abdrakhmanov
orcid.org/0000-0001-9469-7694
PhD in History, Associate Professor,
Department of History of Russia
kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Orenburg State Pedagogical University
(Orenburg, Russia)

© Абдрахманов К. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется деловая активность купцов середины XIX века, выбравших торговлю чаем в качестве основной сферы своих инвестиций. Анализ российской чайной торговли середины XIX столетия в контексте ее организационной специфики весьма ограниченно представлен в отечественной историографии, что подтверждает новизну данного научного исследования. Рассмотрены ключевые моменты организации торговых операций с китайцами в Кяхте. Представлен и проанализирован спектр проблем, характерный для предпринимательской практики чаоторговцев этой эпохи. Сделан акцент на торговле контрабандным чаем и производстве его суррогатных версий как главных препятствиях на пути продуктивной работы чайного рынка в интересах купечества и государства. Отмечается, что торговлю незаконным товаром вели коллеги по цеху, не умевшие либо не желавшие получать прибыль честным путем, а само маргинальное явление было настолько массовым, что самостоятельно ликвидировать нелегальный рынок купцы не могли. Как следствие, для решения многих вопросов купцам приходилось взаимодействовать с различными структурами власти страны. Показано, что дистанционный формат взаимодействия крупных предпринимателей со своими торговыми агентами в Кяхте имел определенные неудобства и приносил хозяевам чайного дела прибыль значительно меньшую, чем было возможно.

Ключевые слова:

Кяхта; торговля чаем; трудовая повседневность; купечество; контрабанда; фальсификация; напиток; торговля с Китаем.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The business activity of merchants of the middle of the 19th century, who chose the tea trade as the main area of their investments, is investigated. The analysis of the Russian tea trade in the middle of the 19th century in the context of its organizational specifics is very limitedly presented in Russian historiography, which confirms the novelty of this scientific study. The key moments of the organization of trade operations with the Chinese in Yakhta are considered. The range of problems typical for the entrepreneurial practice of tea merchants of this era is presented and analyzed. Emphasis is placed on the trade in smuggled tea and the production of its surrogate versions as the main obstacles to the productive work of the tea market in the interests of the merchants and the state. It is noted that the trade in illegal goods was carried out by colleagues who did not know how or did not want to make a profit in an honest way, and the marginal phenomenon itself was so massive that the merchants could not liquidate the illegal market on their own. As a result, in order to resolve many issues, merchants had to interact with various structures of the country's authorities. It is shown that the remote format of interaction between large entrepreneurs and their sales agents in Yakhta had certain inconveniences and brought profits to tea business owners much less than the possible maximum.

Key words:

Kyakhta; tea trade; working day; merchants; smuggling; falsification; drink; trade with China.

Чайная торговля в Российской империи в середине XIX века

© Абдрахманов К. А., 2022

1. Введение = Introduction

Вопросы предпринимательской деятельности отдельных социальных групп, национальных объединений и профессиональных сообществ поднимаются в настоящее время в многочисленных научных трудах. Осуществляемая в данный момент переориентация экономики России на рынки государств Азиатско-Тихоокеанского региона делает актуальным анализ внешнеторгового опыта предпринимателей дореволюционной эпохи. Цель данной научной работы предполагает детальное изучение особенностей труда коммерсантов в сфере чайной торговли 40—50-х годов XIX века.

Выбранный для исследования отрезок времени интересен тем, что в середине XIX века, несмотря на значительные объемы российско-китайской торговли, экономические контакты двух государств двигались по пути регресса. Эта негативная тенденция получила особенно яркое отражение в сфере российского импорта, ориентированного на одну ключевую позицию — чай. По наблюдению сотрудника министерства иностранных дел Н. И. Любимова, «чай поглотил все прочие предметы отпуска со стороны китайцев» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 47, л. 5—5 об.], хотя еще в начале XIX столетия «главная торговля со стороны китайцев состояла в разных мануфактурных произведениях» [Там же, л. 4 об.]. Масштаб проблемы подчеркивает внимание к ситуации со стороны высших имперских сановников. Еще в 1820 году известный политический деятель М. М. Сперанский определил отрицательный курс российско-китайских деловых контактов. «Шелковые материи уже кончились; китайка тоже почти кончается, остается чай, чай и чай», — писал о сужении номенклатуры китайского ввоза М. М. Сперанский [цит. по: Силин, 1947, с. 189]. Словом *китайка* в России называли различные ткани с примесью бумаги [Мишакова, 2013, с. 47].

Кроме отсутствия интереса у китайской стороны к поставкам в Россию предметов, помимо чая, в профессиональной деятельности отечественных коммерсантов существовал целый ряд отрицательных тенденций, оказывавших влияние на доходность и комфорт бизнеса. Значительно усложняли частоторговцам ведение дел контрабанда и производство суррогатного чая, достигшие в середине XIX века колоссальных размеров.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование отражает характерные особенности трудового быта купцов-чаоторговцев в 40-е — 50-е годы XIX века. Для воссоздания достоверной картины деловой активности участников чайного рынка России использовались служебные письма Н. И. Любимова, составленные в этот промежуток времени. Николай Иванович Любимов занимал ряд руководящих должностей в Азиатском департаменте министерства иностранных дел во второй трети XIX века [Веселовский, 1909, с. 2—4]. Сопровождая в 1840 году Российскую духовную миссию в Пекин в качестве пристава и посетив в 1845 году Чугучак и Кульджу под видом фридрихсгамского купца 2-й гильдии Н. И. Хорошева, имперский чиновник хорошо ознакомился с уникальными деталями российско-китайской чайной торговли [Там же, с. 3]. Т. Куроянаги сообщил о ценности сведений, собранных Н. И. Любимовым за время торгово-дипломатических миссий: «Его приключения дают специалистам много материалов по истории Азии и российских дипломатических отношений с Китаем» [Куроянаги, 2021, с. 34]. За время своего нахождения в Кяхте Н. И. Любимов смог детально рассмотреть проблемы, сопутствовавшие организации чайного бизнеса отечественными купцами, и предложил решения многих из них. Составленные им путевые дневники находятся на хранении в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Данные эго-материалы легли в основу настоящей статьи. Кроме этого, корпус источников представлен работами современников исследуемой эпохи [Веселовский, 1909, с. 2—4; Куропаткин, 1879, с. 48; Небольсин, 1856, с. 19; Субботин, 1892, с. 44—47, 103—106; Трусевич, 1882, с. 229—230] и неопубликованными материалами личного происхождения, созданными представителями купечества, непосредственно участвовавшими в торговле чаем [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 54, л. 2—11 об.; ф. 796, оп. 448, д. 60, л. 1—157].

Вопросы российско-китайских торговых отношений XVIII—XIX веков достаточно широко представлены в отечественной и зарубежной историографии [Ермолаев, 2011, с. 22—27; Лю Цзайци, 2010, с. 58—63; Шкунов, 2017, с. 139—145; Шпалтаков, 2014, с. 128—132]. Особое внимание исследователей традиционно уделяется Кяхте в контексте организации экономических связей России и Китая [Мишакова, 2013, с. 46—50; Попова, 2013, с. 28—36]. Такие негативные элементы коммерческой деятельности чаоторговцев, как нелегальный привоз напитка и продажа суррогатного чая в конце XIX — начале XX веков, были описаны Г. А. Жолобовой [Жолобова, 2013, с. 123—134]. Отдельные проблемы делового быта занятых в чайной торговле казанских купцов представлены в статье Н. А. Кореевой [Кореева, 2020, с. 58—71]. Анализ имеющейся литературы позволил убедиться в крайне ограниченном количестве материалов, сосредоточенных на трудовой спе-

цифике предпринимателей-чаоторговцев дореволюционной эпохи. Предлагаемая работа в некоторой степени заполнит существующий историографический пробел и, возможно, положит начало циклу исследований, посвященных различным аспектам (семья, досуг, труд) повседневной жизни купечества, выбравшего чайный бизнес основным источником своих доходов.

Определение трудового процесса в качестве одного из основных аспектов жизнедеятельности людей принадлежит представителям философского знания. Отечественные философы видели в постоянном труде человеческих масс источник формирования международного рынка. По мнению исследователей, «сам *мировой рынок* существует только посредством ежедневной повседневной деятельности людей, создающих, продающих и покупающих товары в разных странах» [Любутин и др., 2005, с. 55]. К. Н. Любутин, Д. В. Пивоваров и Л. П. Буева говорят о материальной, предметно-практической деятельности как обязательных условиях существования субъекта-человека [Любутин и др., 1993, с. 141; Буева, 2007, с. 123]. Представленный методологический инструментарий был привлечен для изучения особенностей предпринимательских практик купцов, занятых в чайной торговле в середине XIX века.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Закупка чая: организация, особенности, проблемы

Ключевой особенностью делового обмена российских купцов с китайскими поставщиками чая в первой половине XIX века был меновой характер торговых сделок. В качестве «валюты» для приобретения чая российская сторона предлагала изделия легкой промышленности (текстиль, кожа) и мех пушных животных. В перечень отечественных пушных товаров входили «лисицы, выдры, выхухоли, горностаи, песцы, рыси» и даже кошачий мех [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 47, л. 7—7 об.]. Кроме этого, у китайских предпринимателей пользовались спросом юфть, сафьян, козышкуры, рога сайгаков и изюбрей, хлеб [Там же, л. 7об. — 8].

В сфере чайной торговли через Кяхту, начиная с 40-х годов XIX века, каждый год открывался периодом российско-китайских торговых сделок. Этот сложный в организационном плане процесс получил название *расторжки* и являлся основным этапом делового обмена российских и китайских коммерсантов. Менее масштабная торговая деятельность начиналась в Кяхте еще до официального открытия расторжки. Основной задачей этого мероприятия было определение количества и номенклатуры сортов привезенного чая, подтверждение качества напитка. Н. И. Любимов отметил, что делегации из торгующих в Кяхте российских купцов необходимо было «чаем определить сорта по доброте и вкусу, какими ценами принимать их за

наши товары» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 1, л. 64]. Пока длилась разработка условий обмена, согласование взаимовыгодной ценовой политики на текущий сезон, «китайцам показывают образцы русских товаров, также и китайцы отдают на рассмотрение нашим купцам пришедшие чаи каждой фамилии, для определения достоинства» [Там же]. Процедура расчета стоимости российской продукции по отношению к определенным сортам китайского чая обычно сопровождалась различного рода трудностями. Отечественным коммерсантам предстояло тщательно провести экспертизу привезенного чая и после этого, «не уронив ценности русских товаров», предложить китайским партнерам привлекательную стоимость покупки [Там же, л. 65]. Для исключения неэквивалентного обмена и, соответственно, потери прибыли российским предпринимателям, которые были членами комиссии, необходимо было добросовестно выполнять свои обязанности, так как далеко не весь чай был хорошего качества. Например, отдельные сорта напитка (около 5) в обязательном порядке запрещалось выменивать «прежде рассмотрения и сортировки» [Там же]. К напиткам низкой категории, которые классифицировались как *обыкновенные*, или *ординарные*, принадлежал чай, доставлявшийся торговцами, проживавшими в провинции Шаньси. В силу этого недорогие сорта такого чая в первой половине XIX века было принято ошибочно называть *сансинскими* [Субботин, 1892, с. 45]. Позже название престало употребляться в деловых документах, так как стало известно, что в указанной провинции чай не производился, а торговавшие им коммерсанты приобретали товар в других регионах Китая. Характерной особенностью напитка был слабый красноватый оттенок [Там же].

Сорта высшей категории обозначались как *фамильные*. Расфасованный в специальные транспортные контейнеры — *цибики* — первосортный чай маркировался клеймами известных китайских торговых династий [Там же]. Такой чай имел янтарно-малиновый цвет и «вкус более мягкий и полный» [Там же, с. 46]. Самый лучший фамильный цветочный чай поставляли на российский рынок в XIX веке фирмы «Мыюкона и Шитычуана». «Рангом» ниже считалась продукция предприятий Ван-Сун-Чо, Тянь-Сун-Чо и Юн-Чен-Чень. Замыкали линейку первосортного чая такие поставщики, как Юнхуко, Юсончо и Кафачен [Там же]. Наряду с сортами черного чая завозили некоторое количество зеленого. Однако этот напиток, представленный на российском рынке всего тремя сортами, не пользовался среди местного населения большой популярностью [Там же, с. 47]. Для точного определения качества напитка и правильной «конвертации» в чай своих товаров российские коммерсанты должны были обладать определенными знаниями о привозной продукции. Для выявления порченого товара от купцов требовалось понимать условия хранения напитка и иметь

сведения о времени нахождения товара в пути к месту обмена. Чтобы не понести убытки, избежать наложения штрафа и не дискредитировать себя приобретением и дальнейшим распространением суррогатного чая, коммерсантам-чаеоторговцам нужно было уметь по цвету, запаху и структуре листьев находить в элитных сортах примеси дешевых аналогов или неорганические добавки, применяемые для увеличения веса.

К вышесказанному необходимо добавить, что атмосфера взаимного недоверия между китайцами и россиянами, регулярные попытки обмана с обеих сторон постоянно сопровождали повседневный труд отечественных предпринимателей, занятых в чайной торговле. Эту специфику российско-китайской торговли через Кяхту отметил автор второй половины XIX века Х. И. Трусевич: «Одна черта, много вредившая торговле, была обща обоим народам, — это обман» [Трусевич, 1882, с. 230]. «Китайцы впрочем всегда превосходили в этом отношении русских», — считал современник событий [Там же]. Советский исследователь Е. П. Силин также указал, что деловая активность китайцев «далеко не была честной. Почти каждый торгующий китаец старался, ради лишнего рубля, обмануть своего покупателя, прежде всего — русского» [Силин, 1947, с. 108]. В отличие от Х. И. Трусевича Е. П. Силин был убежден, что российские коммерсанты практиковали не менее изощренные способы обмана своих заграничных коллег. «Однако и русские купцы в умении обмануть немного уступали китайцам», — указано в работе историка [Там же]. По словам московского купца 1-й гильдии С. Лепешкина, он имел представление об уловках, «которые употреблялись китайцами для утайки истинного количества товаров, находившихся в их юртах, и действительной их потребности в наших товарах» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 54, л. 5]. К сожалению, мы не владем данными о конкретных примерах противоправных действий российских и китайских предпринимателей, применяемых ими в кяхтинском торге. Однако варианты обмана имперских пограничных властей, распространенные у кокандских купцов, пересекавших Семипалатинскую таможню, позволяют представить влияние такой девиации на условия чайной торговли. Для того чтобы уменьшить количество напитка в транспортной таре и при этом сохранить продажный вес товара, азиатские коммерсанты действовали по следующей схеме: привозили чай только в больших — полуторных ящиках, затем «разнимавши таковой надвое» получали уже две емкости для напитка, которые снабжали дополнительными внутренними перегородками. Это позволяло сократить полезный объем для сыпучего продукта, но при этом абсолютно не сказывалось на весе товара [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 52, л. 28]. В результате покупатель приобретал за хорошие деньги ящик стандартного веса (32—40 кг), но уже с меньшим содержанием ценного груза.

Сложность заключения торговых сделок состояла и в том, что согласно указу императора Павла I «О кяхтинском тарифе», изданному в марте 1800 года, торговля китайцев и россиян утверждалась исключительно на меновой основе [РГИА, ф. 21, оп. 12, д. 4, л. 1—1 об.]. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1855 года, когда правительство одобрило расчет деньгами в российско-китайских торговых сделках [Кореева, 2020, с. 63]. До этого времени надлежало «торг китайский производить меной, а на деньги не только ничего не покупать, но и не продавать под опасением тяжкого штрафа», — было сказано в правилах о торговле [Цит. по: Силин, 1947, с. 101]. Отсутствие унификации в номенклатуре отечественных товаров провоцировало конкуренцию среди торговавших в Кяхте российских купцов. Изделия мануфактурной промышленности, известные «добро-тою, видом и дешевизною» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 1, л. 66], поставляли российские чаоторговцы из центральных районов империи, прежде всего московские коммерсанты. На мехе пушного зверя специализировались местные сибирские купцы, в основном приезжавшие из Иркутска. Абсолютно разные по характеру, способам и срокам хранения предметы подвозились купцами на кяхтинский торг в разное время. Так, «мягкая рухлядь с Якутской ярмарки и из других мест Сибири» поступала в ноябре, декабре, а «некоторые в генваре» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 1, л. 65], то есть заранее, еще в конце предшествующего расторжке года, когда китайские коммерсанты уже находились в Кяхте и ждали согласования цен. Ткани, кожи, предметы роскоши доставлялись несколько позже — в первые месяцы нового года. До подвоза всех наименований российской продукции невозможно было составить положение о торге на новый сезон и начать выменивать чай. Имеющийся в распоряжении источник четко указывает на последствия разных сроков доставки российских товаров: «причина же отдаления времени оной (расторжки. — *К. А.*) происходит от соперничества на Кяхте между торгующими фабричными изделиями и сибирскими произведениями» [Там же, л. 66 об.].

В такой ситуации прибывавшие в Кяхту заблаговременно сибирские купцы оказывались в очень невыгодном положении и вынуждены были нести убытки, потому что залежавшаяся пушнина утрачивала свои свойства и уже не выглядела столь привлекательной для китайцев. О снижении ценности меха в зависимости от срока хранения сказано в архивном материале: «китайцы тогда только дорожат ею (пушниной. — *К. А.*), когда выменяв заблаговременно успеют для скорейшего сбыта отправить на ярмарки, особенно к белому месяцу в Калган; в позднюю же расторжку китайцы неохотно выменивают мягкую рухлядь потому, что она, подвергаясь в весеннее и летнее время скорой порче, мало у них сбывается и должна лежать до

следующего года» [Там же]. В результате торговцам пушниной приходилось либо отпускать китайцам товар по сильно сниженным ценам, либо, не желая работать в убыток, законсервировать меха до следующего года и попытаться продать их под видом свежей продукции. К примеру, в 1841 году расторжка затянулась и пик торговых сделок пришелся на март. В результате «понесен был большой убыток от белки», потому что из привезенных 4 миллионов шкурок «променено же только один миллион штук» [Там же, л. 70].

Китайская сторона также становилась инициатором сдвига временных рамок менового торгового вправо. В 1841 году китайские торговцы поставили 70 тыс. мест чая только к 20 февраля. «Такая необычайно поздняя доставка чаев произошла от нового, затруднительного пути по горам», — объяснили ситуацию поставщики [Там же, л. 67]. Далее логичным будет объяснить специфику фасовки чая, поступавшего в Кяхту, для точного понимания привозимых объемов. Китайцы привозили напиток, упакованный в так называемые места или ящики, которые делились на две категории в зависимости от размеров и веса. Ящики квадратной формы были рассчитаны на упаковку 2—2,5 пудов (32—40 кг) чая [Субботин, 1892, с. 47]. Большие по объему продолговатые или полуторные вмещали от 3 до 3,5 пудов (49—57 кг) [Там же]. Средний объем поставок в 40-е годы XIX века квадратных ящиков составлял около 70 тыс. штук, а полуторных — не более 30 тыс. [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 47, 8 об.]. Стоит сказать и по поводу алгоритма ценообразования. В 1842 году закупочная цена напитка в Фуцзяни составляла 16 лан за ящик (1 лан — 2 руб. 15 коп. серебром), то есть внутри Китая одно место чая обходилось поставщикам в 34 руб. 40 коп. серебром. В Кяхте российским купцам приходилось платить за тот же объем примерно 23 лана (49 руб. 45 коп. серебром, или 173 руб. ассигнациями). Доставленный на Нижегородскую ярмарку чай продавался уже по 525 руб. ассигнациями за ящик [Там же, л. 24].

Из-за поздней поставки китайцами чая в зимне-весеннюю кампанию 1841 года стороны не смогли согласовать актуальное положение «на размен товаров». Опасаясь возможных убытков, российские частоторговцы, ответственные за разработку нормативного документа, приняли решение приобретать в этом году только проверенный первосортный фамильный чай. При этом регламентировал цены и определял порядок торговли документ, утвержденный во время прошлогоднего торгового [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 1, л. 67 об.]. Конечно, китайским купцам было невыгодно отдавать один только лучший чай, оставляя нераспроданным его дешевые варианты, но задержка обмена также грозила им серьезным материальным ущербом. Поэтому еще до официального старта расторжки иностранные коммерсанты сбыли 25 тыс. мест чая, «получив от русских вельвет, плис, сукно среднее, мерлушку бухарскую и украинскую, лисицу корсак, кошку и некоторые

другие товары, а также и всё бывшее количество товаров Американской компании, состоящих из бобров и другой мелкой рухляди» [Там же, л. 68].

Кроме этого, фиксировались прецеденты, когда российские коммерсанты, даже после согласования основных нюансов и получения необходимых разрешений, все равно не торопились приступить к торговле. Источник объясняет такое поведение стремлением предпринимателей не допустить переизбытка чая внутри России, потому что преобладание предложения над спросом неминуемо привело бы к резкому снижению цен на их основной товар. Осторожный купец «задерживал расторжку из опасения большим выменом и вывозом чаев уронить цены на ярмарке и в Москве», — сказано о предусмотрительности торговцев [Там же, 69 об.]. Для лучшего понимания тревог коммерсантов по поводу перенасыщения чайного рынка следует сказать, что феномен российской торговли этим напитком в первой половине XIX века заключался в системе получения прибыли чаевладельцев. Эта сфера коммерческой деятельности функционировала так, что отечественные купцы увеличивали капиталы не за счет выгодной международной торговли, а благодаря высоким ценам на чай внутри империи. Российская продукция обычно сбывалась китайцам либо по равнозначному в отношении к чаю коэффициенту, либо по курсу гораздо ниже реальной цены. Архивный материал содержит исчерпывающее описание феномена чайной торговли дореформенного периода: «Последствием также всех этих печальных явлений, то что купцы наши, уронивши до такой степени цены на свои товары, все расчеты свои принуждены уже основывать не на промене своих товаров китайцам, а на выгоднейшем сбыте выменянного от китайцев чая на Нижегородской ярмарке; следовательно, другими словами весь расчет их основан не на китайцах, а на своих на русских, на потребителях чая внутри России» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 47, л. 22 об. — 23]. Соответственно, если объемы поступления чая позволяли держать высокие цены, то продавцы получали неплохие доходы, даже несмотря на невыгодный закупочный курс. В случае падения цены на напиток владельцы этого бизнеса могли разориться.

Для того чтобы не сильно продешевить при покупке чая, не опоздать с доставкой товара на российские ярмарки, определить оптимальный для успешной реализации объем напитка и т. д., от купцов требовалось умение собирать и обрабатывать сведения о конъюнктуре рынка, гастрономических предпочтениях обывателей и погодных явлениях. В исследовании современного историка М. В. Мальцевой грамотная работа с информацией представлена как один из важнейших факторов делового успеха торговых людей. «Помимо конкретных сведений, купцы собирали информацию о различных обстоятельствах, которые так или иначе могли оказать влияние на ход тор-

говли», — так исследователь подчеркивает присутствие интеллектуально-аналитической деятельности в повседневной трудовой практике коммерсантов [Мальцева, 2019, с. 75]. Имеющиеся у нас материалы дают возможность утверждать, что крупные предприниматели-чаеоторговцы в отличие от своих менее успешных коллег обладали необходимыми компетенциями и каналами поступления информации. Речь идет о расторжке 1841 года, когда некоторые торговцы среднего уровня не решались начать обмен с китайцами, тогда как «главные покупатели чаев, из коих с нынешнего (1841. — К. А.) года московские купцы братья Шестовы начали производить торговлю на Кяхте, вероятно, имеют сведения о привозе чаев и обстоятельствах бывающей расторжки» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 1, л. 69 об.].

Действия китайских чиновников также могли стать причиной нарушения торговых планов российских купцов. Н. И. Любимов обозначил 1841 год как «плачевный для наших кяхтинских купцов», потому что целый kaleidoscope негативных факторов обусловил позднее начало и чрезвычайно раннее завершение расторжки [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 47, л. 24]. Начавшись, как уже было отмечено, в 20-х числах февраля, торговля завершилась 2 марта. Инициировало форс-мажор следующее событие: «Джаргухай (судья, управляющий всеми делами в Маймачене) узнав о значительном повышении цены на русские товары, и к тому же, как сказывают, неудовлетворенный в каких-то своих требованиях китайцами, запретив мену до сбавки цены, три дня не отпускал их к русским, а потом дозволивши ходить в малых числах в торговую слободу, запретил выменивать выше прошлогодних цен товары» [Там же, д. 1, л. 68 об. — 69]. Видимо, *дзаргучи*, как правильно назывался судейский чиновник в Маймачене, рассчитывал на материальную благодарность со стороны соплеменников, а, не получив ее или разочаровавшись в размере подарка, применил административный ресурс для достижения цели. Китайским купцам оставалось только принять обстоятельства, так как власть *дзаргучи* в пределах города была практически абсолютной [Попова, 2013, с. 30]. Вообще активное вмешательство в торговые дела как своих соотечественников, так и приезжих купцов, практиковавшееся правителями и чиновниками, являлось отличительной чертой азиатских сообществ XIX века. Российский военный и политический деятель А. Н. Куропаткин, возглавивший в 1876 году посольство к правителю Кашгара Якуб-беку, стал свидетелем тяжелого положения местных и заграничных коммерсантов, торговавших в городах региона. Руководитель российского посольства отметил, что «Якуб-бек смотрел на торговлю, как на свою личную монополию», приобретал у купцов товары «по назначенным им же ценам», а определенная часть имущества «поступала к нему, по обычаю, в виде подарков» [Куропаткин, 1879, с. 48].

Позднее завершение торговых дел в Кяхте оборачивалось для купцов увеличением транспортных расходов при перевозке чая на рынки Москвы и Нижнего Новгорода. В весеннее время значительно возрастала стоимость услуг извозчиков, находившихся в Кяхте и ожидавших момента отправки товаров. О проблемах транспортировки из-за продления времени торгового повествуется текст документа: «Срок отправления на Нижегородскую ярмарку чаев, которые до сего времени в прежние годы были уже в пути, наехавшие ямщики, проживающие здесь при дорогих кормах более двух месяцев и требующие высоких цен на провоз» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 1, л. 69]. Один из основоположников истории повседневности М. Блок считал, что в эпоху, предшествующую промышленному перевороту, недостаток корма для верховых и выючных животных являлся основной причиной снижения поездок на дальние расстояния в зимнее время. «Сезонные перерывы в связях возникали не столько из-за непогоды, сколько из-за отсутствия корма», — писал французский историк [Блок, 1973, с. 118]. Письменное свидетельство представителя когорты чаоторговцев С. Лепешкина подтверждает негативные последствия переноса времени торгового дела для бизнеса. Предприниматель в 1847 году писал, что покупка напитка «теперь производится не в октябре и ноябре месяцах, но в феврале и марте. От сего отправка чаев из Кяхты делается в самое неудобное и дорогое для привоза товаров время, то есть по прекращении уже дешевого зимнего пути и во время разлива рек, подвергающего товары опасности» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 54, л. 7—7 об.]. Объем финансового ущерба коммерсантов от роста цен на транспортные услуги можно представить, обратившись к цифрам: в конце марта — начале апреля 1841 года отправка пуда чая из Кяхты в Иркутск обходилась в 5 руб., переправка дальше до Томска повышала стоимость пятикратно — до 25 руб., а за весь путь от Кяхты до Нижнего Новгорода купцы платили не менее 40 руб. с пуда [Там же, д. 1, л. 71]. Если же чай успевали отправить в феврале, то дорога до Нижнего Новгорода обходилась примерно в 23 руб. за пуд, а провоз до Москвы незначительно увеличивал затраты и составлял 25 руб. [Там же].

Рассматривая подобные факты, можно понять, что деловые операции российских купцов в Кяхте, ориентированные на приобретение чая, не отличались стабильностью и не гарантировали получение хорошей прибыли. Повседневные трудовые будни предпринимателей протекали в условиях, когда постоянно присутствовал риск обмана со стороны как своих, так и зарубежных коллег. Природно-климатический и геолого-географический факторы, а в ряде случаев корыстный интерес китайских чиновников могли сдвинуть сроки торгового предприятия, тем самым не дав чаоторговцам воспользоваться относительно удобной и недорогой зимней дорогой для доставки про-

дукции на внутрироссийский рынок. Московский купец 1-й гильдии Семен Лепешкин в 1847 году охарактеризовал трудоемкость чайной торговли через Кяхту, сказав, что купечество в этом сегменте коммерции подвергается «в выгодах наших разным случайностям, которые год от году более и более затрудняют наши собственные обороты» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 54, л. 4].

3.2. Владельцы чайного бизнеса и их доверенные представители в Кяхте. Особенности деловых отношений

Своеобразной чертой чайной торговли, усложнявшей купцам ведение дел, был отказ крупнейших предпринимателей из центра России и Сибири от прямых контактов с китайцами. За деловые операции непосредственно в Кяхте отвечали доверенные лица чайных магнатов, а реальные собственники товара постоянно проживали в Москве, Нижнем Новгороде, Иркутске и других городах империи. В силу большой удаленности Кяхты от основных рынков оптово-розничного сбыта чая богатые купцы практически не посещали с инспекцией приграничный центр российско-китайской торговли. О незначительном числе коммерсантов, лично приобретающих товар у китайцев, оставил наблюдение Н. И. Любимов в 1842 году: «Из 60 домов, производящих теперь торговлю с Китаем, едва ли найдется домов 15, которые бы сами производили торговлю, и из тех большая часть сибирские купцы, торгующие на гораздо меньшую сумму нежели великороссийские...» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 47, л. 20—20 об.]. По сведениям Департамента внешней торговли, относящимся к началу 50-х годов XIX века, для занятых чайной торговлей предпринимателей был характерен разброс по разным регионам страны, то есть в России не было территории, где компактно проживала бы значительная группа купцов, объединенных одним направлением коммерции. «Кяхтинские торговцы в числе более 70 человек рассеянных по всему государству...», — сказано об этом явлении в материалах архива [Там же, д. 60, л. 42]. В представленном тексте видится самоустранение от полного контроля за рядом этапов (выбор приоритетных предметов обмена, приобретение напитка у китайцев, его доставка к местам оптового и розничного сбыта) чайной торговли той самой категории коммерсантов, деятельность которых обеспечивала чаем наиболее населенную часть России.

В осуществлении российско-китайских деловых связей через посредников сотрудник Азиатского департамента министерства иностранных дел Н. И. Любимов видел причину стагнации торговых отношений двух стран и источник убытков крупных чаоторговцев. «За тем, по моему мнению, один также из важных недостатков сей торговли — это то, что она производится не самими хозяевами, а большею частью комиссионерами, получающими известные проценты за выменянные от китайцев товары», — обращал

внимание на неэффективность работы посредников Н. И. Любимов [Там же, л. 19 об. — 20]. Представитель внешнеполитического ведомства ясно понимал ситуацию, возникшую в кяхтинском торге 40-х годов XIX века. Дистанционный формат ведения дел не только сокращал доходы организаторов бизнеса, но и делал их вторичным звеном процесса, отвечающим только за сбыт чая внутри империи. Решение ценового вопроса, определение объемов закупки напитка, согласование сроков начала торговли, выбор приоритетных позиций товара для мены и проверка качества чая были сосредоточены в руках доверенных представителей. Московский городской Голова, купец 1-й гильдии С. Лепешкин был возмущен злоупотреблениями «проживающих на Кяхте комиссионеров, составляющих касту диктаторов, не всегда беспристрастных», недобросовестная деятельность которых порождала «важные неудобства» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 54, л. 5 об.].

Располагая такой автономностью, комиссионеры прежде всего ориентировались на улучшение своего материального положения, отодвигая интересы хозяев на второй план. Чтобы получить хоть какую-нибудь прибыль в собственный бюджет, посредники шли навстречу китайцам, сбывая товар большими партиями по самым низким ценам. Читаем у того же Н. И. Любимова: задача комиссионеров «состоит только в том, чтобы <...> выменять ящиков чая, и так как гораздо легче дать для этого больше своего товара (им не принадлежащего), нежели выдерживать цену на оный» [Там же, л. 20]. В результате такого подхода «хозяева могут понести значительные убытки, тогда как комиссионеры, напротив, получить значительные бырыши» [Там же, л. 22 об.]. Сходное отношение к хозяйским деньгам и имуществу вообще было свойственно торговым агентам и купеческим приказчикам, то есть лицам, получившим возможность распоряжаться чужой собственностью без строгой отчетности за результат операций. Историк и путешественник XIX века П. И. Небольсин упоминает аналогичное поведение купеческих приказчиков, самостоятельно торговавших в городах Средней Азии до присоединения региона к Российской империи. Автор обратил внимание на то, что от вернувшегося из заграницы сотрудника коммерсанты не требовали подробного финансового отчета и радовались, если он «выручил на рубль полтину барыша» [Небольсин, 1856, с. 19]. Вместе с тем приказчик мог более выгодно реализовать предпринятие или, наоборот, сбывать товары в убыток, лишиться имущества, а потом взять деньги в долг для отчета перед нанимателем. «Может быть, доверенное лицо уронило кредит хозяина, может быть, оно добыло рубль на рубль, но от него не требуют ни книг, ни записок и верят во всем на слово», — рассказал об отношении наемных управленцев к своим обязанностям П. И. Небольсин [Там же]. Также автор вывел главную причину

подобной халатности: «Приказчику нет настоящей надобности работать головой за чужого человека» [Там же]. Хорошо понимая специфику чайной торговли через Кяхту первой половины XIX века, Н. И. Любимов дал отрицательную оценку системе посредничества: «Коммиссионерство на тех основаниях, на коих оно теперь существует — есть вообще дело вредное для нашей торговли. Между коммиссионерами есть конечно люди почтенные и заслуживающие доверия, но выгоды их не связаны с общими выгодами торговли» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 47, л. 22—22 об.].

Получается, что лидеры этой коммерческой отрасли осознавали необходимость личного участия в закупках чая, но все равно продолжали вести дела удаленно. М. Блок, рассуждая о государствах Европы феодальной эпохи, писал, что при отсутствии средств коммуникации, способных обеспечить своевременность получения информации и дающих возможность оперативно решать деловые задачи, положительный результат достигался только благодаря личным контактам [Блок, 1973, с. 118]. Следовательно, сложившаяся в чайном бизнесе неблагоприятная для ведущих предпринимателей финансовая ситуация могла разрешиться при непосредственном участии в сделках с китайцами заинтересованных лиц.

Предпочтение российскими коммерсантами дистанционного формата торговли с Китаем можно объяснить рядом причин объективного и субъективного характера. Объективным фактором, заставлявшим чаоторговцев доверять свое дело посредникам, являлся долгий и опасный путь до Кяхты по малонаселенным землям Урала и Сибири. В первой половине XIX века разбой на дорогах был привычным явлением для отдаленных от центра империи регионов. В качестве примера угрозы жизни для путешествовавших торговцев можно привести случай, датированный 1802 годом. Недалеко от города Каинск Томской губернии (современный Куйбышев Новосибирской области) купеческий «поверенный» с целью присвоения чужого имущества убил своего нанимателя и их ямщика обухом топора [Путешествие в Америку, 1810, с. 13]. Чтобы избежать наказания, преступник симитировал нападение разбойников, но все равно попал под подозрение и был разоблачен [Там же, с. 13—14]. Субъективным мотивом отказа купцов от личных контактов с китайскими поставщиками, скорее всего, являлся достаточно высокий уровень доходов в этом сегменте, не дающий импульс к радикальному изменению отработанной схемы ведения дел.

Несмотря на набор разноплановых трудностей, сопровождающих любое предприятие, объемы продаж чая внутри России были достаточно велики, что позволяло купцам не только покрывать все расходы, связанные с неравноценным обменом товара, выплатой процентов коммиссионерам и перевозкой напитка, но и входить в элиту российского делового сообще-

ства. Например, экономист XIX века В. П. Безобразов, описывая повседневную жизнь Нижегородской ярмарки, причислял чаоторговцев к наиболее состоятельной категории отечественных предпринимателей. Ученый указывал, что «(...кяхтинские торговцы и московские чайные и другие амбарщики, не ведающие розничного торга), в качестве высшей аристократии Макарьевской ярмарки, обедают не иначе как в 5—6 часов, у фешенебельного Никиты, — где собираются все иностранцы (большею частью Немцы и Петербуржцы) и обедают не иначе как с шампанским и трюфелями...» [Безобразов, 1865, с. 21].

3.3. Контрабанда чая

Отдельно стоит сказать о такой незаконной деятельности, наносившей серьезный материальный ущерб коммерсантам, как торговля контрабандным чаем. Ценовая доступность нелегально доставленного напитка делала его крайне популярным среди большой массы небогатого населения Российской империи: «Контрабандный чай пользовался спросом в силу того, что он был дешевле того чая, который был ввезен легально» [Халиуллин, 2019, с. 195]. Контрабанду завозили через европейскую границу России из Австрии, Польши и Финляндии. В 1851—1852 годах цветочный чай из Кяхты продавался на рынках Санкт-Петербурга по цене от 2 руб. 60 коп. до 3 руб. 50 коп. серебром за фунт [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 59, л. 13]. Доставка лучших сортов цветочного чая из Кяхты до Москвы обходилась торговцам в 1 р. 70 к. сер. за фунт [Там же, д. 60, л. 3]. Так как предприниматели, «вознаграждая убытки, понесенные ими на променянные китайцам фабричные изделия, принуждены продавать этот чай вдвое и даже едва ли не втрое дороже» [Там же], то окончательная цена напитка не устраивала большую часть потребителей. Розничная стоимость контрабандного чая, провезенного через европейскую границу России, была ниже примерно в два раза, чем цена напитка, доставлявшегося из Кяхты. В связи с уклонением от уплаты пошлин и гораздо меньшими транспортными расходами занятия нелегальным промыслом коммерсанты имели возможность отпускать чай по ценам ниже среднерыночного курса. Объемы только выявленного таможенными властями контрабандного чая, направлявшегося в Россию через европейскую границу, в начале 50-х годов XIX века были весьма велики, что позволяет вести речь о серьезности ущерба для легального бизнеса. В обозначенное время поступило следующее количество контрабанды: 1850 год — 1473 пуда 36 фунтов; 1851 — 2620 пудов 9 фунтов; 1852 — 2484 пудов 11 фунтов [Там же, л. 45 об.]. Ведомость о поставках чая в период с 1839 по 1848 годы содержит приписку: «С 1849 года по всем заметному влиянию контрабанды начинаются колебания в делах кяхтинской торговли» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 47, л. 9].

Доставленный нелегально напиток имел преимущество перед законно распространяемым чаем в ценовом отношении, но проигрывал по показателям качества, «так как контрабандисты закупались более дешевыми чаями и не следили за качеством его перевозки» [Халиуллин, 2019, с. 195]. В свою очередь забота о сохранении достоинств напитка была сродни искусству и требовала от предпринимателей определенных профессиональных знаний. Одним из ключевых показателей высокого качества продукта был насыщенный стойкий аромат чайных листьев, сохраняющийся даже после длительной перевозки. Для предотвращения потери аромата необходимо было герметизировать транспортировочные деревянные ящики, вставляя вдоль стенок, крышки и днища «тончайшие свинцовые листы», обернутые бумагой [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 60, л. 29 об. — 30]. Со знанием дела следовало подходить к выбору древесины для ящиков. Смолистое хвойное дерево никогда не использовалось ценившими свою репутацию и ответственно подходившими к бизнесу коммерсантами при изготовлении ящиков, потому что чай мог впитать в себя посторонний запах и утратить товарный вид, а следовательно, потерять в цене или стать полностью непригодным к употреблению. В соответствии с технологией хранения и перевозки напитка, в России ящики собирались в основном из липового леса [Там же, л. 40 об.]. Китайцы плотно утрамбовывали чай в ящики из камыша, а внутренний защитный слой, предохранявший напиток от попадания пыли, влаги и препятствовавший выветриванию аромата, состоял из нескольких слоев «мягкой желтоватой» бумаги и бамбуковых листьев [Стахеев, 1870, с. 12].

Работая над защитой своих интересов, некоторые часторговцы предлагали проекты, призванные как минимум сократить объемы поставок контрабандного чая, а как максимум полностью ликвидировать нелегальную деятельность. В 1844 году кяхтинский купец Н. С. Пиленков направил в министерство финансов записку, в которой излагал целесообразность подтверждения оригинальности и легального происхождения продукта путем наложения на упаковку казенных бандеролей. Предприниматель детально описал механизм маркировки напитка, выбрал приоритетные для «обандероливания» сорта чая и определил размер налога за казенные бандероли: «байховый чай, отпускаемый в цельных местах или цибиках за пломбами таможен кяхтинской и других Азиатских (таможен. — *К. А.*), по вывозе его из-за Байкала и других мест, продавать в розницу по фунту, полуфунту, четверти фунта и осьмушке, не иначе как с наложением бандеролей, подобно продаже табаку, исключая из сего чай зеленый и кирпичный, потому что зеленого чая выменивается незначительное количество, а кирпичный не может быть подделываем в России. Полагая взыскивать за каждый бандероль с фунта 4 коп., с полуфунта 2 коп., с четверти фунта 1 коп., с осьмушки ½

коп. сер.» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 60, л. 8—8 об.]. Рассчитывая на понимание со стороны высших чиновников, Н. С. Пиленков подчеркнул, что предложенная им процедура не только принесет выгоду профильным коммерсантам, но и обеспечит бюджет государства дополнительными налоговыми поступлениями. «Пиленков находит, что продажа чая с бандеролями во всей России могла бы приносить казне дохода до 240 тыс. р. сер. ежегодно», — оценили предложение купца в финансовом ведомстве [Там же, л. 8 об.].

Однако предприниматель не нашел сторонников в своей сословной среде. Инициатива Пиленкова спровоцировала внутрикорпоративный конфликт купечества среднего достатка и наиболее состоятельных чайных магнатов. Контролировавшие большую часть рынка московские чаоторговцы, наоборот, прогнозировали отрицательный эффект от внедрения новой системы борьбы с контрабандой и фальсификацией. Они были уверены, что такой метод не только усложнит и без того трудоемкую сферу торговли, понизит доходность бизнеса, но и приведет к росту различных злоупотреблений. В министерстве финансов ознакомились с опасениями лидеров чайного рынка России: «Торгующие в Москве главные чайные торговцы, на рассмотрение которых предлагаем был проект Пиленкова отозвались, что наложение бандеролей послужило бы к совершенному стеснению чайной торговли, уменьшив сбыт чая по крайней мере на половину, за устранением возможности продавать оный по мелочам; что чай от развески потерял бы отличительное свое достоинство — аромат, для сохранения которого признано необходимым содержать чай в свинце и сверх того в ящиках, закупориваемых китайцами герметически; что потребители лишились бы средств узнавать в обандероленных картузах качество покупаемого ими чая, а некоторые из торговцев получили бы соблазн продавать низшие сорта чая за высшие. Посему московские купцы находили предложение Пиленкова совершенно неудобноисполнимым и наложение на чай бандеролей совершенно невозможным» [Там же, л. 9—9 об.].

Таким образом, отказ доминировавших в отрасли коммерсантов от поддержки идеи Н. С. Пиленкова не позволил согласовать проект с государством и на некоторое время отсрочил запуск процесса расфасовки чая по опломбированным бандеролью картузам. Тем не менее насущная необходимость противодействия контрабанде и торговле суррогатным напитком заставила министерство финансов и иностранных дел в конце 40-х — начале 50-х годов XIX века приступить к обсуждению вариантов системы «обандероливания» чая. В дальнейшем инновационные идеи купца Пиленкова послужили катализатором интеллектуальной активности других предпринимателей, направленной на защиту интересов легальной чайной торговли. В записке Н. И. Любимова «О внешних препятствиях к развитию кяхтинской

торговли», составленной в начале 50-х годов XIX века, говорится о желании ряда купцов получить от правительства одобрение механизма наложения бандеролей на упаковки чая. «Затем предложения об учреждении бандеролей для розничной продажи чая возобновлены были купцами Прянишниковым в представленном им в министерство финансов проекте об учреждении компании для вывоза китайских чаев за границу и Басниным в записке его о движении кяхтинской торговли и о мерах к ее поддержанию», — отмечен интерес коммерсантов к замыслу Н. С. Пиленкова [Там же, л. 10].

С течением времени стремление наладить розничную продажу чая в запечатанном виде обретало все большую популярность у делового сообщества. В 1851 году в министерство финансов поступила записка «кахтинских купцов Решетникова и Носкова о необходимости наложения бандеролей на картузы для розничной продажи чая учредить повсеместно во всей России», причем «эта мера признана полезною и прочими, торгующими на Кяхте купцами» [Там же, л. 22—22 об.]. О серьезности своих намерений чаоторговцы заявили министру финансов империи Ф. П. Вронченко во время его визита на Нижегородскую ярмарку в 1851 году [Там же, л. 22 об.].

Так как большая часть московских предпринимателей являлась противниками обязательной расфасовки чая по картузам и наложения на них казенных бандеролей, правительство, желая избежать конфронтации со «столпами» чайного рынка, отказалось от введения этой спорной системы. К рассмотрению проекта вернулись только в конце 80-х годов XIX века [Жолобова, 2013, с. 123—124].

Тем не менее объемы нелегальной торговли чаем в рассматриваемый период представляли реальную угрозу финансовым показателям участников рынка и лишали доходов бюджет страны, поэтому как сибирское, так и общеимперское руководство продолжало разработку стратегии по борьбе с контрабандой. В начале 50-х годов XIX века канцелярия генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева рассматривала довольно радикальный проект, предусматривающий высылку из Кяхты людей, не занятых в торговой деятельности. Составленный городскими властями Кяхты и таможенной службой документ предполагал «запретить проживание в Кяхтинской торговой слободе всем лицам, которые не докажут, что они остаются там для дела и услуг по торговым отношениям или по делам службы» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 60, л. 104 об.]. При реализации замысла городской контингент должны были составить лица, занятые исключительно чайной торговлей, и люди, несущие чиновничье-административную или военную службу. В сущности, эта мера была призвана сократить численность горожан, позволив надзорным ведомствам более оперативно вести работу по выявлению контрабандистов. Некоторые именитые купцы

к тому времени успели выйти из чайного бизнеса, но за годы активности успели обзавестись в Кяхте недвижимостью и перевезли туда домочадцев.

Чтобы не стать категорией *persona non grata*, бывшие чаоторговцы поспешили оспорить положение до его утверждения. Документы архива сохранили просьбу купца Трапезникова: «Почетный гражданин иркутский 1 гильдии купец Трапезников, протестуя против сего ходатайства в просьбе к директору таможни, между прочим объяснил, что было бы крайне несправедливо и несоответственно с правами собственности высылать из Кяхты тех лиц, которые производили прежде торговлю, но потом по разным обстоятельствам оную прекратили и ныне проживают в Кяхте с семействами в собственных домах своих» [Там же, л. 105 об.]. Письмо Трапезникова и жалобы прочих купцов запустили череду консультаций с участием кяхтинского градоначальника, генерал-губернатора Восточной Сибири, министерства финансов и внутренних дел. В результате принятия демократичной версии положения критерием допуска к проживанию в Кяхте стало наличие объектов недвижимости: «В кяхтинской торговой слободе имеют право проживать постоянно: все вообще имеющие в слободе недвижимую собственность», а также «семейства всех сих лиц и состоящая при них прислуга» [Там же, л. 106—106об.].

Реакция предпринимателей на неблагоприятные моменты профессиональной деятельности коррелирует с представлением о «домашней» повседневности, высказанной А. Щюцем. Понятие «дом» в работе австрийского социолога подразумевает не жилую площадь, а трактуется гораздо шире, обретая размеры привычной для индивида среды обитания, состоящей «из маленьких и привычных элементов, которые нам дороги» [Щюц, 2004, с. 551]. Исследователь указал, что в ежедневную обыденность, безусловно, проникают «новые ситуации и неожиданные события», но «дома даже отклонения от повседневной рутины управляются способами, с помощью которых люди обычно справляются с экстраординарными ситуациями» [Там же]. В данном случае повседневный труд чаоторговцев протекал в границах осознанно выбранного ими, а потому понятного сегмента бизнеса, что позволяло купцам успешно преодолевать периоды кризиса и реагировать на перемены в зависимости от их характера.

3.4. Фальсификация чая

Еще одним противозаконным явлением, серьезно усложнявшим труд чаоторговцев, была фальсификация дорогого напитка. Процесс производства и распространения суррогата стал настолько масштабным и, соответственно, вредоносным для казны и легальной торговли, что борьба с ним началась за несколько десятилетий до рассматриваемого периода. Далее стоит подробнее рассказать о технологии изготовления контрафактного чая. В XIX веке

были известны несколько «рецептов» создания подделки. Наиболее широкое распространение с начала XIX века получила продажа так называемого *капорского* чая. Родиной этого напитка был город Копорье, а сырьем служила трава кипрей. Более чем доступная стоимость сделала этот продукт очень востребованным среди малообеспеченных слоев населения. Пуд (16,38 кг) капорской травы в чистом виде продавался за 2—3 руб., тогда как стоимость фунта (453 гр) первосортного китайского чая доходила в Санкт-Петербурге до 3 руб. 50 коп. серебром [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 59, л. 13]. Закупив у крестьян оптом чай из кипрея, нечестные предприниматели добавляли его в оригинальный напиток, и от продажи такой смеси «получали огромные барыши» [Там же, д. 60, л. 110]. Ощукая финансовые убытки и беспокоясь за деловой имидж, кяхтинские чаоторговцы и представители Российско-Американской компании направили в 1815 году правительству жалобы на нелегальную деятельность. Стараясь патерналистскими методами поддержать представителей законного бизнеса, руководство страны начало борьбу с суррогатом, его изготовителями и распространителями. В записке Н. И. Любимова начала 50-х годов XIX века упоминается история борьбы с контрафактом: «генерал от артиллерии граф Аракчеев объявил в 1816 году Высочайшее повеление вовсе запретить сбор травы из коей готовится капорский чай, а торговцев у коих он будет найден в примеси или чистом виде, подвергать денежному взысканию и опубликовать в газетах как людей незаслуживающих общего доверия» [Там же, л. 111].

Однако прибыль, получаемая от продажи поддельного чая, была настолько велика, что риск денежного взыскания и потеря авторитета абсолютно не останавливали купцов, ведущих нелегальный промысел. Как констатировал Н. И. Любимов, «зло не только не прекращалось, но еще усиливалось» [Там же, л. 111 об.]. С 1842 года министерство внутренних дел активизировало работу по выявлению подобных злоупотреблений за пределами Санкт-Петербурга и Москвы. Собранные факты привели к неутешительным выводам: «Из донесений командированных чиновников, обнаруживших разные злоупотребления в чайной торговле, обманы, хитрости и уловки неблагонамеренных купцов и промышленников, между прочим оказалось, что подделка чая, распространившись повсеместно, достигла даже сибирских губерний» [Там же, л. 112—112 об.]. Сложность борьбы с производителями контрафактного чая заключалась в том, что даже после уличения какого-либо купца в распространении поддельной продукции привлечь его к ответственности было крайне проблематично. Разбиравшиеся в нюансах имперской уголовной системы «торговцы в случаях открытия у них поддельного чая не сознаются в преступлении, объясняя только, что купили чай в этом виде у других» [Там же, л. 116 об.].

Иногда особо самоуверенные коммерсанты вообще прикидывались дилетантами и заверяли правоохранителей, что «будто бы не умеют отличить капорский чай от китайского, в следствие чего и освобождаются от всякого взыскания» [Там же]. Н. И. Любимов прекрасно понимал всю абсурдность такой ситуации: «... невозможно допустить, чтобы чайный торговец не знал капорского чая и не умел отличить его от китайского», — недоумевал представитель министерства иностранных дел [Там же].

Возможность получать постоянную, притом высокую прибыль при минимальных затратах на закупку товара побуждала купцов проводить все более изощренные манипуляции с весом напитка. К примесям растительного происхождения (а, кроме кипрея, в оригинальный напиток добавляли пятилистник, веронику, березовые и рябиновые почки [Там же, л. 110]) зачастую подмешивали песок и металлические опилки [Субботин, 1892, с. 103]. В дореволюционной работе А. П. Субботина рассказывается о предпринимателе (имя и фамилия не указаны), который «подмешивал в чай обломки гвоздей и другие железные мелочи» [Там же]. Применение твердых непищевых добавок решало две задачи: увеличивался вес товара, и при заваривании настой получался более темного цвета, что в глазах неискушенного потребителя добавляло напитку ценности. Автор объяснил успех у низших сословий России суррогатной продукции отсутствием представления о вкусе первосортного чая. По его словам, малообеспеченное население «не в состоянии покупать хороший чай, при том не понимает в нем вкуса, главное — был бы темный цвет» [Там же]. Ориентацию бедных обывателей на цену и цвет напитка подтверждает объем торговли указанного выше предпринимателя, доходивший до 200 пудов в год. Причем такой способ обмана клиентов почти не представлял угрозу для их здоровья, так как неорганические добавки из-за своей тяжести оседали после заварки на дне посуды и не попадали в организм человека.

В середине XIX века практиковалась и менее грубая форма подделки чая, заключавшаяся в добавлении к первосортному чаю более дешевых сортов. Московский генерал-губернатор А. А. Закревский в ноябре 1853 года сообщил в министерство финансов о явлении, которое имеет отношение к фальсификации чая. По словам высокопоставленного чиновника, прибывшие из ряда внутренних губерний империи небогатые коммерсанты скупали у московских купцов крупные партии кирпичного чая, «который, как известно, не употребляется во внутренних губерниях» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 60, л. 139 об.]. После беседы с неуказанным представителем московской чайной элиты, лично принимавшим участие в сделках с приезжими, А. А. Закревский пришел к выводу, что оптовые партии кирпичного чая нужны провинциальным купцам «по всей вероятности для подмеси

в байховые чаи, которые при настоящей дороговизне своей недоступны для потребителей, привыкших к дешевым чаям» [Там же, л. 140].

Стараясь устоять в конкурентной борьбе при ограниченных материальных возможностях и регулярно получать солидную прибыль, мелкие и средние чаоторговцы использовали нелегальные способы достижения цели и тем самым наносили ущерб своим более состоятельным коллегам из официального сектора чайного бизнеса. Источники подтверждают, что именно выходцы из купеческого сословия являлись движущей силой нелегального чайного рынка, наполненного контрабандой и фальсификатом. В 1834 году во время рейда по торговым местам, специализировавшимся на продаже чая, полиция выявила «в С. Петербурге несколько лавок и чайных магазинов, в которых найдено чая с примесью капорской травы и чистого капорского до 200 пудов» [Там же, л. 111 об.]. Замешаны в противоправной деятельности были известные в городе чаоторговцы и представители местного самоуправления: «Виновные в обмане, в том числе Градской Глава и несколько известных оптовых чайных торговцев были преданы суду и строго наказаны» [Там же]. Следующий документ показывает огромный интерес купечества к обогащению незаконным путем: «Траву собирают крестьяне, но не крестьяне соблазняют купцов к покупке ее и подмеси в чай, а наоборот, торгующие чаем заказывают крестьянам эту траву чрез особых посредников, раздавая даже задатки» [Там же, л. 115]. Понимая, что коммерческий интерес нечестных предпринимателей, помноженный на возможность легко избегать наказания, обеспечивали жизнеспособность нелегального рынка, Н. И. Любимов предлагал все силы правоохранителей направить на борьбу с главными получателями благ: «Для искоренения существующих злоупотреблений, надлежит все преследование обратить на купцов, делающих подмеси в чай» [Там же, л. 116]. Как можно видеть, далеко не все коммерсанты строго следовали букве закона, потому что непреодолимое желание снизить трудозатраты и капиталовложения на организацию дела подталкивало их совершать правонарушения экономического характера.

Другим видом контрафактной продукции был *спитый*, то есть уже один раз заваренный чай, которому предприимчивые торговцы давали «вторую жизнь». В 1842 году министерство внутренних дел установило, что, «кроме капорской травы, в китайский чай подмешивается высушенный спитый чай, собираемый в трактирах, харчевнях и постоялых дворах» [Там же, д. 60, л. 112 об.]. Схема вывода на рынок столь экзотического суррогата выглядела следующим образом: трактирные слуги (половые) собирали в своих заведениях использованный чай, не брезгуя при этом извлекать его из ям, предназначенных для пищевых отходов и прочего мусора, далее «вторсырье» поступало к производителям, которые придавали про-

дукту товарный вид, и на конечном этапе в дело вступали распространители, ответственные за сбыт контрафакта [Субботин, 1892, с. 104]. Торговцев поддельным товаром интересовала не краткосрочная прибыль, а длительная работа нелегального предприятия. Чтобы избежать разоблачения, нечестные коммерсанты разработали многоэтапную технологию маскировки вторичного чая под оригинальный напиток. На первом подготовительном этапе размокшие некондиционного вида чайные листья избавляли от посторонних пищевых примесей (хлебные крошки, осколки костей и т. д.), попавших туда грязи и мусора, после чего тщательно просушивали. Затем полученную массу наделали характерным вяжущим вкусом, для чего использовали различные дубильные вещества. Третья ступень подразумевала обретение чаем естественного темного цвета. Для этого сухие и профильтрованные листья подкрашивали веществами, которые были в наличии: жженым сахаром, желтым купоросом, иногда могли использовать графит или сажу [Там же]. Завершал фальсификацию процесс получения чаем стойкого и приятного запаха в результате его расфасовки по ящикам, пропитанным ароматными маслами. Отсюда можно сделать вывод о том, что у нарушителей закона жажда наживы превалировала над порядочностью, так как они абсолютно не заботились о здоровье клиентов, применяя в работе над суррогатом вредные химические вещества.

Обретя хорошо знакомый потребителю внешний вид, поддельный товар развозился по трактирам и ресторанам, распространялся в розницу или сбывался оптом [Там же, с. 5]. Качество изготовления суррогата было настолько высоко, что торговцы-мошенники могли не только разбавлять этой смесью натуральный продукт, но продавали подделку в чистом виде, заверяя клиентов в подлинности товара.

4. Заключение = Conclusions

Чайная торговля середины XIX века являлась довольно трудоемким видом коммерческого предприятия. Московский чаеотровец С. Лепешкин в 1847 году высказался о сложности работы на чайном рынке, определив эту сферу предпринимательства в качестве «трудной и отдаленной» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 54, л. 4 об.]. По версии коммерсанта, успеха в деле хянтинского торгога могли добиться только сторонники осторожных и взвешенных решений, а люди, «которые привыкли действовать, так сказать, слепо и без той отчетливой обдуманности», наоборот, рисковали лишиться всего [Там же]. Прделанная исследовательская работа позволяет сказать, что современник событий и непосредственный участник чайного бизнеса справедливо оценил специфику этого направления предпринимательской деятельности.

Коммерческая деятельность чаоторговцев 40—50-х годов XIX века сопровождалась рядом серьезных затруднений. Значительные неудобства представлял осознанно выбранный крупнейшими чайными магнатами, проживавшими в Москве и Нижнем Новгороде, дистанционный формат закупки напитка в Кяхте. Не желая надолго покидать свой дом и отправляться в опасное путешествие к российско-китайской границе, крупные коммерсанты были вынуждены доверять свои товары менее богатым купцам-комиссионерам, получающим определенный процент от сделок с китайцами. Находясь непосредственно на месте торга и, следовательно, ориентируясь на обстоятельства каждой конкретной расторжки, такие агенты заботились в первую очередь о собственной прибыли, а потому отдавали китайцам чужие товары по заниженной стоимости, забирая при этом свой процент в полном объеме.

Удар по финансам порядочных коммерсантов и государственному бюджету наносили контрабанда напитка и торговля его поддельными версиями. Для компенсации издержек, доставленных неравноценным обменом с китайцами, чаоторговцы чувствительно повышали стоимость чая в розницу. В силу дороговизны настоящий китайский чай был малодоступен для большей части населения России, поэтому нелегально доставленный и суррогатный напиток всегда находил своих покупателей.

Действовавшие в этом сегменте бизнеса предприниматели обладали набором профессиональных знаний, умений и навыков. Купцы разбирались в сортах привозимого китайцами чая, понимали соответствие веса, оттенка и запаха определенному сорту и могли отличить оригинальный напиток от фальсификата. Промышлявшие продажей собранного по харчевням уже один раз заваренного чая недобросовестные купцы были наделены некоторыми познаниями в области естественных наук — химии и ботаники, которые применяли в процессе производства вторичного продукта. Правительство Российской империи старалось поддерживать легальный сегмент чайного бизнеса, осуществляя работу по борьбе с незаконной торговлей, но проблема контрабанды и фальсификации чая в рассматриваемый период не была решена.

Источники и принятые сокращения

1. *Безобразов В. П.* Очерки Нижегородской ярмарки / В. П. Безобразов. — Москва : Университетская типография Катков и К°, 1865. — 170 с.
2. *Веселовский Н. И.* Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошева / Н. И. Веселовский. — Санкт-Петербург : Типография Министерства путей сообщения, 1909. — 52 с.
3. *Давыдов Г. И.* Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним [в 2-х частях] : Часть 1 / Г. И. Давыдов. — Санкт-Петербург : Печатано в Морской типографии, 1810. — 287 с.

4. *Куропаткин А. Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля / А. Н. Куропаткин. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1879. — 435 с.

5. *Небольсин П. И.* Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии) / П. И. Небольсин. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1856. — 375 с.

6. РГИА — Российской государственный исторический архив. Ф. 21 (Департамент таможенных сборов Министерства финансов). Оп. 12, Д. 4, Л. 1—1 об. ; Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 448, Д. 1. Л. 64—71 ; Ф. 796. Оп. 448, Д. 47. Л. 4—24 об. ; Ф. 796. Оп. 448, Д. 52. Л. 28 ; Ф. 796. Оп. 448, Д. 54. Л. 2—11 об. ; Ф. 796. Оп. 448, Д. 59. Л. 13 ; Ф. 796. Оп. 448, Д. 60. Л. 1—157.

7. *Стахеев Д. И.* От Китая до Москвы : история ящика чаю : очерки / Д. И. Стахеев. — Санкт-Петербург ; Москва : Издание М. О. Вольфа, 1870. — 194 с.

8. *Субботин А. П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах : производство, потребление и распределение чая / А. П. Субботин. — Санкт-Петербург : А. Г. Кузнецов, 1892. — 706 с.

9. *Трусевич Х. И.* Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века) / Х. И. Трусевич. — Москва : Типография Т. Малинского, 1882. — 306 с.

Литература

1. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка / М. Блок. — Москва : Наука, 1973. — 230 с.

2. *Буева Л. П.* Человеческая субъективность / Л. П. Буева // Вестник Российского философского общества. — 2007. — № 4 (44). — С. 122—129.

3. *Ермолаев А. Н.* Морская торговля Российско-американской компании с Китаем в 1848—1863 гг. / А. Н. Ермолаев // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. — 2011. — № 1 (155). — С. 22—27.

4. *Жолобова Г. А.* «Операция обандероливания» в российском механизме правового регулирования чайной торговли на рубеже XIX—XX вв. / Г. А. Жолобова // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 2 (27). — С. 123—134.

5. *Кореева Н. А.* Казанское купечество в системе чаеоторговли в середине XIX века (по материалам товарной книги купца Е. Леденцова) / Н. А. Кореева // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. — 2020. — Т. 2. — № 10. — С. 58—71.

6. *Куроянаги Т.* Дипломатическая функция Российской духовной миссии в Пекине во время Первой опиумной войны / Т. Куроянаги // Восточная Азия : факты и аналитика. — 2021. — № 2. — С. 32—43. — DOI: 10.24412/2686-7702-2021-2-32-43.

7. *Лю Цзайци.* Чайная торговля между Россией и Китаем / Лю Цзайци // Мир Евразии. — 2010. — № 3 (10). — С. 58—63.

8. *Любути́н К. Н.* Историчность повседневности : от феодализма к капитализму / К. Н. Любути́н, П. Н. Кондрашов // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2005. — № 6. — С. 49—77.

9. *Любути́н К. Н.* Диалектика субъекта и объекта / К. Н. Любути́н, Д. В. Пивоваров. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1993. — 416 с. — ISBN 5-7525-0287-X.

10. *Мальцева М. В.* Профессиональные знания и умения «совершенного купца» и их реализация в деловой активности великоустюгской купеческой семьи Булдаковых

в конце XVIII — начале XIX в. / М. В. Мальцева // Вестник Московского университета. Серия 8 : история. — 2019. — № 3. — С. 69—81.

11. Мишакова О. Э. Кяхта : от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII — первой половине XIX вв. / О. Э. Мишакова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 7. — С. 46—50.

12. Попова И. Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймачен / И. Ф. Попова // MONGOLICA. — 2013. — Т. 11. — С. 28—36.

13. Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли / Е. П. Силин. — Иркутск : Иркутское областное издательство, 1947. — 204 с.

14. Халиуллин А. М. Контрабанда и фальсификация в сфере чайной торговли Российской империи в XIX в. / А. М. Халиуллин // Шаг в историческую науку. Материалы XIX всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2019. — С. 195—197. — ISBN 978-5-7186-1182-3.

15. Шкунов В. Н. Синьцзян в системе российско-китайской торговли в XIX в. / В. Н. Шкунов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2017. — Т. 19. — № 3. — С. 139—145.

16. Шпалтаков В. П. Торговля России с Западным Китаем в первой половине XIX века / В. П. Шпалтаков // Россия и Китай : история и перспективы сотрудничества. Материалы IV международной научно-практической конференции Ответственные редакторы : Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. — Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. — Выпуск 4. — С. 128—132.

17. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Щюц. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 1056 с. — ISBN 5-8243-0513-7.

Material resources

Bezobrazov, V. P. (1865). *Essays of the Nizhny Novgorod Fair*. Moscow: University Printing house of Skating Rinks and Co. 170 p. (In Russ.).

Davydov, G. I. (1810). *A two-time trip to America of naval officers Khvostov and Davydov, written by the latter [in 2 parts], 1*. St. Petersburg: Printed in the Marine Printing House. 287 p. (In Russ.).

Kuropatkin, A. N. (1879). *Kashgaria. Historical and geographical sketch of the country, its military forces, industry and trade*. St. Petersburg: V. S. Balashev's Printing House. 435 p. (In Russ.).

Nebolsin, P. I. (1856). *Sketches of Russia's trade with the countries of Central Asia, Khiva, Bukhara and Kokand (from the Orenburg line)*. St. Petersburg: [b. i.]. 375 p. (In Russ.).

Russian State Historical Archive. F. 21 (Department of Customs Duties of the Ministry of Finance). Op. 12, d. 4, l. 1—1 vol.; F. 796 (Office of the Synod). Op. 448. d. 1. L. 64—71; F. 796. Op. 448. D. 47. l. 4—24 vol.; F. 796. Op. 448. D. 52. L. 28; F. 796. Op. 448. D. 54. L. 2—11 vol.; F. 796. Op. 448. D. 59. L. 13; F. 796. Op. 448. D. 60. L. 1—157. (In Russ.).

Staheev, D. I. (1870). *From China to Moscow: the history of a box of tea: essays*. St. Petersburg; Moscow: Edition of M. O. Wolf. 194 p. (In Russ.).

Subbotin, A. P. (1892). *Tea and tea trade in Russia and other countries: production, consumption and distribution of tea*. St. Petersburg: A. G. Kuznetsov. 706 p. (In Russ.).

- Trusevich, H. I. (1882). *Embassy and trade relations of Russia with China (before the XIX century)*. Moscow: T. Malinsky Printing House. 306 p. (In Russ.).
- Veselovsky, N. I. (1909). *Lyubimov's trip to Chuguchak and Kuldzha in 1845 under the guise of merchant Khoroshev*. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways. 52 p. (In Russ.).

References

- Blok, M. (1973). *The apology of history or the craft of a historian*. Moscow: Nauka. 230 p. (In Russ.).
- Bueva, L. P. (2007). Human subjectivity. *Bulletin of the Russian Philosophical Society*, 4 (44): 122—129. (In Russ.).
- Ermolaev, A. N. (2011). Maritime trade of the Russian-American Company with China in 1848—1863. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, 1 (155): 22—27. (In Russ.).
- Khaliullin, A. M. (2019). Smuggling and falsification in the tea trade of the Russian Empire in the XIX century. In: *Step into historical science. Materials of the XIX All-Russian scientific and practical conference of young scientists*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 195—197. ISBN 978-5-7186-1182-3. (In Russ.).
- Koreeva, N. A. (2020). Kazan merchants in the tea trading system in the middle of the XIX century (based on the materials of the commodity book of merchant E. Ledentsov). *From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region*, 2 (10): 58—71. (In Russ.).
- Kuroyanagi, T. (2021). The diplomatic function of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing during the First Opium War. *East Asia: facts and Analytics*, 2: 32—43. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-2-32-43. (In Russ.).
- Liu Zaiqi. (2010). Tea trade between Russia and China. *The World of Eurasia*, 3 (10): 58—63. (In Russ.).
- Lyubutin, K. N., Kondrashov, P. N. (2005). Historicity of everyday life: from feudalism to capitalism. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 6: 49—77. (In Russ.).
- Lyubutin, K. N., Pivovarov, D. V. (1993). *Dialectics of subject and object*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 416 p. ISBN 5-7525-0287-X. (In Russ.).
- Maltseva, M. V. (2019). Professional knowledge and skills of the “perfect merchant” and their implementation in the business activity of the Velikoustyug merchant family Buldakov at the end of the XVIII — beginning of the XIX century. *Bulletin of the Moscow University. Episode 8: History*, 3: 69—81. (In Russ.).
- Mishakova, O. E. (2011). Kyakhta: from caravan trade to Porto Franco. From the history of trade relations between Russia and China in the XVIII — first half of the XIX centuries. *Bulletin of the Buryat State University*, 7: 46—50. (In Russ.).
- Popova, I. F. (2013). Trade of Russia and China through Kyakhta and Maymachen. *MON-GOLICA*, 11: 28—36. (In Russ.).
- Shchyuts, A. (2004). *Favorites: A world glowing with meaning*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 1056 p. ISBN 5-8243-0513-7. (In Russ.).
- Shkunov, V. N. (2017). Xinjiang in the system of Russian-Chinese trade in the XIX century. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 19 (3): 139—145. (In Russ.).

- Shpaltakov, V. P. (2014). Trade of Russia with Western China in the first half of the XIX century. In: *Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference Responsible, 4*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. 128—132. (In Russ.).
- Silin, E. P. (1947). *Kyakhta in the XVIII century. From the history of Russian-Chinese trade*. Irkutsk: Irkutsk Regional Publishing House. 204 p. (In Russ.).
- Zholobova, G. A. (2013). “The operation of vanderolivaniya” in the Russian mechanism of legal regulation of tea trade at the turn of the XIX—XX centuries. *Actual problems of Russian law*, 2 (27): 123—134. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.08.2022,
одобрена после рецензирования 10.10.2022,
подготовлена к публикации 24.11.2022.

Барабанова К. С. Зеленые пространства Омска в конце XIX — начале XX веков : проекты и инициативы по озеленению города / К. С. Барабанова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 282—300. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-282-300.

Barabanova, K. S. (2022). Green Spaces of Omsk in Late 19th — Early 20th Centuries: Projects and Initiatives for Greening City. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 282-300. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-282-300. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-282-300

Зеленые пространства Омска в конце XIX — начале XX веков: проекты и инициативы по озеленению города

Барабанова Ксения Сергеевна^{1,2}

orcid.org/0000-0001-7667-7104
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
старший научный сотрудник
barabanova13@gmail.com

¹ Сургутский государственный
педагогический университет
(Сургут, Россия)

² Тюменский государственный
университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
поддержке гранта Правительства РФ,
проект № 075-15-2021-611
«Человек в меняющемся пространстве
Урала и Сибири»

Green Spaces of Omsk in Late 19th — Early 20th Centuries: Projects and Initiatives for Greening City

Ksenia S. Barabanova^{1,2}

orcid.org/0000-0001-7667-7104
PhD in History,
Leading Researcher,
Senior Researcher
barabanova13@gmail.com

¹ Surgut State Pedagogical University
(Surgut, Russia)

² University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The results were obtained in
the framework of the grant of the Russian
Federation Government,
project № 075-15-2021-611
“Human and the changing Space
of Ural and Siberia”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается актуальный для рубежа XIX—XX веков вопрос о создании зеленых пространств в городах Российской империи. Особое внимание уделено городу Омску, для которого эта проблема стояла наиболее остро, так как озеленение пространства должно было оздоровить город в санитарном плане, улучшить климат, сократив пылевые бури и создав рекреационные зоны для горожан. Отмечается, что создание зеленых пространств в Омске было частью политики по благоустройству города и стояло в одном ряду с созданием водопровода, канализации и пр. Показано, что в этот период рассмотрено множество проектов по озеленению Омска, но только часть из них была реализована полностью или частично, причиной чему был довольно скромный бюджет. Показано, что основным направлением была выбрана реновация уже существующих зеленых пространств и оформление парков и скверов в центре города у административных зданий. Подчеркивается, что проекты по изменению городского пространства выдвигались разными группами горожан, в том числе купечеством и представителями православной церкви. В заключение отмечается, что озеленение Омска в конце XIX — начале XX веков получило продолжение после революции и превратилось в большой проект по созданию города-сада.

Ключевые слова:

Омск; озеленение; зеленое пространство; Загородная роща; парк; сквер.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of creating green spaces in the cities of the Russian Empire, relevant for the turn of the 19th—10th centuries, is considered. Particular attention is paid to the city of Omsk, for which this problem was the most acute, since the landscaping of the space was supposed to improve the city in sanitary terms, improve the climate by reducing dust storms and creating recreational areas for citizens. It is noted that the creation of green spaces in Omsk was part of the policy for the improvement of the city and was on a par with the creation of water supply, sewerage, etc. It is shown that during this period many projects for the gardening of Omsk were considered, but only some of them were fully or partially implemented, the reason for which was a rather modest budget. It was revealed that the main direction was the renovation of existing green spaces and the design of parks and squares in the city center near administrative buildings. It is emphasized that projects to change the urban space were put forward by different groups of citizens, including merchants and representatives of the Orthodox Church. In conclusion, it is noted that the gardening of Omsk in the late XIX — early XX centuries was continued after the revolution and turned into a large project to create a garden city.

Key words:

Omsk; landscaping; green space; Country grove; a park; square.

Зеленые пространства Омска в конце XIX — начале XX веков: проекты и инициативы по озеленению города

© Барабанова К. С., 2022

1. Введение = Introduction

Вторая половина XIX века стала временем, когда в городах Российской империи начинается процесс создания «зеленых пространств» (“green spaces”) [Brantz et al., 2011, p. 8; Stanley et al., 2012, p. 1089—1117], то есть оформление городских парков, скверов и бульваров. Городское пространство может быть разделено на две части, первая из которых «серая», а вторая — «зеленая». Серое пространство города заполнено зданиями, дорогами и мостами (*hard-surfaced constructions*). К зеленому пространству относятся природные элементы, которые были внедрены в городскую инфраструктуру. Это позволяет в том числе рассматривать зеленые пространства в политическом и социальном контексте [Johnston, 2015; Way, 2010].

В городах с высоким притоком населения на фоне быстро развивающейся индустриализации организация зеленых пространств была важной частью благоустройства. Вопрос об озеленении обсуждался не только в специализированной литературе о проблемах благоустройства, но и в периодической печати и популярных изданиях.

Городские парки и сады в условиях индустриализации и быстрого роста городов способствовали оздоровлению городской среды в санитарном отношении [Агафонова, 2019, с. 73—82]. Отметим, что благоустройство городских пространств в первую очередь было направлено на решение санитарных проблем. Озеленение являлось одним из элементов благоустройства или оздоровления города. К другим следует отнести организацию водопровода, канализации, уборки нечистот и бытового мусора с улиц и дворов. Этот список был актуален не только для Санкт-Петербурга или Москвы, но и для городов Сибири, в том числе и Омска. Обращение к задачам городского благоустройства было продиктовано многочисленными эпидемиями, которые сопровождали жизнь горожан на рубеже веков и только усиливались в условиях антисанитарии.

Озеленение стало и инструментом для создания благоустроенного городского пространства с рекреационными зонами. Для парков Санкт-Петербурга уже в 1880-х годах началась разработка правил поведения [О порядке и благочинии..., 1889, с. 194]. Это давало возможность создать

комфортную среду для отдыха горожан. В разработке новых пространств и правил для них принимали участие различные группы акторов: от представителей городской администрации, ученых садоводов, архитекторов и до городских обывателей, которые предлагали свои проекты по изменению городского пространства.

Отдельно следует упомянуть феномен дач, которые стали особо востребованы в это время. Дача была возможностью переместиться из города в более здоровое пространство, так как города летом превращались в огромную стройку, а наплыв сезонных рабочих создавал условия для развития эпидемий [Малинова-Тзияфета, 2013; Lovell, 2003].

Таким образом, «зеленые пространства» были важной частью улучшения быта горожан в условиях быстро растущих городов второй половины XIX века. Озеленение дало возможность решить несколько насущных вопросов. Первый из них был связан с улучшением санитарного состояния города, второй — с созданием пространства для отдыха.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Наибольший интерес для исследователей представляет история озеленения Санкт-Петербурга как столицы Российской империи. Это обусловлено большим разнообразием зеленых пространств столицы Российской империи [Нашокина, 2003; Веснина, 2004]. Отметим, что авторы чаще всего обращаются к проблеме художественного оформления пространства. Также парки могут быть изучены как многофункциональное общественное пространство [Горышина, 2010; Горохов, 2012]. И, конечно, «зеленые пространства» занимают значительное место в литературе, посвященной краеведению столичных городов Российской империи, и в первую очередь Санкт-Петербурга [Антонов, 2006].

«Зеленые пространства» в сибирских городах начали оформляться во второй половине XIX — начале XX веков. Как отмечает Р. Н. Романов, процесс паркового строительства в Сибири отставал от Европейской России [Романов, 2012, с. 40]. Во многом сады и парки в городах Сибири были важны в качестве рекреационной зоны. Следует отметить, что парковое хозяйство сибирских городов рассматривается в работах исследователей в отрыве от Европейской части Российской империи. В связи с этим нас будет интересовать период конца XIX — начала XX веков, когда вопрос озеленения Омска стал актуальным для широкого круга горожан и в разработку проектов по созданию зеленых пространств включились разные акторы.

Для Омска задача по организации «зеленого пространства» была крайне актуальной, так как город нуждался в благоустройстве и создании благоприятного климата, то есть в организации пригодного для проживания

пространства. «Город грязный, город пыльный», — так начиналось стихотворение В. Д. Митрича «С берегов Иртыша» [Митрич, 1899, с. 2]. Омск расположен на равнине, на границе со степью и продувается суховеями. В городе «дуло» постоянно, и поэтому зимой Омск утопал в сугробах, а летом его окутывало «облаками едкой желтой пыли» [Майский, 1964, с. 40]. Путешественники на рубеже веков отмечали, что Омск был не только «плохо обстроен», но в нем было очень мало садов. Так, по мнению К. Д. Носилова, городу не хватало набережной с деревьями, которая могла бы «скрасить этот задыхающийся от пыли город» [Носилов, 1896, с. 460]. «Сплошная грязь» [Абакари, 1993, с. 53] — результат постоянных ветров из степи — была большой проблемой Омска.

В конце XIX века многие современники отмечали плохое состояние омских парков и садов. По воспоминаниям Г. Н. Потанина, в 1870-е годы сады, прежде густые и тенистые, поредели или вовсе исчезли, в городе стало много сухих деревьев из-за сухих ветров. К 1894 году проблема не была решена и в облике местных садов и скверов мало что изменилось. Н. Телешов описывал один из городских скверов как «запущенный безлюдный садик». Там были высажены березы, акации, серебристые тополя и шиповник. Стояли в сквере и таблички с запретом мять траву и выгуливать собак, но сразу при входе автор наткнулся на след лошадиной ступни, а скамейки были расписаны неприличными словами [Телешов, 2017, с. 100].

Обращаясь к исследованиям проблемы озеленения Омска, важно отметить обобщающие работы по истории данного направления в благоустройстве города. Часто такие изыскания выполнены в формате очерка или исторической справки [Комарова, 2003].

Многие работы по истории озеленения города посвящены истории создания, обслуживания и развития отдельных парков и садов [Кочедамов, 1960; Гончарова, 2016а, с. 94—101; Гончарова, 2016б, с. 233—237].

В советские годы сформировалось представление об Омске как городе-саде, но в него он так и не превратился [Мостовенко, 2021, с. 13—18]. Здесь можно отметить тезис Т. Ю. Егоровой о том, что строительство городов-садов было напрямую связано с практикой дореволюционного благоустройства городов Западной Сибири [Егорова, 2006, с. 18]. То есть новая концепция стала продолжением проектов, предложенных еще в XIX веке. Важным сюжетом стало соцсоревнование между Омском и Ленинградом по зеленому строительству, в ходе которого состоялся обмен опытом, и в Омске удалось создать много новых зеленых насаждений [Жидченко, 2009]. К принципам проектирования зеленых пространств в городе во время соцсоревнования позднее обратилась В. В. Баранова и сделала вывод, что благоустройство было направлено в первую очередь на решение экологических проблем

[Баранова, 2018]. Здесь можно добавить, что к экологическим проблемам, характерным для Омска начала XX века, добавились проблемы, вызванные масштабным строительством новых промышленных предприятий. Благоустройство для решения экологических проблем также является востребованной темой для исследователей [Федорова, 2013; Силина, 2015].

Отметим, что проблема озеленения актуальна для города и сегодня [Кичигина, 2017, с. 20—22]. Здесь следует отметить, что представления и память омичей о городе-саде требуют отдельного исследования, которое позволит дополнить картину исторической памяти региона.

В конце XIX — начале XX веков городские улицы и площади Омска находились в плачевном состоянии. В условиях многочисленных эпидемий, вспыхивавших в городе, омские врачи постоянно обращались к властям с предложениями по благоустройству города, цель которого состояла в улучшении санитарного состояния городской среды. В 1892 году в условиях эпидемии холеры доктор М. А. Шиперович при осмотре Луговского форштадта, расположенного на левом берегу Оми, сделал вывод о необходимости выселения жителей с этого участка. Осмотр проводился 20, 24 и 25 июля, но на Луговском участке были еще заметны следы весеннего разлива Оми, стояли глубокие лужи, распространявшие вокруг сильное зловоние, поскольку нечистоты и мусор из дворов не вывозились [Шиперович, 1893, с. 78—79]. С распространением холеры в Омске врачи все больше внимания стали уделять изучению факторов, влияющих на интенсивность эпидемии. Доктор П. А. Соломин высказал предположение, что на столь быстрое развитие эпидемии повлияло загрязнение почвы. До декабря 1886 года снег, мусор и отбросы, помимо навоза, вывозили на Иртыш, а весной все накопленное на льду за зиму уносила река. Омская городская дума же постановила «вывозить чистый снег из дворов на улицу, разравнивая его хорошенько» [Соломин, 1893, с. 92—93]. Осенью 1892 года, когда холера отступила от Омска, врачи все же готовились к ее возвращению следующим летом. Комитет общественного здоровья пришел к выводам, что санитарное устройство городов области страдает по нескольким причинам. Во-первых, из-за загрязнения питьевой воды от свалки навоза и нечистот прямо на берега рек и озер. Во-вторых, из-за плохого устройства ретиранных и помойных ям во дворах обывателей. В-третьих, из-за загрязнения улиц и площадей. Четвертой причиной стал слив стоков бань в источники питьевой воды. И наконец, сброс отходов салотопенных и кожаных производств [Полубинский, 1893, с. 26].

Таким образом, озеленение было важной составляющей оздоровления пространства Омска. Зеленые насаждения должны были положительно повлиять на степной город. Посадка деревьев и кустов помогла бы оста-

новить пыльные бури и создать более комфортные условия для горожан. Кроме того, озеленение могло позволить улучшить санитарное состояние города. А также «зеленое пространство» должно было стать рекреационным пространством для горожан. Таким образом, озеленение Омска было призвано помочь оздоровлению городского пространства.

Для достижения данной цели выдвигались проекты по сохранению и развитию уже существующих зеленых пространств и созданию новых. В данном исследовании мы обратимся к проектам по изменению ландшафта города, а также трудностям, с которыми столкнулись городские власти при озеленении Омска в конце XIX — начале XX веков.

Основным источником для нашего исследования послужили материалы заседаний Омской городской управы, сохранившиеся в 172 фонде Бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» [БУ Иса]. Проекты по озеленению были выдвинуты в первые годы XX века, в дальнейшем обсуждение сводилось к обслуживанию и охране уже существовавших в городе зеленых насаждений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Укромный и уютный уголок» омичей: Загородная роща

Важнейшим зеленым пространством и чуть ли не единственным «укромным и уютным уголком» для омичей в конце XIX века стала Загородная роща. Состояние этого места было крайне плачевным, и поэтому в 1898 году А. К. Конев выступил с инициативой приведения рощи в порядок. В 1895 году во время бури было повалено множество деревьев, а последствия разгула стихии долго не ликвидировались. Кроме того, роща страдала от незаконной вырубki деревьев. В связи с этим Конев предложил организовать охрану территории и установить на входе караульную. Для поддержания удовлетворительного состояния насаждений было рекомендовано распахать свободную землю, где могли бы вырасти самосевы. Деньги на расходы для благоустройства Загородной рощи предлагалось заработать на продаже участков под дачи, тем самым создать новое рекреационное пространство [БУ Иса, ф. 172, оп. 1, д. 19, лл. 1—2]. Можно предположить, что спасение рощи было только поводом для выделения земли под дачи, которые стали дорогой и престижной недвижимостью.

В 1900 году на заседании Омской городской управы вновь был поднят вопрос об озеленении Омска. За несколько дней до заседания членами Садовой комиссии была осмотрена Загородная роща. Недалеко от входа паслись пять лошадей без присмотра, чуть поодаль стоял шалаш из грязного холста со спящим человеком. Рвы вокруг рощи никоим образом не препятствовали пастись домашней скотине. Комиссия нашла много засохших

и поваленных деревьев. На территории было много ям, оставшихся от вывезенной в город земли, что способствовало гибели деревьев. Роща ветшала и требовала ухода. То есть проблемы запустения Загородной рощи, обозначенные несколькими годами ранее, не только не были решены, но и усугубились. При этом следует отметить, что нарезка участков под дачи уже была осуществлена, а строительство началось. В связи с вновь открывшейся угрозой гибели Загородной рощи комиссия выдвинула несколько проектов по ее сохранению и расширению площади зеленых насаждений в городе. Для охраны Загородной рощи вновь было предложено поставить караульную и нанять охранника на теплое время года, назначить двух лесников, устроить новый красивый забор, также следовало исправить вал и канавы, вырубить и вывезти сухие деревья. Для улучшения пространства было предложено вырыть вокруг рощи канаву шириной 3 аршина, запретить выгул скота, организовать сбор и вывоз опавших листьев, посадку саженцев, уничтожить лишние дороги, оставив только две, и т. д. [БУ Иса, ф. 172, оп. 1, д. 19, лл. 46—49 об.]. Чтобы привести рощу в удовлетворительное состояние, требовалось 773 руб., затем ежегодно для ее поддержания — еще 47 руб. [Там же, лл. 20—26]. Забегая вперед, скажем, что реконструкция Загородной рощи стала единственным проектом по озеленению, на который было принято решение выделить средства.

Отметим, что Загородная роща — объект региональной инфраструктуры, история которого интересна для изучения с точки зрения проблем, с которыми сталкивались власти Омска при попытке сохранить зеленое пространство. Так, при осмотре Загородной рощи у объездчика П. Федорова был найден навоз и мусор около дома и в сенах, лошадь и корова паслись на приколе, деревья были нарублены и «свалены зря» и т. д. У старшего садовника Я. Айлика также были найдены порубленные дрова, пасущиеся по всему питомнику лошади и коровы, построена баня, а прошлогодние посевы сосен были загублены. У третьего объездчика В. Холкина на участке был обнаружен табор цыган у костра и паслись лошади [Там же, л. 114].

При осмотре Загородной рощи члены Садовой комиссии пришли к выводу, что заброшенный городской питомник представляет большую ценность ввиду того, что в нем достаточно много саженцев сосен, вязов, яблонь, акации для посадки на городских бульварах. От города же требовалось привести питомник в подобающий вид и починить ограду, чтобы в него перестал забредать скот [Там же, л. 116].

В 1910 году остро встал вопрос порчи зеленых насаждений. Так, причаливающими и зимующими судами был уничтожен «Перфильевский сад», схожая судьба ожидала «Старые Ветлы» — участок Загородной рощи, находившийся на берегу Иртыша. Он представлял собой искусственную

посадку, цель которой состояла в укреплении береговой полосы [Там же, л. 135]. В этом контексте Садовая комиссия устанавливала строгие правила использования территории парков и садов для проведения общегородских мероприятий. Попечительству о народной трезвости разрешили проводить в Загородной роще народные гуляния [Романов, 2012, с. 40]. Комиссия выдвинула ряд условий, согласно которым движение должно осуществляться только по главной аллее, убранной флагами и политой, а въезд должен быть платным и ограниченным. Также предписывалось выделить пространство для стоянки экипажей, при строительстве сооружений было запрещено вбивать гвозди в деревья, запрещалось разводить огонь, о чем должны извещать специальные плакаты. По окончании гуляний рощу необходимо было привести в порядок, убрать мусор, засыпать ямы и т. д. [Там же, л. 140]. Угрозу насаждениям представляли и велосипедисты, которые ездили по Загородной роще, игнорируя дорожки. Хотя чаще они сами становились жертвами падения в многочисленные канавы, которые вечером были уже не видны [Там же, л. 155]. Молодые деревья могли пострадать и во время драки, как это было в мае 1911 года в Санниковском детском саду [Там же, л. 169].

Таким образом, сохранение Загородной рощи становилось важной задачей, решение которой внесло бы большой вклад в озеленение города. При этом из года в год власти выдвигали схожие предложения по улучшению территории и регулярно рассматривали доклады о гибели насаждений по вине горожан, а иногда и людей, ответственных за их сохранение. И хотя на реконструкцию Загородной рощи были выделены средства, а также реализовывалась идея выделения и продажи земли под дачи, пространство оставалось в довольно плачевном состоянии. Городские власти использовали меры административного характера для улучшения состояния Загородной рощи, вырабатывая правила поведения для посетителей. Другим важным инструментом должна была выступать охрана зеленых насаждений, которая предотвращала бы порчу насаждений. В условиях Омска эти меры показали свою неэффективность.

3.2. Проекты по озеленению Омска в конце XIX — начале XX веков

В 1899 году садовник с правой стороны Иртыша В. П. Войцеховский предложил организовать в Омске Первый Сибирский помологический сад. Отметим, что несколькими годами ранее, в 1896 году, в 30 км от Омска П. С. Комиссаров заложил ботанический сад, в котором проводились интродукционные работы. Комиссаров выращивал разные сорта яблонь, вишни, барбариса, ореха и других растений. В 1898 году Н. И. Грибанов заложил недалеко от Омска парк, в настоящее время «Дендрологический парк поселка Подгородка», где были высажены сосны, ели, пихты, кедр и лиственницы

[Крекова и др., 2019, с. 7]. Помологический сад же планировалось использовать для тех же целей, что и питомник фруктовых деревьев и кустарников. Была поднята сложная проблема акклиматизации и натурализации деревьев в условиях местного климата. Для сада предполагалось использовать дикорастущие в Сибири боярышник, рябину и ягодную яблоню, на которую можно было прививать даже грушу. Проблема завоза растений из европейской части Российской империи состояла в том, что в Сибири они вымерзали, так как они пробуждались рано и скидывали листья поздно. Привитые растения пробуждались в мае и скидывали листья уже в сентябре, что позволяло им переживать заморозки. Землю под сад Войцеховский просил выделить на территории Городской рощи на срок в 15 лет. На огороженной территории должно было находиться и жилое помещение. Садовник обещал взять на себя заботу о Городской роще, он обязался поставлять городу по 50 штук фруктовых деревьев и по 100 штук ягодных кустарников начиная с 1903 года и до окончания договора [БУ ИсА, ф. 172, оп. 1, д. 19, лл. 10—11]. Предложение Войцеховского было отклонено омской городской думой. Здесь следует отметить, что для озеленения Омска использовали чаще всего тополя, вязы, кусты акации, сосны, яблони, карагач [Там же, л. 116].

В 1899 году А. Н. Конев выступил с предложением о благоустройстве базарной площади. Базар работал ежедневно. Торговали всем от хлеба до шелковых тканей. У киргизов можно было приобрести даже шкуру тигра [Телешов, 1897, с. 136]. Омичи большую часть года страдали из-за непроходимой грязи на улицах по причине отсутствия дренажной и ливневой систем в городе. Порой в этой грязи тонули телеги. Базарная площадь не была исключением, и ей требовалось осушение. Для решения этой задачи был предложен проект бульвара на Базарной площади. Ввиду того, что предыдущие попытки озеленения города провалились, а высаженные саженцы засохли, гласный предложил заняться этой проблемой комплексно. Бульвар предлагалось расположить между зданием Александровского женского пансиона и первым корпусом лавок на базарной площади. Длина бульвара должна была составлять 180 сажень, а ширина 12 аршин. Бульвар следовало обнести деревянными перилами высотой не менее 1 $\frac{1}{2}$ аршина. Для отвода лишней воды требовалось прокопать канавы. На бульваре предполагалась посадка тополя серебристого, так как он быстро растет, красиво выглядит, не ломкий и не боится морозов. Закупку деревьев планировалось провести летом, затем высадить их осенью, чтобы жаркое лето с пыльными бурями не убило бы саженцы. По подсчетам Конева, проект обошелся бы Омску в 250 руб. [Там же, лл. 13—15]. В 1900 году на заседании Омской городской управы проект создания бульвара на базарной площади был поддержан с дополнительной задачей — установить на буль-

варе скамейки [Там же, л. 26 об.]. Сохранился ли сам базар в документах не сказано.

Садовая комиссия в 1900 году также выдвинула ряд новых проектов по озеленению города. Было предложено организовать бульвар на Сенной площади и высадить там 150 деревьев. Потратить на этот проект предполагалось 200 руб., а на поддержание 50 руб. в год. Озеленение Омска имело не столько эстетическое, сколько утилитарное значение. Организация бульвара способствовала бы избавлению от грязи вокруг базара и тем самым улучшила бы санитарное состояние города [Там же, л. 40 об.]. Комиссия признала полезным строительство бульвара между Гражданской гимназией и будущим Архиерейским домом с выделением 100 руб. на строительство и 25 руб. на поддержание бульвара.

Для того чтобы заполнить пустующее городское пространство, предполагалось разбить бульвар протяженностью 200 сажень на левом берегу реки Оми, от городской оранжереи до пристани Курбатова. Бульвар мог помочь в борьбе с заболачиванием речного берега. Этот проект должен был обойтись городу в 190 руб., а на его поддержание ежегодно требовалось 30 руб. Озеленение предполагалось использовать также и для укрепления берегов реки Оми между мостами. Данная инициатива впервые была выдвинута в 1898 году и находилась в ведении особой комиссии по укреплению берегов реки.

В городе не оставалось уже мест для строительства новых скверов, поэтому предлагалось разбить новый в Слободском форштадте на месте «совершенно ступшевавшегося кладбища». Так как эта часть Омска находилась дальше всего от уже существующих садов, представлялось необходимым создать зеленое пространство, совмещенное с рекреационной зоной для детей, устроить там площадку для игры в мяч и детскую площадку и назвать эту территорию «Сквер детей» (200 руб. на строительство и 125 руб. на поддержание) [Там же, л. 27 об.].

Из-за нехватки места комиссия посчитала важным поддержать и предложения по улучшению мест с уже имеющимися зелеными насаждениями. Разбитый военным генерал-губернатором Н. И. Санниковым сад на месте прежней Городской рощи предлагалось превратить в сквер напротив Ольгинского приюта, а на его содержание ежегодно выделять по 30 руб. Сад напротив дворца генерал-губернатора также планировалось преобразовать в сквер. И хотя сад занимал большое пространство, рассматривался как «лучший в городе», выглядел он заброшенным, поскольку, например, много высаженных деревьев засохло. Комиссия выдвинула также предложение по перепланировке сквера у Успенского собора [Там же, л. 28 об.]. В 1903 году в ходе поисков места для дома омского губернатора был под-

нят вопрос о передаче сада при омском кафедральном соборе городу [БУ ИсА, ф. 172, оп. 1, д. 69, л. 4]. В то же время выдвинуто предложение организовать там детскую площадку. Городская управа приняла сад при кафедральном соборе и выделила средства на приведение его и Санниковского сада в порядок [БУ ИсА, ф. 172, оп. 1, д. 19, д. 31]. В 1904 году военный губернатор Акмолинской области М. Я. Романов обратился к омскому городскому голове с требованием привести в порядок городские сады Санниковский и Соборный. Ранее для этого, по словам губернатора, ничего не было сделано [Там же, л. 46—49 об.]. Военный губернатор Акмолинской области сам осмотрел Соборную площадь и Санниковский сад, провел беседу с черкесом-садовником и возложил на него посадку 800 новых деревьев и расчистку территории от старых засохших растений. Для финансирования приведения садов в порядок и оплаты работы садовника требовалось 400 рублей [Там же, л. 67]. Садовник высадил в общей сложности 1100 деревьев, на что было потрачено 175 руб. Не менее важной проблемой оказалась охрана сада, скамеек и целостности решетки [Там же, л. 72]. В декабре 1905 году омской городской думой было выделено 5000 руб. на содержание Загородной рощи и «городских лесов». Как отмечает Л. Н. Козлова, уходом за Санниковским садом с 1905 года занимался А. Н. Уфинцев, под его руководством и выполнялись работы по благоустройству [Козлова, 2016, с. 66—73]. В 1907 году после осмотра Санниковского сада комиссия приняла решение о выделении дополнительных средств с целью его поддержания [БУ ИсА, ф. 172, оп. 1, д. 109, л. 27]. Следовало отремонтировать входные ворота, устранить поломки эстрады, вставить стекла в павильоне «Уборная», построить место для хранения инвентаря и закупить новый, посадить 100 новых сосен и т. д. [Там же, л. 112].

Садовая комиссия приняла решение также открыть для посетителей сад у здания Думы. Работать он должен был в летний период с 15 мая по 1 сентября. Над входом в сад предлагалось разместить табличку «Городской сад. Вход свободный» [Там же, л. 29].

Вместе с проектами по озеленению Омска, чтобы сохранить посадки, были разработаны и правила для горожан. Согласно им, горожанам запрещалось ломать и портить насаждения, вывозить землю, пускать палы и организовывать свалки. Следует отметить, что власти изначально планировали также для охраны зеленых насаждений наем сторожей.

В общей сложности на реализацию указанных проектов по озеленению города предполагалось потратить 1898 руб. На поддержание же садов и скверов ежегодно требовалось 547 руб. [Там же, л. 31]. Проекты, предложенные Садовой комиссией, городская управа одобрила, но, так как требовались большие вложения, было решено реализовывать их постепенно.

3.3. Частные инициативы по созданию «зеленых пространств» Омска

В 1907 году с инициативой создания сада напротив Шкроевской церкви (Церковь Параскевы Пятницы) выступил священник А. Ливанов. Он предложил городской управе загородить площадь между Шкроевской и Парасковиевской улицами. На этой территории он предлагал разбить сад и создать детскую площадку. Посадку деревьев и уход за насаждениями он брал на себя, саженцы и семена должна была выделить управа. Также Ливанов предполагал, что в данной работе ему будут помогать ученики и ученицы ближайшей школы [БУ ИСА, ф. 172, оп. 1, д. 19, л. 94—94 об.]. Отметим, что практика привлечения учащихся к посадке деревьев и уходу за садом имела место в 1850-х годах в Казачьем саду. Тогда эта обязанность была возложена на воспитанников Кадетского корпуса [Гончарова, 2018, с. 37]. Город поддержал инициативу и выделил деньги на разбивку сада. В ходе разработки проекта сада комиссия отвергла некоторые предложения Ливанова, к примеру, использование проволочной изгороди как опасной для животных и детей. Бесполезным было названо сооружение простого колодца из-за чрезвычайно глубокого залегания воды. Рядом с садом должен был проходить городской водопровод, который и стал бы основным источником воды. На строительство забора выделялось 650 руб. Темой оживлённой дискуссии стал забор вокруг сада. Священник Ливанов считал, что деревянная ограда была бесполезна в Омске, так как доски будут оторваны горожанами для хозяйственных нужд летом и растопки зимой. Так, забор напротив церкви и школы уже разобрали до основания. Эта проблема стала актуальной последние годы со времени начала самовольного захвата земли. Еще одна проблема заключалась в том, что через деревянную ограду можно было свободно перелезть, миновав ворота и дверь. В пользу же забора из колючей проволоки говорила невысокая стоимость материалов и невозможность использовать их в качестве растопки. Строительство такого забора как раз укладывалось в бюджет 400 руб. Ливанов также указывал, что строительство колодца обойдется дешевле, чем покупка воды у соседа [БУ ИСА, ф. 172, оп. 1, д. 19, лл. 123—125 об.]. Спор о заборе в результате был решен в пользу деревянного забора, который обошёлся в 311 руб. 40 коп. [Там же, л. 134].

В том же году похожее предложение поступило от старосты московских торговых рядов С. В. Читкова. Он получил разрешение на высадку деревьев перед фасадом рядов [Там же л. 98]. Начальство Омского четырехклассного городского училища также приняло решение об устройстве на своей территории сада, для чего просило городскую управу прислать рабочих, которые выкопают ямы для деревьев и колодец [Там же, л. 119].

Отметим, что не только в Омске инициативы по озеленению исходили от горожан. Так, в Томске создание зеленых пространств было делом самих томичей. Только в Томске горожане отличались большей активностью и до начала XX века были главными инициаторами организации «озелененных» фасадов, поэтому в основном посадки делались у домов обеспеченных томичей и за их счет [Казанцева и др., 2016, с. 125].

4. Заключение = Conclusions

Проблема создания «зеленых пространств» и их поддержания была актуальна для многих городов Российской империи. Новые парки, сады и бульвары могли улучшить санитарное состояние городов и создать рекреационные пространства. Для Омска озеленение призвано было также улучшить климат и сделать город более комфортным для населения.

Наибольшее внимание властей привлекала Загородная роща. Для горожан долгое время она выступала не столько в роли рекреационного пространства, сколько местом для выпаса домашнего скота и источником бесплатной древесины. Представляется, что Загородная роща стала наиболее успешным проектом по озеленению. Омские городские власти видели в роще уже сформировавшееся зеленое пространство, которое требовало улучшения, то есть не было необходимости в тяжелых работах по созданию и реализации такого проекта с нуля. Поэтому на приведение рощи в порядок постоянно выделялись средства. Загородная роща выигрывала и в том плане, что на ее площадке можно было реализовать решение проблемы не только по озеленению, но и по созданию большой рекреационной площадки, где появлялась возможность проводить праздничные мероприятия.

На рубеже веков выдвигалось множество проектов по озеленению Омска. У города не было средств на реализацию всех предложений. Кроме того, садовая комиссия столкнулась с рядом проблем при озеленении города: горожане вырубали деревья на дрова, ломали деревянные заборы, пасли животных в рощах, посадки высыхали из-за климата и отсутствия ухода. В связи с этим предлагались такие идеи, как строительство дополнительных ограждений, заборов из колючей проволоки, наем охраны, высадка растений, приспособленных для сибирского климата.

Таким образом, для Омска самыми актуальными стали предложения по реновации уже имеющихся зеленых насаждений. Особую поддержку имели проекты садов и скверов в центре города у административных зданий. Создавались новые общественные пространства. Вместе с тем частная инициатива также находила поддержку у городских властей, поскольку ее реализация требовала меньших вложений. Частная инициатива также

была важной составляющей в организации диалога между местным обществом и городскими властями.

Многие из рассмотренных проектов получили продолжение уже в советский период и были положены в основу концепции «город-сад». Таким образом, мы можем проследить преемственность в политике благоустройства Омска. Подчеркнем, что постоянно поддерживаемое создание зеленых пространств в Омске изменило климат в городе и улучшило условия жизни горожан.

Источники и принятые сокращения

1. БУ Иса — Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. 172 (Омская городская управа). Оп. 1 Д. 19; Оп. 1. Д. 69; Оп. 1. Д. 109.
2. Абакари С. Мое путешествие в Россию и Сибирь / С. Абакари // Азия и Африка сегодня. — 1993. — № 10. — С. 69—73.
3. Майский И. М. Воспоминания советского посла. Путешествие в прошлое / И. М. Майский. — Москва : Наука, 1964. — Книга 1. — 539 с.
4. Митрич В. Д. С берегов Иртыша / В. Д. Митрич // Сибирская жизнь. — 1899. — 19 августа.
5. Носилов К. Д. По Юго-Западной Сибири / К. Д. Носилов // Естествознание и география. — 1896. — № 4. — С. 456—471.
6. О порядке и благочинии в общественных садах. Приказ Градоначальника // Известия Санкт-Петербургской городской думы. — 1889. — Т. 94. — № 14. — С. 194.
7. Полубинский А. А. О мерах против холеры. Протокол заседания общества омских врачей № 2 от 19 ноября 1892 / А. А. Полубинский // Протоколы Омского медицинского общества. — 1893. — С. 26—33.
8. Соломин П. А. Сообщение председателя о дальнейшем распространении холерной эпидемии в Западной Сибири и прения по этому поводу. Протокол заседания общества омских врачей № 9 от 19 августа 1892 / П. А. Соломин // Протоколы Омского медицинского общества. — 1893. — С. 88—94.
9. Телешов Н. За Урал : из скитаний по Западной Сибири : очерки. — Москва : Издательство Гос. публ. ист. б-ки России (ГПИБ), 2017. — 158 с.
10. Шиперович М. А. О санитарном осмотре Луговского форштадта. Протокол заседания общества омских врачей (Экстренное собрание) от 26 июля 1892 / М. А. Шиперович // Протоколы Омского медицинского общества. — 1893. — С. 78—79.

Литература

1. Агафонова А. Б. Городские сады и бульвары в пространстве Череповца и в повседневных практиках горожан 1870—1930-х гг. / А. Б. Агафонова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2019. — С. 73—82.
2. Антонов Б. И. Исторические сады / Б. И. Антонов. — Санкт-Петербург : ГЛАГОЛ, 2006. — 172 с. — ISBN 5-88729-059-5.
3. Баранова В. В. История и принципы проектирования средовых пространств в г. Омске (1950—1960-е гг.) / В. В. Баранов // Регионы. Города. Ракурсы и параллели. — Омск : Омский государственный технический университет, 2018. — С. 25—31. — ISBN 978-5-8149-2800-9.

4. *Веснина Н. Н.* Городские сады и парки Санкт-Петербурга XIX — первой трети XX веков. Функционально-типологическая характеристика / Н. Н. Веснина // Памятники истории и культуры Петербурга. Исследования и материалы. — Санкт-Петербург : Белое и Черное, 2004. — Выпуск 7. — С. 100—123.
5. *Гончарова О. В.* История озеленения Омска по правобережью Оми во второй половине XIX века / О. В. Гончарова // Научный альманах. — 2016. — № 3—4 (17). — С. 94—101.
6. *Гончарова О. В.* Озеленение как решение экологических проблем Омска в начале XIX века / О. В. Гончарова // Экологическое краеведение. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. — Ишим : Ишимский педагогический институт им. П. П. Ершова (филиал), 2016. — С. 233—237.
7. *Гончарова О. В.* Озеленение Омска в XIX веке — рекреационный потенциал урбанизированной территории XX—XXI вв. : история центрального горсада Омске / О. В. Гончарова // Проблемы региональной экологии, экономики и географии. Материалы I-й Международной научно-практической конференции. — Астрахань : Издательство Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет», 2018. — С. 36—39.
8. *Горохов В. А.* Зеленая природа города : Садово-парковое искусство России / В. А. Горохов. — Москва : Архитектура-С, 2012. — Т. 2. — 589 с. — ISBN 5-9647-0054-3.
9. *Горышина Т. К.* Зеленый мир старого Петербурга / Т. К. Горышина. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. — 382 с. — ISBN 978-5-210-01564-8.
10. *Егорова Т. Ю.* Эволюция идеи города-сада в градостроительной практике Западной Сибири (первая треть XX в.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения : 17.00.04 / Т. Ю. Егорова. — Барнаул, 2006. — 22 с.
11. *Жидченко А. В.* Развитие идеи города-сада в городе Омске в 1950—60-е гг. : на примере соревнования Ленинград-Омск по зеленому строительству / А. В. Жидченко // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — 2009. — № 15. — С. 159—164.
12. *Казанцева Е. А.* История развития системы озеленения г. Томска / Е. А. Казанцева, И. И. Колосова // Баландинские чтения. — 2016. — Т. 11. — С. 125—129.
13. *Кичигина А. Г.* Роль озеленения в гармонизации городского пространства на примере города Омска / А. Г. Кичигина // Инновации в науке. — 2017. — № 5 (66). — С. 20—22.
14. *Козлова Л. Н.* Сад в центре Омска : возникновение и развитие / Л. Н. Козлова // Инновации в науке. — 2016. — № 55 (1). — С. 66—73.
15. *Комарова А. А.* Омск — город сад / А. А. Комарова // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — 2003. — № 10. — С. 260—264.
16. *Кочедамов В. И.* Омск. Как рос и строился город / В. И. Кочедамов. — Омск : Книжное издательство, 1960. — 111 с.
17. *Крекова Я. А.* История интродукции древесных растений на территории Западной Сибири и Северного Казахстана / Я. А. Крекова, С. В. Залесов // Леса России и хозяйство в них. — 2019. — № 2 (69). — С. 4—14.
18. *Малинова-Тзиафета О. Ю.* Из города на дачу : социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860—1914) / О. Ю. Малинова-Тзиафета. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета, 2013. — 335 с. — ISBN 5943801375.
19. *Манонина Т. Н.* Вклад купцов в благоустройство г. Томска во второй половине XIX начале XX в. / Т. Н. Манонина // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 388. — С. 135—139.

20. Мостовенко М. С. От «города-сада» к «городу-аду»: проблема загрязнения воздушного бассейна города Омска в 1960—1980-е гг. / М. С. Мостовенко // Вестник томского государственного университета. История. — 2021. — № 73. — С. 13—18. — DOI: 10.17323/19988613/73/2.

21. Нащокина М. В. Садово-парковое искусство / Е. И. Кириченко // Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Москва: Прогресс-Традиция, 2003. — К. 2. — С. 54—104. — ISBN 5-89826-083-8.

22. Романов Р. Н. Городские парки в Сибири как места отдыха и развлечений во второй половине XIX — начале XX в. / Р. Н. Романов // Вестник Югорского государственного университета. — 2012а. — Выпуск 1 (24). — С. 39—44.

23. Романов Р. Н. Городские парки в Сибири как места отдыха и развлечений во второй половине XIX в. — начале XX в. / Р. Н. Романов // Вестник Югорского государственного университета. — 2012б. — Выпуск 1 (24). — С. 39—44.

24. Силина Т. Н. Проблема озеленения города Омска / Т. Н. Силина // Техника и технология нефтехимического и нефтегазового производства. Материалы 5-й международной научно-технической конференции. — 2015. — С. 168—169.

25. Федорова Г. В. Озеленение Омска — одна из приоритетных экологических задач / Г. В. Федорова // Вести МАНЭБ в Омской области. — 2013. — № 2 (2). — С. 50—52.

26. Brantz D. Greening the City: Urban Landscapes in the Twentieth Century / D. Brantz, S. Dumpelmann. — University of Virginia Press, 2011. — 256 p.

27. Johnston M. Trees in Towns and Cities: A History of British Urban Arboriculture / M. Johnston. — Oxford: Windgather Press, 2015. — 256 p.

28. Lovell S. Summerfolk: A History of the Dacha, 1710—2000 / S. Lovell. — Cornell: Cornell University Press, 2003. — 280 p.

29. Stanley W. B. Urban Open Spaces in Historical Perspective: A Transdisciplinary Typology and Analysis / W. B. Stanley, B. L. Stark, K. L. Johnston, M. E. Smith // Urban Geography. — 2012. — № 33 (8). — Pp. 1089—1117.

30. Way T. Nation of Gardeners: How the British Fell in Love with Gardening / T. Way. — London: Prion, 2010. — 192 p. — ISBN-978-1853758065.

Material resources

Abakari, S. (1993). My journey to Russia and Siberia. *Asia and Africa today*, 10: 69—73. (In Russ.).
Budgetary institution of the Omsk region "Historical Archive of the Omsk region". F. 172 (Omsk City Council). Op. 1 d. 19; Op. 1. D. 69; Op. 1. D. 109. (In Russ.).

Maisky, I. M. (1964). *Memoirs of the Soviet ambassador. Journey into the past, 1*. Moscow: Nauka. 539 p. (In Russ.).

Mitrich, V. D. (1899). From the shores of the Irtysh. *Siberian life. August 19*. (In Russ.).

Nosilov, K. D. (1896). In South-Western Siberia. *Natural science and geography*, 4: 456—471. (In Russ.).

On the order and deanery in public gardens. The order of the Mayor. (1889). *News of the St. Petersburg City Duma*, 94 (14): P. 194. (In Russ.).

Polubinsky, A. A. (1893). *On measures against cholera. Minutes of the meeting of the Society of Omsk Doctors № 2 dated November 19, 1892. Protocols of the Omsk Medical Society*. 26—33. (In Russ.).

Shiplerovich, M. A. (1893). *About the sanitary inspection of the Lugovsky forstadt. Minutes of the meeting of the Society of Omsk Doctors (Emergency meeting) dated July 26, 1892. Protocols of the Omsk Medical Society*. 78—79. (In Russ.).

Solomin, P. A. (1893). *Chairman's report on the further spread of the cholera epidemic in Western Siberia and the debate on this issue. Minutes of the meeting of the Society of Omsk Doctors № 9 dated August 19, 1892. Protocols of the Omsk Medical Society.* 88—94. (In Russ.).

Teleshov, N. (2017). *Beyond the Urals: from wandering in Western Siberia: essays.* Moscow: Publishing House State Publ. ist. b-ki of Russia (GPIB). 158 p. (In Russ.).

References

Agafonova, A. B. (2019). Urban gardens and boulevards in the space of Cherepovets and in the everyday practices of citizens of the 1870s—1930s. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University.* 73—82. (In Russ.).

Antonov, B. I. (2006). *Historical gardens.* St. Petersburg: VERB. 172 p. ISBN 5-88729-059-5. (In Russ.).

Baranova, V. V. (2018). History and principles of designing environmental spaces in Omsk (1950—1960-ies). In: *Regions. Cities. Angles and parallels.* Omsk: Omsk State Technical University. 25—31. ISBN 978-5-8149-2800-9. (In Russ.).

Brantz, D., Dumpelmann, S. (2011). *Greening the City: Urban Landscapes in the Twentieth Century.* University of Virginia Press. 256 p.

Egorova, T. Yu. (2006). *The evolution of the idea of a garden city in urban planning practice in Western Siberia (the first third of the XX century).* Author's abstract of PhD Diss. Baranaul. 22 p. (In Russ.).

Fedorova, G. V. (2013). Greening Omsk — one of the priority environmental tasks. *Conduct MANEB in the Omsk region, 2 (2):* 50—52. (In Russ.).

Goncharova, O. V. (2016). The history of gardening Omsk on the right bank of the Omi in the second half of the XIX century. *Scientific Almanac, 3—4 (17):* 94—101. (In Russ.).

Goncharova, O. V. (2016). Landscaping as a solution to environmental problems of Omsk at the beginning of the XIX century. In: *Ecological local history. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference.* Ishim: P. P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch). 233—237. (In Russ.).

Goncharova, O. V. (2018). Landscaping of Omsk in the XIX century — recreational potential of urbanized territory of the XX—XXI centuries: the history of the central city garden of Omsk. In: *Problems of regional ecology, economics and geography. Materials of the I-th International Scientific and Practical Conference.* Astrakhan: Publishing House of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Astrakhan State University”. 36—39. (In Russ.).

Gorokhov, V. A. (2012). *Green nature of the city: Landscape art of Russia, 2.* Moscow: Architecture-C. 589 p. ISBN 5-9647-0054-3. (In Russ.).

Goryshina, T. K. (2010). *The green world of old Petersburg.* Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. 382 p. ISBN 978-5-210-01564-8. (In Russ.).

Johnston, M. (2015). *Trees in Towns and Cities: A History of British Urban Arboriculture.* Oxford: Windgather Press. 256 p.

Kazantseva, E. A., Kolosova, I. I. (2016). History of the development of the landscaping system of Tomsk. *Balandinsky readings, 11:* 125—129. (In Russ.).

Kichigina, A. G. (2017). The role of landscaping in the harmonization of urban space on the example of the city of Omsk. *Innovations in science, 5 (66):* 20—22. (In Russ.).

Kochedamov, V. I. (1960). *Omsk. How the city grew and was built.* Omsk: Book Publishing House. 111 p. (In Russ.).

- Komarova, A. A. (2003). Omsk — garden city. *News of the Omsk State Museum of Local Lore*, 10: 260—264. (In Russ.).
- Kozlova, L. N. (2016). Garden in the center of Omsk: emergence and development. *Innovations in science*, 55 (1): 66—73. (In Russ.).
- Krekova, Ya. A., Zalesov, S. V. (2019). The history of the introduction of woody plants on the territory of Western Siberia and Northern Kazakhstan. *Forests of Russia and agriculture in them*, 2 (69): 4—14. (In Russ.).
- Lovell, S. (2003). *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710—2000*. Cornell: Cornell University Press. 280 p.
- Malinova-Tziafeta, O. Yu. (2013). *From the city to the country: socio-cultural factors of the development of suburban space around St. Petersburg (1860—1914)*. Saint Petersburg: European University Press. 335 p. ISBN 5943801375. (In Russ.).
- Manonina, T. N. (2014). The contribution of merchants to the improvement of Tomsk in the second half of the XIX — early XX century. *Bulletin of Tomsk State University*, 388: 135—139. (In Russ.).
- Mostovenko, M. S. (2021). From “garden city” to “hell city”: the problem of pollution of the air basin of the city of Omsk in the 1960s—1980s. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 73: 13—18. DOI: 10.17323/19988613/73/2. (In Russ.).
- Nashchokina, M. V. (2003). Garden and park art. In: Russian urban planning art. In: *Urban planning of Russia in the middle of the XIX — early XX century*, 2. Moscow: Progress-Tradition. 54—104. ISBN 5-89826-083-8. (In Russ.).
- Romanov, R. N. (2012). City parks in Siberia as places of recreation and entertainment in the second half of the XIX century — the beginning of the XX century. *Bulletin of the Yugra State University*, 1 (24): 39—44. (In Russ.).
- Romanov, R. N. (2012). Urban parks in Siberia as places of recreation and entertainment in the second half of the XIX — early XX century. *Bulletin of the Yugra State University*, 1 (24): 39—44. (In Russ.).
- Silina, T. N. (2015). The problem of greening the city of Omsk. In: *Technique and technology of petrochemical and oil and gas production. Materials of the 5th International Scientific and Technical Conference*. 168—169. (In Russ.).
- Stanley, W. B., Stark, B.L., Johnston, K. L., Smith, M. E. (2012). Urban Open Spaces in Historical Perspective: A Transdisciplinary Typology and Analysis. *Urban Geography*, 33 (8): 1089—1117.
- Vesnina, N. N. (2004). City gardens and parks of St. Petersburg of the XIX — first third of the XX centuries. Functional and typological characteristics. In: *Monuments of history and culture of St. Petersburg. Research and materials*, 7. St. Petersburg: White and Black. 100—123. (In Russ.).
- Way, T. (2010). *Nation of Gardeners: How the British Fell in Love with Gardening*. London: Prion. 192 p. ISBN-978-1853758065.
- Zhidchenko, A. V. (2009). The development of the idea of a garden city in Omsk in the 1950s and 60s: on the example of the Leningrad-Omsk competition for green construction. *News of the Omsk State Museum of Local Lore*, 15: 159—164. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.07.2022,
одобрена после рецензирования 21.10.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

Безгин В. Б. «Приказчики революции»: еврейская молодежь провинции в событиях Гражданской войны (на примере Тамбовской губернии) / В. Б. Безгин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 301—321. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-301-321.

Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). “Clerks of Revolution”: Jewish Youth of Province in Events of Civil War (Tambov Province). *Nauchnyi dialog*, 11(9): 301-321. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-301-321. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-301-321

**«Приказчики революции»:
еврейская молодежь
провинции в событиях
Гражданской войны
(на примере
Тамбовской губернии)**

Безгин Владимир Борисович

orcid.org/0000-0002-7074-6823

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
vladyka62@mail.ru

Якимов Кузьма Александрович

orcid.org/0000-0003-1756-3515

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
gnom-gnom123@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00132
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

**“Clerks of Revolution”:
Jewish Youth of Province
in Events of Civil War
(Tambov Province)**

Vladimir B. Bezgin

orcid.org/0000-0002-7074-6823

Doctor of History, Professor,
Leading Researcher
vladyka62@mail.ru

Kuzma A. Yakimov

orcid.org/0000-0003-1756-3515

PhD in History,
Senior Researcher
gnom-gnom123@mail.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by a grant
from the Russian Science Foundation
№ 22-18-00132
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе архивных материалов и опубликованных источников изучается проблема участия провинциальной еврейской молодежи в подавлении повстанческого движения на территории Тамбовской губернии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью конкретизации и уточнения исторической роли еврейской молодежи российской провинции в трагических событиях Гражданской войны. Научная новизна работы заключается в том, что на основе биографий евреев поколения «революционного перелома» установлен механизм их социальных лифтов. Впервые выяснены роль и мотивы участия тамбовских евреев-коммунистов в борьбе с крестьянским восстанием 1920—1921 годов под руководством А. С. Антонова. Выявлены причины проявления антисемитских настроений в провинциальном обществе периода гражданской войны. Авторы приходят к выводу о том, что антисемитизм городских обывателей и сельских жителей во многом был обусловлен злоупотреблениями местных евреев своими властными полномочиями. Отмечается, что, в силу заметного проникновения еврейского элемента в коммунистическую партию, в общественном сознании крестьянства большевики нередко отождествлялись с евреями, стимулируя рост недовольства советской властью внутри крестьянского социума.

Ключевые слова:

еврейская молодежь; повстанчество; крестьянство; антисемитизм; социальные лифты; большевики.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on archival materials and published sources, the article deals with the problem of the participation of provincial Jewish youth in the suppression of the insurgent movement on the territory of the Tambov province. The relevance of the study is due to the need to specificate and clarify the historical role of the Jewish youth of the Russian province in the tragic events of the Civil War. The scientific novelty of the work lies in the fact that on the basis of the biographies of the Jews of the “revolutionary turning point” generation, the mechanism of their social lifts is established. For the first time, the role and motives of the participation of Tambov Jewish communists in the fight against the peasant uprising of 1920—1921 under the leadership of A. S. Antonova are studied. The causes of anti-Semitic sentiments in the provincial society of the period of the civil war are revealed. The authors come to the conclusion that the anti-Semitism of urban and rural residents was largely due to the abuse of power by local Jews. It is noted that due to the noticeable penetration of the Jewish element into the Communist Party, in the public consciousness of the peasantry, the Bolsheviks were often identified with the Jews, stimulating the growth of dissatisfaction with the Soviet government within the peasant society.

Key words:

Jewish youth; rebellion; peasantry; anti-Semitism; social elevators; Bolsheviks.

«Приказчики революции»: еврейская молодежь провинции в событиях Гражданской войны (на примере Тамбовской губернии)

© Безгин В. Б., Якимов К. А., 2022

*Они были не хозяевами, а приказчиками
и коммивояжерами русской революции*
Д. С. Пасманик

1. Введение = Introduction

Массовый исход российских евреев из черты оседлости в провинциальную глубинку связан с событиями Первой мировой войны. Военные действия вызвали мощный миграционный поток во внутренние губернии империи. Наиболее крупными по численности этническими группами беженцев (после русских) являлись поляки (15,5 % всех беженцев), латыши (8,9 %), евреи (6,1 %). [Михалев и др., 2015, с. 102]. В результате в российской провинции возникли большие еврейские колонии. В численном отношении евреи составляли подавляющую часть беженцев, избравших Тамбовскую губернию местом своего проживания летом-осенью 1915 года. Из 8,5 тыс. беженцев, проживавших в губернии в конце августа 1915 года, на долю евреев приходилось 5,3 тыс. человек, то есть 62 %. По словам П. Гетрелла, «некоторые провинциальные “русские” города были превращены во многоязычные “интернациональные” центры, в прибежище для людей, зачастую не принадлежавших к православной вере и пытавшихся развивать нерусские культуры» [Gatrell, 1999, p. 141]. Революция 1917 года вызвала всплеск активности провинциального социума, в том числе его инородческой части.

Радикальное разрешение «еврейского вопроса» открыло широкие возможности для реализации социальной энергии целого народа, многие представители которого после революционных событий 1917 года устремились на руководящие должности. Сложилась ситуация, при которой те, кто содействовал разрушению старой империи, становились главными архитекторами новой. Как верно заметили И. М. Бухтоярова и А. Д. Савчук, революционные карьеры делались не в министерствах, а на митингах и заседаниях советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, куда и устремилось российское еврейство с настойчивостью и уверенностью, что они «все знают и все могут» [Бухтоярова и др., 2017, с. 12].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Публикации последних лет свидетельствуют о том, что проблема определения роли евреев в событиях революции и гражданской войны остается актуальной и востребованной в плане выбора исследовательского сюжета. Так, И. М. Бухтоярова и А. Д. Савчук называют наиболее активную часть российского еврейства одной из движущих сил революции 1917 года [Там же, с. 10—15]. О причинах антисемитизма и роли евреев в революционных событиях размышляет П. Г. Рогозный [Рогозный, 2019, с. 241—250]. В статье В. А. Матвеева дан анализ участия российских евреев в противостоянии периода гражданской войны [Матвеев, 2020, с. 55—66]. Процессы институционализации еврейской этничности в Сибири периода революции и гражданской войны изучены томскими историками [Нам и др., 2020, с. 53—64]. Исследователь М. В. Брянцев утверждает, что в 1920-е годы юдофобские настроения были характерны для самых широких слоев населения Советской России [Брянцев, 2018, с. 383—401]. Особенности антисемитских взглядов в сибирском обществе периода гражданской войны установлены в работе М. М. Стельмака [Стельмак, 2020, с. 53—60]. Также появились исследования социально-демографической характеристики евреев-революционеров [Якимов, 2021, с. 169—179]. Таким образом, в современной историографии данной проблемы в большей мере освещены вопросы революционной активности российских евреев и причины юдофобских настроений в провинциальном обществе периода гражданской войны. Практически остаются неизученными вопросы социальной мобильности, карьерной мотивации, адаптационного механизма, жизненных стратегий еврейской молодежи российской провинции периода гражданской войны.

Методологической основой исследования послужил междисциплинарный подход «поколенческой истории» [Вязинкин, 2022, с. 153—154]. В работе использованы методы социальной истории и историографической демографии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Еврейская молодежь и социальные лифты

Несомненно, что революция, в силу последовавшей либерализации национальной политики, открыла для еврейской молодежи возможность сделать карьеру и обрести жизненный успех. Членство в партии большевиков выступало для евреев одним из неперенменных условий их успешной революционной карьеры. Так, принятый в сентябре 1918 года на службу в Тамбовскую губ. ЧК Пинсекбаум Моисей Менделевич стал членом РСДРП(б) с 1 июля 1918 года. Туда же во второй половине октября 1918 года был принят на службу следователем Рейн, состоявший кандидатом в члены

партии с 1 октября 1918 года [ГАТО, ф. Р-398, оп. 1, д. 38, лл. 46, 50]. Примечательно, что среди евреев-политкаторжан более 40 % к началу 1930-х годов имели партийный билет, в то время как их революционное прошлое зачастую было связано с работой среди эсеров, меньшевиков, бундовцев [Политическая каторга ..., 1934, с. 15—878].

Одной из главных причин активного притока евреев в качестве «советских служащих» в годы Гражданской войны и первые годы советской власти являлся страх, что дореволюционный порядок, который вызывал недовольство у большинства представителей «малого» народа, будет реставрирован. В связи с этим революционные события в России стали для местечковых евреев социальным лифтом, который обусловил как их движение вверх по карьерной лестнице, так и экспансию в великорусские губернии в качестве разного рода командированных и уполномоченных. Именно об их «нашествии» сообщал В. И. Ленину 19 марта 1919 года из Моршанского уезда сотрудник «Чрезреврода» т. Озерский. Он докладывал, что «город был захвачен пришедшими из Украины беженцами, именующими себя коммунистами. Они учинили здесь террор и разграбление. Деревня облагалась контрибуцией, незначительная часть которой поступала в народную кассу, а главная доля расхищалась местными представителями власти для своего обогащения» [ГАРФ, ф. Р-9683, оп. 1, д. 58, л. 1—1 об.].

Характерно, что биография некоторых «местечковых» инсургентов тесно связана с ходом революционной эпохи. Так, Левин Давид Маркович родился в 1898 году в г. Себеж Витебской губернии, его дед и отец были приказчиками. Примечательно, что в анкете свою национальность он указал как *интернационалист*. Окончив XII Петербургскую гимназию, поступил в университет, но был отчислен. В августе 1916 года он вступил в еврейскую секцию РСДРП, а затем был выслан в Самару за хранение нелегальной литературы. После амнистии участвовал в выступлениях 3—5 июля 1917 года, за что вновь подвергся аресту. С 1921 года его назначили комиссаром 15-й Сибирской кавалерийской дивизии, принимавшей активное участие в подавлении крестьянского восстания в Тамбовской губернии [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 2, д. 2544, л. 2—4о б.].

В плане успешной «революционной» карьеры показателен жизненный путь Рейна Исаака Леонтьевича, который с июня по октябрь 1918 года был следователем Тамбовской губ. ЧК. Родился он в 1889 году в семье учителя древнееврейского языка. В период с 1914 по 1917 годы находился на военной службе. До призыва в армию служил приказчиком. После работы в губ. ЧК занимал комиссарские должности: с октября 1918 по май 1919 года — политрука 916 госпиталя, с мая 1919 года по август 1920 года — военкома 1-й кавбригады, с августа по октябрь 1921 года —

начальника политического участка штаба Боевой воздушной эскадрильи [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 2, д. 3879, л. 1].

Наряду с приверженностью «делу революции» и членством в правящей партии фактором карьерного роста продолжала оставаться этническая принадлежность. Подтверждением тому служит биография Пупкина Самуила Абрамовича, 1903 г.р., уроженца Гродненской губернии. По причине военных действий его семья в 1916 году переехала в Кирсанов. Здесь он до 1921 года работал дамским портным. В 1919 году вступил в члены РКСМ, через два года окончил совпартшколу 1-й ступени. После этого бывший портной становится комсомольским функционером. В период с 1921 по 1923 годы он был сначала заведующим отделом, затем политпросветом Кирсановского укомола, пока не стал ответственным секретарем в 1-м райкоме РКСМ Тамбова. В апреле 1922 года С. А. Пупкин вступил в члены РКП(б) Кирсановской организации. Ожидается, что рекомендации ему дали заведующий орготделом укома т. Шаломов и заведующий АПО т. Гинсбург. В анкете он не забыл указать, что «во время бандитизма принимал активное участие в боях за оборону Кирсанова», а «до вступления в партию» «работал с отрядом как агитатор-пропагандист по проведению недели крестьянина и сбору продовольственного налога в Уметской волости Кирсановского уезда». Не менее любопытно и желание, которое высказал молодой коммунист в конце анкеты. «Мое желание пополнить образование и поехать учиться или в рабфак или в Коммунистический университет» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 2, д. 3802, л. 1, 2, 6, 6 об].

Наглядным примером проявления прагматизма, позволявшего успешно продвигаться по карьерной лестнице, представляется заявление в Тамбовский горкомпарт Фани Абрамовны Купершток, еврейки, 1900 г.р., работницы обмундировочной мастерской, члена РКП(б) с октября 1919 года. В своем обращении от 9 июля 1921 года она писала, что ввиду своего отъезда на Родину, в Польшу, просит не исключать её из компартии, поскольку по возвращении обратно в случае необходимости она бы хотела вновь числиться в её рядах [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 2, д. 2452а, лл. 2, 3].

Приверженность делу революции необязательно была связана с членством в коммунистической партии. Примером тому является судьба печально известного в губернии беспартийного Якова Иделевича Марголина. Будучи заведующим реквизиционным отделом Тамбовского губпродкома, еврей, 1894 г. р., уроженец Бобруйского уезда Минской губернии с высшим образованием [ГАТО, ф. Р-5201, оп. 2, д. 1357, л. 33, 42], осуществлял насилие и издевательства над крестьянами в ходе сбора продразверстки сначала в Козловском уезде в ноябре — декабре 1919 года, а затем и в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии. В результате он был отдан под

трибунал, но по причине вмешательства высокопоставленных покровителей заслуженной кары не понес.

Не была препятствием для «революционной карьеры» провинциальной еврейской молодежи и воинская служба при царском режиме. Так, приказом по Тамбовской губ. ЧК от 24 апреля 1920 года уполномоченным по военным делам был назначен бывший заведующий особым отделом Семен Васильевич Эрак, 1891 г. р., еврей, в прошлом прапорщик царской армии [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 960, л. 152]. Как следует из протокола заседания президиума Тамбовской губ. ЧК от 10 января 1921 года, на нем был рассмотрен вопрос о размещении пленных, прибывших из района восстания, и принято решение о создании комиссии по их фильтрации. Работу этой комиссии возглавил член коллегии губ. ЧК т. Эрак [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 1329, л. 6].

3.2. На хлебном фронте и в репрессивных органах

На Тамбовщине влияние инородческого фактора усугублялось наличием евреев в руководстве и среди сотрудников продовольственного комитета, губернской ЧК, военизированных формирований. Народная память хранила имена тех, кто проводил ограбление тамбовского села в ходе продразверстки. А ей руководил, проявляя особую жесткость, губернский продовольственный комиссар Я. Г. Гольдин¹. Именно он в ноябре 1919 года издал приказ, которым потребовал от уездных продовольственных комитетов «арестовывать волостные и сельские советы и препровождать их членов в концентрационный лагерь в Тамбов, одновременно силами реквизиционных отрядов приступить к подворной реквизиции всего без всякого остатка и без всякой нормы полностью все имеющиеся 100 % хлеба» [Фефелов, 2020, с. 151]. В феврале 1920 года он приказал продотрядам «конфисковать весь хлеб и скот до чиста, даже дойных коров, а в случае восстания применять оружие» [ГАТО, ф. Р-5201, оп. 2, д. 1302, л. 84].

Деятельность в губернии евреев, продовольственных комиссаров, была отмечена многочисленными фактами злоупотребления ими своим служебным положением. Так, согласно шифровке политбюро Шацкого уезда в президиум Тамбовской губ. ЧК от 14 ноября 1920 года, накануне «были арестованы упродкомиссар Коерман, несколько ответственных работников и технические служащие упродкома, главным образом женщины. Вся эта компания пиришествовала в полном смысле этого слова. Отобра-

1 Гольдин Яков Григорьевич (1886—1937), еврей, уроженец Витебской губернии, член БУНДА в 1915—1917 годы, в РКП(Б) с мая 1917 года, в 1918—1919 годы секретарь Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК при СНК РСФСР, заместитель председателя ЧК Восточного фронта, уполномоченный по снабжению Южного, Юго-Восточного фронта. В 1919—1920 годы комиссар по продовольствию Тамбовской губернии.

ны все возможные доказательства: самогон, рюмки, карты. Деньги, пироги, остатки жареных гусей, варенье, пирожные и так далее» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 956, л. 70]. По итогам было принято решение держать их под арестом до конца следствия. Но уже через три дня в Тамбовский губком РКП(б) поступила просьба губпродкомиссара т. Щуголя об освобождении упродкомиссара под подписку до окончания дела [Там же, л. 71]. Интересно то, что уже 30 ноября 1920 года сам Щуголь Захар Моисеевич, еврей, 1896 г. р., из мещан, уроженец г. Дрисса Витебской губернии, член РКП(б), стал фигурантом уголовного дела. Согласно заключению уполномоченного ОРГЧК ст. Тамбов Шишкова, рассмотренного на заседании Тамбовского губревтрибунала 5 января 1921 года, З. М. Щуголь, губпродкомиссар, Б. М. Маневич, председатель кооперативного отдела губпродкома, В. М. Фефер, заведующий хозяйственно-материальным отделом губпродкома, обвинялись в «незаконном провозе продуктов сверх установленной декретом нормы, кроме того означенные граждане как члены партии, занимающие ответственные посты, позволили себе в вагоне председателя губисполкома провезти спиртные напитки» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 2, д. 5349, л. 7, 10]. Уже 19 января 1921 года губревтрибунал удовлетворил ходатайство губкома и в порядке партийной дисциплины передал дело в его распоряжение. Из протокола № 57 президиума Тамбовского губкома РКП(б) от 17 марта 1921 года следует, что оно было прекращено [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 2, д. 5349, л. 11, 14].

В уездах губернии «хлебные» должности также были в руках «приказчиков революции». Опытный работник, присланный из центра, т. Цильдерман в январе — апреле 1919 года руководил продовольственным комитетом Козловского уезда [Антоновщина ..., 2007, с. 83, 89]. В 1921 году обязанности уездного комиссара по продовольствию сначала в Борисоглебске, а потом в Липецке выполнял Фельдштейн [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 1268, л. 77]. В Темниковском уезде аналогичную должность занимал Лурье [Там же, л. 113]. Персов Хацк Самуилович, 1891 г. р., в 1919 году политический комиссар полка 3 бригады стрелковой дивизии, с 1921 года стал зав. мясным отделом продовольственных заготовок при губернском комитете [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 1329, л. 6]. Такие карьерные метаморфозы были обычны для этого времени.

Как правило, боевое «крещение» местные евреи проходили в батальонах губ. ЧК и частях особого назначения (далее — ЧОН), создаваемых в провинции из числа коммунистов и комсомольцев с целью борьбы с контрреволюцией. Например, по представлению Тамбовской губ. ЧК местный губернский комитет большевиков (губкомболь) 28 декабря 1918 года утвердил на должность военно-политического комиссара батальона губ. ЧК

т. Розенблюма Льва Давидовича, служившего до этого следователем [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 27, л. 4]. Согласно списку ответственных работников губ. ЧК от 27 декабря 1918 года, обязанности секретаря в ней исполнял Яков Григорьевич Кац [Там же, л. 27]. В этом же году сотрудником отдела губ. ЧК был Самуил Ефимович Эйдман, еврей, 1899 г. р., из мещан, уроженец Гродненской губернии. В дальнейшем, в 1920 году, — председатель Борисоглебского укомпарта, начальник политотдела Военсовета Тамбовской губернии, в 1920—1921 годах, — зав. отдела Тамбовского губкома РКП(б), в 1921 году — отв. секретарь Липецкого укома. С сентября 1920 года по март 1921 года должность заведующего оперативным отделом губ. ЧК занимал Абрам Абрамович Матисон, еврей, 1893 г. р., уроженец Митава. Он с 18 марта 1921 года был назначен заместителем председателя Липецкого политбюро, уполномоченным ЧК по политическим партиям [ГАСПИТО, ф. П-840. оп. 1, д. 1269, л. 71].

Другим способом начать карьеру и доказать свою преданность идеалам революции для еврейской молодежи стала служба в ЧОН. Так, по приказу № 48 батальона особого назначения от 13 августа 1919 года в списке 3-го отделения 2-й роты из 11 человек бойцами числились Альперович, Хайн, Глезер, Анштейн, Шейнбаум, Коган, Гамбург [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 409, л. 30—30 об]. С 4 октября 1919 года 46 тамбовских чоновцев были отправлены в деревни с целью реквизиции хлеба, каждый пятый из них был евреем [Там же, л. 51 об]. Некоторые из них, обретя навыки «борьбы за хлеб», закрепляли их на продовольственном «фронте». Например, Давид Владимирович Иосельсон, еврей, 1897 г. р., в ноябре 1919 года был бойцом батальона особого назначения, а уже 16 января 1920 года уполномоченный Тамбовского губпродкома Иосельсон был обвинен в насилии над сельскими жителями [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 957, л. 100 об]. В феврале 1920 года он вновь «отличился» при сборе продразверстки в Кабаньевской волости Борисоглебского уезда. На попытку местных властей урезонить ретивого функционера Иосельсон заявлял, что «он является точным исполнителем всех предначертаний губпродкома т. Гольдина, который дал в категорической форме неофициальное распоряжение о применении в качестве репрессивных мер к неисправным крестьянам — содержание их без теплой одежды в холодном карцере по ½ часа» [ГАТО, ф. Р-5201, оп. 2, д. 1392, л. 28—28 об].

Служба в репрессивных органах Советской власти стала для еврейской молодежи еще одним способом реализации жизненной стратегии и поддержки коммунистического режима. Со времени организации Тамбовской губернской чрезвычайной комиссии ее состав формировался преимущественно за счет пришлого, инородческого элемента (латыши, евреи). По данным И. Симбирцева, в 1921 году евреи в рядах чекистов составляли

9 %. Он утверждает, что «среди чекистских руководителей, действительно, было много представителей еврейской национальности, частью выступавших под своими фамилиями, частью под русскими и польскими» [Симбирцев, 2008, с. 181]. Не был исключением и состав Тамбовской губ. ЧК. По данным за 1919 год, из 55 ее сотрудников 8 были евреями, что составляло 14,5 % от общего их числа [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 405, л. 100—100 об]. Профессиональным качествам и моральному облику местных евреев-чекистов невозможно дать одобрительную оценку. Так, из следственных материалов партийного суда следует, что 6 декабря 1918 года председатель губчрезкома т. Якимчик И. И.¹ в номере гостиницы «Советская» вместе с другими ответственными работниками пьянствовал и кутил в присутствии девиц легкого поведения [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 66, л. 125]. По воспоминаниям Н. Н. Терновского, расстрел известной в губернии благотворительницы статс-дамы А. Н. Нарышкиной был делом рук председателя Тамбовской губ. ЧК И. И. Якимчика и начальника оперативно-секретного отдела Г. И. Калитина [Терновский, 2018, с. 127]. Сам же главный губернский чекист был арестован за непринятие надлежащих мер по борьбе с бандитизмом и пьянство, а после непродолжительного следствия осужден на 5 лет с отправкой в концлагерь [Зданович, 2008. с. 135].

Не лучшего уровня был и кадровый состав чекистов на местах. Из заключения члена следственной комиссии Вишнякова, направленного в Тамбугубревтрибунал 24 апреля 1919 года, узнаем, что Шефер состоял председателем Темниковской уездной ЧК с 16 ноября по 16 декабря 1918 года. А 16 декабря 1918 года Шефер и два сотрудника ЧК были убиты при попытке ареста, произведенного по распоряжению председателя исполкома и председателя укомболя. По мнению следователя, «на конфискованные вещи члены ЧК смотрели не как на народное достояние, а как на свою собственность, которою они могут располагать по своему усмотрению» [ГАСПИТО, ф. П- 840, оп. 1, д. 407, л. 8, 9 об].

Попытки «укрепить» кадры местных чекистов посредством «переброски» из центра в Тамбов опытных работников результатов не дали. Руководитель полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсеенко докладывал в Москву, что «чека насыщена развращенными и подозрительными лицами и совершенно парализована. Особый отдел никуда не годен, его руководитель т. Зоммер поощряет “самоснабжение” своих подчиненных, а при проведении обысков процветает хищение ценных вещей» [Зданович, 2008, с. 135—136].

1 Якимчик Иосиф Иосифович, 1891 г.р., еврей, уроженец Виленской губернии. Член РКП(б). В органах ВЧК служил с октября 1918 года. Председатель Тамбовской губ. ЧК с ноября 1918 по ноябрь 1919 годов.

Еврейское засилье в местных органах власти (и прежде всего в губ. ЧК) стало причиной разборок в руководстве Тамбовского губкома и привлекло к себе внимание ЦК РКП(б). В заключении по делу о «склоках» в Тамбове утверждалось, что ««прихварование» организации началось с апреля 1921 г. И. Ф. Чибисов¹, начальник особого отдела армии, набрал вокруг себя евреев, русским не дает хода» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 13, д. 1008, л. 45].

3.3. Усмирители Тамбовского восстания

В военном командовании войсками Тамбовской губернии также было много евреев-коммунистов, проявлявших особую энергию в осуществлении репрессии по отношению не только к повстанцам, но и к мирному населению. Так, оперативным приказом по 1-му боевому участку от 8 сентября 1920 года предписывалось «довольствие отряда и лошадей производить за счет граждан. А в тех пунктах, где будет оказано сопротивление или пособничество бандитам произвести полную фуражировку и конфискацию имущества у семей пособников и бандитов». Данный документ был подписан начальником Инжавинской группы войск т. Зенковичем, начальником штаба т. Лейзнаром и военным комиссаром т. Эйджманом [РГВА, ф. 633, оп. 1, д. 153, л. 6, 11].

Примечательно то, что ротация ответственных работников в губернии происходила также по национальному принципу. Еврея замещали евреем, и вряд ли в этих рокировках фактор компетенции и деловые качества имели какое-нибудь значение. Например, в отчете Тамбовского губкома РКП(б) за ноябрь 1920 года говорилось, что «для усиления политработы вообще член губкома т. Эйджман ввиду его перегруженности основной работой был отозван с поста начальника политотдела войск, на место которого был выдвинут начальник политического отдела губернского военкомата т. Вейднер, для связи губкома с политотделом в последний как представитель губкома был послан т. Пинсон». [Антоновщина ..., 2007, с. 210—211].

По тому же принципу происходило назначение евреев на должности комиссаров. Так, приказом № 19 политотдела Тамбовского гарнизона от 20 мая 1921 года «т. Кац Иосиф откомандирован на должность политрука в 1-й Тамбовский стрелковый полк» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 1029, л. 19]. А начальник политотдела 1-го боевого участка Лев Гейман 1 марта 1921 года был направлен в распоряжение политотдела армии [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 1043, л. 13 об.]. Такая ситуация на местах стала логическим следствием массового притока еврейской молодежи в ряды правящей партии. По данным А. Севастьянова, «число евреев среди большевиков от

1 Чибисов Иван Федорович (1892—1938), русский, из крестьян. В партии большевиков с января 1918 года. В органах ВЧК с 1918 года. В 1920—1921 годы председатель Тамбовской губ. ЧК, начальник Особого отдела войск Тамбовской губернии.

начала 1917 года к началу 1921 года выросло почти в семнадцать с половиной раз» [Севастьянов, 2017, с. 210].

Идейную основу под осуществляемые властью в деревне репрессии подводил Б. Д. Пинсон¹. Занимая пост секретаря Тамбовского губкома РКП(б), в отчете о деятельности за август 1920 года он признавал, «что в местах, зараженных бандитизмом, ссыпка хлеба значительно упала или даже приостановилась. Таким образом, перед губкомом вырисовывается перспектива отчаянной борьбы с бандитизмом, которая, в конечном счете, является борьбой за хлеб» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 519, л. 90 об]. Именно по его инициативе в августе 1920 года «для политической и руководящей работы в район действия бандитских шаек были посланы активные партийные и советские работники». С этой целью в мятежный Кирсановский уезд для усиления партийной работы были направлены товарищи Смоленский Яков Львович², ставший председателем политкомиссии 2-го боевого участка, комендантом Рассказовского района, и Эйдман Самуил Ефимович,³ назначенный начальником политотдела штаба войск Тамбовской губернии [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 519, л. 86]. А 6 сентября 1920 года Б. Д. Пинсон от имени командующего войсками Тамбовской губернии поставил перед Кирсановской группировкой задачу захватить с. Иноковку, где «произвести полную фуражировку, зlostных бандитов расстрелять, дезертиров и кулаков арестовать и направить выездную сессию губ. ЧК в с. Рассказово» [РГВА, ф. 235, оп. 2, д. 56, л. 15].

Характер осуществляемых мер и их вдохновители были названы в анонимке, направленной в Тамбовский губисполком местными эсерами. В телефонном разговоре 8 сентября 1920 года председатель губ. ЧК Ф. К. Траскович⁴ сообщал члену Военного совета Н. Я. Райвиду⁵ о том, что

- 1 Пинсон Борис Давидович (1892—1936), еврей, уроженец Витебска, сын портного. Член РСДРП с 1907 года. С января по июль 1919 года в Витебске член губисполкома, председатель губревтрибунала и заведующий губюста. В 1920 году — секретарь Тамбовского губкома РКП(б).
- 2 Смоленский Яков Львович (1899—1938 годы), еврей, уроженец Мелитополя. В 1917—1918 годы член ПСР, затем РКП(б). В РККА с 1920 года. В указанное время секретарь Тамбовского укома, председатель уисполкома.
- 3 Эйдман Самуил Ефимович, 1899 г. р., еврей, уроженец Гродненской губернии. В РКП(б) с октября 1918 года. В 1920 году — начальник политотдела Военсовета Тамбовской губернии.
- 4 Траскович Федор Константинович, (1882-?), из крестьян, член РКП(б) с 1919 года, в 1919—20 годы председатель трибунала Тамбовской губернии, заведующий губернским отделом юстиции, член оперативного штаба по подавлению крестьянского восстания при губ. ЧК, председатель Тамбовской губ. ЧК.
- 5 Райвид Николай Яковлевич (1897—1937 годы), еврей, родился в Москве, в семье служащих. Член РКП(б) с 1919 года. В 1920—1921 годы — секретарь Тамбовского губкома РКП(б), член губисполкома, член оперативного штаба по подавлению крестьянского восстания при губ. ЧК, член губернского военного совета, заведующий губоно, председатель губпрофсовета и губсовнархоза.

её авторы «требуют снять красный террор, в противном случае объявят свой террор по отношению к коммунистам, жидам ...» [ГАТО, ф. Р-1832, оп. 1, д. 631, л. 1 об.]. Предостережение услышано не было, и уже 13 сентября 1920 года тот же Ф. К. Траскович, докладывая на заседании губисполкома о ходе военных действий против повстанцев, сообщил о решении применять репрессии к населению сел, жители которых принимали участие в восстании. В качестве доказательства решимости карателей была сожжена половина с. Коптево. [Антоновщина ..., 2007, с. 176]. С его слов, в период с 1 сентября по приговорам трех выездных сессий губ. ЧК, действовавших в Рассказово, Сампуре и Борисоглебском уезде, было расстреляно более 100 человек [Там же, с. 177].

С момента создания в Тамбовской губернии Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом сюда по инициативе заместителя председателя РВС Э. М. Склянского был направлен для подавления крестьянского восстания М. Н. Тухачевский, а по линии ВЧК для «пригляда» за военными — Г. Г. Ягода. И без чекистского усиления из центра на Тамбовщине было немало коммунистов-евреев, которые организовывали и осуществляли карательные меры в отношении восставших крестьян. Так, Аркадий Варман в 1921 году являлся председателем ревтрибунала войск Тамбовской губернии, а Михаил Антонов (Герман)¹ возглавлял местную губ. ЧК. Полномочным представителем ВЧК в Тамбовской губернии состоял А. М. Левин (Бельский)². Его подпись стоит под приказом № 14 от 15 мая 1921 года, согласно которому «в случае отсутствия бандита берется заложником для заключения в концентрационный лагерь вся семья разыскиваемого или отдельные члены ее» [Там же, с. 365]. Кстати, палачами в этих концлагерях, где содержались крестьянские повстанцы и члены их семей, служили все те же представители «малого народа». Так, «ликвидационная (то есть расстрельная) команда» Борисоглебского концлагеря состояла преимущественно из евреев, красноармейцев 147-го стрелкового полка, сформированного из призывников 1896—97 г. р., уроженцев Гомельской губернии [ГАТО, ф. 2556, оп. 2, д. 10, л. 5].

1 Антонов (Герман) Михаил Давыдович (1893—1944), еврей, из мещан. Член РСДРП(б) с 1917 года. В 1918—1921 годах — на работе в органах ЧК в Петрограде и Смоленске, в особых отделах Красной армии на Южном и Западном фронтах. В 1921 году — председатель Тамбовского губернского ЧК и ГПУ.

2 Бельский Лев Николаевич (Левин Абрам Михайлович) (1889—1941), еврей, родился в семье служащего в Минской губ. Член РСДРП с лета 1917 года. В органах ВЧК с 1918 года. В 1920—1921 годах — председатель Астраханской ГЧК, полпред ВЧК в Тамбовской, Воронежской губерниях и в районе действий Тамбовской группы войск (февраль — октябрь 1921).

Еврейская молодежь «революционного призыва» проявляла максимум рвения в борьбе с крестьянским протестом. Так, т. Шнеерсон, начальник политотдела 5-й дивизий войск Тамбовской губернии, 9 июня 1921 года сообщал, что в Липецком уезде (территория 4-го боевого участка) оккупировано 11 волостей. Всего было арестовано 1700 человек, из них взято в заложники 540. Это притом, что, по словам самого Шнеерсона, «в уезде бандитизма почти нет» [РГВА, ф. 235, оп. 2, д. 13, л. 34—34 об.]. А 12 июля 1921 года уже упомянутый ранее Я. Л. Смоленский рапортовал, что только в Беломестно-Двойневской волости было арестовано 76 бандитов, из которых 46 расстреляно, как и 31 заложник, кроме того, 105 семей заложников отправлено в особый отдел 15-й Сибкавдивизии, а также сожжено 33 избы и разобрано 56 домов [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1. д. 1057, л. 14].

В ходе подавления восстания советская власть в мятежных районах была заменена чрезвычайными органами — политическими комиссиями и революционными комитетами, состав которых был назначаем. Руководителями этих учреждений, осуществлявших на местах репрессивные меры, были преимущественно евреи. В штаб 6-го боевого участка (БУЧ) из Тамбова 10 августа 1921 года поступило распоряжение «немедленно доставить в особый отдел председателя районной политкомиссии 3-го участка, допускавшего порку арестованных шомполом», фамилия этого председателя, санкционировавшего экзекуции, — Гримберг [РГВА, ф. 34228, оп. 1. д. 299, л. 23]. Из текста сводки № 8/74 следует, что 24 июня 1921 года в с. Карай-Салтыково во исполнение приказа № 171 была расстреляна на месте без суда Александра Федоровна, жена бандита Бородина, за сокрытие оружия, принадлежащего ее мужу. Решение было принято председателем районной политтройки и комиссаром войск 2-го района товарищем Кацем [РГВА, ф. 34228, оп. 1, д. 49, л. 2 об.].

Судебное преследование участников Тамбовского восстания осуществлял революционный военный трибунал (РВТ) армии при командующем войсками Тамбовской губернии, который возглавлял член РКП(б) с апреля 1917 года Аркадий Михайлович Варман. Заместителем председателя отдела РВТ при 15-й Сибкавдивизии являлся Шуб Исай Михайлович, 1897 г. р., уроженец Минской губернии [ГАТО, ф. Р-4075, оп. 3, д. 42, л. 279]. Задачу РВТ Варман сформулировал в сообщении Тамбовской губ. ЧК в феврале 1921 года. Она состояла в том, что губернский РВТ «при условии массовых контрреволюционных выступлений является, прежде всего, органом расправы, а потом уже аппаратом правосудия» [Там же, л. 43]. Поэтому закономерно то, что его подпись стоит под большинством расстрельных приговоров, вынесенных активным участникам крестьянского восстания [Безгин, 2018, с. 1012]. Он же отдавал распоряжения о приведении в исполнение

этих приговоров, направленных в губернскую ЧК в марте — июле 1921 года [ГАТО, ф. Р-4075, оп. 3, д. 69, л. 1, 32].

3.3. Антисемитизм провинциальных обывателей

Проявление антисемитских настроений, усилившихся в годы Гражданской войны, было не новым явлением. Для повстанческого движения тамбовских крестьян была также характерна ненависть к «жидо-комиссарии», поскольку с ним соотносилась практика большевистского насилия, а евреи непропорционально широко были представлены в центральных и местных органах власти.

Ещё в дореволюционный период евреи, будучи пятыми в населении империи, оказались вторыми по численности в большевиках среди представителей провинциальной политической элиты [Дьячков и др., 2013, с. 41]. Можно предположить, что сочетание освободительных идей большевиков с решительностью и непримиримостью их позиций привлекали еврейскую молодежь и способствовали ее присоединению к коммунистам. В связи с этим неудивительно, что к началу Гражданской войны в сознании значительной части крестьянства сложилось представление о тождестве большевиков и евреев. Так, из доклада уполномоченного 1-го отдела секретного отдела Тамбовской губ. ЧК т. Мальчевского следует, что «общий лозунг восставших: “Да здравствует Учредительное собрание, долой коммунистов, смерть жидам!” Этот лозунг красуется на всех знаменах партизанских полков» [Архив УФСБ по Тамбовской области, д. С-207, т. 1, л. 139]. Сам председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсеенко отмечал, что среди «бандитов» нередки выражения «жиды-коммунисты» [Антоновщина ..., 2007, с. 310].

Обострение антисемитских настроений вызывала активность евреев в карательных органах. Об отношении местного населения к евреям, сотрудникам ЧК, свидетельствует эпизод, который приведен в информационном докладе инструктора Ржаксинского волкома РКП(б) т. Елизарова. Днем 16 октября 1920 года в с. Ржаксинские выселки сотрудник ЧК, стоявший напротив потребительской лавки в полном вооружении, имеющий за поясом револьвер без кобуры, бомбу и за плечами винтовку, подвергся дерзкому нападению со стороны неизвестного лица. Тот, схватив одной рукой за ствол винтовки, другой с быстротой молнии выхватил у сотрудника губ. ЧК из-за пояса наган и, направив его со словами «Вот тебе собака!», спустил курок, однако трижды случилась осечка. В озлоблении неизвестный толкнул сотрудника в грудь, бросил в сторону наган и поспешно скрылся. По рассказам лиц, наблюдавших эту драматическую сцену, выяснилось, что сотрудник ЧК был, по-видимому, иудейского происхождения [ГАСПИТО, ф. П-9198, оп. 1, д. 4, л. 44 об—45].

Примером антисемитизма крестьянских повстанцев может служить содержание рукописных воззваний, обнаруженных в ходе восстания. К примеру, текст одного из них, адресованный мобилизованным крестьянам и подписанный «Губкомом», заканчивался призывом: «Долой Лениных еврейских декретов и поганых советов!» [Антоновщина..., 2007, с. 29]. В поэтических «агитках» Д. С. Антонова («Молодого Льва») на евреев возлагалась вся ответственность за разжигание братоубийственной войны.

Коммунисты жида нас травили.

Мы друг друга убивать стали.

Эх! Сколько крови они нашей понапрасну пролили ... [Там же, с. 32].

Критические настроения крестьянства в отношении к советской власти вполне закономерно стимулировали рост недовольства к тем социальным группам, с которыми она чаще всего ассоциировалась. Среди широких слоев провинциальных обывателей господствовало представление о том, что именно евреи, захватив власть, смогли воспользоваться всеми плодами революции. В этом отношении показательны наблюдения сотрудника губ. ЧК Суворова. В его рапорте от 19 июня 1920 года отмечалось, что в г. Борисоглебске стало наблюдаться широкое распространение антисемитских настроений среди населения, а также и среди членов партии Борисоглебской организации и особенно среди железнодорожников. По его наблюдениям, на улицах нередко можно было услышать открытую агитацию против еврейского населения, основная суть которой сводилась к обвинению евреев в отсутствии продовольствия и «распространении власти над русскими людьми» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 964, л. 2]. Как видим, местное население относилось к представителям еврейской национальности как к главным виновникам народных бед.

В некоторых случаях недовольство советской властью порождало желание расправиться с теми, кого общественное сознание определяло в качестве основных виновников продовольственных трудностей. Примером проявления подобных настроений является выписка из двухнедельной информационной сводки Усманского политбюро за период с 1 по 15 июля 1920 года. В ней содержались сведения о том, что в ночь на 13 июля около барачных, расположенных в черте города, в которых размещались дезертиры и снятые с учета, было найдено воззвание с призывом «опомниться, дружнее сплотиться и начать душить коммунистов, шкурников и евреев» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 964, л. 40]. Не менее показателен отрывок из постановления 3-го Туголуковского районного съезда сельских комитетов СТК, прошедшего 1 февраля 1921 года, в котором заявляли о «необходимости всеми силами физическими и материальными поддерживать повстан-

ческое движение до окончательной победы над угнетателями трудового крестьянства — жидами и коммунистами, доведшими страну до нищеты, гибели и позора» [Антоновщина ..., 2007, с. 251].

Были среди провинциальных обывателей и те, кто считал необходимым «очищение» советских учреждений от евреев, к которым преимущественно относились с явным недоверием, как к инородному элементу. Примером послужит отрывок из анонимного письма от 15 января 1919 года, адресованного В. И. Ленину: «Ни одно учреждение не может существовать без представителей от рода иудейского. Тем более они везде вершители судеб. И это очень странно, между русских не находится людей, которые бы были руководителями, а обязательно еврей ... Изгнать из всех советских учреждений заправил евреев!» [ГАРФ. ф. Р-130, оп. 4, д. 247, л. 37—37 об].

4. Заключение = Conclusions

События российской революции 1917 года и Гражданской войны стали для российских евреев своеобразным социальным лифтом. Многие из них сумели сделать успешную карьеру в этот период, заняв важные административные должности в советских учреждениях. Изученные источники содержат данные о многочисленных фактах злоупотреблений властными полномочиями среди евреев, что особенно ярко проявилось в ходе подавления Тамбовского восстания. Во многих случаях причины их «революционной активности» были обусловлены боязнью реставрации дореволюционных порядков, существенно ограничивавших их возможности горизонтальной и вертикальной мобильности. Массовый приток евреев в коммунистическую партию свидетельствовал не столько об их идеологической солидарности с идеями большевизма, сколько являлся гарантом безопасности и успешной социализации в рамках новой политической системы.

Большинство молодых тамбовских евреев были мигрантами, беженцами из разных «местечек» в период Первой мировой войны. Они являлись представителями поколения «революционного перелома», рожденными в 1890-е годы. Их биографии и служебная карьера свидетельствуют о том, что еврейская молодежь, проявив политический прагматизм, сумела приспособиться к новым обстоятельствам в период Гражданской войны.

В сознании провинциальных обывателей, и в первую очередь крестьянства, сформировалось представление о том, что во главе советского государства стоят евреи, а потому недовольство властью, как правило, носило не только антибольшевистский, но и антисемитский характер. Между тем антисемитизм был следствием не только недоверчивого отношения крестьянства к представителям еврейской национальности, но и заметного преобладания евреев на значимых должностях внутри правящей партии,

«военно-коммунистическая» политика которой нередко вызывала рост антиправительственных настроений. Проведенное исследование показало, что немалую роль в развитии антисемитизма сыграло активное участие евреев в подавлении повстанческого движения. При этом чем больше становилась доля евреев среди «карателей», тем выше был градус антисемитских настроений общества. Многие крестьяне считали именно евреев основными виновниками своего бедственного положения и возникших продовольственных трудностей. Разрешение насущных проблем крестьянство видело в насильственном отстранении евреев от власти.

Источники и принятые сокращения

1. *«Антоновщина»*. Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920—1921 гг. : Документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. — Тамбов : Управление культуры и архивного дела Тамбовской области, 2007. — 800 с. — ISBN 978-5-98662-060-2.
2. *Архив УФСБ по Тамбовской области*.
3. ГАРФ — *Государственный архив российской Федерации*.
4. ГАСПИТО — *Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области*.
5. ГАТО — *Государственный архив Тамбовской области*.
6. *Политическая каторга и ссылка*. — Москва : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. — С. 15—878.
7. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*.
8. РГВА — *Российский государственный военный архив*.
9. *Терновский Н. Н.* Тамбовское сидение (1919—1920 гг.) (Воспоминания уполномоченного Главархива по Тамбовской губернии) (публ. М. Ю. Зайцевой) / Н. Н. Терновский // Тамбовское восстание 1920—1921 гг. : исследования, документы, воспоминания. — Москва : АИРО-XXI, 2018. — С. 124—140. — ISBN 978-591022-359-6.

Литература

1. Безгин В. Б. «Приговор приведен в исполнение немедленно» : телеграммы о расстрелах участников крестьянского восстания 1920—1921 гг. в фонде Военной коллегии Верховного трибунала / В. Б. Безгин // Вестник архивиста. — 2018. — № 4. — С. 1009—1019. — DOI: 10.28995/2073-0101-2018-4-1009-1019.
2. Брянецев М. В. Антисемитские настроения в советской провинции в 1920-е годы / М. В. Брянецев // Известия Смоленского государственного университета. — 2018. — № 3 (43). — С. 383—401.
3. Бухтоярова И. М. Революция 1917 года и еврейский вопрос / И. М. Бухтоярова, А. Д. Савчук // Проблемы социальных и гуманитарных наук. — 2017. — № 3(13). — С. 10—15.
4. Вязинкин А. Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в. : проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин // Вопросы истории. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46.
5. Дьячков В. Л. Политики российской провинции начала XX века : опыт изучения электронной базы данных / В. Л. Дьячков, Л. Г. Протасов // Политические деятели рос-

сийской провинции от эпохи Николая II до Сталина. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. — С. 21—42. — ISBN 978-5-89016-877-1.

6. Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия : Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921—1934) / А. А. Зданович. — Москва : Кучково поле, 2008. — 800 с. — ISBN 978-5-9950-0036-5.

7. Матвеев В. А. Российские евреи в противостоянии «белых» и «красных» в период гражданской войны / В. А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. — 2020. — № 1. — С. 55—66.

8. Михалев Н. А. Беженцы первой мировой войны в Российской империи : численность, размещение, состав / Н. А. Михалев, С. А. Пьянков // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 4 (49). — С. 95—105.

9. Нам И. В. «Быть евреем» : институционализация этничности сибирских евреев в условиях революции и гражданской войны / И. В. Нам, Н. И. Наумова, В. Ю. Рабинович // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 64. — С. 53—64. — DOI: 10.17223/19988613/64/7.

10. Рогозный П. Г. Евреи, народная религиозность и революция / П. Г. Рогозный // Евреи России, Европы и Ближнего Востока : Материалы международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Петербургский институт иудаики, 2019. — С. 241—250. — ISBN 978-5-905966-91-0.

11. Севастьянов А. На русско-еврейской этнической войне / А. Севастьянов // Вопросы национализма. — 2017. — № 1 (29). — С. 205—220.

12. Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917—1922 / И. Симбирцев. — Москва : ЗАО Центрполиграф, 2008. — 382 с. — ISBN 978-5-9524-3830-9.

13. Стельмак М. М. К вопросу о националистических взглядах и антисемитской агитации в Сибири в период Гражданской войны / М. М. Стельмак // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — 2020. — № 23. — С. 53—60.

14. Фёфелов С. В. Диктатура большевиков и крестьянство в 1918—1921 гг. : у истоков левого тоталитаризма (Центрального Черноземья России) : Монография / С. В. Фёфелов. — Орел : Издательство Среднерусского института управления — филиал РАН-ХиГС, 2020. — 307 с. — ISBN 978-5-93179-652-9.

15. Якимов К. А. Социально-демографический облик евреев-революционеров (на материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев) / К. А. Якимов // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 26. — № 193. — С. 169—179. — DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179.

16. Gatrell P. Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I / P. Gatrell. — Bloomington : Indiana University Press, 1999. — 317 p. — ISBN 0-253-33644-9.

Material resources

“Antonovshchina”. Peasant uprising in the Tambov region in 1920—1921: Documents, materials, memoirs / State Archive of the Tambov region, etc. (2007). Tambov: Department of Culture and Archival Affairs of the Tambov region. 800 p. ISBN 978-5-98662-060-2. (In Russ.).

Archive of the FSB in the Tambov region. (In Russ.).

Political hard labor and exile. (1934). Moscow: Publishing House of the All—Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. 15—878. (In Russ.).

Russian State Archive of Socio-Political History. (In Russ.).

Russian State Military Archive. (In Russ.).

Ternovsky, N. N. (2018). Tambov sitting (1919—1920) (Memoirs of the authorized Chief Archive for the Tambov province) (publ. M. Y. Zaitseva). In: *Tambov uprising of 1920—1921: research, documents, memoirs*. Moscow: AIRO-XXI. 124—140. ISBN 978-591022-359-6. (In Russ.).

The State Archive of the Russian Federation. (In Russ.).

The State Archive of socio-political History of the Tambov region. (In Russ.).

The State Archive of the Tambov region. (In Russ.).

References

Bezgin, V. B. (2018). “The sentence was carried out immediately”: telegrams about the executions of participants in the peasant uprising of 1920—1921 in the fund of the Military Collegium of the Supreme Tribunal. *Bulletin of the Archivist*, 4: 1009—1019. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-4-1009-1019. (In Russ.).

Bryantsev, M. V. (2018). Anti-Semitic sentiments in the Soviet province in the 1920. *Bulletin of the Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (43): 383—401. (In Russ.).

Bukhtoyarova, I. M., Savchuk, A. D. (2017). Revolution of 1917 and the Jewish question. *Problems of social and humanitarian sciences*, 3 (13): 10—15. (In Russ.).

Dyachkov, V. L., Protasov, L. G. (2013). The politics of the Russian province of the early twentieth century: the experience of studying an electronic database. In: *Political figures of the Russian province from the era of Nicholas II to Stalin*. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 21—42. ISBN 978-5-89016-877-1. (In Russ.).

Fefelov, S. V. (2020). *The dictatorship of the Bolsheviks and the peasantry in 1918—1921: at the origins of left totalitarianism (Central Chernozem region of Russia): Monograph*. Orel: Publishing House of the Central Russian Institute of Management — branch of RANEPa. 307 p. ISBN 978-5-93179-652-9. (In Russ.).

Gatrell, P. (1999). *Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I*. Bloomington: Indiana University Press. 317 p. ISBN 0-253-33644-9.

Matveev, V. A. (2020). Russian Jews in the confrontation between “whites” and “reds” during the Civil War. *Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*, 1: 55—66. (In Russ.).

Mikhalev, N. A., Pyankov, S. A. Refugees of the First World War in the Russian Empire: number, placement, composition. *Ural Historical Bulletin*, 4 (49): 95—105. (In Russ.).

Nam, I. V., Naumova, N. I., Rabinovich, V. V. (2020). “To be a Jew”: institutionalization of the ethnicity of Siberian Jews in the conditions of revolution and civil war. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 64: 53—64. DOI: 10.17223/19988613/64/7. (In Russ.).

Rogozny, P. G. (2019). Jews, popular religiosity and revolution. In: *Jews of Russia, Europe and the Middle East: Proceedings of the International scientific conference*. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of Judaics. 241—250. ISBN 978-5-905966-91-0. (In Russ.).

Sevastianov, A. (2017). On the Russian-Jewish ethnic war. *Questions of nationalism*, 1 (29): 205—220. (In Russ.).

Simbirtsev, I. (2008). *CHEKA in Leninist Russia. 1917—1922*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. 382 p. ISBN 978-5-9524-3830-9. (In Russ.).

- Stelmak, M. M. (2020). On the issue of nationalist views and anti-Semitic agitation in Siberia during the Civil War. *Bulletin of the Omsk State Museum of Local Lore*, 23: 53—60. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu. (2022). Generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the XX century: problems of historiography. *Questions of History*, 7—2: 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).
- Yakimov, K. A. (2021). Socio-demographic appearance of Jewish revolutionaries (based on the materials of the All-Union Society of Political prisoners and exiled settlers). *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 26 (193): 169—179. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179. (In Russ.).
- Zdanovich, A. A. (2008). *State security bodies and the Red Army: The activities of the CHEKA — OGPU bodies to ensure the security of the Red Army (1921—1934)*. Moscow: Kuchkovo Field. 800 p. ISBN 978-5-9950-0036-5. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.08.2022,
одобрена после рецензирования 21.10.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022

Игумнов Е. В. Государственная поддержка деятельности Сибирского (Восточно-Сибирского) отдела Императорского Русского географического общества во второй половине XIX века / Е. В. Игумнов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 322—338. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-322-338.

Igumnov, E. V. (2022). State Support for Activities of Siberian (East Siberian) Department of Imperial Russian Geographical Society in Second Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 322-338. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-322-338. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-322-338

**Государственная
поддержка деятельности
Сибирского
(Восточно-Сибирского)
отдела Императорского
Русского географического
общества во второй
половине XIX века**

Игумнов Евгений Владимирович
orcid.org/0000-0002-3260-4824
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и философии
eigumnov@list.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет ветеринарной медицины
(Санкт-Петербург, Россия)

**State Support for Activities
of Siberian (East Siberian)
Department of Imperial
Russian Geographical Society
in Second Half
of 19th Century**

Evgeny V. Igumnov
orcid.org/0000-0002-3260-4824
PhD in History, Associate Professor,
Department of History and Philosophy
eigumnov@list.ru

Saint-Petersburg State Academy
of Veterinary Medicine
(Saint-Petersburg, Russia)

© Игумнов Е. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На примере Императорского Русского географического общества (ИРГО) и его Сибирского отдела (СО) затрагивается актуальная проблема взаимодействия между общественными организациями и государственной властью в России в досоветский период. Обосновывается мысль о том, что общественные организации в зависимости от значимости выполняемых работ получали от государства правовую поддержку и материально-финансовую помощь. Показаны внутри- и внешнеполитические предпосылки учреждения СОИРГО, участие отдела в освоении Восточной Сибири и Дальнего Востока. Рассматривается влияние высшей сибирской администрации на организацию научной и экспедиционной деятельности отдела. Отмечается, что ежегодная государственная субсидия составляла ядро бюджета ИРГО и его филиалов. Приводятся данные, которые демонстрируют соотношение денежных средств, поступающих СОИРГО из государственного казначейства и других источников. Подчеркивается, что предоставлением субсидии участие государства в материально-финансовом обеспечении отдела не ограничивалось: СОИРГО была дана возможность пользоваться бесплатной пересылкой по почте посылок и письменной корреспонденции. Центральные органы власти и высшая сибирская администрация дополнительно выделяли средства на научные экспедиции и поездки членов отдела. На основании приводимых сведений делается вывод, что государство тем самым гарантировало существование общества.

Ключевые слова:

государственная власть; общественные организации; Императорское Русское географическое общество; Сибирский отдел ИРГО.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Using the example of the Imperial Russian Geographical Society (IRGS) and its Siberian Department (SD), the topical problem of interaction between public organizations and government in Russia in the pre-Soviet period is touched upon in the article. The idea is substantiated that public organizations, depending on the significance of the work performed, received legal support and material and financial assistance from the state. The internal and external political prerequisites for the establishment of SD IRGS, the participation of the department in the development of Eastern Siberia and the Far East are shown. The influence of the higher Siberian administration on the organization of scientific and expeditionary activities of the department is considered. It is noted that the annual state subsidy was the core of the budget of the IRGS and its branches. Data that demonstrate the ratio of funds received by SD IRGS from the state treasury and other sources are given. It is emphasized that the participation of the state in the material and financial support of the department was not limited to the granting of a subsidy: the opportunity to use free postage of parcels and written correspondence was given to SD IRGS. The central authorities and the highest Siberian administration allocated additional funds for scientific expeditions and trips of members of the department. Based on the information provided, it is concluded that the state thereby guaranteed the existence of society.

Key words:

government; public organizations; Imperial Russian Geographical Society; Siberian department of the IRGS.

УДК 910:061(571.5)“18”

Государственная поддержка деятельности Сибирского (Восточно-Сибирского) отдела Императорского Русского географического общества во второй половине XIX века

© Игумнов Е. В., 2022

1. Введение = Introduction

Общественные организации в России зародились в недрах просвещенного абсолютизма Екатерины II, и на протяжении всего дореволюционного времени их создание и деятельность были обусловлены внутренней политикой государства, готовностью государственной власти использовать общественные ресурсы в интересах развития страны. В зависимости от важности выполняемых работ общественные организации получали от государства определенные привилегии, материально-финансовую помощь, правовую поддержку, благодаря чему могли пользоваться дополнительными возможностями для развития.

К числу таких добровольных общественных организаций, пользовавшихся поддержкой верховной власти, относится Русское географическое общество (РГО). РГО было основано в Санкт-Петербурге 6 августа 1845 года при участии видных российских ученых, мореплавателей, государственных деятелей: Ф. П. Литке, В. И. Даля, И. Ф. Крузенштерна, М. Н. Муравьева, В. А. Перовского и др. Провозглашенная ими цель («собирать, обрабатывать и распространять в России географические, этнографические и статистические сведения вообще и в особенности о самой России, а также распространять достоверные сведения о России в других странах») имела не только научную, но и прикладную направленность [ПСЗРИ-II, отд. I, т. XX, № 19259]. Усиление на международной арене позиций европейских держав, социально-экономические процессы внутри государства вызывали у российских властей потребность в получении всесторонней информации о территории страны и ее населении, объединении вокруг этих задач грамотных людей, патриотически настроенной общественности.

Вскоре после учреждения, в 1846 году, РГО и его иногородним членам была дана возможность пользоваться безденежной пересылкой по почте письменной корреспонденции и посылок, разрешено использование печати с государственным гербом [ПСЗРИ-II, т. XXI, отд. I, № 20607]. В 1861 году лицам, принимавшим участие в долговременных экспедициях РГО, предоставлено право государственной службы, если они до этого на

таковой не состояли [ПСЗРИ-П, т. XXXVI, отд. II, № 37758]. С момента основания и до 1917 года РГО находилось под покровительством российского императорского дома. С 1845 по 1892 годы председателем общества являлся сын Николая I Великий князь Константин Николаевич, с 1892 по 1917 годы — Великий князь Николай Михайлович. В 1849 году с утверждением постоянного Устава географическое общество получило наименование «Императорского», что подчеркивало статус и свидетельствовало об особом отношении верховной власти к его деятельности [ПСЗРИ-П, т. XXIV, отд. II, № 23778]. Являясь общественной организацией, Императорское Русское географическое общество (ИРГО) состояло в ведении Министерства внутренних дел и получало ежегодную субсидию от государства: сначала в размере 10 000 рублей в год, в 1871 году сумма была увеличена еще на 5000 рублей, в 1895 году доведена до 30 000 рублей в год.

Одним из инструментов для достижения поставленной обществом цели послужило открытие им в удаленных районах Российской империи отделов и подотделов. К началу XX века филиалы ИРГО были образованы в Тифлисе, Иркутске, Оренбурге, Омске, Хабаровске, Троицкосавске, Чите, Владивостоке, Ташкенте. Опираясь на поддержку центральных и региональных властей, отделы географического общества объединили вокруг себя значительную часть местных краеведов, внесли весомый вклад в изучение природы, производительных сил, культуры и быта народов России и сопредельных государств.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исторической литературе общественные организации дореволюционной России рассматриваются с разных ракурсов: как проявление формирующегося гражданского общества, как один из каналов связи между государственной властью и обществом, как инструмент преобразовательской активности, служивший передовым прозрением власти и т. д. [Брэдли, 2012; Кирдяшкин, 2003; Туманова, 2002 и др.]. Так или иначе в работах, посвященных истории становления общественных организаций в имперский период, отношениям между ними и государственной властью уделяется большое внимание.

В меньшей степени изучен вопрос о взаимодействии между государственной властью и сибирскими общественными организациями. Д. И. Поповым дается характеристика отношений между государством и культурно-просветительными обществами [Попов, 2004]. Е. А. Дегальцевой рассматривается влияние добровольных общественных объединений на развитие культуры Западной Сибири, формирование духовных ценностей, их место в общественно-политической системе страны [Дегальцева,

2006]. Взаимосвязи высшей сибирской администрации и научных обществ посвящены работы И. А. Скалабан, А. Ковалевой, И. А. Пименовой [Скалабан, 1996; Ковалева, 1997; Пименова, 2009]. Отдельные аспекты данной темы затрагиваются автором статьи [Игумнов, 2017]. При этом практически неисследованным остается вопрос о материально-финансовом обеспечении государством деятельности сибирских общественных организаций и, в частности, научных обществ.

В настоящей статье рассматривается роль государственной власти в обеспечении деятельности Сибирского (с 1877 года — Восточно-Сибирского) отдела ИРГО (СОИРГО — ВСОИРГО) с момента его основания в 1851 году до 1901 года, когда ВСОИРГО отметил 50-тидесятилетний юбилей своего развития.

Источниковую базу исследования составили документы Архива Русского географического общества [Архив РГО, ф. 1—1899] и Государственного архива Иркутской области — фонды Главного управления Восточной Сибири [ГАИО, ф. 24] и Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества [ГАИО, ф. 293], отчеты о деятельности СОИРГО, «Устав ИРГО», «Положение о СОИРГО», другие нормативные документы, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. СОИРГО — «научное бюро» при Главном управлении Восточной Сибири

СОИРГО не только первое научное общество, но и одно из первых научных учреждений на территории Сибири, деятельность которого с момента возникновения была вовлечена в орбиту внутренней и внешней политики Российской империи и, вследствие этого, привлекала к себе пристальное внимание и получала поддержку со стороны государственной власти. По мнению Н. Н. Козьмина, известного сибирского исследователя и общественно-политического деятеля, правителя дел ВСОИРГО с 1903 по 1906 годы, Сибирский отдел, «во многих отношениях, представлял из себя ученый комитет при Главном управлении Восточной Сибири и научное бюро» [Козьмин, 1904, с. 7]. Сообщая об этом, он отмечал, что СОИРГО всегда являлся неутомимым и просвещенным «сотрудником» высшей сибирской администрации, живо реагировал на ее интересы и потребности. И если даже признать, что высказывание Н. Н. Козьмина носит образный характер, оно не так далеко от истины.

Открытие СОИРГО состоялось 17 ноября 1851 года в Иркутске. Выбор города в качестве места для учреждения филиала географического общества не случаен. К середине XIX века Иркутск представлял собой крупный

экономический и культурный центр Сибири, место пребывания Восточно-Сибирского генерал-губернатора, в круг деятельности которого, помимо административно-хозяйственного управления, входило обеспечение безопасности восточных рубежей Российской империи, усиление ее позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Пономарева, 2017]. В 1847 году на пост генерал-губернатора Восточной Сибири был назначен Н. Н. Муравьев. Во многом благодаря его активным действиям удалось подготовить почву для возвращения России Приамурья, присоединения Уссурийского края, началось экономическое освоение юга Дальнего Востока.

При Н. Н. Муравьеве сложился механизм взаимодействия между сибирской администрацией и СОИРГО. Согласно высочайше утвержденному 6 июня 1851 года Положению, отдел передавался под общее руководство (покровительство) Восточно-Сибирского генерал-губернатора. Для управления своими действиями СОИРГО избирал из своей среды председательствующего и правителя дел, утверждаемых генерал-губернатором. Им же принимался предварительный план занятий на следующий год. В случае если деятельность научного общества, вследствие местных особенностей, выходила за рамки Устава ИРГО, генерал-губернатору предоставлялось право вносить в его работу необходимые коррективы [ПСЗРИ-II, т. XXVI, отд. I, № 25278]. На практике взаимосвязь между СОИРГО и сибирской администрацией, особенно на начальном этапе становления отдела, была еще более ощутимой. Многие из членов СОИРГО состояли на службе в региональных органах власти и, выполняя свои обязанности, параллельно собирали и доставляли в отдел материалы научного характера. Этому, безусловно, способствовало отношение к СОИРГО его первого покровителя. Н. Н. Муравьев внимательно следил за развитием отдела, участвовал в его заседаниях, оказывал поддержку в организации экспедиций.

Обострение внешнеполитической ситуации, вызванное развязыванием Великобританией и Францией военных действий в Китае, вступлением России в Крымскую войну, сопровождалось не только возрастанием военных угроз, но и созданием новых возможностей для освоения Дальневосточного региона. Стремясь обеспечить безопасность восточных рубежей, Н. Н. Муравьев добился согласия со стороны китайского правительства на переброску российских войск по Амуру к Тихоокеанскому побережью, следствием чего стала организация первого амурского сплава в 1854 году. Подписанию Айгунского в 1858 году и Пекинского в 1860 году договоров с Цинской империей предшествовали шаги центральных и региональных властей по информационному обеспечению проводимой Россией политики в Восточной Азии (сбор географо-картографических данных, исследование природных ресурсов, населения и т. д.). Экспедициями А. Ф. Миддендорфа (1842—1845),

Н. Х. Агте (1849—1852), Г. И. Невельского (1851—1855) было установлено, что китайские власти считали северной границей своих владений районы южнее, а не вдоль Станового хребта, как это полагалось по Нерчинскому договору 1689 года, опровергнуто мнение о несудоходности Амурского лимана, предоставлен большой картографический материал. В составе первого Амурского сплава участвовали военный топограф П. П. Попов, геологи Н. П. Аносов, Г. М. Пермикин, естествоиспытатель Г. Ф. Герстфельд. По возвращении из путешествия Н. Н. Муравьев поручил, чтобы все научные материалы, собранные во время сплава, были предоставлены для рассмотрения и проверки в распоряжение СОИРГО [Частное заседание ..., 1857, с. 21].

В начале 1855 года Сибирский отдел обратился к Н. Н. Муравьеву с вопросом об отправке особой научной экспедиции на Амур и получил на это согласие. Генерал-губернатор взял экспедицию под свой контроль и присоединил ее ко второму амурскому сплаву, предпринятому в апреле 1855 года [Очерк ..., 1876, с. 8]. Экспедиция в составе Р. К. Маака, Г. Ф. Герстфельда, А. К. Кочетова, Зондгагена и М. Фурмана проследовала по Амуру до Мариинского поста и завершилась в декабре 1855 года. По дороге участниками экспедиции производилась топографическая съемка, велись метеорологические наблюдения, ботанические, зоологические, статистические и этнографические исследования, осуществлялось с прицелом на дальнейшее экономически-хозяйственное освоение региона изучение почв и минералогических богатств. В 1859 году в связи с интересом, проявленным правительством к Уссурийскому краю, СОИРГО было дано разрешение направить под руководством Р. К. Маака экспедицию для исследования долины реки Уссури. По ее итогам удалось получить ранее неизвестные данные о быте населения, растительном и животном мире Уссурийского края, собраны для музея отдела геогностические коллекции. Деятельность членов СОИРГО по организации и проведению Амурской и Уссурийской экспедиций не осталась незамеченной со стороны верховной власти и высшей сибирской администрации. Золотопромышленник С. Ф. Соловьев, пожертвовавший на Амурскую экспедицию полпуда золота, в 1856 году был награжден золотой медалью для ношения на шее на Андреевской ленте. Р. К. Маак «за особые труды и самоотвержение, оказанные при возвращении России Амурских владений» в 1858 году Высочайше пожалован орденом Св. Станислава 2-й степени [ГАИО, ф. 24, оп. 1, д. 13 (521) ОЦ, лл. 65—72].

В 1861 году генерал-губернатором Восточной Сибири становится М. С. Карсаков, который, будучи одним из ближайших помощников Н. Н. Муравьева, сначала в качестве чиновника особых поручений, затем на посту военного губернатора Забайкальской области, стоял у истоков учреждения и оказывал содействие СОИРГО. «Благодаря особенной заботливости

и вниманию покойного генерал-губернатора», — сообщалось в некрологе на смерть М. С. Карсакова, — к экспедициям, предпринимавшимся по его инициативе, «постоянно приурочивались и научные исследования, для которых приглашались члены Сибирского отдела Географического общества» [Отчет ..., 1872, с. 2]. Так, в 1865 году под руководством горного инженера Лопатина была осуществлена Витимская экспедиция. Первоначальная цель данной экспедиции состояла в отправке Штабом сибирских войск военного топографа для съемки долины Витима. Преимущественно административной потребностью, связанной с приведением к российскому подданству чукчей, руководствовались сибирские власти при организации Чукотской экспедиции в 1868—1870 годах. Для достижения поставленной задачи понадобилась информация об условиях проживания и быте населения Чукотского края, что послужило основанием для приглашения к участию в ней СОИРГО. Кроме того, во время экспедиции производились астрономические и магнитные наблюдения, велась топографическая съемка. Экспедицию возглавлял чиновник особых поручений якутского областного правления коллежский секретарь барон Г. Л. Майдель [Отчет ..., 1869, с. 5]. В апреле 1870 года, незадолго до отъезда из Иркутска, М. С. Карсаков издал распоряжение о привлечении СОИРГО к участию во всех предприятиях администрации, касающихся научных исследований, и о предоставлении отделу необходимых сведений, полученных по гражданскому и военному ведомствам.

Преемники Н. Н. Муравьева и М. С. Карсакова продолжили придерживаться курса, направленного на привлечение СОИРГО к мероприятиям высшей сибирской администрации. Генерал-губернатор Н. П. Синельников по примеру М. С. Карсакова распорядился, чтобы служащими при отправлении в малоисследованные и интересные в научном отношении районы заранее сообщалось о том председателю СОИРГО для получения соответствующих указаний по сбору полезных отделу сведений [ГАИО, ф. 24, оп. 1, д. 241, лл. 3—4]. В 1871 году Н. П. Синельников назначил действительного члена отдела К. К. Неймана начальником партии для разработки ляпис-лазури на речке Малой Быстрой. Помимо исполнения специального поручения, К. К. Нейману была предоставлена возможность производить на прииске метеорологические наблюдения, а во время разъездов по Тункинскому краю и в окрестностях Байкала — заниматься астрономическими и магнитными наблюдениями. Для выполнения топографической съемки к нему был прикомандирован топограф Афонасьев [Журнал ..., 1872, с. 9]. В 1874 году отдел принял участие в подготовке военно-топографической экспедиции на берега Японского моря и Татарского пролива под руководством Л. А. Большова, снаряженной генерал-губернатором бароном П. А. Фредериксом. Отдел снабдил членов экспедиции программой для собирания этнографиче-

ских, статистических, геогностических и других сведений. По ее итогам Л. А. Большевым сообщены естественно-исторические и географические результаты в двух чтениях в общих собраниях СОИРГО и в одном общем собрании ИРГО в Санкт-Петербурге [Семенов, 1896, с. 633]. В 1875 году П. А. Фредерикс прикомандировал члена отдела К. К. Неймана к военной морской экспедиции в Берингово и Камчатское моря, вызванной беспорядками между чукчами. В 1876 году по его распоряжению в состав экспедиции, направленной в Южно-Уссурийский край, включен действительный член СОИРГО Н. А. Гребницкий. В ходе экспедиции он сумел познакомиться с образом жизни и занятиями населения края, способом добычи и варки соли, собрать данные о месторождениях каменного угля, открыть новое месторождение близ деревни Никольское. В 1883 году по поручению генерал-губернатора Д. Г. Анучина фотограф отдела В. А. Динесс совершил поездку на Амур и доставил по возвращении фотографическую коллекцию типов ороchon Амурской области, фотографию белого ороchonского шамана в полном костюме [Отчет ..., 1884, с. 10].

С середины 1880-х годов ввиду административных преобразований (выделения Приамурского генерал-губернаторства, переименования Восточно-Сибирского генерал-губернаторства в Иркутское) и новых жизненных запросов, вызванных развитием Сибирского региона, деятельность ВСОИРГО сконцентрировалась главным образом на территории Иркутской губернии. В 1887 году по распоряжению генерал-губернатора А. П. Игнатьева в Иркутской губернии начал ботанические исследования Н. Н. Агапитов. В 1888 году совершил геоботаническую поездку в Балаганский округ действительный член Я. П. Прейн, собрав до 700 образцов почв [Отчет ..., 1889, с. 14]. В конце 1880-х — начале 1890-х годов члены ВСОИРГО принимали участие в работах по статистическому описанию Иркутской и Енисейской губерний. В 1898 году по предложению генерал-губернатора А. Д. Горемыкина ВСОИРГО сосредоточил в своих руках собиранье коллекций Восточно-Сибирского края для всемирной выставки в Париже 1900 года [Отчет ..., 1901, с. 3].

Привлечение отдела к участию в правительственных экспедициях и мероприятиях давало ему возможность расширить свою деятельность, приобрести научные материалы, предметы для музея, оставаясь в рамках установленного бюджета.

3.2. Материально-финансовое обеспечение деятельности СОИРГО

Основные источники поступления денежных средств СОИРГО были установлены в «Уставе ИРГО» и «Положении о Сибирском отделе Императорского Русского географического общества». Среди них: денежные взносы членов общества, предназначенные для покрытия издержек на кан-

целярские и другие расходы, пожертвования любителей науки, дотации из государственного бюджета. Утверждая «Положение о СОИРГО», государство брало на себя обязательство ежегодно отпускать в пользу отдела сумму в размере 2000 рублей. И хотя выделяемых средств для организации крупных экспедиций, издания научных трудов, пополнения музейных коллекций зачастую не хватало, государство, таким образом, гарантировало дальнейшее существование общества. «Денежные средства Сибирского отдела всегда были не велики, — констатировал в 1862 году председатель СОИРГО Б. К. Кукель. — Благодаря только частным пожертвованиям и в особенности пожертвованиям члена соревнователя нашего С. Ф. Соловьева, отдел мог предпринять Вилуйскую, Амурскую и Уссурийскую экспедиции» [Экстренное заседание ..., 1865, с. 12]. «Недостаток средств, — спустя 40 лет писал правитель дел ВСОИРГО Н. Н. Козьмин, — постоянно мешал Отделу систематически и широко обставить и организовать свою деятельность» [Козьмин ..., 1904, с. 10]. Тем не менее именно поступления из государственного казначейства составляли ядро денежных средств ИРГО и его региональных филиалов. В кратком обзоре действий отдела за первое десятилетие сообщается, что к 1861 году приход СОИРГО составил 46503 руб. 81 ½ коп.: от действительных членов и членов-соревнователей поступило 4440 руб., пожертвовано — 13 323 руб. 12 коп. (наибольшие суммы внесены С. Ф. Соловьевым — 1000 руб. на Вилуйскую экспедицию, 6231 руб. 26 ½ коп. — на путешествие по Амуру), от продажи «Записок» — 5003 руб. 23 коп., книги географического общества — 178 руб., другие поступления (проценты от свободных капиталов, из провиантской комиссии за семена для амурского края и т. д.) — более 3550 руб. Из государственного казначейства за это время было выделено 20 000 р., что составило 43 % от всей суммы [Краткий обзор ..., 1864, с. 27]. Примерно таким же оставалось соотношение в последующие годы. В отчете за 1880 год подчеркивалось, что главным источником средств ВСОИРГО являлись казенные субсидии, достигающие при обыкновенных условиях 46,5 % от общих поступлений, а в 1880 году даже выросшие до 59,2 % [Отчет ..., 1881, с. 6].

Предоставлением ежегодной субсидии участие государства в материально-финансовом обеспечении отдела не ограничивалось. СОИРГО получил право отправлять по почте письменную корреспонденцию, без платежа весовых, и посылок до одного пуда весом. Кроме того, центральными и региональными органами власти периодически выделялись дополнительные денежные средства на научные экспедиции и мероприятия. Преимущественно за счет государства профинансирована Чукотская экспедиция 1868—1870 годов: от государственного казначейства назначено 4337 руб. 38 коп., Генерального Штаба — 500 руб., ИРГО — 1200 руб.,

СОИРГО — 1000 руб., Академии наук — 1500 руб. [Лазебник и др., 2008]. В 1871 году на деньги, ассигнованные Департаментом уделов, командирован для разработки ляпис-лазури на р. Малая Быстрая К. К. Нейман. В 1870 году М. С. Карсаковым на издание «Известий» отдела дано 500 руб. При генерал-губернаторах Н. П. Синельникове и А. П. Фредериксе пособие в 500 руб. было сделано ежегодным и продолжало выделяться из специальных амурских сумм до середины 1880-х годов. Генерал-губернатор А. П. Игнатьев на свои деньги приобрел для музея отдела зоологическую коллекцию, выделил 400 руб. на приведение в порядок петрографических коллекций, 50 руб. — на покрытие расходов по участию ВСОИРГО в рыбопромышленной выставке. Приамурский генерал-губернатор барон А. Н. Корф в 1888 году предоставил пособие в 300 руб. на геологическую поездку действительного члена Я. А. Макарова на реку Зею. Находясь проездом через Иркутск, он принял на себя звание члена отдела и заплатил взнос сразу за пять лет вперед. В 1895 году Министерством земледелия и государственных имуществ ВСОИРГО была выделена единовременная субсидия в 300 руб. на исследование рыбного и тюленевого промыслов на Байкале [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 163, л. 93].

Заметную помощь высшая сибирская администрация оказала ВСОИРГО в начале 1880-х годов. В результате пожара в Иркутске 22—24 июня 1879 года погибли музей и библиотека отдела. Некоторое время ВСОИРГО располагался в комнатах дома, занятого Восточно-Сибирским военно-топографическим отделом, потом переселился в дом Лаврентьева с оплатой аренды по 500 руб. в год. В сентябре 1880 года на общем собрании генерал-губернатор Д. Г. Анучин передал в распоряжение отдела Географического общества 2800 руб. и выразил готовность обратиться письменно к представителям торгово-промышленного сословия Восточной Сибири о содействии ВСОИРГО. Вследствие принятых мер стали поступать пожертвования от частных лиц, достигшие к 1 января 1881 года суммы в 23 706 руб. 81 коп. [Кассовый отчет ..., 1882, с. 51—52]. Главное назначение собранного капитала состояло в устройстве помещения для музея и библиотеки, восстановлении собраний коллекций. В январе 1882 года Д. Г. Анучин выступил с ходатайством перед министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым о передаче в Иркутске на углу Большой улицы и набережной реки Ангары в распоряжение ВСОИРГО участка земли под постройку каменного здания [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 23, л. 83]. Получив в апреле согласие, экстренное собрание членов отдела в августе 1882 года постановило приступить к строительным работам, завершившимся в 1883 году.

Тем неожиданное, учитывая опыт содействия со стороны сибирской администрации, оказалась отрицательная реакция в 1893 году генерал-гу-

бернатора А. Д. Горемыкина на представление ВСОИРГО об ассигновании ему ежегодно дополнительной субсидии в 500 руб. на собрание статистического материала. А. Д. Горемыкин мотивировал свой отказ тем, что не обладает возможностью самостоятельно назначать постоянные ассигнования. К тому же он посчитал нужным указать, что предприимчивость отдела в его «работах и начинаниях должна строго сообразоваться с имеющимися в его распоряжении средствами» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 101, л. 21]. В связи с этим А. Д. Горемыкин приказал приостановить выдачу ежегодного пособия в две тысячи рублей до получения им от ВСОИРГО отчета об израсходовании прежде отпущенных ему денег. Только после обращения за содействием в центральное Географическое общество и лично к вице-председателю ИРГО П. П. Семенову недопонимание, возникшее между ВСОИРГО и А. Д. Горемыкиным, удалось уладить и отдел смог получить полагающуюся ему денежную субсидию.

Вопрос о необходимости увеличения бюджетных ассигнований на ВСОИРГО представлялся актуальным на протяжении всей второй половины XIX — начала XX веков. В 1871 году, с улучшением государственного финансирования ИРГО, генерал-губернатор М. С. Карсаков выступил за увеличение субсидии СОИРГО. Сменивший его на посту генерал-губернатора Н. П. Синельников ходатайствовал о назначении отделу из казны ежегодного пособия в 10 000 рублей [Елизарова, 2001]. В 1895 году было опубликовано Высочайше утвержденное мнение Департамента государственной экономии Государственного Совета об увеличении ежегодного пособия ИРГО. Поскольку изменения коснулись только центрального общества, ИРГО в 1899 году обратилось с отдельным ходатайством перед министром финансов С. Ю. Витте об усилении средств сибирских филиалов. Свое ходатайство географическое общество аргументировало наметившейся децентрализацией сибирских отделов (учреждением подотделов) и тем, что в связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали азиатские районы, отделяющие европейскую часть страны от Тихого океана, приобрели для России особый интерес. С. Ю. Витте поддержал прошение, и с 1 января 1900 года отделам и подотделам ИРГО в Сибири была назначена дополнительная субсидия в размере 5000 рублей, в том числе: ВСОИРГО — 2000 рублей, Западно-Сибирскому отделу ИРГО — 1000 рублей и Приамурскому отделу — 2000 рублей [Архив РГО, ф. 1-1899, оп. 1, д. 14, л. 7].

4. Заключение = Conclusions

На примере деятельности ИРГО и его Сибирского отдела видно, что развитие общественных организаций в досоветской России являлось не только плодом общественных усилий, но и во многом результатом уча-

ствия со стороны государственной власти. В зависимости от значимости выполняемых работ, общественные организации получали определенные статус и привилегии, пользовались поддержкой верховной власти. В 1881 году Александр II, принимая на себя звание покровителя ИРГО, сообщал: «Собранные Обществом, обработанные им и обнародованные сведения о России, по предмету географии, статистики и этнографии, и многочисленные ученые экспедиции, снаряженные им для сего в разные местности Империи, доказывают полезную деятельность Общества, которая заслуживает Моего полного одобрения...» [ПСЗРИ-П, т. XLVI, отд. I, № 49124]. Александр III, давая характеристику деятельности общества, отмечал: «Следя за успехами наших познаний о русских азиатских окраинах и внутренней Азии, Я имел случай убедиться, какую пользу принесли труды Географического Общества и его отделов дорогому Нам Отечеству» [Устав ..., 1898, с. 9].

Создание и начало развития СОИРГО необходимо рассматривать в контексте внутренней и внешней политики Российской империи в середине XIX века. Подписав в 1858 и 1860 годах Айгунский и Пекинский договоры с Китаем, Россия добилась возврата Приамурья и присоединения Уссурийского края. Дипломатическим переговорам и хозяйственно-экономическому освоению новых районов предшествовала подготовительная работа, заключавшаяся в том числе в отправке правительственных и научных экспедиций, деятельности СОИРГО по изучению Восточной Сибири и юга Дальнего Востока. При содействии Н. Н. Муравьева Сибирским отделом в 1855 году в составе второго амурского сплава организуется экспедиция на Амур, в 1859 году — в Уссурийский край. Проявляя внимание к СОИРГО, Н. Н. Муравьев присутствовал на его заседаниях, тем самым подавая пример участия в работе отдела представителям сибирской администрации, различных групп населения. Взаимодействие, установившееся между высшей сибирской администрацией и СОИРГО сразу после учреждения научного общества, сохранялось вплоть до наступления XX века.

Следствием заинтересованности верховной власти в деятельности ИРГО являлось оказание ему и его отделам материально-финансовой помощи. Выделяя ежегодную субсидию СОИРГО, предоставляя возможность пользоваться бесплатной пересылкой по почте писем и посылок, государство фактически гарантировало существование общества, хотя лишь одних этих средств было недостаточно для развертывания масштабных исследований. Кроме того, центральные органы власти и высшая сибирская администрация дополнительно выделяли деньги на научные экспедиции, оказывали содействие в отправке с ученой целью отдельных членов отдела, в накоплении коллекций музея. Значительная помощь была предостав-

лена СОИРГО при строительстве нового здания для музея и библиотеки отдела после пожара, случившегося в Иркутске в июне 1879 года.

Источники и принятые сокращения

1. *Архив* Русского географического общества — Архив РГО. Ф. 1–1899. Оп. 1. Д. 14.
2. *Государственный архив* Иркутской области — ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 13 (521) ОЦ; Д. 241; Ф. 293. Оп. 1. Д. 23; Д. 101; Д. 163.
3. *Журнал* общего собрания Сибирского отдела Императорского Русского географического общества 3-го ноября 1871 года // *Известия СОИРГО*. — 1872. — Т. III. — № 1. — С. 1–15.
4. *Кассовый отчет* Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1881 г. // *Известия ВСОИРГО*. — 1882. — Т. XIII. — № 3. — С. 50–56.
5. *Отчет* о действиях Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1868 год. — Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова, 1869. — 282 с.
6. *Отчет* о действиях Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1871 год. — Иркутск: Типография Н. Н. Синицына, 1872. — 77 с.
7. *Отчет* Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. За 1874 год // *Известия СОИРГО*. — 1875. — Т. VI. — № 5–6. — С. 220–226.
8. *Отчет* Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. За 1880 год // *Известия ВСОИРГО*. — Т. XII. — № 1. — С. 1–7.
9. *Отчет* Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1883 год. — Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1884. — 21 с.
10. *Отчет* о деятельности и состоянии Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1888 году. — Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1889. — 29 с.
11. *Отчет* Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1899 г. — Иркутск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1901. — 16 с.
12. ПСЗРИ-II — *Полное собрание законов Российской империи*. II собрание. — Санкт-Петербург, 1846. — Т. XX. — Отд. I. — № 19259; 1847. — Т. XXI. — Отд. I. — № 20607; 1850. — Т. XXIV. — Отд. II. — № 23778; 1852. — Т. XXVI. — Отд. I. — № 25278; 1863. — Т. XXXVI. — Отд. II. — № 37758; 1874. — Т. XLVI. — Отд. I. — № 49124.
13. *Устав* Императорского Русского географического общества. — Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1898. — 20 с.
14. *Частное заседание* Сибирского отдела 23 декабря 1854 года // *Записки СОИРГО*. — 1857. — Книга III. — С. 17–23.
15. *Экстренное заседание* Сибирского отдела Императорского Русского географического общества 1 февраля 1862 года // *Записки СОИРГО*. — 1865. — Книга VIII. — С. 11–16.

Литература

1. Брэдли Д. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество / Д. Брэдли. — Москва: Новый хронограф, 2012. — 448 с. — ISBN 978-5-94881-162-8.
2. Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (вторая половина XIX в. — февраль 1917 г.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Е. А. Дегальцева. — Новосибирск, 2006. — 687 с.

3. *Елизарова Л. И.* Издательская деятельность ВСОРГО и иркутские типографии (60-х гг. XIX в. — начало XX в.) / Л. И. Елизарова // Краеведческие записки. — Иркутск : Отгиск, 2001. — Выпуск 8. — С. 35—48.
4. *Игумнов Е. В.* Высшая сибирская администрация и организация изучения Сибири во второй половине XIX века / Е. В. Игумнов // Научный диалог. — 2017. — № 6. — С. 205—219. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-205-219.
5. *Кирдяшкин И. В.* Некоторые аспекты роли наук в Отечественной истории / И. В. Кирдяшкин // Credo New. — 2003. — № 4. — С. 14.
6. *Ковалева А.* Покровители ВСОРГО / А. Ковалева // Земля иркутская. — 1997. — № 8. — С. 35—41.
7. *Козьмин Н. Н.* Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества / Н. Н. Козьмин // Известия ВСО-ИРГО. — 1904. — Т. XXXV. — № 2. — С. 1—43.
8. *Краткий обзор* действий Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за первое десятилетие его существования, с 1851 г. по 1861 год // Записки СОИРГО. — 1864. — Книга VII. — С. 1—30.
9. *Лазебник О. А.* Г. Майдель и его вклад в картографирование северо-востока России во второй половине XIX в. / О. А. Лазебник, О. С. Романова // Вестник Санкт-петербургского университета. — 2008. — Серия 7. — Выпуск 3. — С. 125—133.
10. *Очерк* двадцатипятилетней деятельности Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — Иркутск : Типография Н. Н. Синецкина, 1876. — 45 с.
11. *Пименова И. А.* Организация и деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества : 1851—1918 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. А. Пименова. Иркутск, 2009. — 197 с.
12. *Пономарева Е. Л.* Внешнеполитическая деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири на Дальнем Востоке в 50—80-х гг. XIX в. (по материалам всеподаннейших отчетов генерал-губернаторов Восточной Сибири) / Е. Л. Пономарева // Известия Иркутского государственного университета. Серия : «История». — 2017. — Т. 22. — С. 39—44.
13. *Попов Д. И.* Государственная власть и культурно-просветительные общества в Сибири в начале XX в. : проблемы взаимоотношений / Д. И. Попов // Вестник Тюменского государственного университета. — 2004. — № 1. — С. 18—27.
14. *Семенов П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845—1895 / П. П. Семенов. — Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова и Комп., 1896. — Ч. II. — 534 с.
15. *Скалабан И. А.* Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического Общества в системе государственных, научных и общественных институтов / И. А. Скалабан // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — 1996. — №4. — С. 19—27.
16. *Туманова А. С.* Самодержавие и общественные организации в России. 1905—1917 годы / А. С. Туманова. — Тамбов : Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. — 488 с. — ISBN 5-89016-065-6.

Material resources

Archive of the Russian Geographical Society — Archive of the Russian Geographical Society. F. 1-1899. Op. 1. d. 14. (In Russ.).

- Cash report of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society for 1881. (1882). *Bulletin of the VSOIRGO, XIII (3)*: 50—56. (In Russ.).
- Emergency meeting of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society on February 1, 1862. (1865). *Notes of the Siberian Department, VIII*: 11—16. (In Russ.).
- Journal of the general Meeting of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society on November 3, 1871. (1872). *Bulletin of the SOIRGO, III (1)*: 1—15. (In Russ.).
- Private meeting of the Siberian Department on December 23, 1854. (1857). *Notes of the Siberian Department, III*: 17—23. (In Russ.).
- Report on the actions of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society for 1868*. (1869). St. Petersburg: V. Bezobrazov Printing House. 282 p. (In Russ.).
- Report on the actions of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society for 1871*. (1872). Irkutsk: Printing house of N. N. Sinitsyn. 77 p. (In Russ.).
- Report on the activities and status of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1888*. (1889). St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 29 p. (In Russ.).
- Report of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society for 1899*. (1901). Irkutsk: P. I. Makushin's Steam typo—lithography. 16 p. (In Russ.).
- State Archive of the Irkutsk region — GAI O. F. 24. Op. 1. D. 13 (521) OC; D. 241; F. 293. Op. 1. D. 23; D. 101; D. 163*. (In Russ.).
- Report of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. For 1880. *Bulletin of the VSOIRGO, XII (1)*: 1—7. (In Russ.).
- Report of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society for 1883*. (1884). Saint Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 21 p. (In Russ.).
- Report of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. For 1874. (1875). *Bulletin of the SOIRGO, VI (5—6)*: 220—226. (In Russ.).
- The Charter of the Imperial Russian Geographical Society*. (1898). St. Petersburg: Printing house of the Main Department of the estates. 20 p. (In Russ.).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. II meeting*. (1846, 1847, 1850, 1852, 1863, 1874). St. Petersburg. (In Russ.).

References

- A brief overview of the actions of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society for the first decade of its existence, from 1851 to 1861. (1864). *Notes of the SOIRGO, VII*: 1—30. (In Russ.).
- An essay on the twenty-five-year activity of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. (1876). Irkutsk: Printing house of N. N. Sinitsyn. 45 p. (In Russ.).
- Bradley, D. (2012). *Public organizations in Tsarist Russia: science, patriotism and civil society*. Moscow: Novy Chronograph. 448 p. ISBN 978-5-94881-162-8. (In Russ.).
- Degaltseva, E. A. (2006). *Public non—political organizations of Western Siberia (the second half of the XIX century — February 1917)*. Doct. Diss. Novosibirsk. 687 p. (In Russ.).
- Elizarova, L. I. (2001). Publishing activity of VSORGO and Irkutsk printing houses (60s of the XIX century — the beginning of the XX century). In: *Local history notes*, 8. Irkutsk: Ottisk. 35—48. (In Russ.).

- Igumnov, E. V. (2017). Supreme Siberian Administration and Organization of Study of Siberia in the Second Half of the 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 6: 205—219. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-6-205-219>. (In Russ.).
- Kirdyashkin, I. V. (2003). Some aspects of the role of sciences in National history. *Credo New*, 4: P. 14. (In Russ.).
- Kovaleva, A. (1997). Patrons of VSORGO. *Irkutsk land*, 8: 35—41. (In Russ.).
- Kozmin, N. N. (1904). Historical sketch of the activities of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. *Bulletin of the VSOIRGO*, XXXV (2): 1—43. (In Russ.).
- Lazebnik, O. A., Romanova, O. S. (2008). G. Maydel and his contribution to mapping the North-East of Russia in the second half of the XIX century. *Bulletin of St. Petersburg University*, 7 (3): 125—133. (In Russ.).
- Pimenova, I. A. (2009). *Organization and activity of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society: 1851—1918*. PhD Diss. Irkutsk. 197 p. (In Russ.).
- Ponomareva, E. L. (2017). Foreign policy activity of Governors-General of Eastern Siberia in the Far East in the 50—80s of the XIX century. (based on the materials of the most recent reports of governors-General of Eastern Siberia). *News of Irkutsk State University. Series: "History"*, 22: 39—44. (In Russ.).
- Popov, D. I. (2004). State power and cultural and educational societies in Siberia at the beginning of the XX century: problems of relationships. *Bulletin of the Tyumen State University*, 1: 18—27. (In Russ.).
- Semenov, P. P. (1896). *History of the half-century activity of the Imperial Russian Geographical Society. 1845—1895, II*. St. Petersburg: V. Bezobrazov's Printing House and Company. 534 p. (In Russ.).
- Skalaban, I. A. (1996). West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the system of state, scientific and public institutions. *Proceedings of the Omsk State Museum of History and Local Lore*, 4: 19—27. (In Russ.).
- Tumanova, A. S. (2002). *Autocracy and public organizations in Russia. 1905—1917*. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 488 p. ISBN 5-89016-065-6. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.08.2022,
одобрена после рецензирования 21.10.2022,
подготовлена к публикации 01.11.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Исабаева Н. А. Семейно-родственные отношения у ванских кыргызов / Н. А. Исабаева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 339—354. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-339-354.

Isabaeva, N. A. (2022). Family and Kinship Relations Among Van Kyrgyz. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 339-354. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-339-354. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-339-354

Семейно-родственные отношения у ванских кыргызов

Исабаева Назгул Акылбековна
orcid.org/0000-0002-9143-0895
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
nazgulia@bk.ru

Эрзинжанской университет
имени Бинали Йылдырым
(Эрзинжан, Турция)

Family and Kinship Relations Among Van Kyrgyz

Nazgul A. Isabaeva
orcid.org/0000-0002-9143-0895
PhD in History,
Associate Professor,
Department of History
nazgulia@bk.ru

Erzincan Binali Yildirim University
(Erzinjan, Turkey)

© Исабаева Н. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются народные традиции и родственные связи ванских кыргызов, расселившихся от Памирского района Афганистана на Восточной части Турции. Цель исследования — проанализировать, насколько сохранились кыргызские традиции и обычаи после 40 лет жизни в Турции после переселения кыргызов со своей родины Памира. Новизна исследования заключается в обращении к ранее не обнародованным в России исследованиям турецких ученых, писавших об истории ванских кыргызов, а также к этнографическим данным, которые автор собирал в течение 5 лет. Отмечается, что ванские кыргызы за всю свою историю, прежде чем поселиться в Турции, испытали влияние культуры многих других соседних народов. Указываются причины, среди которых постоянный кочевой образ жизни и тесные отношения с кашкарскими уйгурами, контактирование с культурой местных таджикских и афганских племен на Памире, жизнь в Пакистане и др. Анализируется влияние миграции на культуру ванских кыргызов и на сохранение их национальных ценностей. Изучается сходство традиций кыргызов современного Кыргызстана и ванских кыргызов.

Ключевые слова:

Ванские кыргызы; Памир; Афганистан; Турция; национальные традиции; миграция; адаптация; синтез культуры.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The folk traditions and family ties among the Van Kyrgyz, who settled from the Pamir region of Afghanistan in the Eastern part of Turkey, are considered. The purpose of the study is to analyze how the Kyrgyz traditions and customs have been preserved after 40 years of living in Turkey after the resettlement of the Kyrgyz from their homeland of the Pamirs. The novelty of the study lies in the appeal to previously unpublished in Russia studies of Turkish scientists who wrote about the history of the Van Kyrgyz, as well as to ethnographic data that the author collected over 5 years. It is noted that the Van Kyrgyz throughout their history, before settling in Turkey, were influenced by the culture of many other neighboring peoples. The reasons are indicated, among which are the constant nomadic lifestyle and close relations with the Kashkar Uighurs, contact with the culture of local Tajik and Afghan tribes in the Pamirs, life in Pakistan, etc. The impact of migration on the culture of the Van Kyrgyz and the preservation of national values is analyzed. The similarity of the traditions of the Kyrgyz of modern Kyrgyzstan and the Van Kyrgyz is being studied.

Key words:

Van Kyrgyz; Pamir; Afghanistan; Turkey; national traditions; migration; adaptation; synthesis of culture.

Семейно-родственные отношения у ванских кыргызов

© Исабаева Н. А., 2022

1. Введение = Introduction

В настоящее время на востоке Турецкой Республики в вилайете Ван проживает относительно немногочисленная группа кыргызов, появившаяся в регионе относительно недавно. Применительно к данной группе используется этноним ванские *кыргызы*.

Восточная Турция не является исторической территорией кыргызов, расселение которых начиналось в верховьях Енисея, а в XV—XVI веках привело к освоению этим народом территорий современного Кыргызстана и Северо-Восточного Афганистана. Демаркация границ между Афганистаном, с одной стороны, Британской Индийской империей и Российской империей, с другой стороны, привела к отделению кыргызов Афганистана от основных групп кыргызов, оставшихся в основном на территории Российской империи. Афганские кыргызы относятся к кыргызскому племенному объединению ичкилик, включающему племена и родовые объединения каратеит, тейит, найман, кыпчак, шайым, алаш, кызыл айяк, кутал, кызылбаш, кочкор.

Часть кыргызов откочевала в Афганистан из российских владений в 1920-х годах, стремясь уйти от контроля со стороны установившейся в Туркестане советской власти. Другая небольшая группа перекочевала в Афганистан из Синьцзяна после создания в 1949 году Китайской Народной Республики. Численность кыргызов в Афганистане максимально достигала 7 тыс. человек, к середине XX века их количество оценивалось в 3—4 тыс. человек. Наиболее благоприятным периодом для их жизни в Афганистане было правление короля Мухаммад Захир шаха (1933—1973), когда афганские кыргызы были признаны одним из малых народов Афганистана и получили ряд льгот и привилегий, в том числе освобождение от налогов и запрет на призыв на военную службу; глава афганских кыргызов Рахманкул хан аджи стал сенатором Афганистана и губернатором Афганского Памира.

Падение королевского режима в 1973 году, затем Апрельская революция 1978 года и приход к власти ориентировавшейся на СССР Народно-демократической партии Афганистана вызвал у афганских кыргызов желание вновь «уйти от коммунизма», и Рахманкул хан аджи достиг договоренности с властями соседнего Пакистана, в соответствии с которой больше половины афганских кыргызов (свыше 2000 человек) пересели-

лись на территорию Пакистана. В Пакистане они проживали до 1982 года; непривычный климат и природные условия (от непривычной влажности в тропическом климате погибло около 300 человек) привели к тому, что лидер кыргызов Рахманкул хан обратился в ООН с просьбой о новом переселении. На переселение кыргызов на свою территорию дали согласие США, Канада и Турция (причем США предложили переселение на Аляску, а Канада ничего конкретного не предложила). Значительная часть пакистанских кыргызов (1138 человек, 293 семьи) на самолетах была перевезена в Турцию; оставшиеся приблизительно 700 человек (86 семей) во главе с новым лидером Абдрашит ханом позднее вернулись в Афганистан, где к этому времени установился новый исламский режим. Из предложенных для поселения в Турции мест кыргызы предпочли район озера Ван, где было основано селение Улуу Памир («Большой Памир»). Рахманкул хан оставался руководителем кыргызской общины в Турции вплоть до своей кончины в 1990 году. Переселившиеся в Турцию кыргызы относились к родам кочкор, алапа, найман, шайым и кызыл-аяк.

В статье исследуется тема народных обычаев, обрядов и системы семейно-родственных отношений ванских кыргызов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследования брака и родственных отношений кыргызов начались в XIX веке, а первое исследование кыргызских брачных норм было проведено Н. П. Дыренковой в начале прошлого века [Дыренкова, 1927, с. 7—25]. Изучение генезиса калыма проводилось Н. А. Кисляковой [Кислякова, 1951, с. 180—223]. Труд, посвященный сравнению калыма казахов и кыргызов, принадлежит Г. С. Загряжскому [Загряжский, 1976, с. 202]. Кроме того, Н. И. Гродеков опубликовал ряд научных работ, связанных с этнографией кыргызов [Гродеков, 1889, с. 544].

Статья основана на результатах полевых исследований автора, проведенных в 2019—2022 годах в Ванском вилайете Турецкой Республики, в районе Эржиш, селе Улуу Памир.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Традиционная семья у ванских кыргызов

Традиции — представления национальной, народной, этнической группы, сформировавшиеся годами, передающиеся из поколения в поколение среди кыргызов, признанные устойчивым общественным мнением, имеющие воспитательное значение в соответствии с общественным мнением и психологией. Через традиции кыргызы Вана сохранили свой исторический образ жизни как наследие нового поколения.

Большая роль в сохранении традиций ванских кыргызов принадлежит старейшинам — группе, с которой глава деревни постоянно консультируется при принятии важных для общества решений. Совет старейшин состоит из 20—25 человек, старших по возрасту, знающих и опытных. Так, если совет старейшин не согласится с предложением главы села, работа не будет проводиться. Старейшины часто принимают решения, связанные с кыргызскими обычаями. Они могли внести изменения в обычаи в соответствии с меняющимися экономическими условиями, а также имели возможность контролировать работу главы села и оценивать полезность принимаемых им решений [Озтюрк, 2018, с. 174].

Непосредственными носителями и обновителями народных традиций являются члены семьи. Например, старшие поколения ванских кыргызов всегда помнили традиции Памира, что давало возможность актуализировать их в национальном сознании следующего поколения. Такие нравственные качества, как человечность, чувство долга, здравый смысл, справедливость, честность, чуткость, у ванских кыргызов формировались на основе национальных традиций, появившихся еще на Памире. Кроме того, каждая семья имела свои традиции.

Ванские кыргызы придавали большое значение семье. Она включает в себя мужа, жену, родителей и детей. Основами ее считались преемственность, хозяйство, организация свободного времени и отдыха, задачи воспитания детей и взаимодействия внутри семьи и с окружающими. Большую роль в семье играла женщина. В енисейских рунических надписях, первой кыргызской письменности, было шесть слов со значением женщина: — *qunçuyıl*, — *abçıl*, — *kişil*, — *yotuzıl*, — *ninal ve-eşl*.

Qunçuy'i (супруга) кыргызского кагана Барсбека была дочерью тюркского кагана. В надгробных надписях сыновья упоминаются после жен — *oğullar* — *ogull*, — *oglan*, — *uri(urı)*. Издревле среди народов Средней Азии кыргызские женщины выделялись свободой поведения и уникальной одеждой. В кыргызском обществе не было негативных явлений, связанных с неравенством положений мужчины и женщины в семье, что, по мнению исследователей, способствовало внутреннему единству этого народа [Тургунбаева, 2006, с. 85].

У ванских кыргызов женщина, являющаяся главным членом семьи, занимает высокое положение в социуме, и обращаются к ней соответственно: *Азизе*, *Маздим*, что означает «высокоуважаемая». Эти номинации появились под влиянием персидского языка и ислама. Во время проживания на Памире женщины исполняли основную часть текущей бытовой работы, на них повлияла культура тюрков, где женщина — «домохозяйка», при этом практически во всех семьях ванских кыргызов можно наблюдать

нежное отношение к женщине. Когда женщины выходили в общество, им предписывалось быть всегда опрятно одетыми и носить на голове белый платок. Большинство из них придерживались этого обычая.

Отношение к браку трансформировалось на протяжении времени, при этом всегда признавалось, что брак является жизненной необходимостью для каждого молодого человека. Из воспоминаний ванских кыргызов: «Когда мы жили на Памире, наши родители выбирали нам невесту или жениха, мы не противились их выбору, понимая, что брак необходим для продолжения рода. Теперь наши дети могут вступать в брак с кем угодно. Мы пришли к тому, что готовность к браку требует взаимной любви между мужчиной и женщиной, достижения ими брачного возраста, наличия определенного общего уровня образования, общих взглядов на супружеский долг и семью» [Талаа дептери, Кошар, 2022]. При этом остается общепризнанным, что «для того, чтобы супружеская жизнь была крепкой, она должна быть связана не только с личной любовью, но и со способностью нести тяжелое бремя ответственности, создаваемое супружеской жизнью» [Курмангалый кызы, 2006, с. 23].

3.2. Свадебные обряды ванских кыргызов

Свадебные обряды ванских кыргызов являются одной из больших тем, требующей отдельного изучения. Расскажем в данном параграфе о части из них. Так, например, мужчинам разрешается жениться на родственниках матери. По старинному обычаю традиции сватовства детей до их рождения (*бел куда, бешик куда*) и раньше встречались очень редко, а с 2000 года и вовсе прекратились. Известны разновидности брака, практикуемые у ванских кыргызов: левират (брак с женой умершего родственника), сорорат (брак с сестрой жены), брак «кайчы куда» (в этом случае берется калым), брак «куч куйоо» (зять приходит в семью, где нет сыновей, и занимает место сына; принимают в дом человека, у которого нет денег, женят на дочери, далее живут все вместе).

У ванских кыргызов условия брака основаны на старых и новых обычаях. У тюркских народов существует древний обычай платить семье невесты калым. Термин *калым* на кыргызском, казахском, татарском, башкирском, каракалпакском, телеитском звучит как *калын*, на алтайском, ногайском, чагатайском, тувинском — *калым*, туркменском — *калынк*, *галин*, *калым*, на чувашском — *хулам*, на хакасском и якутском — *халым* [Ünal, 2021, p. 48]. Выплата калыма становилась очень важным событием, поскольку возможность это сделать возвеличивала мужчину. Исследователи отмечают, что вопрос о калыме решался лицом к лицу верхом на лошади. В то же время сторона мужчины, заколов одну овцу, созывала старейшин со стороны девушки и отдавала калым отцу девушки [Ibid.]. Традиционно

калым давали в виде скота, позже выплачивали деньгами. В настоящее время у ванских кыргызов размер калыма определяется старейшинами села, обычно составляет 1000 долларов. При этом из-за того, что свадебная церемония происходила в доме девушки, большая часть денег всегда шла на расходы и приданое [Özer, 2016, p. 875].

Обряд похищения невесты у ванских кыргызов встречается крайне редко — либо в случаях настоящего похищения девушки, либо, если у жениха нет полного калыма, часть его выплачивается и с согласия девушки ее похищают. Отец мужчины просит согласия у своих сватов и отправляется к отцу девушки на поклон. После того, как сваты приходят к соглашению, отдается приданое девушки. Согласно памирским традициям, сваты три дня проводили в дороге для того, чтобы взять девушку из другого аула и обновить кровь. Посланные сваты были большей частью красноречивы и талантливы в пении, поскольку нужно было получить согласие родителей девушки. Кроме того, в качестве особых посланников сватами отправляли многодетных, уважаемых в народе или известных людей.

Традиция тканья «белого полотна» для сына означала необходимость создания для каждой молодой семьи материальных условий, необходимых для самостоятельной жизни молодоженов. Сторона жениха заранее договаривалась о калыме и давала деньги вместе со скотом, одеждой и приношениями. Отец девушки готовил для невесты приданое из полученных денег. Размер калыма определял условия жизни молодой семьи. Следует отметить, что чрезмерно большое приданое редко встречается у ванских кыргызов.

Обратим внимание на одну традицию современного бракосочетания: если родители девушки или парня, которые собираются создать семью, проживают в Стамбуле, то и свадьба состоится там же. Если родители девушки проживают в Стамбуле, а жениха — в деревне, родители девушки решают, где будет проходить свадьба. Свадьбы в городе максимально просты. Свадьбы в основном проводятся в мечетях Ходжа Ахмед Есеви и Ирфан Вакыф, построенных кочевыми казахами в Еврен Махаллеси, районе Гюнешли, области Бажылар Стамбула.

Сама церемония свадьбы у кыргызов Вана также насыщена множеством правил и обрядов. Так, например, на свадьбах мужчины и женщины сидят отдельно, на стол подаются мясо и плов и др. Деревенские свадьбы проводятся с соблюдением всех кыргызских традиций и обрядов.

Изначально браки обычно заключались между представителями своего народа, но позже ванские кыргызы стали принимать в семью девушек из других этносов, кыргызские девушки же сейчас могут выйти замуж как за ванского кыргыза, так и за курда, турка и других представителей мусульман-

ской культуры. Ср. запись беседы с нашим информантом: «Я выдал своих двух дочерей замуж за турков. Одна отправилась в Карадениз, а другая — в Конью. Сваты мои — религиозные люди, хорошие люди, они пришли просить руки дочери. Мы сказали им, что мы кыргызы, у нас много родственников, наши двери открыты для всех и много людей приходит и уходит. Потом не жалуйтесь на то, что у нас много традиций и людей, которые пришли и ушли. Напоминаю, мы до сих пор едим конину. Сторона сватов сказала: “Если вы едите, почему бы нам не есть?”, и они ели конину. Мужчины всегда защищают кыргызскую культуру» [Талаа дептери, Гувен, 2019]. У девушек других национальностей есть интерес к кыргызам, поскольку у них принято уважительно относиться к женщинам. Абдюлметин Кескин, один из наших информантов, сообщает: «За последние 30 лет кыргызы начали заключать брак с лицами турецкой и казахской национальностей в целях обновления крови. Я согласен с тем, чтобы молодые люди заключали брак с другими, если они не будут забывать предков. Хотя больше всего мы хотим, чтобы они заключали брак с кыргызами или кыргызками в Кыргызстане» [Талаа дептери, Кескин, 2019]. Воздействие социально-экономических изменений подтолкнуло кыргызское общество к изменениям.

3.3. Отношения между мужем и женой

У ванских кыргызов семья была патриархальна и роль мужчины, соответственно, высока. В то время как мужчина полностью принимал на себя бремя ответственности за семью, женщины могли и заниматься хозяйством, и участвовать в социальной жизни вне семьи. У ванских кыргызов женщина может работать с разрешения мужа, если имеет профессию и есть человек, который может заниматься воспитанием детей. В то же время иногда женщине необходимо работать в силу обстоятельств, например, в молодой семье в поселке Улуу Памир муж не хочет, чтобы жена работала, но и не возражает, если жена захочет работать после окончания вуза, он говорит: «Если меня спросят, не возражаю ли я, чтобы моя жена работала, я отвечу, что возражаю, потому что не хочу, чтобы она содержала семью, а хочу только, чтобы она заботилась о детях. Однако из-за жизненных условий ей приходится работать. У моей жены есть специальность — медик. Я знаю всех на ее работе, все надежные. Поэтому я спокоен» [Талаа дептери, Кутлу, 2019]. Современные семьи стараются обучать своих дочерей в высших учебных заведениях, хотя в старину девочки не учились, а находились дома. Сегодня кыргызские женщины могут участвовать в общественной жизни наравне с мужчинами, но не демонстрировать это.

Построение счастливого брака зависит от двух людей. Из воспоминаний 90-летней жительницы села Улуу Памир: «Было много людей, которые просили моей руки, потому что я овдовела в 40 лет, но я этого не хотела.

В моей жизни не было достойного человека, который занял бы место моего мужа. Мой муж был молод, когда мы поженились. Родители отдали меня родственникам, когда мне было 17 лет. Я родила 9 детей, из которых у меня 3 сына» [Талаа дептери, Тезерен, 2019].

Отметим, что после 2005 года из-за влияния средств массовой информации молодежь не соблюдает большинство из вышеперечисленных старинных обычаев. При этом старейшины Улуу Памира скорбят об утрате традиций: «В последние годы из-за влияния европейской культуры можно наблюдать, что в семье слова родителей стали второстепенными, а слова ребенка стали преобладать» [Талаа дептери, Токер, 2022]. В семейные процессы, особенно в молодых семьях, стали активно вовлекать женщин и детей.

Не избежали ванские кыргызы и разводов. Они тоже совершались по определенным обрядам: если женщина хотела развода, она шла к деревенским старейшинам и спрашивала совета. Развод осуществлялся в соответствии с законами шариата и кыргызскими обычаями. Сегодня для кыргызов в селе Великий Памир еще важно обратиться к старейшинам села до официального развода. Старейшины деревни разрешают развод при следующих условиях: если мужчина не в состоянии обеспечить членов семьи, если он постоянно поднимает руку на жену, если жена или муж являются инвалидами, если жена или муж являются слабоумными [Талаа дептери, Кескин, 2019]. В заявлении Эйюпхан Ватансевера говорится: «Одной из причин изменений в жизни ванских кыргызов, приехавших в Турцию, является потребность женщин в защите со стороны государства и появлении современных прав. Все дело в правах. По турецким законам, если женщина хочет развода, она сразу же разводится. В прошлом кыргызы при недоразумениях между мужчинами и женщинами обращались к старейшинам, и они действовали в соответствии с решением. Сейчас жизнь совсем другая. Причина этого в том, что молодежь образованна, в старину люди умели только читать Коран» [Талаа дептери, Ватансевер, 2019].

3.4. Отношения между родителями и детьми

Кыргызы стремятся создать большую семью. Если нет возможности иметь своих детей, рекомендуется усыновление. В основном хотят иметь ребенка мужского пола, чтобы, как это сложилось исторически, он защищал свое племя и продолжал род. В деревне известна пословица: *Тот не умирает, кто после себя детей оставляет*. Старшего сына называют *тун* (первый), и он обязан быть примером для других детей. Трудности в семье решаются при непосредственном участии сыновей. Младшего ребенка в семье называют *кенже* (младший). Младший в доме должен позаботиться о своих родителях и стать их наследником. Стремление сделать человека полезным для семьи и общества отражено в кыргызских пословицах: *Чело-*

век — красота народа, лес — красота земли, кто землю лелеет, того земля жалеет; Храбрые молодцы всегда на границе страны, перед лицом врага стоять должны [Талаа дептери, Кошар, 2022]. Воспитание девочки тоже представлено в народной мудрости: *Для девушки запрет из сорока домов; Есть путь, проложенный отцом, есть ткань, шитая матерью; По матери и дочка пошла; Кто уважает отца, тот обретает совесть, кто уважает мать, того люди любят; Радость — сделать своего отца знаменитым среди людей, и счастье — сделать знаменитой свою мать* [Ibid.].

Отношение детей к своим родителям обусловлено исламской верой, согласно догмам которой те дети, которые не получают благодарности и молитв родителей, не будут счастливы на протяжении всей жизни. Следует отметить, что в деревне Улуу Памир дети младшего возраста, независимо от того, мальчики они или девочки, ходят на курсы Корана.

Если повзрослевшие дети не слушали своих родителей, им давали некоторое наследство и отделяли. Сын, который почитает и слушается своего отца, будет его наследником.

Считается благом, когда вся семья сидит вместе за столом. Во главе стола сидит отец, слева супруга, рядом с матерями сидят дочери, сыновья сидят со стороны отца, а их жены сидят по возрасту.

3.5. Родственные отношения

По образу жизни и мировоззрению кыргызы определяют родственные отношения так: «дети семи отцов» (родственники до седьмой степени родства), братья, родственник по линии снохи или зятя, сваты, двоюродные братья и сестры, родственники матери и т. д., таким образом, кыргызы построили свою систему родства и поддерживали друг друга. Несмотря на кочевой образ жизни, в вопросах родственных отношений они смогли сохранить стабильность. Крепкие отношения между родственниками у ванских кыргызов помогли им пережить тяжелый период миграции в Пакистан. В обрядах поддержка родных представлена на той-ашах: празднованиях и поминках, похоронных обрядах и др.

В енисейских надписях обнаружены следующие термины для обозначения родственников по отцовской и материнской линии: *ага-уни* (братья), *эгиздер* (близнецы), *adaş, кайынэне qadın* (свекровь или теща), *küdagül (күйөө)* (супруг), *келин, kelin* (невестка), *кайыната* (свекор или тесть), *tünür, törän* (внук), *кайынини* (шурин) — в целом в енисейских письменных памятниках упоминается 32 типа имен родственников [Йылдырым, 2020, с. 46]. Помимо членов одной семьи, кыргызские родственники также делятся на группы: по отцовской линии (неполнородные: братья и сестры по отцу), по материнской линии (единоутробные), родственники матери и сваты. Если в обществе важно родство по отцу, то для личных взаимоотно-

шений более важны родственники по материнской линии. «Чем быть шестерым единоправным, лучше быть двоим, единоутробным» [Абрамзон, 1990, с. 230]. В жизни ванских кыргызов на Памире из-за полигамии в обществе главным было слово сына старшей жены. Так как родственные связи почитались выше всего в традиционной культуре кыргызского народа, то считалось, что каждый должен знать «семь предков» — родственников в семи поколениях, а незнавших называли *рабами* и *безродными*.

В кыргызские праздники и скорбные дни родственники собираются, чтобы поздравить своих близких или посочувствовать им. У ванских кыргызов, если человек умирает, в течение трех дней близкие родственники и соседи ухаживают за домом. Соседи и родственники берут на себя расходы семьи покойного. В настоящее время, в связи с тем что семья покойного терпит душевную боль, родственники или соседи по очереди готовят *заарлык* (завтрак), обед и ужин для скорбящих. Почти три дня старейшины молятся и поддерживают родных усопшего. Родственники умершего мужского пола не бреются в течение месяца. Когда пройдет месяц, близкие родственники или соседи приглашают мужчин к себе домой, одевают их и бреют. Если у человека сильно отросла борода, те, кто его увидят, будут осуждать соседей или родственников за отсутствие помощи. Женщина, у которой умер муж, носит черную одежду, а родственники усопшего надевают синие рубашки. В определенный день родственники или соседи приглашают женщину на особую трапезу и надевают на нее красное платье. В современном мире, когда все работают, мужчина бреет бороду в течение месяца, но, как прежде, его приглашают на трапезу и надевают одежду [Талаа дептери, Али Вура, 2019].

Упрощение обрядов, их игнорирование — тенденции современной жизни ванских кыргызов, хотя по-прежнему часто говорят «Человек является человеком через человека», подчеркивая таким образом ценность человеческого общения, социальных связей.

В целом ванские кыргызы рассматривают дух как энергию, создающую самость человека, силу, дающую могущество. Они строят свою жизнь, руководствуясь мусульманской верой, и стараются довольствоваться имеющимся. Широко распространено мнение, что если молодые люди будут гуманнее старшего поколения и больше узнают о вере, то больше очистятся и наполнятся верой их сердца. И тогда молодые не будут стремиться к богатству, они будут относиться к окружающему миру с добротой [Талаа дептери, Çetiner, 2022].

О степени сохранения родственных связей ванских кыргызов можно судить по тому, что соблюдаются обычаи свадеб, венчаний, жентек-тоев (празднования рождения ребенка), плетения косичек, угощений по слу-

чаю обрезания и т. п. [Бапаева, 2021, с. 355]. Кроме того, если кто-то из родственников заболевает, все идут в больницу и расспрашивают о нем, а когда он выздоравливает, его приглашают в гости и дают специальные угощения. В зарубежных исследованиях кыргызское гостеприимство подчеркивается как особенность этого социума. Говорят, что если придет гость, то хозяин готов зарезать последнее, принадлежащее ему животное. Традиции в кыргызской семье основываются на мудрости жизненного опыта и сохраняются в поколениях [Варан, 2014, с. 46].

3.6. Изменения в традиционных отношениях ванских кыргызов

Для того чтобы понять, насколько изменилась социальная жизнь ванских кыргызов сегодня, необходимо знать семейный уклад их прежней жизни. Обратимся к воспоминаниям ванских кыргызов старшего поколения, представим записи, собранные нами в полевых условиях.

Как уже говорилось выше, на Памире девушек выдавали замуж в 11—15 лет за людей старше их или ровесников. Девочки, ставшие невестами, переезжали в места, куда путь составлял три дня, иногда и неделю. В высказывании женщины, вышедшей замуж за мужчину, жена которого умерла и он остался с 3 детьми, говорится: «Когда я пришла только, у меня было много хлопот поначалу, потому что дома почти не было женщины. На Памире все тяготы принадлежали женщинам. В детстве я не занималась работой на улице, потому что выполняла работу по дому. Поскольку я происходила из племени Тейит, я продолжала жить, чтобы не унижить их, хотя мне было тяжело. Родственники мужа хорошо за мной ухаживали. Позже мы были вынуждены переехать. Мы спали днем и двигались всю ночь, пока не прибыли в Пакистан» [Талаа дептери, Асиялы, 2019].

Многие информанты вспоминают переезды в Пакистан и на Памир.

«Я приехал в Пакистан из Памира, когда мне было 33 года. На Памире я отдал трех яков и женился. В том году наш скот пал, и мы мучились два года, поэтому молодоженам не сделали ни приданого, ни других расходов. Вместо 10 овец давал 1 барашка в качестве калыма. Если богатые женились, приглашались люди с двух Памиров, и это была недельная свадьба. Бедным людям давали 2 яка и немного одежды, когда они заключали брак. Перед свадьбой присылали сватов и обговаривали условия калыма. Сейчас даже на Памире традиции изменились. Сейчас мне 73 года» [Талаа дептери, Федан, 2019].

«Когда мне было 15 лет, на Памире родственники отдали меня замуж, в качестве калыма взяли крупный рогатый скот, лошадь и яка. Родители дали мне немного вещей и перевезли в место, куда был двухдневный путь. Я никогда раньше не видела своего мужа и с трудом могла к этому привыкнуть. Мой тесть хороший человек, но моя свекровь немного была же-

стока. Я плакала и работала. Мы не были голодны. Мы работали целыми днями, у нас было очень много дел, и мы мало спали. После смерти мужа я носила синюю одежду, раньше носила красную. На Памире погибли 4 дочери, здесь погибли 2 сына, и теперь у меня 4 дочери. На Памире, если ты даже голоден, не было так печально, здесь же мы опечалены» [Талаа дептери, Томер, 2019].

«Мы жили, разводя скот. Мы счастливы здесь. У каждого племени есть свои родственники. Главная обязанность семьи — женить сыновей и выдать замуж дочку» [Талаа дептери, Акжол, 2019].

Семейные отношения памирских кыргызов с самого начала были патриархальными. Так, например, племя кыдырша брало невест только из своего племени, а другие племена брали невест только из других племен. Среди кыргызов были и те, кто женился на девушках таджикской национальности, но почти никогда не отдавали таджикам дочерей, потому, что жизнь таджикских женщин была очень тяжелой по сравнению с повседневностью кыргызских женщин. Дети, рожденные от браков с таджиками, имели арийский тип. Те, кто жил в Рушане, Шугане и Вахане, имели признаки сходства с арийским типом. Если они брали девушку другой национальности, то по своим традициям [Сайнаков, 2019, с. 223].

4. Заключение = Conclusions

Ванские кыргызы — этническая группа численностью около 1300 человек, выходцы из припамирской части Афганистана, в 1978 году по политическим и другим мотивам сначала прибыли в Пакистан, где прожили четыре года, а в 1982 году были переселены в Ванский вилайет Турции. Ученые Турции провели множество этнографических, лингвистических и социологических исследований быта и обычаев этой этнической группы. Результаты этих исследований будут интересными и для кыргызских ученых. Главный вопрос состоит в том, потеряли или сохранили кыргызы свою этническую идентичность в результате миграции. Можно отметить, что влияние миграции на сознание нации наблюдалось, оно связано с сокращением использования кыргызского языка. Представители данной этнической группы говорят на двух языках: турецком и кыргызском. Кыргызский язык используется только в повседневной жизни, при этом маленькие дети познают мир на турецком языке. Несмотря на такие явления, которые могли бы свидетельствовать о частичной утрате национальной идентичности, кыргызы Вана ежегодно проводят мероприятия, национальные увеселения, выставки, соблюдая национальные традиции кыргызского народа. Этим ванцы репрезентируют себя как кыргызскую этническую группу в крупных городах Турции.

В целях укрепления кыргызского национального самосознания ванскими кыргызами создан ряд специально вспомогательных организаций: «Организация содействия культуре кыргызских тюрок», «Организация Памирской культуры, образования и помощи». На базе этих организаций проводятся мероприятия, акции, которые призваны сохранять в памяти людей национальные ценности, объединять кыргызов, проживающих в разных городах. Несмотря на то, что ванские кыргызы прожили в Турции более 40 лет, здесь существовали аутентичные кыргызские традиции: «приведение девушки», «помолвка», «свадьба», «кошого», «энчи», «приданое» и др.

Начиная с 2005 года в жизни ванских кыргызов стали отмечаться кардинальные изменения. Молодые люди стали выбирать супруга только сами и вступать в брак вне зависимости от мнения родителей. Юноши и девушки общаются через социальные сети (ср. в прежние времена запрет на общение при встрече на улице). Очень мало людей, которые создают семью по указанию родителей [Кесикли, Талаа дептери, 2022]. Хотя ванские кыргызы, живущие в Турции, прилагают все усилия к сохранению старых традиций, к сожалению, видно, что сегодняшняя молодежь полностью обращена к турецкой светской культуре.

Источники

1. *Талаа дептери*. Хамид Кошар (05.07.2022) ; Курманбек Кутлу (23.07.2019) ; Алие Ватансевер (23.07.2019) ; Абдулметин Кескин (02.04.2019) ; Жумабай Кошар (04.07.2022) ; Буниамин Токер (02.04.2019) ; Arife Çetiner (01.06.2022) ; Эйюпхан Ватансевер (23.07.19) ; Зайир Федан (12.07.2019) ; Жамал Томер (13.07.2019) ; Напахан Акжол (28.07.2019) ; Умсун Кесикли (21.07.2022).

Литература

1. *Абрамзон С. М.* Кыргыз и их этногенетические и историко-культурные связи / С. М. Абрамзон. — Фрунзе : Кыргызстан, 1990. — 478 с.
2. *Гродеков Н. И.* Кыргыз и каракиргизы Сыр-Дарьинской области / Н. И. Гродеков. — Ташкент : Типолитограф. С. И. Лахтина, 1889. — Т. 1. — 298 с.
3. *Дыренкова Н. П.* Брак, термины родства и психологические запреты у кыргызов / Н. П. Дыренкова // Сборник этнографических материалов / Под ред В. Г. Богораз-Тана. — Ленинград : [б. и.], 1927. — Выпуск 2. — С. 7—25.
4. *Загряжский Г.* Юридический обычай киргиз о различных родах состояний и о правах им присвоенных / Г. Загряжский // Материалы для статистики Туркестанского края. — Ташкент : [б. и.], 1976. — Выпуск IV. — 202 с.
5. *Кислякова Н. А.* Калым и приданое у таджиков / Н. А. Кислякова // Труды Института этнографии АН СССР. — 1951. — Т. 14. — С. 180—223.
6. *Курмангалый кызы Н.* Адамдардын үй-бүлөдөгү руханий сапаттары / Н. Курмангалый кызы // Вестник Кыргызского Национального университета им. Жусупа Баласагына. — 2006. — № 5. — Выпуск 1. — Том 2. — С. 21—24.

7. Сайнаков С. П. Некоторые вопросы этнографии Памира в трудах А. Г. Серебренникова / С. П. Сайнаков, М. М. Алимшоев // Вестник Педагогического университета. — 2019. — № 3 (80). — С. 221—224.

8. Тургунбаева З. А. Кыргыз элинде үй-бүлө куруудагы салттардын ыйык сакталышына историографиялык обзор / З. А. Тургунбаева // Вестник Кыргызского Национального университета им. Жусупа Баласагына. — 2006. — № 5. — Выпуск 1. — Том 2. — С. 85—88.

9. Bapayev A. Göç Nedeniyle Van Kırgızlarının Doğumla İlgili Gelenek-Göreneklerinde ve Çocukluk Dönemindeki Geçiş Törenlerinde Oluşan Değişimler / A. Bapayev // International Journal of Human Studies — Uluslararası İnsan Çalışmaları Dergisi. — 2021. — Volume 4. — Issue 8. — S. 348—359. — DOI: 10.35235/uicd.1010215.

10. Baran M. Pamir Yaylası'ndan Ulupamir Köyü'ne : Kırgızlarda Sosyo-Kültürel Yaşam ve Mekânın Dili / M. Baran // Bilig KIŞ. — 2014. — Sayı 68. — S. 43—58.

11. Özer Murat. Ulupamir Kırgızlarında evlilikle ilgili gelenekler : Ulupamir Kırgızlarında Evlilikle İlgili Gelenekler / M. Özer // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. — 2016. — № 5 (2). — S. 870—889.

12. Öztürk C. Van'daki Ulupamir Kırgızları : Genel ve Yönetimsel Durum / C. Öztürk // Gobi'den Tuna'ya Türk dünyası incelemeleri. Bilimsel Eserler. — 2018. — № 144. — S. 167—186. — ISBN 978-605-2149-43-0.

13. Shadkam Z. Sosyal antropoloji yaklaşımlarına göre Kazaklarda akrabalık kavramı / Z. Shadkam // Millî Folklor. — 2021. — Yıl 33. — Cilt 17. — Sayı 131. — S. 113—122.

14. Ünal A. Kırgız toplumunda geçmişten günümüze kalın (başlık parası) geleneği / A. Ünal // Millî Folklor. — 2021. — Yıl 33. — Cilt 17. — Sayı 131. — S. 47—61.

15. Yıldırım A. Yenisey Yazıtlarında Akrabalık Adları / A. Yıldırım // Journal of History School. — 2020. — Vol. 46. — Pp. 1763—1783. — DOI: 10.29228/joh.43216.

Material resources

Field notebook. Hamid Koshar (05.07.2022); Kurmanbek Kutlu (23.07.2019); Aliye Vatansever (23.07.2019); Abdulmetin Keskin (02.04.2019); Zhumabai Koshar (04.07.2022); Buniamin Toker (02.04.2019); Arife Çetiner (01.06.2022); Eyupkhan Watansever (23.07.19); Zayir Fedan (12.07.2019); Jamal Tomer (13.07.2019); Napahan Akzhol (28.07.2019); Umsun Kesikli (21.07.2022). (In Kyrg.).

References

- Abramzon, S. M. (1990). *Kirghizs and their ethnogenetic and historical-cultural relations*. Frunze: Kyrgyzstan. 478 p. (In Russ.).
- Bapayev, A. (2021). Göç Nedeniyle Van Kırgızlarının Doğumla İlgili Gelenek-Göreneklerinde ve Çocukluk Dönemindeki Geçiş Törenlerinde Oluşan Değişimler. *International Journal of Human Studies — Uluslararası İnsan Çalışmaları Dergisi*, 4 (8): 348—359. DOI: 10.35235/uicd.1010215. (In Turk.).
- Baran, M. (2014). Pamir Yaylası'ndan Ulupamir Köyü'ne: Kırgızlarda Sosyo-Kültürel Yaşam ve Mekânın Dili. *Bilig KIŞ*, 68: 43—58. (In Turk.).
- Grodekov, N. I. (1889). *Kirghiz and karakirgiz of Syr-Darya region, 1*. Tashkent: Typolitogr. S. I. Lakhtin. 298 p.
- Dyrenkova, N. P. (1927). Marriage, kinship terms and psychological prohibitions among the Kyrgyz. In: *Collection of ethnographic materials*, 2. Leningrad: [b. i.]. 7—25. (In Russ.).

- Kislyakova, N. A. (1951). Kalym and the Tajik dowry. *Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences*, 14: 180—223. (In Russ.).
- Kurmangaly kzy, N. (2006). Adamdardyn uy-bulodogu rukhaniy sapattary. *Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zhusupa Balasagyna*, 5 (1) / 2: 21—24. (In Kyrg.).
- Özer Murat. (2016). Ulupamir Kırgızlarında evlilikle ilgili gelenekler: Ulupamir Kırgızlarında Evlilikle İlgili Gelenekler. *Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*, 5 (2): 870—889. (In Turk.).
- Öztürk, C. (2018). Van'daki Ulupamir Kırgızları: Genel ve Yönetel Durum. *Gobi'den Tuna'ya Türk dünyası incelemeleri. Bilimsel Eserler*, 144: 167—186. ISBN 978-605-2149-43-0. (In Turk.).
- Saynakov, S. P., Alimshoev, M. M. (2019). Some issues of ethnography of the Pamirs in the works of A. G. Serebrennikov. *Bulletin of the Pedagogical University*, 3 (80): 221—224. (In Russ.).
- Shadkam, Z. (2021). Sosyal antropoloji yaklaşımlarına göre Kazaklarda akrabalık kavramı. *Milli Folklor*, 33 (17) / 131: 113—122. (In Turk.).
- Turgunbayeva, Z. A. (2006). Kyrgyz elinde uy-bulo kurudagi salttardyn yyyk saktalyshyna historiografiyalyk review. *Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zhusupa Balasagyna*, 5 (1) / 2: 85—88. (In Kyrg.).
- Ünal, A. (2021). Kırgız toplumunda geçmişten günümüze kalın (başlık parası) geleneği. *Milli Folklor*, 33 (17) / 131: 47—61. (In Turk.).
- Yıldırım, A. (2020). Yenisey Yazıtlarında Akrabalık Adları. *Journal of History School*, 46: 1763—1783. DOI: 10.29228/joh.43216. (In Turk.).
- Zagryazhsky, G. (1976). The legal custom of the Kirghiz about various kinds of states and the rights assigned to them. In: *Materials for statistics of the Turkestan region, IV*. Tashkent: [b. i.]. 202 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.07.2022,
одобрена после рецензирования 11.09.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

Карпинец А. Ю. Киселёвский каменноугольный рудник Кузбасса в середине 1930-х годов (по материалам местной периодической печати) / А. Ю. Карпинец // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 355—372. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-355-372.

Karpinets, A. Y. (2022). Kiselevsky Coal Mine in Kuzbass in Mid-1930s: Local Periodicals. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 355-372. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-355-372. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-355-372

**Киселёвский
каменноугольный рудник
Кузбасса в середине
1930-х годов
(по материалам местной
периодической печати)**

Карпинец Алексей Юрьевич^{1,2}
orcid.org/0000-0002-1711-9732
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России
Института истории
и международных отношений,
научный сотрудник,
лаборатория истории Южной Сибири
Института экологии человека
naukarpinets@mail.ru

¹ Кемеровский государственный
университет

² Федеральный исследовательский
центр угля и углехимии
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Кемерово, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
по государственному заданию,
проект № 0286-2021-0012

**Kiselevsky Coal Mine
in Kuzbass in Mid-1930s:
Local Periodicals**

Alexey Yu. Karpinets^{1,2}
orcid.org/0000-0002-1711-9732
PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian History
of the Institute of History
and International Relations,
Researcher,
Laboratory of the History
of Southern Siberia of the Institute
of Human Ecology
naukarpinets@mail.ru

¹ Kemerovo State University

² The Federal Research Center
of Coal and Coal Chemistry
of Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Kemerovo, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out according
to the state assignment,
the project № 0286-2021-0012

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена развитию Киселёвского каменноугольного рудника в 1935 году — последнем году, когда Киселёвск существовал в статусе рабочего посёлка. Рассматриваются факторы превращения простого рудника в одно из самых успешных угледобывающих предприятий региона за три года. Уделяется внимание проблемам повышения производительности труда в условиях социалистической системы хозяйствования на примере Киселёвского рудника. Описывается динамика ключевых производственных показателей рудника в период первой половины 1930-х годов. Демонстрируются достижения Киселёвского рудника к середине 1930-х. Раскрываются механизмы достижения успехов киселёвскими шахтёрами, в частности гибкое сочетание комплекса мер идеологической направленности и мер пропагандистко-репрессивного и пропагандистко-поощрительного характера. Выявляются методы и средства повышения производительности труда в виде соцсоревнования и стахановского движения. Отмечается, что в 1935 году стахановское движение только зарождается. Охарактеризовано его становление на Киселёвском руднике. Определены его позитивные и негативные стороны. Показано, что социалистическое соревнование являлось способом повышения производительности труда и аналогом капиталистической конкуренции.

Ключевые слова:

угольная промышленность; Киселёвский каменноугольный рудник; Кузбасс; социалистическое соревнование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problems of the formation of the Russian-Kazakh border line are considered. An analysis of the current territorial claims and risks from neighboring states to the Russian Federation, as well as the current state of affairs in society, science and politics in relation to the Russian-Kazakh border is made. Information, confirmed by archival materials, is analyzed on the demarcation processes carried out in the Soviet period along the entire line of contact between the two states. The main factors that influenced the formation of borders are studied, as well as the complexity of the controversial issues and the existing ways to solve them are shown. It is concluded that the current state border between Russia and Kazakhstan was formed in the 1920s—1930s by leveling the vast majority of controversial issues, on the basis of their comprehensive consideration of various authorities. At the same time, the historically substantiated data presented in the article show the inconsistency of the current claims of the national elites of the Kazakh side, proving the historical legitimacy of the existing Russian-Kazakh border line. It is concluded that the state authorities of Russia and Kazakhstan do not raise the issue of borders, which contributes to maintaining stability in relations between the two states.

Key words:

coal industry; Kiselevsky coal mine; Kuzbass; socialist competition.

УДК 94(571.17)“193”

Киселёвский каменноугольный рудник Кузбасса в середине 1930-х годов (по материалам местной периодической печати)

© Карпинец А. Ю., 2022

1. Введение = Introduction

В начале 1930-х годов Киселёвский каменноугольный рудник переживает своё второе рождение, которому способствовала реализация идеи создания Урало-Кузнецкого комбината (далее — УКК), являвшегося в период конца 1920—1930-х годов одним из самых грандиозных социально-экономических проектов технологической модернизации страны. Его идея заключалась в соединении Магнитогорских и Кузбасских железных руд с Кузбасским каменным углем и становлении на этой базе высокотехнологичной металлургической промышленности [Бакунин, 2000, с. 547—549].

Начало реализации идеи УКК пришлось на годы первых советских пятилеток. Именно тогда и началось интенсивное развитие Киселёвского каменноугольного рудника, где были разведаны значительные запасы высококачественного угля марки «К» (коксующийся). Пластовые пробы продемонстрировали: киселёвский уголь имел 4—7 %-ю зольность, а это почти идеально чистый уголь. Благоприятные выводы углеразведки заставили руководство рудника поспешить с формированием его кадрового состава. На рудник по оргнабору приглашали лучшие кадры с других рудников. Управляющему рудником И. А. Курагину было указано на персональную ответственность в случае невыполнения государственных плановых показателей по добыче коксующихся углей.

Всё это в совокупности, включая растущую механизацию производств, привело к тому, что государственный производственный план 1934 года по количеству угледобычи Киселёвским рудником был выполнен на 100 % и досрочно. Впервые в 1934 году на Киселёвском руднике было добыто более миллиона (1 137 473) тонн угля, что, безусловно, было грандиозной победой киселёвских горняков.

Повестка Киселёвки на весь 1935 год по сути дела определялась первым номером местной газеты «В бой за уголь». Определяющим был заголовок её передовицы — «Дать 1 220 000 тонн угля в 1935 году» [В бой за уголь, 1935, 1 января, № 1, л. 1]. Главной задачей киселёвских горняков являлось выполнение этой непростой государственно-плановой установки. В связи с этим представляется чрезвычайно важной детальная исто-

рическая реконструкция столь значимого начального этапа в становлении Киселёвского каменноугольного рудника в условиях социалистической системы хозяйствования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История угледобывающей промышленности Киселёвского рудника в той или иной мере рассматривалась в историографии различных типов. Во-первых, в этом плане имеют определенное значение работы местных, киселёвских, авторов. Несмотря на то, что они носят скорее краеведческо-публицистический характер [Агеев, 1972], их ценность заключается в том, что они представляют эксклюзивный материал мемуарного и эпистолярного жанров [Алиференко и др., 2001], раскрывают моменты повседневной бытовой жизни исторических персонажей [Долматов и др., 2001]. Строгость и обстоятельность научного подхода выдерживается в текстах диссертаций на соискание учёной степени. Состояние угольной промышленности Киселёвского рудника в контексте общекузбасских процессов рассматривается в работе М. Г. Леуховой [Леухова, 2000]; особенности развития Киселёвки как рабочего посёлка накануне обретения им городского статуса тезисно представлены в работах Н. Ф. Кустовой [Кустова, 2000] и Е. Б. Каймашниковой [Каймашникова, 2004]. Определённую значимость в освещении ряда проблем, выступающих объектом настоящего исследования, имеют коллективные обобщающие монографии по угольной промышленности Кузбасса, среди которых главными выступают [Угольная промышленность Кузбасса ..., 1997] и [Угольный Кузбасс ..., 2005]. Каждая из работ в той или иной мере раскрывает разные стороны исследуемого объекта, при этом детальность в реконструкции исторического процесса достигается посредством анализа материалов периодической печати. Местным изданием была газета «В бой за уголь», которая стала в 1935 году печатным органом Киселёвских парткома ВКП (б), поссовета и рудкома (в начале года), а затем горрайкома ВКП (б), поссовета и рудкома (к концу года).

Ценность местной газеты как источника информации заключается в том, что на ее страницах публиковались главные события поселковой и производственной жизни в рассматриваемый период. Следует учитывать при этом, что периодическая печать во многом служила важным средством идеологического воздействия на граждан страны, но в то же время газета выступала и средством информирования местного населения. Скрупулёзное изучение материалов периодической печати может способствовать восстановлению событийного ряда локальной истории, в данном случае — истории Киселёвска. Также нужно принять к сведению, что в местной периодике публиковались материалы делопроизводственных документов,

статистики, перепечатывались материалы центральной сибирской газеты «Советская Сибирь», размещались фотографии. Всё это позволяет нам констатировать бесспорный факт — исследование указанного источника информации позволяет в значительной мере обстоятельно и в определённой степени достоверно отразить исторический процесс на локальном уровне во взаимосвязи с общегосударственными процессами.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Производственные достижения Киселёвского рудника в середине 1930-х годов

Киселёвский рудник получил своё второе рождение в первой половине 1930-х годов, что было связано с реализацией первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. К середине 1930-х годов это был новый и вполне успешный советский каменноугольный рудник. Своевременному выполнению государственных плановых заданий на Киселёвском руднике способствовал ряд мер как репрессивно-агитационного, так и экономического характера. 1 января 1935 года чествовали ударников Киселёвского рудника: помощника начальника участка района № 4 Запольский, бригадира района № 4 Катина, забойщика района № 4 Осипенко, бригадира рабкоровской бригады района № 4 Табакаева, бригадира молодёжной бригады района № 3 Подкорытова, горного мастера района № 3 Батаева, бригадира молодёжной бригады района № 2 Фоменко, забойщика района № 2 Тихонова и других работников. Чествование проходило под общим девизом «Партия и страна дали нам все права, кроме права работать плохо» [В бой за уголь, 1935, 1 января, № 1, л. 2].

В этот период на рудник начинает поступать сложная техника, которую необходимо было осваивать. «Главное теперь — в людях, овладевших техникой!» — таков был основополагающий лозунг 1935 года. На 10 января того же года была назначена общерудничная конференция, посвящённая вопросам освоения техники. На неё приглашались управляющие шахт, главные инженеры, начальники участков, горные мастера, бригадиры и ударники, рабочие, непосредственно работавшие на механизмах. В 1935 году киселёвские шахтёры имели в своём распоряжении три главных механизма, обеспечивавших высокую производительность труда, которыми следовало овладеть в совершенстве: электросвёрло, а также отбойный и бурильный молоты. Например, наклонной шахте № 3 было поставлено 30 единиц отбойных молотов и десятков электросвёрл, которыми необходимо было научиться работать.

Между тем не все было просто: техника достаточно быстро выходила из строя и требовала капремонта. В шахтных мехцехах её наскоро подлачивали, но вскоре она вновь ломалась. Электросвёрла на крепкой породе

быстро перегревались и выходили из строя. Молоты требовали постоянной промывки. В результате шахтёры, работавшие на механизмах, часто вынуждены были переходить на ручной бур, поэтому должной плановости механизированных работ не было [В бой за уголь, 1935, 9 января, № 4, л. 1]. В то же время более половины от запланированной на 1935 год угледобычи по Киселёвскому руднику необходимо было осуществить механизированным способом. В этой связи приоритетное внимание было уделено успешной сдаче рабочими специального государственного-технического экзамена (далее — ГТЭ) как критерия технической грамотности шахтёров [В бой за уголь, 1935, 9 февраля, № 21, л. 4].

Одними из первых на руднике 12 февраля 1935 года экзамен на техническую грамотность выдержали ударники мехцеха шахты № 1—2 Неверов, Соколов, Коновалов и Шляхов, мастера Алейников и Рогов, забойщик Куроптев [В бой за уголь, 1935, 16 февраля, № 25, л. 1]. За ними сдали экзамен и остальные.

23 февраля на комплексе Афонинских шахт комбинатом рабочего образования было проведено первое занятие квалификационной комиссии по сдаче ГТЭ. Первым в Афонино экзамен на «отлично» сдал старейший горняк, бригадир проходчиков Бондаренко. Члены его бригады получили оценку «хорошо» [В бой за уголь, 1935, 27 февраля, № 29, л. 1]. С этого времени началась активная организация массовой сдачи ГТЭ. Не обошлось в этом плане без показательных судебных процессов, в которых обвинялись рабочие, не желавшие овладевать техникой правильного использования механизмов.

25 февраля 1935 года в клубе района № 4 рассматривалось уголовное дело по обвинению Александра Варламовича Конюхова и Павла Лазаревича Радченко по 79 статье уголовного кодекса РСФСР. Они обвинялись в том, что «во время своей работы в силу своей халатности и небрежности сломали электросверло, отнеслись к имеющимся механизмам варварски» [В бой за уголь, 1935, 8 марта, № 32, л. 4], за что были приговорены к году исправительно-трудовых работ. Одновременно с репрессивными мерами были широко развёрнуты меры агитационно-пропагандистского характера. На страницах местной газеты положительно освещались события успешной сдачи ГТЭ и, напротив, порицались работники, халатно и формально относившиеся к экзамену. Совокупность поощрительных и репрессивных мер уже вскоре принесла свои положительные результаты: всё большее количество работников проходили обучение по работе с механизмами, заканчивавшееся сдачей ГТЭ на положительные оценки.

26 февраля 1935 года на руднике произошло значимое событие. Специальная правительственная комиссия под председательством главного инже-

нера «Главугля» В. М. Бажанова утвердила смету и проект строительства нового шахтного высокомеханизированного гиганта — шахты «Капитальной» мощностью в 3 миллиона тонн угля ежегодно (это 10 тысяч тонн добычи в сутки). Для сравнения отметим, что в то время, когда было принято это решение, суточная добыча всего рудника составляла чуть более 3 тысяч тонн. Так что это было поистине грандиозное событие, которое могло уже в скором будущем (пуск шахты в эксплуатацию был намечен на 1 января 1939 года) вывести Киселёвский рудник на качественно иной уровень угледобычи. Сметная стоимость постройки самой шахты вместе со всеми подсобными предприятиями, обогатительной фабрикой и жилищно-коммунальной сферой определялась в 125 миллионов рублей. Данные затраты были оправданны, поскольку, согласно данным геологических разведок, запасы угля в месте закладки новой шахты составляли около 150 миллионов тонн, из них 60 % — уголь коксующихся марок. Предполагалось, что это позволит снабдить Сталинский и Магнитогорский заводы 6 тысячами тонн коксующегося угля ежесуточно [В бой за уголь, 1935, 8 марта, № 32, л. 4].

Другой ударной стройкой рудника была наклонная шахта № 5, строительство которой по плану должно было завершиться к 1 апреля 1937 года. Проектная мощность новой шахты определялась в 300 тысяч тонн угля ежегодно. Предполагалось, что Наклонная № 5 будет больше всех других наклонных шахт рудника, к тому же самой механизированной. Транспортировка угля должна была производиться электровозами, подъём — лебёдкой усовершенствованной конструкции. Предполагалась механизация процесса погрузки угля в железнодорожные вагоны, а также всех остальных трудоёмких работ. Повышенное внимание к шахте определялось тем, что именно на неё возлагалась добыча наиболее ценного угля марки «К» — коксующийся уголь.

В середине 1935 года на шахте была проведена работа по проходке ствола, поставлена временная подъёмная машина, было закончено около 50 % всех основных работ по строительству шахтовой надстройки. Была завершена проходка концентрационного штрека, и шахтёры 5-й Наклонной уже выдавали 5 тысяч тонн угля ежемесячно. Учитывая важность своевременного пуска новой шахты и параллельно с этим необходимость выполнения шахтой государственного плана угледобычи, сюда с наклонных шахт № 3 и 4 были переведены лучшие проходчики: Трайковский, Бычков и Рузанов. Всё это давало надежды на успешную реализацию планов выхода шахты на проектную производственную мощность в начале 1937 года [В бой за уголь, 1935, 22 июля, № 79, л. 2]. Таким образом, предполагалось, что во второй половине 1930-х годов Киселёвский рудник выйдет на качественно новый уровень развития, превратившись в одно из ведущих угледобывающих предприятий Кузбасса.

Благодаря коренной перестройке работы угледобывающих предприятий рудника к середине 1930-х годов в целом удалось вывести угледобычу из прорыва и обеспечить её поступательное динамичное развитие. Если за март 1933 года общий объём угледобычи рудника составил 43 620 тонн, то в марте 1935 года добыча составила 102 743 тонн, что означало 235 % роста. Вот лишь некоторые из фамилий рабочих, обеспечивших эту важнейшую производственную победу: мастера угля Алейников, Скударнов, Пунич, Лузан, Семитин, Кобзов, Кувшинников; горные мастера Малюгин, Куликов, Веснин, Сандаков [В бой за уголь, 1935, 9 июня, № 63, л. 1]. Всего за два года объёмы угледобычи на руднике выросли более чем вдвое.

Повышение уровня квалификации рабочих и служащих, реформирование системы управления угледобычей, установление типовых и понятных норм и расценок, в целом завершение отладки работы предприятий в условиях новой социалистической системы хозяйствования — ряд главных факторов, способствовавших столь значительному росту угледобычи [В бой за уголь, 1935, 11 апреля, № 43, л. 1]. Особенно значима была добыча киселёвского угля коксующихся марок, который в основном перерабатывался на Кемеровском коксохимическом заводе и использовался в работе доменных печей в качестве топлива. От работы угольной промышленности напрямую зависела промышленность металлургическая, являвшаяся важнейшим компонентом ускоренной индустриализации страны. «К»-угли в основном давали шахты № 1—2 и наклонная № 4 [В бой за уголь, 1935, 18 апреля, № 45, л. 1]. В середине 1930-х годов их добыча составляла более трети от всей угледобычи рудника. В середине 1930-х годов молодой советский Киселёвский рудник давал 10 % от всей угледобычи Кузбасса. Причём киселёвцам было к чему стремиться и у кого учиться: соседний Прокопьевский рудник в это время давал треть всей кузбасской угледобычи [В бой за уголь, 1935, 1 апреля, № 40, л. 2].

3.2. Методы и средства повышения производительности труда: социальное соревнование и стахановское движение

С целью повышения производительности труда к середине 1930-х годов на Киселёвском руднике в полной мере были обкатаны практики социалистического соревнования и ударничества как аналоги капиталистической конкуренции. Было бы неправильно думать, что в основе социального процесса лежал только идейный принцип. Безусловно, присутствовала (и порой значительная) материальная заинтересованность передовиков производства. Система материального поощрения была глубоко продумана и отличалась своеобразием. К примеру, на 5 декабря 1935 года был запланирован всекузбасский слёт горняков-ударников. Вместе с тем было объявлено всекузбасское соревнование горняков за досрочное вы-

полнение годовой производственной программы. Для ударников-рабочих, бригад, инженерно-технических работников, шахт были установлены переходящие мандаты, которые вручались тем, кто выполняет и перевыполняет плановые и производственные показатели. Делегатом слёта по итогам года становился тот, кто удерживал переходящий мандат. Всего было установлено 600 таких мандатов. Таким образом, шесть сотен как отдельно взятых рабочих, так и производственных коллективов должны были наградить по итогам года.

В этой связи руководители партийных и хозяйственных органов призывали горняков Киселёва *«драться за получение и удержание такого мандата»*: *«Будем бороться за переходящий мандат, добьемся права послать своих представителей на Всекузбасский слет ударников»* [В бой за уголь, 1935, 28 мая, № 59, л. 1]. В конечном итоге Киселёвский рудник получил 36 переходящих мандатов на Всекузбасский слёт ударников [В бой за уголь, 1935, 17 июня, № 66, л. 1]. Это были лучшие работники рудника середины 1930-х годов. Мандаты на шахте № 1—2 получили бригады Пушкарев, Алейников, Клиник и Скрипка, забойщики Зеленин, Андриянов и Лузан, электрослесарь Бородин, коногон Матвеев, горный мастер Малюгин. На шахте № 3 мандаты были удостоены Жаворонков и Голосов, бригадир Гончаров, начальник участка № 3 Берсенева, запальщики Поляков, Молощук и Рожков. На Афонинском шахтном комплексе мандаты были вручены лучшему бригадире всего Киселёвского рудника, премированному в 1934 году персональным автомобилем, Василию Семёновичу Подкорытову, бригадирам Скударнову и Двуреченскому, забойщикам Замфидзанову, Шерстневу, Бондаренко, Луковникову, электрослесарю Руденко, коногону Булавину, запальщикам Башкирцеву и Крендясову. На шахте № 4 мандатом был премирован Локтев, на шахте № 5 — Двуречинский [В бой за уголь, 1935, 21 июня, № 67, л. 1]. В конце июня 1935 года Всекузбасская комиссия по соревнованию шахт выделила на Киселёвской рудник ещё 23 мандата, которые были распределены в основном между управляющими и главными инженерами шахт [В бой за уголь, 1935, 28 июня, № 70, л. 1].

Для работников рудника расширенное участие в столь престижном форуме не только служило материальным вознаграждением, но и было делом чести и репутации. Причина в том, что ближайшим угольным соседом Киселёвского рабочего посёлка являлся город Прокопьевск. Статус города ему был присвоен ещё в самом начале 1930-х годов. Тогда на Прокопьевском руднике было занято более 8 тысяч рабочих, в то время как на Киселёвском — только полтысячи [Западно-Сибирский край, 1932, с. 212]. Если в Прокопьевске на момент 1931 года проживало почти 55 тысяч человек [Киселёвск], то в Киселёво на момент 1934 года проживало около

20 тысяч [В бой за уголь, 1935, 29 мая, № 60, л. 1]. В начале 1930-х годов к Прокопьевску прочно прикрепились почётное неофициальное звание «жемчужина Кузбасса» [Западно-Сибирский край, 1932, с. 210]. Одним словом, в первой половине 1930-х годов Киселёвский посёлок находился в тени своего соседа, что руководителей Киселёвского рудника, конечно же, не устраивало. Между тем вызов на Всекузбасское социалистическое соревнование горняков за досрочное выполнение плана по угледобыче бросили именно прокопьевские горняки как одни из самых передовых коллективов в Кузбассе в середине 1930-х годов [В бой за уголь, 1935, 28 мая, № 59, л. 1]. В этой связи местное киселёвское руководство ставило перед собой амбициозную задачу «превращения Киселёвки во второй Прокопьевск» [В бой за уголь, 1935, 29 мая, № 60, л. 1]. Имелось в виду более динамичное развитие угольной промышленности Киселево и обретение им городского статуса.

Материальная и репутационная заинтересованность рабочих и администрации, безусловно, стимулировала процессы выполнения и перевыполнения производственных показателей [В бой за уголь, 1935, 16 мая, № 54, л. 1]. Лучшие шахтёры и инженерно-технические работники рудника: Подкорытов, Катин, Фоменко, Овчинников, Локтев — поощрялись и морально, и материально, что, безусловно, побуждало их к самоотверженной трудовой деятельности. Информация о методах и приёмах повышения производительности труда в условиях социалистического соревнования широко была представлена в местной газете [В бой за уголь, 1935, 21 мая, № 56, л. 1]. Партийные органы всех уровней проводили качественно поставленную агитационную работу, в полной мере используя проверенную временем тактику «кнута и пряника», когда добросовестный труд всячески восхвалялся и поощрялся, а недобросовестный — осуждался и даже карался.

Уникальная социалистическая идеология, внедряемая партийными органами, укрепляла рабочих морально, способствовала их вере в трудовые подвиги ради светлого коммунистического настоящего и будущего. Трудовой настрой на самые высокие достижения был в рассматриваемый период просто феноменальным. Он вдохновлял на получение значимых производственных показателей и, без преувеличения, героический труд. Вся атмосфера хозяйственной и бытовой жизни 1930-х годов этому способствовала. Коллективная установка на высокие достижения, повышение уровня грамотности, образованности, постепенное улучшение качества жизни населения — всё это в конечном итоге мотивировало шахтёров к повышению производительности труда. Накануне Первомайского праздника 1935 года прошло торжественное заседание пленума Киселевского поссовета, на котором было принято постановление о том, чтобы выполнить годовой план

угледобычи в 1 220 000 тонн досрочно к 20 ноября и вывести Киселевский рудник «в число одних из мощных и передовых рудников Кузбасса» [В бой за уголь, 1935, 10 мая, № 52, л. 1].

Производственные успехи не заставили себя долго ждать. Первым о выполнении полугодового плана угледобычи 15 июня 1935 года отчитался коллектив рабочих и ИТР комплекса Афонинских шахт [В бой за уголь, 1935, 15 июня, № 65, л. 1]. 26 июня руководство шахты № 3 сообщило о том, что шахтёры полугодовое задание 1935 года в 153 000 тонн угля выполнили досрочно и обязались раньше нормативов к 20 ноября выполнить и годовой план [В бой за уголь, 1935, 26 июня, № 69, л. 1]. 29 июня руководство шахты № 1—2 заявило о досрочном выполнении полугодового плана в 168 000 тонн. Лучшими ударниками угледобычи здесь были признаны работники, обеспечившие досрочное выполнение полугодового плана: Овчинников, Малюгин, Скрипко, Пушкарев, Клиник, Охрименко, Зеленин, Андриянов, Лузан и Матвеев [В бой за уголь, 1935, 29 июня, № 71, л. 1]. Наконец, в июле рудник в целом, первый среди всех кузбасских угледобывающих предприятий, отчитался о досрочном выполнении полугодовой программы угледобычи. В этой связи центральная газета Сибири «Советская Сибирь» целую отдельно взятую полосу посвятила этой победе киселёвцев [Советская Сибирь, 1935, 18 июля, № 155, л. 1].

В результате можно утверждать, что это был взлёт Киселевского рудника, по историческим меркам практически одномоментный. Если ещё в 1931 году на руднике было добыто 121 116 тонн угля, то на 1935 год планировалось добыть 1 220 000 тонн, то есть ровно в 10 раз больше, и работники предприятия не только справлялись с поставленной задачей, но и делали это досрочно. Таким образом, в кратчайшие сроки рудник не просто получил развитие, но вышел на лидирующие позиции, причём во всём Кузбассе. Однако заметим, что это имело неоднозначные последствия. С одной стороны, рудник получил мощнейшую потенцию к развитию, с другой — теперь перед рудником стояла сложная и ответственная задача держать соответствующий уровень, не сдавая лидирующих позиций. 9 августа 1935 года на руднике произошло знаменательное событие — из Ленино на комплекс Афонинских шахт прибыла первая врубовая машина «БШ» Донецкого производства. Она была установлена на Горелом пласту наклонной шахты № 4 и закреплена за самыми перспективными бригадами рудника Подкорытова и Косенкова [В бой за уголь, 1935, 16 августа, № 89, л. 1].

В сентябре 1935 года страну в целом и рудник в частности охватило «стахановское» движение». Поиск новых подходов к организации труда с целью повышения его производительности отныне стал одним из доминирующих факторов в развитии не только угольной, но и всех других отраслей

промышленности. Самым первым актом развития стахановского движения на руднике была инициатива горного мастера Батаева. Он, будучи главным редактором стенной газеты «Проходчик», прочитав ряд сообщений центральной прессы о рекордной производительности труда стахановцев, собрал с рабочих письма с предложениями внедрения стахановских методов работы на руднике и опубликовал их в двух номерах стенной газеты. Теорию он решил применить на практике и первым на руднике в своей смене использовал стахановские методы работы [В бой за уголь, 1935, 7 ноября, № 116, л. 5], что вызвало отклик у других рабочих. Главным для киселёвских шахтёров стал лозунг «Стахановский метод — участкам и шахтам Киселёвки». Прежние «ударники» «переквалифицировались» в «стахановцев» в поиске новых средств и методов многократного повышения производительности шахтёрского труда [В бой за уголь, 1935, 7 ноября, № 116, л. 1]. Так, первым стахановцем шахты № 3 был объявлен забойщик Андрей Платонович Панфилов. Он в первую смену 22 сентября, используя кайло, за 4 часа вырубил 86 тонн угля. Работал он в уступах на пласту «2 — бис» при падении пласта в 76°. С Панфиловым также работало четыре крепильщика, которые одновременно доставляли лес и убирали вырубленный уголь. Вырубив по 21,5 тонны в час, шахтер заработал 86 рублей, сэкономил на взрывчатых материалах 10 рублей, снизив себестоимость добычи угля только на одних взрывчатых на 12 копеек за тонну. Местная газета сообщала: «При выходе из шахты Панфилова встретили рабочие шахты, начальник участка и управляющий шахтой. Присутствующие приветствовали первого стахановца» [В бой за уголь, 1935, 23 сентября, № 102, л. 1].

С этого времени повсеместно, на всех участках и шахтах рудника, начинается внедрение «стахановских» методов работы, и рекорды ставятся один за другим. 27 сентября 1935 года было объявлено о рекорде бригадира-проходчика шахты Капитальной Ивана Дементьевича Тузовского. 23 сентября он, работая отбойным молотом, дал 1,5 метра уходу в основном штреке и 1,2 метра в параллельном штреке. Таким образом, техническая норма за смену была выполнена им на 446 %. За эту рекордную смену он заработал 38 рублей без «прогрессивки». С И. Д. Тузовским работали крепильщики Н. Шиков, И. Береснев и откатчик Климов [В бой за уголь, 1935, 27 сентября, № 103, л. 1].

Местная периодическая печать начинает публиковать сообщения об индивидуальных рекордах передовиков-стахановцев. К примеру, 27 сентября забойщик Зеленин за 6 часов работы в основном штреке вырубил 18 тонн угля, таких же результатов добился забойщик Скрипко (шахта № 1—2), забойщик Юнда, работая в уступе кайлом, вырубил 67 тонн (шахта № 3), бурильщик Яшкин за два часа работы в камере дал 108 тонн угля,

забойщик Баранов за 6 часов дал 82 тонны (шахта № 4), забойщик Фомичев за два часа работы в помойнице электросверлом дал 10 тонн, забойщик Шкарупа за три часа работы в лаве вырубил 22 тонны угля (шахта № 5) и т. д. В число первых передовых стахановцев рудника вошли: бригадир стахановской бригады товарищ Скрипко, забойщики Зеленин и Стрепков (шахта № 2), комсомолец-забойщик Дружинин и профорганизатор-забойщик товарищ Шишкин (шахта № 4).

Когда рабочие овладели стахановскими методами производства, им удалось удвоить, а в ряде случаев и утроить производительность труда. Успехи киселёвских шахтёров не остались незамеченными. С целью заимствования передового опыта Киселёвки 28 сентября на рудник прибыли представители анжерских и ленинских горняков. Киселёвцы поделились рецептами производственных успехов со своими коллегами, наглядно продемонстрировав им образцы высоких шахтёрских достижений [В бой за уголь, 1935, 29 сентября, № 104, л. 1]. Лучшим стахановцем рудника признавался забойщик шахты № 1—2 Федор Илларионович Зеленин. Он не останавливался на достигнутых рекордах и постоянно увеличивал рекордную планку. 8 октября он на четвертом внутреннем пласту в основном штреке дал уходу 2,3 метра, а на втором внутреннем пласту — 1,7 погонных метров, а всего 4 метра за 4 часа, за что получил 58 рублей. С ним были крепильщик Андреянов и откатчик Макенов, заработавшие за 4 часа работы 41 рубль и 34 рубля соответственно [В бой за уголь, 1935, 11 октября, № 108, л. 1]. Уже 10 октября за установленный рекорд Зеленин был премирован радиоустановкой «ОКЛ — 34» стоимостью 650 рублей [В бой за уголь, 1935, 15 октября, № 109, л. 2]. Ровно через 20 дней, 28 октября, Зеленин ставит новый рекорд. В первую смену, работая кайлой с применением электросверла в основных штреках он дал уходу 4,5 погонных метра, своё сменное задание выполнив на 300 %. Тогда же он поставил перед собой новую сверхзадачу — достигнуть ухода в 5 метров [В бой за уголь, 1935, 30 октября, № 114, л. 1].

С октября 1935 года работать по стахановскому методу стало не только почётно, но и выгодно. В начале октября между ЦК Союза угольщиков Востока СССР и трестом Кузбассуголь было заключено соглашение «Об оплате рабочих, работающих по стахановскому методу на пластах с крутым падением», согласно которому для стахановцев, трудившихся на выемке угля на крутых пластах, повышались тарифные ставки, им осуществлялись доплаты, премии [В бой за уголь, 1935, 8 октября, № 107, л. 1]. 10 октября 1935 года по Киселёвскому рудоуправлению вышел указ о переводе на стахановский метод работы отдельных участков и целых шахт рудника [В бой за уголь, 1935, 15 октября, № 109, л. 2].

20 октября в Центральном клубе угольщиков состоялся Первый слёт стахановцев Киселёвского рудника. Всего на слёте присутствовало 460 человек: 210 — с правом решающего голоса и 250 гостей — рабочих, служащих, домохозяек. Слёт одобрил мероприятия рудоуправления по переводу всех шахт рудника с 1 ноября на стахановские методы работы. На слёте также были премированы ценными подарками девять забойщиков и бурильщиков — первых стахановцев рудника, а также лучший горный мастер комплекса Афонинских шахт [В бой за уголь, 1935, 22 октября, № 111, л. 1].

4. Заключение = Conclusions

Уверенность и решительность киселёвских шахтёров, применение стахановских методов организации труда, его механизация, материальная заинтересованность рабочих в результатах своей работы — всё это в той или иной мере способствовало выполнению главной задачи. 5 ноября 1935 года управляющий Киселёвским рудником А. И. Курагин рапортовал о стопроцентном и досрочном выполнении рудником плановых показателей по добыче 1 220 000 тонн угля [В бой за уголь, 1935, 7 ноября, № 116, л. 1]. В это время Киселёвский рудник был одним из самых динамично развивающихся рудников всего Кузбасса.

В ноябре 1935 года жюри Всекузбасского соревнования угольных рудников издало постановление, которое начиналось следующим образом: «За десять месяцев 1935 года Кузбасс добыл 11 350 185 тонн угля. План за десять месяцев выполнен на 95 %, причём из всех каменноугольных рудников Кузбасса десятимесячный план полностью выполнен только Киселевским рудником...» [В бой за уголь, 1935, 30 ноября, № 124, л. 1]. С этого времени именно на Киселёвский рудник региональными партийными органами возлагались особые надежды по выполнению Кузбассом годового производственного плана. Заведующий промышленным отделом Крайкома ВКП (б) Принцев телеграфировал в Киселёвку: «Крайком партии пристально следит за работой вашего рудника. Последние дни вы дали прекрасные показатели угледобычи. Теперь ваша задача заключается в том, чтобы достигнутых темпов не сдать, чем обеспечить досрочное выполнение плана по всему Кузбассу» [В бой за уголь, 1935, 2 декабря, № 125, л. 2]. Таким образом, расслабляться и останавливаться на достигнутом руднику было никак нельзя. В начале декабря Р. И. Эйхе докладывал И. В. Сталину о том, что Киселевский рудник «единственный в Кузбассе, выполнил досрочно годовую программу угледобычи» [В бой за уголь, 1935, 5 декабря, № 126, л. 1]. Показатели работы Киселёвского рудника за 1935 год представлены в рамках статистической таблицы (табл. 1) [В бой за уголь, 1936, 1 января, № 1, л. 1].

Таблица 1

Показатели угледобычи Киселёвского рудника в 1935 году

Шахта	Угледобыча, тысяч тонн		%	Зольность, %	
	план	факт		стандарт	факт
№ 1—2	378	426	113	10	9
№ 3	305	380	125	9	8
№ 4	153	171	111	14	11
№ 5	29	33	114	11	10
Афонино	355	479	135	8	7
Всего	1220	1490	122	10	8
Механизированная	650	843	130	1935 год	
«К»-марка	106	123	116		

Производственный потенциал Киселёвского рудника в сравнении с остальными угледобывающими предприятиями Кузбасса в первой половине 1930-х годов демонстрирует следующая статистическая таблица (табл. 2) [Западно-сибирский край в новых цифрах, 1935, с. 39].

Таблица 2

Объёмы угледобычи по рудоуправлениям Кузбасса
в первой половине 1930-х годов (измерение в тысячах тонн)

№ в рейтинге (на 1934 год)	Рудоуправление	1932	1933	1934
1	Прокопьевское	1933	2637	3637
2	Анжеро-Судженское	1871	1795	2057
3	Ленинское	1420	1785	2050
4	Киселёвское	245	831	1156
5	Осиновское	453	588	887
6	Кемеровское	526	708	700
7	Араличевское	332	553	674
8	Кузбассуголь	6780	8897	11161

Киселёвский рудник к середине 1930-х годов по объёму угледобычи занимал срединное положение в Кузбассе. В тройке признанных лидеров кузбасской угледобычи находились Прокопьевский, Анжеро-Судженский и Ленинский рудники. В 1934 году именно на них добывалось 2/3 (70 %) всего кузбасского угля. Самым передовым в это время был ближайший сосед Киселёвки Прокопьевский рудник — «жемчужина Кузбасса», — дававший более трети всей угледобычи Кузбасса. Замыкали список угледо-

бывающих предприятий Кузбасса по объёму угледобычи Осиновский, Кемеровский и Араличевский рудники: на их совокупную долю приходилось 20 % всей кузбасской угледобычи.

10 % кузбасской угледобычи приходилось на рудник Киселёвский. Его преимущество заключалось в том, что он имел громадный потенциал развития и по всем производственным показателям был готов войти в первую тройку. В 1932 году Киселёвский рудник начинал с самых низких показателей: по объёмам угледобычи его опережали все кузбасские рудники, но к середине десятилетия Киселёвка не только твёрдо держала четвертую позицию после гигантов, но и сделала самую серьёзную заявку на лидерские позиции. Если Прокопьевский рудник с 1932 по 1934 годы увеличил добычу почти в два раза, а Ленинский в полтора раза, то Киселёвский рудник увеличил добычу в указанный период в 5 раз.

1935-й производственный год Киселёвский рудник завершил выполнением годовой программы угледобычи на 56 дней раньше срока, выдав сверх плана 269 тысяч тонн угля и сэкономив при этом полтора миллиона рублей. Этой победой Киселёвка справедливо заслужила почётное первое место в социалистическом соревновании каменноугольных рудников Кузбасса. В 1935 победном году Киселёвский рудник перевыполнил государственное производственное задание по всем без исключения показателям: 1) объёмам угледобычи; 2) объёмам механизированной угледобычи; 3) объёмам добычи коксующегося угля; 4) проценту угольной зольности. Причём на руднике не было отстающих шахт, более того, все давали равные показатели, лишь Афонинские штольни традиционно несколько вырвались вперёд. На 1936 год была запланирована добыча в 1 800 000 тонн [В бой за уголь, 1935, 1 января, № 1, л. 1]. Динамика развития рудника на протяжении первой половины 1930-х годов свидетельствовала о том, что рудник с поставленной задачей успешно справится. Положительная динамика ключевых производственных показателей по руднику за период первой половины 1930-х годов представлена в таблице (табл. 3).

Таблица 3

Динамика ключевых производственных показателей
Киселёвского рудника в первой половине 1930-х годов

Показатель	1931 год	1932 год	1933 год	1934 год	1935 год
Объём угледобычи в тоннах	121116	244508	822015	1137473	1220000
Себестоимость тонны, руб.	17	12	12	12	12
Кадровая численность, чел.	2196	3013	4135	5257	5474

Источник: [Западно-сибирский край в новых цифрах, 1935, с. 40—41].

В целом к середине 1930-х годов Киселёвский рудник имел самую высокую динамику угледобычи в Кузбассе. Выбившись в кузбасские лидеры, в середине 1930-х годов Киселёвск уверенно держал знамя первенства в области своевременного выполнения и перевыполнения государственных плановых заданий. В этой связи Киселёвский рудник играл свою пока малую, но довольно значительную роль в деле становления Урало-Кузнецкого комбината. Набранные в первой половине 1930-х годов высокие темпы развития способствовали относительной стабильности рудника во второй половине 1930-х годов, несмотря на репрессии, обрушившиеся на предприятие впоследствии.

Источники и принятые сокращения

1. *В бой за уголь* : [газета]. — 1935.
2. *Западно-сибирский край* в новых цифрах и границах : краткий статистический справочник. — Новосибирск : Зап.-Сиб. КУНХУ, 1935. — 185 с.
3. *Западно-Сибирский край* : материалы по экономике края. — Новосибирск : Запсибуправление нархозучета, 1932. — Ч. II : Районы Запсибкрая.
4. *Киселёвск* // Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой Город». — Режим доступа : http://www.mojgorod.ru/kemerovsk_obl/kisiljovsk/ (дата обращения: 20.06. 2022).
5. *Советская Сибирь* : [газета]. — 1935.

Литература

1. *Агеев Н. К.* Киселевск — город шахтеров и машиностроителей / Н. К. Агеев. — Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 1972. — 108 с.
2. *Алифференко В. М.* Киселевск : 65 лет [Посвящается юбилею города] / В. М. Алифференко и др. — Новокузнецк : Новокузнецкий полиграфкомбинат, 2001. — 48 с. — ISBN 5-8441-0038-7.
3. *Бакунин А. В.* Урало-Кузбасс / А. В. Бакунин // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург : Академкнига, 2000. — С. 547—549. — ISBN 5-93472-019-8.
4. *Долматов В. А.* Киселевск в моей судьбе. История города со страниц «Киселевских вестей» / В. А. Долматов, Т. Ф. Шамаева. — Киселевск : Редакция газеты «Киселевские вести», 2001. — 263 с.
5. *Каймашикова Е. Б.* История становления и развития угольно-металлургических городов Кузбасса в 20-е — середине 80-х гг. XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. Б. Каймашикова. — Кемерово, 2004. — 221 с.
6. *Кустова Н. Ф.* Формирование и развитие малых и средних городов Кузбасса в условиях тоталитарной системы, конец 20-х — начало 50-х гг. XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Ф. Кустова. — Кемерово, 2000. — 240 с.
7. *Леухова М. Г.* Становление второй угольной базы на Востоке страны, 1928—1937 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. Г. Леухова. — Кемерово, 2000. — 248 с.
8. *Угольная промышленность Кузбасса. 1721—1996.* — Кемерово : Книжное издательство, 1997. — 303 с. — ISBN 5-7550-0430-7.
9. *Угольный Кузбасс* : страницы истории. — Кемерово : Агентство рекламных форм, 2005. — 428 с.

10. Шамаева Т. Ф. Киселевск в моей судьбе. История города со страниц «Киселевских вестей»: избранное / Т. Ф. Шамаева — Киселевск: Издательский дом «Киселевские вести», 2006. — Т. 1. — 696 с. — ISBN 5-902432-01-4.

Material resources

In the battle for coal: [newspaper]. (1935). (In Russ.).
Kiselevsk. *People's encyclopedia of cities and regions of Russia "My City"*. Available at: http://www.mojgorod.ru/kemerovsk_obl/kisiljovsk/ (access 20.06. 2022). (In Russ.).
Soviet Siberia: [newspaper]. (1935). (In Russ.).
The West Siberian Region in new figures and borders: a brief statistical handbook. (1935). Novosibirsk: Zap.-Siberian Kung FU. 185 p. (In Russ.).
West Siberian region: materials on the economy of the region, II: Districts of Zapsibkray. Novosibirsk: Zapsibpravlenie narkhozucheta. (In Russ.).

References

Ageev, N. K. (1972). *Kiselevsk — the city of miners and machine builders*. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House. 108 p. (In Russ.).
Aliferenko, V. M., et al. (2001). *Kiselevsk: 65 years [Dedicated to the anniversary of the city]*. Novokuznetsk: Novokuznetsk Polygraph Combine. 48 p. ISBN 5-8441-0038-7. (In Russ.).
Bakunin, A. V. (2000). Ural-Kuzbass. In: *Ural Historical Encyclopedia*. Yekaterinburg: Akademkniga. 547—549. ISBN 5-93472-019-8. (In Russ.).
Coal industry of Kuzbass. 1721—1996. (1997). Kemerovo: Book Publishing House. 303 p. ISBN 5-7550-0430-7. (In Russ.).
Coal Kuzbass: pages of history. (2005). Kemerovo: Agency of advertising forms. 428 p. (In Russ.).
Dolmatov, V. A., Shamaeva, T. F. (2001). *Kiselevsk in my destiny. The history of the city from the pages of "Kiselev news"*. Kiselevsk: Editorial office of the newspaper "Kiselevskie vesti". 263 p. (In Russ.).
Kaymashnikova, E. B. (2004). *History of formation and development of coal-metallurgical cities of Kuzbass in the 20s — mid-80s of the XX century*. PhD Diss. Kemerovo. 221 p. (In Russ.).
Kustova, N. F. (2000). *Formation and development of small and medium-sized cities of Kuzbass in the conditions of the totalitarian system, late 20s — early 50s of the XX century*. PhD Diss. Kemerovo. 240 p. (In Russ.).
Leukhova, M. G. (2000). *Formation of the second coal base in the East of the country, 1928—1937*. PhD Diss. Kemerovo. 248 p. (In Russ.).
Shamaeva, T. F. (2006). *Kiselevsk in my destiny. The history of the city from the pages of "Kiselev news": favorites, 1*. Kiselevsk: Publishing House "Kiselev News". 696 p. ISBN 5-902432-01-4. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.09.2022,
одобрена после рецензирования 03.11.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.

Корженевский К. Б. Российско-казахстанское пограничье : от административных границ Казахстана в рамках РСФСР до современных государственных рубежей / К. Б. Корженевский // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 373—391. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-373-391.

Korzhenevsky, K. B. (2022). Russian-Kazakhstan Borderland: from Administrative Borders of Kazakhstan in RSFSR to Modern State Borders. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 373-391. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-373-391. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-373-391

Российско-казахстанское пограничье: от административных границ Казахстана в рамках РСФСР до современных государственных рубежей

**Корженевский Константин
Брониславович**^{1,2}

orcid.org/0000-0001-8650-9315

кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
кафедра истории России
и документоведения,
лаборант-исследователь,
лаборатория междисциплинарных
исследований пространства
K0nstantin_Lg@mail.ru

¹Нижевартовский государственный
университет
(Нижевартовск, Россия)

²Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена
при финансовой поддержке
гранта Правительства РФ,
проект № 075-15-2021-611
«Человек в меняющемся пространстве
Урала и Сибири»

Russian-Kazakhstan Borderland: from Administrative Borders of Kazakhstan in RSFSR to Modern State Borders

Konstantin B. Korzhenevsky^{1,2}

orcid.org/0000-0001-8650-9315

PhD in History, Senior Lecturer,
Department of Russian History
and Documentation Research,
Laboratory Assistant,
Laboratory for Interdisciplinary
Space Studies
K0nstantin_Lg@mail.ru

¹Nizhnevartovsk State University
(Nizhnevartovsk, Russia)

²Tyumen State University
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The work was financially
supported by the grant of the Government
of the Russian Federation,
project № 075-15-2021-611
“Man in the changing space
of the Urals and Siberia”

© Корженевский К. Б., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблематика становления российско-казахстанской пограничной линии. Проводится анализ существующих на сегодняшний день территориальных претензий и рисков со стороны соседних государств к Российской Федерации, а также современного состояния дел в обществе, науке и политике в отношении российско-казахстанского пограничья. Изучаются сведения, подтвержденные архивными материалами, по разграничительным процессам, проведенным в советский период, по всей линии соприкосновения двух государств. Анализируются основные факторы, влиявшие на формирование границ, а также показывается вся сложность спорных вопросов и существовавшие пути их решения. Делается вывод, что существующая на сегодняшний день государственная граница между Россией и Казахстаном была сформирована в 1920—1930-е годы путем нивелирования подавляющего большинства спорных моментов, на основе их всестороннего рассмотрения в различных инстанциях. При этом исторически обоснованные данные, представленные в статье, показывают несостоятельность имеющихся на сегодняшний день претензий национальных элит казахстанской стороны, доказывая историческую правомерность существующей российско-казахстанской пограничной линии. Делается вывод, что государственные власти России и Казахстана не поднимают вопрос о границах, что способствует сохранению стабильности в отношениях двух государств.

Ключевые слова:

административно-территориальное разграничение; Алтай; Казахстан; Поволжье; пограничные конфликты; РСФСР; Сибирь; Урал.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problems of the formation of the Russian-Kazakh border line are considered. An analysis of the current territorial claims and risks from neighboring states to the Russian Federation, as well as the current state of affairs in society, science and politics in relation to the Russian-Kazakh border is made. Information, confirmed by archival materials, is analyzed on the demarcation processes carried out in the Soviet period along the entire line of contact between the two states. The main factors that influenced the formation of borders are studied, as well as the complexity of the controversial issues and the existing ways to solve them are shown. It is concluded that the current state border between Russia and Kazakhstan was formed in the 1920s—1930s by leveling the vast majority of controversial issues, on the basis of their comprehensive consideration of various authorities. At the same time, the historically substantiated data presented in the article show the inconsistency of the current claims of the national elites of the Kazakh side, proving the historical legitimacy of the existing Russian-Kazakh border line. It is concluded that the state authorities of Russia and Kazakhstan do not raise the issue of borders, which contributes to maintaining stability in relations between the two states.

Key words:

administrative-territorial delimitation; Altai; Kazakhstan; the Volga region; border conflicts; RSFSR; Siberia; Ural.

Российско-казахстанское пограничье: от административных границ Казахстана в рамках РСФСР до современных государственных рубежей

© Корженевский К. Б., 2022

1. Введение = Introduction

Современные границы Российского государства прошли долгий путь формирования в период становления советского государства в первые десятилетия своего существования, дальнейшего уточнения территориальной линии по ряду направлений в последующий советский период и юридического закрепления государственных границ в постсоветский период. При этом российские рубежи с бывшими советскими республиками прошли достаточно сложную процедуру размежевания. Все разграничительные процессы сопровождались разрешением большого числа споров на основе всестороннего изучения и обсуждения заинтересованными сторонами, достижения договоренностей и определения разграничительной линии на местах.

Между тем в настоящее время от представителей соседних государств поступают претензии о неверности пограничной линии, установленной в XX веке, и необходимости пересмотра как самих соглашений, достигнутых в прошлом, так и корректировки границы не в пользу России.

Так, представители Латвийской республики заявляют о необходимости отторжения от России в их пользу Пыталовского района Псковской области, настаивая на соблюдении договоренностей Рижского договора 1920 года, по которому означенная территория отошла к Латвии [Иванов, 2021]. Власти прибалтийского государства не признают факт возвращения Пыталовского района обратно в РСФСР в 1944 году после включения Латвийской республики в состав СССР, считая эти земли исконно своими.

Эстонская сторона предъявляет претензии на правобережье Нарвы и Печорский район Псковской области. Данная территория, согласно Тартускому мирному договору 1920 года, заключенному между РСФСР и Эстонской республикой, была закреплена за прибалтийским государством, однако после вхождения Эстонии в состав Советского Союза указом Верховного Совета была передана обратно России [Ивановский, 2019].

Украинская сторона также в течение продолжительного периода, придерживаясь идеи объединения территорий, заселенных в прошлом выходцами с территории современного Украинского государства, не раз высказывала претензии на ряд российских областей, в том числе на Кубань,

Ставрополье, пограничные районы Брянской, Курской, Воронежской областей [Территориальные ..., 2018].

Такие притязания на российские территории, которые всё чаще и чаще звучат от официальных лиц соседних государств, приводят к осложнению межгосударственных отношений и создают необходимость для российского руководства отвечать на подобного рода умозаключения.

Современная государственная граница между Россией и Казахстаном прошла долгий путь становления и укрепления. На начальном этапе формирования разграничительной линии проходило в условиях процессов определения административно-территориальных границ Казахской республики внутри РСФСР с 1920 по 1936 годы. Далее, вплоть до 1991 года, шло уточнение границ между двумя союзными республиками в рамках единого советского государства, и лишь с обретением независимости административно-территориальная граница России и Казахстана стала государственной.

При этом отметим, что территория Казахстана являлась неотъемлемой частью России вплоть до обретения ею союзного статуса в декабре 1936 года, что является немаловажным фактором в вопросах формирования границ. Тем самым ни о какой государственной границе изначально речи не шло. Однако именно разграничительные процессы, проходившие в 1920—1930-е годы между территорией Казахстана и остальной частью РСФСР, являются наиболее важными, так как административно-территориальная граница, сформированная внутри единого государства, впоследствии стала национально-государственной границей между Российской Федерацией и Республикой Казахстан.

На сегодняшний день проблема формирования границ РСФСР в начальный период существования советского государства является достаточно актуальной, что подтверждается широким кругом опубликованных материалов различного уровня.

Среди исследований, посвященных вопросам определения внешних границ России с сопредельными территориями, можно выделить труды Е. Ю. Борисенко [Борисенко, 2005], Е. В. Архиповой [Архипова, 2014], М. И. Старовойтова [Старовойтов, 2019], И. В. Татаринова [Татаринов, 2020]. Проблематика административно-территориального размежевания между субъектами РСФСР и определения их границ отражена в работах Е. К. Минеевой [Минеева, 2007], И. Л. Жеребцова [Жеребцов, 2011], С. А. Файзуллина [Файзуллин, 2015], А. В. Аверьянова [Аверьянов, 2017]. В исследованиях Н. И. Разгон [Разгон, 2003], Е. В. Мухиной [Мухина, 2004], С. В. Голунова [Голунов, 2005], В. А. Кокшарова [Кокшаров, 2012] изучены процессы, определившие административно-территориальные границы Казахской республики в составе РСФСР.

В то же время комплексных исследований, в которых уделено внимание историческим основам становления пограничной линии РСФСР в конце 1910—1930-х годов, в современной исторической науке представлено не так много. Вследствие этого в данной работе ставится задача провести анализ обусловленности и исторической справедливости формирования разграничительной линии России на примере российско-казахского пограничья.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической основой исследования выступает модернизационный подход, который позволяет проследить процесс общественно-политической и экономической трансформации, активно разворачивавшейся как в первые десятилетия существования советского государства, так и в последующие периоды советской и постсоветской действительности на приграничных территориях России и Казахстана.

Источниковую базу исследования составляют материалы, хранящиеся в ряде российских и казахстанских архивов: Государственном архиве Российской Федерации (фонд Р. 393 «Народный комиссариат внутренних дел РСФСР» и фонд Р. 5677 «Административная комиссия при президиуме ВЦИК»), Центральном архиве Республики Казахстан (фонд Р-196 «Постоянное представительство Совета Министров Казахской ССР при Совете Министров СССР»), Историческом архиве Омской области (фонд Р-26 «Омский губревком» и фонд Р-27 «Исполком Омского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»), Государственном архиве Новосибирской области (фонд Р-1 «Сибирский революционный комитет»), Северо-Казахстанском государственном архиве (фонд 43 «Петропавловский уездный исполком советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» и фонд 55 «Акмолинский губисполком советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов») и Объединенном государственном архиве Оренбургской области (фонд Р. 1 «Исполком Оренбургского губернского совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов» и фонд 4 «Оренбургский окружной комитет ВКП(б)»).

В представленных фондах хранятся материалы об установлении границ Казахской автономии с сопредельными территориями РСФСР, документы по национально-государственному строительству в РСФСР и СССР, а также документы о формировании административно-территориальной системы Казахской автономии, уральских и сибирских губерний и областей.

В работе также используются исторические материалы, опубликованные в Собраниях узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР за 1920, 1925, 1928 годы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Современное состояние проблемы

Государственная граница России и Казахстана начала формироваться после создания Киргизской АССР в составе РСФСР в августе 1920 года. (Казахский народ и автономия несколько раз в 1920—1930-х годах меняли своё наименование, вплоть до июня 1925 года автономия именовалась Киргизской, повсеместно использовался термин *Киргизия*, далее, до февраля 1936 года — *Казакской АССР*, или *Казакстаном*, и только после 5 февраля 1936 года республика получила свое современное наименование — Казахская республика, или Казахстан. Для исторической правомерности в работе будет использоваться терминология в зависимости от временных рамок). Этому в свою очередь предшествовали достаточно продолжительные подготовительные работы, в том числе и в области определения границ создаваемого субъекта.

Согласно принятым решениям, в границы автономной республики должны были быть включены территории, населенные преимущественно киргизским населением. Однако постановление ВЦИК и СНК определило только перечень областей, подлежащих отнесению к Киргизской АССР, но сама пограничная линия подлежала формированию на основе решений заинтересованных сторон.

Основные работы по размежеванию продолжались до обретения республикой союзного статуса в декабре 1936 года, а уже после, вплоть до развала Советского Союза, разграничение территорий проходило точно, в рамках небольших корректировок на уральском и поволжском направлениях.

В 1990-е годы после обретения Казахстаном и Российской Федерацией независимости первоочередной задачей являлось проведение всех работ по делимитации и демаркации разграничительной линии между двумя суверенными государствами.

К осени 2000 года специальная двухсторонняя комиссия по делимитации начала работу по практическому определению границы. В процессе этой работы было выявлено 18 потенциально конфликтных участков. В целом разногласия между российской и казахстанской сторонами были обусловлены несоответствием ведомственной принадлежности ряда участков, а также наличием полезных ископаемых [Голунов, 2005, с. 66]. В 2005 году все работы были окончены, что позволило окончательно установить границу между государствами.

На современном этапе официально вопросы о необходимости пересмотра существующих границ между Россией и Казахстаном не стоят, что подкрепляется экономическими, социально-политическими и культурными связями между двумя государствами, а также непосредственно конструктив-

ным взаимодействием руководства по поддержанию мира и порядка в регионе. То же самое наблюдается и в научной среде. При этом в казахстанской историографии можно проследить тенденции к переосмыслению прошлого Казахстана, поиску героев и борцов за независимость, критическому восприятию советской действительности, однако непосредственного призыва к пересмотру границ в научной среде Казахстана не наблюдается. В то же время неофициально, на уровне социальных сетей и мессенджеров от представителей казахских элит, в том числе облеченных властью, от исследователей и обывателей звучат заявления о несправедливости границ, необходимости их пересмотра. А вот со стороны России такие суждения высказывают в большинстве случаев только простые граждане.

Из наиболее явных пограничных вопросов, которые обсуждаются в социальных сетях, являются статус Оренбурга и Омска, принадлежность горнорудного Алтая, а также Петропавловска, Кокчетавы и Павлодара.

Разграничительная линия, сформированная между Россией и Казахстаном в советский период, в настоящее время является твердой, не подлежащей пересмотру, что подтверждается официальными договоренностями между странами. Однако в силу современных тенденций переосмысления советского государственного строительства и попыток государств, соседей России, выдвинуть претензии на пересмотр границ важным фактором является наличие исторически подтвержденных оснований разграничительных процессов, базирующихся на социально-экономических, национально-политических, этнодемографических и других факторах, обосновывающих нерушимость государственных границ.

3.2. Формирование границ Казахстана с сибирскими территориями России

Границы России с Казахстаном, являясь самыми протяженными рубежами обеих стран с сопредельными государствами, формировались по территории Алтая, Сибири, Урала и Поволжья. При этом спорные территориальные вопросы на разных участках границы являлись во многом уникальными, непохожими друг на друга.

После создания Киргизской автономной республики в конце лета 1920 года первоначальной задачей являлось закрепление в составе республики тех областей, о которых говорилось в декрете ВЦИК и СНК. Акмолинская и Семипалатинская области ко времени образования Киргизской АССР временно находились под контролем Сибревкома, вследствие чего первым делом в разграничении территорий являлся переход этих территорий под полный контроль киргизских властей.

В отношении Семипалатинской области (с декабря 1920 года губернии) спорных вопросов не выдвигалось, сибирская сторона претендовала

лишь на Иртышский экономический район и соленые озера Павлодарского уезда, однако центральная власть, основываясь на прошениях Киргизского ЦИК, придерживалась позиции установления полного контроля над семипалатинскими землями со стороны Киргизии.

С вопросом закрепления акмолинской территории в составе автономии дело обстояло сложнее. К моменту создания Киргизской АССР Акмолинская область была ликвидирована и образована Омская губерния, куда временно были включены все уезды бывшей области. Сибирские власти претендовали на Петропавловский, Кокчетавский и Омский уезды, однако в связи с твердой позицией Москвы почти вся территория бывшей Акмолинской области, за исключением Омского уезда, была переведена под контроль киргизского руководства. 25 апреля 1921 года была образована Акмолинская губерния в составе Киргизской АССР [СКГА, ф. 55, оп. 7, д. 1, л. 1], а 11 мая Сибревком своим указом постановил считать переход территории Акмолинской и Семипалатинской губерний в Киргизию оформленным [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 582, л. 9].

Параллельно с отнесением территории Акмолинской губернии в состав Киргизской республики рассматривался вопрос и о статусе Омского уезда. Была создана специальная разграничительная комиссия, которая начала работу в начале января 1921 года [ГАРФ, ф. р.5677, оп. 2, д. 271, л. 1]. В ходе заседаний комиссии были выявлены разные подходы в размежевании территории уезда, однако в конечном итоге заинтересованным сторонам удалось прийти к соглашению. К маю 1922 года была проведена основная работа по разделению уезда, в результате чего Омский уезд разбили на две почти равные половины с переходом южной части, включая ряд волостей, населенных русскоязычными жителями, в состав Киргизской республики.

После разделения Омского уезда с мест стали поступать ходатайства о переходе русскоязычных волостей, объединенных в составе Черлакского уезда Акмолинской губернии, обратно в Сибирь. 22 мая 1925 года Черлакский уезд был ликвидирован [СКГА, ф. 43, оп. 1, д. 69, л. 37], после чего акмолинские и омские губернские власти смогли договориться о переходе Черлакского района к Омскому округу Сибирского края. Однако решением Казакского ЦИК этот вопрос был отложен до общего районирования республики [СКГА, ф. 43, оп. 1, д. 313, л. 12]. В августе 1928 года было проведено районирование Казакстана, что позволило начать практическую реализацию изменения границ, намеченных ранее [Корженевский, 2020, с. 376]. И только 30 января 1930 года после достаточно продолжительных обсуждений на местах и в центре ВЦИК официально ратифицировал переход в Сибирский край территории Черлакского района.

В 1921—1922 годах была скорректирована граница между Тюменской и Акмолинской губерниями путем передачи пяти волостей в состав Киргизской автономии. В связи с экономическим тяготением к Петропавловску ряда приграничных территорий Ишимского уезда центральной властью было принято решение отнести их к Акмолинской губернии. Несмотря на категорический протест ишимских и тюменских властей, 8 сентября 1921 года ВЦИК постановил отнести Бугровскую, Красноярскую, Налобинскую, Сумскую и Соколовскую волости в Киргизскую АССР [СКГА, ф. 43, оп. 1, д. 7, л. 37], а 2 марта 1922 года НКВД дополнительно перечислил в автономию Беловскую волость [СКГА, ф. 55, оп. 1, д. 195, л. 25].

Также на сибирском направлении во второй половине 1920-х годов была скорректирована граница между Барабинским округом Сибирского края и Павлодарским округом Казакской автономии. Территориальный вопрос, инициированный гражданами Какульской волости Славгородского уезда Омской губернии (с 1925 года территория волости вошла в состав Купинского района Барабинского округа), возник еще в 1923 году, однако омские власти посчитали нецелесообразным переход означенных территорий в Казакскую АССР ввиду получавшейся чересполосицы. В 1927 году вопрос о возможном изменении границы был вновь поднят, но уже на уровне казакских центральных властей, вследствие чего рассмотрение пограничного вопроса было ускорено. И уже 12 ноября 1928 года была произведена передача сельсоветов Бисимбиновского, Арыновского, Индигинского и поселка Кузьминский Альферовского сельсовета из Купинского района Барабинского округа в состав Павлодарского округа Казакской АССР [О перечислении ..., 1928, с. 1315].

3.3. Размежевание территории России с Казахстаном на Алтае

На алтайском направлении граница формировалась по территории Алтайской и Семипалатинской губерний в первой половине 1920-х годов.

Начиная с 1917 года при установлении границ Алтайской губернии появилась необходимость определить статус Бухтарминского края. В течение периода Гражданской войны данная проблема обсуждалась на народных собраниях и в различных органах власти. С утверждением в конце 1919 года большевистской власти в Сибири дело сдвинулось с места. Сибревком своими постановлениями от 4 августа 1920 года и 27 февраля 1921 года утвердил создание Бухтарминского уезда с центром в Большеарымском и передачу его в ведение Семипалатинской губернии [ГАО, ф. р-1, оп. 1, д. 138, л. 5]. А уже 13 июня 1921 года президиум ВЦИК своим решением официально передал Бухтарминский район, преобразованный в уезд, в состав Киргизской АССР [ГАРФ, ф. р. 5677, оп. 1, д. 282, л. 39]. Вместе с Бухтарминским уездом в состав Семипалатинской губернии

также была передана часть Змеиногорского уезда: в Усть-Каменогорский уезд 10 волостей, а в Семипалатинский уезд 14 волостей [ГАРФ, ф. р. 393, оп. 27, д. 1380, л. 23].

Следующим вопросом являлось разграничение Коростелевской степи. Начало было положено в первой половине 1920-х годов возбуждением основанного на прошениях киргизов ходатайства Семипалатинского облревкома об отнесении Коростелевской степи в состав Семипалатинской области. Статус Коростелевской степи долгое время оставался неясным. Несмотря на то, что степь официально являлась частью Алтайской губернии, фактически в начале 1920-х годов ее южная часть находилась в пользовании Семипалатинского губземуправления. Весной 1923 года в связи с ходатайством Бельгагачской волости в Семипалатинское губернское земуправление о предоставлении ей в пользование северной части Коростелевской степи [Разгон, 2003, с. 235] были заложены основы для нового витка рассмотрения спора. Алтайские власти были категорически против передачи даже части коростелевской территории в ведение Киргизии, однако центральные власти приняли сторону киргизской стороны. 27 октября 1924 года президиум ВЦИК постановил передать степь со всеми населенными пунктами в Семипалатинскую губернию [ГАРФ, ф. р. 5677, оп. 9, д. 370, л. 43]. Вместе с Коростелевской степью в Киргизскую республику были переведены также 12 селений Локтевского и Угловского районов Алтайской губернии.

В связи с переходом в состав Семипалатинской губернии территории Коростелевской степи возникла необходимость определиться со статусом Узкой степи и прилегающих территорий, входивших в состав Угловского района Рубцовского уезда Алтайской губернии (а с мая 1925 года в состав Рубцовского округа Сибирского края). Алтайский губисполком, не видя в будущем возможности эффективного управления южными землями Рубцовского уезда после перечисления Коростелевской степи к Киргизской АССР, в первой половине 1925 года настаивал на передаче этих территорий смежным субъектам: Омской и Семипалатинской губерниям [Корженевский, 2021, с. 375]. Возможный переход Узкой степи в состав Семипалатинской губернии обсуждался на заседаниях согласительной комиссии по передаче Коростелевской степи и населенных пунктов Рубцовского уезда. Установление межгубернской границы было намечено таким образом, что южная часть Узкой Степи в составе 7 селений включалась в Киргизскую автономию, а северная часть — в будущий Славгородский округ Сибирского края [ИСА, ф. р-27, оп. 1, д. 734, л. 3]. В итоге никаких изменений пограничной линии не произошло и Угловский район полностью, включая Узкую степь, был оставлен в Рубцовском округе Сибирского края.

3.4. Разграничительные процессы России с Казахстаном на Урале и в Поволжье

На Урале первоначальной задачей при создании Киргизской АССР являлось определение вопроса о целесообразности включения территории Оренбургской губернии в состав автономии с установлением центра республики в Оренбурге. Еще 4 июня 1920 года Кирревком принял постановление о включении Оренбургской губернии в состав автономии [Постановление ..., 1957, с. 216], а уже 22 сентября Оренбургская губерния была официально закреплена за республикой [ГАРФ, ф. р. 5677, оп. 9, д. 368, л. 5].

К моменту создания в ноябре 1923 года Уральской области в составе РСФСР возникла необходимость уточнения южной границы Троицкого округа. Уральские власти претендовали на ряд территорий Федоровского и Денисовского уездов Кустанайской губернии и Орский уезд Оренбургской губернии Киргизской АССР. В свою очередь власти приграничных Кустанайской и Оренбургской губерний, выступая категорически против отхода ряда волостей Уральской области, настаивали на изменении границы Троицкого округа Уральской области в их пользу. Компромисса между двумя заинтересованными сторонами найти не удалось, и к 1925 году пограничная линия осталась в неизменном виде.

К концу 1924 — началу 1925 годов в связи с размежеванием Средней Азии и присоединением ряда территорий на юге к Киргизской автономии оренбургскими властями был поднят вопрос об отходе всей губернии в непосредственное подчинение РСФСР. Киргизские республиканские и российские центральные власти не стали препятствовать этому, вследствие чего началась процедура вывода Оренбурга из состава автономии. Однако вместе с тем возникла необходимость установления точных границ Оренбургской губернии с Киргизией. Оренбургский губисполком выдвигал претензии на ряд приграничных территорий Киргизской АССР: Актюбинского уезда Актюбинской губернии, Илекского уезда Уральской губернии, Денисовского уезда Кустанайской губернии, а также Кустанайский уезд целиком.

6 июля 1925 года в выезде правительства автономии из Оренбурга в Кызыл-Орду постановлением президиума ВЦИК Оренбургская губерния была официально переподчинена центральным органам РСФСР [О выделении ..., 1925, с. 613]. А в октябре 1925 года была установлена административно-территориальная граница между РСФСР и Казахской АССР по оренбургской земле [ЦГА РК, ф. р-196, оп. 8, д. 8, л. 15].

5 октября постановлением ВЦИК было утверждено присоединение части Кустанайской и Актюбинской губерний Казахской АССР к Оренбургской губернии, что должно было поставить точку в деле разграничения, однако уже 20 сентября 1926 года ВЦИК отменил свое решение, восста-

новив границы Оренбургской губернии, существовавшие ранее [ОГАОО, ф. р. 1, оп. 1, д. 517, л. 120]. Всё же притязания Оренбурга частично были удовлетворены, и 4 ноября 1926 года декретом ВЦИК к Оренбургской губернии были присоединены Ташлинская и Илекская волости Илекского уезда Уральской губернии Казакской республики [Там же, л. 127].

Несмотря на то, что граница на Урале так и не была окончательно определена, часть спорных моментов была временно заморожена, вплоть до середины 1930-х годов. 7 декабря 1934 года Оренбургская область была выделена из состава Средне-Волжского края (входила в его состав с мая 1928 года) с присоединением из Казакской автономии части Адамовского, Акбулакского, Степного и Тепловского приграничных районов Казакской АССР [ОГАОО, ф. 4, оп. 1, д. 5, л. 1—2].

Что касается границы в Поволжье, то декретом об образовании автономии в ее составе была закреплена Уральская область и из Астраханской губернии РСФСР передавались Букеевская орда, а также волости Синеморская, Сафроновская, Ганюшинская и Николаевская [ИсА, ф. Р-26, оп. 1, д. 88, л. 69].

После получения Казахской автономией статуса союзной республики на уральском и поволжском направлениях также проводилась частичная корректировка границы.

В ноябре 1939 года произошли подвижки границы между Челябинской и Чкаловской (с 1938 по 1957 года так называлась Оренбургская область) областями РСФСР и Казахской республикой. Указом президиума Верховного Совета СССР был передан ряд пограничных сельсоветов из Челябинской области в состав Кустанайской области и из Актюбинской области в состав Чкаловской области [Голунов, 2005, с. 63].

В 1956 году указом Верховного Совета была произведена передача южной части Джаныбекского района Западно-Казахстанской области в Астраханскую область [Там же].

Также в ноябре 1962 года был произведен обмен территориями между Варненским районом Челябинской области и Карабалыкским районом Кустанайской области в связи со сложившейся ситуацией фактического землепользования; а в декабре 1965 года граница была скорректирована по линии Челябинской и Кустанайской областей путем передачи в состав Троицкого района Челябинской области нескольких населенных пунктов [Там же, с. 63—64].

3.5. Факторы формирования границ

Формирование разграничительной линии между Россией и Казахстаном, происходившее в первые десятилетия становления советского государства, определялось рядом факторов, среди которых национально-поли-

тические и экономические доводы являлись наиболее значимыми. В то же время волеизъявление народа, географические, естественноисторические причины зачастую служили серьезным дополнением в вопросах обсуждения необходимости корректировок границы.

В правовом поле процессы разграничения территорий регламентировались рядом циркуляров, указов и предписаний НКВД, административной комиссии ВЦИК, президиума ВЦИК и СНК. Законодательство, регламентирующее систему административно-территориальных изменений, разрабатывалось в конце 1910-х — начале 1920-х годов и совершенствовалось в течение продолжительного периода в зависимости от вектора развития советского государства. При этом возможность самостоятельного изменения границ субъектов существовала лишь в самом начале существования РСФСР, а уже к началу 1920-х годов местные власти окончательно утратили право независимой политики в области районирования, что привело к полному контролю центра над всеми разграничительными процессами.

На начальном этапе размежевания российско-казахских территорий национально-политические доводы являлись главенствующими, зачастую перевешивая все остальные факторы. Связано это было с приверженностью большевиков своим национальным принципам. Этим в свою очередь пользовались представители автономии, претендуя на максимальные преференции в вопросах формирования границ. Национально-политический фактор превалировал в вопросах отнесения к Казахстану акмолинских и семипалатинских территорий, Букеевской орды, Кустанайского уезда, сельсоветов Барабинского округа, южной части Омского уезда.

Экономические факторы к моменту создания автономии, уступая по ряду направлений национально-политическим причинам, постепенно к первой трети 1920-х годов стали основополагающими. При этом здесь можно выделить целый ряд обстоятельств, объединенных экономикой: экономическое тяготение одних территорий к другим, земельные споры, оспаривание участков с полезными ископаемыми и др. Экономическими принципами руководствовались при перечислении в Казахстан 6 волостей Ишимского уезда, при изменении пограничной линии на уральском направлении.

Также необходимо выделить такой фактор, как волеизъявление местных жителей на приграничных территориях. Несмотря на то, что данный принцип размежевания являлся очень важным, он стандартно выступал вкуче с национальными, экономическими и другими причинами. Мнение жителей приграничных селений учитывалось в вопросах перевода Бухтарминского района в Семипалатинскую губернию, а также Черлакского района в Омский округ Сибирского края.

Границы Казахстана в рамках РСФСР создавались в условиях становления административно-территориальной системы и хозяйственно-экономического районирования советского государства, что в свою очередь наложило свой отпечаток на процессы формирования разграничительной линии. В условиях, когда центральные власти выстраивали определенную систему развития экономических связей различных частей такого государства, как СССР, сложно было соблюдать все принципы объективности и справедливости в отношении формирования границ субъектов. Однако неверно говорить о том, что Москва не прислушивалась к мнению местных властей, не учитывала различные факторы, не взвешивала все за и против в вопросах формирования стабильных рубежей. Как показывают архивные материалы, большевики очень серьезно относились к территориальным спорам и нерешенным проблемам, пытаясь всестороннее изучить тот или иной пограничный вопрос, чтобы принять взвешенное решение. Решения центральных властей принимались и отменялись, исходя из местных условий, иногда нося спонтанный характер [Каменских, 2020 с. 60]. При этом в определенных случаях центральные власти шли навстречу ходатайствам автономий, в том числе и Казахстану, пересматривая даже свои ранее принятые решения.

Ярким примером подобного рода преодоления спорной ситуации является отнесение территории Коростелевской степи к Казахстану. Несмотря на то, что даже специально созданная комиссия пришла к выводам разделить степь на две половины с передачей только южной части степи в Семипалатинскую губернию, Москва, вняв аргументам казахской стороны, решила передать всю степь в состав республики. Тем самым ни экономические факторы, ни мнение местного населения не были учтены.

4. Заключение = Conclusions

В настоящее время вопрос о необходимости скорейшего пересмотра пограничной линии на том или ином участке не стоит. Связано это в первую очередь с разрешением подавляющего числа потенциальных конфликтов еще в 1990—2000-х годах, в период делимитации и демаркации границы Российской Федерации с бывшими республиками СССР. Кроме того, важна и четкая непреклонная позиция российского руководства, воспринимającego любые высказывания и размышления иностранных политиков как посягательство на российскую государственность.

Что же касается российско-казахстанского участка границы, то здесь необходимо упомянуть твердую официальную позицию казахстанской стороны, которая, руководствуясь всеми достигнутыми ранее договоренностями, не ведет никаких разговоров о неправильности существующих государственных рубежей, как не посягая на государственную целостность

Российской Федерации, так и не давая поводов российскому руководству для подобных раздумий, но уже в обратном направлении.

Что касается самой пограничной линии, существующей на сегодняшний день, то она определялась в сложных условиях становления и развития как советского государства, так и самих субъектов РСФСР и СССР. Российско-казахстанская разграничительная линия формировалась путем столкновения жестких позиций заинтересованных сторон, обсуждения вопросов в различных инстанциях, функционирования всевозможных комиссий и в конечном счете разрешения споров и определения точных границ. Учитывались всевозможные факторы, заслушивались различные мнения, исследовались картографические, статистические и другие материалы, способствовавшие разрешению пограничных вопросов. При этом, конечно же, были случаи, когда центральная власть действовала в своих интересах, особенно это касалось уральского участка границы, где общегосударственные экономические принципы выступали по ряду направлений в качестве решающих факторов.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на то, что время от времени возобновляются попытки обсуждения необходимости пересмотра существующей российско-казахстанской пограничной линии, на государственном уровне как казахстанские, так и российские власти не позволяют себе подобного рода умозаключений, это способствует стабильности и укреплению безопасности рубежей двух государств. Конечно же, можно говорить о существующей потенциальной угрозе появления как массовых недовольств радикально настроенных жителей, подогреваемых речами националистических лидеров, так и проникновения таких идей на официальный уровень власти в Казахстане, но на сегодняшний день твердая позиция власти относительно непоколебимости границ в дружественном нам государстве не дает радикализму влиять на ситуацию.

Исторически обоснованные данные, показывающие различные стороны разграничительных процессов, доказывают, что границы, сформированные в XX веке, являются не случайными, а детально выверенными, объективными и наглядно демонстрирующими несостоятельность приводимых радикально настроенными группами казахстанской элиты доводов.

Источники и принятые сокращения

1. ГАНО — *Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области»*. Ф. Р-1, Оп. 1. Д. 138, 582.
2. ГАРФ — *Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации»*. Ф. Р. 393. Оп. 27. Д. 1380 ; Ф. Р. 5677. Оп. 1. Д. 282 ; Ф. Р. 5677. Оп. 2. Д. 271 ; Ф. Р. 5677. Оп. 9. Д. 368, 370.
3. ИСА — *Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»*. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 88 ; Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 743.

4. *О выделении Оренбургской губернии из состава Казахской Автономной Советской Социалистической Республики* // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. — 1925. — № 49. — Ст. 377. — С. 613.

5. *О перечислении ряда населенных пунктов Сибирского края в Автономную Казахскую ССР* // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. — 1928. — № 139. — Ст. 914. — С. 1315.

6. ОГАОО — *Государственное бюджетное учреждение «Объединенный государственный архив Оренбургской области»*. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 517 ; Ф. 4. Оп. 1. Д. 5.

7. *Постановление Кирвоенревкома о вхождении Оренбургской губернии в состав Казахстана* // Образование Казахской АССР : сборник документов и материалов / под редакцией доктора исторических наук С. Н. Покровского. — Алма-Ата : [б. и.], 1957. — С. 216.

8. СКГА — *Коммунальное государственное учреждение «Северо-Казахстанский государственный архив управления культуры, развития языков и архивного дела акимата Северо-Казахстанской области»*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 7, 69, 313 ; Ф. 55. Оп. 1. Д. 195 ; Ф. 55. Оп. 7. Д. 1.

9. ЦГА РК — *Республиканское государственное учреждение «Центральный государственный архив» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан*. Ф. Р-196. Оп. 8. Д. 8.

Литература

1. *Аверьянов А. В.* Вопросы национальной политики на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920—1930-е гг. : от национального размежевания к национальной интеграции / А. В. Аверьянов // *Научная мысль Кавказа*. — 2017. — № 4 (92). — С. 91—96. — DOI: 10.23683/2072-0181-2017-92-4-91-96.

2. *Архипова Е. В.* Государственные границы России на Кавказе : формирование и современные проблемы безопасности / Е. В. Архипова. — Волгоград : Издательство Волгоград, 2014. — 380 с. — ISBN 978-5-9669-1283-3.

3. *Борисенок Е. Ю.* Украина и Россия : спор о границах в 1920-е годы / Е. Ю. Борисенок // *Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе* / Институт славяноведения РАН. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2005. — С. 205—237.

4. *Голунов С. В.* Российско-казахстанская граница. Проблемы безопасности и международного сотрудничества / С. В. Голунов. — Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2005. — 422 с. — ISBN 5-9669-0052-3.

5. *Жеребцов И. Л.* Административно-территориальное деление и население Коми края в 1920—1930-е гг. / И. Л. Жеребцов // *Атлас Республики Коми* / Коми научный центр УрО РАН ; Институт языка, литературы и истории ; Институт биологии ; Институт геологии УрО РАН. — Москва : Феория, 2011. — С. 364—365.

6. *Иванов А.* Сезонное обострение : Прибалтика желает получить «Кемску волост» [Электронный ресурс] / А. Иванов // Фонд стратегической культуры. — Режим доступа : <https://www.fondsk.ru/news/2021/10/11/sezonnnoe-obostrenie-pribaltika-zhelaet-poluchit-kemsku-volost-54657.html> (дата обращения 13.07.2022).

7. *Ивановский Д.* От мертвого осла уши : какие земли Россия «должна вернуть» Прибалтике [Электронный ресурс] / Д. Ивановский // Аналитический портал RuBaltic.Ru. — Режим доступа : <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/27112019-ot-mertvogo-osla-ushi-kakie-zemli-rossiya-dolzha-vernut-pribaltike/> (дата обращения 13.07.2022).

8. Каменских М. С. Советская национальная политика в 1920—1930-е годы в современной Отечественной и зарубежной историографии : основные идеи и тенденции / М. С. Каменских // Вестник Пермского университета. История. — 2020. — № 2 (49). — С. 57—66. — DOI: 10.17072/2219-3111-2020-2-57-66.
9. Кокишаров В. А. Юго-восточная граница России : исторический путь к согласию / В. А. Кокишаров, Е. В. Тиханова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2012. — 259 с. — ISBN 978-5-7996-0687-9.
10. Корженевский К. Б. Территориальное разграничение между Алтайской, Омской и Семипалатинской губерниями в 1925 году / К. Б. Корженевский // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 371—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-371-383.
11. Корженевский К. Б. Формирование разграничительной линии между Казахстаном и Сибирью в 1920-х — начале 1930-х годов (на примере Черлакского района) / К. Б. Корженевский // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 369—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-369-383.
12. Минеева Е. К. Административные границы Чувашской автономии с Ульяновской губернией в 20-е годы XX века / Е. К. Минеева // Вестник Ленинского мемориала. — Ульяновск : Вектор-С, 2007. — С. 398—410.
13. Мухина Е. В. Формирование административно-территориальных границ РСФСР на Южном Урале : 1917—1936 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Мухина. — Екатеринбург, 2004. — 273 с.
14. Разгон Н. И. Образование Алтайской губернии и ее разграничение с Казахстаном : 1917—1925 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. И. Разгон. — Барнаул, 2003. — 329 с.
15. Старовойтов М. И. Формирование межреспубликанской белорусско-российско-украинской границы (1918—1929 гг.) / М. И. Старовойтов // Studia internationalia : Материалы VII международной научной конференции, Брянск, 27—28 июня 2019 года. — Брянск : Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2019. — С. 106—113. — ISBN 978-5-9734-0325-6.
16. Татаринов И. Е. «Слишком часто меняем границы...» Уточнение межреспубликанских границ между РСФСР и УССР в 1926—28 годах / И. Е. Татаринов // Россия XXI. — 2020. — № 5. — С. 96—113.
17. Территориальные претензии украинцев — теория и практика // Media news [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://newsland.com/community/8211/content/territorialnye-pretenzii-ukraintsev-teoriia-i-praktika/6593531> (дата обращения 13.07.2022).
18. Файзуллин С. А. Административно-территориальное устройство Татарской АССР в 1920—1930-е гг. : формирование и развитие : монография / С. А. Файзуллин. — Казань : Татарское книжное издательство, 2015. — 214 с. — ISBN 978-5-298-03020-5.

Material resources

- Budgetary Institution of the Omsk region “Historical Archive of the Omsk region”.* F. R-26. Op. 1. D. 88; F. R-27. Op. 1. d. 743. (In Russ.).
- Central State Administration of the Republic of Kazakhstan — Republican State Institution “Central State Archive” of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan.* F. R-196. Op. 8. D. 8. (In Russ.).
- Federal state Institution “State Archive of the Russian Federation”.* F. R. 393. Op. 27. D. 1380; F. R. 5677. Op. 1. D. 282; F. R. 5677. Op. 2. D. 271; F. R. 5677. Op. 9. D. 368, 370. (In Russ.).

- Municipal state Institution "North Kazakhstan State Archive of the Department of Culture, Language Development and Archival Affairs of the Akimat of the North Kazakhstan region". F. 43. Op. 1. D. 7, 69, 313; F. 55. Op. 1. D. 195; F. 55. Op. 7. D. 1. (In Russ.).*
- On the separation of the Orenburg Province from the Cossack Autonomous Soviet Socialist Republic. (1925). In: *Collection of legalizations and orders of the Worker's and Peasant's government of the RSFSR*, 49 (377): P. 613. (In Russ.).
- On the transfer of a number of settlements of the Siberian Territory to the Autonomous Kazakh SSR. (1928). In: *Collection of legalizations and orders of the Worker's and Peasant's Government of the RSFSR*, 139 (914): P. 1315. (In Russ.).
- Resolution of the Kirvoenrevkom on the entry of the Orenburg province into Kazakhstan. (1957). In: *Formation of the Kazakh ASSR: collection of documents and materials*. Alma-Ata: [b. i.]. P. 216. (In Russ.).
- State Budgetary Institution "United State archive of the Orenburg region". F. R. 1. Op. 1. d. 517; F. 4. Op. 1. D. 5. (In Russ.).*
- State Institution of the Novosibirsk region "State Archive of the Novosibirsk region". F. R-1, Op. 1. D. 138, 582. (In Russ.).*

References

- Arkhipova, E. V. (2014). *State borders of Russia in the Caucasus: formation and modern security problems*. Volgograd: Publishing House Volgograd. 380 p. ISBN 978-5-9669-1283-3. (In Russ.).
- Averyanov, A. V. (2017). Questions of national policy on the Don, Kuban and Stavropol in the 1920s—1930s: from national demarcation to national integration. *Scientific Thought of the Caucasus*, 4 (92): 91—96. DOI: 10.23683/2072-0181-2017-92-4-91-96. (In Russ.).
- Borisenok, E. Yu. (2005). Ukraine and Russia: the dispute about borders in the 1920s. In: *Regions and borders of Ukraine in historical retrospect*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 205—237. (In Russ.).
- Fayzullin, S. A. (2015). *Administrative-territorial structure of the Tatar ASSR in the 1920s—1930s: formation and development: monograph*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 214 p. ISBN 978-5-298-03020-5. (In Russ.).
- Golunov, S. V. (2005). *Russian-Kazakh border. Problems of security and international cooperation*. Volgograd: Publishing House of Volgograd State University. 422 p. ISBN 5-9669-0052-3. (In Russ.).
- Ivanovsky, D. Ears from a dead donkey: what lands Russia "should return" to the Baltic States. In: *Analytical portal RuBaltic.Ru*. Available at: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/27112019-ot-mertvogo-osla-ushi-kakie-zemli-rossiya-dolzha-vernut-pribaltike/> (accessed 13.07.2022). (In Russ.).
- Ivanov, A. Seasonal aggravation: The Baltic States wants to get "Kemska volost". In: *Strategic Culture Foundation*. Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2021/10/11/sezonnoe-obostrenie-pribaltika-zhelaet-poluchit-kemsku-volost-54657.html> (accessed 13.07.2022). (In Russ.).
- Kamenskikh, M. S. (2020). Soviet national policy in the 1920s—1930s in modern Domestic and foreign historiography: basic ideas and trends. *Bulletin of Perm University. History*, 2 (49): 57—66. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-2-57-66. (In Russ.).
- Koksharov, V. A., Tikhanova, E. V. (2012). *The South-eastern border of Russia: a historical path to harmony*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 259 p. ISBN 978-5-7996-0687-9. (In Russ.).

- Korzhenevsky, K. B. (2021). Territorial Delimitation between Altai, Omsk and Semipalatinsk Provinces in 1925. *Nauchnyi dialog*, 5: 371—383. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-371-383>. (In Russ.).
- Korzhenevsky, K. B. (2020). Formation of Border Line between Kazakhstan and Siberia in 1920s — Early 1930s (The Case of Cherlaksy District). *Nauchnyi dialog*, 2: 369—383. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-369-383>. (In Russ.).
- Mineeva, E. K. (2007). Administrative borders of the Chuvash autonomy with the Ulyanovsk province in the 20s of the twentieth century. In: *Bulletin of the Lenin Memorial. Ulyanovsk*: Vector-S. 398—410. (In Russ.).
- Mukhina, E. V. (2004). *Formation of the administrative-territorial borders of the RSFSR in the Southern Urals: 1917—1936*. PhD Diss. Yekaterinburg. 273 p. (In Russ.).
- Razgon, N. I. (2003). *Formation of the Altai province and its differentiation with Kazakhstan: 1917—1925*. PhD Diss. Barnaul. 329 p. (In Russ.).
- Starovoitov, M. I. (2019). *Formation of the inter-republican Belarusian-Russian-Ukrainian border (1918—1929)*. *Studia internationalia: Proceedings of the VII International Scientific Conference, Bryansk, June 27—28, 2019*. Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky. 106—113. ISBN 978-5-9734-0325-6. (In Russ.).
- Tatarinov, I. E. (2020). “We change borders too often ...” Clarification of the inter—republican borders between the RSFSR and the Ukrainian SSR in 1926—28. *Russia XXI*, 5: 96—113. (In Russ.).
- Territorial claims of Ukrainians — theory and practice. In: *Media news*. Available at: <https://newsland.com/community/8211/content/territorialnye-pretenzii-ukraintsev-teoriia-i-praktika/6593531> (accessed 13.07.2022). (In Russ.).
- Zherebtsov, I. L. (2011). Administrative-territorial division and population of the Komi Territory in the 1920s—1930s. In: *Atlas of the Komi Republic / Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Institute of Language, Literature and History; Institute of Biology; Institute of Geology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Feoria. 364—365. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.07.2022,
одобрена после рецензирования 21.10.2022,
подготовлена к публикации 26.11.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Кунина И. А. Сетевой аспект многосторонней дипломатии / И. А. Кунина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 392—409. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409.

Kunina, I. A. (2022). Network Aspect of Multilateral Diplomacy. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 392-409. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409

Сетевой аспект многосторонней дипломатии

Ирина Александровна Кунина

orcid.org/0000-0002-6746-5406

доктор философии

по политическим наукам, доцент,
кафедра «Международные отношения»

kunina.irina@mail.ru

Азербайджанский университет языков
(Баку, Азербайджан)

Network Aspect of Multilateral Diplomacy

Irina A. Kunina

orcid.org/0000-0002-6746-5406

PhD in Political Science,

Associate Professor,

Department of International Relations

kunina.irina@mail.ru

Azerbaijan University of Languages
(Baku, Azerbaijan)

© Кунина И. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена процессом структурного переустройства всей глобальной системы международных отношений. Отмечается, что на передний план наряду с военной мощью выходят экономические, научно-технические, информационные сферы деятельности государств, стимулирующие их работу на международной арене. Подчеркивается, что это обстоятельство обуславливает сложную взаимозависимость основных акторов международных отношений на современном этапе. Утверждается, что происходящие в мире изменения требуют пересмотра блокового подхода к решению международных проблем и поиска новых форматов сотрудничества, которые способствовали бы выстраиванию конструктивного международного взаимодействия. Указывается, что многосторонняя дипломатия призвана играть значительную роль в современных международных отношениях, более того, она становится основным средством коллективного управления глобальными мировыми процессами. Уточняется, что форматом многовекторной дипломатии, основанным на гибких видах участия в многосторонних структурах, становится «сетевая дипломатия». Автор выполняет комплексный анализ феномена сетевой дипломатии. Особое внимание уделяется исследованию механизмов осуществления данного вида дипломатии и их применению на практике. Рассматривается вопрос о многообразии участников данного процесса с учетом форматов взаимодействия между ними в рамках сетевой дипломатии.

Ключевые слова:

сетевая дипломатия; многосторонняя дипломатия; международные отношения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is due to the process of structural reorganization of the entire global system of international relations. It is noted that, along with military power, the economic, scientific, technical, and information spheres of state's activities are coming to the fore, stimulating their work in the international arena. It is emphasized that this circumstance determines the complex interdependence of the main actors of international relations at the present stage. It is argued that the changes taking place in the world require a revision of the bloc approach to solving international problems and the search for new formats of cooperation that would help build constructive international cooperation. It is pointed out that multilateral diplomacy is called upon to play a significant role in modern international relations; moreover, it is becoming the main means of collective management of global world processes. It is clarified that "network diplomacy" is becoming the format of multi-vector diplomacy, based on flexible types of participation in multilateral structures. The author makes a comprehensive analysis of the phenomenon of network diplomacy. Particular attention is paid to the study of the mechanisms for the implementation of this type of diplomacy, and their application in practice. The issue of the diversity of participants in this process is considered, taking into account the formats of interaction between them within the framework of network diplomacy.

Key words:

network diplomacy; multilateral diplomacy; international relations.

Сетевой аспект многосторонней дипломатии

© Кунина И. А., 2022

1. Введение = Introduction

Существенные изменения геополитического ландшафта, новые глобальные вызовы, увеличение степени напряженности в международных отношениях выводят на передний план роль многосторонней дипломатии в расширении сотрудничества, принятия решений на глобальном уровне. Так, в своем выступлении в американской Академии дипломатии бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, говоря об изменении стиля и сути дипломатии, подчеркнул, что она «расширила свои полномочия, выйдя далеко за рамки двусторонних политических отношений между государствами, превратившись в многостороннее, многогранное предприятие, охватившее почти все сферы человеческой деятельности» [ASGKA, 2001, р. 1]. Как показывает практика, классические исследования в большинстве своем были сосредоточены на двусторонней дипломатии. Однако современные тенденции развития глобализации обосновали процесс трансформации политических институтов, в том числе и самих государств, в результате чего наблюдается качественное изменение самой международной среды, растет значение многостороннего сотрудничества, приобретающего новые свойства, формы и методы.

Согласно определению В. Л. Олеandrova, *многосторонняя дипломатия* — это разновидность дипломатической деятельности, в которой одновременно участвуют несколько (три и более, вплоть до 200) государств [Олеандров, 2013, с. 69]. Считается, что сам термин находится в дихотомии с *двусторонней дипломатией* и, несомненно, по аналогии с ней указывает на межгосударственный характер отношений, осуществляемых в рамках международных конференций и организаций. Уровень сложности в данном случае намного выше, чем в двусторонней дипломатии, равно как и уровень навыков, необходимых для управления этой сложностью. Она может основываться на многосторонности или иметь многосторонность в качестве цели, может сводиться к формально-процедурным моментам и противопоставляться односторонним и двусторонним форматам.

Динамика многосторонности, безусловно, приобретает все большее значение в международных реалиях сегодняшнего дня. С учетом акцента на практическом применении, а не на теоретических основах динамика многосторонности помогает понять, как на практику многосторонней дипломатии

повлияли изменения в процессах и процедурах международных организаций, а также какую роль играет многосторонность в трансформации международной системы управления и переходе к формирующемуся новому глобальному порядку. Такое понимание сущности многосторонности парадоксальным образом отражается в феномене «сетевая дипломатия», что делает актуальным настоящее исследование и обосновывает его новизну.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Феномен «сетевой дипломатии» фактически определил конец старой эпохи и начало формирования новой. Гибкий формат этого вида дипломатии определенно способствует более продуктивному взаимодействию государств друг с другом, тем самым закладывая основу новой архитектуры сотрудничества и партнерства. В этой связи сетевая дипломатия постепенно становится объектом эмпирических исследований и попыток концептуального обоснования. Следует отметить, что концептуализации феномена сетевой дипломатии способствовали труды как российских, так и западных исследователей.

Так, многие авторы рассматривают сетевую дипломатию и становление сетевых структур сквозь призму многосторонней дипломатий. В этой связи наибольший интерес представляют работы М. М. Лебедевой [Лебедева, 2020, с. 24—35]. Для западной политической мысли характерно ассоциировать сетевую дипломатию с публичной дипломатией, где заметную роль играют негосударственные акторы [Mertzl, 2001, pp. 77—87; Hanson, 2011, p. 10]. В целом же вопросы многосторонней дипломатии в своих работах поднимали С. Пынзарь [Пынзарь, 2006, с. 68—74], Р. Барстон [Barstone, 2019, 534 p], В. Л. Оландров [Оландров, 2013, с. 69—76], Т. В. Зонова [Зонова, 2003, 336 с]. Непосредственно вопросы теоретического осмысления понятия «сетевая дипломатия» рассматриваются в работах И. В. Колосовой [Колосова, 2014, с. 173—180] и И. Н. Бургановой [Бурганова, 2016, с. 120—123]. Проблему сетевого взаимодействия как разветвленной системы связей между акторами международных отношений в своей работе поднимает Е. В. Гребенкина [Гребенкина, 2014, с. 134—142]. Особый интерес представляет анализ концепции сетевой дипломатии с последующей имплементацией ее механизмов в работах В. М. Морозова [Morozov, 2022, 258 p]. В процессе исследования значительную роль сыграло обращение к научным публикациям, посвященным анализу концепции политических сетей. Среди исследований можно выделить работы таких авторов, как Т. А. Берцель [Börzel, 1998, pp. 253—273], А.-М. Слотер [Slaughter, 2004, pp. 1—19], Д. Фельдман [Фельдман, 2011, с. 27—35] и Е. В. Саворская [Саворская, 2018]. Однако, несмотря на значительный массив научной лите-

ратуры, существует насущная необходимость продолжения исследований, посвященных тематике сетевой дипломатии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основные этапы становления многосторонней дипломатии

Эпоха классической европейской дипломатии началась с Вестфальского мира (1648) — и с этого момента начинается «история европейских конгрессов». Подписанием Вестфальского мира завершились Мюнстерский и Оснабрюкский конгрессы, итоги войны Людовика XIV и стран Аугсбургской лиги закрепил Рисвикский конгресс, а на Карловицком конгрессе (1698—1699 годы) был объявлен конец войны с турками. Эти конгрессы ознаменовали первые попытки переговоров в рамках многосторонней дипломатии [Кунина, 2019, с. 267].

Особое место в процессе формирования и становления многосторонней дипломатии занимает Венский конгресс (1814—1815). Концепция лорда Р. Каслри о периодическом созыве общеевропейских конгрессов, как ни странно, оказалось конструктивной и успешной. На основе идеи о тщательно выверенном балансе сил ведущих держав была учреждена новая система международных отношений. Пентархия — концепция союза великих держав — стала эффективным механизмом поддержания политического равновесия. Это был особый случай, когда с прекращением союзных отношений государства-победители стали принимать политические решения в рамках «концерта государств», который обеспечил Европе относительно мирное столетие. Венский конгресс был первым форумом, на котором собрались специально делегированные представители государств, принимавших в нем участие. Многие из того, что присуще конференционной дипломатии сегодня, было учреждено на Венском конгрессе.

Немного позже Европа вновь вернулась к практике конференционной дипломатии на уровне министров иностранных дел. Парижский конгресс 1856 года не только положил конец Крымской войне, но и кодифицировал значительный объем норм международного права. «Восточный» и «африканский» вопросы были разрешены в рамках конференций в Берлине в 1878 и 1884—85 годах. Большой международный и общественный резонанс получила конференция в 1839 году, завершившаяся появлением независимого государства Королевства Бельгии. В период Реставрации и Второй империи название конференций было закреплено за более представительными многосторонними дипломатическими форумами.

Постепенно многосторонняя дипломатия институционализируется на постоянной основе. Парижский конгресс создал Международную комис-

сию по Дунаю и, соответственно, Венскую комиссию по Рейну в 1815 году. Также был учрежден Международный телеграфный союз. В 1874 году появился Генеральный почтовый союз.

Такой формат многосторонней дипломатии стал приносить свои плоды. Следует отметить Гаагские конгрессы мира, в ходе которых приняты и подписаны конвенции о мирном разрешении международных споров, а также заложена основа международного гуманитарного права [Зонова, 2003, с. 145].

Окончание Первой мировой войны ознаменовала Парижская мирная конференция, в рамках которой многосторонняя дипломатия вышла на новый уровень своего развития. Появился новый формат согласования решений в области международных отношений, на который также была возложена функция соблюдения определённого политического равновесия.

Новым субъектом международных отношений, а также проводником решений в рамках многосторонней дипломатии стали международные организации. Во время Первой мировой войны лорд Брайс и группа ученых и политиков Великобритании создали Общество Лиги Наций. Аналогичная версия этой организации разрабатывалась в США. Позднее к этой работе присоединилась французские депутаты. Конечный продукт — Лига Наций — был представлен мировой общественности в 1919 году. Лига Наций стала организацией нового типа, универсального характера, целью которой была коллективная безопасность.

Однако более масштабное развитие этот формат получил после окончания Второй мировой войны, когда на конференции в Сан-Франциско в 1945 году было принято решение об учреждении такой универсальной организации, как ООН. Многосторонняя дипломатия международных организаций стала использовать форму представительств. Механизмы осуществления многосторонней дипломатии в рамках данного формата привнесли новизну в дипломатическую практику. Так, на международной арене, помимо международных организаций универсального характера, стали появляться региональные и субрегиональные организации, а также военно-политические альянсы, которые послужили причиной блокового противостояния в период Холодной войны.

В современный период число действующих акторов на международной арене значительно возросло, существенно изменилось и взаимодействие между ними — стало более сложным и плотным. В соответствии с обстоятельствами стала иной и повестка дня международной, межгосударственной политики. Все большее внимание уделяется роли негосударственных субъектов и новым формам дипломатии, на которые влияют процессы глобализации.

3.2. Основные форматы международного взаимодействия в рамках многосторонней дипломатии

Существует несколько форматов осуществления многосторонней дипломатии. К одной из основных относится *парламентская дипломатия*. В ее рамках можно выделить два приоритетных направления: международную деятельность национальных парламентов и работу парламентариев в международных организациях.

В то время как дипломаты в значительной степени определяют внешнюю политику страны, избранные члены национальных парламентов также играют решающую роль во влиянии на приоритеты политики, в обеспечении подотчетности правительств и более прочной демократической основы для продвижения мира, сотрудничества и прав человека во всем мире. Через парламентские ассамблеи организаций, играющих решающую роль в обеспечении международного мира и безопасности, — Организацию объединенных наций (ООН), Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Организацию Североатлантического договора (НАТО) — парламентарии могут продвигать национальные интересы на международной арене.

Другим форматом многосторонней дипломатии является *коллективная дипломатия*, предполагающая совместные действия ряда государств в рамках той или иной международной ассоциации, касающиеся выработки основных принципов и методов ведения того или иного вида политики. Яркими примерами развития данного формата международного взаимодействия могут служить дипломатия ЕС и стран Латинской Америки.

Любые встречи и контакты на высшем уровне называются *саммит-дипломатией*. Она не является новым средством международных отношений, более того, ее истоки следует искать в самой ранней истории дипломатии. Однако до прошлого века такой вид политического взаимодействия был редким явлением. Истоки саммит-дипломатии можно найти в нечастых встречах монархов в средневековье и раннее новое время, в конгрессах, которые начали проводиться в семнадцатом веке, и во встречах политических лидеров Великих держав в XIX и первой половине XX веков. В XXI веке такой формат дипломатии получил широкое распространение.

В рамках указанных трех форматов многосторонней дипломатии выделяются разные виды дипломатического взаимодействия. Назовем ряд из них.

Явление *ассоциативной*, или *региональной*, дипломатии укоренилось в системе международных отношений в послевоенное время, но только дальнейшее многофункциональное развитие международных региональных организаций предопределило введение этого понятия в научный обо-

рот в середине 1990-х годов. Оно встречается в работах известного исследователя Р. Барстона, который полагает, что в современной дипломатии отдельное место занимают отношения как между государствами в рамках международных региональных организаций, между различными региональными группировками и объединениями, так и между государствами, с одной стороны, и международными региональными организациями, с другой. При этом во втором случае государства не должны являться членами данной международной региональной организации [Barston, 2019, p. 108]. Примером такой дипломатии может служить сотрудничество ЕС со странами, не являющимися членами этого объединения, в рамках различных измерений и программ. Одним из таких измерений является Восточное партнерство.

Конференционная дипломатия — это не только один из наиболее эффективных методов многостороннего подхода к мирному урегулированию споров и установлению политического равновесия в постконфликтных ситуациях. В настоящее время она также является важнейшим инструментом в решении глобальных проблем и в поиске инновационных методик, позволяющих обращаться к принципиально новым, революционным стратегиям. В зависимости от своих целей международные конференции могут быть *совещательными* (на которых представляют необязательные рекомендации правительствам или принимают решения, в которых содержатся руководства или инструкции секретариата международной организации), *законодательными* (на которых обсуждают и принимают текст международного договора) и *информационными* (на которых предлагают материалы для международного обмена информацией). Примерами могут служить Парижская мирная конференция 1919 года и Вестфальский мир 1648 года, а в последнее время — Конференция в Женеве I и Конференция в Женеве II, которые стремились положить конец гражданской войне в Сирии.

Дипломатия ad hoc осуществляется преимущественно посредством формирования делегаций, участвующих в международных конгрессах и конференциях. На протяжении многих веков дипломатия реализует свои цели с помощью временных миссий, которые использовались еще в ходе первых контактов между сообществами или государствами [Bonciog, 1997, p. 129]. В соответствии с доктриной временные миссии существуют в форме дипломатии ad hoc или специальных миссий. Термин дипломатия ad hoc впервые был использован в 1960 году Комиссией международного права ООН в рамках дискуссий VI Комиссии Генеральной Ассамблеи. Существуют разные модели осуществления этой формы международного взаимодействия, начиная с делегаций под руководством глав государств и заканчивая делегациями, состоящими из представителей направляющего

государства, уже аккредитованными в стране пребывания в качестве постоянных дипломатов.

Дипломатия комиссий — формат встреч групп и комиссий высокого уровня, ставший в последние десятилетия очень оживленной дипломатической отраслью второго направления. С 1980-х годов более тридцати комиссий приходили и уходили, используя коллективные идеи более пяти-сот отдельных членов комиссии и участников дискуссии для представления докладов по вопросам безопасности, развития и общего управления. Спектр влияния рассматриваемых комиссий и групп значительно различался. Некоторые из них коренным образом изменили условия обсуждения международной политики, а другие канули в лету совершенно бесследно. Ярким примером этого формата многосторонней дипломатии может служить Всемирная комиссия по вопросам окружающей среды, созданная в рамках ООН в 1983 году [Назария и др., 2006, с. 70—72].

Четвертым значимым форматом многосторонней дипломатии являются **международные организации**. С возникновением ООН в мире многосторонней дипломатии предпочтение стало отдаваться термину **организация**. Структурной моделью этой организации послужила «Схема», которую в 1462 году разработал советник баварского короля Антуан Марини. «Схема» — это Европейская лига суверенных правителей. Лига должна была состоять из четырех секций: французской, итальянской, германской и испанской. Центральным органом являлась Генеральная ассамблея, своего рода конгресс послов, представляющих своих правителей. Каждый член секции располагал одним голосом. Особое внимание уделялось процедуре голосования. Создавалась совместная армия, средства на которую извлекались из налогов на государства. Лига могла печатать собственные деньги, иметь собственную гербовую печать, архивы и многочисленных чиновников. При Лиге предполагалось функционирование Международного суда, судьи которого назначались бы Генеральной ассамблеей [Зонова, 2003, с. 145].

Таким образом, организации — это такой формат взаимодействия государств, который предполагает наличие собственной структуры и постоянных оперативных органов. Так, например, военно-политические объединения, такие как НАТО, ОВД, СЕАТО, СЕНТО, относятся к категории «международные организации». Некоторые из них имеют институциональную структуру в форме советов — Совет Европы, Северный Совет, Совет экономической взаимопомощи. Также следует отметить и такие организации интеграционного характера, как Европейский союз, Союз независимых государств, Лига арабских государств. Разновидностью многосторонней дипломатии категории «международная организация», носящей

наднациональный характер, является *сообщество*. Примером может служить Европейское экономическое сообщество.

3.3. Сетевая дипломатия как подвид многосторонней дипломатии

Многосторонняя дипломатия призвана играть значительную роль в современных международных отношениях и является основным средством коллективного управления глобальными мировыми процессами. А форматом многовекторной дипломатии, основанной на гибких формах участия в многосторонних структурах, становится «сетевая дипломатия».

Сетевая дипломатия — сложный и противоречивый феномен. Для отражения его комплексного видения, необходимо рассмотреть многообразие подходов к определению.

Исследование сетевых взаимодействий необходимо проводить, отталкиваясь от концепции «политических сетей». Наиболее точное определение политической сети было сформулировано немецким политологом Т. Берцель, которая под политической сетью предлагает понимать «ряд относительно стабильных отношений не иерархичных и взаимозависимых по своей природе, связывающих разнообразных акторов, которые имеют общие интересы относительно определенной сферы политики и обмениваются имеющимися ресурсами для реализации этих интересов, признавая тот факт, что сотрудничество является наиболее подходящим методом для достижения поставленных целей» [Börzel, 1998, p. 253—273].

Процесс глобализации расширяет возможности децентрализованных сетей, которые бросают вызов иерархиям, ориентированным на государство. Эти сети могут быть определены в общих чертах как группы взаимосвязанных акторов, которые занимают определённую нишу в социальных структурах и создают новые общественные отношения, развивая их, демократизируя и усиливая. Сети распространяют определённое влияние и власть в четко очерченных рамках, при этом позволяя влиятельным группам интересов, коалициям быстро формироваться и переформироваться. Таким образом, сеть отличается гибкостью и способностью перестраиваться для решения новых задач. С одной стороны, появляется определённое конкурентное преимущество. С другой стороны, гибкий формат сотрудничества позволяет лавировать между различными национальными акторами и не связывать себя рамками блокового союза, выступая против других участников международного сообщества. Благодаря этим качествам, сети развиваются гораздо быстрее, чем государственно ориентированные иерархии, и создают конкурентную нагрузку на традиционные формы организационных структур.

Политические сети на международном уровне возникают спонтанно, вокруг определенных проблем. Как и сети, образовавшиеся на иных уровнях, они выстраиваются горизонтально, но их отличает широкий круг

участников из разных проблемных областей, взаимодействующих на основе принципов взаимовыгодного ресурсного обмена для достижения общих целей. Акторы сетевого взаимодействия являются частью общей ценностно-нормативной структуры, которая определяет их поведение. Данный тип взаимодействия отличается как хаотичностью, так и определённой упорядоченностью за счет действия своеобразных правил и закономерностей действия. Как отмечает Д. М. Фельдман, «в международно-политических отношениях всех акторов всемирной политической сети действуют нормы и правила, отличающиеся от норм и правил, принятых в системе взаимодействия любых современных государств. Это отличие состоит в том, что правила сети не легитимизированы и институционально не оформлены. Не менее важно и то, что они представляют собой правила взаимоотношений отдельных, чаще всего разнообразных акторов, преследующих на мировой арене свои частные интересы. Главным и общим для этих правил является то, что все они ориентированы на получение наибольшего эффекта от взаимодействия с другими акторами мировой политики» [Фельдман, 2011, с. 30]. Следует также отметить, что к сетевой коммуникации могут прибегнуть не только в рамках сотрудничества, но и в ходе различного рода конфликтов. При этом устойчивость сети обеспечивают общие взгляды и цели; добровольное участие; возможность распределить лидерство по различным направлениям взаимодействия.

Процесс формирования новой системы международных отношений и нового миропорядка послужили причиной трансформации традиционной дипломатии. Увеличение субъектов международных отношений привело не только к многостороннему взаимодействию, но и к разделению на уровни. В данном контексте наибольшую актуальность стало приобретать сетевое взаимодействие в международных отношениях и, как результат, появление нового вида дипломатии — «сетевой дипломатии» [Гребенкина, 2014, с. 138].

Сетевая дипломатия определяется В. М. Морозовым как многоуровневое общение, представление и обсуждение какой-либо идеи или комплекса идей, организованное в группе субъектов, которые могут выходить за рамки традиционных, жестких, находящихся на бюджетном финансировании институтов и охватывать другие субъекты, связанные с этой идеей или вовлеченными сторонами [Морозов, 2021, с. 146].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что формирование сетевых механизмов дипломатии тесно связано с процессами глобализации и интеграции, обусловлено новыми вызовами, стоящими сегодня перед международным сообществом, и отражает новые требования к дипломатии как одному из основных инструментов международного взаимодействия.

В первую очередь это связано с включением в международную повестку дня проблем, которые невозможно решить без коллективных действий национальных государств, сообществ разных стран, а также негосударственных акторов, чья значимость существенно возросла в условиях роста геополитической напряженности в мире. В то же время в большинстве исследований акцент делается на функциональном аспекте, то есть на процессе роста сети связей, контактов и отношений между участниками, что во многом отличает «западный» подход к изучению сетевой дипломатии от российского. Эффективная дипломатия в новую эпоху, по мнению западных исследователей, подразумевает создание такой внешнеполитической инфраструктуры, которая привлекла бы большее число учреждений для участия в достижении государственных целей, а также более широкое распространение влияния на аудиторию в зарубежных странах, создавая, таким образом, лояльные группы поддержки. Иными словами, в западном видении практических аспектов сетевая дипломатия больше ассоциируется с публичной дипломатией, с привлечением негосударственных акторов [Metzl, 2001; Hanson, 2011]. Таким образом, государство может укрепить свои позиции на международной арене, управляя широкими сетевыми структурами.

В российском научном дискурсе [Колосова, 2014; Лебедева, 2020] сетевую дипломатию и становление сетевых структур рассматривают через призму многосторонней дипломатии. По определению С. В. Лаврова, сетевая дипломатия — это многовекторная дипломатия, предполагающая гибкие формы взаимодействия различных групп государств в целях обеспечения совпадающих интересов [Лавров, 2011, с. 107]. Курс внешнеполитической деятельности Российской Федерации на основе сетевой дипломатии в рамках «гибких альянсов» или «коалиций по интересам» нашел свое отражение и был документально закреплён в Концепциях внешней политики Российской Федерации в 2008 и 2013 годах [Концепция ..., 2008, ч. II, п. 6, с. 4; Концепция ..., 2013, ч. II, п. 9, с. 4].

Оба научных дискурса сходны в одном: сетевая дипломатия подразумевает использование международного сотрудничества для построения и улучшения отношений между странами на нейтральной основе. И, как следствие, может рассматриваться в качестве инструмента политики «мягкой силы». Общая ценностно-нормативная структура сетевого взаимодействия может помочь в управлении международными процессами на глобальном уровне и укрепить доверие между странами.

3.4. Механизмы сетевой дипломатии

Сетевая дипломатия подразумевает отказ от блокового формата предыдущей конфигурации системы международных отношений. Для реализации поставленных задач и целевых ориентиров используется формат

«гибких альянсов», в рамках которого акторы не связаны обязательствами, а действуют в международном пространстве на основе собственных интересов. Такая гибкость позволяет решить несколько задач, начиная от консолидации совместных усилий в нивелировании глобальных рисков и угроз до расширения диалоговой площадки по всему периметру взаимодействующих субъектов.

Данный формат дипломатии охватывает широкий спектр организационных конфигураций. Структурные единицы таких объединений определяются характерным внутренним разнообразием. И так как государство по-прежнему является основным структурным элементом, то в первую очередь это могут быть объединения государств. По мнению американского политолога А.-М. Слотера, «государство начало фрагментироваться на составные институциональные структуры, которые напрямую контактируют с аналогичными институтами иных национальных государств, невзирая на национальные границы, однако соблюдая и представляя интересы государства. Государства, в свою очередь, сохранили механизмы агрегации интересов отдельных институтов, что позволяет им в случае необходимости взаимодействовать друг с другом в качестве цельных акторов» [Slaughter, 2004, p. 1]. Таким образом, структурными элементами могут быть также органы или представительства, действующие по поручению или от имени государств. Как отмечает И. Колосова, «новые альянсы часто имеют структуру “круглого стола”, при которой все государства-участники обладают равными правами в организации» [Колосова, 2014, с. 175]. Увеличение количества сторон при обсуждении проблемы ведет к усложнению общей структуры интересов. Концентрация на проблематике, которая затрагивает всех участников международных отношений, позволяет сторонам участвовать в коммуникации на равной основе, что является отличительной характеристикой сетевой дипломатии. Другой ее важной чертой становится открытость и высокая информативность участников, что подразумевает требование взаимного обмена информацией по какому-либо вопросу сотрудничества.

Для обеспечения содействия принятию скоординированных решений по проблеме с учетом рисков и возможных последствий сторонами альянса может формироваться рабочая группа экспертов-специалистов. Примером может служить «Ближневосточный квартет» — объединение ЕС, России, США и ООН для консолидации усилий по мирному урегулированию арабо-израильского конфликта. Другой вариант — создание специального международного органа, на который возлагается решение конкретной задачи в течение определенного срока, ср. «Coalition of the willing» / «Коалиция согласных» — альянс государств, созданный по инициативе США и поддержавший вторжение США в Ирак в 2003 году.

К тому же сети могут функционировать параллельно (БРИКС и ШОС) или в рамках традиционных международных организаций (ЕАЭС, Большая двадцатка). Подобные форматы охватывают широкий спектр современных проблем, а также общие вопросы сотрудничества.

Альянсы или коалиции по интересам представляют собой гибкие формы сотрудничества, которые ориентированы на решение кратко- и среднесрочных проблем тактического уровня и не требуют от государства принятия долгосрочных обязательств. Многоуровневые форматы в данном контексте стали распространяться при обсуждении и решении вопросов, связанных с изменением климата, экологии, регулированием интернета.

С целью выстраивания конструктивного взаимодействия в рамках сети формируются различные группы, усилия которых способствуют эффективному осуществлению задач внешней политики. В качестве примера И. В. Колосова обозначает группу специалистов, занимающих аналогичные посты в различных структурах как внутри страны, так и на международном уровне [Колосова, 2014, с. 176].

Международные организации, создаваемые государствами на основе многосторонних договоров и в соответствии с нормами международного права, приобретают статус наивысшей формы многосторонней дипломатии в контексте сетевой дипломатии. Однако, как уже отмечалось, характерной чертой сетевой дипломатии является многоуровневость, то есть в данном случае, помимо участия государств и международных организаций, подразумевается деятельность неправительственных организаций. Хотя они не являются прямыми участниками, но «выступают важным звеном в реализации концепции сетевой дипломатии», так, например, «Немецкое общество внешней политики» является частной, некоммерческой организацией, проводящей анализ внешней политики и международных отношений [Колосова, 2014, с. 176].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, сетевая дипломатия подразумевает наличие множества участников международного сообщества, среди которых особо выделяются несистемные акторы, нивелирующие ситуацию в системе международных отношений. Это, например, повышает эффективность поиска консенсуса в области проблем, связанных с безопасностью. Специфической особенностью глобальных рисков и угроз становится переосмысление национальной и международной безопасности, что в первую очередь связано с усилением взаимозависимости стран. Однако сетевая дипломатия создает возможность решения этих проблем, привлекая к процессу широкий круг международного сообщества. Примером тому

является формирование антитеррористической коалиции под эгидой ООН с участием региональных организаций при активном привлечении бизнес-структур.

По мнению российских исследователей, феномен сетевой дипломатии соединил в себе все аспекты многосторонней дипломатии. Основными формами « сетевого механизма » дипломатических действий являются конгрессы, конференции, межгосударственные международные встречи, саммиты, посредничество, сессии международных организаций. Среди многосторонних форматов с участием представителей разных стран — это международные организации, клубные форматы, региональные и трансрегиональные объединения. Не исключается, разумеется, двустороннее сетевое взаимодействие сразу по целому ряду вопросов.

В то же время, хотя понятие «сетевая дипломатия» и коррелирует с понятием «многосторонняя дипломатия», но имеет ряд особенностей:

— во-первых, сетевая дипломатия подразумевает гибкие формы участия в многостороннем формате, который приходит на смену тяжелому блоковому противостоянию;

— во-вторых, развитие сетевой дипломатии обусловлено тем, что она открывает возможности для коллективного управления глобальными мировыми процессами в различных сферах;

— в-третьих, основываясь на многоуровневом формате сотрудничества, сетевая дипломатия позволяет сторонам участвовать в коммуникации на равных основаниях;

— в-четвертых, важной чертой сетевой дипломатии является открытость и высокая информированность участников;

— в-пятых, сетевая дипломатия повышает эффективность поиска консенсуса в области проблем, связанных с безопасностью;

— в-шестых, сетевая дипломатия приобретает качества «мягкой силы».

Источники и принятые сокращения

1. *Концепция* внешней политики Российской Федерации утверждена Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым 12.07.2008 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://base.garant.ru/12173145/> (дата обращения 21.08.2022).

2. *Концепция* внешней политики Российской Федерации утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12.02.2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения 23.08.2022).

3. ASGKA — Address by Secretary-General Kofi Annan to the American Academy of Diplomacy upon receiving the Academy's "Excellence in Diplomacy" Award in Washington, DC, on November 28, United Nations Press Release, 30 November 2001 [Electronic resource]. — Access mode: <https://unis.unvienna.org/unis/en/pressrels/2001/sgsm8048.html/> (accessed 23.08.2022).

Литература

1. Бурганова И. Н. Феномен сетевой дипломатии в системе международных отношений (на примере Российской Федерации) / И. Н. Бурганова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 6 (48). — Ч. 1. — С. 120—123. — DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.080_
2. Гребенкина Е. В. Проблема сетевого взаимодействия в международных отношениях / Е. В. Гребенкина // Идеи и идеалы. — 2014. — № 3 (21). — Т. 2. — С. 134—142.
3. Зонова Т. В. Современная модель дипломатии. Истоки становления и перспективы развития / Т. В. Зонова. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2003. — 336 с. — ISBN 5-8243-0384-3.
4. Кунина И. А. Многосторонняя дипломатия в контексте современных международно-политических процессов / И. А. Кунина // «Актуальные проблемы международных отношений» республиканская научная конференция. Сборник тезисов. — Баку : [б. и.], 2019. — 580 с.
5. Колосова И. В. Лабиринты «сетевой дипломатии» / И. В. Колосова // Проблемы постсоветского пространства. — 2014. — № 2. — С. 173—180.
6. Лавров С. В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире / С. В. Лавров. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 896 с. — ISBN 978-5-373-01328-4
7. Лебедева М. М. Новый мировой порядок : параметры и возможные контуры / М. М. Лебедева // Полис. Политические исследования. — 2020. — Т. 29. — № 4. — С. 24—35. — DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03_
8. Морозов В. М. Network Diplomacy : Approaches to the Israel-Palestinian conflict / В. М. Морозов // Вестник ВолГУ, Серия 4, История, Религоведение, Международные отношения. — 2021. — Т. 26. — № 1. — С. 145—156. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.13>.
9. Олеандров В. Л. Многосторонняя дипломатия / В. Л. Олеандров // Право и управление XXI в. — 2013. — № 2 (27). — С. 69—76.
10. Пынзарь С. Многосторонняя дипломатия вчера, сегодня : теоретические подходы / С. Пынзарь // Anuar STINTIFIC. — 2006. — Vol. IV. — С. 68—74.
11. Саворская Е. В. Политические сети в процессе надгосударственного регулирования : европейский и мировой опыт / Е. В. Саворская. — Москва : ИМЭМО РАН, 2018. — 128 с. — ISBN 978-5-9535-0544-4.
12. Фельдман Д. М. Государство в сети международно-политического взаимодействия / Д. М. Фельдман // Сравнительная политика. — 2011. — № 4. — С. 27—35. — DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2011-2-4\(6\)-27-34_](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2011-2-4(6)-27-34_)
13. Barstone R. P. Modern diplomacy / R. P. Barstone. — New York : Routledge, 2019. — 534 p. — ISBN-10: 1138576336.
14. Bonciong A. Drept diplomatic / A. Bonciong. — București : Editura Paideia, 1997. — 267 p. — ISBN 973-9131-72-7.
15. Börzel T. A. Organizing Babylon — on the different conceptions of police network / T. A. Börzel // Public Administrations. — 1998. — Vol. 76. — IS. 2. — Pp. 253—273. — DOI: 10.1111/1467-9299.00100_
16. Hanson F. The New Public Diplomacy / F. Hanson // Lowy Institute for International Policy, November 2011 [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.lowyinstitute.org/Publication.asp?pid=1432> (access mode 29 March 2022).

17. Metz J. Network Diplomacy / J. Metz // *Georgetown Journal of International Affairs*. — 2001. — Vol. 2. — № 1/Winter/ Spring. — Pp. 77—87.

19. Morozov V. M. Network Diplomacy : Contributing to Peace in the 21st Century / V. M. Morozov. — Palgrave Macmillan, 2022. — 258 p. — ISBN-10: 981197005X.

20. Slaughter A.- M. A New World Order / A. Slaughter. — New Jersey : Princeton University Press, 2004. — 368 p. — ISBN 9780691123974.

Material resources

ASGKA — *Address by Secretary-General Kofi Annan to the American Academy of Diplomacy upon receiving the Academy's "Excellence in Diplomacy" Award in Washington, DC, on November 28', United Nations Press Release, 30 November 2001* [Electronic resource]. — Available at: <https://unis.unvienna.org/unis/en/pressrels/2001/sgsm8048.html/> (accessed 23.08.2022).

Conceptul politicii externe a Federației Ruse a fost aprobat de președintele Federației Ruse D. A. Medvedev la 12.07.2008. Available at: <https://base.garant.ru/12173145/> (accessed 21.08.2022). (In Russ.).

Conceptul politicii externe a Federației Ruse a fost aprobat de președintele Federației Ruse V. V. Putin la 12.02.2013. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (accessed 23.08.2022). (In Russ.).

References

Barstone, R. P. (2019). *Modern diplomacy*. New York: Routledge. 534 p. ISBN-10: 1138576336.

Bonciong, A. (1997). *Drept diplomatic*. București: Editura Paideia. 267 p. ISBN 973-9131-72-7.

Börzel, T. A. (1998). Organizing Babylon — on the different conceptions of police network. *Public Administrations*, 76 (2): 253—273. DOI: 10.1111/1467-9299.00100.

Burganova, I. N. (2016). The phenomenon of network diplomacy in the system of international relations (on the example of the Russian Federation). *International Research Journal*, 6 (48) / I: 120—123. DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.080. (In Russ.).

Feldman, D. M. (2011). The state in the network of international political interaction. *Comparative politics*, 4: 27—35. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2011-2-4\(6\)-27-34](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2011-2-4(6)-27-34). (In Russ.).

Grebenskina, E. V. (2014). The problem of network interaction in international relations. *Ideas and Ideals*, 3 (21) / 2: 134—142. (In Russ.).

Hanson, F. (2011). The New Public Diplomacy. In: *Lowy Institute for International Policy*, November 2011. Available at: <http://www.lowyinstitute.org/Publication.asp?pid=1432> (access 29 March 2022).

Kolosova, I. V. (2014). Labyrinths of “network diplomacy”. *Problems of the post-Soviet space*, 2: 173—180. (In Russ.).

Kunina, I. A. (2019). Multilateral diplomacy in the context of modern international political processes. In: *“Actual problems of international relations” Republican scientific conference. Collection of abstracts*. Baku: [b. i.]. 580 p. (In Russ.).

Lavrov, S. V. (2011). *Between the past and the future. Russian diplomacy in a changing world*. Moscow: OLMA Media Group. 896 p. ISBN 978-5-373-01328-4

Lebedeva, M. V. (2020). New World Order: parameters and possible contours. *Polis. Political studies*, 29 (4): 24—35. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03>. (In Russ.).

- Metzl, J. (2001). Network Diplomacy. *Georgetown Journal of International Affairs*, 2 (1)/ Winter/ Spring: 77—87.
- Morozov, V. M. (2021). Network Diplomacy: Approaches to the Israel-Palestinian conflict. *Bulletin of the Volga State University, Series 4, History, Religious Studies, International Relations*, 26 (1): 145—156. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvol-su4.2021.1.13>. (In Russ.).
- Morozov, V. M. (2022). *Network Diplomacy: Contributing to Peace in the 21st Century*. Palgrave Macmillan. 258 p. ISBN-10: 981197005X.
- Pynzar, S. (2006). Multilateral diplomacy yesterday, today: theoretical approaches. *Anuar STINTIFIC, IV*: 68—74. (In Russ.).
- Oleandrov, V. L. (2013). Multilateral diplomacy. *Law and Management XXI d*, 2 (27): 69—76. (In Russ.).
- Savorskaya, E. V. (2018). *Political networks in the process of supranational regulation: European and world experience*. Moscow: IMEMO RAS. 128 p. ISBN 978-5-9535-0544-4. (In Russ.).
- Slaughter, A.-M. (2004). *A New World Order*. New Jersey: Princeton University Press. 368 p. ISBN 9780691123974.
- Zonova, T. V. (2003). The modern model of diplomacy. In: *The origins of formation and prospects of development*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 336 p. ISBN 5-8243-0384-3. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.08.2022,
одобрена после рецензирования 14.10.2022,
подготовлена к публикации 27.11.2022.

Старикова Н. В. «Магические» практики в повседневной жизни нижегородских крестьян второй половины XVIII — первой половины XIX веков / Н. В. Старикова, А. В. Шуршикова, Б. А. Ночвина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 410—427. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-410-427.

Starikova, N. V., Shurshikova, A. V., Nozhvina, B. A. (2022). “Magical” Practices in Daily Life of Nizhny Novgorod Peasants in Second Half of 18th — First Half of 19th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 410-427. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-410-427. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-410-427

«Магические» практики в повседневной жизни нижегородских крестьян второй половины XVIII — первой половины XIX веков

Старикова Нина Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-6631-0296

кандидат исторических наук, доцент
ninast78@yandex.ru

Шуршикова Анна Владимировна¹

orcid.org/0000-0002-8012-4630

кандидат исторических наук, доцент
annashurshikova@yandex.ru

Ночвина Белла Анатольевна²

orcid.org/0000-0003-0772-9817

кандидат исторических наук, доцент
bella.nochtvina@mail.ru

¹ Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

² Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)

“Magical” Practices in Daily Life of Nizhny Novgorod Peasants in Second Half of 18th — First Half of 19th Centuries

Nina V. Starikova¹

orcid.org/0000-0001-6631-0296

PhD in History, associate professor
ninast78@yandex.ru

Anna V. Shurshikova¹

orcid.org/0000-0002-8012-4630

PhD in History, associate professor
annashurshikova@yandex.ru

Bella A. Nozhvina²

orcid.org/0000-0003-0772-9817

PhD in History, associate professor
bella.nochtvina@mail.ru

¹ Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

² Linguistics University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается религиозная культура крестьян Нижегородской губернии в XVIII—XIX веках. Особое внимание уделяется анализу материалов следствий по делам о «ворожбе». Приводятся определения понятий «волшебные дела», «народное православие», «народная религиозность». Охарактеризован половозрастной состав обвиненных в ворожбе. Доказано, что магическими практиками занимались и мужчины, и женщины. Большая часть обвиняемых была старше 34 лет. Предлагается классификация «волшебных» дел Нижегородской губернии. Предметом судебных разбирательств служили лечебные практики (знахарство), применение заговоров для разрешения жизненно важных ситуаций (поиск пропажи, справедливое решение и т. д.), получение предсказаний (гадатели и кликуши), использование предметов и специальных заклинаний для получения собственной выгоды, а также обнаружены дела, связанные с социальным поведением — бегством, дезертирством, попытками избавиться от хозяина или грядущего наказания. Сделан вывод о превалировании «магических» практик, связанных со здоровьем человека или домашнего скота. Представлена авторская реконструкция обстоятельств жизни, приведших обвиняемых к следствию.

Ключевые слова:

ворожба; знахарство; народная религиозность; крестьянство; повседневность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the religious culture of the peasants of the Nizhny Novgorod province in the XVIII—XIX centuries. Particular attention is paid to the analysis of the materials of the investigations in cases of “divination”. Definitions of the concepts “magic deeds”, “folk Orthodoxy”, “folk religiosity” are given. The gender and age composition of those accused of divination is characterized. It is proved that both men and women were engaged in magical practices. Most of the defendants were over 34 years old. A classification of the “magic” deeds of the Nizhny Novgorod province is proposed. The subject of litigation was healing practices (quackery), the use of conspiracies to resolve vital situations (search for loss, a fair decision, etc.), obtaining predictions (fortunetellers and hysterical women), the use of objects and special spells for one's own benefit, as well as found cases related to social behavior — flight, desertion, attempts to get rid of the owner or the coming punishment. The conclusion is made about the prevalence of “magic” practices related to the health of a person or livestock. The author's reconstruction of the circumstances of life that led the accused to the investigation is presented.

Key words:

divination; quackery; folk religiosity; peasantry; everyday life.

«Магические» практики в повседневной жизни нижегородских крестьян второй половины XVIII — первой половины XIX веков

© Старикова Н. В., Шуршикова А. В., Ночвина Б. А. 2022

1. Введение = Introduction

Одной из ведущих тенденций современной исторической науки является интерес к истории ментальности, к тому, как меняется сознание человека в разные исторические эпохи, что его определяет и является основой [Бабаева и др., 2022; Семикопов и др., 2021; Софронова и др., 2020, с. 424—429]. Длительное время в истории человечества мировоззренческие основы эпохи определялись ее религиозной культурой [Устименко, 2017, с. 33—45; Левин, 2004, с. 11—38; Софронова и др., 2021, с. 109—123]. В связи с этим изучение религиозности как основы мышления общества и его отдельных групп представляется весьма актуальным. Одной из черт народной религиозности российского общества стало сочетание православного вероучения и так называемых суеверий, связанных с языческими пережитками. Бытование «магических» практик в российской действительности века Просвещения связано прежде всего с крестьянством. Именно оно, являясь наиболее консервативным слоем русского общества, оказалось практически незатронутым просветительскими тенденциями, став своеобразным носителем так называемого народного православия, под которым авторы статьи понимают синкретизм православного христианского вероучения и пережитков древних языческих культов. Проблема народной религиозности и народного православия является дискуссионной в исторической науке [Лавров, 2000, с. 75—89; Устименко, 2017, с. 33—45; Левин, 2004, с. 11—38; Данилова, 2010, с. 79—81]. Отметим, что религиозность, являвшаяся основой ментальности и культуры крестьянства изучаемой эпохи, имела сложную структуру. В нее входили не только православное вероучение и пережитки язычества, но и принадлежность или сочувствие расколу, различным сектам и т. д. Однако характеристика всех сторон религиозности не является целью исследования, рассуждения по этому вопросу остаются за скобками статьи. В центр исследования помещены сюжеты крестьянского быта, реконструированные на основе анализа материалов «волшебных» следственных дел и характеризующие некоторые аспекты мировоззрения и народной культуры изучаемой эпохи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследованию «колдовских» процессов на материалах российской истории посвящено немало работ. Интерес к этой теме в отечественной исторической науке сформировался еще во второй половине XIX века, когда ученые на архивных материалах Преображенского приказа и Тайной канцелярии изучали роль колдовства в политической истории XVII — начала XVIII веков [Есипов, 1885; Семевский, 1884; Новомбергский, 1907]. Ряд историков, сравнивая западноевропейские процессы над ведьмами и российские «колдовские» дела, приходили к выводу о коренных отличиях этих явлений в России и в Западной Европе ввиду разности их оснований и отсутствия в российской культуре причин для религиозного преследования колдовства [Кантарович, 1990; Горчаков, 1891]. Другие исследователи описывали отношение к колдовству и чародейству в народной среде в разных частях Российской империи, в контексте культуры и быта русского народа [Орлов, 1904; Костомаров, 1860]. В постреволюционное время изучение народной религиозности было на долгое время прервано, что, как справедливо отметил А. С. Лавров, негативно сказалось и на самой исследовательской традиции, и на сохранности, доступности для фиксации и изучения традиционной народной культуры [Лавров, 2000, с. 13]. Обращение к данной тематике возобновилось в 60-е годы XX века. В 1964 году Е. Ф. Грекулов пришел к выводу о наличии в России столь же сурового преследования ведьм и колдунов, как и в Западной Европе [Грекулов, 1964]. Однако данный вывод представляется тенденциозным и неубедительным.

Особое место в советской историографии народной религиозности занимают труды Н. Н. Покровского, который не только существенно расширил источниковую базу проблемы, но и взглянул на нее под новым углом, в связи с общекультурными, социальными и политическими представлениями изучаемого времени [Покровский, 1984]. Большой пласт следственных материалов по духовным делам XVIII века был введен в научный оборот Е. Б. Смилянской. На основе изученного материала она впервые предложила классификацию религиозных преступлений и их типологизацию по сословной принадлежности фигурантов дел [Смилянская, 2003]. Особой заслугой ее исследования стало изучение материалов следствия в тесной связи с общественным сознанием России XVIII столетия. Одной из наиболее значимых работ в области народной религиозности постсоветской исторической науки стал труд А. С. Лаврова [Лавров, 2000], где автор рассмотрел «магические» практики, привлекая материалы «колдовских» процессов Преображенского приказа и Тайной канцелярии, данные этнографических описаний и экспедиций, в контексте анализа общей религиозной ситуации в России 1700—1740 годов не только в народной, но и в дворянской среде, принимая

во внимание политические и экономические процессы изучаемого времени и их влияние на религиозную культуру общества. При этом историк отметил, что для полноты картины необходимо привлекать материал, отложившийся в местных архивах, что позволило бы восстановить динамику развития религиозной культуры российской провинции.

Данная статья представляет обзор и характеристику следственных материалов по «колдовским» делам Центрального архива Нижегородской области. Их основная масса сосредоточена в фондах Совестного суда (№ 133) и Духовной консистории (№ 570) и охватывает период со второй половины XVIII по 40-е годы XIX веков. Не все изученные нами материалы сохранились в полном составе. Некоторые из них не содержат окончания дела. Однако в целом имеющиеся в них данные дают интересный срез народной религиозности указанного периода. Исследование также опирается на законодательные акты о колдовстве, анализ которых выявляет отношение государства к религиозным преступлениям подобного рода.

Методологической основой исследования стали методы источниковедения, с помощью которых осуществлялся поиск, внешняя и внутренняя критика архивных источников. Историко-генетический и сравнительно-исторический методы позволили установить взаимосвязь изучаемого периода с предшествующей эпохой, выявить народное отношение к «магическим» практикам и проследить эволюцию взглядов законодателя на этот процесс. Комплексный анализ указанных источников помог воссоздать картину крестьянской ментальности рассматриваемого периода. В результате исследования некоторые источники впервые вводятся в научный оборот.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Ворожба» в свете памятников права XV—XVII веков

Колдовство, магия, ведовство в обыденном сознании чаще всего соотносятся со Средневековьем — периодом господства образно-чувственного восприятия мира, идеи тесной связи с природой и вместе с тем зависимости от природных явлений. Наступление Нового времени знаменовало собой смену мировоззренческой парадигмы, торжество рационального. Казалось бы, в мире господства разума и просветительской идеологии нет места древним суевериям. Однако российские законодательные памятники Нового времени и материалы судебно-следственных дел доказывают обратное.

Особые черты народной религиозности, отмечаемые многими исследователями, сформировались задолго до наступления Нового времени. Об этом свидетельствуют памятники канонического права XV—XVI веков, описывающие примеры народных гаданий, неодобряемых церковью ритуалов, «бесовских плясок», обращений к предсказателям, попыток за-

щитить себя и близких с помощью имевших особые свойства предметов-оберегов или специальных речевых формул [Послание, 1880, с. 270—276; Стоглав, 1985, с. 308—310, 367—371]. Вплоть до середины XVII века сохранять чистоту православной веры и бороться с распространением в народной среде подобных поведенческих моделей полагалось церкви. Однако уже с середины столетия государство вторгается в традиционно церковную сферу. В указе Алексея Михайловича от 1648 года воеводам вменяется в обязанность следить за моральным обликом населения, применяя батоги [Иванов, 1850, с. 296].

3.2. «Чародейство» в законодательстве Нового времени

По мере реализации Петром I идеи регулярного государства светская власть все больше вмешивалась в прежде исключительно церковную сферу. Колдовство фигурировало в ряде уставов, относящихся к военному законодательству Петра I — в «Уставе воинском» и «Морском уставе». Данные документы применялись не только в военном, но и в гражданском судопроизводстве, о чем свидетельствуют ссылки на них в следственных материалах Духовной консистории и Советного суда [ЦАНО, ф. 133, оп. 121а, д. 40; д. 101; д. 153]. Отдельные части «Устава воинского» — «Артикул воинский», содержащий нормы уголовного права, и «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (принятое название — «Процессы воинские»), регламентировавшее порядок судопроизводства, — имели самостоятельное хождение и публиковались как самостоятельные документы. Так, «Артикул воинский» среди прочих преступлений называет «чародейство», «чернокнижничество», «кружезаговорительство», устанавливая за их совершение наказание от битья шпицрутенами до сожжения [Артикул ..., 1986, с. 329]. Проводилась дифференциация по степени нанесения вреда. В случае причинения серьезного ущерба имуществу или здоровью полагалось сожжение, если же вреда не было, законодатель ограничивался «заключением в железо» и наказанием шпицрутенами. Однако в практике гражданских дел наказания, регламентируемые «Артикулом воинским», практически не применялись.

«Морской устав» строго запрещал колдовство и чародейство. Документ разграничивал наличие или отсутствие злого умысла, при этом называя обращение к «магии» легкомыслием, невежеством и глупостью, определяя, однако, за обращение к колдовству дифференцированное наказание. За однократно совершенное преступление офицеров подвергали штрафам, а рядовых — телесному наказанию, дважды совершенное правонарушение удваивало наказание, в третий раз преступника следовало расстрелять [ЦАНО, ф. 133, оп. 121а, д. 40, л. 11].

Однако при определении наказания судьи руководствовались правилами «Кратких изображений процессов или судебных тяжб», где говорилось,

что в случае невозможности доказательства вины дело следовало закрыть, а обвиняемого отпустить [Там же, л. 10].

Волшебство (чародейство) как особый вид преступления упоминается и в других законодательных памятниках XVIII столетия. Однако при этом усиливается тенденция смягчения наказания ввиду незначительности ущерба, а также в связи с отсутствием неоспоримых доказательств вины подсудимого. Царский указ от 25 мая 1731 года запрещал «чернокнижничество и чародейство». «Волшебников» полагалось казнить «через сожжение» [Указ..., 1830, с. 465—466], а тех, кто прибегал к их услугам, — бить кнутом. Однако на практике если человек признавал свою вину без допросов, то его наказание ограничивалось только покаянием [ЦАНО, ф. 133, оп. 121а, д. 40, л. 12]. Можно отметить, что, с одной стороны, в указе присутствует типичная просветительская мысль о том, что колдовство — это обман простого народа мошенниками, действующими в корыстных целях. Но, с другой стороны, подчеркивалось, что эти обманщики не только наносят урон кошельку своих жертв, но и губят их души.

Отношение государства к народным «магическим» практикам продолжало меняться во время правления Екатерины II, что нашло отражение в реформе судебной системы. Императрицей был учрежден специальный судебный орган — Совестный суд, в компетенцию которого входил разбор преступлений, совершенных безумными, малолетними, а также дела «колдунов или колдовства» [Учреждения..., 1830, с. 229—287]. В этом документе чародейство и прочие «магические» практики также определялись как обман, глупость и невежество, а сам принцип работы нового судебного органа был ориентирован на милосердие. Практика изученных нами «волшебных» дел, рассматриваемых Нижегородским Совестным судом, свидетельствует о предпочтении судей обращаться к штрафам и «духовным» наказаниям, за наложением и исполнением которых следила консистория. Таким образом, проанализированные нами законодательные акты иллюстрируют эволюцию отношения законодателя к бытованию в народной среде «волшебных» практик от ужесточения наказания в конце XVII — начале XVIII столетия (внедрение системы штрафов, битье батогами, шпицрутенами) до его смягчения во время царствования Екатерины II в сторону воспитательных практик и церковного покаяния.

3.3. Религиозность и «магические практики» нижегородских крестьян по материалам судебно-следственных дел

Рассмотрение светским судом «волшебных» дел не отменяло участие в них церкви. В специальном Сенатском указе от 4 сентября 1722 года, адресованном Святейшему Синоду, был определен круг дел, подсудных церкви, а также порядок их рассмотрения. В частности, это дела «ерети-

ческие, богохульные, раскольные, волшебные» и семейные (нарушение брачного возраста, степени родства, прелюбодеяние, незаконные браки, незаконнорожденные и т. д.) [Святейшему Синоду ..., 1830, с. 765]. Рядом петровских, а также последующих указов церковным инквизиторам (благочинным, духовным фискалам) вменялось в обязанность следить за благочестием вверенной им территории. Каждое полугодие епархии должны были подавать в Синод сводные данные от приходов: «есть ли в приходе какое суеверие и не имеется ли притворно юродцев и есть ли колдуны и невидительственные мощи и прочие суеверия» [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 15, л. 1]. В рапортах местных духовных правлений встречаются интересные сведения. В рапорте Лысковского Духовного правления за декабрь 1766 года указано, что, по словам местного священника, есть «притворный юродец» крестьянский сын Михаил Гребенщиков, принадлежащий ведомству экономии. Особенно отмечено, что священник не сразу сообщил об этом. К делу приложена справка из приказного стола, в которой описан случай, навлекший на крестьянина подозрение. Во время молебна Михаил Гребенщиков вдруг стал ругать священно- и церковнослужителей «противностным неведомо от какого случая и чего б воизумлении назвал их... бездомными собаками», при этом ударив священника [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 219, л. 8]. В рапорте имеется приписка о том, что Нижегородская Духовная консистория инициировала следствие по данному рапорту, однако других свидетельств об этом деле в фонде консистории пока не обнаружено.

Священников, вовремя не донесших о наличии в приходе кликуш, юродивых или бытовании суеверий, вызывали в Духовную консисторию для расследования. Духовный Регламент и Синодский указ от 25 ноября 1737 года за недоносительство предписывали «извержение от сана», битье плетью и определение в тяжелые монастырские работы на год [О пресечении..., 1830, с. 361—364]. Для наступления столь суровых последствий было необходимо «достаточное доказательство» вины. Применяемые на практике наказания носили иной характер. В декабре 1761 года Духовной Преосвященного Феофана епископа Нижегородского и Алатырского консисторией за «необъявление кликуш... для предосторожности и смотрительства впредь» тюремным заключением на сутки был наказан иерей села Горбатова Сергей Тимофеев [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 71, л. 3 об.]. Это дело о кликуше сохранилось довольно полно. В его состав входит челобитная дьякона Наума Федорова, инициировавшая следствие, опросы самого дьякона, попа Сергея Тимофеева, крестьянской вдовы Дарьи Ивановой, заключение консисторского суда. Кроме того, к делу относятся две отдельно хранящиеся промемории — переписка между Духовной консисторией Нижегородской епархии и Суздальским Спасо-Ефимовским

монастырем, которому принадлежали фигурирующие в деле крестьяне. Суть произошедшего заключалась в следующем. 1 августа 1761 года иерей Сергей Тимофеев и дьякон Наум Федоров совершали водосвятный молебен в селе Горбатово Павловской пятины Нижегородского уезда, принадлежавшем Суздальскому Спасо-Ефимовскому монастырю. После молебна к ним подошли три крестьянки, проживавшие в Мещерской слободке того же села, и рассказали, что вдова крестьянина Ивана Никитина, Дарья Иванова, проживающая в той же слободке, не была на молебне, поскольку в это время «запершись в своем доме кликала». Через несколько дней поп Сергей вместе с дьяконом Наумом пришли к вдове, чтобы расспросить ее о кликушестве. В челобитной дьякона Наума Федорова сказано, что вдова во всем призналась. Дарья Иванова рассказала отцу Сергию, что делает это не специально, а для того, чтобы излечиться от кликания: она рвет траву с могил, делает из нее отвар и пьет его. Горшок с топленой в воде травой был найден в ее печи. Сергей хотел доложить обо всем услышанном в Павловское духовное правление, однако не сделал этого. Через некоторое время он уехал в село Сазоново той же пятины. В этот же день дьякона Наума Тимофеева схватил приказчик села Горбатово Матвей Окользин, которому помогал крестьянин Василий Карпов и «бранил... всякой смертной бранью и ударил по виску...и ухватя за волосы вытащил в сени... и клюшкой... прутком железным... бил по плечам и рукам смертно» [Там же, л. 16]. Такое жестокое обращение со стороны приказчика было вызвано тем, что, по его мнению, священники нарушили субординацию: о случившемся нужно было доложить сначала ему, приказчику, представителю власти, а не «делать явок» в суд. Тем не менее оскорбленный дьякон написал челобитную в консисторию. Расследование длилось до конца декабря 1761 года. Все это время главные подозреваемые — крестьянка Дарья Иванова и иерей Сергей Тимофеев — содержались в тюрьме. В ходе следствия были опрошены приказчик Окользин, вдова Дарья Иванова, сельские обыватели, священники. Дарья была допрошена дважды: в присутствии консистории и «за сумнительством о ней в деле и с подлинной правды под сечением плетью спрашивана» [Там же, л. 8]. Оба раза вдова давала одни и те же показания. Она рассказала, что никогда не кликала, колдовства и волшебства не знает, ежегодно исповедуется и причащается. Ее оговорили соседки по злобе, потому что «у них завсегда бывает пососедски брань и немалая». Причиной последней ссоры стало сватовство к старшей из четырех дочерей соседки — Спиридоны Ивановой. Вдова узнала, что ее сватал близкий родственник, что было запрещено церковными законами. Видимо, в отместку соседки и оговорили Дарью. Найденная в печи трава (по словам обвиняемой) называется придорожной. Крестьянка рвала ее не

с могил, а у дороги. Травя помогала ей от сердечной болезни, из-за которой та не была на водосвятном молебне. При этом Дарья сослалась, что об этой ее болезни и лечении известно приказчику Матвею Околызину. Хорошую репутацию крестьянской вдовы подтвердили деревенские обыватели, среди которых были сотский Тимофей Михайлов и выборный Терентий Алексеев, а также сокамерники Дарьи Ивановой, видевшие ее ежедневно во время следствия. За недоказанность вины крестьянку отпустили на место ее жительства. Приказчика Матвея Околызина допрашивали в Суздале. Он показал, что «женке Дарье вышепоказанную траву топить и пить не приказывал, есть ли такая трава и от чего оную пьют он не знает, и никакими травами никого никогда не лечил и волшебства за собой не знает» [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 119, л. 1—2]. Власти монастыря вынесли приговор о его невинности. По поводу нанесенных дякону побоев отметили, что расследовать этот случай нужно в другом судебном разбирательстве, куда Наум Федоров и должен обратиться, если пожелает. Из материалов дела видно, что «самовымышленные к поколебанию простого народа суеверия» воспринимались крестьянами как вполне реальный и достаточный повод свести счеты со своими недругами. Сама возможность использовать «магию» не вызывала сомнений среди крестьян. В деле «О привлечении к ответственности кликуш» 1772—1773 годов они, как и чародеи, прямо названы «злоумышленными обманщиками». Содержащаяся в деле отсылка к следствию Устюжского духовного правления, фигуранты которого не только признали свою вину, но и показали, что отреклись от Бога, сняв и выбросив крест, и были уверены во вредоносных свойствах своих «чар», свидетельствует о том, что подобные явления воспринимались как вполне обыденные, привычные крестьянскому миру. Поэтому духовным лицам вменялось в обязанность «благоразумными и учительными увещеваниями от таковых отводить и доходить... до истиной причины их вымысла» [ЦАНО, ф. 570, оп. 555, д. 9, л. 5 об.].

Наиболее распространенной «магической» практикой в крестьянской среде было знахарство [ЦАНО, ф. 135, оп. 121а, д. 40; оп. 121, д. 183; д. 101; д. 77 и др.]. Сельские обыватели верили, что наговорами можно было как излечить, так и «испортить» живое существо. В 1774 году по промемории из Рязской воеводской канцелярии Саранское Духовное правление искало информацию о крестьянской девке Федосье Михайловой, обвиняемой в порче своей хозяйки, жены подпоручика Герасима Лукина. Правление предоставило выписку из метрической книги о том, что обвиняемой 15 лет и что она выбыла из прихода. Подробностей обвинения и решения по делу в указанных материалах не содержится [ЦАНО, ф. 570, оп. 555, д. 264, л. 1].

Иногда дела по обвинению в знахарстве и порче были тесно связаны с совершенно иными преступлениями. В 1764 году крепостную крестьянку Анну Миронову обвинили в порче жены коллежского регистратора Андрея Протопопова [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 166]. Причем инициировал обвинение сам муж «испорченной» женщины. Однако при изучении материалов оказалось, что дело вовсе не в порче. Анна Миронова стала крепостной коллежского регистратора, когда вышла замуж за его дворового человека Степана Ферапонтова. Как и ее муж, служила хозяевам верой и правдой «со всяким послушанием». Однако ее муж не был доволен жизнью у Протопопова. Он говорил жене, что ранее принадлежал другому помещику, а коллежскому регистратору был подарен его свойственником. Степан Ферапонтов надеялся изменить положение своей семьи, подав в Нижегородскую канцелярию донос, утверждавший, что он не является собственностью Протопопова. Написать это письмо ему помогла жена, которая нашла в городе грамотного молодого человека — «неведомого школьника». Степана задержали в Нижегородской губернской канцелярии до выяснения обстоятельств дела. Естественно, коллежский регистратор узнал о происходящем. Он обвинил Анну Миронову в краже сарафанов и кокошников, а когда у той при обыске нашли медвежий коготь, мускатный орех, корень имбиря, «сазаний зуб» и «траву белину», еще и в порче своей жены, поскольку та не могла иметь детей. Анну допрашивали в Нижегородской Духовной консистории и в Совестном суде, где она показала, что сарафаны и кокошники получала от «работы своей», а также от хозяйки. После того, как ее муж был посажен под караул, она была вынуждена продать свое имущество на нижнем базаре, чтобы кормить мужа. По поводу найденных корений крестьянка пояснила, что мускатный орех и имбирь дала ей хозяйка от «животной скорби». Сазаний зуб помогает при лихорадке, а белина — от зубной боли, их она получила от жены Бориса Михайлова, крестьянина Благовещенской слободы. Медвежий коготь Анна сама отрезала от хозяйской медвежьей skóry, чтобы лечить лихорадку. Все это «держала она не для какого злодейства к человеческому смертному яду, но только ко излечению вышепоказанных болезней» [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 166, л. 5]. Бедную дворовую крестьянку допрашивали с «пристрастием» «под плетью», но она не изменила показаний. Духовное ведомство не нашло достаточных оснований для обвинения в порче, дело Анны Мироновой вместе с самой обвиняемой вернули в Нижегородскую полицмейстерскую канцелярию для выяснения обстоятельств кражи.

С похожими обстоятельствами было связано дело по обвинению в воровстве крестьянской женки Настасьи Ивановой, рассматриваемое в 1837 году в Совестном суде [ЦАНО, ф. 133, оп. 121а, д. 119]. Следствие

было начато в Макарьевском уездном суде. Дворовый человек Василий Яковлев потерял 14 830 рублей, принадлежащих его госпоже. Естественно, что его обвинили в сокрытии столь крупной суммы. Василий Яковлев не мог объяснить, ни при каких обстоятельствах он потерял деньги, ни как они были украдены. Тогда другой крепостной, Григорий Алексеев, поехал в родную деревню Яковлева, чтобы ворожить о пропаже. Местная крестьянка Настасья Иванова обещала «начитывать на нашедшего деньги то-скливый стих для того, чтобы он деньги сам подбросил» [Там же, л. 4 об.]. Поскольку в деле присутствовал факт ворожбы, к следствию приобщили Духовную консисторию и Совестьный суд. Настасья Иванова была «с увещеванием священниками спрашивана» и показала, что ворожбы не знает и о потерянных деньгах не ворожила, более того, Григорий Алексеев к ней не приезжал и она его совсем не знает. Муж, дети и 4 снохи подтвердили ее показания. Повальный обыск, опрос односельчан в количестве 11 человек не прояснил ситуацию. Сельские обыватели не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть ее слова, поскольку не видели Алексева. Суд учел репутацию крестьянки: «На исповеди и у святого причастия бывает, грамоте не умеет, в штрафах, под судом и в публичных наказаниях не бывала» [Там же, л. 7]. Произведенный повальный обыск подтвердил хорошую репутацию Настасьи. Совестьный суд освободил крестьянку от следствия. Судьбу дворового Яковлева по материалам данного дела установить невозможно.

В случае начала эпидемии, когда люди умирали от «неведомо какой болезни», местных жителей охватывала паника. Они пытались найти объяснение этим трагическим случаям, и наиболее вероятным и понятным вариантом для них была ворожба. Тогда подозрение падало на кого-то из односельчан, порой даже на лицо духовного звания [ЦАНО, ф. 133, оп. 121, д. 111]. В 1832 году за короткое время от неизвестной болезни умерли 4 женщины села Елховка. Тогда сельские обыватели вспомнили о слухах, ходивших о местном дьяконе, будто он лечил людей, наговаривая на воду или вино. Селяне сделали вывод, что, если мог лечить, то мог и, наоборот, насыщать болезни. Они подали прошение с просьбой перевести дьякона на другое место.

В некоторых случаях дела о ворожбе были связаны с бегством или «самовольной отлучкой» крестьян. В сентябре 1828 года крестьянка Пелагея Федотова, 23 лет, проживавшая вместе с мужем в доме свекра, ушла из деревни. О побеге было своевременно доложено в Лукояновский уездный суд. Через полгода крестьянка сама вернулась домой. На следствии она рассказала, что ушла из-за болезни, узнав, что в селе Рождественка живет слепая девка, Аграфена Никитина, умеющая лечить наговорами на воду. В доме ее отца Пелагея жила, помогая смотреть за детьми, а слепая ее лечила, окачивая заговоренной водой. Естественно, что ни Аграфена, ни ее

семья вины не признали, утверждая, что «ворожбы не знают». Более того, жители деревни заявили, что не видели Пелагеи Федотовой. В результате Аграфену от следствия освободили, а Пелагею наказали 10 ударами плетью [ЦАНО, ф. 133, оп. 121, д. 102].

Известны случаи «лечения» людей с использованием киновари и медного купороса [ЦАНО, ф. 176, оп. 94а, д. № 171]. Тогда суд учитывал степень причиненного здоровью вреда. Ситуацию могло усугубить наличие у обвиняемого «гадательных», или «заговорных», тетрадей, особенно если в них встречались списки с «раскольничьих книг» или фигурантами являлись лица духовного сословия [ЦАНО, ф. 570, оп. 555, д. 174; д. 156; ф. 570, оп. 554, д. 181]. Так в 1797 году было заведено два дела на священников Михаила Федорова и Алексея Иванова. Первого обвинили в хранении тетрадей с заговорами, а второго — в их написании. Алексей Иванов признался, что писал тетрадку «в осьмушку ... со старинной тетрадки, найденной им после умершего деревни Ушаково крестьянина» [ЦАНО, ф. 570, оп. 555, д. 156, л. 25]. Два года священник хранил тетрадь, читал, думая, «не будет ли ему от нее какой пользы», а затем отдал своему племяннику Михаилу Федорову. Во время розыска выяснилось, что Алексей Иванов уже бывал под следствием, но его оправдали. Это могло бы стать отягчающим обстоятельством, однако по манифесту 1801 года оба обвиняемых попали под амнистию и были освобождены.

Применение сильнодействующих веществ, испорченная репутация, сопряжение ворожбы с обвинением, в побеге или краже приводили к более суровым наказаниям — порке плетью или розгами, заключению сроком на год, тяжелым монастырским работам [ЦАНО, ф. 176, оп. 94а, д. 171; ф. 133, оп. 121, д. 102]. При этом «магические» действия трактовались законом как обман, невежество и глупость. Однако в представлении простого народа «чародейство» являлось вполне реальным и зачастую единственным доступным способом разрешения сложной ситуации, будь то болезнь, потеря чего-либо, защита или привлечение удачи. Именно поэтому в крестьянских делах обвинения в уголовных преступлениях часто сопутствовали «ворожбе», «кликанию» и другим «чудесам».

На тесную связь православного вероучения с дохристианскими культурами в народном мировоззрении указывают тексты заговоров. Преимущественно они являлись смесью обращения к христианским святым и силам природы. Их содержание наполнено молитвенными формулами — «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь» — и поэтическими былинными образами: «океан-море», «бел-горюч камень», «чистое поле», «столы дубовые», «еда сахарная и пойла медвяные», «пещера огненная». В качестве защитников, противостоящих болезни, выступали святые отцы, чудотворцы, Ми-

хаил-архангел, евангелисты. Сами болезни имели антропоморфные черты, например: «босые простоволосые жены». Высшие силы применяли к ним физическое воздействие, доступное человеку: «зарежет тебя» (о лихорадке), «били их прутьями железными» (о болезнях). В заговорах использовалась магическая формула, в которой вместо языческих богов упоминалась сила христианской веры: «заградят тебя ... именем господним». Но, с другой стороны, упоминались в заговорах и иные «преграды»: «положит тебя под бел горяч-камень, засыплет тебя хрящами и занесет тебя песками» [ЦАНО, ф. 135, оп. 121а, д. 40, л. 1—2; РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 789, л. 2].

4. Заключение = Conclusions

Анализ судебной практики «волшебных» дел Нижегородской Духовной консистории и Нижегородского Совестного суда показал в целом соответствие типологии аналогичных дел, расследуемых в столице. Предметом судебных разбирательств служили использование природных компонентов и речевых формул для лечебных (или наоборот) практик, или знахарство, применение заговоров для разрешения жизненно важных ситуаций (поиск пропажи, справедливое решение и т. д.), получение предсказаний (гадатели и кликуши), использование предметов и специальных заклинаний для получения собственной выгоды, а также обнаружены дела, связанные с социальным поведением — бегством, дезертирством, попытками избавиться от хозяина или грядущего наказания. Однако в изученных нами следственных материалах не обнаружено дел, связанных с любовной магией или с политическими мотивами. Недостаток первых объяснить сложно, а отсутствие вторых вполне объяснимо достаточной удаленностью от столицы, а следовательно, от власти.

Можно сделать вывод о превалировании «магических» практик, так или иначе связанных со здоровьем человека или домашнего скота. Половозрастной состав «ворожей» и «колдунов» неоднороден. Обладать «магическими» знаниями одинаково могли как женщины, так и мужчины. При этом возраст «ворожей» в большинстве случаев — от 35 лет и старше, то есть зрелый. Пожалуй, в изученных нами материалах только дважды встречалось указание на более молодой возраст женщин: Федосья Михайлова 15-ти лет и слепая Аграфена, возраст которой не указан прямо, но следствие применило к ней термин «девка», обозначив место жительства в отцовском доме, что указывает на ее незамужний статус. Можно предположить, что это могло быть связано с достаточно молодым возрастом (до 25 лет) либо со слепотой, которая в то время не способствовала вступлению в брак. Вдовство также не являлось решающим показателем для наделения человека «волшебными» свойствами. В делах с одинаковой ча-

стотой фигурируют вдовы или вдовцы и семейные люди. Для более точных выводов о демографии «волшебных» дел необходимо продолжить исследование и сбор статистических данных.

Устойчивость отдельных элементов дохристианской обрядности в народной среде, их органическое вплетение в повседневные практики русского крестьянства, несомненно, связаны с особенностями быта и организации хозяйственной деятельности. Отсутствие медицины и санитарных норм, тяжелый труд, низкий уровень жизни, жилище и ритм жизни, не меняющиеся веками — все это способствовало консервированию издавна укоренившихся норм бытового поведения, формированию особой ментальности и религиозности. Нельзя обойти вниманием роль социально-политических факторов в этом процессе. Однако для более детальных выводов требуется дальнейшее изучение темы.

Источники и принятые сокращения

1. *Артикул* воинский. Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. — Москва : Юридическая литература, 1986. — Т. 4. — С. 327—365.
2. *О пресечении* суеверий. Синодский указ от 25 ноября 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 10. — С. 361—364.
3. *Послание* митрополита Фотия 1410 г. / Русская историческая библиотека. Памятники Древнерусского канонического права. — Санкт-Петербург, 1880. — Т. 6. — Ч. 1. — С. 270—276.
4. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 7 (Преображенский приказ, Тайная экспедиция и Тайная канцелярия). Оп. 1. Д. № 789.
5. *Святейшему* Синоду указ от 4 сентября 1722 года // Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 6. — С. 765.
6. *Стоглавый* Собор / Российское законодательство X—XX веков. — Москва : Юридическая литература, 1985. — Т. 2. — С. 241—402.
7. *Указ* от 25 мая 1731 г. О наказании за призвание волшебников и о казни таковых обманщиков // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 8. — С. 465—466.
8. *Учреждения* для управления губерний от 7 ноября 1775 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 20. — С. 229—287.
9. ЦАНО — *Центральный* архив Нижегородской области Ф. 133 (Совестный суд) Оп. 121а, Д. 40 ; Д. 63 ; Д. 101 ; Д. 153 ; Д. 119 ; Оп. 121, Д. 77 ; Д. 83 ; Д. 101 ; Д. 102 ; Д. 111 ; Ф. 570 (Духовная консистория). Оп. 554, Д. 15 ; Д. 71 ; Д. 119 ; Д. 166 ; Д. 181 ; Д. 219 ; Оп. 555. Д. 9 ; Д. 156 ; Д. 174 ; Д. 264.
10. ЦАНО — *Центральный* архив Нижегородской области Ф. 174 (Нижегородская губернская палата уголовного суда) Оп. 94а. Д. № 171.

Литература

1. *Бабаева А. В.* Репрезентации «человеческой исключительности» в культурном потоке Нового времени [Электронный ресурс] / А. В. Бабаева, Н. В. Шмелева // Вестник Мининского университета. — 2022. — № 1 (10). — Режим доступа : <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1334/877> (дата обращения 21.08.2022).
2. *Горчаков М. И.* Инквизиция в восточной церкви / М. И. Горчаков // Юридическая летопись. — 1891. — № 12. — С. 491—504.
3. *Грекулов Е. Ф.* Православная инквизиция в России / Е. Ф. Грекулов. — Москва : Наука, 1964. — 168 с.
4. *Данилова А. И.* Традиции двоеверия в русском православии / А. И. Данилова // Теория и практика общественного развития. — 2010. — № 4. — С. 79—81.
5. *Есипов Г. В.* Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и тайной канцелярии / Г. В. Есипов. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1880. — 445 с.
6. *Забылин М.* Русский народ. Обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Репринт. воспроизведение изд. 1880 г. / М. Забылин. — Москва : Институт русской цивилизации, 2014. — 688 с. — ISBN 978-5-4261-0096-1.
7. *Иванов П. И.* Описание государственного архива старых дел / П. И. Иванов. — Москва : Типография С. Селивановского, 1850. — С. 296—299.
8. *Канторович Я. А.* Средневековые процессы о ведьмах. Репринт. воспроизведение изд. 1899 г. / Я. А. Канторович. — Москва : Книга, 1990. — 221 с. — ISBN 5-212-00575-2.
9. *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров. — Санкт-Петербург : Типография К. Вульфа, 1860. — 214 с.
10. *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России 1700—1740 гг. / А. С. Лавров. — Москва : Древлехранилище, 2000. — С. 75—89.
11. *Левин Ив.* Двоеверие и народная религия в России / Ив Левин. — Москва : Индрик, 2004. — 216 с. — ISBN 5-85759-284-4.
12. *Новомбергский Н. Я.* Врачебное строение в допетровской Руси / Н. Я. Новомбергский. — Томск : Паровая типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1907. — 502 с.
13. *Орлов М. А.* История сношений человека с дьяволом / М. А. Орлов. — Санкт-Петербург : Типография П. Ф. Пантелеева, 1904. — 344 с.
14. *Покровский Н. Н.* Путешествие за редкими книгами / Н. Н. Покровский. — Москва : Книга, 1984. — 192 с.
15. *Семевский М. И.* Очерки и рассказы из русской истории. Слово и дело! / М. И. Семевский. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1884. — 382 с.
16. *Семикопов Д. В.* Европа как «другой» русского историософского сознания : от средневековья к модерну / Д. В. Семикопов, А. А. Захряпин // Вестник Мининского университета. — 2021. — № 1 (9). — Режим доступа : <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1189/826> (дата обращения 23.08.2022).
17. *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики : народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. / Е. Б. Смилянская. — Москва : Индрик, 2003. — 462 с. — ISBN 5-85759-250-X.
18. *Софронова Л. В.* «Великий переход» Брюса Кэмпбелла : модель глобального средневековья / Л. В. Софронова, А. В. Хазина // Диалог со временем. — 2020. — № 73. — С. 424—429.

19. Софронова Л. В. Эразм Роттердамский о религиозном расколе в Богемии (1518—1519) : Concordia vs Tolerantia / Л. В. Софронова, А. В. Хазина // Диалог со временем. — 2021. — № 77. — С. 109—123. — DOI: 10.21267/AQUILO.2021.77.77.007.

20. Устименко А. Л. Народная религия Руси : «между» язычеством и православием / А. Л. Устименко // Ценности и смыслы. — 2017. — № 2 (48). — С. 33—45.

Material resources

Central Archive of the Nizhny Novgorod region F. 133 (Conscience Court) Op. 121a, 40; 63; 101; 153; 119; Op. 121, 77; 83; 101; 102; 111; F. 570 (Spiritual Consistory). Op. 554, D. 15; D. 71; D. 119; D. 166; D. 81; D. 219; Op. 555. D. 9; D. 156; D. 174; D. 264. (In Russ.).

Central Archive of the Nizhny Novgorod region F. 174 (Nizhny Novgorod Provincial Chamber of the Criminal Court) Op. 94a. D. № 171. (In Russ.).

Decree of May 25, 1731 On the punishment for the calling of magicians and the execution of such deceivers // *The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting*, 8. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 465—466. (In Russ.).

Institutions for the administration of provinces from November 7, 1775 // *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1*, 20. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 229—287. (In Russ.).

Military article. Russian legislation of the X—XX centuries: in 9 volumes, 4. (1986). Moscow: Legal Literature. 327—365. (In Russ.).

On the suppression of superstitions. Synod Decree of November 25, 1737 // *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, 10. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. 361—364. (In Russ.).

Russian State Archive of Ancient Acts. F. 7 (Preobrazhensky order, Secret expedition and Secret Chancery). Op. 1. D. № 789. (In Russ.).

The Hundred—Domed Cathedral / Russian legislation of the X—XX centuries, 2. (1985). Moscow: Legal Literature. 241—402. (In Russ.).

The Message of Metropolitan Photius 1410 // *Russian Historical Library. Monuments of Ancient Russian canon law*, 6 (1). (1880). St. Petersburg. 270—276. (In Russ.).

To the Holy Synod decree of September 4, 1722 // *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, 6. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. P. 765. (In Russ.).

References

Babaeva, A. V., Shmeleva, N. V. (2022). Representations of “human exclusivity” in the cultural stream of Modern times. *Bulletin of Mininsky University*, 1 (10). Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1334/877> (accessed 21.08.2022). (In Russ.).

Danilova, A. I. (2010). Traditions of dualism in Russian Orthodoxy. *Theory and practice of social development*, 4: 79—81. (In Russ.).

Esipov, G. V. (1880). *People of the old Century. Stories from the cases of the Preobrazhensky Order and the secret Chancellery*. Saint Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 445 p. (In Russ.).

- Gorchakov, M. I. (1891). Inquisition in the Eastern Church. *Legal Chronicle*, 12: 491—504. (In Russ.).
- Grekulov, E. F. (1964). *Orthodox Inquisition in Russia*. Moscow: Nauka. 168 p. (In Russ.).
- Ivanov, P. I. (1850). *Description of the State Archive of old cases*. Moscow: S. Selivanovsky Printing House. 296—299. (In Russ.).
- Kantorovich, Ya. A. (1990). *Medieval witch trials. Reprint. reproduction of the 1899 edition*. Moscow: The book. 221 p. ISBN 5-212-00575-2. (In Russ.).
- Kostomarov, N. I. (1860). An essay on the domestic life and customs of the Great Russian people in the XVI and XVII centuries. St. Petersburg: Printing house of K. Wolfe. 214 p. (In Russ.).
- Lavrov, A. S. (2000). Witchcraft and religion in Russia 1700—1740. Moscow: Drevlekhra-nishche. 75—89. (In Russ.).
- Levin, Iv. (2004). *Duality and folk religion in Russia*. Moscow: Indrik. 216 p. ISBN 5-85759-284-4. (In Russ.).
- Novombergsky, N. Ya. (1907). *Medical structure in pre-Petrine Russia*. Tomsk: Steam typol. Sib. t-va pech. Dela. 502 p. (In Russ.).
- Orlov, M. A. (1904). *The history of human relations with the devil*. St. Petersburg: P. F. Pan-teleev Printing House. 344 p. (In Russ.).
- Pokrovsky, N. N. (1984). *Journey for rare books*. Moscow: Book. 192 p. (In Russ.).
- Semevsky, M. I. (1884). *Essays and stories from Russian history. Word and deed!* St. Petersburg: V. S. Balashev Printing House. 382 p. (In Russ.).
- Semikopov, D. V., Zakhryapin, A. A. (2021). Europe as the “other” of the Russian historio-sophical consciousness: from the Middle Ages to the Modern. *Bulletin of the Mininsky University*, 1 (9). Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1189/826> (accessed 23.08.2022). (In Russ.).
- Smilyanskaya, E. B. (2003). *Magicians. Blasphemers. Heretics: Folk religiosity and “spiritual crimes” in Russia of the XVIII century*. Moscow: Indrik. 462 p. ISBN 5-85759-250-X. (In Russ.).
- Sofronova, L. V., Khazina, A. V. (2020). “The Great Transition” by Bruce Campbell: a model of the global Middle Ages. *Dialogue with time*, 73: 424—429. (In Russ.).
- Sofronova, L. V., Khazina, A. V. (2021). Erasmus of Rotterdam on the religious schism in Bohemia (1518—1519): Concordia vs Tolerantia. *Dialogue with time*, 77: 109—123. DOI: 10.21267/AQUILO.2021.77.77.007. (In Russ.).
- Ustimenko, A. L. (2017). Folk religion of Russia: “between” paganism and Orthodoxy. *Values and Meanings*, 2 (48): 33—45. (In Russ.).
- Zabylin, M. (2014). *Russian people. Customs, rituals, traditions, superstitions and poetry. Reprint. reproduction of the 1880 edition*. Moscow: Institute of Russian Civilization. 688 p. ISBN 978-5-4261-0096-1. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 31.08.2022,
одобрена после рецензирования 21.10.2022,
подготовлена к публикации 04.11.2022.

Степанова Л. Г. Немецкие колонисты на Молочных водах Таврической губернии в первой трети XIX века / Л. Г. Степанова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 428—442. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-428-442.

Stepanova, L. G. (2022). German Colonists on River Milky Waters of Taurida Province in First Third of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 428-442. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-428-442. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-428-442

Немецкие колонисты на Молочных водах Таврической губернии в первой трети XIX века

Степанова Лилия Геннадьевна
orcid.org/0000-0003-3902-1389
кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории России
liliya_stepanova@list.ru

Кубанский
государственный университет
(Краснодар, России)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 22-28-00330,
<https://rscf.ru/project/22-28-00330>

German Colonists on River Milky Waters of Taurida Province in First Third of 19th Century

Liliya G. Stepanova
orcid.org/0000-0003-3902-1389
PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian History
liliya_stepanova@list.ru

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-00330,
<https://rscf.ru/project/22-28-00330>

© Степанова Л. Г., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются материалы Генерального межевания Российской империи первой трети XIX века о немецких колониях, основанных на территории Мелитопольского уезда Таврической губернии. Актуальность исследования обусловлена большим интересом к переселенческой политике, проводившейся Российской империей в этом регионе в конце XVIII — первой трети XIX веков, а также к процессам заселения и освоения новых территорий и участию в них иностранных колонистов. Новизна исследования заключается в привлечении в качестве источников по истории немецких колонистов ранее не использовавшихся «Экономических примечаний к планам Генерального межевания», полевых записок землемеров и спорных дел. На их основе автор изучает особенности хозяйственного устройства поселений немецких колонистов, структуру их земельных угодий. Особое внимание уделяется спору меннонитов с духоборцами о границах владений, в ходе которого выяснялось истинное расположение русла реки Молочной. Рассмотрение дела показывает, что споры о границах земельных участков носили принципиальный характер и доходили до высших органов власти. Вплоть до 1830-х годов имелись еще нерешенные вопросы, связанные с землеустройством и межеванием немецкоязычных колоний.

Ключевые слова:

немецкие колонисты; меннониты; Генеральное межевание; Экономические примечания; полевые записки; Таврическая губерния; Молочные воды.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The information from the materials of the General Land Survey of the Russian Empire in the first third of the 19th century about the German colonies based on the territory of the Melitopol district of the Tauride province is analyzed in the article. The relevance of the study is due to the great interest in the resettlement policy pursued by the Russian Empire in this region at the end of the 18th — the first third of the 19th centuries, as well as in the processes of settlement and development of new territories and the participation of foreign colonists in them. The novelty of the study lies in the involvement of previously unused “Economic notes on the plans of the General survey, field notes of land surveyors and controversial cases” as sources on the history of German colonists. Based on them, the author studies the features of the economic structure of the settlements of German colonists, the structure of their land. Particular attention is paid to the dispute between the Mennonites and the Dukhobors about the boundaries of possessions, during which the true location of the Molochnaya River bed was clarified. The consideration of the case shows that disputes over the boundaries of land plots were of a fundamental nature and reached the highest authorities. Until the 1830s, there were still unresolved issues related to land management and surveying of the German-speaking colonies.

Key words:

German colonists; Mennonites; General survey; Economic notes; field notes; Taurida province; Milky waters.

Немецкие колонисты на Молочных водах Таврической губернии в первой трети XIX века

© Степанова Л. Г., 2022

1. Введение = Introduction

Массовое переселение иностранных колонистов в Российскую империю началось во второй половине XVIII века после манифеста Екатерины II [ПСЗ, т. XVI, № 11720, с. 126—127]. Если раньше в Россию приезжали иностранцы, в основном сохранявшие подданство другой страны, занимающиеся торговлей, ремеслом, нанимавшиеся на военную и гражданскую службу, то теперь ее земельные просторы привлекали крестьянское население, страдающее на родине от малоземелья и бедственного экономического положения, подвергавшееся различным ущемлениям из-за своего вероисповедания. В 1787 году было заключено отдельное соглашение о переселении в Россию с меннонитами — европейскими протестантами, последователями вероучения голландца Менно Симонса. Из-за своих религиозных убеждений они отказывались служить на военной службе и в качестве протеста выбирали эмиграцию из государств, где начинались их притеснения [Алишина, 2011, с. 85]. В 1800 году при Павле I меннонитам не только были подтверждены старые льготы, но и дана отсрочка от уплаты поземельной подати [Немцы в истории..., 2006, с. 100—102].

В начале XIX века наибольшая часть иностранных колонистов оседала в Новороссии. В Мелитопольском уезде Таврической губернии с 1804 по 1811 годы появилось 37 немецких колоний [Кабузан, 2003, с. 44]. В 1804—1805 годах возле речки Молочные воды были основаны 17 колоний меннонитов и 18 колоний лютеран и католиков. Они были объединены в Молочанский меннонитский и Молочанский колонистский округа. Иностранные колонисты столкнулись на новом месте с немалыми трудностями, вызванными необходимостью адаптации к незнакомым природным условиям, приспособлением привычного хозяйственного уклада к новым реалиям жизни, взаимодействием с другими переселенцами и представителями государственных органов власти.

История немецких колонистов в России имеет обширную историографию. Процесс переселения немецких колонистов в Россию, особенности их хозяйственного уклада и опыт ведения сельскохозяйственной деятельности изучались представителями дореволюционной исторической науки [Клаус, 1896; Писаревский, 1903; Штах, 1916]. Хозяйственное устройство

колоний и быт переселенцев подробно описывали этнографы и агрономы [Бертенсон, 1902; Бабенко, 1905]. В советской историографии гораздо большее внимание уделялось религиозной жизни протестантов [Клибанов, 1931]. В 1950—1960-х годах особенности хозяйственной деятельности в немецких колониях на южных территориях рассматривались в рамках изучения колонизационных процессов [Дружинина, 1959, Дружинина, 1961]. В 1970-е годы особое внимание уделялось меннонитам, изучались их особенности и отличия от немецких колонистов [Ипатов, 1978].

Новый интерес к истории немецких колоний на южных территориях возник у исследователей в 1990—2000-е годы. В это время появляются работы, в которых уделяется внимание ходу переселения и основным видам колонизации новороссийских земель [Белова, 2004], земельным проблемам [Карагодин и др., 1996], определению численности населения [Кабузан, 2003]. В последующие годы исследователи изучают хозяйственный уклад немецких колоний [Малиновский, 2010], особое внимание привлекают внедрение новых способов хозяйствования [Венгер, 2009], переселение немецких колонистов на новые южные территории [Мехдиханов, 2014]. В современной историографии в большей степени оценивается деятельность меннонитов в социально-экономическом и культурном развитии Северного Причерноморья [Редькина и др., 2019], на основе изучения законодательства анализируется миграционная политика российского правительства [Ерохина и др., 2020]. Зарубежные исследователи концентрируют внимание на изучении успешного опыта деятельности немецких колонистов [Brandes, 1993], умении приспособиться к новым природным условиям, создать новые системы землепользования, придать хозяйству ярко выраженный товарный характер [Myeshkov, 2008].

При изучении истории немецких колонистов в России, в том числе процессов заселения и освоения ими новых территорий, исследователи используют разнообразный круг источников. Однако в историографии по истории немецких колонистов отсутствуют исследования, основанные на материалах Генерального межевания земель Российской империи. Между тем в результате проведения межевания устанавливались границы земельных владений, разрешались споры землевладельцев, закреплялось право собственности на землю. Возросшее внимание к переселенческой политике России в конце XVIII — первой трети XIX веков и участию в ней иностранных колонистов, включившихся в освоение новых земель, подчеркивает актуальность данной темы и необходимость привлечения для ее изучения новых источников. Материалы Генерального межевания позволяют провести сравнительный анализ хозяйственного положения немецких колоний во время межевания, отразившего их состояние в 30-е годы

XIX века, оценить выделенные колонистам земли, прояснить механизм установления границ владений и разрешения земельных споров.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве основных источников данной статьи выступают «Экономические примечания Таврической губернии Мелитопольского уезда», обобщающие сведения по межеванию немецких колоний, а также полевые записки землемеров, содержащие важные исходные данные, в том числе и по выяснению расположения земельных угодий на местности и установлению межи. Экономические примечания к планам Генерального межевания представляют собой сводные количественные данные по обмежеванным дачам, размещенные в табличной форме. Они содержат в виде примечания к каждой даче описание ее местоположения с указанием состава и качества земельных угодий, грунта, воды, леса и кустарников, зверей, птиц, рыб, основных занятий населения, сведения об имевшихся в поселениях постройках. Экономические примечания позволяют оценить хозяйственное состояние земельных владений и наличие определенных природных ресурсов.

Полевые записки относятся к формализованным документам, которые составлялись в соответствии с межевым законодательством и инструкциями. В правилах Генерального межевания регламентировались все действия землемеров. В инструкции Правительствующего Сената указывалось, что все полученные на местности данные необходимо фиксировать в полевом журнале (или полевой записке), впоследствии они должны были использоваться при составлении плана на обмежеванную дачу [ПСЗ, т. XXVII, № 12711, с. 87—89]. В полевой записке описывался каждый шаг землемера на дистанции, содержались заявления владельцев и понятых, приводились результаты измерений земли, выявленные межевые знаки [Степанова, 2020, с. 983—994]. В случае конфликтов, которые невозможно было решить в ходе межевых работ, заводились спорные дела, рассмотрение которых проводилось в вышестоящих инстанциях, а затем на места приходили распоряжения о перепроверке исходных документов и результатов межевания.

Хозяйственное состояние немецких колоний на территории по течению реки Молочной отражено в «Экономических примечаниях Таврической губернии Мелитопольского уезда», составлявшихся в 1832—1834 годах [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1558]. Сведения «Экономических примечаний...» стали основой для составления базы данных, позволяющей оптимально организовать массив с фактографической и документальной информацией о проживающем населении, категориях земель, имеющихся природных ресурсах. Для создания базы данных использовался Интерфейс Access 2016, позволяющий проводить сортировку количественных и ка-

чественных показателей в таблице, вести поиск записей, отбирать необходимые сведения при помощи фильтров. Полевые записки о межевании немецких колоний, выявленные в фонде Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Таврической губернии [РГАДА, ф. 1339, оп. 1], впервые вводятся в научный оборот. Использование историко-сравнительного метода при изучении полевых записок позволяет выявить особенности, связанные с землеустройством и межеванием земель немецких колоний. Материал полевых записок позволяет изучить действия землемеров «в поле» при проведении межевания и разрешении спорных ситуаций.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Экономические примечания о хозяйственном состоянии немецких колоний на Молочных водах

В начале XIX века на территории Новороссийского края осваивались земли, расположенные по течению реки Молочной. С 1803 года на Молочных водах начали обосновываться немецкие переселенцы. Поселения и земельные угодья меннонитов, располагавшиеся на левом берегу реки Молочной, образовали Молочанский меннонитский округ, поселения и земли лютеран и католиков, обосновавшихся на ее правом берегу, вошли в Молочанский колонистский округ. В «Экономических примечаниях...» по Мелитопольскому уезду Таврической губернии, сочиненных в 1832—1834 годы старшим землемером Одинцовым, содержатся сводные данные по немецким колониям на Молочных водах и подробные описания их хозяйственного положения.

В Молочанский меннонитский округ к этому времени входила 41 колония меннонитов. По ревизии, в меннонитских колониях числились 2930 мужских душ (м. д.) и 2721 женских душ (ж. д.), но во время проведения Генерального межевания в них проживали 4212 м. д. и 4010 ж. д. В целом в немецких поселениях насчитывалось 49 каменных домов, 6 домов из жженого кирпича, 111 — деревянных, 674 — из земляного кирпича и 351 мазанка. В колониях Орлов, Петерсгаген, Порденау и Руднервейде имелись каменные молитвенные дома, в колониях Шензе, Петерсгаген, Маргенау и Лихтенау были построены деревянные молитвенные дома [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1557, л. 19].

Среди основных занятий меннонитов было хлебопашество и скотоводство. Однако «многие из них упражнялись в мастерствах плотничестве, столярстве, слесарстве, токарстве, бондарстве, сапожничестве, портняжестве, кузнечестве, переплетничестве, красильничестве и мастерством часовых дел» [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1557, л. 20]. К колониям было отрезано 60190 дес. удобной и 7247 дес. 1013 саж. неудобной земли. Грунт в основном

относился к черноземному, лучшие урожаи без внесения удобрения давали рожь, пшеница, ячмень, овес и просо. В округе числились общественная овчарня, под которой располагалось 3000 дес. удобной и 190 дес. 1000 саж. неудобной земли, суконная фабрика на 3000 дес. удобной земли, винокуренный и пивоваренный заводы, 5 красилен, 4 укусных завода, 15 маслобоен, 33 кузницы, 2 кирпичных завода, 5 мучных водяных мельниц, 29 крупчаток.

В колонии Гальбштадт имелась суконная фабрика, где выпускалось до 12 000 аршин сукна в год. Шерсть для его производства закупалась в близлежащих колониях. Произведенное сукно продавалось на ярмарках в Харькове, Воронеже, в Екатеринославской и Таврической губерниях. На фабрике работали вольнонаемные люди. В этой же колонии имелись общественная пивоварня, изготавливавшая в год до 3000 ведер пива, водяная мельница, три крупчатки и одна маслобойня [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1558, л. 26 об. — 27]. В колонии Розенорт находилась общественная овчарня, в которой насчитывалось 4125 шпанских овец. Ежегодно овчарня давала до 315 пудов шерсти, отправлявшихся в Москву. В колонии Тигервейде действовал общественный винокуренный завод, на котором выкуривалось для продажи до 2000 л вина в год, а также одна ветряная мельница и трактир [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1558, л. 28]. Землемеры, проводившие межевание колоний меннонитов, оценили их зажиточность как «отлично хорошую» [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1558, л. 30 об.].

Сама река Молочная по описаниям в «Экономических примечаниях...» достигала глубины до 2 аршин и ширины до 20 сажень. В ней водились щуки, карпы, окуни, чебак, плотва, пескари. В мелких речках имелась в значительном количестве мелкая рыба. В окрестностях встречались волки и зайцы, среди птиц — дрофы, стрепеты, куропатки, перепелки, дикие гуси, утки, кулики и бекасы [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1558, л. 30 об.].

В Молочанский колониcтский округ входили 23 поселения, где проживали немецкие переселенцы, имеющие католическое и лютеранское вероисповедание. По ревизии в округе числились 3098 м. д. и 3140 ж. д., во время межевания в наличии оказалось 6909 м. д. и 6023 ж. д. К Молочанскому колониcтскому округу было прирезано 67 131 дес. 1146 саж. земли, из которых 15 226 дес. 984 саж. относились к пашне, 47 248 дес. 1167 саж. — к сенокосам, 31 дес. 654 саж. — к плантациям. К неудобной земле было причислено 3636 дес. 328 саж. Грунт земли землемеры относили к чернозему или черноглинистому [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1558, л. 23 об.]. Из зерновых культур колонисты выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, просо и гречиху. При благоприятных погодных условиях и без внесения удобрения все они давали хорошие урожаи, но наилучшими признавались урожаи ржи и овса [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1558, л. 26].

В колониях округа насчитывалось 788 каменных кирпичных домов, во всех колониях имелись школьные дома. В колонии Пришиб располагалась каменная евангелически-лютеранская церковь, католический молитвенный дом, общественная школа, одна ветряная и две конно-действующие мельницы. Ежегодно в апреле и сентябре в колонии Пришиб проводились две большие ярмарки, на которые съезжались купцы из городов Орехова, Ногайска, Александрова, Мариуполя и Перекопа. На ярмарках колонисты продавали скот и продукты земледелия. В колонии Гендельберг были построены кирпичная католическая кирха, ветряная мельница, маслобойня. В колонии Гохштет имелись католический молитвенный дом, школьный дом, ветряная и конно-действующая мельница [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1558, л. 23 об.].

В Молочанском колонистском округе действовали 18 ветряных мельниц и одна водяная мельница. В колонии Альт-Нассау была заложена общественная плантация, где росли более 20349 плодовых деревьев, 1840 тутовых и 59 509 лесных деревьев. Здесь разводились шелковичные черви, дававшие ежегодно до 16 фунтов шелку. В колонии Гринталь имелся общественный завод шпанских овец численностью 5934 голов. В каждой колонии велась вольная продажа вина [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1558, л. 25—25 об.]. Общий достаток жителей округа считался хорошим.

3.2. Поиск реки Молочной и споры по установлению земельных границ

Заселение и освоение немецкими колонистами земель по течению реки Молочной происходило одновременно с переселением на эту территорию населения из внутренних губерний России. С 1802 года сюда стали переселяться духоборцы — представители христианско-протестантского движения в России, отвергавшие всякую внешнюю обрядность. По именному указу Александра I им было разрешено поселиться на Молочных водах с предоставлением определенных льгот и выделением на каждую душу по 15 дес. земли [ПСЗ, т. XXVII, № 20123, с. 27—28]. В полевой записке 1828 года описывается утверждение межи по речке Молочной между землями деревень духоборцев и колониями меннонитов Шензе, Фирстенау и Ладекоп. Основанием для проверки установленной ранее межи стало спорное производство, поступившее из Правительствующего Сената в Екатеринославскую межевую контору. К нему были приложены планы и полевые записки деревень духоборческого общества (Богдановки, Терпение, Спасской, Троицкой) и немецкоязычных колоний (Лихтенау, Блюмштейн, Линденау, Шензе, Петерсгаген, Гальбштадт, Мунтау, Фишау и других). В споре оказались 258 дес. 1951 саж. удобной и 92 дес. 266 саж. неудобной земли [РГАДА, ф. 1339, оп. 1, д. 76, л. 4].

Более полные сведения о разгоревшемся конфликте сохранились в полевой записке 1817 года о межевании земельных угодий деревень духоборцев на реке Молочной. Как выяснилось, в августе 1817 года землемер Екатеринославской межевой конторы, титулярный советник К. Ильин вместе с депутатами Таврической губернии проверял на меже план, сочиненный землемером Зубаревым. Выявленные при проверке неточности фиксировались в присутствии понятых и владельцев земель. Перевод на немецкий язык был доверен выборгскому купеческому сыну Ивану Бартраму. Кроме колонистов и духоборцев, на меже в качестве понятых присутствовали татары из соседних поселений, которым также переводили фиксирующиеся в документах сведения [РГАДА, ф. 1339, оп. 1, д. 73, л. 11, 13—13 об., 17 об.].

При выезде на местность удалось установить, что духоборцы и меннониты называли рекой Молочной разные водные объекты. Землемер, губернский секретарь Август Гаустек, депутат, титулярный советник Шаповаленко и волостной голова меннонитов Петр Тевс дали показания, что река Молочная в определенном месте разделяется на два рукава. Правый рукав реки имеет высокий и крутой берег, по этому протоку весной идет большая часть воды и лед, поэтому он продолжает носить название реки. Левый рукав именуется Безымянным, наполняется водой во время сильных дождей и весенних наводнений, в остальное время в нем растет высокий камыш. Письменные показания об истинном расположении течения реки Молочной еще в 1810 году предоставили жители селения Большой Токмак и соседних татарских аулов. Они засвидетельствовали, что правый рукав — настоящая река Молочная, а левый — это проток. Эти показания меннониты просили учесть при отводе земель [РГАДА, ф. 1339, оп. 1, д. 73, л. 22—22 об.].

В свою очередь представители духоборческих селений настаивали на правильности своих доводов. Места их поселений были утверждены бывшим Новороссийским гражданским губернатором М. П. Миклашевским и обозначены на уездном плане. В 1805 году земли поселений по решению межевой конторы также были утверждены формальной межей, на них духоборцам выдали соответствующие планы. Поселившиеся позже в этих местах меннониты оспаривали из земель духоборцев часть сенокосного луга и камышей, лежащих по течению реки Молочной и граничащих с их владениями с правой стороны. Духоборцы, ссылаясь на проживавших в этих местах ногайцев, считали настоящей рекой левый рукав Молочной. Полноводие этого протока они подтверждали свидетельствами о наводнениях, во время которых вода затапливала принадлежащие им сенокосы. Полноводие правого протока они объясняли тем, что в него вливается речка Солоненка, имеющая в некоторых местах крутые берега. Обозначение этой речки имелось на выданных духоборцам планах. Речку Солоненку не-

возможно было перепутать ни с какой другой рекой, поскольку вода в ней соленая и горькая, непригодная к употреблению ни людям, ни скоту [РГАДА, ф. 1339, оп. 1, д. 73, л. 24—24 об.].

Все двенадцать опрошенных понятых единогласно утверждали, что река Молочная течет в левой стороне и вода в ней пресная. Однако представлявшие меннонитов и колонистов землемер, губернский секретарь А. Гауштек и волостной голова П. Тевс отказались подписывать итоговые документы, мотивируя тем, что «они на собранных понятых подозрение не имеют, но самих их не знают» [РГАДА, ф. 1339, оп. 1, д. 73, л. 25—25 об.].

3.3. Поступление спорного дела меннонитов и духоборцев в Правительствующий Сенат и разрешение конфликта

В сентябре 1817 года меннониты представили доверенность поверенному Николаю Винцу для обращения по спорному отводу земель [РГАДА, ф. 1339, оп. 1, д. 73, л. 40—41 об.]. Прибывшему для проведения отвода землемеру К. Ильину поверенный пояснил, что вышедшие из реки Молочной протоки меннонитам были неизвестны, поэтому река Молочная ими по незнанию показана неправильно. Выше по течению река Молочная делится на два протока, правый из которых является настоящей рекой и границей владений меннонитов, что подтверждается планами духоборцев. Однако выезд на местность так и не помог К. Ильину разобраться, где течет настоящая река Молочная. Ранее измерявший и наносивший на план реку Молочную землемер А. Гауштек не смог показать реальное ее течение. Проверка межи была остановлена для поисков настоящего русла реки [РГАДА, ф. 1339, оп. 1, д. 73, л. 46—47 об., 49].

В ноябре 1817 года землемер Екатеринославской межевой конторы К. Ильин вместе с депутатами и поверенными еще раз выехали на местность. От меннонитов в качестве поверенного выступал Иван Корнис. На этот раз было установлено, что на полученном из межевой конторы плане река Молочная нанесена не на своем месте [РГАДА, ф. 1339, оп. 1, д. 73, л. 58]. При разбирательстве выяснилось, что меннониты продолжали называть Молочной речку Солоненку, в свою очередь Солоненкой они именовали безымянную протоку [РГАДА, ф. 1339, оп. 1, д. 73, л. 77]. Решение спорного дела надолго затянулось. Теперь на землемеров была возложена задача нанести на планы верное расположение самой реки Молочной и ее рукавов с правильным указанием названий [РГАДА, ф. 1339, оп. 1, д. 73, л. 84—84 об.].

План реки Молочной вместе с планами дач, планом спорного места и полевыми записками был приложен к производству, отправленному в Правительствующий Сенат. Определение истинного течения реки стало очень важным как для духоборцев, так и для меннонитов, поскольку река Молочная служила естественной границей их владений. Однако меннониты не

получили поддержку в споре с духоборцами о границах своих владений, хотя выданные ранее планы при проверке оказались «несходственными» с «натуральным местоположением и утвержденными межами» [РГАДА, ф. 1339, оп. 1, д. 76, л. 2—4 об.]. В планах, выданных духоборческому обществу в 1806 году, был обнаружен проток Соляной, который меннониты ошибочно считали рекой Молочной. В резолюции межевого департамента Сената содержалось требование оставить неприкосновенной дачу духоборцев, отведенную в 1806 году и утвержденную по Генеральному межеванию в своих границах. Все неточные планы на дачи и межевые книги подлежали исправлению. В июле 1828 года по указу Екатеринославской межевой конторы землемер, коллежский секретарь Томашевский выехал совместно с Мелитопольским дворянским заседателем Колосовым, представлявшим меннонитов депутатом, титулярным советником Тарасевичем, поверенными от духоборческих деревень и понятыми на спорное место для установления формальной межи по речке Молочной [РГАДА, ф. 1339, д. 76, л. 16]. Землемером были произведены необходимые измерения межи для исправления неточностей в планах и межевых книгах с фиксацией в полевом журнале межевых знаков, выявленных географических объектов и живых урочищ.

4. Заключение = Conclusions

Изучение материалов Генерального межевания показывает, что в них отразились ранее неизвестные сведения о немецких колониях, основанных на берегу реки Молочной. «Экономические примечания Таврической губернии Мелитопольского уезда» демонстрируют землеустройство и хозяйственное состояние немецких колоний на Молочных водах в 1830-х годах, когда переселенцы уже смогли обосноваться на новом месте, развить инфраструктуру своих колоний. Сюда они перенесли старые традиции своего хозяйствования, однако новые условия жизни вызывали необходимость адаптации. Бескрайние неосвоенные земельные просторы стимулировали развитие животноводческих отраслей хозяйства, особенно овцеводства. Со временем плодородные черноземные земли стали распахиваться под хлебопашество, в колониях появились не только общественные овчарни, но и водяные, ветряные и конно-упряжные мельницы, обеспечивавшие перемол выращенного зерна, маслобойни, суконная фабрика, работавшая на собственном сырье, винокуренный завод и пивоварни. Среди перспективных отраслей хозяйства развивалось шелководство.

Однако вплоть до 30-х годов XIX века оставались нерешенными вопросы землеустройства и межевания немецких колоний. В полевых записках землемеров содержатся сведения, связанные с первоначальным обоснованием колонистов на новых местах. В условиях освоения незна-

комой территории переселенцы не всегда правильно определяли границы выделенных земель и расположения живых урочищ, служащих ориентирами на местности. Между тем споры о меже носили принципиальный характер, длились годами и доходили до высших органов власти. Наглядно это демонстрирует спор меннонитов и духоворцев о границах их земель. Изначально неправильное определение основного русла реки Молочной привело к освоению меннонитами территории, предназначенной для других переселенцев. В условиях колонизации нового региона, одновременных процессов заселения и освоения земель серьезные ошибки, связанные с правильным определением географических объектов, служащих границами владений и выступающих в качестве межевых знаков, допускали и землемеры.

Источники и принятые сокращения

1. *Грамота* Павла I колонистам-меннонитам, 6 сентября 1800 г. // Немцы в истории России : Документы высших органов власти и военного командования. 1652—1917. — Москва : Материк, 2006. — С. 100—102.
2. ПСЗ — *Полное собрание законов Российской империи*. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
3. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*.

Литература

1. *Алишина Г. Н.* Вопрос об идентичности меннонитов в годы Первой мировой войны / Г. Н. Алишина // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 351. — С. 85—87.
2. *Бабенко В. А.* Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края / В. А. Бабенко. — Екатеринослав : Типография Губернского Земства, 1905. — 144 с.
3. *Белова Е. В.* Внутренняя политика Российского правительства по заселению Юга Российской империи (по материалам Новороссии и Бессарабии) 1751—1871 годы : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Белова. — Москва, 2004. — 32 с.
4. *Бертенсон В. В.* По югу России. Сельскохозяйственные очерки, наблюдения и заметки / В. В. Бертенсон. — Одесса : «Славянская» типография Н. Хризогелос, 1902. — Выпуск 3. — 116 с.
5. *Венгер Н. В.* Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации юга России. Между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789—1920) / Н. В. Венгер. — Днепропетровск : Издательство Днепропетровского национального университета, 2009. — 698 с. — ISBN 978-966-551-286-8.
6. *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. / Е. И. Дружинина. — Москва : Издательство Акад. наук СССР, 1959. — 279 с.
7. *Дружинина Е. И.* Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825—1960 гг. / Е. И. Дружинина. — Москва : Наука, 1961. — 215 с.
8. *Ерохина О. В.* Немецкие колонисты в миграционной политике российского самодержавия (анализ законов Российской империи) / О. В. Ерохина, О. А. Лиценбургер //

Вестник РУДН. Серия : История России. — 2020. — Т. 19. — № 4. — С. 810—823. — DOI: h10.22363/2312-8674-2020-19-4-810-823.

9. *Ипатов А. Н.* Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности / А. Н. Ипатов. — Москва : Мысль, 1978. — 213 с.

10. *Кабузан В. М.* Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII—XX веках (1710—1989 гг.) / В. М. Кабузан // Историко-статистическое исследование. — Москва : Институт российской истории РАН, 2003. — 218 с. — ISBN 5805501201.

11. *Карагодин А. И.* Земельные проблемы немецкой колонизации на юге Украины (XVIII—XIX века) / А. И. Карагодин, А. И. Кокошинский // Культурологічний вісник: науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. — 1996. — Выпуск 3. — С. 5—13.

12. *Клаус А.* Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России / А. Клаус. — Санкт-Петербург : Типография В. В. Нусвальта, 1869. — Выпуск 1. — 456 с.

13. *Клибанов А. И.* Меннониты / А. И. Клибанов. — Москва ; Ленинград : Огиз — Московский Рабочий, 1931. — 110 с.

14. *Малиновский Л. В.* Социальная и хозяйственная история немецких колонистов в Южной России (1762—1917) / Л. В. Малиновский. — Барнаул : Алтай, 2010. — 233 с. — ISBN 978-5-88449-240-0.

15. *Мехдиханов Р.* Немецкие колонии в Шамкире / Р. Мехдиханов // Кавказ и мир. Международный научный журнал. — 2014. — № 18. — С. 136—146.

16. *Писаревский Г. Г.* Переселение меннонитов в Россию при Александре I (по неизданным архивным документам) / Г. Г. Писаревский // Русская мысль. — 1903. — Кн. X. — С. 49—72.

17. *Редькина Л. Ю.* Меннониты в социально-экономическом и культурном развитии Причерноморья / Л. Ю. Редькина, Т. П. Назарова. — Волгоград : Издательство ВолГУ, 2019. — 535 с. — ISBN 978-5-9669-1963-4.

18. *Степанова Л. Г.* Экономические сведения полевых записок землемеров о хозяйственном освоении Крыма в конце XVIII — начале XIX в. / Л. Г. Степанова // Вестник архивиста. — 2020. — № 4. — С. 983—994. — DOI: 10.28995/2073-0101-2020-4-983-994.

19. *Штах Я.* Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов / Я. Штах. — Москва : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1916. — 266 с.

20. *Brandes D.* Von den Zaren adoptiert : Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in NeuRußland und Bessarabien 1751—1914 / D. Brandes. — München : Oldenbourg Verlag, 1993. — 570 p. — ISBN 9783486560145.

21. *Myeshkov D.* Die Schwarzmeerdeutschen und ihre Welten, 1781—1871 / D. Myeshkov // Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte im oestlichen Europa. — Essen : Klartext Verlag, 2008. — Band 30. — 507 p. — ISBN 978-3-89861-715-4.

Material resources

Letter of Paul I to the Mennonite colonists, September 6, 1800. (2006). In: *Germans in the history of Russia: Documents of the highest authorities and military command. 1652—1917.* Moscow: Mainland. 100—102. (In Russ.).

Russian State Archive of Ancient Acts. (In Russ.).

The Complete collection of laws of the Russian Empire. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. (In Russ.).

References

- Alishina, G. N. (2011). The question of the identity of Mennonites during the First World War. *Bulletin of Tomsk State University*, 351: 85—87. (In Russ.).
- Babenko, V. A. (1905). *Ethnographic essay of the folk life of the Yekaterinoslav region*. Ekaterinoslav: Printing house of the Provincial Zemstvo. 144 p. (In Russ.).
- Belova, E. V. (2004). *The internal policy of the Russian government on the settlement of the South of the Russian Empire (based on the materials of Novorossiia and Bessarabia) 1751—1871*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 32 p. (In Russ.).
- Bertenson, V. V. (1902). *In the south of Russia. Agricultural essays, observations and notes*, 3. Odessa: "Slavic" printing house N. Chrysogelos. 116 p. (In Russ.).
- Brandes, D. (1993). *Von den Zaren adoptiert: Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neu-rußland und Bessarabien 1751—1914*. München: Oldenbourg Verlag. 570 p. ISBN 9783486560145. (In Germ.).
- Druzhinina, E. I. (1959). *Northern Black Sea region in 1775—1800*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 279 p. (In Russ.).
- Druzhinina, E. I. (1961). *Southern Ukraine during the crisis of feudalism. 1825—1960*. Moscow: Nauka. 215 p. (In Russ.).
- Erokhina, O. V., Licenburger, O. A. (2020). German colonists in the migration policy of the Russian autocracy (analysis of the laws of the Russian Empire). *Bulletin of the RUDN. Series: History of Russia*, 19 (4): 810—823. DOI: h10.22363/2312-8674-2020-19-4-810-823. (In Russ.).
- Ipatov, A. N. (1978). *Mennonites. Questions of formation and evolution of ethno-confessional community*. Moscow: Mysl. 213 p. (In Russ.).
- Kabuzan, V. M. (2003). The German—speaking population in the Russian Empire and the USSR in the XVIII—XX centuries (1710—1989). In: *Historical and statistical research*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 218 p. ISBN 5805501201. (In Russ.).
- Karagodin, A. I., Kokoshinsky, A. I. (1996). Land problems of German colonization in the south of Ukraine (XVIII—XIX centuries). *Kulturologichnyi visnik: naukovo-teoretichnyi shchorichnik Nizhnyoi Naddniproianshchini*, 3: 5—13. (In Russ.).
- Klaus, A. (1869). *Our colonies. Experiments and materials on the history and statistics of foreign colonization in Russia*, 1. St. Petersburg: Printing House of V. V. Nusvalt. 456 p. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1931). *Mennonites*. Moscow; Leningrad: Ogiz — Moskovsky Rabochy. 110 p. (In Russ.).
- Malinovsky, L. V. (2010). *Social and economic history of German colonists in Southern Russia (1762—1917)*. Barnaul: Altai. 233 p. ISBN 978-5-88449-240-0. (In Russ.).
- Mehdikhanov, R. (2014). German colonies in Shamkir. *Caucasus and the world. International Scientific Journal*, 18: 136—146. (In Russ.).
- Myeshkov, D. (2008). Die Schwarzmeerdeutschen und ihre Welten, 1781—1871. In: *Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte im oestlichen Europa*, 30. Essen: Klartext Verlag. 507 p. ISBN 978-3-89861-715-4. (In Germ.).
- Pisarevsky, G. G. (1903). The resettlement of Mennonites to Russia under Alexander I (according to unpublished archival documents). *Russian Thought*, X: 49—72. (In Russ.).
- Redkina, L. Yu., Nazarova, T. P. (2019). *Mennonites in the socio-economic and cultural development of the Black Sea region*. Volgograd: Volga Publishing House. 535 p. ISBN 978-5-9669-1963-4. (In Russ.).

- Shtakh, Ya. (1916). *Essays from the history and modern life of South Russian colonists*. Moscow: A. I. Mamontov Printing Company. 266 p. (In Russ.).
- Stepanova, L. G. (2020). Economic data of field notes of surveyors on the economic development of the Crimea at the end of the XVIII — beginning of the XIX century. *Archivist's Bulletin*, 4: 983—994. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-4-983-994. (In Russ.).
- Wenger, N. V. (2009). *Mennonite entrepreneurship in the conditions of modernization of the South of Russia. Between the congregation, the clan and the Russian society (1789—1920)*. Dnepropetrovsk: Publishing House of Dnepropetrovsk National University. 698 p. ISBN 978-966-551-286-8. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 15.09.2022,
одобрена после рецензирования 30.10.2022,
подготовлена к публикации 05.11.2022.*

Суслова Е. Д. Церковные приходы Корельского уезда в XVI — начале XVII веков / Е. Д. Суслова, Е. В. Овчинникова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 443—471. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-443-471.

Suslova, E. D., Ovchinnikova, E. V. (2022). Church Parishes of Korelsky District in 16th — Early 17th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 443-471. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-443-471. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-443-471

Церковные приходы Корельского уезда в XVI — начале XVII веков

Суслова Евгения Дмитриевна

orcid.org/0000-0003-1017-8761

кандидат исторических наук,
доцент, кафедра зарубежной
истории, политологии
и международных отношений
evgenia.suslova@mail.ru

**Овчинникова Елизавета
Владимировна**

orcid.org/0000-0002-2646-3826

кафедра зарубежной истории,
политологии
и международных отношений
elizaweta.ow4innickowa@yandex.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Благодарности:

Исследование проведено в рамках
реализации Программы поддержки
НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ,
финансируемой Правительством
Республики Карелия

Church Parishes of Korelsky District in 16th — Early 17th Centuries

Evgenia D. Suslova

orcid.org/0000-0003-1017-8761

PhD in History, Associate Professor,
Department of Foreign History,
Political Science and International
Relations,
evgenia.suslova@mail.ru

Elizaveta V. Ovchinnikova

orcid.org/0000-0002-2646-3826

Department of Foreign History, Political
Science and International Relations,
elizaweta.ow4innickowa@yandex.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out as part
of the implementation of the Research
and Development (R&D) Support Program
for students and graduate students
of Petrozavodsk State University,
funded by the Government
of the Republic of Karelia

© Суслова Е. Д., Овчинникова Е. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено осмыслению проблемы становления церковно-приходской системы Корельского уезда, оказавшегося в XVI — начале XVII веков в центре политического и идеологического противостояния Шведского королевства и Московского царства. Новизна исследования состоит в том, что впервые на основе комплексного анализа всех доступных источников уточнено общее количество мирских приходов и церквей, функционировавших в регионе в конце 1560-х — конце 1570-х годов, и осуществлена их локализация на карте. Последовательное сопоставление количества мирских церковных приходов в трёх хронологических срезах — в начале 1500-х, конце 1560-х — конце 1570-х и начале 1610-х годов — позволило дополнить сложившуюся в историографии концепцию трансформации церковно-приходской системы в крае и установить, что всплеск церковного строительства, наметившийся в 1540-х годах, продолжался до конца 1570-х годов. Показано, что возведение новых храмов развивалось неравномерно: начавшись в наиболее населённых волостях, расположенных вдоль побережья Ладожского озера, оно продолжилось на периферии. Сделан вывод, что благодаря целенаправленной политике Церкви при поддержке местных элит православная вера и культура прочно утвердились среди мирян, что сыграло ключевую роль в судьбах карельского приграничья.

Ключевые слова:

Корельский уезд; Северо-Западное Приладожье; Русская Православная Церковь; церковный приход; церковно-приходская система.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study is devoted to understanding the problem of the formation of the parochial system of the Korelsky district, which found itself in the 16th — early 17th centuries at the center of the political and ideological confrontation between the Swedish kingdom and the Muscovite kingdom. The novelty of the study lies in the fact that for the first time, based on a comprehensive analysis of all available sources, the total number of secular parishes and churches that functioned in the region in the late 1560s — late 1570s was clarified, and their localization on the map was carried out. A consistent comparison of the number of secular church parishes in three chronological sections — in the early 1500s, late 1560s — late 1570s and early 1610s — made it possible to supplement the concept of transformation of the parish church system in the region that had developed in historiography and establish that the surge in church building that began in the 1540s continued until the end of the 1570s. It is shown that the construction of new temples developed unevenly: starting in the most populated volosts located along the coast of Lake Ladoga, it continued on the periphery. It is concluded that thanks to the purposeful policy of the Church, with the support of local elites, the Orthodox faith and culture have firmly established themselves among the laity, which played a key role in the fate of the Karelian borderlands.

Key words:

Korelsky county; Northwestern Ladoga area; Russian Orthodox Church; church parish; parochial system.

Церковные приходы Корельского уезда в XVI — начале XVII веков

© Сулова Е. Д., Овчинникова Е. В., 2022

1. Введение = Introduction

История развития церковно-приходской системы в Корельском уезде Водской пятины Новгородских земель, которые с падением Новгорода в 1478 году вошли в состав Великого княжества Московского, остаётся предметом пристального внимания исследователей. Её всестороннее изучение позволяет осмыслить особенности политики Православной Церкви, направленной на христианизацию приграничной территории, волею судеб оказавшейся в центре противостояния Московского царства и Шведского королевства, так же как оценить, сколь глубоко население полиэтнической периферии усвоило православную веру к 1617 году, когда Северо-Западное Приладожье согласно Столбовскому договору было передано Швеции.

Вопрос о становлении Православия на карельской земле первоначально рассматривался в самых широких территориальных рамках. Так, И. А. Чистович выявил и сопоставил этапы становления христианской церкви в двух исторически сложившихся областях Великого княжества Финляндского, восточной и юго-западной, отличавшихся составом проживавших на них финно-угорских племён, вошедших в сферу влияния России и Швеции соответственно [Чистович, 1856, с. 3—4]. Н. К. Чуков рассмотрел особенности становления Православия в XI — начале XVII веков в Обонежье и Северо-Западном Приладожье [Чуков, 1892, с. 588]. Архимандрит Сергей (Тихомиров) подсчитал количество храмов, определил состав причтов, размеры и доходность земельных владений монастырей и причтов мирских церквей в начале XVI века во всех шести уездах Водской пятины, в том числе Корельском [Сергий (Тихомиров), 1905, с. 237—265]. Значимую роль в исследовании становления Православия в Корельском уезде в начале XX века сыграли работы финляндского краеведа Й. Салениуса [Salenius, 1910]. Опираясь на сведения источников государственного архива Финляндии, автор установил перечень деревенских церквей, возникших между 1500 и 1589 годами в Кирьяжском (8), Сердобольском (4) и Иломанском (4) погостах [Историческая ..., 1910, с. 5].

Кратко освещая историю христианизации Северо-Западного Приладожья и Обонежья в XII—XVI веках, А. С. Жербин привёл значимые даты, свидетельствующие о приобщении карелов к вере, однако не ставил во-

проса о подсчёте количества церквей и часовен [Жербин, 1987, с. 25—35]. Фокусируя внимание на двух регионах — Северо-Западном Приладожье и Обонежье, А. Ю. Жуков проследил особенности становления церковного управления в регионе и определил роль православной веры в консолидации карельского этноса и складывании административно-территориального деления [Жуков, 2000; Жуков, 2003; Жуков, 2011; Жуков, 2013, с. 69—78].

Финляндский учёный Х. Киркинен составил исчерпывающий перечень монастырей и мирских приходов (часовенных и церковных — на погостах и в деревнях), упомянутых в русских и шведских источниках XVI — начала XVII веков, а также локализовал их на карте [Kirkinen, 1970, pp. 258, 262—263, 345]. Ныне широко приводимые российскими исследователями в качестве свидетельства широкого распространения Православия в крае общие цифры, характеризующие количество православных храмов и монастырей в крае в двух срезках — (1) в конце XIV — начале XV веков и (2) в середине XVI века, Х. Киркинен установил для всей «русской Карелии», в состав которой включил Корельский уезд, Заонежские и Лопские погосты, Карельское Поморье [Дмитриев, 2004, с. 5; Жербин, 1987, с. 31; Kirkinen, 1970, p. 155; Киркинен, 1998, с. 67; Петрова, 2003, с. 73].

Реконструируя становление Православия на карельской земле, А. Е. Мусин предложил разделить исследуемую территорию на четыре региона, исходя из их историко- и этнокультурных особенностей, а также административно-территориального статуса: (1) Северо-Западное Приладожье, (2) Восточное Приладожье и среднее Посвирье, (3) Прионежье и (4) Поморье [Мусин, 1997, с. 248]. Комплексно изучив письменные источники и данные археологии, учёный выделил и кратко охарактеризовал четыре этапа в утверждении Православия в Северо-Западном Приладожье в XII—XVI веках [Мусин, 1997; Мусин, 2002, с. 203—207].

Отдельные вопросы, так или иначе связанные со становлением Православия в Корельском уезде, стали предметом углублённого изучения целой плеяды учёных. Так, А. М. Спиридонов и О. А. Яровой, опираясь на данные археологических раскопок, исследовали начальный этап становления церковно-приходской системы Корельского уезда и вопрос об основании Валаамской обители [Спиридонов и др., 1991]. А. П. Дмитриев опубликовал очерк по истории Корельской епархии — с момента её учреждения (1595) до упразднения после передачи Корельского уезда Швеции (1617). Автор выявил состояние церковно-приходской системы в первой половине XVI века, сравнивая данные о церквях по писцовым книгам 1500 года (Д. Китаев) и 1568 года (И. Булгаков) в четырёх из семи погостов уезда (Городенском, Сакульском, Ровдужском и Соломенском) [Дмитриев, 2000, с. 97—105].

Выясняя, как изменилась структура землевладения в Корельском уезде в последней трети XV—XVI веков, И. А. Чернякова установила размеры и доходность вотчин Валаамского и Коневского монастырей [Чернякова, 1998, с. 21—27]. Кроме того, определяя причины начавшегося с 1530-х годов оттока «автохтонного карельского населения» из Приладожья, исследовательница дала оценку церковной политике новгородских архиепископов, направленной на искоренение языческих обрядов [Чернякова, 1998а, с. 28—29; Чернякова, 1998б, с. 29—31]. Опираясь на сведения Приходной книги новгородского дома Св. Софии 1576/77 года и данные Обыскной книги Кирьяжского погоста Ф. Калитина 1571 года, А. А. Селин и А. А. Фролов локализовали на карте 15 из 16 храмов Корельской десятины Новгородской епархии, упоминания о которых выявили в указанных источниках [Селин, 2011, с. 196, 202—204]. М. И. Петрова и И. В. Петров раскрыли особенности складывания церковно-приходской системы в одном из погостов края — Кирьяжском [Петрова и др., 2003].

Таким образом, в историографии выделены и в общих чертах изучены этапы трансформации церковно-приходской системы. Историки сходятся в том, что сложившаяся к началу XVI столетия сетка приходов расширилась благодаря миссионерской деятельности новгородских архиепископов — Макария и Феодосия II, — развёрнутой в середине 1530—1540-х годов, и энергичным мерам первого епископа Корельской епархии Сильвестра в конце 1590-х — 1600-х годах. Исследователи также отмечают, что дважды — с 1570 по 1595 годы и с 1609 по 1618 годы — карельские церкви и монастыри подвергались разорению. Тем не менее до сих пор не установлено точного количества церквей и приходов, функционировавших в масштабе всего уезда в середине XVI столетия; требует уточнения вопрос о том, как, когда и почему стало возможным вести церковное строительство; назрела необходимость внести некоторые уточнения в локализацию центров приходов на карте.

Исследование ставит целью дополнить сложившуюся в историографии концепцию трансформации церковно-приходской системы Корельского уезда со времени присоединения Новгородской земли, в составе которой находился уезд, к Московскому государству в 1478 году до перехода территории под контроль Швеции согласно Столбовскому мирному договору 1617 года. Представляется значимым установить количество мирских приходов в двух срезах: (1) в конце 1560-х — конце 1570-х годов и (2) в начале 1610-х годов; выявить различия по регионам в складывании церковно-приходской системы; определить роль политики новгородских и карельских владык в утверждении Православной Церкви на северо-западной карельской периферии Московского царства.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В основу исследования положен принцип последовательного сравнения сведений о количестве приходов и церквей в трёх временных срезах: в начале 1500-х годов, в конце 1560-х — конце 1570-х годов и начале 1610-х годов. Трудность поставленной задачи заключалась в том, что только писцовая книга Водской пятины Новгородской земли 1500 года (Д. Китаев) содержит описание всех семи погостов Корельского уезда и города Корелы и, следовательно, сведения о церквях в масштабе всего региона [ПОК].

Подобными массовыми источниками для характеристики состояния церковно-приходской системы в крае в середине XVI века историки не располагают. Однако в распоряжении исследователей имеются две рукописи, составленные с небольшой разницей — всего в восемь лет, которые могут быть взяты за основу реконструкции церковно-приходской системы в конце 1560-х — конце 1570-х годов. В частности, в писцовой книге Водской пятины 1568 года (И. Булгаков, П. Шипилов) содержится описание земель в г. Кореле со Сванским Волочком и четырёх погостах: Городенском, Сакульском, Ровдужском и Соломенском (Кирияжский, Сердобольский, Иломанский погосты в описание не включены) [ПКВП, с. 53]. В приходную книгу новгородского дома Св. Софии 1576/77 года включены четыре рукописи: книги «разных сборов и недобора прошлых лет», «сбора подъезжей пошлыны 7085 г.», «оброчных денег» и «сбора вечной пошлыны, десятинична корма, перехожих и новичных гривен 7085 г.» [ПKNДС, с. 3—4]. Каждая из них представляет собой перечень записей, сгруппированных по десятинам, с указанием имени священника, места его служения, наименования и размера пошлыны, отметки об уплате последней.

Сведения по Корельской десятине Водской пятины представлены полностью без утрат, что создаёт возможность для реконструкции состава приходов в масштабе уезда. Тем не менее сведения о сборе пошлын с причтов некоторых вновь воздвигнутых деревенских церквей в книги сбора не вошли. Остаётся предполагать, что согласно сложившейся в Новгородской епархии практике причты новых (выставочных) церквей «“помогали” в тягле тем погостским церквам, от которых» они отделились, либо приходы, расположенные в российско-шведском приграничье, были ко времени составления книг разорены [Прилежаев, 1875, с. 105—106]. О существовании некоторых вновь возведённых деревенских храмов хорошо известно из рукоприкладной записи к «Обыску опустевших крестьянских жеребьев в переварах черных крестьян Кирияжского погоста Водской пятины», составленной выборным головой Ф. Калитиным 21 марта 1571 года [ОККП, с. 125], а также из Жалованной тарханной грамоты Никольской становой церкви в Сердобольском погосте [ЖГ].

Для реконструкции церковно-приходской системы в конце 1610-х годов привлечена Переписная книга Корельского уезда 1618 года, в которой представлены перечни дворовладельцев с указанием доходности принадлежавших им земельных участков [ППКУ]. В описание вошли земли старинных погостов северной части уезда («Задней Корелы»): Кирьяжского, Сердобольского, Иломанского и Соломенского, включая выделившиеся из них волости, получившие статус погостов. Погосты южной части уезда («Передней Корелы»): Городенский, Сакульский и Ровдужский — в описание не включены. В источнике отсутствуют упоминания о храмах, однако в числе дворовладельцев зафиксированы священно-церковнослужители, оценены находившиеся в их пользовании участки.

Локализация центров церковных приходов на карте осуществлена с опорой на сведения, представленные на старинной шведской карте Кексгольмского лена, составленной в 1649/50 году шведским чиновником Эриком Андерссоном Уттером [Utter, 1649]. Карта создана спустя 32 года после вхождения Корельского уезда в состав Швеции в 1617 году, однако местоположение центров приходов не изменилось.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Церковно-приходская система к началу XVI столетия

В историографии сложились разные точки зрения относительно времени возникновения церковно-приходской системы в Северо-Западном Приладожье. Хотя первое письменное известие о церкви в Кюлолашском и Кирьяжском погостах относится к 1396 году, Х. Киркинен, А. Е. Мусин и А. Ю. Жуков уверенно полагают, что церкви появились в крае вскоре после массового крещения карелов в 1227 году. Церковно-приходская система, по мнению исследователей, сложилась не позднее последней четверти XIII — начала XIV веков. В основу выдвигаемой концепции положена идея о том, что погосты, наиболее раннее упоминание о которых встречается в Ореховецком мирном договоре 1323 года, представляли собой не только административно-податные, но и духовные центры [Жуков, 2013, с. 77; Киркинен, 1998, с. 27; Мусин, 1997, с. 253].

В свою очередь, А. М. Спиридонов и О. А. Яровой утверждают, что «функции церковных округов» погосты приобрели только в XV—XVI веках, тогда как ранее являлись пунктами, куда «свозилась дань с тяготевших к ним территорий» [Спиридонов и др., 1991, с. 21]. Относя с опорой на данные археологии и отрывочные сведения письменных источников возведение церквей «на местах ... в гуще местного населения» к XIV веку, авторы считают это столетие «переломным в утверждении Православия в Корельской земле» [Спиридонов и др., 1991, с. 22].

Опровергая утвердившееся в историографии мнение, Ю. Корпела, в свою очередь, подчеркнул, что даже первые погостские церкви Приладожской Карелии, фиксируемые в XIV веке, отнюдь не сразу превратились в центры «административных христианских округов», но подобно сложившейся на Западе практике могли существовать «как частные церкви» [Корпела, 2003, с. 50]. Исследователь убеждён в том, что только заинтересованность центра в налаживании эффективного контроля над периферией, возникшая в начале XV века, способствовала установлению «официальной местной администрации и системы погостов», которая была зафиксирована в писцовых книгах [Там же].

Несмотря на различия в точках зрения, констатируем, что к началу XVI столетия церковно-приходская система охватила весь Корельский уезд. Согласно подсчётам историков, основанным на анализе писцовой книги Водской пятины 1500 года (Д. Китаев), в г. Кореле стояли две мирские церкви — Воскресения Христова и «Спасская», а также три монастырских: Никольская, Георгиевская и Иоанно-Предтеченская [Чистович, 1856, с. 47]. Сергей (Тихомиров) и Х. Киркинен полагают, что Воскресенская церковь являлась монастырской [Сергей (Тихомиров), 1905, с. 252; Kirkinen, 1970, p. 258, 263]. А. П. Дмитриев считает, что на посаде были две церкви с одноимённым посвящением — одна мирская, другая — монастырская [Дмитриев, 2000, с. 97].

Трудность с определением количества церквей связана с тем, что писец Д. Китаев описал только дворы причта на посаде. Однако ключом к разгадке может стать сопоставительный анализ перечней земель, которыми владели монастыри и церкви. Так, описывая две деревни «монастырские Воскресенские из Корельского городка» в Городенском погосте — «в Сяпее» и «Тивра на реце на Тивре», — писец отметил, что доход с них шёл в пользу «попов... Воскресенских», и сделал ремарку, согласно которой «их же деревни», то есть Воскресенского причта, находились в Ровдужском погосте [ПОК, с. 30]. Обращение к перечню земель в Ровдужском погосте обнаруживает, что доход с них шёл «монастырю» [ПОК, с. 119]. Сделанные писцом отметки недвусмысленно указывают на то, что причт и монастырь делили между собой доходы, получаемые с земельных владений. Подобный факт заставляет предположить, что монастырь в начале XVI века в г. Кореле действительно существовал, однако он находился при Воскресенской церкви, которая вряд ли могла считаться монастырской, оставаясь, в первую очередь, погостенской.

К началу XVI века, как установили исследователи, в уезде «было 7 православных погостов», на каждом из которых стояло по одному храму [Чистович, 1856, с. 49; Сергей (Тихомиров), 1905, с. 252] (Приложение 1).

В Городенском погосте собственной церкви не было: главной считалась Воскресенская церковь г. Корелы, о чём свидетельствовало двойное наименование погоста — «Воскресенский Городенский» [Чистович, 1856, с. 47; Сергей (Тихомиров), 1905, с. 252].

Архимандрит Сергей (Тихомиров) установил, что в Ямском, Ладожском и Корельском уездах Водской пятины храмов «в сёлах и сельцах» ещё не было [Сергей (Тихомиров), 1905, с. 238, 250—252]. Тем не менее тот же автор отметил о единичных случаях наличия таких храмов в остальных уездах (в Орешковском — 2, Копорском — 4, Новгородском — 6). Несмотря на отсутствие выставочных храмов, в некоторых погостах Корельского уезда уже имелись часовенные приходы. В частности, Х. Киркинен выявил упоминания о 9 часовнях в наименованиях поселений в Ровдужском (3), Саккульском (4), Городенском (1) и Сердобольском (1) погостах [Kirkinen, 1970, p. 258].

Есть основание полагать, что становление церковно-приходской системы в Северо-Западном Приладожье в начале XVI века шло интенсивнее, чем в расположенном к востоку Обонежье. В частности, в четырёх Заонежских погостах к концу XV века на некоторых погостах: в Вытегре, Толвуге, Челмужах и Выгозере — церкви были возведены между концом 1490-х и концом 1530-х годов [Суслова, 2021, с. 241—242].

Церковные приходы Корельского уезда были интегрированы в систему церковно-административного управления. Ссылаясь на упоминание писцом Д. Китаевым о сборе податей в пользу десятичника в «“волостях за владыкою на свейском рубеже”», А. Ю. Жуков отметил, что приходы уже составляли «отдельную область» — церковную десятину Новгородской епархии [Жуков, 2000, с. 43]. К середине — последней четверти XV века утверждается должность владычных наместников [Жуков, 2000, с. 44; Мусин, 2002, с. 109].

В становлении церковно-приходской системы в Корельском уезде значимую роль исследователи отводят политике церкви и государства. По мнению большинства исследователей, усилия церковной и светской властей по утверждению позиций Православия на периферии были обусловлены политическим и идеологическим противостоянием со Шведским королевством. Так, И. А. Чистович одним из первых указал, что экспансия католической (с 1527 — лютеранской) церкви, проявившаяся в организации миссионерской деятельности проповедников, возведении новых храмов, открытии приходов, основании духовных школ в «шведской Финляндии», была осознана православной церковью, хотя и не сразу получила противодействие [Чистович, 1856, с. 51]. Развивая тезис предшественника, Н. К. Чуков указал на «нападения шведов», которые, с его точки зрения, имели «целью затормозить ... успех православия и ввести католичество или (с XVI века) протестантство» [Чуков, 1892, с. 588].

И. П. Шаскольский подчеркнул, что Швеция, покровительствуя постепенному продвижению на восток находившегося под её юрисдикцией населения из областей Тавастланда и Саволакса, в нарушение установленной Ореховецким договором 1323 года границы, к 70 годам XIV века закрепились «в Каянской земле» (Эстерботнии), которая ранее состояла в даннической зависимости от Новгорода [Шаскольский, 1987, с. 141]. По мнению исследователя, в конце XIV века «ослабленная» Швеция, вступившая в унию с Данией и Норвегией, «вплоть до конца существования Новгородской республики не пыталась возобновить свою экспансию» [Шаскольский, 1987, с. 166]. Тем не менее противоположной точки зрения придерживается Х. Киркинен. Исследователь уверен в том, что «пограничные стычки» переросли в первой половине XV века «во взаимные столкновения», а в последней четверти XV века «противоречия обострились настолько, что ... привели к полномасштабной войне» [Киркинен, 1998, с. 43—44].

Отметив факт отсутствия в пограничных волостях, ранее состоявших «за владыкою», церковей, «а значит, и приходов, обособленных от приходов погостов», А. Ю. Жуков заключил, что в начале XVI столетия «речь шла о государственном надзоре, а не об усиленном церковном окормлении пасомых на самой границе» [Жуков, 2000, с. 42]. Однако в двух из пяти волосток, располагавшихся в Ровдужском погосте «на Немецком рубеже» — Мегре «над озером над Леникалским на немецком рубеже» и «Маселга противу Немецкия волости Белого озера», — стояли часовни близ деревень Бульнеево и Костино соответственно [ПОК, с. 80—82]. Ещё в одной пограничной волостке новгородского владыки в Сердобольском погосте — «Китяга над Китяжским озером на Немецком рубеже» — располагалась часовня близ деревни «Надъозерье Улково» [ПОК, с. 145—146]. Возведение к 1500 году в пограничных волостях, находившихся до 1478 года «за владыкою», часовен является свидетельством внимания церковных и светских властей к религиозной ситуации в пограничье в том числе.

Значимую роль в утверждении Православной Церкви в Северо-Западном Приладожье сыграли старейшие карельские обители: Валаамская и Коневская, — в собственности которых, согласно подсчётам И. А. Черняковой, находилась «значительная часть издревле принадлежавших карелам владений» [Чернякова, 1998, с. 21]. В вотчинах монастырей к началу XVI столетия стояли 4 из 9 часовен. Из них две располагались на уступленном валаамскими старцами Ивану III Сванском Волочке — крупном поселении «с 37 дворами, в которых жили торговцы, ремесленники и рыбаки», и в Сакульском погосте близ д. Вилокала [Чернякова, 1998, с. 22; ПОК, с. 8, 64]. Третья часовня находилась недалеко от д. Липовое в Ровдужском погосте, состоявшей в совместном владении Коневского монастыря и нов-

городского владыки [ПОК, с. 103]. Четвёртая — близ д. Лагновалка — зафиксирована в оброчной волостке великого князя «Лагновалка у Свята озера» в Саккульском погосте, которая ранее принадлежала Никольскому Вязицкому монастырю [Там же, с. 33].

3.2. Церковно-приходская система в конце 1560-х — конце 1570-х годов

Как удалось установить, в конце 1560-х — середине 1570-х годов мирские храмы стояли в г. Кореле (3), на каждом из семи погостов (10) и в 16-ти выставках (17). Кроме того, к числу выставочных приходов, основанных до конца 1570-х годов, следует отнести ещё 11, сведения о которых выявил Х. Киркинен, проанализировав составленные шведскими чиновниками в 1582 и 1585 годах списки запустений земель уезда [Kirkinen, 1970, р. 258]. Согласно сведениям автора, церкви, стоявшие в этих приходах, были сожжены. Остаётся предполагать, что в каждом приходе стояло как минимум по одному храму. Таким образом, количество мирских церквей в Корельском уезде за 80 лет — с 1500 по 1580 годы — увеличилось с 8 до 41, то есть в пять раз (Приложение 1). В свете выявленных данных нет сомнений в том, что этот период, согласно утверждению А. П. Дмитриева, стал временем подлинного «расцвета православия» в Северо-Западном Приладожье [Дмитриев, 2000, с. 97].

Церковное строительство развернулось повсеместно, но отнюдь не одновременно (Приложение 2). В первую очередь оно затронуло многолюдные приходские центры. Так, в г. Кореле к церкви Воскресения Христова был пристроен придел во имя Сергия Чудотворца. А. П. Дмитриев полагает, что придельный алтарь был освящён в честь преп. Сергия Валаамского Чудотворца [Там же, с. 99]. Новой являлась церковь Св. Илии Пророка, которую, указывая на наличие дворов «ильинского» причта в писцовой книге Водской пятины 1568 года (И. Булгаков, П. Шипилов), упоминает А. П. Дмитриев [Там же, с. 99].

На Ровдужском, Кирьяжском и Соломенском погостах теперь стояли по два храма [Дмитриев, 2000, с. 104—105; Петрова, 2003, с. 73]. Храм Михаила Архангела в Сакульском погосте получил два придельных алтаря: в честь праздника Богоявления Господня и во имя Николая Чудотворца [Дмитриев, 2000, с. 103]. В Городенском погосте, для которого главной, исходя из двойного наименования, оставалась церковь Воскресения Христова, был возведён храм Николая Чудотворца [Там же, с. 101]. С его появлением, вероятно, был изменён статус Воскресенской церкви: она стала «соборной» и в качестве таковой упомянута впервые в грамоте новгородского архиепископа Феодосия II 1543 года [ГНАФК, с. 33]. Предположение И. А. Чистовича, поддержанное А. П. Дмитриевым и А. Ю. Жуковым,

о том, что церковь имела статус «соборной» уже в начале XVI века, нуждается в дополнительной аргументации [Чистович, 1856, с. 47; Дмитриев, 2000, с. 97; Жуков, 2000, с. 43].

Выставочные приходы были основаны во всех погостах, за исключением Ровдужского и Соломенского: в Кирьяжском — 10, Сердобольском — 6, Иломанском — 6, Городенском — 3, Сакульском — 2 (Приложение 1, 2). В выставках Сакульского погоста — на Святом озере и Сванском волочке — миряне возвели по две церкви, в остальных — по одной. Дробились в первую очередь обширные приходы северной и центральной частей уезда (Иломанский, Сердобольский, Кирьяжский).

Расширение церковно-приходской системы совпало со временем наметившейся хозяйственной стабилизации. Х. Киркинен утверждает, что в Приладожской Карелии «новый период мощного развития начался в XVI веке, когда наступил перерыв в войнах и в 1510 году был заключён мир на 60 лет» [Киркинен, 1998, с. 82]. По мнению исследователя, «динамичное экономическое развитие русской Карелии было прервано» только «в годы... войны 1570—1595 годов» [Там же, с. 89]. Опираясь на анализ сведений писцовых книг Корельского уезда 1539 и 1568 годов, И. А. Чернякова заключила, что «наиболее благоприятное для развития время пришлось ... на 1530—1550-е годы» [Чернякова, 1998а, с. 22]. Полагаем, что именно в эти годы были воздвигнуты вторые храмы на погостах и в деревнях вокруг Ладожского озера, отличавшихся сравнительно большей плотностью населения и более развитой поселенческой структурой [Киркинен, 1998, с. 56; Жуков, 2013, с. 239—240].

Первые поселения на периферии Иломанского погоста — Реболы, Ровкоозеро (Ровколы) и Либелицкая слободка (Липери), как установила И. А. Чернякова, появились не позднее 1559 года [Чернякова, 1998а, с. 28]. Значительное увеличение количества дворов, зафиксированных шведскими чиновниками в 1590 году в Реболах, исследовательница связывает с тем, что сюда «во второй половине XVI века ... устремился поток переселенцев из Приладожья» [Там же, с. 29]. По мнению автора, «массовый уход» карелов в Ребольскую округу и далее — в окрестности Вокнаволока, Лексозера, Кимасозера и Куйтозера — начался в 1530—1540-е годы и был обусловлен гонениями «на мировоззренчески важные для местного населения языческие в основе своей обычаи и обряды». И. А. Чернякова отмечает, что отток автохтонного населения из Приладожья на север продолжился в конце 1550-х — 1560-е годы «из-за ставших ... бесконтрольными после реформы местного самоуправления налоговых сборов», во второй половине 1560-х — начале 1570-х годов — «от опричников Ивана Грозного, разорявших их хозяйства в стремлении ... получить ... подати»

[Чернякова, 1998б, с. 30—32]. В свете установленных И. А. Черняковой данных следует, что появление церковных приходов в Реболах, Лиексе и Липери стало следствием стремительного роста населения, бежавшего на отдалённую периферию.

В 1570 году, с началом открытого противостояния между Швецией и Россией, нападения на «русскую Карелию» расширились [Киркинен, 1998, с. 95]. Охватившие весь уезд военные действия были прекращены на время перемирия, с лета 1574 года до лета 1577 года, но затем возобновились [Там же]. По мнению И. А. Черняковой, вторжение Швеции на северо-западную российскую периферию было спровоцировано крайне непродуманной политикой царя Ивана IV, которая привела к катастрофическому запустению крестьянских хозяйств [Чернякова, 2020, с. 107—109]. Как установил автор, к началу 1570-х годов в Кирияжском погосте запустение составило «почти 94 % пашенных угодий», в Сердобольском — «более 94 %», в Иломанском и Соломенском — «около 96 %» [Чернякова, 1998б, с. 28].

Поступательное развитие церковно-приходской системы Корельского уезда было прервано. Историки располагают лишь отрывочными данными, свидетельствующими о разорении церквей: зимой 1572/73 года сожжены поселения вокруг г. Корелы и монастырь, находившийся в устье р. Вуоксы, две церкви и монастырь Кирияжского погоста; зимой 1578 года шведы прошли через Кирияжский, Соломенский и Сердобольский погост, разорив Валаамский, Троицкий Сенной и Коневский монастыри, предав огню деревни и церкви, расположенные вдоль р. Олонки и Свири [Kirkinen, 1976, p. 126—130]. Согласно заключённому между Россией и Швецией в августе 1583 года Плюсскому перемирию, г. Корела и большая часть уезда, за исключением Соломенского и Иломанского погостов, оставались под властью Швеции до возобновления военных действий в 1590 году [Киркинен, 1998, с. 97].

Ключевую роль в утверждении православия в Корельском уезде сыграли новгородские владыки — выходцы «из московского монашества и епископата», которые поочерёдно занимали до этого пустовавшую в течение 17 лет кафедру — Макарий (1526—1542) и Феодосий II (1542—1551) [Мусин, 1997, с. 261]. Широко известные учёным грамоты новгородских владык игуменам, священникам и дьяконам в Водскую пятину (1534 и 1548 годы) и в г. Корелу (1543 год) свидетельствуют о том, что трижды сюда отправлялись миссионеры: в 1534 и 1535 годах — священноинок домашней владычной церкви Рождества Христова Илья с детьми боярскими Васюком Палицыным и Ивашкой Ошманаевым и в 1548 году — священник церкви Св. Софии Премудрости Божией Никифор с детьми боярскими Федчей Прокофьевым и Сенкой Мартьяновым [Чистович, 1856, с. 45—46].

Причиной организации миссионерских поездок, по мнению И. А. Чистовича и Н. К. Чукова, стали дошедшие до владык слухи о сохранении языческих обычаев среди мирян и о подавлении христианства «идолопоклонством» [Чистович, 1856, с. 43; Чуков, 1892, с. 589]. Вывод о том, что жители «долгое время коснели в язычестве», исследователи распространили на весь край [Чуков, 1892, с. 589]. В свою очередь, В. П. Крохин утверждал, что «языческие карельские обычаи» сохранялись только в отдалённых глухих деревнях, в которых священник бывал довольно редко, так как его приход раскидывался «на сотни верст» [Крохин, 1908, с. 586]. Внушительные размеры старинных церковных округов, на которые был разделён в начале XVI века Корельский уезд, малочисленность и нерадение духовенства, отсутствие хорошо выстроенной вертикали власти — те факторы, с которыми, по мнению исследователей, столкнулись владыки [Чистович, 1856, с. 43; Чуков, 1892, с. 587—588].

Ещё одно направление деятельности архиепископов было связано, как полагает А. Е. Мусин, с осознанной необходимостью нивелировки местных религиозно-культурных традиций «под московский образец» [Мусин, 1997, с. 261]. Необходимость улучшения церковной дисциплины и углубления христианского образа жизни Х. Киркинен связывает с влиянием идей эпохи Возрождения и Реформации, которые не обошли стороной Московское государство [Kirkinen, 1970, р. 160]. Принятие неотложных мер по искоренению «кумирской прелести» в Корельском уезде, с точки зрения И. А. Черняковой, явилось следствием осознания «на Руси» того, что «происходившие в католической Европе перемены», связанные с распространением Реформации, являются «более чем опасными и для православного мира» [Чернякова, 1998, с. 30].

Миссионерская деятельность иеромонаха Ильи получила высокую оценку финляндских исследователей. По мнению Х. Киркинена, миссионер «прошёл через Оливеси, Пюхяселя, Пелинен и Лиексан-йоки к побережью Белого моря и в “Дикую Лапландию”» [Kirkinen, 1970, р. 161]. Т. Хямюнен утверждает, что, согласно народному преданию, Илья был «устроителем церкви у северных карелов», установителем погостов до самых крайних мест их расселения [Hämynen, 1991, р. 89—90]. Х. Киркинен убеждён, что духовные миссии в Водскую пятину середины 1530-х — конца 1540-х годов имели значительный успех, о чём свидетельствовали «десятки новых церквей и монастырей» [Kirkinen, 1970, р. 161].

3.3. Церковно-приходская система в 1590-х — конце 1610-х годов

По единодушному мнению исследователей, основанному на свидетельстве «Повести о честном житии благоверного и благородного и христоролюбивого государя царя и великого князя Феодора Иоанновича ...», ав-

тором которой был патриарх Иов, и сведениях шведских источников 1580-х — 1590-х годов, православие в захваченном шведами Корельском уезде «подверглось тяжким притеснениям» [Чистович, 1856, с. 52; Чуков, 1892, с. 588; Дмитриев, 2000; Петрова, 2003, с. 74]. Самое пристальное внимание историки уделяют оценке деятельности Сильвестра, первого епископа Корельского и Орешковского.

Точный год хиротонии Сильвестра во епископа и дата учреждения епархии остаются спорными. Исследователи указывают в качестве такового 1593 (П. М. Строев, Амвросий (Орнатский)), 1595 (К. Я. Здравомыслов, И. А. Чистович, А. П. Дмитриев, М. И. Петрова), 1597 (Х. Киркинен) или 1599 год (П. М. Строев) [Чистович, 1856, с. 53; Киркинен, 1998, с. 99; Дмитриев, 2000, с. 134; Петрова, 2003, с. 74].

По мнению Х. Киркинена, именно «энергичный монах» Сильвестр «разделил обширные погостские приходы Задней Корелы на выставочные приходы, в которых появились свои священнослужители и церкви» [Киркинен, 1998, с. 99]. Аргументируя положение, автор указывает на появление выставочных приходов «Лапинлахти, Терву, Мигли и Сорола» в Кирияжском погосте; «в новой общине Тиурала» — прихода «Вейяла»; «в общине Койтсанлахти» — прихода «Тюрья, Самманлампи и Йоукио»; выделение прихода в «Укууниemi» [Там же, с. 99—100]. Точку зрения исследователя разделяет А. П. Дмитриев, перефразируя его утверждение о том, что усилиями владыки «обширные церковные общины Задней Корелы, где на каждый погост приходилось по 2—3 церкви, он разделил на ряд более мелких приходов» [Дмитриев, 2004, с. 9].

Однако приведённые Х. Киркиненым данные едва ли выдерживают критику. Так, о существовании церковных приходов в Лапинлахти, Терву, Мигли, Сорола, Вейяла и Йоукио («Евгея» и «Самматлампи» — вариации названий одного и того же прихода) уже в 1571 году свидетельствует небезызвестная автору рукоприкладная запись к Обысной книге Кирияжского погоста Ф. Калитина [ОККП, с. 125]. В то же время, как следует из приводимых историком данных, приходы «Укууниemi», «Тюрья» и «Тиурала» впервые фиксируют шведские списки запусений 1582 и 1585 годов [Kirkinen, 1970, p. 258].

Как следует из текста «Повести ...», царь Феодор Иоаннович наметил широкую программу восстановления православия в крае, согласно которой предполагалось «корельские города ... от всяких еллинских богомерзских гнусов очистить», «капища еллинская разорити и идолы сокрушити» и «святые церкви воздвизати, и пречистые великия обители устроить» [ПОЧЖ, с. 509]. Безусловно, вопрос о том, сколь полно удалось епископу Сильвестру, управлявшему епархией до сдачи г. Корелы шведам 2 марта 1611 года

(формально — до июня 1613 года), реализовать поставленные перед ним задачи, остаётся одним из актуальных [Дмитриев, 2004, с. 13]. Судить о количестве вновь открытых приходов позволяет анализ сведений составленной шведскими чиновниками в 1618 году поземельной книги Корельского уезда, содержащей описание земель старинных северных и центральных погостов: Кирьяжского, Сердобольского, Иломанского и Соломенского. Сравнение упомянутых в ней церковных приходов с приходами, возникшими до конца 1570-х годов, позволяет заключить, что до конца 1610-х годов в северной и центральной частях уезда появилась всего одна новая выставка в Леппялахти (Leppälax) в погосте Палкъярви (PelgiJärfwe Pogost) [ППКУ, с. 370].

Есть все основания считать, что владыка предпринял самые энергичные меры по восстановлению поруганных церквей и заполнению вакантных церковных должностей. Одним из первых восстановили собор Воскресения Христова в г. Кореле, причт которого был пожалован ежегодно выдаваемой царской ругой. Чудом сохранившийся в составе «Новгородского оккупационного архива» отрывок из книги денежного и хлебного жалованья, которое было положено выдавать «ружником и оброчником и стрельцом» г. Корелы, датированный 23 ноября 1597 года, содержит указание на то, что причт получал в качестве руги «деньги и хлеб ... да на просвиры 15 чети пшеницы» [НОК, л. 31]. Учёным небезызвестен факт восстановления церкви в выставке Веяла Кирьяжского погоста: сожжённый шведами храм Ильи Пророка был возведён вновь и получил новое посвящение — во имя Николая Чудотворца [Kirkinen, 1970, р. 258]. Имеется также свидетельство о непосредственном участии владыки в быстром продвижении выходца из местной династии священнослужителей — Офонасия Яковлева, сына священника Кирьяжского погоста Якова — по церковным должностям. Так, архиепископ в мае 1599 года, отправляя ставленника на служение в выставку Вейялу, «поставил... в четцы, и в подьяконы, и в дьяконы, и совершил ... в попы» [ПКНДС, с. 13; СС, с. 405].

В марте 1611 года г. Корела и к 1615 году весь уезд оказались под властью шведов, захвативших его согласно условиям договора, подписанного царём Василием Шуйским в феврале 1609 года [Киркинен, 1998, с. 100]. По мнению А. П. Дмитриева, в 1610-х годах «все Приладожье подверглось безжалостному разорению: храмы были сожжены, священники убиты или изгнаны» [Дмитриев, 2000]. Тем не менее, согласно подсчётам Х. Киркинена, основанным на анализе поземельной книги 1618 года, в захваченном шведами уезде «православное население ... сократилось почти вдвое по сравнению с довоенным периодом», однако по-прежнему составляло большинство; здесь насчитывалось «тринадцать церковных и столько же деревенских (часовенских) приходов» [Киркинен, 1998, с. 108]. Верность

подсчётов не вызывает сомнений: шведские чиновники зафиксировали 26 приходов. Все они являлись церковными, из них 13 были погостскими и 13 — деревенскими. Появление большого количества погостских приходов связано с изменением административно-территориального статуса старинных волосток. Как отмечает И. А. Чернякова, обращаясь к «Списку дымов» 1590 года, содержащему сведения о взимании налогов в четырёх погостах Корельского уезда, находившихся к этому времени под властью шведов на территории «древних погостов Задней Корелы», была создана более дробная административная система «выставочных церковно-приходских центров» [Чернякова, 2020, с. 104]. Некоторые старинные волости, такие как Евгея, Угуниemi и Тиурала (в Кирьяжском погосте), Суйстамо, Суоярви и Китяга (в Сердобольском погосте), Палкъярви, Тохмаярви и Липери (в Иломанском погосте), получили статус погостов.

При этом в 12 (46 %) приходах продолжали состоять в причтах и обрывать земельные участки православные священнослужители и причетники: 13 священников, дьякон, 5 дьячков и 2 пономаря. Ещё в трёх (12 %) шведские чиновники упомянули о наличии церковной земли, которая была заброшена, либо её захватили крестьяне [ППКУ, с. 376, 350, 352].

4. Заключение = Conclusions

Церковно-приходская система Корельского уезда на протяжении более чем столетия кардинальным образом трансформировалась. Возведение к концу XV — началу XVI веков церквей на погостах и разделение церковных приходов на округа прослеживаются впервые в масштабе всего уезда по писцовой книге Водской пятины писца Д. Китаева 1500 года. Разворачивание церковного строительства было следствием целенаправленной политики Русской Православной Церкви и государства, которые в условиях нараставшего политического и конфессионального противостояния со Шведским королевством стремились утвердить своё присутствие в Северо-Западном Приладожье.

Сложившаяся к началу 1500-х годов система приходов, охвативших огромные по площади округа, на первом этапе обеспечивала контроль за духовной жизнью мирян, но с дальнейшим развитием внутренней колонизации обнаружила недостатки. Дошедшие до новгородских владык слухи о возрождении языческих обрядов, как и явное стремление к дальнейшему утверждению позиций православия на пограничной периферии обусловили принятое новгородскими владыками решение об организации миссий в 1534, 1535 и 1548 годах.

Практически все выставочные приходы, известные шведским чиновникам к концу 1610-х годов, были основаны до Плюсского перемирия

1583 года и захвата Швецией большей части Корельского уезда. Всплеск церковного строительства пришёлся на конец 1540-х — начало 1570-х годов. Возведение храмов и открытие новых выставок началось вдоль берегов Ладожского озера. В северной и северо-западной частях Корельского уезда интенсивное дробление старинных погостских округов, пришедшее на 1570-е годы, было обусловлено в том числе демографическими и хозяйственными последствиями недальновидной политики Ивана IV.

В 1580-е — 1590-е годы церковно-приходская система была разрушена, однако благодаря мудрой политике новгородских епископов предшествующего периода оказалось возможным не только открыть новую епархию — Корельскую и Орешковскую, — но и усилиями первого её епископа Сильвестра при поддержке царя Феодора Иоанновича в кратчайшие сроки восстановить утраченное. Хотя в 1617 году Корельский уезд был передан Швеции, усилия иерархов православной церкви, так же как и всплеск патриотических чувств, вызванных шведской экспансией, сыграли значимую роль в утверждении карелов в православной вере.

Источники и принятые сокращения

1. ГНАФК — *Грамота* новгородского архиепископа Феодосия в Корелу об отправлении в установленное время молебнов и крестных ходов, 15 января 1543 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1846. — Т. 1. — С. 33—34. — (№ 32).

2. ЖГ — *Жалованная* тарханная грамота Никольской становой церкви в Сердобольском погосте, 24 марта 1552 г. / Прилежаев А. Е. Новгородская Софийская казна // Журнал МНП. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1875. — Ч. CLXXXI. — С. 128—129.

3. НОК — *Новгородский* оккупационный архив (Riksarkivet : Ockupationsarkivet från Novgorod). Колл. 1. Д. 59. Приходные книги : Книга денежного и хлебного жалования «ружником и оброчником и стрельцом» в г. Корела, 23 ноября 1597 г. — Лл. 31—34.

4. ОККП — *Обыск* опустевших крестьянских жеребьев в переварах черных крестьян Кирьяжского погоста Водской пятины, 21 марта 1571 г. [Электронный ресурс] // Архивный материал : Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства / сост. Д. Я. Самокасов. — Москва : Типография Императорского Московского университета, 1909. — Т. 2. — С. 59—125. — Режим доступа : <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/14540-t-2-novootkrytye-dokumenty-pomestno-votchinnyy-uchrezhdeniy-moskovskogo-tsarstva-1909#mode/> (дата обращения 06.07.2022).

5. ПКВП — *Писцовая* книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / АН СССР, Карельский филиал ИЯЛИ, Гл. упр. при Совете Министров СССР ; Ун-т Йоэнсуу, Карельский научно-исследовательский ин-т ; Сост. И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо ; Ред. колл. А. С. Жербин [и др.]. — Петрозаводск : Йоэнсуу, 1987. — С. 52—178.

6. ПКНД — *Приходная* книга новгородского дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлыны») / сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. — Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2011. — 284 с.

7. ПОК — *Переписная* окладная книга по Новгороду Вотской пятины, 7008 г. // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских : Материалы. — Москва : В университетской типографии, 1852. — Книга XII. — С. 1—188.

8. ПОЧЖ — *Повесть* о честном житии благоверного и благородного и христоро-бываго государя царя и великого князя Феодора Иоанновича всея России, о его царском благочестии и о добродетельном исправлении, о святем его преставлении // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Уни-верситете. — 1848. — № 9. — С. 494—530.

9. ППКУ — *Поземельная* книга Корельского уезда 1618 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / АН СССР, Карельский филиал ИЯЛИ, Гл. упр. при Совете Министров СССР; Ун-т Йоэнсуу, Карельский научно-исследовательский ин-т; Сост. И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо; Ред. колл. А. С. Жербин [и др.]. — Петрозаводск : Йоэнсуу, 1987. — С. 284—387.

10. СС — *Ставленные* священникам : Грамота № 2 от 22 мая 1599 г. // Акты юри-дические, или собрание форм старинного делопроизводства. — Санкт-Петербург : Ти-пография II Отделения СЕИВК, 1838. — С. 405. — (№ 385).

11. Utter E. Geographisch affrijtning upå Kiäxholms lähn, 1649—1650 [Electronic resource] // Riksarkivet : SE/RA/420571/02/1/0012:00001. Stockholm, 2022. — Access mode : <https://sok.riksarkivet.se/nad?postid=Arkis%20ef747aa4-9903-4864-9b61-4afc3709a79c> (accessed 06.07.2022).

Литература

1. Дмитриев А. П. История Корельской (Кексгольмской) епархии / А. П. Дмитриев // Вуокса : Приозерский краеведческий альманах. — Приозерск : Вуокса, 2000. — Вы-пуск 1. — С. 91—136.

2. Дмитриев А. П. Первый карельский епископ / А. Дмитриев. — Петрозаводск : Олонецкий хронограф, 2004. — 32 с. — ISBN 5-902684-02-1.

3. Жербин А. С. Христианизация Карелии в XII—XVI веках / А. С. Жербин // Пра-вославие в Карелии : История и современность : атеистические очерки. — Петроза-водск : Карелия, 1987. — С. 25—35.

4. Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России : Карелия в XII — начале XVII в. / А. Ю. Жуков. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. — 492 с. — ISBN 978-5-9274-0564-0.

5. Жуков А. Ю. Система расселения и административно-территориального деления Приладожской Карелии (XII—XVIII века) / А. Ю. Жуков // Труды Карельского научного центра РАН. — 2011. — № 6. — С. 72—79.

6. Жуков А. Ю. Формирование и развитие структуры церковного управления в Карелии (XIII—XV вв.) / А. Ю. Жуков // Православие в Карелии : материалы республиканской на-учной конференции (24—25 октября 2000 г.). — Петрозаводск : ПетрГУ, 2000. — С. 40—47.

7. Жуков А. Ю. Этносоциальные последствия христианизации Карелии (XIII—XVIII вв.) / А. Ю. Жуков // Православие в Карелии : материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2003. — С. 53—59.

8. *Историческая* записка о положении Православия в Финляндской Карелии : к 200-летию юбилею взятия Выборгской крепости и воссоединения Карелии с Право-славной Россией (14 июня 1710—1910). — Выборг : Выборгская типография, 1910. — 40 с.

9. *Киркинен Х.* История Карелии с древнейших времен до Ништадского мира / Х. Киркинен // История карельского народа : сокр. авториз. Перевод / Х. Киркинен, П. Невалайнен, Х. Сихво ; пер. на рус. яз. Л. В. Суни ; отв. ред. И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Типография им. П. Ф. Анохина, 1998. — С. 9—136. — ISBN 5-85914-054-1.

10. *Корпела Ю.* Государственная власть и христианизация в Приладожье в средние века / Ю. Корпела // Православие в Карелии : материалы 2-й международной научной конференции, посвящённой 775-летию крещения карелов. — Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2003. — С. 44—52.

11. *Крохин В. И.* История карел / В. И. Крохин // Русская старина. — 1908. — № 6 (июнь). — С. 581—596.

12. *Мусин А. Е.* Становление Православия в Карелии (XII—XVI век) : Историко-археологический аспект / А. Е. Мусин // Рябининские чтения '95 : сборник статей международной научной конференции по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера. — Петрозаводск : [б. и.], 1997. — С. 242—262.

13. *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX—XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности / А. Е. Мусин. — Санкт-Петербург : Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. — 272 с.

14. *Петрова М. И.* Православные карелы Кирьяжского погоста / М. И. Петрова, И. В. Петров // Православие в Карелии : материалы 2-й международной научной конференции, посвящённой 775-летию крещения карелов. — Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН. Ред.-издат. отд., 2003. — С. 69—76. — ISBN 5-9274-0114-7.

15. *Прилежаев Е. А.* Новгородская Софийская казна / Е. А. Прилежаев // ЖМНП. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1875. — Ч. CLXXXI. — С. 105—141.

16. *Селин А. А.* Карты десятин. Экспликации к картам. Комментарии / А. А. Селин, А. А. Фролов // Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлыны») / Сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. — Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2011. — С. 95—204. — ISBN 987-5-98874-065-8.

17. *Сергий (Тихомиров), архим.* Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни) / Сергей Тихомиров. — Санкт-Петербург : Типография М. И. Акинфиева, 1905. — 456 с.

18. *Спиридонов А. М.* Валаам : от апостола Андрея до игумена Иннокентия (очерки истории Валаамского монастыря) / А. М. Спиридонов, О. А. Яровой. — Москва : Прометей, 1991. — 128 с. — ISBN 5-7042-0326-4.

19. *Суслова Е. Д.* Православные приходы Олонецкого края в политике Российского государства и церкви в конце XV — начале XVIII века / Е. Д. Суслова // Трансформация и интеграция : карельская периферия в Российской империи / Науч. ред. И. А. Чернякова. — Санкт-Петербург : Наука, 2021. — С. 229—302. — ISBN 978-5-8021-2000-2.

20. *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох : Очерки социальной и аграрной истории XVII века / И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 1998а. — 295 с. — ISBN 5-230-09044-8.

21. *Чернякова И. А.* О чём не рассказал Элиас Лённрот ... : К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа / И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998б. — 65 с.

22. *Чистович И. А.* История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии / И. А. Чистович. — Санкт-Петербург : В типографии Я. Трея, 1856. — С. 3—120.

23. Чернякова И. А. Генеалогический этюд : что могут поведать налоговые документы XVI—XVII вв. исследователю фамильной истории? / И. А. Чернякова // CARELi-SA : Научный электронный журнал. — 2020. — № 1—2 (23/24). — С. 92—129.
24. Чуков Н. К. Начало христианства в Олонецком крае / Н. К. Чуков // Олонецкие губернские ведомости. — 1892. — № 51. — С. 540—541.
25. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке / И. П. Шаскольский. — Ленинград : Наука ; Ленинградское отделение, 1987. — 176 с.
26. Яндекс.Карты — транспорт, навигация, поиск мест : поисково-информационная картографическая служба Яндекса 2004—2021 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://yandex.ru/maps/18/petrozavodsk/?ll=34.354325%2C61.787374&z=11> (дата обращения 13.07.2022).
27. Hämynen T. Historiaa, kansanperinnettä ja fiktiota — Kuhasalon luostarin hämärän peittoon jäävä menneisyys / T. Hämynen // Teoksessa Taipaleen ortodoksinen seurakunta 400 vuotta. — Jyväskylä : Gummerus kirjapaino, 1991. — S. 87—103.
28. Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. I. Venäjän Karjala Renessanssiajalla (1478—1617) / H. Kirkinen. — Helsinki : Kirjayhtymä, 1970. — 344 s.
29. Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. II. Karjala Taisteluelkentänä / H. Kirkinen. — Helsinki : Kirjayhtymä, 1976. — 376 s.
30. Salenius J. M. Kreikanusko Karjalassa / J. M. Salenius // Karjalan Kirja. — Porvoosaa : Werner Soderstrom Osakeyhtio, 1910. — S. 245—248.

Material resources

- Assigned to priests: Letter № 2 of May 22, 1599. (1838). In: *Legal acts, or a collection of forms of ancient clerical work*. St. Petersburg: Printing House of the II Department of SEIVK. P. 405. (№ 385). (In Russ.).
- A story about the honest life of the pious and noble and Christ-loving sovereign Tsar and Great Prince Theodore Ioannovich of All Russia, about his royal piety and virtuous correction, about his holy repose. (1848). *Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University*, 9: 494—530. (In Russ.).
- Letter of the Novgorod Archbishop Theodosius to Korela on the departure of prayer services and processions at the appointed time, January 15, 1543. In: *Additions to historical acts, collected and published by the archeographic commission*, 1. (1846). St. Petersburg: II Department of SEIVK. 33—34. (№ 32). (In Russ.).
- Novgorod Occupation Archive (Riksarkivet: Occupationsarkivet från Novgorod)*. Call. 1. D. 59. Parish books: The book of money and bread wages “by a gunman and a tax collector and a Sagittarius” in Korela. (1957). November 23. 1. 31—34. (In Russ.).
- Search of deserted peasant lots in the black peasants of the Kiryazhsky pogost of the Vodskaya Pyatina, March 21, 1571. (1909). In: *Archival material: Newly discovered documents of the local patrimonial institutions of the Moscow Kingdom*, 2. Moscow: Printing House of the Imperial Moscow University. 59—125. Available at: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/14540-t-2-novootkrytye-dokumenty-pomestno-votchinnyyh-uchrezhdeniy-moskovskogo-tsarstva-1909#mode/> (accessed 06.07.2022). (In Russ.).
- The census salary book on Novgorod of Votskaya Pyatina, 7008. (1852). In: *The Time of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities: Materials*, XII. Moscow: In the University Printing House. 1—188. (In Russ.).

- The chartered tarkhannaya charter of the Nikolskaya Stanovoy Church in the Serdobolsky churchyard, March 24, 1552. (1875). In: *Journal of the Ministry of Internal Affairs, CLXXXI*. St. Petersburg: V. S. Balashev Printing House. 128—129. (In Russ.).
- The Land Book of the Korelsky Uyezd of 1618. (1987). In: *History of Karelia of the XVI—XVII centuries in documents / USSR Academy of Sciences, Karelian branch of the IYALI, Gl. upr. under the Council of Ministers of the USSR*. Petrozavodsk: Joensuu. 284—387. (In Russ.).
- The Scribal book of the Vodskaya Pyatina of 1568. (1987). In: *History of Karelia of the XVI—XVII centuries in documents / USSR Academy of Sciences, Karelian Branch of the IYALI, Head of the Department of the Council of Ministers of the USSR*. Petrozavodsk: Joensuu. 52—178. (In Russ.).
- The parish book of the Novgorod house of St. Sophia 1576/77* ("The record book of the Sofia toll"). (2011). Moscow; St. Petersburg: Alliance-Archeo. 284 p. (In Russ.).
- Utter, E. (2022). Geographisch affijjtning upå Kiäxholms lähn, 1649—1650. *Riksarkivet: SE/RA/420571/02/1/0012:00001. Stockholm*. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/nad?postid=Arkis%20ef747aa4-9903-4864-9b61-4afc3709a79c> (accessed 06.07.2022).

References

- Chernyakova, I. A. (1998). *(a) Karelia at the turning point of epochs: Essays on the social and agrarian history of the XVII century*. Petrozavodsk: PetrSU Publishing House. 295 p. ISBN 5-230-09044-8. (In Russ.).
- Chernyakova, I. A. (1998). *(b) What Elias Lennrot did not tell....: To the history of the region, where the epic songs of the ancient people were preserved and recorded*. Petrozavodsk: Publishing House of PetrSU. 65 p. (In Russ.).
- Chernyakova, I. A. (2020). Genealogical study: what can tax documents of the XVI—XVII centuries tell a researcher of family history? *CARELiCA: Scientific Electronic Journal*, 1—2 (23/24): 92—129. (In Russ.).
- Chistovich, I. A. (1856). *History of the Orthodox Church in Finland and Estonia belonging to the St. Petersburg diocese*. St. Petersburg: In the printing house Ya. Treya. 3—120. (In Russ.).
- Chukov, N. K. (1892). The beginning of Christianity in the Olonets region. *Olonets provincial Vedomosti*, 51: 540—541. (In Russ.).
- Dmitriev, A. P. (2000). History of the Korel (Kexholm) diocese. In: *Vuoksa: Priozersky local history almanac, I. Priozersk: Vuoksa*. 91—136. (In Russ.).
- Dmitriev, A. (2004). *The first Karelian bishop*. Petrozavodsk: Olonetsky Chronograph. 32 p. ISBN 5-902684-02-1. (In Russ.).
- Historical note on the situation of Orthodoxy in Finnish Karelia: to the 200th anniversary of the capture of the Vyborg Fortress and the reunification of Karelia with Orthodox Russia (June 14, 1710—1910)*. Vyborg: Vyborg printing house. 40 p. (In Russ.).
- Hämynen, T. (1991). Historiaa, kansanperinnettä ja fiktiota — Kuhasalon luostarin hämärän peittoon jäävä menneisyys. In: *Teoksessa Taipaleen ortodoksinen seurakunta 400 vuotta*. Jyväskylä: Gummerus kirjapaino. 87—103. (In Finl.).
- Kirkinen, H. (1970). *Karjala idän ja lännen välissä. I. Venäjän Karjala Renessanssiajalla (1478—1617)*. Helsinki: Kirjayhtymä. 344 s. (In Finl.).
- Kirkinen, H. (1976). *Karjala idän ja lännen välissä. II. Karjala Taistelulenttänä*. Helsinki: Kirjayhtymä. 376 s. (In Finl.).

- Kirkinen, H. (1998). The history of Karelia from ancient times to the Nishtadsky world. In: *The history of the Karelian people: sokr. authorization*. Petrozavodsk: P. F. Anokhin Printing House. 9—136. ISBN 5-85914-054-1. (In Russ.).
- Korpela, Y. (2003). State power and Christianization in the Ladoga region in the Middle Ages. In: *Orthodoxy in Karelia: Materials of the 2nd International scientific Conference dedicated to the 775th anniversary of the Baptism of Karelians*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. 44—52. (In Russ.).
- Krokhin, V. I. (1908). History of Karel. *Russian Antiquity*, 6 (June): 581—596. (In Russ.).
- Musin, A. E. (1997). The formation of Orthodoxy in Karelia (XII—XVI century): Historical and archaeological aspect. In: *Ryabinin readings '95: collection of articles of the international scientific conference on the problems of studying, preserving and actualizing the folk culture of the Russian North*. Petrozavodsk: [b. i.]. 242—262. (In Russ.).
- Musin, A. E. (2003). *Christianization of the Novgorod land in the IX—XIV centuries. Funeral rite and Christian antiquities*. St. Petersburg: Center “Petersburg Oriental Studies”. 272 p. (In Russ.).
- Petrova, M. I., Petrov, I. V. (2003). Orthodox Karelians of the Kiryazhsky pogost. In: *Orthodoxy in Karelia: materials of the 2nd International scientific conference dedicated to the 775th anniversary of the baptism of Karelians*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Ed.-ed. 69—76. ISBN 5-9274-0114-7. (In Russ.).
- Prilezhaev, E. A. (1875). Novgorod Sofia Treasury. In: *ZHMNP, CLXXXI*. St. Petersburg: V. S. Balashev Printing House. 105—141. (In Russ.).
- Salenius, J. M. (1910). Kreikanusko Karjalassa. In: *Karjalan Kirja*. Porvoossa: Werner Soderstrom Osakeyhtio. 245—248. (In Finl.).
- Selin, A. A., Frolov, A. A. (2011). Maps of tithes. Explications to maps. Comments. In: *The parish book of the Novgorod House of St. Sophia 1576/77 (“The book of record of the Sofia toll”)*. Moscow; Saint Petersburg: Alliance-Archeo. 95—204. ISBN 987-5-98874-065-8. (In Russ.).
- Sergiy (Tikhomirov), Archim. (1905). *Features of the parish and monastery life in the scribe book of the Vodskaya Pyatina of 1500 (in connection with the general living conditions)*. St. Petersburg: Printing house of M. I. Akinfiev. 456 p. (In Russ.).
- Shaskolsky, I. P. (1987). *The struggle of Russia for the preservation of access to the Baltic Sea in the XIV century*. Leningrad: Nauka; Leningrad Branch. 176 p. (In Russ.).
- Spiridonov, A. M., Yarovoy, O. A. (1991). *Valaam: from Apostle Andrew to Abbot Innocent (essays on the history of the Valaam Monastery)*. Moscow: Prometheus. 128 p. ISBN 5-7042-0326-4. (In Russ.).
- Suslova, E. D. (2021). Orthodox parishes of the Olonets region in the politics of the Russian state and church at the end of the XV — beginning of the XVIII century. In: *Transformation and integration: Karelian periphery in the Russian Empire*. Saint Petersburg: Nauka. 229—302. ISBN 978-5-8021-2000-2. (In Russ.).
- Yandex.Maps — transport, navigation, location search: *Yandex Search and Information Cartographic service. (2004—2021)*. Available at: <https://yandex.ru/maps/18/petrozavodsk/?ll=34.354325%2C61.787374&z=11> (accessed 13.07.2022). (In Russ.).
- Zherbin, A. S. (1987). Christianization of Karelia in the XII—XVI centuries. In: *Orthodoxy in Karelia: History and modernity: atheistic essays*. Petrozavodsk: Karelia. 25—35. (In Russ.).

- Zhukov, A. Yu. (2000). Formation and development of the structure of church administration in Karelia (XIII—XV centuries.). In: *Orthodoxy in Karelia: materials of the Republican scientific conference (October 24—25, 2000)*. Petrozavodsk: PetrSU. 40—47. (In Russ.).
- Zhukov, A. Yu. (2003). Ethnosocial consequences of Christianization of Karelia (XIII—XVIII centuries). In: *Orthodoxy in Karelia: materials of the 2nd International scientific conference dedicated to the 775th anniversary of the baptism of Karelians*. Petrozavodsk: PetrSU. 53—59. (In Russ.).
- Zhukov, A. Yu. (2011). The system of settlement and administrative-territorial division of Ladoga Karelia (XII—XVIII centuries). *Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 6: 72—79. (In Russ.).
- Zhukov, A. Yu. (2013). *Self—government in the politics of Russia: Karelia in the XII — early XVII century*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 492 p. ISBN 978-5-9274-0564-0. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.07.2022,
одобрена после рецензирования 03.11.2022,
подготовлена к публикации 27.11.2022.

Приложение № 1
Мирские церковные приходы Корельского уезда в начале 1500-х — конце 1610-х годов

№ п/п	Приходские центры		Посвящения церквей	Посвящения приделов	Массовые источники и акты приказного делопроизводства ¹					
	На русском яз. [ПОК], [ПКВП], [ОККП], [ПКНД]	На шведском яз. [ППКУ]			1500 [ПОК]	1552 [ЖТ]	1568 [ПКВП]	1571 [ОККП]	1576 [ПКНД]	1582- 85 [Кир- кин, 1970]
1	г. Корела		Воскресение Христово	Сергий Чуд.	5, 30		55		40	
			Преображе- ние Христово		6		56		40	
			Илья Пророк				70			
2	Городенский пог.		Николай Чу- дотворец				78			
3	Тюрья		Преображе- ние Христово				106			
4	Коврала		Богородица, Введение во Храм				82		258	
5		[Unnunkoski] ¹²							258	
6	Сакульский, пог.		Архангел Михаил	Богоявление Христово	33		113		40	
				Николай Чуд.						
7	Святое озеро		Николай Чу- дотворец				131			
			Богородица, Покров				131			

№ п/п	Приходские центры		Посвящения церквей	Посвящения приделов	Массовые источники и акты приказного делопроизводства ¹						
	На русском яз. [ПОК], [ПКВП], [ОККП], [ПКНД]	На шведском яз.[ППКУ]			1500 [ПОК]	1552 [ЖТ]	1568 [ПКВП]	1571 [ОККП]	1576 [ПКНД]	1582- 85 [Кир- kinen, 1970]	1618 [ППКУ]
8	Сванский во- лочец		Николай Чу- дотворец Троица Жи- воначал.				75		40		
9	Ровдужский, пог.		Василий Ке- сарийский		76				40		
10	Кирьяжский, пог.	Kurki Jäki pogost		Николай Чуд.			148				
			Богородица, Успение			148					
			Богородица, Рождество		120			125	13, 40		291
11	Тервозема	Stor Terwus by	Преображе- ние Христово					125			
12	Евтия (Юврея)	Jougis pogost (Sammat lam- bi) ³	Богородица, Рождество					125	40	258	
13		Koitzanlax Wolost								258	
14	Сорола	Sårola by	Вмч Георгий					125			
15	Мегли	Megli by	Николай Чу- дотворец					125			
16	Веяла	Tiurala pogost: Weiala by	Илья Пророк					125			

№ п/п	Приходские центры		Посвящения церквей	Посвящения приделов	Массовые источники и акты приказного делопроизводства ¹					
	На русском яз. [ПОК], [ПКВП], [ОККП], [ПКНД]	На шведском яз. [ППКУ]			1500 [ПОК]	1552 [ЖТ]	1568 [ПКВП]	1571 [ОККП]	1576 [ПКНД]	1582- 85 [Кі- kinen, 1970]
17	Лапинлахти	Lapilax by	Богородица, Успение					125		258
18		Tiurala pogost	Крестовозд- вижение							258
19		Jougis pogost: Tuuri by								258
20		Uguniemi pogost								258
21	Сердоболь- ский, пог.	Sordowolski pogost	Николай Чу- дотворец		143	128			40	
22	Осошь	[Otsoinen] ²	Илья Пророк			128			40	258
23	Импилахти	Suistamo pogost: Jmbi- lax by	Христос, Рождество			128				258
24	Суйстамо (Шюстема)	Suistamo pogost	Николай Чу- дотворец						40	258
25	Суоярви	Soolärfwi pågost	Богородица, Успение			128				258
26		Möltzälän sari by								258
27		Kitäga pogost								258
28	Иломанский, пог.	Ilomansko pogost	Илья Пророк		170				40	
29	Лекса	Pelis Järfwi pogost: Lexa nedre äminnedt	Богородица, Успение						17, 40	258
										352

№ п/п	Приходские центры		Посвящения церквей	Посвящения приделов	Массовые источники и акты приказного делопроизводства ¹					
	На русском яз. [ПОК], [ПКВП], [ОККП], [ПКНД]	На шведском яз. [ППКУ]			1500 [ПОК]	1552 [ЖТ]	1568 [ПКВП]	1571 [ОККП]	1576 [ПКНД]	1582- 85 [Кир- кнен, 1970]
30	Реболы, выст.		Богородица, Рождество						40	
31		Libelis pogost								258
32		Tochmo Järfvi pogost								258
33		Pelgijärfwe pogost: Sowalax by								258
34		Pelgijärfwe pogost: Leppä- lax by								370
35		Pelgijärfwe pogost: Pelgijärfui (etel. Pjalaa)								258
36	Соломенский пог.	Salmis pogost	Христос, Воскресение		179				40	379
			Богородица, Рождество				171			

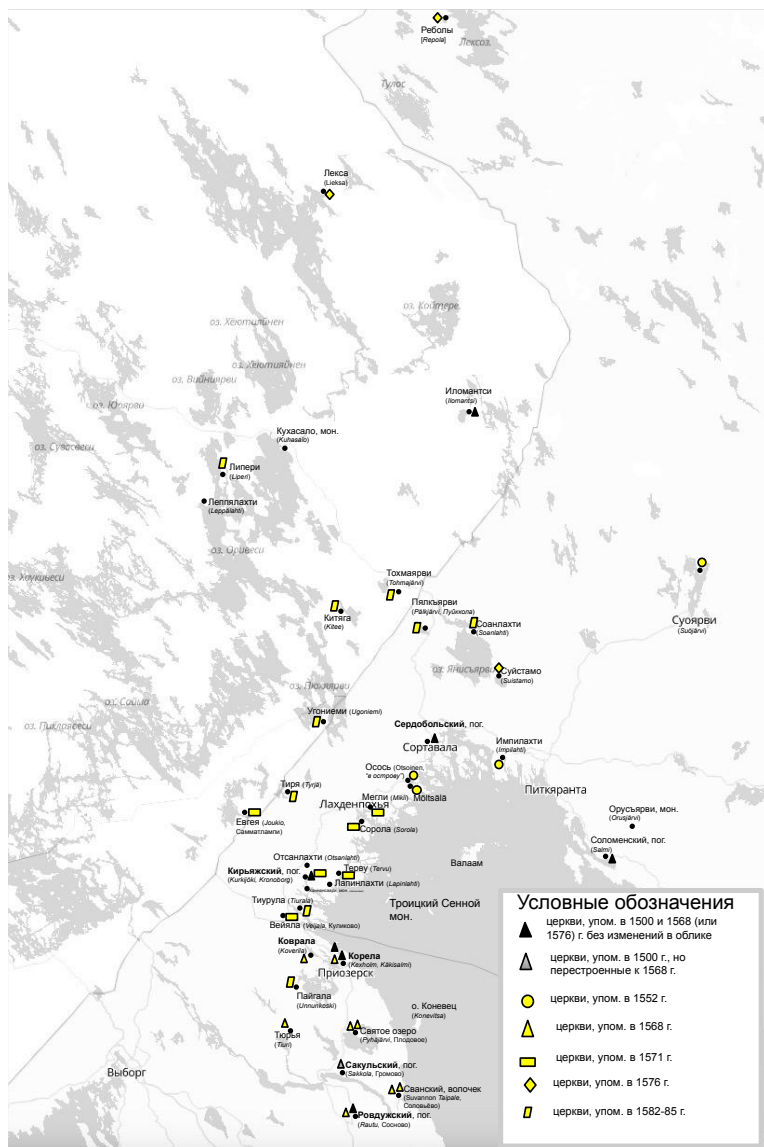
¹ В колонках приведены ссылки на номера страниц в источниках;

² В транслитерации Х. Киркинена;

³ В. Салохеймо в предисловии к изданию поземельной книги Корельского уезда 1618 г. отметил, что к 1618 г. волости Самматлампи и Тюрья составляли волость «Йоуккио» [ППКУ, с. 264].

Приложение № 2

Карта: Приходские церкви Корельского уезда в середине XVI столетия¹

¹ Карта создана с помощью приложения «Яндекс-карты».

Тишкина К. А. Деятельность Томского горного кружка в Сибири в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.) / К. А. Тишкина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 472—488. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-472-488.

Tishkina, K. A. (2022). Activities of Tomsk Mining Circle in Siberia during First World War (1914—1918). *Nauchnyi dialog*, 11(9): 472-488. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-472-488. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-472-488

Деятельность Томского горного кружка в Сибири в годы Первой мировой войны (1914—1918 годы)

Тишкина Ксения Алексеевна
orcid.org/0000-0002-2342-0548
кандидат исторических наук
ksetishkina@mail.ru

Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 19-39-60009

Activities of Tomsk Mining Circle in Siberia during First World War (1914—1918)

Ksenia A. Tishkina
orcid.org/0000-0002-2342-0548
PhD in History
ksetishkina@mail.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

Acknowledgments:

The reported study
was funded by RFBR,
project number
19-39-60009

© Тишкина К. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается деятельность Томского горного кружка в годы Первой мировой войны (1914—1918 годы). Основное внимание уделяется процессу формирования организации, деятельности по оказанию помощи фронту, русским военнопленным, а также содействию работе Четвертого Сибирского Томского врачебно-питательного отряда. Актуальность исследования обусловлено ростом интереса к теме благотворительности в период Первой мировой войны, а подробное рассмотрение функционирования конкретной общественной организации социальной направленности позволяет выявить общие и особенные черты, присущие данному явлению в указанный период. Благодаря привлечению широкого круга источников удалось установить хронологическую последовательность в действиях Томского горного кружка по сбору и отправке на фронт грузов с вещами и продуктами; определить воинские формирования, которым оказывалась помощь; выяснить, с какими общественными организациями, горнодобывающими и промышленными предприятиями коммуницировал кружок и т. д. Сделаны выводы о том, что Томский горный кружок, как пример учреждения, сформированного по профессиональному признаку, занимал одно из видных мест в системе благотворительных организаций Сибири.

Ключевые слова:

Сибирь; Томское горное управление; Первая мировая война; пожертвования; помощь фронту; военнопленные; Н. С. Боголюбский.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the activities of the Tomsk Mining Circle during the First World War (1914—1918). The main attention is paid to the process of formation of the organization, activities to provide assistance to the front, Russian prisoners of war, as well as to promote the work of the Fourth Siberian Tomsk Medical and Nutritional Detachment. The relevance of the study is due to the growing interest in the topic of charity during the First World War. A detailed examination of the functioning of a particular social organization of a social orientation allows us to identify common and special features inherent in this phenomenon in this period. Thanks to the involvement of a wide range of sources, it was possible to establish a chronological sequence in the actions of the Tomsk Mining Circle in collecting and sending goods with things and products to the front; identify the military formations that were assisted; find out with which public organizations, mining and industrial enterprises the circle communicated, etc. It is concluded that the Tomsk Mining Circle, as an example of an institution formed on a professional basis, occupied one of the prominent places in the system of charitable organizations in Siberia.

Key words:

Siberia; Tomsk Mining Administration; World War I; donations; help to the front; prisoners of war; N. S. Bogolyubsky.

Деятельность Томского горного кружка в Сибири в годы Первой мировой войны (1914—1918 годы)

© Тишкина К. А., 2022

1. Введение = Introduction

Начиная с 1860-х годов в Российской империи наблюдался рост общественного самосознания граждан, который выражался, в числе прочего, в появлении различного рода учреждений, объединявших людей сообразно интересам или с целью реализации каких-либо идей. Среди общественных организаций присутствовали общества социальной направленности, занимавшиеся благотворительностью [Гуларян, 2013, с. 157]. С началом Первой мировой войны в российском обществе произошел всплеск патриотических настроений, который привел к росту числа учреждений, оказывавших помощь как фронту, так и различным категориям граждан, пострадавших от военных действий. Каждая организация стремилась выделиться на фоне других обществ, что находило отражение в титульных названиях, в которых могли быть подчеркнуты особенности объединения граждан, например, по конкретному направлению деятельности (Кружок помощи воинам, пострадавшим от войны; Общество помощи русским военнопленным; Общество трудовой помощи инвалидам мировой войны и т. д.). Учреждения могли создаваться также с учетом национального (Общепурятское общество по сбору пожертвований на помощь больным и раненым воинам; Еврейский комитет помощи жертвам войны; Литовское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны и т. д.) или конфессионального признаков (Временный мусульманский комитет по оказанию помощи раненым воинам и их семьям).

Немалую роль в создании благотворительных обществ играла профессиональная принадлежность его членов. Многие организации и ведомства стремились создать свои учреждения, которые занимались общественной помощью (Комитет Алтайской железной дороги по оказанию помощи пострадавшим от военных действий; Комитет членов Государственной Думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны и т. д.). К работе таких обществ часто привлекались родственники служащих, преимущественно жены и дочери (Кружок дам Учебного ведомства при Императорском Томском университете по оказанию помощи воинам действующей армии; Томский кружок дам духовного звания и т. д.). В условиях социальных катаклизмов самоорганизация коллектива могла способствовать сплоченности его сотрудников для решения общественно-значимых проблем.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Анализ деятельности благотворительных организаций, образованных в годы Первой мировой войны по профессиональному признаку, был предпринят в ряде работ отечественных авторов. В диссертационном исследовании Н. Н. Кайдышевой (2016) рассмотрен вклад различных профессиональных союзов Пермской губернии в оказание поддержки армии и лицам, пострадавшим от войны [Кайдышева, 2016]. Исследовательница отметила, что значительную активность при создании благотворительных учреждений проявили представители чиновничьей интеллигенции. Выявлению участия служащих Ведомства путей сообщения и железных дорог в деле помощи фронту посвящена статья А. И. Нарезного и М. В. Пятиковой [Нарезный и др., 2016]. По мнению авторов, появление сформированных по профессиональному признаку обществ являлось одним из примеров модели благотворительности, сочетавшей в себе как ведомственные, так и бюрократические, общественные и частно-собственнические начала. В публикации О. М. Долидович представлена деятельность в годы первой мировой войны 12 женских комитетов и кружков, членами которых состояли жены и дочери служащих различных ведомств и учреждений Томска (Кружок дам духовного звания, Дамский кружок при благотворительном комитете судебных деятелей, Дамский комитет при управлении Томской железной дороги и т. д.) [Долидович, 2017].

Целью данного исследования является отображение вклада служащих Томского горного управления в дело помощи русским воинам как на фронте, так и в тылу в годы Первой мировой войны. Исследование основывается на принципах историзма и объективности. Использование историко-хронологического метода позволило в хронологической последовательности выстроить процесс формирования и функционирования Томского горного кружка; благодаря историко-генетическому методу определены основные этапы и направления деятельности организации в различные хронологические периоды; историко-системный метод предоставил возможность рассмотреть кружок как элемент системы благотворительных учреждений в годы Первой мировой войны.

В ходе исследования использовались архивные материалы, отложившиеся в фонде Д-75 «Томский горный кружок по оказанию помощи воинам, сражающимся на позициях, раненым и больным воинам, выходящим из госпиталей, г. Томск, октябрь 1914—1918 годов» Государственного архива Новосибирской области. Для расширения информации были привлечены сведения, выявленные в Государственном архиве Красноярского края, а также в периодических изданиях («Утро Сибири», «Сибирская жизнь») и опубликованных отчетах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формирование Томского горного кружка и его деятельность по сбору пожертвований в первый год работы

В начале октября 1914 года Томскому губернатору В. Н. Дудинскому от имени служащих Томского горного управления и их семей было направлено письмо о желании основать организацию по оказанию всесторонней поддержки воинов. Следует упомянуть, что ранее, в годы русско-японской войны (1904—1905) силами сотрудников этого учреждения был сформирован и действовал до 1907 года Томский горный кружок для оказания непосредственной помощи раненым и больным воинам, эвакуируемым с Дальнего Востока. Полученный опыт по организации и деятельности благотворительного общества мог быть использован в условиях Первой мировой войны.

Согласно первоначальному плану, будущее общество должно было объединять только жен служащих Томского горного управления и именоваться *Дамский горный кружок для оказания пособий сражающимся на позициях, раненым и больным воинам, выходящим из госпиталя воинам*. Однако данная идея практически сразу была отклонена самими инициаторами.

Новое учреждение получило название — *Томский горный кружок для оказания пособий сражающимся на позициях, раненым и больным воинам, выходящим из госпиталя воинам* (далее — Томский горный кружок. — К. Т.). Целью организации являлся сбор пожертвований «деньгами, материалами и вещами» для их передачи «на снабжение воинов теплой одеждой, бельем, обувью, а также чаем, сахаром, табаком для курения и другими предметами, дозволенными для употребления в войсках» [ГАНУ, ф. Д-75, оп. 1, д. 1, л. 13]. Финансирование деятельности Томского горного кружка осуществлялось за счет членских взносов (при вступлении предполагался единовременный взнос — 1 руб.), частных пожертвований, средств, вырученных от проведения различных мероприятий (публичных лекций, гуляний, концертов, спектаклей и т. д.). С окончанием войны учреждение ликвидировалось.

5 октября 1914 года в помещении Томского горного управления и Золотосплавочной лаборатории прошло заседание членов-учредителей общества в количестве 27 человек. На собрании было принято решение приступить к предварительному сбору пожертвований по подписному листу среди членов-учредителей, а также начать заготовку материалов для изготовления вещей для фронта.

Первое официальное заседание Томского горного кружка состоялось 10 октября 1914 года. На нем был сформирован Совет — руководящий орган организации. Председательницей избрали Е. В. Боголюбскую, казначеем — помощника начальника Томского горного управления В. В. Мажорова; секретарем — начальника Томского горного управления Н. С. Бо-

голюбского [ГАНО, ф. Д-75, оп. 1, д. 1, л. 23]. На собрании было решено обратиться к Томскому губернатору за разрешением провести благотворительный сеанс в кинотеатре «Фурор» в пользу Томского горного кружка и Верхне-Еланского городского попечительства о бедных. Благотворительный показ фильмов предполагался 17 октября 1914 года. Положительный ответ от Томского губернатора был получен. Первая акция в пользу организации дала прибыль в 105 руб. 41 коп. [ГАНО, ф. Д-75, оп. 1, д. 1, л. 26об.].

Ко 2 ноября 1914 года членам Томского горного кружка удалось собрать 1026 руб. 49 коп. Из этой суммы 174 руб. составляли членские взносы. Кроме этого, в фонд организации поступили и вещевые пожертвования — 10 шарфов, 18 рубашек, 8 жилетов, 7 фуфаяк, 4 кисета и т. д. Собранные средства были направлены на закупку материалов, из которых силами сотрудниц Томского горного кружка были изготовлены 101 ватный жилет, 105 теплых рубашек, 105 кальсон, 108 шарфов и т. д. [Там же, л. 43 об.].

В ноябре 1914 года в пользу Томского горного кружка было организовано несколько культурных мероприятий. Так, 13 ноября 1914 года в электротееатре «Новый» был проведен благотворительный киносеанс. Помимо средств от проданных билетов и программ, в пользу организации поступило частное пожертвование от неизвестного лица в размере 20 руб. Общая сумма вырученных средств от благотворительного мероприятия составила 313 руб. 77 коп. [Отчет..., 1914, с. 4]. В конце ноября 1914 года в помещении Общественного собрания членами Томского горного кружка был устроен концерт «в пользу сражающихся на войне» [ГАНО, ф. Д-75, оп. 1, д. 2, л. 40]. Мероприятие состояло из трех отделений, в которых прозвучали сцены из оперы «Жизнь за царя», романсы и музыкальные произведения. В перерывах между отделениями производилась продажа чая и цветов. Чистый сбор от концерта составил 731 руб.

Поскольку организация существовала преимущественно на частные пожертвования, Томскому горному кружку требовался постоянный источник финансирования. Будучи сформированным по профессиональному признаку, общество ориентировалось на привлечение внимания к своей деятельности различных организаций, занимающихся горнодобывающей деятельностью. От имени начальника Томского горного управления Н. С. Боголюбского руководителям горнодобывающих предприятий были направлены письма с просьбой оказать поддержку Томскому горному кружку в деле помощи больным и раненым воинам. В именных письмах отмечалось: «Надеюсь, что как Вы, так и лица, занимающиеся горным промыслом и вообще имеющие к нему отношения, не оставят своими пожертвованиями содействовать достижению целей Горного Кружка» [ГАКК, ф. 16, оп. 1, д. 231, л. 128].

Осенью 1914 года благотворительной организацией от Енисейского губернатора было получено разрешение на проведение сборов пожертвований в Енисейской губернии. В декабре 1914 года в Красноярске на XVIII очередном Съезде золотопромышленников Южной части Енисейского горного округа исполняющим обязанности окружного инженера Н. Ф. Блюдухо было зачитано письмо от Н. С. Боголюбского с просьбой о пожертвованиях [Протокол заседаний..., 1915, с. 5]. Членами Совета Съезда было принято решение ассигновать 200 руб., которые были переданы в Томский горный кружок в начале 1915 года. Участники Съезда золотопромышленников Северной части Енисейского горного округа также предоставили благотворительной организации 200 руб.

Денежные средства поступали и из горных округов Енисейской губернии. Так, в марте 1915 года от горного исправника Северо-Енисейского горного округа было собрано и передано 39 руб. 82 коп. В апреле 1915 года от горного исправника Красноярско-Канского горного округа Г. П. Амбразевича поступило 27 руб. 21 коп. [ГАКК, ф. 16, оп. 1, д. 231, л. 131]. Часть из этих средств — 9 руб. 55 коп. — была собрана горнополицейским стражником Федоровым. В мае 1915 года помощник окружного инженера Красноярско-Ачинского горного округа направил в пользу Томского горного кружка 71 руб. 30 коп. [Там же, л. 110].

Однако не на все обращения начальника Томского горного округа о финансовой поддержке учреждения был дан положительный. Так, Семипалатинский губернатор Ф. Ф. Чернцов в ноябре 1914 года уведомил Н. С. Боголюбского о том, что разрешит сбор пожертвований в пользу Томского горного кружка в случае, если половина собранных средств будет перечислена в Семипалатинский Областной комитет по сбору и распределению пожертвований на нужды, вызванные военным временем, или в местное отделение Российского общества Красного Креста [ГАО, ф. Д-75, оп. 1, д. 2, л. 22]. Такое решение объясняется незначительным притоком пожертвований в указанные организации от населения области.

За год деятельности в кассу Томского горного кружка поступило 9795 руб. 56 коп. [ГАО, ф. Д-75, оп. 1, д. 1, л. 59]. Организацию активно поддерживали служащие промышленных предприятий. Так, от Акционерного общества «Кузнецкие каменноугольные копи» поступило 100 руб., от Акционерного общества «Спасские медные руды» — 206 руб. 50 коп., от Золотопромышленного общества Мариинских приисков — 312 руб. и т. д. Наибольшее пожертвование поступило от Судженских каменноугольных копей Л. А. Михельсона — 1483 руб. 40 коп. В эту сумму вошли средства, переданные обществу по подписному листу, полученные при организации благотворительного спектакля местного драматического кружка, а так-

же собранные среди рабочих копеек. Помимо денежных пожертвований, в фонд Томского горного кружка поступали и вещи для фронтовиков. Так, существенную поддержку в сборе одежды для воинов оказали жены и дочери работников Георгиевского прииска и Берикульского рудника, которые изготовили 226 шт. нательного белья [ГАНО, ф. Д-75, оп. 1, д. 2, л. 68].

3.2. Вклад Томского горного кружка в дело оказания помощи фронту

С самых первых дней работы члены Томского горного кружка приступили к реализации главной цели своей деятельности — помощи фронту посредством отправки вещей и продуктов в действующую армию. Уже на втором заседании — 13 октября 1914 года — обсуждались закупки пряжи для изготовления варежек, а также ткани для пошива теплого белья для воинов. Первые посылки вещей планировалось направить к рождественским праздникам.

В начале декабря 1914 года Томским горным кружком по железной дороге было отправлено несколько грузов для воинов 14-го Сибирского стрелкового дивизии, 4-го Сибирского саперного батальона, сибирских казачьих полков на Кавказский фронт. В посылках находились: 310 ватных жилетов, 695 рубашек, 487 кальсон, 441 пар портянок, 415 пар рукавиц, 563 кисетов, 222 шарфа, 125 полотенец, 38 пуд. сушек, 20 фун. чаю, 1 пуд. 20 фунт. карамели, 4 пуд. 20 фунт. колбасы, 6 ящиков спичек, 13 коробок папирос, 1115 деревянных ложек, 209 трубок и т. д. Кроме вещей для воинов, членами Томского горного кружка были подготовлены подарки для сестер милосердия. Помимо этих грузов, была организована отдельная отправка 24 пуд. 36 фунтов листового табака и курительной бумаги в Бюро распределения вещей и подарков для воинов в Варшаве и во 2-ю батарею 16 артиллерийской бригады на Западный фронт [В горном кружке, 1915, с. 2].

В феврале 1915 года в газете «Сибирская жизнь» были опубликованы благодарственные письма Томскому горному кружку из воинских подразделений, куда были направлены грузы. Так, воины-томиши 4-го Сибирского саперного батальона писали: «Сегодня получили Ваши рождественские подарки, которые доставили истинную радость и удовольствие. Очень тронуты заботой наших соотечественников-сибиряков о нас и за это приносим свою искреннюю благодарность. Мы живем верою, что наша родина не забыла своих сынов и в тяжелые дни шлет свой привет и подарки, которые здесь, на чужбине, особенно дороги и милы...» [Письма из армии, 1915, с. 3].

Некоторые из поступающих на адрес Томского горного кружка обращений содержали просьбы. Так, например, в начале 1915 года пришло письмо от рядовых А. Н. Мошкарёва и К. Г. Безпалых с просьбой прислать для них в 55-й Сибирский стрелковый полк вещи. Воины писали: «... просим вас

не оставьте нашей просьбы наши товарищи получили от вас посылки а мы ничего не получали и нам стало обидно и мы подали к вам письмо с просьбой» [ГАНО, ф. Д-75, оп. 1, д. 2, л. 104].

В письмах воины сообщали о большой нужде в белье и сапогах. В связи с этим члены Томского горного кружка приняли решение провести благотворительную акцию «День солдатского сапога». 13 февраля 1915 года в Томске под лозунгом «Жертвуйте на сапоги солдату!» прошел кружечный сбор с продажей значков. Данная акция привлекла большое внимание жителей города. Особенно активно кружки сборщиков пополнялись возле учебных заведений. Всего в день акции удалось собрать 2413 руб. 71 коп., на которые планировалось приобрести 250 пар сапог [ГАНО, ф. Д-75, оп. 1, д. 1, л. 48].

К концу февраля 1915 года членам Томского горного кружка удалось подготовить новую партию одежды и продуктов для воинов. Собранные вещи планировалось направить с командированным на фронт в качестве уполномоченного по сопровождению и раздаче пасхальных подарков купцом и почетным мировым судьей И. И. Гадаловым. Как и в случае с рождественскими подарками, грузы были адресованы в конкретные воинские формирования. Так, для воинов 55-го и 56-го Сибирских стрелковых полков было сформировано 404 подарочных комплекта, в каждом из которых были рубашка, кальсоны, полотенце, кiset с вложенным чаем, сахаром, карамелью, кедровыми орехами, мылом, почтовой бумагой, конвертами. Для курящих воинов вместо кедровых орехов и карамели вкладывали курительную бумагу и табак. Для воинов 1-й Отдельной Сибирской горной батареи предназначались 5 фунтов чая, 18 фунтов сахара, 4 фунта табака, 20 фунтов соли, 10 фунтов кедровых орехов и 17 пар суконных рукавиц. Присланные от служащих, мастеровых и рабочих Берикольского рудника 96 рубашек, 85 кальсон, 4 пуда 36 фунтов сухарей и 96 кisetов с подарками планировалось передать в бани на передовых позициях [ГАНО, ф. Д-75, оп. 1, д. 1, л. 48]. Как и предполагалось ранее, сотрудниками Томского горного кружка были выкуплены 250 пар сапог, которые И. И. Гадалов обязывался раздать наиболее нуждавшимся воинам.

В марте 1915 года И. И. Гадалов с грузами направился на фронт. По возвращению в Томск он представил отчет о поездке, в котором были зафиксированы увиденные им ужасы войны. И. И. Гадалов отметил большое значение передаваемых на фронт подарков: «Нижние чины видят, что их не забыли, что о них помнят и заботятся. А раз помнят о них, находящихся где-то далеко от их родных мест, то они уверены, что не забудут и их дорогих родных, оставшихся там, на месте. А это сознание вселяет бодрость, уверенность в самом себе <...>. И чем посылки будут чаще, тем лучше будет отражаться на армии» [ГАНО, ф. Д-75, оп. 1, д. 2, л. 218].

Членами Томского горного кружка был направлен запрос И. И. Гадалову по уточнению мест доставки сапог и вещей. Однако И. И. Гадалов не мог предоставить такие сведения, так как информация о частях и их локации носила секретный характер в связи с военным временем [Там же, л. 223].

В октябре 1915 года сотрудники Томского горного кружка подвели итог года деятельности по оказанию помощи фронту. За этот период состоялось восемь отправок на передовую вещей и продуктов. В общей сложности было послано: 1638 пар кальсон, 1610 деревянных ложек, 1289 кисетов с подарками, 1470 рубашек, 222 шарфа, 226 курительных трубок, 36 пуд. махорки, 28 пуд. сушек, 4 пуд. 20 фунтов копченой колбасы, 2 пуд. 20 фунтов кедровых орехов и т. д. [ГАО, ф. Д-75, оп. 1, д. 1, л. 53 об.].

Осенью 1915 года сотрудники Томского горного кружка приступили к сбору рождественских подарков для фронтовиков. Для пополнения средств организации 9 ноября 1915 года был проведен кружечный сбор, который составил 1244 руб. 95 коп. [Там же, л. 61]. В конце ноября 1915 года грузы с подарками для фронта были сформированы. На запрос благотворителей из Томского горного кружка Управление Томской железной дороги отвечало, что в этом году никаких особых распоряжений по транспортировке рождественских подарков на фронт не было. Все пожертвованные вещи перевозились по железной дороге бесплатно; направляемые грузы должны были быть адресованы в строевые части войск; на подарки, адресованные конкретным лицам, не распространялся бесплатный провоз; вес каждой посылки не должен был превышать трех пудов. В случае если к отправке предназначалось более 100 пудов подарков, допускалось присутствие сопровождающего лица «от станции первоначального отправления до ближайшего распределительного пункта» с предоставлением ему бесплатного билета второго или третьего класса. К пересылке не допускались скоропортящиеся продукты и «предметы интендантского довольствия (хлеб, ржаные сухари, крупа и мука)» [ГАО, ф. Д-75, оп. 1, д. 2, л. 173 об.].

В декабре 1915 года груз общим весом в 19 пудов 33 фунта с рождественскими подарками нижним чином был направлен в 10-й пехотный Новоингерманский полк. В посылки были вложены вещи (ватные жилеты, рубашки, кальсоны), табак и предметы, необходимые для починки сапог (подметки, кожа, иголки, дратва) [В горном кружке, 1916, с. 3]. Участие Томского горного кружка в оказании поддержки воинам на передовой не осталось незамеченным, в феврале 1916 года на имя Е. В. Боголюбской было направлено благодарственное письмо от командира 10-го пехотного Новоингерманского полка В. А. фон Геннингса, в котором подчеркивалось внимание членов организации к нуждам нижних чинов.

В начале 1916 года Томский горный кружок направил четыре ящика общим весом 8 пудов 15 фунтов с вещами и продуктами на Кавказский фронт Сибирским казачьим полкам. Маршрут доставки был выстроен по железнодорожной дороге через станции Томск — Тайга — Челябинск — Батраки — Пенза — Ртищево — Таволжанка — Поварино — Царицын — Тихорецкая — Баку — Тифлис. В ящиках находились по 60 шт. рубашек и кальсон, 72 пары портянок, 54 ватных жилетов, 16 фунтов карамели, 8 фунтов чаю, 8 фунтов табаку, дюжине карандашей и т. д. [ГАНУ, ф. Д-75, оп. 1, д. 3, л. 21—21 об.].

Летом 1916 года Томский горный кружок направил еще один груз уже в 35-й Сибирский стрелковый полк — 10 посылок с вещами, продуктами (сушки, карамель, сухари, чай), а также предметами для ремонта обуви и одежды (нитки, иголки, иголки, шилья) [Там же, л. 26].

С начала осени 1916 года сотрудники Томского горного кружка приступили к традиционной заготовке рождественских подарков для воинов. В ноябре 1916 года в Штаб Верховного Главнокомандующего были направлены девять тюков: три тюка с жилетами (118 шт.) и кисетами с подарками (118 шт.); пять тюков с бельем (250 шт.) и кисетами с подарками (250 шт.). В эти тюки были вложены почтовые листы (368 шт.), конверты (368 шт.), шесть дюжин карандашей, 4 пуда 28 фунтов кедровых орехов, 3 пуда 20 фунтов пряников. Девятый тук содержал: кисеты (62 шт.), кульки (4 шт.), две пары портянок, 2 ¼ фунта самотечной серы, 38 фунтов кедровых орехов, 21 фунт пряников. Помимо этого, в ящики были упакованы вещи, изготовленные членами Дамского Комитета Кемеровских каменноугольных копей — 43 пары теплого белья, 70 теплых рукавиц, 38 пар вязаных чулок [ГАНУ, ф. Д-75, оп. 1, д. 3, л. 30].

3.3. Сотрудничество Томского горного кружка с Томским отделом Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам

Осенью 1914 года в Петрограде при участии местной сибирской общественности было организовано Сибирское общество для подачи помощи больным и раненым воинам [Тишкина, 2014, с. 100]. Целью его деятельности являлась поддержка воинов (преимущественно сибиряков) как на фронте, так и в тылу. Общество было одной из крупнейших благотворительных организаций периода Первой мировой войны, имевшей отделения по всей территории Российской империи. Обществом при поддержке Всероссийского Союза городов на фронте были сформированы 10 врачебно-питательных отрядов. Некоторые из отрядов получили названия, подчеркивавшие места их формирования и связь с определенными отделениями Сибирского общества для подачи помощи больным и раненым воинам или источник финансирования, например, Третий Сибирский Новониколаев-

ский врачебно-питательный отряд, Четвертый Сибирский Томский врачебно-питательный отряд, Шестой Сибирский врачебно-питательный отряд имени Бурятского народа и т. д.

Сибирское общество для подачи помощи больным и раненым воинам существовало за счет частных пожертвований. Расширение деятельности (с конца весны 1915 года титульное название — Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны) потребовало значительных финансовых вложений. В связи с этим общество вело активную деятельность по сбору средств. Многие общественные организации активно поддерживали работу отделов. Члены Томского горного кружка вызвались оказывать содействие Томскому отделу Сибирского общества для подачи помощи больным и раненым воинам, который был открыт в ноябре 1914 года.

Весной 1915 года Томский отдел Сибирского общества для подачи помощи больным и раненым воинам приступил к формированию врачебно-питательного отряда [Тишкина, 2018, с. 72]. Члены Томского горного кружка приняли решение выделить 1000 руб. на приобретение оборудования и содержание именной кровати при врачебно-питательном отряде (всего именных кроватей от учреждений и частных лиц Томска было 37).

Летом 1915 года Томский горный кружок собрал для Четвертого Сибирского Томского врачебно-питательного отряда 6 тюков с 207 комплектами вещей. В один комплект входили рубашка, кальсоны, полотенце, платок или кисет, 1/8 фунта чая, ¼ фунта сахара, кусок мыла, ¼ фунта табака, 2 листа раскурочной бумаги, одна пара оберток [ГАНУ, ф. Д-75, оп. 1, д. 3, л. 14]. Сопровождающим груз в Москву был направлен А. И. Скулимовский. Доставленные тюки временно разместили в помещении при госпитале Соединенного комитета Московских биржевого и купеческого обществ по оказанию помощи раненым и больным воинам. В середине сентября 1915 года груз от Томского горного кружка, а также ящик с балалайками от г-жи Бересвич были переданы под расписку старшему санитару Четвертого Томского передового врачебно-питательного отряда И. А. Алексееву [ГАНУ, ф. Д-75, оп. 1, д. 2, л. 181].

Оказание помощи Четвертому Сибирскому Томскому врачебно-питательному отряду требовало значительных финансовых затрат, так как параллельно Томский горный кружок выделял средства на формирование грузов для отправки их в воинские части. Некоторые из предприятий направляли деньги в кружок для оказания содействия определенному фронтовому учреждению. Так, служащие и рабочие Акционерного общества «Кузнецкие каменноугольные копи» передали 500 руб. для заготовки белья для Четвертого Томского врачебно-питательного отряда [ГАНУ, ф. Д-75, оп. 1, д. 21, л. 66 об.].

В конце апреля 1916 года на заседании членов Томского горного кружка обсуждался вопрос о необходимости распределения скопившегося большого количества белья. Было решено направить запросы в Томский отдел Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, 18-й и 38-й Сибирские стрелковые запасные батальоны с просьбой указать необходимость в вещах. После получения положительного ответа от Томского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны летом 1916 года в Четвертый Сибирский Томский врачебно-питательный отряд было направлено 4 тюка с рубашками и кальсонами.

3.4. Деятельность Томского горного кружка после Февральской революции

В марте 1917 года члены Томского горного кружка послали в Штаб Верховного главнокомандующего для распределения в 39-й Сибирский стрелковый полк груз с пасхальными подарками, в который вошли: 452 шт. верхнего и нижнего белья, по пуду пряников и карамели, по два пуда копченой колбасы и сушек, 600 конвертов, пять пачек бумаги и шесть дюжин карандашей. Кроме этого, в посылку были включены пожертвования от супругов М. В. и Н. Н. Гирбасовых — 10 000 папирос, 36 кисетов с подарками и 34 книги [ГАНУ, ф. д-75, оп. 1, д. 1, л. 70].

Весной 1917 года председательница Томского горного кружка Е. В. Боголюбская подняла вопрос о пересмотре деятельности организации. В связи с существенным ростом цен и дефицитом тканей работа по изготовлению белья для фронта была приостановлена. Председательницей было предложено сосредоточить деятельность организации на оказании финансовой поддержки воинов. На собрании 20 марта 1917 года члены Томского горного кружка приняли решение оказывать поддержку русским воинам, находившимся в плену в Германии. Ранее организация уже вносила пожертвования в размере 100 руб. в Томский отдел Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, который занимался формированием и отправкой подарков военнопленным.

Весной 1917 года Томский горный кружок направил во Всероссийский земский союз 1890 руб. в пользу русских военнопленных в Германии. На эту сумму планировалось сформировать в Англии посылки, в состав которых входили бы продукты долгого хранения (консервы, сухари, чай и т. д.) [ГАНУ, ф. д-75, оп. 1, д. 2, л. 284].

В августе 1917 года в составе правления Томского горного кружка произошли изменения. Организацию возглавил Н. С. Боголюбский, секретарем стал А. А. Холодковский [ГАНУ, ф. д-75, оп. 1, д. 1, л. 72]. Новое руководство продолжило деятельность по оказанию поддержки военно-

пленным, в том числе по выполнению поступавших в адрес организации отдельных запросов от воинов. Для пополнения средств Томского горного кружка сотрудники общества приняли решение провести в Томске «День военнопленных». Однако в сентябре решение вопроса о проведении мероприятия было перенесено на неопределенный срок ввиду «неудобства осуществления его в текущий момент» [ГАНО, ф. Д-75, оп. 1, д. 1, л. 39].

За период работы организации с 1 июля по 1 сентября 1917 года удалось собрать всего 260 руб. Часть этих средств — 60 руб. — составили членские взносы, другую — частные пожертвования [ГАНО, ф. д-75, оп. 1, д. 5, л. 93 об.]. Томский горный кружок продолжал выделять средства на формирование посылок для военнопленных. Кроме этого, организация установила контакт с Комитетом Лиги равноправия женщин, который также занимался вопросом улучшения положения российских военнопленных в Германии.

4. Заключение = Conclusions

После подписания Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 года и завершения военных действий Томский горный кружок был ликвидирован. На последнем заседании 3 мая 1918 года присутствовало 8 членов организации, которые подвели итоги деятельности благотворительной организации. Еще в апреле 1918 года сотрудники осуществили подсчет полученных и истраченных средств с момента образования кружка. За период работы учреждения было собрано 19 935 руб. 1 коп. Наибольшее количество средств поступило за счет пожертвований — 8686 руб. 42 коп., а также от проведения кружечных сборов — 7096 руб. 59 коп. За три с половиной года деятельности Томского горного кружка было истрачено 19 373 руб. 36 коп. Больше половины из этой суммы — 12 676 руб. 52 коп. — ушло на закупку материалов для изготовления вещей, приобретения готовых изделий и продуктов для фронта. Значительная часть средств — 2940 руб. 66 коп. — была направлена на нужды российских военнопленных в Германии [ГАНО, ф. д-75, оп. 1, д. 4, л. 103об.—104].

На последнем заседании была торжественно выражена благодарность Е. В. Боголюбской (ее супруг Н. С. Боголюбский скончался весной 1918 года), а также все членам организации за личный вклад в работу Томского горного кружка [ГАНО, ф. д-75, оп. 1, д. 1, л. 79]. На момент ликвидации у организации оставалось 561 руб. 65 коп. Члены Томского горного кружка приняли решение распределить эти средства между местным городским приютом, Томским обществом защиты женщин «Пчельник», Томским обществом «Ясли», Верхне-Еланским городским попечительством о бедных.

Деятельность Томского горного кружка является одним из примеров работы общественных организаций в годы Первой мировой войны. Сформированное в первые месяцы войны служащими Томского горного управления учреждение за почти четырехлетний период своей деятельности смогло реализовать поставленную цель — помощь фронту. Лишь в последний год своего существования Томский горный кружок скорректировал направление дальнейшей работы. Причинами этого являлись образовавшиеся в стране дефицит текстильных материалов и фурнитуры и рост цен. Оказание помощи российским военнопленным в Германии стало одной из ведущих тенденций среди общественных организаций в 1917 году, поэтому выбор этого направления был логичен в сложившихся реалиях.

Существенную роль в укреплении финансовой базы Томского горного кружка играли добывающие предприятия, действовавшие в Сибири. Их сотрудники присылали как денежные пожертвования, так и вещи для их дальнейшей отправки на фронт. Такой источник финансирования был нестабилен, так как присылаемые средства поступали путем добровольных сборов. Основной приток пожертвований был характерен для первого года войны. Сосредоточение сил вокруг конкретного направления деятельности и отказ от финансирования других направлений можно оценить как грамотное распределение получаемых средств. Ликвидация организации стала логичным завершением деятельности Томского горного кружка.

Источники и принятые сокращения

1. *Отчет* // Утро Сибири : [газета]. — 1914. — № 260. — С. 4.
2. *В горном кружке* // Сибирская жизнь : [газета]. — 1915. — № 32. — С. 2.
3. *Протоколы заседаний* III-го Очередного съезда золотопромышленников Красноярско-Ачинского горного округа. — Красноярск : Типография б. М. И. Абалакова, 1915. — 21 с.
4. *Письма* из армии // Сибирская жизнь : [газета]. — 1915. — № 32. — С. 2.
5. *В горном кружке* // Сибирская жизнь : [газета]. — 1916. — № 22. — С. 3.
6. ГАКК — *Государственный архив* Красноярского края. Ф. 16 (Горный исправник Красноярско-Канского городского округа полицейского управления). Оп. 1. Д. 231. Л. 128, Л. 131.
7. ГАНО — *Государственный архив* Новосибирской области. Ф. Д-75 (Томский горный кружок по оказанию помощи воинам, сражающимся на позициях, раненым и больным воинам, выходящим из госпиталей, г. Томск, октябрь 1914—1918 гг.). Оп. 1. Д. 1. Л. 13, 23, 26 об., 39, 43 об., 48, 53 об., 59, 61, 70, 72, 79 ; Д. 2. Л. 40, 66 об., 68, 173 об., 181, 284 ; Д. 3. Л. 14, 30 ; Д. 4. Л. 103 об.—104 ; Д. 5. Л. 93 об.
8. *Программы и сметы курсов и учебных мастерских для увечных воинов* / Всерос. земский союз ; сост. Отд. помощи увечным воинам Гл. ком. Всерос. земского союза при участии XIV Секции Моск. ком. воен.-техн. помощи. — Москва, 1916. Выпуск 1. — VIII, 206 с. : ил.

Литература

1. Гуларян А. Б. Проблема классификации общественных организаций в дореволюционной России / А. Б. Гуларян // Знание. Понимание. Умение. — 2013. — № 3. — С. 153—159.
2. Долидович О. М. Дамские комитеты Томска в годы Первой мировой войны (по материалам газеты «Сибирская жизнь») / О. М. Долидович // Женщина в российском обществе. — 2017. — № 3. — С. 93—102. — DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.8.
3. Кайдышева Н. Н. Благотворительная деятельность в Пермской губернии в годы Первой мировой войны : 1914 — февраль 1917 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Н. Кайдышева. — Екатеринбург, 2016. — 27 с.
4. Нарезный А. И. Участие Ведомства путей сообщения и железных дорог в оказании помощи армии и населению в годы Первой мировой войны / А. И. Нарезный, М. В. Пятикова // Гуманитарные и юридические исследования. — 2016. — № 4. — С. 121—128.
5. Тишкина К. А. Роль Е. Л. Зубашева в организации отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в 1914 г. / К. А. Тишкина // Сибирь и войны XIX—XX веков : Сборник материалов всероссийской научной конференции / Отв. Ред. М. В. Шиловский. — Новосибирск : Параллель ; Институт истории СО РАН, 2014. — С. 99—104. — ISBN 978-5-98901-153-7.
6. Тишкина К. А. Деятельность Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и Гражданской войн : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / К. А. Тишкина. — Барнаул, 2018. — 296 с.

Material resources

- GAKK — *State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 16 (Mountain police officer of the Krasnoyarsk-Kansk city district of the police Department). Op. 1. d. 231. l. 128, l. 131. (In Russ.).*
- GANO — *State Archive of the Novosibirsk region. f. D-75 (Tomsk Mountain Circle for helping soldiers fighting in positions, wounded and sick soldiers leaving hospitals, Tomsk, October 1914—1918). Op. 1. D. 1. l. 13, 23, 26 vol., 43 vol., 59; d. 2. l. 40, 68; d. 3. l. 14, l. 30. (In Russ.).*
- In the mountain circle. (1915). *Siberian life: [newspaper]*, 32: P. 2. (In Russ.).
- In the mountain circle. (1916). *Siberian life: [newspaper]*, 22: P. 3. (In Russ.).
- Letters from the army. (1915). *Siberian life: [newspaper]*, 32: P. 2. (In Russ.).
- Minutes of the meetings of the III-th Regular Congress of Gold Producers of the Krasnoyarsk-Achinsk mining District.* (1915). Krasnoyarsk: Printing house of B. M. I. Abalakov. 21 p. (In Russ.).
- Programs and estimates of courses and training workshops for crippled warriors / Vseros. zemsky Soyuz; comp. Department of assistance to crippled soldiers Gl. com. Everything is fine. Zemstvo Union with the participation of the XIV Section of the Moscow Military-Technical Committee. Help, I.* (1916). Moscow. VIII, 206 p. : ill. (In Russ.).
- Report. (1914). *Morning of Siberia: [newspaper]*, 260: P. 4. (In Russ.).

References

- Doilodovich, O. M. (2017). Ladie's Committees of Tomsk during the First World War (based on the materials of the newspaper "Siberian Life"). *Woman in Russian society*, 3: 93—102. DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.8. (In Russ.).

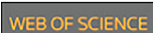
- Gularyan, A. B. (2013). The problem of classification of public organizations in pre-revolutionary Russia. *Knowledge. Understanding. Ability*, 3: 153—159. (In Russ.).
- Kaidysheva, N. N. (2016). *Charitable activity in the Perm province during the First World War: 1914 — February 1917*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 27 p. (In Russ.).
- Narezhny, A. I., Pyatikova, M. V. (2016). Participation of the Ministry of Railways and Railways in providing assistance to the army and the population during the First World War. *Humanitarian and legal studies*, 4: 121—128. (In Russ.).
- Tishkina, K. A. (2014). The role of E. L. Zubashev in the organization of departments of the Siberian society for providing assistance to sick and wounded soldiers in 1914. In: *Siberia and wars of the XIX—XX centuries: A collection of materials of the All—Russian Scientific Conference*. Novosibirsk: Parallel; Institute of History SB RAS. 99—104. ISBN 978-5-98901-153-7. (In Russ.).
- Tishkina, K. A. (2018). *Activity of the Siberian Society for providing assistance to sick and wounded soldiers during the First World War and Civil War*. PhD Diss. Barnaul. 296 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.08.2022,
одобрена после рецензирования 21.10.2022,
подготовлена к публикации 01.11.2022.

Хамзин И. Р. Деятельность российских предпринимателей в сфере производства чая в долине реки Янцзы во второй половине XIX века / И. Р. Хамзин, Р. Т. Ганиев, А. В. Кочнев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 489—507. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-489-507.

Khamzin, I. R., Ganiev, R. T., Kochnev, A. V. (2022). Activity of Russian Entrepreneurs in Field of Tea Production in Yangtze River Valley in Second Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 489-507. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-489-507. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-489-507

Деятельность российских предпринимателей в сфере производства чая в долине реки Янцзы во второй половине XIX века

Хамзин Ильдар Рашидович

orcid.org/0000-0002-4967-0705

кандидат исторических наук, доцент,

кафедра истории России

ildar.hamzin1991@mail.ru

Ганиев Рустам Талгатович

orcid.org/0000-0003-4568-7179

кандидат исторических наук, доцент,

кафедра истории России

rusthist@yandex.ru

Кочнев Антон Владимирович

orcid.org/0000-0002-6831-6947

кандидат исторических наук, доцент,

кафедра теории и истории

международных отношений

a.kochnev.usu@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда

№ 22-78-00050 «Система торговых

отношений России и Китая во второй

половине XIX — начале XX века»,

<https://rscf.ru/project/22-78-00050>

Activity of Russian Entrepreneurs in Field of Tea Production in Yangtze River Valley in Second Half of 19th Century

Ildar R. Khamzin

orcid.org/0000-0002-4967-0705

PhD in History, Associate Professor,

Department of Russian History

ildar.hamzin1991@mail.ru

Rustam T. Ganiev

orcid.org/0000-0003-4568-7179

PhD in History, Associate Professor,

Department of Russian History

rusthist@yandex.ru

Anton V. Kochnev

orcid.org/0000-0002-6831-6947

PhD in History, Associate Professor,

Department of Theory

and History of International Relations

a.kochnev.usu@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by the Russian Science

Foundation grant № 22-78-00050

“The system of trade relations between

Russia and China in the second half

of the 19th — early 20th centuries”,

<https://rscf.ru/project/22-78-00050>

© Хамзин И. Р., Ганиев Р. Т., Кочнев А. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Охарактеризовано развитие российской чайной индустрии на территории китайских провинций вдоль долины реки Янцзы во второй половине XIX века. Отмечается, что среди регионов, где располагались русские чайные фабрики, главная роль принадлежала провинции Хубэй, кроме того, выявлено наличие производства в провинциях Хунань и Цзянси. Изучается историческая ситуация, в которой возникла российская чайная промышленность. На основе архивного и опубликованного материала показана численность российских фабрик в Центральном Китае. Установлено, что в 70-е годы XIX века российские торговцы дома, действующие в Китае, стали переносить фабрики из внутренних территорий провинции Хубэй в порт Ханькоу. Определено, что основным товаром, изготавливаемым на российских фабриках, стал дешевый кирпичный чай, тогда как от производства байхового чая российские предприниматели постепенно отказываются. Отдельно изучены особенности производства чая и организации рабочего процесса. Доказано, что российская чайная фабрика в Китае стала одним из важных факторов не только экономического, но и социокультурного контакта российской и китайской цивилизаций.

Ключевые слова:

русско-китайская торговля; чайная фабрика; Ханькоу; Хубэй; чайная торговля.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The development of the Russian tea industry in the Chinese provinces along the Yangtze River valley in the second half of the 19th century is examined in the article. It is noted that among the regions where Russian tea factories were located, the main role belonged to the province of Hubei, in addition, the presence of production in the provinces of Hunan and Jiangxi was revealed. The historical situation in which the Russian tea industry arose is studied. Based on archival and published material, the number of Russian factories in Central China is shown. It is revealed that in the 70s of the 19th century, Russian trading houses operating in China began to transfer factories from the interior of Hubei province to the port of Hankou. It has been determined that cheap brick tea has become the main commodity produced in Russian factories, while Russian entrepreneurs are gradually abandoning the production of long leaf tea. Separately, the features of tea production and the organization of the workflow were studied. It is proved that the Russian tea factory in China has become one of the important factors of not only economic, but also socio-cultural contact between Russian and Chinese civilizations.

Key words:

Russian-Chinese trade; tea factory; Hankow; Hubei; tea trade.

Деятельность российских предпринимателей в сфере производства чая в долине реки Янцзы во второй половине XIX века

© Хамзин И. Р., Ганиев Р. Т., Кочнев А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Во второй половине XIX века российские предприниматели арендуют на территории внутренних провинций Китая фабрики с целью производства чая для последующего экспорта в Россию. Основным местом локализации российской чайной промышленности, выполнявшим роль торгового хаба в международной торговле вдоль долины реки Янцзы, стала провинция Хубэй и порт Ханькоу. В данной статье изучается развитие российской чайной промышленности в долине реки Янцзы во второй половине XIX века, ее эволюция, а также экономические и социально-экономические особенности этого процесса.

Поднятая проблема видится весьма актуальной в связи со сближением России и Китая в настоящее время. Развитие взаимовыгодного русско-китайского диалога на уровне политики, экономики и социокультурных связей требует изучения исторических примеров выстраивания конструктивных отношений. История российской чайной промышленности может предоставить подобный исторический опыт. На протяжении большей части второй половины XIX века российское присутствие в Центральном Китае не было по своему характеру концессионным, что выгодно отличало Россию от прочих держав.

Российская чайная торговля во внутренних провинциях Китая достаточно хорошо освещена в исследовательской литературе. В последние годы различные аспекты этой проблемы привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных ученых [Дацышен, 2012; Фильшин, 2018; Христолюбова, 2019; Хохлов, 2012; Шаронова, 2017; Шаронова, 2018; Шаронова, 2019; Du, 2000; Guo, 2010; Yoder, 2016]. Исследователи стремились предоставить наиболее объемную картину российской экономической деятельности в Ханькоу, затрагивали историю российских торговых домов в Китае, изучали процесс производства чая, русско-китайские экспортно-импортные связи. Однако многие детали тематики «русские в Ханькоу» оказались вне рамок перечисленных работ. В настоящей статье авторы концентрируют внимание на проблеме российской чайной промышлен-

ности, в том числе впервые рассматривая вопрос локализации чайных фабрик в провинции Хубэй. Это в свою очередь потребовало обращения к результатам зарубежных исследований, проведенных на основе китайского материала [Chu, 1936].

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковая база проблемы российской экономической деятельности в Центральном Китае весьма обширна. На уровне опубликованного материала она представлена различными статистическими выкладками и данными дореволюционных исследований [Попов, 1870; Скальковский, 1883; Субботин, 1892]. Эту группу источников дополняет материал из российских государственных архивов, особое значение среди которых представляют отчеты российских консулов в Ханькоу [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396]. Однако если объект исследования будет сужен до такого частного вопроса, как появление и развитие российских чайных фабрик в Китае, то информации в источниках становится уже значительно меньше. Большая часть материала имеет лишь отрывочные сведения об этом вопросе, многие данные противоречат друг другу. К примеру, исследователь Ю. С. Христюлова на основе сопоставления различных сообщений из документов опровергла устоявшееся мнение о том, что российские подданные обладали собственными чайными плантациями на территории Китая [Христюлова, 2019]. Другой пример сложности исторической реконструкции — это история российских фабрик в провинции Фуцзянь. В настоящее время только в исследованиях Роберта Гарделлы и Ю. С. Христюловой упоминается, что российские торговые дома располагали чайным производством на территории провинции Фуцзянь [Христюлова, 2020; Gardella, 1989], другие исследования обходят этот вопрос стороной.

Документы из фонда К. А. Скачкова¹ (ф. 273) ОР РГБ могут предоставить данные о развитии российской чайной промышленности в провинции Хубэй во второй половине XIX века, а также о точечном расположении русских фабрик в других местах вдоль реки Янцзы (провинциях Цзянси, Хунань). Источниками информации служат отчеты предпринимателей из России, которые вели свой бизнес в Китае: Н. А. Иванова, П. А. Пономарева, М. Г. Шевелева и др. Для того чтобы провести полноценный анализ изучаемой проблемы, необходимо обратиться к опубли-

1 В 50-х — 70-х годах XIX века Константин Адрианович Скачков (1821—1883) занимал должность российского консула в различных частях империи Цин (Чугучаке, Тяньцзине), параллельно занимаясь изучением Китая и собирая материалы по истории и современности китайской экономики, культуры, географии.

кованным данным по русской торговле в Ханькоу, значительная часть которых представлена в работах А. П. Субботина, К. А. Скальковского, К. А. Попова. Таким образом, в основу исследования положен сравнительно-исторический подход, позволивший сопоставить различные сведения о русских чайных фабриках в долине реки Янцзы, систематизировать эти данные и провести их анализ.

Отдельно стоит отметить проблему представления китайских топонимов, которые фигурируют в источниках и литературе по изучаемой теме. Большую часть упоминаемых названий населенных пунктов и мест в провинциях Хубэй и Хунань затруднительно соотнести с современными или известными в литературе географическими пунктами Китая, поэтому в статье используется транскрипция для топонимов, которая приведена в источниках. Некоторые известные имена мест в Хубэй, такие как Янлоудун (羊楼洞) и Чунъян (崇阳), приводятся в соответствии с современной русской транскрипцией.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Исторические условия возникновения российских чайных фабрик в долине реки Янцзы

В 1860 году по итогам Второй Опиумной войны (1856—1860) правительство империи Цин подписало ряд Пекинских соглашений с Англией, Францией и Россией [Britten, 1974, p. 17]. Согласно условиям новых договоров, для иностранной торговли в долине реки Янцзы открывалось несколько портов, среди которых наибольшее значение имел город Ханькоу — центр провинции Хубэй и главный чайный рынок Китая [Meуег, 2000, p. 65].

В рассматриваемое время чай стал основным товаром в русско-китайской торговле [Сладковский, 1974, с. 265—266], и вполне закономерно, что уже в декабре 1860 года представители российского купечества Н. А. Иванов и А. И. Оборин прибыли в Ханькоу [ОР РГБ, ф. 273, к. 15, ед.хр. 1, л. 157]. Столкнувшись с тем, что в китайском порту присутствовали европейские торговые дома, Н. А. Иванов писал: «Необходимо приобрести в Ханькоу место, и чем скорее, тем лучше: Ханькоу для торговли нашей представляет самый важный пункт, в чем не может быть никакого сомнения, даже при поверхностном взгляде» [ОР РГБ, ф. 273, к. 15, ед.хр. 1, л. 157]. Вскоре провинция Хубэй стала центром притяжения российских торговых домов, которые выполняли посреднические функции в системе русско-китайской торговли. В их задачи входило получение заказа и денежных сумм из России, покупка чая в Ханькоу и организация доставки товара на российский рынок [Шаронова, 2019].

Для понимания рассматриваемой проблемы необходимо указать, что российские дореволюционные источники традиционно разделяли импортируемый китайский чай на две основные группы: байховые и кирпичные чаи. Байховый чай был более качественным и дорогим видом чая, его иностранцы покупали непосредственно в Ханькоу. Кирпичный чай изготовлялся из остатков от производства байховых чаев (хуасян) и спрессовывался в своеобразные плитки наподобие кирпичей, что и дало название этому чаю в России [Субботин, 1892, с. 42—57; Шаронова, 2017, с. 11—27; Chu, 1936, p. 201—202]. Одновременно кирпичный чай был наиболее востребованным на российском рынке, особенно в Сибири. Последнее обстоятельство подтолкнуло российские торговые дома искать способы более эффективной фабрикации кирпичных чаев.

Развитие российской чайного дела в провинции Хубэй после 1860 года описывал предприниматель М. Г. Шевелев: «На первых же порах оказалось, что на всех чайных рынках, в том числе и в Ханькоу, не находилось в потребном для нас количестве одного из продуктов исключительно русской торговли — это кирпичного чая, так как последний почти не приготавливался для продажи на внутренних рынках Китая. Волей-неволей, с самого же начала пришлось отправить подряд на поставку чая. Контракты были заключены и для контролирования подрядчиков в их действии, на места самой выделки стали посылать своих агентов, которые присматривались к делу и нашли, что гораздо выгоднее заняться непосредственным производством этого продукта для России. Таким образом, возникла первая самостоятельная русская фабрика в Китае в 1863 году в городе Чунь-янь-сянь провинции Хубэй» [ОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед.хр. 25, л. 2].

Другие сведения о появлении русских чайных фабрик в Китае можно увидеть в работе К. А. Попова, который писал, что русских предпринимателей подтолкнула к аренде фабрик в провинции Хубэй недоброкачественная фабрикация чая китайцами. В 1863 году купцы Н. А. Иванов, Г. Е. Окулов и И. Т. Токмаков арендовали фабрику в местечке Цунь-ян, отстранив от производства чая китайца-собственника и взяв процесс под свой контроль: «Конечно первый опыт в этом деле был не совсем удачен, но уже второй год дал блестящие результаты и большая часть приготовителей убедилась, что приготавливать чай самим гораздо выгоднее» [Попов, 1870, с. 33].

Таким образом, с 1863 года можно начать отсчет истории российской чайной промышленности на территории Китая.

3.2. Развитие чайной индустрии в 60-х — начале 90-х годов XIX века

В следующей таблице приведены данные из привлеченных к исследованию работ и источников по количеству русских фабрик в долине реки Янцзы (провинциях Хубэй, Хунань и Цзянси) (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о количестве и расположении российских чайных фабрик в Центральном Китае

Год	Упоминаемые фабрики
1863	На территории провинции Хубэй: 3 фабрики, созданные А. И. Обориным, Н. А. Ивановым, И. А. Нерпиным; фабрика С. В. Литвинова «Шуньфэн».
1866	7 фабрик на территории провинции Хубэй, в том числе фабрика «Синьтай» фирмы «Токмаков, Молотков и Ко».
1869	На территориях провинций Хубэй и Хунань арендовано 15 фабрик. Хубэй: Янлоудун — 3, Да-Шапень — 1, Сяньинь — 2, Мяцяо — 1, Яндзя-мань — 1, Ши-мынь — 1. Хунань: Недеши — 1, Лайсчинь — 1, Сяйшамь — 1.
1870	15 фабрик на территории провинции Хубэй: Линь-чжоу — 1 фабрика, Па-дэнь — 1, Ли-линь — 1, Ян-эу-сы — 1, Нань-хуа — 2, Цунь-янь — 4, Янлоудун — 3, Сянь-линь — 2.
1872	19 фабрик на территории провинции Хубэй: 9 — производство байхового чая, 10 — кирпичного.
1873	18 фабрик на территории провинции Хубэй: 8 — производство байхового чая, 10 — кирпичного.
1875	2 фабрики в Ханькоу.
1876	10 фабрик: Чунъян — 4, Янлоудун — 2, Сянь-нинь — 1, Цзюцзян — 1, Ханькоу — 2.
1877	10 фабрик: 6 фабрик в Чунъян и Янлоудун, 4 фабрики в Ханькоу.
1878	9 фабрик: Чунъян — 1, Янлоудун — 1, Ханькоу — 7.
1880	9 фабрик: Янлоудун — 1, Чунъян — 1, Цзюцзян — 1, Ханькоу — 6.
1892	9 фабрик.

Составлено нами по материалам источников: [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед.хр. 3, л. 153, л. 178 об., л. 182 об., л. 183, л. 195, л. 208; Попов, 1870, с. 25; Скалковский, 1883, с. 270; Субботин, 1892, с. 479; с. 306; Дацышен, 2012; Фильшин, 2018].

Исходя из представленных данных, отметим следующее: русская фабрикация включала в себя производство байхового и кирпичного чая, и если изготовление байхового чая к концу 70-х годов XIX века сошло на нет [Скальковский, 1883, с. 257], то производство кирпичного чая активно развивалось вплоть до начала XX века. Несколько русских фабрик упоминаются под китайскими наименованиями. Исследователь Лю Цзайцы называет среди них фабрики «Шуньфэн», «Синьтай» и «Фучэн», основанные в период с 1863 по 1873 годы в местечке Янлоудун, и фабрику «Байчан», созданную в 1893 году «неподалеку от дороги, идущей на Шанхай» [Лю Цзайцы, 2010]. Фабрику «Шуньфэн» основал еще в 1863 году русский коммерсант С. В. Литвинов, а фабрика «Синьтай» принадлежала фирме «Токмаков, Молотков и Ко» и работала с 1866 года [Дацышен, 2012]. Другие исследователи упоминают три русские фабрики под названиями «Fau-chang» (основана в 1877 году), «Shunfung» (создана в 1879 году) и «Hsitai» (действует с 1899 года) [Chu, 1936, p. 203]. Заметно, что, при созвучии названий, датировки создания фабрик разнятся.

Из таблицы 1 видно, что четко разграничивалась локализация русских фабрик: производство располагалось либо в самом Ханькоу, либо в различных областях провинции Хубэй («фабрики в горах», как именовали их сами русские купцы). В то же время наблюдалась тенденция к сокращению количества фабрик, действующих в различных областях Хубэй, и увеличению числа фабрик в Ханькоу. Если в 1875 году К. А. Скальковский упоминал только две русские фабрики, производящие чай в Ханькоу, то к 1880 году их число доросло до 6-ти [Скальковский, 1883, с. 270].

Помимо провинции Хубэй, русское производство чая осуществлялось в городе Цзюцзян в провинции Цзянси. В рассматриваемое время Цзюцзян являлся одним из «открытых» портов Китая, поставляющим чай на российский рынок. Бизнес здесь вела фирма «Токмаков, Молотков и Ко», которая и являлась арендатором предприятий [Скальковский, 1883, с. 278; АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 172 об.] К. А. Попов также отмечает наличие в 1869 году русских фабрик в провинции Хунань, в местностях Недиши, Лайшчин, Сяйшам (по одному заводу соответственно) [Попов, 1870, с. 25].

Уточняющую информацию по вопросу количества русских фабрик в «горах» содержат материалы К. А. Скачкова (табл. 2).

Обращаясь к сведениям, приведенным в таблице 2, можно отметить, что количество фабрик во внутренних землях провинции Хубэй по данным К. А. Скачкова не совпадает с информацией дореволюционных и современных исследователей (табл. 1). Такая ситуация характерна для источни-

Таблица 2

Русские фабрики в провинции Хубэй в 60-е годы XIX века

Год	Арендатор	Количество фабрик	Всего фабрик
1863	А. И. Оборин	1	3
	Н. А. Иванов	1	
	Т. А. Нерпин	1	
1864	г. Грачев	1	2
	«Окулов, Токмаков и Ко»	1	
1866	«Окулов, Токмаков и Ко»	2	2
1866	«Окулов, Токмаков и Ко»	6	8
	«Иванов, Оборин и Ко»	2	
1867	«Окулов, Токмаков и Ко»	5	10
	«Иванов, Оборин и Ко»	3	
	«Родионов и Ко»	2	
1868	«Окулов, Токмаков и Ко»	4	9
	«Иванов, Оборин и Ко»	3	
	«Родионов и Ко»	2	
1869	«Окулов, Токмаков и Ко»	4	9
	«Иванов, Оборин и Ко»	3	
	«Родионов и Ко»	1	
	«Хаминов, Родионов и Ко»	1	

Источник: [ОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед.хр. 25, л. 113].

ков по изучаемой проблеме, аналогичные противоречия можно увидеть и в данных К. А. Скачкова за период 1870-х годов (табл. 3).

Из данных, приведенных в таблицах 2 и 3, видно, что в течение 1860-х годов число фабрик во внутренних землях провинции Хубэй («в горах») резко возрастает: с 3-х фабрик в 1863 году до 10-ти в 1869 году, и уже в 1870 году источники сообщают о 14-ти русских фабриках, расположенных в непосредственной близости от чайных плантаций. Однако в последующие годы число фабрик «в горах» постепенно сокращается.

Во второй половине 1870-х годов русские купцы стали все больше говорить о необходимости переноса чайного производства в Ханькоу, по-

Таблица 3

Русские фабрики в провинции Хубэй в 70-е годы XIX века

Год	Арендатор	Количество фабрик	Всего фабрик
1870	«Иванов, Оборин и Ко»	4	14
	«Окулов, Токмаков и Ко»	7	
	«Хаминов, Родионов и Ко»	3	
1871	«Иванов, Оборин и Ко»	5	13
	«Хаминов, Родионов и Ко»	2	
	«Окулов, Токмаков и Ко»	6	
1872	«Иванов и Ко»	5	12
	«Окулов и Токмаков»	5	
	«Хаминов, Родионов и Ко»	2	
1873	«Иванов и Ко»	5	12
	«Окулов, Токмаков и Ко»	5	
	«Хаминов, Родионов и Ко»	2	
1874	«Иванов и Ко»	3	10
	«Токмаков, Шевелев и Ко»	3	
	«Хаминов, Родионов и Ко»	4	
1875	«Пятков, Молчанов и Ко»	3	9
	«Харитонов, Родионов и Ко»	2	
	«Токмаков, Шевелев и Ко»	3	
	Ф. Черепанов	1	
1876	«Пятков, Молчанов и Ко»	3	10
	«Хаминов, Родионов и Ко»	2	
	«Токмаков, Шевелев и Ко»	2	
	Ф. Черепанов	1	
	«Токмаков, Шевелев и Ко»	2	

Источник: [ОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед.хр. 25, л. 113 об.].

сколько здесь располагался рынок покупки хуасяна — материала для изготовления кирпичного чая. При наличии чайного завода в окрестностях провинции Хубэй сначала необходимо было осуществить покупку матери-

ала в «открытом» порту, после чего хуасян отправлялся на русские фабрики. Это значительно увеличивало время производства чая и сопровождающие процесс расходы [ОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед.хр. 25, л. 2]. Отсюда появилась необходимость перемещения фабрик в «открытый» порт. «Новый порядок — писал М. Г. Шевелев, — давал следующие преимущества: сохранялись расходы по излишней перевозке чая в необработанном виде из Ханькоу внутрь страны и по доставке его обратно в спрессованной форме; явилась возможность иметь свои собственные фабрики, а не только арендованные у туземцев; наконец, уничтожался риск потери капитала, так как в Ханькоу можно было уже страховать товар, как на складах, так и во время обработки его на фабриках. Но при всех этих преимуществах, начинались и некоторые неудобства» [ОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед.хр. 25, л. 3]. Неудобства выразились в необходимости платить двойную транзитную пошлину: первую — за ввоз хуасяна в Ханькоу — и вторую — за вывоз изготовленного из него кирпичного чая в Россию. М. Г. Шевелев видел в этом несовершенство таможенных правил, предусмотренных для иностранной торговли в Китае [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед.хр. 3, л. 208—208 об.].

Несмотря на вышеназванные трудности, процесс перемещения производства в Ханькоу из внутренних земель Хубэй в течение 1870-х годов становился все более активным. Агент фирмы «Н. Л. Родионов и Ко» сообщал: «В Ханькоу в 1876 году для выделки кирпичного чая работало две фабрики принадлежащих русским, но есть предположение, что все вообще фабрики для выделки черного кирпичного чая переведутся сюда, так как этим русские дома избавятся от всех рисков иметь свои капиталы, ничем не гарантированными внутри страны ... затем избегут плохой доставки чаев в Ханькоу на китайских лодках, часто задерживаемых мелководьями в речках при которых находятся фабрики, а главное быть может получат возможность лучше регулировать цены на материал (хуасян. — *И. Х.*), сосредоточив рынок на него, разбросанный теперь по немногим местечкам далеко отстоящим друг от друга, в один пункт, то есть в Ханькоу» [Там же]. Таким образом, финансовая безопасность, удобство логистики и контроль над рыночными ценами подталкивали русские торговые дома расположить свои фабрики в китайском порту.

В том же 1876 году купец Н. А. Пономарев указывал, что производство байхового чая «в горах» не приносит русскому делу в Китае никакой пользы, в то время как кирпичный чай можно с равноценным и даже большим успехом производить в Ханькоу, «так как из ближних местностей, как например из Янцзышаня, Падэна и Мацяо, на перевозку материала в Ханькоу требуется не более недели времени, то есть почти столько же, если не менее, сколько употребляется времени на перевозку такого же материала водой из

тех же местностей в Чунтянь, где прессовали, да и по сию пору прессуют, наши кирпичные чай» [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед.хр. 3, л. 148—148 об.].

Тенденция к сокращению фабрикация чая для России во внутренних землях Хубэй при параллельном росте производства в Ханькоу хорошо видна на примере изготовления кирпичного чая (табл. 4).

Таблица 4

Производство кирпичного чая, *ящики*

Год	Территория провинции Хубэй	Ханькоу	Цзюцзян
1871	84 120	—	—
1872	101 633	—	—
1873	107 664	—	—
1875	85 415	8 705	11 833
1876	52 201	9 520	8 715
1877	20 222	26 642	7 467
1878	20 304	56 828 (Ханькоу и Цзюцзян)	

Рассчитано по: [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3].

Если еще в 1876 году производство чая во внутренних землях Хубэй превосходило объемы, зафиксированные в «открытом» порту, и составляло 52 201 ящик против 9 520 ящиков, то уже в 1877 году фабрики в Ханькоу изготовили 26 642 ящика кирпичного чая против 20 222 ящиков, приготовленных «в горах».

В 1890-е годы фабрикация кирпичного чая полностью сосредоточилась в Ханькоу, превысив по объемам предшествующие десятилетия (табл. 5).

Таблица 5

Производство кирпичного чая в Ханькоу в 1893 году, *ящики*

Сорт чая	Количество ящиков
Черный кирпичный чай	131 288
Обыкновенный кирпичный чай	23 546
Зеленый кирпичный чай	2 777
Плиточный чай	7 731
Всего	165 342

Источник: [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 140].

Что же касается байхового чая, то его изготовление на русских фабриках в Хубэй в течение 70-х годов XIX века неизменно падало вплоть до

1879 года, когда русское производство байхового чая в Китае полностью прекратилось [Скальковский, 1883, с. 257] (табл. 6).

Таблица 6

Производство байхового чая в провинции Хубэй, *ящики*

Год	1-й сбор	2-й сбор	3-й сбор	Всего
1871	Нет данных	Нет данных	Нет данных	13 648
1872	Нет данных	Нет данных	Нет данных	13 367
1873	14 670	338	828	16 036
1875	Нет данных	Нет данных	Нет данных	4 655
1876	1 408	432	310	2 150
1877	1 010	505	384	1 899
1878	1 112	—	—	1 112

Рассчитано по [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед.хр. 3].

Согласно сведениям, приведенным в таблице 6, на протяжении 1870-х годов прослеживается сокращение производства байхового чая: если в 1871 году всего было изготовлено 13 648 ящиков чая, то в 1875 году объемом производства составил 4 655 ящиков, а в 1878 году — 1 112 ящиков чая. Несмотря на то, что источники прямо не комментируют причины отказа российских торговых домов от производства байхового чая, можно предположить, что высокая стоимость производства дорогих сортов чая (включающая аренду помещения, зарплату рабочим, обслуживание оборудования) сделала этот бизнес нерентабельным. В 80—90-е годы XIX века российские предприниматели покупали байховый чай непосредственно в Ханькоу, как и прочие иностранцы.

3.3. Русская чайная фабрика в Китае как совместное русско-китайское предприятие

Российские чайные фабрики зачастую представляли собой двухэтажные здания, внутри которых происходила обработка поступившего с плантаций чая [Субботин, 1892, с. 296]. В период 1860-х — начала 1870-х годов здания фабрик арендовались русскими торговыми домами у китайцев. По сведениям К. А. Попова, за аренду фабрики ее владельцу платили от 3 % до 4 % от дохода предприятия с условием, что на фабрике находятся необходимые для изготовления чая инструменты: сита, корзины, веялки и др. [Попов, 1870, с. 25]. Только когда производство чая стало перемещаться в Ханькоу, предприниматели из России начали приобретать собственность на территории города: «Устроенные русские чайные фабрики в Ханькоу все построены на купленных от англичан и китайцев землях и составляют неотъемлемую их собственность, кроме земель и дома находящегося в английском квартале. В конце

1878 года одной русской фирмой куплен дом с пакгаузами за 46 000 рублей на наши кредитные деньги, который стоил, говорят, при постройке англичанами до 150 000 рублей» [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 145—145 об.].

В процессе производства кирпичного чая российские предприниматели активно использовали современные технологии. Так, в 1880 году на шести фабриках в Ханькоу был задействован паровой пресс [Скальковский, 1883, с. 270]. В конце 1870-х годов благодаря усилиям П. А. Пономарева на русских фабриках в Ханькоу стали использовать гидравлический пресс [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 172 об.]. В начале 1890-х годов гидравлический пресс стал применяться наравне с паровым прессом. По сообщению консула А. С. Ваховича, в 1893 году кирпичный чай прессовали в Ханькоу на 3-х фабриках с 9-ю паровыми и 3-мя гидравлическими прессами и в Цзюцзяне — на 2-х фабриках с 4-мя паровыми прессами [Там же, л. 136]. Однако предпочтение отдавалось ручному прессу, не требующему большого ухода и простому в эксплуатации, но при этом нуждающемуся в большем количестве наемной рабочей силы [Там же, л. 148 об. — 149].

Рабочими на самих фабриках были китайцы, изготавливающие чай под присмотром русских. В 1873 году в таких местах Хубэй, как Сяньнин, Падэн, Чунъян и Янлоудун, фабрики находились под присмотром русских, а в Лин-чжоу — китайцев, нанятых по контракту [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед.хр. 3, л. 178 об.]. В 1876 году на 8 фабриках в Хубэй китайцы изготавливали чай под присмотром 11 русских [Там же, л. 149], в этом же году на 1 фабрике в Цзюцзяне — под присмотром 10 русских [Там же, л. 208 об.]. В 1877 году Н. А. Пономарев сообщал, что чай в Хубэй изготавливался под присмотром русских, «живущих в торговых домах за жалование, некоторые же на правах комиссионеров. В Ханькоу же на четырех фабриках, принадлежащих непосредственно русским, выделка производилась под надзором самих хозяев» [Там же, л. 182 об.]. Если говорить о численности китайских рабочих, то К. А. Попов отмечал, что на производстве кирпичного чая задействовано было около 40 человек [Попов, 1870, с. 21], по другим данным — не менее 300 человек [Шаронова, 2017], по сведениям К. А. Скальковского, на фабрике фирмы «Пономарев и Ко» работало около 200 человек [Скальковский, 1883, с. 251].

Таким образом, в долине реки Янцзы на русских чайных фабриках сформировалась следующая производственная модель отношений: русский купец, арендующий или владеющий фабрикой — русский приказчик, контролирующий процесс производства чая — китайский рабочий. На наш взгляд, подобная модель кооперации стала не просто экономическим, но и социокультурным явлением в истории русско-китайских отношений, которое можно было увидеть в Кяхте или в Маньчжурии вдоль линии КВЖД. Но

насколько подобный характер отношений способствовал взаимовыгодному диалогу России и Китая? Примеры поджога русской фактории в Чугучаке в 1854 году местным населением [Моисеев, 2003, с. 36—37] или поджог русской фабрики в провинции Фуцзянь китайскими рабочими (ориентировочно в начале 1880-х годов) [АВПРИ, ф. 161, оп. 35, д. 2, л. 9] говорят, скорее, о сопротивлении китайского народа иностранным предприятиям в Китае, в том числе и русским. Однако в Хубэй мы не наблюдаем примеров ксенофобии. В Ханькоу отмечается процветающее на русских фабриках воровство среди китайских рабочих (воровали чай, который потом перепродавался) [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 195], но ни одного случая прямого столкновения китайцев с их русскими работодателями в источниках не упоминается. В связи с этим нельзя не отметить, что отношения, сформировавшиеся на чайных фабриках между русскими и китайцами, на фоне английского засилья в Китае, кризисов во франко-китайских и японо-китайских отношениях подчеркивали мирный, сугубо экономический характер взаимодействия России и Китая в долине реки Янцзы.

4. Заключение = Conclusion

Проведенное исследование позволяет нам определить динамику и характер развития российской чайной промышленности в долине реки Янцзы во второй половине XIX века. Первые русские фабрики появились в Китае в 1863 году. Предприниматели из России были заинтересованы в самостоятельном производстве байхового и кирпичного чая ввиду финансовой выгоды и логистического удобства. Это подтолкнуло их арендовать чайные фабрики в различных местах провинции Хубэй, в непосредственной близости от чайных плантаций. Помимо провинции Хубэй, русские заводы появились в городе Цзюцзян провинции Цзянси, также источники сообщают о наличии производства в провинции Хунань. В основе производственного процесса лежали обработка дорогого и качественного байхового чая и фабрикация дешевого кирпичного чая, изготовляемого из остатков от производства дорогих сортов. В течение 70-х годов XIX века для российских предпринимателей становится очевидным, что изготовление кирпичного чая обходится намного дешевле в Ханькоу, и русские фабрики стали постепенно перемещаться из внутренних территорий Хубэй в «открытый» порт. Одновременно сокращается производство байхового чая. Видимо, причины этого также были связаны с вопросом рентабельности: купить байховый чай у китайцев Ханькоу оказалось намного дешевле, чем организовать самостоятельное производство. Другая ситуация была с кирпичным чаем: никто из иностранцев, помимо русских, не покупал этот вид чая, поэтому было необходимо продолжать его фабрикацию самостоятельно в интере-

сах отечественного рынка и потребителя. Таким образом, к началу 1880-х годов основная часть российской чайной промышленности сосредоточилась в Ханькоу, также продолжали работать фабрики в Цзюцзяне.

На протяжении рассматриваемого периода изменялось количество российских чайных заводов, действующих в провинциях вдоль реки Янцзы. Наибольшее количество фабрик источники отмечают в начале 1870-х годов, когда их число доходило до 19-ти (1872 год). В это время основная часть фабрик располагалась во внутренних землях Хубэй. Во второй половине 70-х годов XIX века наблюдается сокращение российских заводов в Хубэй и их рост в Ханькоу, притом что общее количество фабрик заметно уменьшилось (до 9 фабрик в 1878 году). К сожалению, источниковая база содержит большой пробел информации о количестве российских чайных заводов в Китае за период 80-х — 90-х годов XIX века. Тем не менее известно, что в 1880 году в Ханькоу располагалось 9 русских фабрик и столько же их было в 1892 году. Видимо, количество российских фабрик в Ханькоу в этот период вряд ли превышало 9—10 промышленных объектов. В Цзюцзяне, согласно источникам, в 1890-е годы действовали две фабрики фирмы «Токмаков, Молотков и Ко».

Во второй половине XIX века российские предприниматели смогли эффективно организовать процесс производства чая, грамотно выстроить отношения «работодатель — наемный рабочий» и тем самым способствовать улучшению имиджа России в глазах местного населения, в целом укрепить российские позиции во внутреннем Китае. Отдельно стоит отметить, что появление российской чайной промышленности внесло свою лепту в процесс модернизации империи Цин.

Таким образом, русские чайные фабрики стали уникальным явлением в русско-китайских отношениях второй половины XIX века. Их история показывает, как частная инициатива, основанная на интересах бизнеса, может стимулировать налаживание взаимовыгодного и равноправного диалога России и Китая.

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив внешней политики Российской империи*. АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 396 ; Ф. 161 «Санкт-Петербургский главный архив — II». Оп. 35. Д. 2.
2. ОР РГБ — *Отдел рукописей Российской государственной библиотеки*. Ф. 273 «Скачков К. А.». Картон 15. Единица хранения 1. ; К. 13. Ед.хр. 25 ; К. 14. Ед.хр. 3.

Литература

1. Дацышен В. Г. Русские в Ханькоу : из истории русско-китайских отношений второй половины XIX — первой половины XX в. (по архивным и книжным фондам

Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) / В. Г. Дацышен // Россия и Китай. Научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). — Санкт-Петербург : Альфарет, 2012. — Выпуск 2. — С. 67—80.

2. Лю Цзайци. Чайная торговля между Россией и Китаем / Ц. Лю // Мир Евразии. — 2010. — № 3. — С. 63—75.

3. Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 гг.) / В. А. Моисеев — Барнаул : АзБука, 2003. — 345 с. — ISBN 5-93957-025-9.

4. Попов К. А. О чае и его приготовлении русскими в Китае / К. А. Попов. — Москва : Типография И. Н. Кушнерева, 1870. — 33 с.

5. Скалковский К. А. Русская торговля в Тихом океане : экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Кореи, Китая, Японии и Калифорнии / К. А. Скалковский. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1883. — 515 с.

6. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) / М. И. Сладковский. — Москва : Наука, 1974. — 363 с.

7. Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и других государствах : производство, потребление и распределение чая / А. П. Субботин. — Санкт-Петербург : А. Г. Кузнецов, 1892. — 706 с.

8. Фильшин Н. Г. Торговая деятельность русских купцов в Ханькоу / Н. Г. Фильшин // Вагановские чтения : материалы IX регион. науч.-практ. конф., посвящ. 425-летию города Тары (г. Тара, 5—6 апреля 2018 года). — Омск : Амфора, 2018. — С. 97—103. — ISBN 978-5-906985-27-9.

9. Хохлов А. Н. Торговля и предпринимательская деятельность россиян в Китае во второй половине XIX в. / А. Н. Хохлов // Российская история. — 2012. — № 3. — С. 144—152.

10. Христолюбова Ю. С. К вопросу о существовании русских чайных плантаций на территории Китая 1860—1929 гг. / Ю. С. Христолюбова // Современная научная мысль. — 2019. — № 5. — С. 61—67.

11. Христолюбова Ю. С. Становление международного рынка чайной торговли в Ханькоу во второй половине XIX в. / Ю. С. Христолюбова // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. — 2019. — № 3. — С. 79—90. — DOI: 10.31857/S086919080005240-1.

12. Христолюбова Ю. С. Трудности чайной коммерции в Китае на примере «Фучжоуской компании по улучшению чая» (1896—1899 гг.) / Ю. С. Христолюбова // Общество и государство в Китае. — 2020. — Т. 50—1. — № 34. — С. 548—564. — DOI: 10.31696/2227-3816-2020-50-1-548-564.

13. Шаронова В. Г. Русские торговые дома и фабрики в южных провинциях Китая — форпосты русско-китайской чайной торговли (1870 г. — первое десятилетие XX в.). / В. Г. Шаронова // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2019. — № 24. — С. 401—415. — DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10023.

14. Шаронова В. Г. Экспортно-импортные операции русско-китайской чайной торговли (с середины XIX до начала XX века) / В. Г. Шаронова // Сибирское купечество : истоки, деятельность, наследие : материалы Третьей Всерос. науч. конф., г. Томск, 21—23 сентября 2018 г. — Томск : Издательство ТГАСУ, 2019. — С. 241—250.

15. Шаронова В. Г. Чайная продукция в русско-китайской торговле на рубеже XIX—XX веков / В. Г. Шаронова // Цыбик чайной истории. Очерки истории русско-ки-

тайской чайной торговли. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — С. 11—27. — ISBN 978-5-98712-809-1.

16. *Britten D.* China and Great Britain. The diplomacy of commercial relations 1860—1864 / D. Britten. — Cambridge : Harvard Univ. Press, 1974. — 212 p.

17. *Chu T. H.* The trade in Central China / T. Chu. — Shanghai : China Institute of Pacific Relations, 1936. — 359 p.

18. *Du H.* Tea and Hankow market in the Ch'ing period : PhD diss. / H. Du. — Wuhan, 2000.

19. *Gardella R. P.* The boom years of the Fukien tea trade, 1842—1888 / R. P. Gardella // American's China trade in historical perspective : the China and American performance. — London : The Community of American-East Asian Relations of the Department of History, 1989. — Pp. 33—75.

20. *Guo F.* Tea trade system change of Qing dynasty and government administration : PhD diss. / F. Guo. — Taiyuan, 2010.

21. *Meyer D. R.* Hong-Kong as a global metropolis / D. R. Meyer. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. — 290 p. — ISBN 9780511493669.

22. *Yoder A. J.* Tea time in Romanov Russia : a cultural history, 1616—1917 : PhD diss. / A. J. Yoder. — The University of North Carolina. Chapel Hill, 2016. — 358 p.

Material resources

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. AVPRI. F. 143 "Chinese table". Op. 491. D. 396; F. 161 "St. Petersburg Main Archive — II". Op. 35. D. 2. (In Russ.).

Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 273 "Skachkov K. A". Card-board 15. Storage unit 1.; K. 13. Ed.hr. 25; K. 14. Ed.hr. 3. (In Russ.).

References

Britten, D. (1974). *China and Great Britain. The diplomacy of commercial relations 1860—1864*. Cambridge: Harvard Univ. Press. 212 p.

Chu, T. (1936). *The trade in Central China*. Shanghai: China Institute of Pacific Relations. 359 p.

Datsyshen, V. G. (2012). Russians in Hankou: from the history of Russian-Chinese relations of the second half of the XIX — first half of the XX century. (according to archival and book collections of Moscow, Siberia, the Far East and China). In: *Russia and China. Scientific and cultural relations (based on materials from archival, manuscript, book and museum collections)*, 2. St. Petersburg: Alfaret. 67—80. (In Russ.).

Du, H. (2000). *Tea and Hankow market in the Ch'ing period*. PhD diss. Wuhan.

Gardella, R. P. (1989). The boom years of the Fukien tea trade, 1842—1888. In: *American's China trade in historical perspective: the China and American performance*. London: The Community of American-East Asian Relations of the Department of History. 33—75.

Guo, F. (2010). *Tea trade system change of Qing dynasty and government administration*. PhD diss. Taiyuan.

Filshin, N. G. (2018). Trade activity of Russian merchants in Hankou. In: *Vaganov readings: materials of the IX region. scientific and practical conference dedicated to the 425th anniversary of the city of Tara (Tara, April 5—6, 2018)*. Omsk: Amphora. 97—103. ISBN 978-5-906985-27-9. (In Russ.).

Hristolyubova, Yu. S. (2020). Difficulties of tea commerce in China on the example of the Fuzhou Tea Improvement Company (1896—1899). *Society and the State*

- in China*, 50—1 / 34: 548—564. DOI: 10.31696/2227-3816-2020-50-1-548-564. (In Russ.).
- Khristolyubova, Y. S. (2019). On the question of the existence of Russian tea plantations on the territory of China in 1860—1929. *Modern scientific thought*, 5: 61—67. (In Russ.).
- Khristolyubova, Yu. S. (2019). The formation of the international tea trade market in Hankou in the second half of the XIX century. *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*, 3: 79—90. DOI: 10.31857/S086919080005240-1. (In Russ.).
- Khokhlov, A. N. (2012). Trade and entrepreneurial activity of Russians in China in the second half of the XIX century. *Russian History*, 3: 144—152. (In Russ.).
- Liu Zaiqi (2010). Tea trade between Russia and China. *The World of Eurasia*, 3: 63—75. (In Russ.).
- Meyer, D. R. (2000). *Hong-Kong as a global metropolis*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 290 p. ISBN 9780511493669.
- Moiseev, V. A. (2003). *Russia and China in Central Asia (the second half of the XIX century — 1917)*. Barnaul: ABC. 345 p. ISBN 5-93957-025-9. (In Russ.).
- Popov, K. A. (1870). About tea and its preparation by Russians in China. In: *Russian Trade in the Pacific Ocean: an economic study of Russian Trade and navigation in the Primorye Region, Eastern Siberia, Korea, China, Japan and California*. Moscow: I. N. Kushnerev Printing House. 33 p. (In Russ.).
- Sharonova, V. G. (2017). Tea products in Russian-Chinese trade at the turn of the XIX—XX centuries. In: *Tsybik tea history. Essays on the history of the Russian-Chinese tea trade*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 11—27. ISBN 978-5-98712-809-1. (In Russ.).
- Sharonova, V. G. (2019). Export-import operations of the Russian-Chinese tea trade (from the middle of the XIX to the beginning of the XX century). In: *Siberian merchants: origins, activities, heritage: materials of the Third All-Russian Scientific Conference, Tomsk, September 21—23, 2018*. Tomsk: Publishing House of TSASU. 241—250. (In Russ.).
- Sharonova, V. G. (2019). Russian trading houses and factories in the southern provinces of China — outposts of the Russian-Chinese tea trade (1870 — the first decade of the XX century). *China in world and regional politics. History and modernity*, 24: 401—415. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10023. (In Russ.).
- Skalkovsky, K. A. (1883). *Russian Trade in the Pacific Ocean: an Economic study of Russian trade and Navigation in the Primorsky Region, Eastern Siberia, Korea, China, Japan and California*. St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 515 p. (In Russ.).
- Sladkovsky, M. I. (1974). *History of trade and economic relations of the peoples of Russia with China (before 1917)*. Moscow: Nauka. 363 p. (In Russ.).
- Subbotin, A. P. (1892). *Tea and tea trade in Russia and other countries: production, consumption and distribution of tea*. St. Petersburg: A. G. Kuznetsov. 706 p. (In Russ.).
- Yoder, A. J. (2016). *Tea time in Romanov Russia: a cultural history, 1616—1917*. PhD diss. The University of North Carolina. Chapel Hill. 358 p.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022,
одобрена после рецензирования 03.11.2022,
подготовлена к публикации 27.11.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Хронова И. А. Крестьянство Юга России в 1920-х годах / И. А. Хронова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 508—526. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-508-526.

Khronova, I. A. (2022). Peasantry of Southern Russia in 1920s. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 508-526. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-508-526. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-508-526

Крестьянство Юга России в 1920-х годах

Хронова Ирина Алексеевна
orcid.org/0000-0002-2036-5299
кандидат исторических наук, доцент,
кафедры социологии, правоведения
и работы с персоналом
alexh-lexh@yandex.ru

Кубанский государственный
технологический университет
(Краснодар, Россия)

Peasantry of Southern Russia in 1920s

Irina A. Khronova
orcid.org/0000-0002-2036-5299,
PhD in History, Associate Professor,
Department of Sociology,
Law and Human Resources
alexh-lexh@yandex.ru

Kuban State
Technological University
(Krasnodar, Russia)

© Хронова И. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об отношении крестьянства к социалистической модернизации, актуальность которого обусловлена тем, что исторически юг России задавал один из общих алгоритмов научного поиска в изучении проблем данной сферы. Отмечается, что одна из таких проблем связана с содержательной и организационной составляющими трудовой деятельности крестьянства на территории Кубано-Черноморской области и далее в Северо-Кавказском крае. Указывается, что эти компоненты деятельности стали актуализироваться в свете политики власти, а также ряда принятых правовых источников. Актуальность данного исследования заключается в изучении основ трудовых отношений крестьянства и советского государства, которые заложили «фундамент» последующего регулирования социально-трудовых правоотношений и сформировали социалистическую отрасль права — колхозное право. Новизна работы заключается в анализе совокупных факторов, которые сопровождали процедуру зарождения социалистических основ труда в колхозах юга России в 1920-х годах. Исследование базируется на архивных материалах, научных трудах и периодической печати. Анализируются два правовых источника: Нормальный устав сельскохозяйственных производственных коммун и Примерный устав земледельческой трудовой артели. Акцентируется внимание на трансформации нормативных изменений. Сделаны выводы о том, что манипуляции с крестьянством стали экспериментальными для будущей коллективизации, выявили малограмотность крестьян, а также позволили заложить основы колхозного права.

Ключевые слова:

крестьянство юга России; устав; коммуны; артели; труд; трудовые отношения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the attitude of the peasantry to socialist modernization, the relevance of which is due to the fact that historically the south of Russia set one of the general algorithms of scientific search in studying the problems of this area is considered. It is noted that one of these problems is related to the content and organizational components of the peasantry labor activity in the Kuban-Black Sea region and further in the North Caucasus region. It is indicated that these components of activity began to be updated in the light of the policy of the authorities, as well as a number of accepted legal sources. The relevance of this study lies in the research of the foundations of labor relations between the peasantry and the Soviet state, which laid the “foundation” for the subsequent regulation of social and labor legal relations and formed the socialist branch of law — collective farm law. The novelty of the work lies in the analysis of the cumulative factors that accompanied the procedure for the emergence of the socialist foundations of labor in the collective farms of southern Russia in 1920s. The study is based on archival materials, scientific papers and periodicals. Two legal sources are analyzed: the Normal Statute of Agricultural Productive Communes and the Exemplary Statute of an Agricultural Labor Artel. Attention is focused on the transformation of regulatory changes. Conclusions are drawn that manipulations with the peasantry became experimental for future collectivization, revealed the illiteracy of the peasants, and also made it possible to lay the foundation for collective farm law.

Key words:

the peasantry of the south of Russia; charter; communes; artels; work; labor Relations.

Крестьянство Юга России в 1920-х годах

© Хронова И. А., 2022

1. Введение = Introduction

После Октябрьской революции 1917 года политика в сфере регулирования трудовой деятельности определялась декретами, действие которых изначально и по умолчанию распространялось и на крестьянство (об этом свидетельствует Устав 1918 года). Причина последующей специализации регулирования труда в различных сферах на основе общих кодификационных начал заключается в данном случае в самом процессе коллективизации и специфике труда крестьян, а также опыте кооперации. Если для работников и служащих фабрик, заводов и иных учреждений труд регулировался Кодексом законов о труде (1918, 1922 годы), то для крестьян были разработаны отдельные социалистические нормы.

Несмотря на военные и политические перипетии, имевшие место на юге страны, формирование социального контракта между государственной властью и трудящимися слоями населения наращивало свои обороты. Провозглашенный принцип всеобщей трудовой повинности должен был распространяться и на крестьянство. Крестьянский вопрос, являющийся одним из основных в революционной теории ленинизма, решался в контексте коллективизации. На первых порах колхозное движение не могло стать сразу массовым, так как не были созданы соответствующие предпосылки [Краев, 1954, с. 199]. Ситуация осложнялась разнородностью крестьянства юга России, существованием резкой градации в благосостоянии, малограмотностью, негативным влиянием кулаков и середняков, открытым шовинизмом по отношению к иногородним, отсутствием доступа к информации и политпросвещению и иными обстоятельствами. Более того, государству необходимо было переломить традиционные взгляды на землепользование и ведение сельскохозяйственных работ.

Актуальность темы исследования заключается в возможности проследить зарождение и формирование социалистических трудовых отношений в молодом государстве с учетом того, что крестьянство Юга России исконно обрабатывало земли преимущественно не «во имя» страны или идеи, а «во благо» личного пользования.

Новизна работы заключается в анализе совокупных факторов, которые сопровождали процедуру зарождения социалистических основ труда в колхозах юга России.

Южные регионы исконно славились своими хлеборобами, труд на земле являлся ключевым для жителей данной территории. Пословица «Казак без земли, как рожь без солнца» отождествляет историческую взаимосвязь казачества с одним из манипуляционных инструментов советской власти, представленным в лозунге «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим». Стоит упомянуть, что исторически богатство крестьянина отождествлялось с его трудолюбием и правовладением земель. Бедняки и батраки видели в возможностях, которые давала советская власть, выход из нищеты и перспективу жить сыто и зажиточно. Эти блага были очевидными. При этом в директивных письмах Центрального Комитета и Северо-Кавказского Крайкома РКП(б) за 1925 год указывалось на недопустимость при работе с крестьянством вызова «бедняцких иллюзий»: всем сесть на землю, стать самостоятельными хозяевами, заниматься непосредственным кооперированием и всем пойти в колхозы при поддержке государства [ЦДНИКК, ф. 12, оп. 1, д. 21, л. 8 об]. Необходимо отметить, что мечты и желания крестьянства не могли идти вразрез с политикой государства. Сформулированные В. И. Лениным основы социалистического труда подразумевали возможность заниматься свободным трудом, отказ от подневольного труда. Но на юге России в силу сложившихся традиций и устоев эта идея толковалась крестьянами по-своему.

В 1920-е годы настало время регулирования и контроля труда сельскохозяйственных рабочих. Осуществление крестьянского труда в силу специфики зависело от природных, агрономических, полеводческих и животноводческих факторов. При этом режим труда крестьян был чаще всего не нормирован из-за условий работы: отдаленности и труднодоступности объектов, наличия / отсутствия сельскохозяйственного инвентаря, работоспособности людей.

Оценивая политическую и социальную ситуацию, складывающуюся на юге России, мы стремимся объективно подойти к анализу существовавших в тот период правовых норм, которые прямо или косвенно затрагивали сферу трудовых отношений крестьян.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Задачи автора в данной статье — проанализировать формирующиеся трудовые отношения крестьян, их взаимодействие с советским государством, выстраивающееся по новым социалистическим законам, изучить состояние отдельных составляющих труда: трудовых ресурсов, объектов труда (земля), — а также исследовать правовые основы ее регулирования на Юге России.

В статье используются архивные материалы, содержащие информацию о южных регионах России, из Центра документации новейшей

истории Краснодарского края, фонд 8; Кубанского окружного комитета ВКП(б), фонд 12; Армавирского окружного комитета ВКП(б), фонд 1075; Староминского районного комитета КПСС; Государственного архива Ростовской области, фонд 1390; Азово-Черноморского земельного управления; Центра Документации Новейшей истории Ростовской области, фонд Р104 — «Таганрогский Окружной Комитет РКП(б)»; Государственного архива Краснодарского края, фонд Р60 — «Кубано-Черноморское Областное земельное управление исполнительного комитета Кубано-Черноморского Областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов».

Материалом анализа выступает также периодическая печать: газеты «Красное знамя» 1920 года, «Беднота» 1920 года, «Известия ревкома и парткома г. Ейска» 1920 года.

В статье используются методы анализа, синтеза, реконструкции хронологической последовательности. С учетом многогранности рассматриваемых процессов, обусловленных взаимосвязью различных сторон жизни и деятельности крестьянства, исследование можно отнести к междисциплинарным. Использование хронологического принципа позволяет проследить динамику развития рассматриваемых процессов.

Временные рамки исследования охватывают период с 1920 по 1927 годы, включающий в себя процесс от зарождения коллективного движения вплоть до активной фазы перехода к политике коллективизации.

Тема советского колхозного крестьянства в целом, отдельные вопросы советской аграрной политики, тенденции формирования социально-культурных общностей различных слоев населения, включенных в «пестрый ковер» крестьянства Юга России, рассматривались и получили объективную оценку в научных трудах советского периода.

Так, в 20-х годах прошлого века вопросами крестьянства занимался А. М. Большаков, который с научной беспристрастностью описывал облик деревни 1917—1927 годов, изучая хозяйственно-бытовые и общественно-культурные отношения, разворачивающиеся на территории Тверской губернии. При этом автор лишь косвенно затрагивал вопросы трудоспособности хозяйств, разные стороны деятельности создаваемых и функционирующих товариществ [Большаков, 1927].

В 30-х годах XX века была опубликована монография М. Д. Голубых, описывающая экономику, быт казачьего селения в поселке Тимофеевском Уральской области. В работе затронуты вопросы бюджета, 11-ти часового рабочего дня, благосостояния казачьих семейств, а также описывается труд женщин, подростков и мужской трудодень [Голубых, 1930]. Другой автор К. М. Шуваев в своей монографии исследует деревни и села Воронежской

области, акцентируя внимание на вопросах коллективных хозяйств, благосостоянии колхозников [Шуваев, 1937].

В 1950-х годах Б. Маркус представил монографию, в которой автор обращает внимание на борьбу за социалистическую организацию труда, а также дисциплину труда [Маркус, 1939], анализирует недостатки организационного характера в колхозах и особенности борьбы за техническое оснащение. В своем обширном труде П. И. Ляшенко осветил экономическую историю СССР, детально изучив и раскрыв динамику формирования, корректировки главного закона крестьян — устава сельскохозяйственной артели, — при этом отметив, что данный документ «очень ярко выражал чаянья деревенской бедноты» [Ляшенко, 1956, т. 3 с. 49]. В своей работе И. А. Гладков рассматривал переход единоличного крестьянства к общественному производству [Гладков, 1950]. Также М. А. Краев изучал актуальные вопросы организации и оплаты труда в колхозах, историю становления первых совхозов и колхозов в стране, итоги кооперативного плана по восстановлению сельского хозяйства [Краев, 1954].

1970—1980 годы представлены монументальными исследованиями В. П. Данилова, в которых анализируются различные аспекты социально-экономических отношений крестьянства, батрачества, вопросы арендных отношений и кабальных сделок, а также процессы кооперирования колхозов [Данилов, 1973].

Современные исследования Л. Г. Берлявского, В. В. Наухацкого, П. А. Якушева также рассматривают особенности становления аграрной политики первой половины XX века [Берлявский, 2022; Наухацкий, 2021; Якушев, 2009, 2010].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Создание сельскохозяйственных коллективов

Движение по образованию колхозов в стране начатое примерно с января 1918 года в силу происходящих событий на территории Юга России, вызванных военными действиями и сопутствующими факторами, было отодвинуто на два года. Только с 1920 года формирование сельскохозяйственных коллективов на Юге России стало набирать обороты. И. А. Краев подчеркивал: «В связи с тем, что переход к социалистической революции в деревне был осуществлен в различных районах не одновременно ... успехи и достижения социалистической революции в деревне были различны в различных частях страны. Этот факт имел серьезное значение для возникновения колхозного движения» [Краев, 1954, с. 185].

Согласно статистическим данным, первые формы сельскохозяйственных артелей появились в Кубано-Черноморской губернии к концу

1920 года. Было создано 12 коммун, 20 артелей, прочих колхозов официально не зарегистрировано; в Донецкой области в указанный период появилось 120 колхозов и 122 артели [Аграрная политика ..., 1954]. К. В. Шуваев поэтому поводу отмечал, что «в этот период совхозы и колхозы были “оазисами” в мире единоличных крестьянских хозяйств» [Шуваев, 1937, с. 37]. Как показывает статистика, в состав коммун обычно в среднем входило 40—60 человек с землеобеспечением 1—2 десятины на душу, среди них, как правило, беднота, батраки, бывшие красноармейцы, члены их семей, пришлые городские рабочие, ремесленники и редко — лица интеллигентных профессий [Ляшенко, 1956, т. 3 с. 47].

Довольно распространенным явлением было, особенно на первоначальных этапах, формирование артели на основе устной, договорной формы [ЦДНИКК, ф. 1075, оп. 1, д. 7, л. 30]. Причинами этому служила, как правило, неграмотность, большие расстояния от земорганов и центров, отсутствие помощи и поддержки со стороны власти. Постановление ГубСельсобраний о землеустройстве в Донецкой губернии констатировало «довольно широкое развитие коллективного сельского хозяйства ... и одновременно почти полное отсутствие помощи и руководства жизнью и деятельностью, как со стороны сельхозкооперации, так и земорганов» [ЦДНИРО, ф. 104, оп. 1, д. 147, л. 3], также было отмечено, что созданные коллективы часто распадались на почве внутренних неурядиц и из-за отсутствия опытных лидеров, способных организовать внутреннюю жизнь коллектива. Население станицы Динской тяготело к коммунальной обработке земли, но ввиду недостаточного знакомства с системой у станичников возникали колебания [Красное знамя, 1920, № 155].

Принятый 26 октября 1917 года «Декрет о земле» коренным образом заставил пересмотреть права не только на землю, но и на формы хозяйств по обработке земли. Перед этим, в мае 1917 года, на I Всероссийском крестьянском съезде были провозглашены две формы социалистических хозяйств в деревне, к строительству которых партия призывала крестьян: хозяйства, существующие за общественный счет под руководством государства, и коллективные хозяйства. Надо отметить, что провозглашенные формы крестьянских хозяйств изначально были под пристальным вниманием государства и партии, которые не позволяли им идти самобытным путем. Так, Октябрьский пленум Центральной контрольной комиссии РКП(б) отмечал: «Постоянной заботой нашей партии является тщательное изучение процессов, происходящих в деревне, настроений различных слоев крестьянства и выработка на основании этих изучений политических и экономических мероприятий, закрепляющих крестьянство за революцией» [ЦДНИКК, ф. 12, оп. 1, д. 21, л. 1]. Для этих целей при Президиуме ЦК РКП(б) создана была

комиссия по проработке задач, среди которых выделялись те, которые регулировали трудовые отношения. Например, на основании Циркуляра № 35 комиссия изучала процессы формирования эксплуататорских элементов и кадров наемного труда, участие различных слоев крестьянства в процессе образования товарного рынка и рабочей силы, юридические ограничения наемного труда и аренды, а также их результаты, вопросы финансов и кооперации, приема крестьян в школы, снабжения крестьянства сельскохозяйственными орудиями и иные вопросы [ЦДНИКК, ф. 12, оп. 1, д. 21, л. 2].

Особое внимание следует обратить на ключевые элементы: человеческие ресурсы, орудия труда и землю. Крестьянство как трудовой ресурс, по мнению А. М. Большакова, «не представляло собой однородную массу», оно состояло из разных экономических групп, каждая из которых имела свои интересы [Большаков, 1927, с. 152]. Так, Д. В. Пикалов говорит о том, что крестьянские и особенно казацкие хозяйства юга России «были заметно богаче, чем в других частях страны» [Пикалов и др., 2021, с. 3375]. Деление крестьянства по критерию зажиточности можно встретить достаточно часто в архивных документах и публицистике 20-х годов. Известна также классификация крестьянства, основанная на критерии выдаваемого севооборота: беспосевные до 6 десятин, с посевом от 6—10 десятин, с посевом от 10—16 десятин, от 16—25 десятин и более 25 десятин [ЦДНИКК, ф. 8, оп. 1, д. 255, л. 2]. Классификация крестьянства по признаку оседлости приводится в письме одного из хлебобобов: «коренное население, пришлые, примакы, живущие на территории от 9 до 50 лет», или «казаки, неказаки (хохлы), беженцы империалистической войны, а также вышедшие замуж женщины-хохлушки за казаков» [ГАРО, ф. Р1390, оп. 5, д. 53, л. 68]. Приведенные примеры ранжирования крестьянского населения отражают ту разнородность человеческих трудовых ресурсов, которую власти необходимо было принимать в расчет при колхозном строительстве. Закономерно возникает вопрос: насколько трудовой потенциал крестьянства соответствовал поставленным государством задачам. Необходимо констатировать, что рост колхозного актива, колхозных кадров не поспевал за увеличением числа самих колхозов, «дело укрепления колхозов тормозилось отсутствием грамотных людей, необходимых для работы в колхозах (счетоводы, завхозы, секретари), отсутствием опыта у колхозников, вчерашних единоличников» [Победы ... 1939, с. 21]. Требовались специалисты с агрономическим образованием. Остро ощущался недостаток не только квалифицированных рабочих, но и чернорабочих (на 100 предложений в 1920 году было 216 запросов; вербовка сезонной рабочей силы в деревне не превышала 200 тыс. человек в год) [Маркус, 1939, с. 106]. Сельскохозяйственный рынок труда постоянно расширялся как следствие развития

крестьянских хозяйств (рост товарности хозяйства, посевной площади, животноводства, введение трудоемких культур).

Что же касается орудий труда, то в этот период наличие сельскохозяйственного инвентаря приобрело особую значимость. Государство стремилось обеспечить деревню инвентарем путем непосредственной передачи его колхозам или на общественные прокатные пункты, этим партия реализовывала пропаганду социализма, заодно повышая работоспособность крестьян.

Тяжелое положение с инвентарем держалось достаточно долго, например, в газете «Беднота» за 1924 год сообщается, что в станице Усть-Лабинской казаки и иногородние ввиду поломки или отсутствия сельскохозяйственного инвентаря принимают решение о коллективном труде [Беднота, 1924, № 182]. И это притом, что на Кубани использовался довольно широкий спектр простейших приспособлений, облегчавших преимущественно ручной труд [Федина, 2018, с. 39].

Южные регионы снабжались импортными тракторами особенно быстро, и к 1925 году их количество достигло 231 машины, а к 1927 их было уже более 500, «однако, несмотря на это, скорость снабжения новой техникой и инструментами», была недостаточной, поставки техники «уступали дореволюционным показателям» [Пикалов и др., 2021, с. 3377]. Постепенно открывались первые прокатные станции сельскохозяйственных машин, которые обслуживали в первую очередь семьи красноармейцев [Известия ревкома ..., 1920, № 45]. Газеты отмечали нехватку специальных работников (агрономов) и оборудования [Там же, № 45].

Земельный вопрос, хотя и достаточно актуальный и, казалось, решенный путем принятия Декрета о земле, реализовывался достаточно болезненно, особенно на юге России. Проблема состояла не столько в консерватизме казачества и зажиточных слоев, но и в обеспечении правильной нарезки земли с учетом расположения земельных участков, наличия специалистов-агрономов и т. д. М. Д. Голубых отмечал, что «передел производили сами, как умели ... Передел был произведен весьма примитивно, — быстро, но неточно», имело место укрывательство земельных наделов казаками [Голубых, 1930, с. 37]. И на первых порах подобная «уравнительная дележка земли ... не спасала крестьян от классовой дифференциации» [Гладков, 1950, с. 301].

3.2. Первые Уставы сельскохозяйственных коллективов как регуляторы труда крестьян

После уничтожения крупного землевладения на юге России каждый крестьянин имел возможность обрабатывать столько земли, сколько мог. Но как на этой почве «совместить» Декрет о земле и аграрную политику, направленные на коллективизацию? Агитационные статьи в газетах доходчиво

объясняли: «Каждому мелкому хозяину невозможно иметь трактор и молотилку, да и что ими делать, если сеять 10—15 десятин. Другое дело, если посева много, тут можно уже и машины в ход пустить» [Известия ревкома ..., 1920, № 45], отсюда и появлялась нужда в кооперации нескольких крестьянских дворов. В то же время государство публично брало на себя обязательства создать благоприятные юридические и экономические условия для наращивания производственного потенциала крестьянских хозяйств, а также оказать им организационно-финансовую помощь [Ильиных, 2021, с. 128]. Время, политика и социум требовали создания основ аграрного строя, которые стали бы «фундаментом регулирования правового статуса не только колхозов, но и личных подсобных хозяйств колхозников, единоличных хозяйств, совхозов, машинно-тракторных станций, а также их правоотношений с государственными органами» [Берлявский, 2022, с. 191].

Стараясь организовать производственные отношения, крестьяне, создававшие артели и коммуны, разрабатывали и принимали свои уставы. Этот опыт был учтен Народным комиссариатом земледелия при создании примерного устава артели и коммуны [Аграрная политика..., 1954, с. 39]. Так, Наркомзем 21 июля 1918 года принял и опубликовал первый устав трудовой земледельческой коммуны. Данный документ просуществовал недолго и был заменен на более удачный вариант — устав трудовых производительных сельскохозяйственных коллективов, в котором уже более подробно были прокомментированы условия создания и оформления коммун. Как показала практика, это был не последний вариант устава, так как Наркомзему СССР была поставлена задача разработать примерный устав сельхозартели «как *переходной к коммуне* формы колхоза» » (курсив автора. — *Н. И.*) [Ивницкий, 2000, с. 51].

Кроме того, существовали субъективные причины для изменения устава, как отмечает Н. П. Воронина: «Устав выступал в качестве единственного учредительного документа колхоза. Поэтому появилась потребность в рекомендации субъектам сельскохозяйственного производства содержания устава» [Воронина, 2015, с. 39].

История создания уставов шла непростым путем, Народный комиссариат земледелия стремился удовлетворить все потребности и запросы не только со стороны крестьянства, но и со стороны государства. Так как ключевым был вопрос о землепользовании, именно данный государственный орган был призван решить его. Не имея практического опыта формирования закона, способного урегулировать отношения и деятельность огромной массы крестьян в исконном для России земельном вопросе, Наркомзем старался максимально идеологизировать важнейший правовой источник, сделать его универсальным для всех сфер сельскохозяйственного произ-

водства. Так, были приняты в 1919 году «Примерный устав сельскохозяйственного производственного товарищества», а в 1922 году «Временный устав сельскохозяйственного производственного коллектива», а также другие нормативные источники. Более того, Наркомзем в 1923 году утвердил четырнадцать различных уставов сельскохозяйственных коллективов. В это же время были приняты «Инструкции к составлению сельскохозяйственных коммун» (1918 год), «Положение о регистрации сельскохозяйственных коммун» (1918 год), «Положение об инструкторах» (1918 год), а также ряд других немаловажных правовых источников.

В рамках данной статьи рассмотрены два устава сельскохозяйственных объединений, которые были приняты в рассматриваемый промежуток времени и отражали происходящие изменения в сфере труда крестьян.

Так, Нормальный устав сельскохозяйственных производственных коммун (1919 год) отличается объемной преамбулой, заключенной в Общие положения, в которых разъясняется цель сельскохозяйственных коммун, необходимость ведения борьбы со старым капиталистическим строем, эксплуатацией и угнетением человека человеком, прослеживается мысль о борьбе против частной собственности [Аграрная политика, 1954, с. 433]. Данный источник, в соответствии с господствующей идеологией, пронизан коммунистическими идеями в области прав и интересов пролетариата и деревенской бедноты. Также в указанном источнике присутствует определение Коммуны, которая отождествляется с ячейкой Рабоче-Крестьянского государства в целом. Важно отметить, что Нормальный устав в поддержку Декрета о равенстве содержит пункт, посвященный трудовому равенству женщин и мужчин. В этом ключе, как указывает В. В. Бабашкин, многие вопросы оставались открытыми, в том числе вопросы уравнивания в правах мужчин и женщин [Бабашкин и др., 2016, с. 261]. Стоит отметить установку относительно «лентяев», согласно которой «не желающий трудиться не имеет права есть».

Относительно слабо были регламентированы права на землю, что является существенным минусом документа. Была вложена в устав новелла о создании общих хозяйств (столовых, швейных мастерских, прачечных, детских садов и яслей), но при этом не устанавливался правовой статус объектов недвижимости. Был определен возраст вступления участников в коммуну — 18 лет, с оговоркой, что возрастная норма может быть снижена до 16 лет.

Следует отметить, что положения, касающиеся паевых взносов и управления коммунной, были слабо проработаны. Как отмечает П. А. Якушев, «организационная структура и внутренний распорядок первых коллективных хозяйств были ... неустойчивы» [Якушев, 2010, с. 192]. Но достаточно ин-

интересным является пункт о том, что продолжительность рабочего дня и времени отдыха для всех членов коммуны устанавливалась общим собранием в зависимости от времени года и характера работ в соответствии с Кодексом законов о труде. Указанный пункт особенно важен, поскольку на период принятия указанного устава (1919 год) власть еще не приняла решения рассматривать отдельно, с учетом специфики, труд колхозников и труд рабочих, соответственно, в указанное время на членов коммуны должны были распространяться нормы трудового права, закрепленные в КЗоТ (1918).

В сравнении с Нормальным уставом (1919) Примерный устав земледельческой трудовой артели (1919) представляет собой более лаконичный правовой источник, в который были внесены существенные поправки [Аграрная политика..., 1954, с. 462]. В нем дается определение земледельческой трудовой артели. И при сопоставлении определения Коммуны с тем, которое давалось в Нормальном уставе (1919), можно отметить, что оно представлено более подробно и ориентировано на вопросы обработки общественной земли, многопольной системы, скотоводства и другие виды работ. В Примерном уставе уделяется внимание праву на личное хозяйство, возможности наемного труда, притом что со злоупотреблениями в использовании наемного труда власть решительно боролась [ЦДНИРО, ф. 104, оп. 1, д. 145, л. 3]. Существенно проработан был раздел, посвященный паю, установлен размер, возможные виды, а также сроки расчета. Складывается новое отношение к вопросу о паевых взносах [Якушев, 2009, с. 67]. Отдельно стоит обратить внимание на то, что в Примерном уставе присутствуют элементы наследственного права, санкционные нормы в форме выговоров, штрафов, сверхурочных работ. Один из разделов устава посвящен средствам обеспечения артели, таким образом, законодатель (Наркомзем) сместил точку внимания на весьма проблемный аспект трудовых отношений — организацию коллектива. Как отмечает А. Д. Давыдова, члены коллектива уже приобретают «право на пользование землей и имуществом общего пользования ... также на постройки и сельскохозяйственный инвентарь» [Давыдова, 2018, с. 31].

Итак, анализ двух правовых источников показывает, что, несмотря на достаточно короткий срок принятия этих уставов, власть в лице Наркомзема проводит существенную доработку их, вводит трудовые нормы, регулирующие трудовую деятельность членов хозяйства, также наблюдается последующий отказ от использования Кодекса законов о труде и планомерное выстраивание новой отрасли права — колхозного.

3.3. Обследование трудовых отношений крестьян юга России

Государственный архив Краснодарского края содержит фонд Р60 — «Кубано-Черноморское Областное земельное управление исполнительного ко-

митета Кубано-Черноморского Областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов», который хранит датированные 1920 годом дела, посвященные обследованиям сельско-хозяйственных трудовых артелей и коммун, находившихся на территории Кубано-Черноморской области, они явились документационной базой для анализа применения устава и трудовых отношений крестьян, являющихся членами хозяйств. Обследование проводилось по изготовленным бланкам, содержащим список, состоявший из 79 вопросов. Приведем наиболее показательные результаты.

(1) Обследование сельскохозяйственной трудовой артели «Трудолюбие» в Ейском отделе станицы Успенской показывает, что артель действовала на основании Примерного устава трудовой земледельческой артели, утвержденного 19 мая 1919 года. В устав члены вносили самостоятельные поправки о возможности возврата всего внесенного пая. Артель использовала наемный труд, и для устранения этого явления предлагала принять новых членов. Численный состав — 45 человек, из которых один был пришлый. Профессиональный состав: 18 земледельцев, 1 учитель, 1 кузнец. Артели было выделено 520 десятин земли. Постройки артели ветхие, из инвентаря 3 плуга, 1 культиватор, 4 бороны, 1 сеялка, 2 жнейки, 1 грабли конные и 50 ручные, 2 зерносушилки, 5 саней и т. д. Из посевного материала в наличии были только пшеница, овес и картофель [ГАКК, ф. Р60, оп. 1, д. 561, л. 10—13].

(2) Сельскохозяйственная трудовая артель «Взаимная польза», находящаяся в Ейском отделе станицы Уманской, была создана в 1920 году по причине «желания более производительным путем с применением усовершенствованных способов обработки земли вести сельское хозяйство» [ГАКК, ф. Р60, оп. 1, д. 561, л. 58—66]. Артель была образована на основе Примерного устава, исключений и возможности выхода не было. Содействие органов власти выражалось в выдаче семян и хозяйственных товаров. Отношение населения к артели — недружелюбное; причины, препятствующие слиянию с ближайшими артелями, — собственники-одиночки (имеются в виду единоличники). Артель существовала на свои средства, ссуды не получала. Членов артели всего 48 из них 37 пришлых. Срочно требовалось организовать мастерскую для ремонта инвентаря. Среди построек требуют ремонта 1 дом кирпичный, 2 саманных, 1 конюшня, 1 хлев, 1 кузница и т. д. Мертвого инвентаря: 5 плугов, 1 запашник, 2 культиватора, 8 бороны, 1 сеялка, грабли конные — 2 и т. д., лошадей рабочих — 13 (хотя необходимость была в 18-ти), в наличии корова дойная — 8 (при потребности в 15), овец — 10 (требуется 50), свиней — 10 (надо 15) и т. д. Требовался посевной материал: ячмень, картофель, кукуруза и подсолнух [Там же, л. 58—66]. Имелась кузница, кузнец был принят в члены артели со своим инструментом, где проработал всего 15 дней. Когда был организован профсоюз в станице Уманской,

его насильно взяли из артели в профсоюз. Весь вышедший из строя инвентарь требовал капитального ремонта.

(3) Сельскохозяйственная трудовая артель «Заря» станицы Новодеревянской. Причины вступления: по нужде — 3 семьи и по убеждению — 5 семей. Отчет работы артели не велся за неимением бумаги. Присутствовали случаи выхода из артели из страха перед белыми. Отношение населения к артели враждебное, однако же отношение артели к населению было достаточно патриотическое, выражающееся в желании «доказать превосходство и выгоду коллективного хозяйствования». Артель существовала на основе своего труда, численность — 46 человек, из них 24 земледельца, 1 слесарь, 1 портной, 1 сапожник. Имели 1 плуг, 1 борону, 2 сеялки, 3 грабли конные, 3 веялки, 4 телеги. Владели 11 рабочими лошадьми, 9 дойными коровами, 4 овцами, 3 свиньями, 13 пчелиными ульями [Там же, л. 19—27].

(4) Сельскохозяйственная артель «Красный Пахарь» станицы Капанской. Причины вступления в артель — правильный путь коммуны. За основу был взят Устав земледельческий. Имели место исключения из артели по факту неявки и уклонения от работы. В артели имелось общежитие, большинство строений нуждалось в ремонте. Всего членов — 38 человек, среди которых 1 сапожник. «Мертвого» инвентаря у артели нет. От советской власти переданы 3 лошади, 3 коровы и 6 свиней. Из посевного материала имелось 90 пудов пшеницы [Там же, л. 40—48].

(5) Биографическое письмо членов артели имени Луначарского Таганрогского района также характеризует правовое, экономическое положение и трудовые отношения ее участников [ЦДНИРО, ф. 104, оп. 1, д. 146, л. 22—24 об]. Объединившись в группу, трое товарищей «производили культурный огород и делали подход коллективной жизни в 1920 году, ... в 1922 году удалось организовать артель приняв демобилизованных красноармейцев, вдов и сирот» [Там же]. Письмо освещает трудовой путь и становление артели, бедственное положение с инвентарем и материальным положением.

Подводя итог, следует сказать, что архивные документы достаточно показательны и приводят к выводу, что вступившие в первые ряды коллективизации лица относились к беднейшим слоям населения, для насаждения коллективных хозяйств не хватало сельскохозяйственного инвентаря, семенного фонда, квалификационных кадров, специализированных построек и даже канцелярских принадлежностей. Действительно, подобные проблемы имели место во всех регионах страны, только на юге России эти процессы начались гораздо позже, чем в большинстве регионов, кроме того, южные территории исконно привлекали батрачество, что также сказывалось на характере трудовых ресурсов. Также можно согласиться

с мнением В. В. Кулачкова, что основная масса крестьянства не имела возможности и времени для расширения (правового) кругозора, так как была слишком занята решением насущных проблем повседневной жизни [Кулачков, 2014, с. 186]. Действительно, отстаивание своих прав, особенно трудовых, никогда не было основанием для бунтов и восстаний крестьянства юга России.

4. Заключение = Conclusions

Рассматриваемый период характеризуется тяжелыми и болезненными явлениями, через которые прошло советское крестьянство. Можно согласиться с мнением В. П. Данилова, что процесс коллективизации «перепахал весь жизненный уклад деревни, перестроил производственные отношения и трудовую деятельность крестьян, коренным образом изменил его положение» [Советское ..., 1973, с. 3]. Сомневаться в данной оценке не приходится, многие вековые традиции, привязанные к праздникам, устоям, были отмены, с ними боролись, новая власть их категорично не принимала. При этом даже по истечении времени эффективного механизма «организации труда и материального стимулирования, обеспечения и защиты интересов всех социальных групп колхозного крестьянства» так и не было создано [Наухацкий, 2021, с. 254].

Задавая вопрос, чего же хотела советская власть от крестьянства в этот промежуток времени, мы можем предположить два совершенно противоположных ответа. Так, с одной стороны, крестьянское хозяйство стало кормильцем армии, народа, производителем зерна, при этом данный социальный класс нещадно эксплуатировали, содержали в жестких рамках, допускались нарушения прав. С другой стороны, государство, реализовывая свою экспериментальную аграрную политику, стремилось вывести страну из нищеты и разрухи, позволяя гражданам культурно развиваться, получать бесплатное образование, социальную защиту, рассчитывать на справедливость. При этом нельзя не отметить, что сфера организации, оплаты, охраны труда со стороны государства в коллективных хозяйствах подвергалась регулированию медленно и трудно, существовавшие правовые источники полностью игнорировали институты трудового права.

Достаточно парадоксально выглядит факт того, что в 20-х годах XX века трудовые права рабочих и служащих были защищены, а крестьянство как исконно угнетенную часть населения власть оставила в бесправном положении, совершенно не задумываясь об охране труда крестьянина, заработной плате работников коллективных хозяйств, у которых был ненормированный рабочий день. Ситуация начала меняться с 1930 года в период активной коллективизации и принятия нового устава.

Источники и принятые сокращения

1. *Аграрная политика Советской власти (1917—1918). Документы и материалы.* — Москва : Издательство Акад. наук СССР, 1954. — 552 с.
2. *Беднота* : [газета]. — 1924. — № 182.
3. *Известия ревкома и парткома г. Ейска* : [газета]. — 1920. — № 45.
4. *Красное знамя* : [газета]. — 1920. — № 155.
5. ГАКК — *Государственный архив Краснодарского края фонд Р60* — Кубано-Черноморское Областное земельное управление исполнительного комитета Кубано-Черноморского Областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов.
6. ГАРО — *Государственный архив Ростовской области фонд 1390* — Азово-Черноморское земельное управление.
7. *Победы социалистического сельского хозяйства.* — Москва : Сельхозгиз, 1939. — 160 с.
8. ЦДНИКК — *Центр Документации Новейшей истории Краснодарского края фонд* — Кубанский окружной комитет ВКП(б), фонд 12 — Армавирский окружной комитет ВКП(б), фонд 1075 — Староминский районный комитет КПСС.
9. ЦДНИРО — *Центр Документации Новейшей истории Ростовской области фонд Р104* — Таганрогский Окружной Комитет РКП(б).

Литература

1. *Бабашкин В. В. Эволюция взаимодействия крестьянского двора и коллективных хозяйств в 1920 — начале 1930-х гг. / В. В. Бабашкин, И. В. Гончарова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* — 2016. — № 1. — С. 357—364.
2. *Берлявский Л. Г. Становление государственно-правовых основ советского аграрного строя (1917 — вторая половина 1930-х годов) : обзор исследований / Л. Г. Берлявский // Государство и право.* — 2022. — № 1. — С. 188—202. — DOI: 10.31857/S102694520018443-8.
3. *Большаков А. М. Деревня 1917—1927 / А. М. Большаков.* — Москва : Работник просвещения, 1927. — 486 с.
4. *Воронина Н. П. Соотношение уставного и договорного регулирования в создании и деятельности сельскохозяйственных кооперативов / Н. П. Воронина // Право и современные государства.* — 2015. — № 5. — С. 37—45.
5. *Гладков И. А. Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 годах / И. А. Гладков.* — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1950. — 364 с.
6. *Голубых М. Д. Казачья деревня / М. Д. Голубых.* — Москва : Государственное издательство, 1930. — 312 с.
7. *Давыдова А. Д. Права и обязанности членов колхозного двора как своеобразного субъекта гражданского права в советской России / А. Д. Давыдова // Право и государство: теория и практика.* — 2018. — № 2 (158). — С. 31—35.
8. *Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.) РАН. Институт рос. истории, Университет г. Торонто (Канада) / Н. А. Ивницкий.* — Москва : [б. и.], 2000. — 350 с.
9. *Ильиных В. А. Аграрная политика советского государства в начале 1920-х гг. Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века : сборник статей / В. А. Ильиных.* — Москва : Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. — С. 126—132. — ISBN 978-5-8055-0378-9.

10. Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР / М. А. Краев. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1954. — 721 с.
11. Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения) : Монография / В. В. Кулачков. — Брянск : БГИТА, 2014. — 330 с. — ISBN 978-5-98573-161-3.
12. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР в 3-х томах / П. И. Лященко. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1956. — Т. 3. — 643 с.
13. Маркус Б. Труд в социалистическом обществе / Б. Маркус. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1939. — 308 с.
14. Наухацкий В. В. О некоторых особенностях аграрной политики на начальном этапе коллективизации в Северо-Кавказском крае / В. В. Наухацкий // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века : сборник статей. — Москва : Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. — С. 246—255.
15. Пикалов Д. В. Повседневность труда казачества и крестьянства в годы нэпа в южнорусских станицах и селах (на материалах Ставрополя) / Д. В. Пикалов, В. С. Пикалова, А. С. Гончаров // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2021. — Т. 11. — № 12 (81). — С. 3368—3382. — DOI: 10.35775/PSI.2021.81.12.009.
16. Советское крестьянство. Краткий очерк истории. (1917—1970) / Под редакцией В. П. Данилова. — Москва : Политиздат, 1973. — 592 с.
17. Федина И. М. Агротехнические традиции на Кубани в XIX — начале XX в. / И. М. Федина // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века : сборник статей. — Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. — С. 34—39. — ISBN 978-5-98492-366-8.
18. Шуваев К. М. Старая и новая деревня / К. М. Федина. — Москва : Сельхозгиз, 1937. — 190 с.
19. Якушев П. А. Из истории создания и деятельности сельхозкоммун на территории Смоленской губернии в годы гражданской войны (1918—1921) / П. А. Якушев // Известия Смоленского государственного университета. — 2009. — № 1 (5). — С. 190—198.
20. Якушев П. А. Уставы сельскохозяйственных артелей 1919 и 1920 годов / П. А. Якушев // Альманах современной науки и образования. — 2010. — № 11. — Ч. 2. — С. 66-68.

Material resources

- Agrarian policy of the Soviet government (1917—1918). Documents and materials.* (1954). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 552 p. (In Russ.).
- Documentation Center of the Modern History of the Krasnodar Territory foundation — Kuban District Committee of the CPSU (b), Foundation 12 — Armavir District Committee of the CPSU (b), Foundation 1075 — Starominsky District Committee of the CPSU.* (In Russ.).
- Documentation Center of the Modern history of the Rostov region foundation P104 — Taganrog District Committee of the RCP(b).* (In Russ.).
- News of the revkom and the party committee of Yeysk: [newspaper].* (1920). (In Russ.).
- Red Banner: [newspaper], 155.* (1920). (In Russ.).
- State Archive of the Krasnodar Territory fund P60 — Kuban-Black Sea Regional Land Administration of the Executive Committee of the Kuban-Black Sea Regional Council of Workers, Peasants, Red Army, Cossack and Mountain Deputies.* (In Russ.).

State Archive of the Rostov Region foundation 1390 — Azov-Black Sea Land Administration. (In Russ.).

The poor: [newspaper]. 182. (1924). (In Russ.).

The victories of socialist agriculture. (1939). Moscow: Selkhozgiz. 160 p. (In Russ.).

References

- Babashkin, V. V., Goncharova, I. V. (2016). Evolution of the interaction of the peasant household and collective farms in the 1920s — early 1930s. *Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe*, 1: 357—364. (In Russ.).
- Berlyavsky, L. G. (2022). The formation of the state-legal foundations of the Soviet agrarian system (1917 — the second half of the 1930s): a review of research. *State and Law*, 1: 188—202. DOI: 10.31857/S102694520018443-8. (In Russ.).
- Bolshakov, A. M. (1927). *Village 1917—1927*. Moscow: Worker of Education. 486 p. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (ed.). (1973). *The Soviet peasantry. A brief history sketch. (1917—1970)*. Moscow: Politizdat. 592 p. (In Russ.).
- Davydova, A. D. (2018). The rights and obligations of members of the collective farm yard as a kind of subject of civil law in Soviet Russia. *Law and the State: theory and practice*, 2 (158): 31—35. (In Russ.).
- Fedina, I. M. (2018). Agrotechnical traditions in the Kuban in the XIX — early XX century. In: *State power and the peasantry in the XIX — early XXI century: collection of articles*. Kolomna: State Social and Humanitarian University. 34—39. ISBN 978-5-98492-366-8. (In Russ.).
- Gladkov, I. A. (1950). *Essays on the construction of the Soviet planned economy in 1917—1918*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 364 p. (In Russ.).
- Golubykh, M. D. (1930). *Cossack village*. Moscow: State Publishing House. 312 p. (In Russ.).
- Ilyinykh, V. A. (2021). *Agrarian policy of the Soviet state in the early 1920s. State power and the peasantry in the XIX — early XXI century: collection of articles*. Moscow: Center for Economic History of the IRI RAS. 126—132. ISBN 978-5-8055-0378-9. (In Russ.).
- Ivnitskiy, N. A. (2000). *The repressive policy of Soviet power in the countryside (1928—1933) of the Russian Academy of Sciences. Institute of Russian History, University of Toronto (Canada)*. Moscow: [b. i.]. 350 p. (In Russ.).
- Kraev, M. A. (1954). *Victory of the collective farm system in the USSR*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 721 p. (In Russ.).
- Kulachkov, V. V. (2014). *The peasantry of the Western region of Russia in the 1920s (socio-cultural changes): Monograph*. Bryansk: BGITA. 330 p. ISBN 978-5-98573-161-3. (In Russ.).
- Lyashenko, P. I. (1956). *History of the national economy of the USSR in 3 volumes*, 3. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 643 p. (In Russ.).
- Markus, B. (1939). *Labor in a socialist society*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 308 p. (In Russ.).
- Nauhatsky, V. V. (2021). On some features of agrarian policy at the initial stage of collectivization in the North Caucasus region. In: *State power and the peasantry in the XIX — early XXI century: collection of articles*. Moscow: Center for Economic History of the IRI RAS. 246—255. (In Russ.).
- Pikalov, D. V., Pikalova, V. S., Goncharov, A. S. The daily work of the Cossacks and the peasantry during the years of the NEP in South Russian villages and villages (based on

- the materials of Stavropol). *Issues of national and federal relations*, 11 / 12 (81): 3368—3382. DOI: 10.35775/PSI.2021.81.12.009. (In Russ.).
- Shuvaev, K. M. (1937). *Old and new village*. Moscow: Selkhozgiz. 190 p. (In Russ.).
- Voronina, N. P. (2015). Correlation of statutory and contractual regulation in the creation and activity of agricultural cooperatives. *Law and modern states*, 5: 37—45. (In Russ.).
- Yakushev, P. A. (2009). From the history of the creation and activity of agricultural communes on the territory of the Smolensk province during the Civil War (1918—1921). *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (5): 190—198. (In Russ.).
- Yakushev, P. A. (2010). Charters of agricultural artels of 1919 and 1920. *Almanac of modern science and education*, 11 (2): 66—68. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.08.2022,
одобрена после рецензирования 03.11.2022,
подготовлена к публикации 27.11.2022.

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года
Язык публикации — русский
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH — 485900.
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

10.01.00 Литературоведение

10.02.00 Языкознание

07.00.00 Исторические науки и археология

Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.01.10 Журналистика

10.02.01 Русский язык

10.02.03 Славянские языки

10.02.04 Германские языки

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.07 Этнография, этнология и антропология

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 3—10 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОРЯНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G. Hedges* : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или

диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Abreimova, G. N., Klimova, M. V., Turko, U. I.</i> Words ‘svet’ [Light] and ‘solntse’ [Sun] as Main Representatives of Concept LIGHT in Work of M. M. Prishvin	9
<i>Bitkeeva, A. N., Ivanova, N. I., Kaplunova, M. Ya.</i> Yakut Language in Modern Education System of Republic of Sakha (Yakutia): Actors, Debates, New Challenges	27
<i>Voronina, T. M.</i> Qualities and “Anti-Qualities” of Speech: Representation in Ideographic Dictionary.	46
<i>Guo Lijun, Xu Jiaqi.</i> Gerontolinguistics in China: Origin, Development, Prospects.....	68
<i>Dubova, M. A., Tamazyan, V. A.</i> Verbs of Thought as a Way of Characterizing Hero-Intellectual in Short Prose of A. P. Chekhov and A. I. Kuprin.....	88
<i>Morgoeva, L. B.</i> Lexico-Semantic and Structural Transformations of Biblical Text when Translated into Ossetian Language.	105
<i>Petrukhina, A. V.</i> Linguistic and Didactic Adaptation of Educational Medical Texts for Foreign Students.....	124

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Suslov, I. V., Artamonov, D. S., Faizliev, A. R.</i> Soviet Leaders in Western Media Space	143
<i>Shchetinina, A. V., Semekhina, A. S.</i> Female Friendship: Analysis of Phrase in Media Discourse and Drawing up a Definition.....	163

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Krichevsky, G. A.</i> Epistolary Mechanism and Unreliable Narrator in Novel by V. V. Nabokov “Once in Aleppo...”	179
<i>Laletina, O. S., Khvorostjanova, E. V.</i> “Conservative” Verse by V. V. Nabokov: Specifics of Constructing Verse	196
<i>Nuzhnaya, T. V.</i> Ideological and Artistic Originality of French Children’s Literature of 19 th Century: E. d’Hervilly “Adventures of a Prehistoric Boy”	212
<i>Frolova, N. S.</i> Swahili Poetic Tradition: Main Stages of Development (on Example of Tendi and Mashairi Genres).....	227

HISTORY

<i>Abdrakhmanov, K. A.</i> Tea Trade in Russian Empire in Middle of 19 th Century.....	253
<i>Barabanova, K. S.</i> Green Spaces of Omsk in Late 19 th — Early 20 th Centuries: Projects and Initiatives for Greening City	282

<i>Bezgin, V. B., Yakimov, K. A.</i> “Clerks of Revolution”: Jewish Youth of Province in Events of Civil War (Tambov Province)	301
<i>Igunnov, E. V.</i> State Support for Activities of Siberian (East Siberian) Department of Imperial Russian Geographical Society in Second Half of 19th Century	322
<i>Isabaeva, N. A.</i> Family and Kinship Relations Among Van Kyrgyz.....	339
<i>Karpinets, A. Y.</i> Kiselevsky Coal Mine in Kuzbass in Mid-1930s: Local Periodicals	355
<i>Korzhenevsky, K. B.</i> Russian-Kazakhstan Borderland: from Administrative Borders of Kazakhstan in RSFSR to Modern State Borders	373
<i>Kunina, I. A.</i> Network Aspect of Multilateral Diplomacy.....	392
<i>Starikova, N. V., Shurshikova, A. V., Nochvina, B. A.</i> “Magical” Practices in Daily Life of Nizhny Novgorod Peasants in Second Half of 18th — First Half of 19th Centuries	410
<i>Stepanova, L. G.</i> German Colonists on River Milky Waters of Taurida Province in First Third of 19th Century	428
<i>Suslova, E. D., Ovchinnikova, E. V.</i> Church Parishes of Korelsky District in 16 th — Early 17 th Centuries.....	443
<i>Tishkina, K. A.</i> Activities of Tomsk Mining Circle in Siberia during First World War (1914—1918).....	472
<i>Khamzin, I. R., Ganiev, R. T., Kochnev, A. V.</i> Activity of Russian Entrepreneurs in Field of Tea Production in Yangtze River Valley in Second Half of 19 th Century.....	489
<i>Khronova, I. A.</i> Peasantry of Southern Russia in 1920s.....	508
TO AUTHORS.....	527

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 25.11.2022. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 31,14. Тираж 500 экз. Заказ 25/11-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2022
Свободная цена